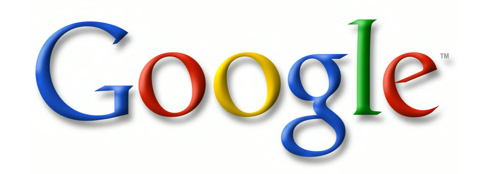

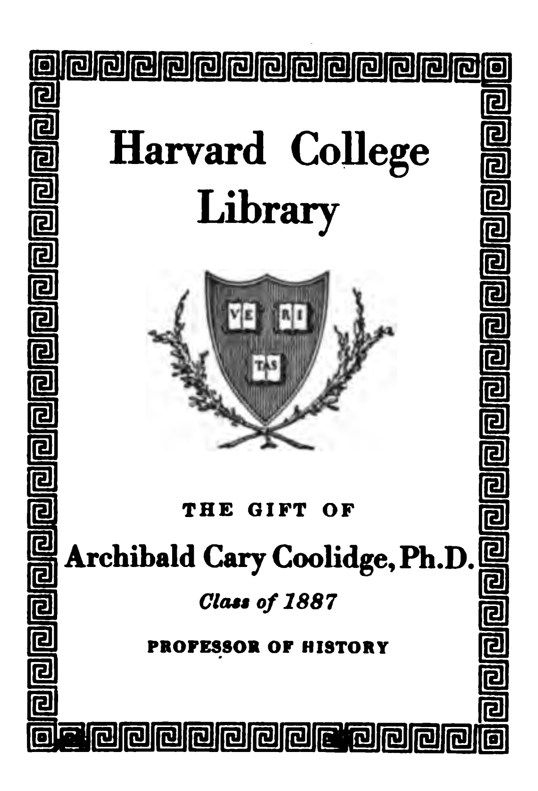
Harvard College
Library
VE RI TAS
THE GIFT OF
Archibald Cary Coolidge, Ph.D.
Class of 1887
PROFESSOR OF HISTORY

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

КНИГА IV.

МОСКВА.

1895.

Москва, типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ХЛѢБЪ*).

(Романъ).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Передъ Ильинымъ днемъ попъ Макаръ устраивалъ «помочь». На покосъ выходило до полуторыхъ сотъ косцовъ. Мужики любили попа Макара и не отказывались поработать денекъ. Да и какъ было не поработать, когда попъ Макаръ крестилъ почти всѣхъ косцовъ, вѣнчалъ, а въ будущемъ долженъ былъ похоронить? За глаза говорили про попа то и сё, а на дѣлѣ выходило другое. Теперь въ особенности популярность попа Макара выросла, благодаря сверженію ига исправника Полуянова.

— Никто же не смѣлъ ему препятствовать, исправнику,—говорили между собой мужики,—а попъ Макаръ устигъ и въ тюрьму посадилъ... Это все одно, что медвѣдю зубы лечить.

Не доволенъ былъ только самъ попъ Макаръ, которому уже досталось на орѣхи отъ нѣкоторыхъ властодержцевъ. Его корили, зачѣмъ погубилъ такого человѣка, и пугали судомъ, когда потребуютъ свидѣтелемъ. Даже такіе друзья, какъ писарь Замараевъ и мельникъ Ермилычъ, замѣтно косились на попа и прямо высказывали свое неудовольствіе.

— Ты бы то подумалъ, попъ, — пенялъ писарь, — ну, пришлютъ новаго исправника, а онъ будетъ еще хуже. Къ этому-то ужь мы всѣ привѣсились и вызнали всякую его повадку, а къ новому-то не будешь знать, съ которой стороны и подойти. Этотъ наѣчился, а новый-то пріѣдетъ голенькій, да голодный, пока наросется.

---

*) *Русская Мысль,* кн. III.

— А ежели онъ, во-первыхъ, хотѣлъ взятку съ меня вымогать? — слабо оправдывался попъ. — Гдѣ это показано, штобы съ поповъ взятки-то брали?

— Ахъ, ты, какой!...—удивлялся писарь.—Да, вѣдь, ежели разобрать правильно, такъ всѣ мы у батюшки-то царя воры и взяточники. Правду надо говорить... Пчелка, и та взятку беретъ.

Нашлись доброхоты и заступники, которые припоминали за Полуяновымъ не мало добра. Конечно, все дѣло по сравненію съ другими. Другіе-то развѣ лучше? Дай-ка имъ такую силу, такъ и не то бы надѣлали. Крутъ былъ Полуяновъ, да за то одходчивъ: разказнитъ и тутъ же помилуетъ. А главное-то, что былъ орелъ орломъ. Съ налёту все бралъ. Складывалась о Полуяновѣ живая легенда, и никто не хотѣлъ вѣрить, что его засудятъ. Судьи-то развѣ слѣпые? Судить, такъ всѣхъ суди, а не одного Полуянова. Мало ли грѣха наберется, а за всѣхъ отвѣчай Полуяновъ одинъ.

Когда мельникъ Ермилычъ заслышалъ о поповской помочи, то сейчасъ же отправился верхомъ въ Суслонъ. Онъ въ послѣднее время вообще сильно волновался и начиналъ не понимать, что дѣлается кругомъ. Только и радости, что поговорить съ писаремъ. Этотъ ужь все знаетъ и всякое дѣло можетъ разсудить. Законъ-то вотъ какъ выучилъ... У Ермилыча было страстное желаніе еще разъ обругать попа Макара, заварившаго такую кашу. Всю округу попъ замутилъ и никто ничего не знаетъ, что дальше будетъ.

Писарь Замараевъ чувствовалъ тоже себя не совсѣмъ хорошо и встрѣтилъ стараго пріятеля довольно сумрачно.

— А я къ тебѣ, Флегонтъ Васильичъ...—замялся Ермилычъ.— Сегодня у попа «помочь».

— Ну?

— Есть у меня словечко ему сказать... Осрамилъ онъ насъ всѣхъ, вотъ что. Ужь я думалъ, думалъ и порѣшилъ: поѣду и обругаю попа.

— Ты дуракъ, Ермилычъ. Вмѣстѣ съ Полуяновымъ хочешь посидѣть?

— Да нѣтъ... Я отъ Писанія буду попа донимать, чтобы онъ чувствовалъ. Невозможно... Поѣдемъ на покосъ.

Писарь сумрачно согласился. Онъ вообще былъ не въ духѣ. Они поѣхали верхами. Поповскій покосъ былъ сейчасъ за Шеинскою Курьей, гдѣ шли заливные луга. Подъ Суслономъ это было одно изъ самыхъ красивыхъ мѣстъ, и суслонскіе мужики смотрѣли на поповскіе луга съ завистью. Съ высокаго праваго берега точно браною зеленою скатертью развертывалась широкая картина. Сей-

часъ она была оживлена сотнями косцовъ, двигавшихся стройною ратью. Ермилычъ невольно залюбовался и со вздохомъ проговорилъ:

— Этакое житье этимъ попамъ!

— Отберутъ,—сумрачно замѣтилъ писарь.—И у попа... У всѣхъ отберутъ.

— У попа-то отберутъ? Да кто это посмѣетъ чужое добро трогать?

— И трогать не будутъ, а самъ отдашь... да. Такіе нынче мудреные народы проявились.

— А, это ты про запольскихъ нѣмцевъ да жидовъ говоришь!... Гм... Д-да-а, нар-родецъ!

Прежде Ключевую подъ Курьей нужно было только на лодкѣ переплывать, а теперь переѣхали въ бродъ, вода едва хватала лошади по брюхо. Писарь опять озлился и, посмотрѣвъ вверхъ по Ключевой къ Прорыву, замѣтилъ:

— Это проклятый колдунъ нашу воду копитъ... Вонъ какъ подперъ всю рѣку! Вотъ навязался тоже чортушка... Настоящій водянбй!

Они поѣхали сначала берегомъ вверхъ, а потомъ свернули на тропу къ косцамъ. Издали уже напахнуло ароматомъ свѣже-скошенной травы. Косцы шли пробившеюся широкою линіей, взмахивая косами вразъ. Получался замѣчательный эффектъ: косы блестѣли на солнцѣ и по всей линіи точно вспыхивала синеватая молнія, врѣзывавшаяся въ зеленую живую стѣну высокой травы. Работа началась съ ранняго утра и нѣсколько десятинъ уже были покрыты правильными рядами свѣжей кошенины.

— А вотъ и попъ!—указалъ Ермилычъ на кусты, изъ-за которыхъ поднималась струйка синяго дыма.

Попъ Макаръ скоро показался и самъ. Онъ вышелъ изъ-за кустовъ въ одной рубашкѣ и жилетѣ. Черная широкополая поповская шляпа придавала ему видъ какого-то гриба или Робинзона изъ дѣтской книжки. Разница заключалась въ тоненькой, какъ крысиный хвостъ, косицѣ, вылѣзавшей изъ-подъ шляпы.

— Поздненько на помочь-то выѣхали, други милые, — попе[...]лъ старикъ, здороваясь съ пріятелями.

— Иже въ девятомъ часу вышли на работу и тѣ получили ту [...] мзду,—отвѣтилъ Ермилычъ, понахватавшійся отъ Писанія.

— То-то вотъ очень ужь много охотниковъ-то до мзды, во-пер[...]хъ, а, во-вторыхъ, надо ее умѣючи брать, ибо и мзда идетъ къ р[...]жамъ.

Поповскій станъ былъ устроенъ очень уютно. Стояли три те-

лѣги съ поднятыми оглоблями, а на нихъ раскинутъ громадный пологъ. Получался импровизированный шатеръ, передъ которымъ курился какой-то сказочный «огонечекъ-малешенекъ». Подъ дымомъ стояла неизмѣнная поповская кобыла, отмахивавшаяся отъ овода куцымъ, точно обгрызеннымъ хвостомъ. Въ телѣгахъ была навезена разная снѣдь и стояла цѣлая бочка домашняго квасу. Три мужика цѣдили квасъ въ деревянныя ведерки и разносили по косцамъ. Попъ Макаръ тревожно поглядывалъ на солнце и думалъ о томъ, управится ли дома попадья вò-время. Легко ли накормить и напоить такую ораву помочанъ. Онъ былъ совсѣмъ не радъ пріѣхавшимъ гостямъ. Не до нихъ было.

— Не въ пору гость хуже татарина, — замѣтилъ Ермилычъ, слѣзая съ лошади. — Что дѣлать, попъ, потерпи... Мы отъ тебя и не это терпимъ.

— А ты опять про Ахава нечестиваго?

— Ахавъ-то Ахавомъ, а прежде старинные люди такъ говорили: доносчику первый кнутъ... Ты это слыхивалъ?

— Ну, а потомъ?—спрашивалъ попъ, снимая свою шляпу.

— Потомъ-то?... А потомъ будемъ говорить такъ: у апостола Павла что сказано насчетъ мзды?

— Разное сказано.

— Нѣтъ, не разное, а пряменько говорится: *дѣлающему мзда не по благодати, а по долгу*,—значитъ, бери, а только выручи. Такъ, Флегонтъ Васильичъ?

— Ничего я не знаю отъ Писанія,—признался писарь.—Вотъ насчетъ закона, извини, могу соотвѣтствовать кому угодно.

— Другъ, тебя научили этому, во-первыхъ, ваши старыя бабы-начетчицы, — заговорилъ попъ Макаръ, — а, во-вторыхъ, други, мнѣ некогда.

Попъ надѣлъ шляпу и пошелъ къ косцамъ. Это было почетное бѣгство, и Ермилычъ захохоталъ.

— Это называется милости просимъ черезъ заборъ шляпой щей хлебать,—объяснилъ писарь, разваливаясь на травѣ.

— А угощенье, которымъ ворота запираютъ, дома осталось... Ха, ха! Ловко я попа донялъ... Ну, нечего дѣлать, будемъ угощаться сами, благо я съ собой захватилъ бутылочку.

Ермилычъ добылъ изъ-за пазухи бутылку съ водкой, серебряный стаканчикъ, а потомъ отправился искать на возу закуски. И закуска нашлась — кочанъ соленой капусты и пшеничный пирогъ съ зеленымъ лукомъ. Лучшей закуски не могло и быть.

— Выпьемъ за здоровье Макара,— предлагалъ Ермилычъ, подавая писарю первый стаканчикъ.—Ловко онъ стрекача задалъ.

Писарь отмалчивался и все хмурился. Они прилегли къ огоньку и предались кейфу. Ермилычъ время отъ времени дрыгалъ ногами и ругалъ надоѣдавшій оводъ.

— У! Чтобы вамъ пусто было, окаяннымъ!

— Да... вообще...—думалъ писарь вслухъ.—Вотъ мы лежимъ съ тобой на травкѣ, Ермилычъ... тамъ, значитъ, помочане орудуютъ... попъ Макаръ ужъ впередъ всѣ свои барыши высчиталъ... да... Такъ еще, значитъ, отцами и дѣдами заведено, по старинкѣ, и вдругъ—ничего!

— Какъ ничего?

— Да такъ... Вотъ ты теперь ѣшь пирогъ съ лукомъ, а вдругъ протянется невидимая лапа и цапъ твой пирогъ. Только и видѣлъ... Ты пасть-то раскрылъ, а пирога ужъ нѣтъ. Не понимаешь? А дѣло-то къ тому идетъ и даже весьма деликатно и просто.

Ермилычъ сѣлъ и съ какимъ-то ожесточеніемъ выпилъ два стаканчика заразъ. Очень ужъ изводилъ его писарь своимъ разговоромъ.

— Ты это все насчетъ Заполья, Флегонтъ Васильичъ, тѣнь наводишь?

— Да насчетъ всего... Ты вотъ думаешь: «далеко Заполье», а оно ужъ тутъ, у тебя подъ носомъ. Однимъ словомъ, все слопаютъ.

— Какимъ же это манеромъ, Флегонтъ Васильичъ?

— А даже очень просто... Хлѣбъ за брюхомъ не ходитъ. Мы-то тутъ дураками печатными сидимъ, да мухъ ловимъ, а они орудуютъ. Взять хоть Михея Зотыча... Съ него вся музыка-то началась. Помнишь, какъ онъ объявился въ Суслонѣ въ первый разъ? Бродяга не бродяга, юродивый не юродивый, а около того... Промежду прочимъ, оказалъ себя поумнѣе всѣхъ. Не даромъ онъ тогда всѣхъ насъ дурачками навеличивалъ и прибаутки свои наговаривалъ. Оно и вышло, какъ по писаному: прямые дурачки. Развѣ такой Суслонъ-то былъ тогда?

— Тебѣ же лучше, Флегонтъ Васильичъ... И народъ умножился, и рукомесло всякое. По зимѣ-то народъ у васъ, какъ вода въ котлѣ кипитъ.

— Глупъ ты, Ермилычъ, свыше всякой мѣры... У тебя вотъ Михей-то Зотычъ сперва-на-перво пшеницу отобралъ, а потомъ Стабровскій рожь уведетъ.

— Всѣмъ хватитъ, Флегонтъ Васильичъ.

— Опять ты глупъ... Раньше-то ты самъ цѣну ставилъ на

хлѣбъ, а теперь будешь покупать по чужой цѣнѣ. Понялъ теперь? Да еще сейчасъ вамъ, мелкотравчатымъ мельникамъ, повадку даютъ, а послѣ-то всѣхъ въ одинъ узелъ завяжутъ... да... А ты сидишь, да моргаешь... «Хорошо», говоришь. Ужь на что лучше... да... Ну, да это пустяки, ежели сурьезно разобрать. Дураковъ учатъ и плакать не велятъ... Похожи есть патреты. Вотъ какъ нашего брата выучатъ!

Для Ермилыча было много непонятнаго въ этихъ странныхъ рѣчахъ, хотя онъ и привыкъ подчиняться авторитету суслонскаго писаря и вѣрилъ ему просто изъ вѣжливости. Развѣ можно не повѣрить этакому-то человѣку, который всякій законъ можетъ разсудить?

— И это еще ничего, Ермилычъ, — ну, отобрали у тебя пшеницу, отобрали рожь... Ничего, говорю. А тутъ они вредную самую штуку удумали... Слышалъ про банкъ-то? Это ужь настоящая музыка. Теперь у меня, напримѣрно, три тыщи капиталу. Государственный банкъ даетъ пять процентовъ. Такъ? А они сейчасъ: бери девять. Лестно тебѣ это или нѣтъ? Конечно, лестно... А они этотъ же самый капиталъ въ оборотъ пустятъ по двадцать четыре процента... Это какъ по-твоему? Силища неочерпаемая. Мнѣ это милые зятья объяснили, Галактіонъ да Карла. Вотъ какое дѣло выходитъ... Всѣхъ заберутъ въ лапы, Ермилычъ, какъ пить дадутъ.

Вмѣсто отвѣта, Ермилычъ упалъ на траву и удушливо захохоталъ.

— Да ты что ржешь-то, свинья?—озлился писарь.

— Удивилъ!... Ха, ха!... Флегонтъ Васильичъ, отецъ родной, удивилъ! А я-то всего беру сто на сто процентовъ... Меньше ни-ни! Дѣло полюбозное: хочешь—не хочешь. Кто шубу принесетъ въ закладъ, кто телѣгу, кто снасть какую-нибудь... Деньги деньгами, да еще отработай... И еще благодарятъ. Понялъ?

Писарь опѣшилъ. Онъ слыхалъ, что Ермилычъ ссужаетъ подъ заклады, но не зналъ, что это уже цѣлое дѣло. И кому въ башку придетъ: какой-то дуракъ мельникъ... Въ концѣ-концовъ, писарь даже обидѣлся, потому что, очевидно, въ дуракахъ оказался одинъ онъ.

II.

Этотъ разговоръ съ Ермилычемъ засѣлъ у писаря въ головѣ клиномъ. Вотъ тебѣ и банкъ!... Ай да Ермилычъ, ловко! Въ Запольѣ свою линію ведутъ, а Ермилычъ свои узоры рисуетъ. Да, штучка

тепленькая, коли на то пошло. Писарю даже сдѣлалось смѣшно, когда онъ припомнилъ родственника Карлу, мечтавшаго о своемъ кусочкѣ хлѣба съ масломъ. Тутъ ужь дѣло пахло не кусочкомъ и не масломъ.

Выпившій почти всю водку Ермилычъ тутъ же и заснулъ, а писарь дождался попа Макара, который пришелъ съ покоса усталый, потный и казавшійся еще меньше, какъ цыпленокъ, нечаянно попавшій въ воду.

— Ну, слава Богу, покончили, — проговорилъ онъ, припадая запекшимися губами къ ведру съ квасомъ.—И по домамъ пора.

— Что же ты насъ-то съ Ермилычемъ не пригласишь въ гости?—обидѣлся писарь, наблюдая попа Макара.

— Чего васъ звать? Сами пріѣдете.

— Все-таки, въ церковь ходятъ по звону, а въ гости по зову.

— Ну, коли такъ, такъ милости просимъ.

— Значитъ, ходите почаще мимо, безъ васъ веселѣе?... Попъ, не гордись... Въ нѣкоторое время и мы съ Ермилычемъ можемъ пригодиться.

— Послушай, да что ты ко мнѣ-то привязался, сѣра горючая?—озлился о. Макаръ.

— Ну, ладно, ладно... И такъ пріѣдемъ.

Солнце еще не сѣло, когда помочане веселою гурьбой тронулись съ покоса. Это было цѣлое войско, а закинутыя на плечо косы блестѣли, какъ штыки. Кто-то затянулъ пѣсню, кто-то подхватилъ, и она полилась, какъ рѣка, выступившая въ половодье изъ своихъ береговъ. Суслонцы всегда возвращались съ помочей съ пѣснями,— такъ ужь велось изстари.

Попъ Макаръ уѣхалъ раньше, чтобы встрѣтить помочанъ у себя въ домѣ, а писарь съ Ермилычемъ возвращались прежнею дорогой. Писарь еще разъ полюбовался поповскими лугами, отъ которыхъ поднимался тяжелый ароматъ свѣже-скошенной травы.

— Эхъ, хорошо!—вслухъ думалъ писарь, приглядывая поемный лугъ изъ-подъ руки.—Неужто же *они* и это слопаютъ?

Мысль была обидная и разстраивала писаря, хотя, благодаря р зговору съ Ермилычемъ, у него явилась слабая надежда на что-т лучшее, на возможность какого-то выхода. Да, еще не все проп ло. Писарской носъ чуялъ какую-то поживу, хотя форма этой п живы еще и не опредѣлилась ясно. Потомъ ему дѣлалось обидно, ч о другіе малыгинскіе зятья всѣ зажили по-новому, кончая Галакт ономъ, и только онъ одинъ остался точно за штатомъ. Конечно, о идно, потому что чѣмъ онъ хуже этихъ другихъ прочихъ? Почище

еще будетъ, только дай срокъ развернуться. Тоже родня называется: хоть бы чѣмъ-нибудь поманили для начала. Писарство уже надоѣло Замараеву, да и времена наступали трудныя. Неизвѣстно, кого еще назначатъ вмѣсто Полуянова, а новая метла всегда чисто начинаетъ мести. Привыкай-ка къ новому начальству, да подлаживайся.

— Эхъ, жисть каторжная! — вздыхалъ Замараевъ, вспоминая Полуянова. — И дернуло тогда попа... Лучше бы, кажется, своими деньгами тогда откупиться.

Вообще, какъ ни поверни — скверно. Придется еще по волости отсчитываться за десять лѣтъ, — грѣха не оберешься. Прежде-то все сходило, какъ по маслу, а нынче еще неизвѣстно, на кого попадешь. Вотъ то ли дѣло Ермилычу: самъ — большой, самъ — маленькій и никого знать не хочетъ.

Первый, кто встрѣтилъ писаря и Ермилыча въ поповскомъ домѣ, былъ Вахрушка.

— Ты, крупа, по какой-такой причинѣ объявился здѣсь? — сердито спросилъ его писарь, все еще имѣвшій на старика «зубъ».

— А ужь такъ, Флегонтъ Васильичъ, — довольно смѣло отвѣтилъ Вахрушка, вытягиваясь по-солдатски. — Куды добрые люди, туды и мы.

— Видно, въ Прорывѣ насчетъ водки плохо? — подсмѣивался Ермилычъ.

— Какая тамъ водка! И въ заведеньи этого составу нѣтъ. Въ томъ родѣ, какъ монастырское положенье.

— Колдунами живете, — ругался писарь. — Только добрыхъ людей морочите.

— Плохая наша ворожба, Флегонтъ Васильичъ. Михей-то Зотычъ того, разнемогся, въ лежку лежитъ. Того гляди, скапутится. А у меня та причина, что ежели онъ помретъ, такъ жалованье мое все пропадетъ. Денегъ-то я еще и не видывалъ отъ него, а ужь второй годъ живу.

— Такъ тебѣ и надо, старому чорту! Зачѣмъ службу настоящую бросилъ? Вотъ теперь и поглядывай, какъ лиса въ кувшинъ.

— Ужь какъ Господь пошлетъ, а я только объ одномъ молюсь, какъ бы я съ него лишняго не взялъ... да. Вотъ теперь попадьѣ пришелъ помогать столы ставить.

Вахрушка не сказалъ главнаго: Михей Зотычъ самъ отправилъ его въ Суслонъ, потому что ждалъ какого-то раскольничьяго старца, а Вахрушка, пожалуй, еще табачище свой запалитъ. Старику все это казалось обиднымъ, и онъ съ горя отправился къ попу Ма-

кару, благо помочь подвернулась. Въ самый разъ дѣло подошло: и попадьѣ подсобить, и водочки съ помочанами выпить. Конечно, непріятно было встрѣчаться съ писаремъ, но ничего не подѣлаешь. Все равно, отъ писаря никуда не уйдешь. Ужь онъ на днѣ морскомъ сыщетъ.

А въ поповскомъ домѣ съ ранняго утра шло настоящее столпотвореніе. Сколько было нужно всего заготовить, чтобы накормить и напоить такую ораву помочанъ! Рябая и толстая попадья Луковна (сокращенное отъ Лукинична) сбилась съ ногъ, несмотря на помощь писарихи Анны Харитоновны. Она обливалась потомъ и бѣгала на погребъ, чтобы перевести духъ и хлебнуть холодненькаго домашняго пивца. Попадья была строга и держала мужа въ ежевыхъ рукавицахъ, а тутъ распинайся для всѣхъ, какъ каторжная. Кромѣ писарихи, ей помогала еще одна, совсѣмъ новая женщина въ Суслонѣ, не имѣвшая оффиціальнаго положенія: это была Арина Матвѣевна, сожительница Емельяна. Она недавно пріѣхала и проживала въ Суслонѣ, не смѣя показать носу на мельницу. Высокая и красивая, она всѣмъ понравилась и попадья принимала ее, какъ будущую жену Емельяна.

— Вотъ помретъ старикъ, тогда Емельянъ и приметъ законъ,— говорила попадья съ увѣренностью опытнаго въ такихъ дѣлахъ человѣка.—Что дѣлать, нашей сестрѣ приходится вотъ какъ терпѣть... И въ законѣ терпѣть, и безъ закона.

Арина Матвѣевна каждый разъ такъ хорошо смущалась отъ такихъ разговоровъ, и попадья ее жалѣла. Хорошо ужь очень застыдится бабочка. Сейчасъ Арина Матвѣевна старалась услужить попадьѣ, чтобы хоть этимъ отплатить ей за доброту.

Появленіе Вахрушки обрадовало попадью больше всего.

— Все-таки, мужчинка, хоть и старо мѣсто,—откровенно объяснила она.—Бабы-то умаялись безъ тебя, Вахрушка... Скудельный сосудъ.

— Ужь постараемся, попадья,—заявилъ Вахрушка.—Старый конь борозды не портитъ.

— А ты бы по первоначалу хлебнулъ пивца холоденькаго, Вахрушка. Кощей-то заморилъ тебя.

— Охъ, заморилъ!

Помощь Вахрушки дала сейчасъ же самые благодѣтельные результаты. Онъ кричалъ на бабъ, ставившихъ столы во дворѣ, чуть не сшибъ съ ногъ два раза попадью, придавилъ лапу поповскому коту, обругалъ поповскую стряпуху,—однимъ словомъ, старался.

Писаря и мельника онъ встрѣчалъ съ внутреннимъ озлобленіемъ, какъ непрошенныхъ гостей.

— Вотъ чортъ принесъ!—жаловался онъ попадьѣ.—Не нашли другого время, а еще мы, да мы... и всякое обращеніе понимаемъ. Лѣзутъ не знамо куда.

— Попъ и то жалился на нихъ,—по секрету сообщила попадья.—Наѣхали, говоритъ, на покосъ и учали меня ругать за исправника.

Впрочемъ, незванные гости ушли въ огородъ, гдѣ у попа была устроена подъ черемухами бесѣдка, и тамъ расположились сами по себѣ. Ермилычъ выкралъ у зазѣвавшейся стряпухи самоваръ и самъ поставилъ его.

— На вольномъ-то воздухѣ вотъ какъ чайку изопьемъ,—говорилъ онъ, раздувая самоваръ.—Еще спасибо попъ-то скажетъ. Дамовъ нашихъ буду отпаивать чаемъ, а то вонъ попадья высуня языкъ бѣгаетъ.

Писарь улегся на траву и ничего не говорилъ. Онъ былъ поглощенъ какою-то тайною мыслью и только угнетенно вздыхалъ.

Поповскій домъ теперь походилъ на крѣпость, занятую непріятелемъ. Пока ужинали, дѣло еще шло ничего, а потомъ началась уже настоящая попойка. Одной водки было выставлено шесть ведеръ, не считая домашняго пива. Глухой сдержанный говоръ во время ѣды быстро смѣнялся пьянымъ галдѣньемъ, крикомъ и пѣснями. Скоро уже ничего нельзя было различить и каждый орудовалъ въ свою голову. Откуда-то явилась балалайка, и подъ ея треньканье поднялась ожесточенная пляска. Мужики галдѣли, бабы визжали и стонала, кажется, самая земля отъ этого пьянаго веселья. Писарь прислушивался къ гомонившей помочи и только покачивалъ головой. Ну, пусть порадуются на послѣдкахъ, а тамъ ужь что Богъ дастъ. Конечно, темный народъ и ничего не понимаетъ. Мысль о томъ, что все отберутъ, засѣла клиномъ въ крѣпкую писарскую голову. Ермилычъ легкомысленно занятъ былъ настоящимъ и постоянно бѣгалъ къ помочанамъ, гдѣ и успѣлъ порядочно выпить. Въ послѣдній разъ онъ вернулся въ сопровожденіи писарихи и Арины Матвѣевны.

— Испейте чайку, мадамы, а то безъ заднихъ ногъ останетесь

Послѣднимъ пришелъ въ садикъ попъ Макаръ, не могшій от усталости даже говорить, а попадью Луковну привели подъ руки.

— Охъ, моченьки не стало!—жаловалась старушка.—До смертыньки умаялась. И кто эти только придумалъ помочи!

— А вы наливочки, матушка,—предлагалъ Ермилычъ.—Вес

устатокъ какъ рукой сниметъ. Эй, Вахрушка, съорудуй насчетъ наливки!

— Слушаю-съ! — отвѣтилъ голосъ Вахрушки неизвѣстно откуда.

Спускалась уже безмолвная лѣтняя ночь. Помочане разбрелись уже по своимъ домамъ. Только издали доносились обрывки пьяныхъ пѣсенъ, да на Ключевой гоготали сторожившіеся гуси. Попъ увелъ Ермилыча въ горницы, а писарь заснулъ на травѣ подъ шумокъ разговоровъ въ бесѣдкѣ. Когда онъ проснулся, было уже совершенно темно и только изъ бесѣдки доносился голосъ попадьи, разсказывавшей что-то безконечное. Писарь прислушался. Рѣчь шла о Галактіонѣ и разныхъ запольскихъ дѣлахъ. Изрѣдка вставляли свое словечко Анна и Арина Матвѣевна. Оказалось, что суслонскія дамы отлично знали рѣшительно все, что дѣлалось въ Запольѣ, всю подноготную: и про Бубниху, съ которой запутался Галактіонъ, и про адвоката Мышникова, усадившаго Полуянова въ острогъ изъ-за Харитины, и про бубновскій конкурсъ, и про банкъ и т. д.

— Вотъ такъ бабы!—изумлялся писарь, протирая глаза.— Откуда только онѣ все вызнали?

— Серафима-то Харитоновна всѣ глаза проплакала,—разсказывала попадья тягучимъ речитативомъ.—Бьетъ онъ ее, Галактіонъ-то. Извѣстно, озвѣрѣлъ человѣкъ. Слышь, Анѳуса-то Гавриловна сколько разовъ наѣзжала къ Галактіону, уговаривала и тоже плакала. Молчитъ Галактіонъ, какъ пень, а какъ теща уѣхала— онъ опять за свое.

— Гордилась Серафима мужемъ, — объясняла Анна.— Вотъ и плачется. За гордость Господь наказалъ.

— И это бываетъ,—согласилась Арина Матвѣевна съ тяжелымъ вздохомъ.—А то, можетъ, Бубниха-то чѣмъ ни на есть испортила Галактіона. Сперва своего мужа уходила, а теперь принялась за чужого.

— Убить ее мало, подлячку. Прежде такихъ-то въ воду бросали.

Потомъ женщины начали говорить шепотомъ. Слышался сдержанный смѣхъ. Часто упоминалось имя Харитины.

«Ахъ, проклятыя бабы!—началъ сердиться писарь.—Это имъ по[illegible]ъ Макаръ навозитъ новостей изъ Заполья да пьяный Карла болтаетъ. Этакое зѣлье эти самыя бабы! До всего-то имъ дѣло».

Дальше писарь узналъ, какъ богато живетъ Стабровскій и какіе порядки заведены у него въ домѣ. Всѣ женщины отъ души жалѣли Устиньку Луковникову, отецъ которой сошелъ съ ума и отдалъ дочь полякамъ.

— Извѣдутъ дѣвку въ конецъ,—говорила попадья.—Сама полячкой сдѣлается, а полячки—злыя-презлыя. Такъ и шипятъ, какъ змѣи подколодныя.

— У Стабровскихъ агличанка всѣмъ дѣломъ правитъ,—объясняла Анна,—тоже, говорятъ, злющая. Ужъ такія теперь дѣла пошли въ Запольѣ, что и ума не приложить. Всѣ умнѣе да мудренѣе хотятъ быть.

Закончилась эта интимная бесѣда своими домашними дѣлами, причемъ досталось на орѣхи суслонскимъ мужьямъ.

— Ну, наши-то совсѣмъ еще ничего не понимаютъ,—говорила попадья.—Да оно и лучше.

— Куда имъ!—смѣялась Анна.—Въ трехъ соснахъ заблудятся!

Это ужь окончательно взбѣсило писаря. Бабы, и тѣ понимаютъ, что попрежнему жить нельзя. Было время, да отошло... да... У него опять заходилъ въ головѣ давешній разговоръ съ Ермилычемъ. Вѣдь, вотъ, человѣкъ удумалъ штуку. И какъ еще ловко подвелъ. Самъ же и смѣется надъ городскимъ банкомъ. Вдругъ писаря осѣнила мысль. А что, если самому на манеръ Ермилыча, да не здѣсь, а въ городѣ? Писарь даже сѣлъ, точно его кто ударилъ, а потомъ громко засмѣялся.

— Ай, батюшка, кто тутъ крещеный? — всполошилась попадья.—Никакъ посторонній мужчина... ай!

А писарь все хохоталъ и, погрозивъ кому-то кулакомъ, проговорилъ:

— Вотъ я вамъ пок-кажу, прохвосты!

Когда писарь вошелъ въ поповскую горницу, тамъ сидѣлъ у стола, схватившись за голову, Галактіонъ. Противъ него сидѣли о. Макаръ и Ермилычъ и молча смотрѣли на него. Завидѣвъ писаря, Ермилычъ молча показалъ глазами на гостя: дескать, человѣкъ не въ себѣ.

III.

Галактіонъ попалъ въ Суслонъ совершенно случайно. Онъ съ Штоффомъ отправился на новый винокуренный заводъ Стабровскаго, совсѣмъ уже готовый къ открытію, и здѣсь услыхалъ, что отецъ болѣнъ. Прямо на мельницу въ Прорывъ онъ не поѣхалъ, а остановился въ Суслонѣ у писаря. Отца онъ не видалъ уже около года и боялся встрѣчи съ нимъ. Къ отцу у Галактіона еще сохранилось какое-то дѣтское чувство страха, хотя сейчасъ онъ совершенно не зависѣлъ отъ него.

Изъ поповскаго дома писарь и Галактіонъ скоро ушли домой. Оба были разстроены, каждый по-своему, и молчали. Первымъ нарушилъ молчаніе писарь, заговорившій съ какимъ-то озлобленіемъ:

— Наладили заводъ Стабровскому? Карла сказывалъ, что годовой выходъ на двѣсти тысячъ ведеръ чистаго спирта. Вотъ ахнетъ такое заведеніе, такъ всѣ наскрозь пропьемся. Только кто и вылокаетъ такую прорву винища.

— Простъ ты, Флегонтъ Васильичъ, и ничего не понимаешь въ такихъ дѣлахъ.

— Простъ, да про себя, Галактіонъ Михеичъ. Даже весьма понимаемъ. Ежели Стабровскій только по двугривенному получитъ съ каждаго ведра чистаго барыша, и то составитъ сумму... да. Сорокъ тысячъ голенькихъ въ годъ. Заводъ-то стóитъ всего тысячъ полтораста,—ну, дивидендъ настоящій. Мы все, братецъ, тоже по-своему-то разсчитали и дѣло вотъ какъ понимаемъ... да. Конечно, у Стабровскаго капиталъ, и всѣ для него стараются.

Галактіонъ засмѣялся наивности писаря.

— А если, Флегонтъ Васильичъ, Стабровскій и не будетъ курить вино на своемъ заводѣ, а дивидендъ получитъ такой-же?

Писарь только захлопалъ глазами, пораженный такою неожиданностью, а потомъ обидѣлся.

— Ты меня и впрямь за дурака считаешь, Галактіонъ Михеичъ.

— Нѣтъ, вѣрно! Ты слыхалъ про винокуренные заводы Прохорова и К°? Тамъ дѣло милліонное, твердое, поставленное. На три губерніи работаетъ и каждый уголокъ у нихъ обнюханъ. Просунься-ка къ нимъ: задавятъ. Такъ?

— Ужъ это что говорить. Силища, извѣстно.

— Маленькіе заводишки Прохоровъ еще терпитъ: ну, подыши. Да и неловко цѣлую округу сцапать. Для счету и оставляютъ такіе заводишки, какъ у Бубнова. А Стабровскій-то серьезный конкуррентъ и съ нимъ разсчеты другіе.

— Рѣзаться будутъ до зла-горя, пока котораго-нибудь не разорвутъ.

Галактіонъ опять засмѣялся и проговорилъ другимъ тономъ:

— Вотъ что, Флегонтъ Васильичъ, ты мужикъ умный и не проболтаешься. Этого еще никто не знаетъ, крóмѣ меня. И самому Стабровскому никогда бы не придумать. А есть тутъ необыкновеннаго ума жидъ Ечкинъ. Его штука. Никто этого не знаетъ, даже Штоффъ, а я сообразилъ, когда по дѣламъ бубновскаго конкурса ѣздилъ на прохоровскіе заводы. Ахъ, уменъ Ечкинъ! Ему мини-

стромъ быть. Видишь, какая тутъ штука: Прохоровъ забралъ силу, а Ечкинъ и высчиталъ, что его можно поджать, и даже очень. Разсчетъ въ хлѣбномъ рынкѣ и въ провозной платѣ. Если поставить заводъ ближе къ хлѣбу, такъ у каждаго пуда можно натянуть двѣ-три копѣйки—вотъ тебѣ разъ, а второе, везти сырой хлѣбъ или спиртъ—тоже три-четыре копѣйки барыша... да... Вотъ ужь тебѣ тысячъ пятнадцать-двадцать Стабровскій имѣетъ за здорово живешь и можетъ выдерживать конкурренцію. Такъ? Теперь какой разсчетъ у Прохорова затягивать себѣ петлю на шею? Ечкинъ и придумалъ. Я это только одинъ понимаю, и ты молчи до поры. Онъ устроитъ такъ, что Стабровскій будетъ получать съ Прохорова отступную побольше сорока-то тысячъ. Обоимъ будетъ выгодно. А чуть Прохоровъ на дыбы, Стабровскій заводъ пуститъ. Понялъ теперь?

Писарь сѣлъ и смотрѣлъ на Галактіона восторженными глазами. Господи, какіе умные люди бываютъ на бѣломъ свѣтѣ! Потомъ писарю сдѣлалось вдругъ страшно: Господи, какъ же простецамъ-то жить? Онъ чувствовалъ себя такимъ маленькимъ, глупымъ, несчастнымъ.

— А мы-то!—проговорилъ онъ съ тяжелымъ вздохомъ и только махнулъ рукой.—Однимъ словомъ, родимая мамынька, зачѣмъ ты только на свѣтъ родила раба Божія Флегонта? Какъ же намъ-то жить, Галактіонъ Михеичъ? Вѣдь, этакъ и впрямь слопаютъ, со всѣмъ потрохомъ.

— Ничего, поживемъ. На всякую загадку есть своя отгадка.

Писаря охватила жажда подѣлиться мучившею его мыслью. Откровенность Галактіона подзадорила его. Онъ началъ разговоръ издалека, съ поповской помочи, когда съ Ермилычемъ пилъ водку на покосѣ.

— Какъ это онъ мнѣ сказалъ про свой-то банкъ, значитъ, Ермилычъ, меня точно осѣнило. А возьму, напримѣрно, я, да и открою ссудную кассу въ Запольѣ, какъ ты полагаешь? Деньжонокъ у меня скоплено тысячъ за десять, вотъ рухлядишку по боку,—ну, близко къ двадцати набѣжитъ. Есть другіе мелкіе народы, которые прячутъ деньжонки по подпольямъ... да. Однимъ словомъ, оборочусь.

— Грязное дѣло, Флегонтъ Васильичъ. Бѣдноту да голь обирать.

— Ахъ, какой ты! Съ богатыхъ-то вы все оберете, а намъ ужь голенькіе остались. Только бы на ноги встать, вотъ главная причина. У тебя вонъ пароходы въ башкѣ плаваютъ, а мы по сухому бережку съ молитвой будемъ ходить. Только бы мало-мало въ люди

выбраться, чтобы передъ другими не стыдно было. Надоѣло ужь подъ начальствомъ сидѣть, а при своемъ дѣлѣ самъ—большой, самъ—маленькій. Такъ я говорю?

— Нечистое дѣло, Флегонтъ Васильичъ.

— Э, деньги одинаковы! Только бы нажить. Вѣдь, много ли мнѣ нужно, Галактіонъ Михеичъ? Я да жена — и все тутъ. А безъ дѣла обидно сидѣть, потому какъ чувствую призваніе. А деньги будутъ, можно и на церковь пожертвовать, и слѣпую богадѣльню устроить, мало ли что!

— Что же, начинай.

— Одобряешь, значитъ?

У Галактіона вдругъ сдѣлалось скучное лицо, и онъ нахмурился. Писарь понялъ, откуда нанесло тучу, и разсказалъ, что̀ давеча болтала попадья съ гостями.

— Откуда только вызнаютъ эти бабы!—удивлялся писарь и, хлопнувъ Галактіона по плечу, прибавилъ:—А ты не сумлѣвайся. Безъ стыда лица не износишь, какъ сказывали старинные люди, а перемелется—мука̀ будетъ.

— Нечего сказать, хороша мука̀. Удивительное это дѣло, Флегонтъ Васильичъ: пока хорошо съ женой жилъ—все въ черномъ тѣлѣ состоялъ, а тутъ какъ ошибочку сдѣлалъ—точно дверь распахнулъ. Даромъ деньги получаю. А жену жаль, и ребятишекъ. Несчастный я человѣкъ... себѣ не радъ съ деньгами.

— Сило̀мъ женили—съ нихъ и взыскъ.

— Ничего я не знаю, а только сердце горитъ. Вотъ къ отцу пойду, а самъ волкъ волкомъ. Ужь до него тоже пали разные слухи, начнетъ выговаривать. Эхъ, пропадай все пропадомъ!

Этотъ случайный разговоръ съ писаремъ подѣйствовалъ на Галактіона успокоивающимъ образомъ. Кажется, ничего особеннаго не было сказано, а какъ-то легче на душѣ. Именно въ такомъ настроеніи онъ поѣхалъ на другой день утромъ къ отцу. По дорогѣ встрѣтился Емельянъ.

— А, здравствуй, Емельянъ! Ну, какъ поживаете?

— Да ничего,—замѣтилъ Емельянъ и замялся.—Ты бы того, Галактіонъ, повременилъ, а то у родителя этотъ старецъ сидитъ.

— Ну, и пусть сидитъ... Авось, не съѣдимъ другъ друга.

Галактіонъ какъ-то чутьемъ понялъ, что Емельянъ ѣдетъ съ мельницы украдомъ, чтобы повидаться съ женой, и ему сдѣлалось жаль брата. Вся у нихъ семья какая-то такая, точно всѣ прячутся другъ отъ друга.

— До свиданія,—проговорилъ Емельянъ, видимо вырвавшійся на минутку.—Увидимся на мельницѣ.

— Ладно, пріѣзжай.

Галактіонъ давно собирался къ отцу, но все откладывалъ, а сегодня ѣхалъ совершенно спокойно. Чему быть, того не миновать.

Михей Зотычъ лежалъ у себя въ горницѣ на старой деревянной кровати, прокрытой войлокомъ. Онъ сильно похудѣлъ, измѣнился, а, главное, точно весь выцвѣлъ. Въ лицѣ не было ни кровинки. Даже носъ заострился, и глаза казались больше.

— А, вспомнилъ отца!—заговорилъ онъ равнодушно, когда Галактіонъ вошелъ.

— Случайно узналъ, папаша, что вы больны. Отчего вы мнѣ ничего не написали? Я сейчасъ же пріѣхалъ бы...

— Что писать-то, милый сынъ? Какой я писатель? Вотъ смерть приходила... да. Собрался было совсѣмъ помирать, да, видно, еще отсрочка вышла. Охъ, грѣхи наши тяжкіе!

— Прежде смерти никто не помретъ,—отвѣтилъ изъ угла старецъ, котораго Галактіонъ сейчасъ только замѣтилъ.—А касаемо грѣховъ, это ты вѣрно, Михей Зотычъ. Пора міръ-то бросать, а о душѣ тягчать.

Это былъ тотъ самый старецъ, который былъ у Галактіона съ увѣщаніемъ. Галактіонъ сдѣлалъ видъ, что не узналъ его.

— Охъ, пора!—стоналъ Михей Зотычъ, тяжело повертываясь на своемъ жесткомъ ложѣ.—Много грѣховъ, старче... Вотъ какъ мышь въ муку заберется, такъ и я въ грѣхахъ.

— Не за себя одного дашь отвѣтъ,—отозвался сердито старецъ.—Говорю: пора... Спохватишься, да какъ бы не опоздать. Мірское у тебя на умѣ.

Старецъ разсердился безъ всякой причины и вышелъ, хлопнувъ дверью. Михей Зотычъ закрылъ глаза и улыбнулся.

— Въ скиты меня тащатъ — заговорилъ онъ,—да... Оно и пора бы, ежели бы... Зачѣмъ ты сюда-то пріѣхалъ, Галактіонъ?

— На заводѣ былъ у Стабровскаго, папаша. По пути и сюда завернулъ.

— Нанялся къ Стабровскому въ подрушные?

— Нѣтъ, я такъ... У меня свое дѣло.

— Хорошее дѣло, сыночекъ.

— Какое ужъ есть... Не помирать же съ голоду.

— Отцу не хотѣлъ служить, а бѣсу служишь. Ну, да это твое дѣло... Самъ не маленькій и правую руку отъ лѣвой отличишь.

Галактіонъ замеръ, ожидая, что отецъ начнетъ выговаривать ему относительно жены, но Михей Зотычъ закрылъ глаза и опять улыбнулся.

— Думалъ: помру,—думалъ онъ вслухъ.—Тяжело душенькѣ съ грѣшнымъ тѣломъ разставаться... Охъ, тяжело! Ну, лежу и думаю: только, вѣдь, еще жить началъ... Раньше-то въ египетской работѣ состоялъ, а тутъ на себя... да...

Съ трудомъ облокотившись на подушку, старикъ прибавилъ другимъ голосомъ:

— А я два мѣста подъ мельницы арендовалъ, Галактіонъ. Одно-то на Ключевой, пониже Ермилыча, а другое на притокѣ.

— Для чего же тебѣ еще двѣ мельницы?

— Ну, ужь это не твое дѣло.

— Что же, я могу составить тебѣ планы и смѣты, а выстроете и безъ меня. У меня своего дѣла по горло.

Старикъ посмотрѣлъ на сына прищуренными глазами, какъ дѣлалъ, когда сердился, но сдержалъ себя и проговорилъ дѣловитымъ тономъ:

— Сами управимся, Богъ дастъ... а ты только планъ наведи. Не слѣдовало бы тебѣ по-настоящему такъ съ отцомъ разговаривать,—ну, да ужь Богъ съ тобой... Яйца умнѣе курицы по нынѣшнимъ временамъ.

Галактіонъ провелъ цѣлый день у отца. Все время шелъ дѣловой разговоръ. Михей Зотычъ не выдалъ себя ни однимъ словомъ, что знаетъ что-нибудь про сына. Можетъ быть, тутъ былъ свой разсчетъ, можетъ быть, нежеланіе вмѣшиваться въ чужія семейныя дѣла, но Галактіону отецъ показался немного тронутымъ человѣкомъ. Онъ помѣшался на своихъ мельницахъ, и больше ничего знать не хотѣлъ.

Вечеромъ Галактіона поймалъ Симонъ.

— Братецъ, совсѣмъ вы забыли насъ,—жаловался онъ.—А мы тутъ померли отъ скуки... Емельянъ-то уѣзжаетъ по ночамъ въ Суслонъ, а я все одинъ. Хоть бы вы меня взяли къ себѣ въ Заполье, братецъ... Ужь я бы какъ старался.

— Погоди, вотъ самъ сначала устроюсь... Тебѣ Харитина кланяется.

— Станетъ она думать обо мнѣ, братецъ! На всякій случай скажите поклончикъ, что, молъ, есть такой несчастный молодой человѣкъ, который жисть свою готовъ за васъ отдать. Такъ и скажите, братецъ.

— Сладко ужъ очень, а я не умѣю такъ говорить,—отшучивался Галактіонъ.

Потомъ Галактіонъ съ неожиданною нѣжностью обнялъ брата и проговорилъ:

— Симонъ, бойся проклятыхъ бабъ. Всякое несчастіе отъ нихъ... да. Вотъ смотри на меня и казнись. У насъ ужъ такая роковая семья... Счастья нѣтъ.

Съ отцомъ Галактіонъ разстался совсѣмъ сухо, какъ чужой.

Емельянъ поѣхалъ провожать Галактіона и всю дорогу имѣлъ видъ человѣка, приготовившагося сообщить какую-то очень важную тайну. Онъ даже откашливался, кряхтѣлъ и поправлялъ воротъ ситцевой рубахи, но такъ ничего и не сказалъ. Галактіонъ все думалъ объ отцѣ и приходилъ къ заключенію, что старикъ серьезно повихнулся.

IV.

Галактіонъ отъѣхалъ уже цѣлыхъ полстанціи отъ Суслона, какъ у него вдругъ явилось страстное желаніе вернуться въ Прорывъ. Да, нужно было все сказать отцу.

— Поворачивай!—крикнулъ онъ ямщику такимъ голосомъ, что тотъ оглянулся.—Да живѣе!

Какое-то странное волненіе охватило Галактіона, точно онъ боялся чего-то не довезти и потерять дорогой. А потомъ эта очищающая жажда высказаться, выложить всю душу... Ему сдѣлалось даже страшно при мысли, что отецъ могъ вдругъ умереть и онъ остался бы навсегда съ тяжестью на душѣ.

Симонъ испугался, когда увидѣлъ вернувшагося Галактіона,— у него было такое страшное лицо. Онъ еще не видалъ брата такимъ.

— Что случилось, Галактіонъ?

— Ничего... Забылъ переговорить съ отцомъ объ одномъ дѣлѣ.

Михей Зотычъ, наоборотъ, нисколько не удивился возвращенію Галактіона. Скитскій старецъ, попрежнему, сидѣлъ въ углу, и Галактіонъ обрадовался, что онъ здѣсь, какъ живой посредникъ между нимъ и отцомъ.

— Чего позабылъ?—грубо спросилъ Михей Зотычъ, улыбаясь.

— Чего забылъ?—точно рванулъ Галактіонъ.—А вотъ это самое... да. Вѣдь, я домой поѣхалъ, а дома-то и нѣтъ... жена постылая въ дому... родительское благословеніе, навѣки нерушимое... Вотъ я и вернулся, чтобы сказать... да... сказать. Вѣдь, всѣ знаютъ, не скроешь. А только никто не знаетъ, что у меня вся душенька выболѣла.

— А ты всѣмъ скажи: отецъ, молъ, родной виноватъ,—добавилъ Михей Зотычъ съ прежнею улыбкой.—Отецъ насильно женилъ... Ну, и будешь правъ, да еще тебя-то пожалѣютъ, особливо которыя бабы ежели съ жиру бѣсятся. Чужіе-то люди жалостливѣе.

— Хорошо тебѣ наговаривать, родитель, да высмѣивать,—какъ-то застоналъ Галактіонъ,—да. А я вотъ и своей-то постылой жизни не радъ. Хлопочу, работаю, тороплюсь куда-то, а все это одна видимость... у самого пусто, вотъ тутъ пусто.

— Ишь, какъ ты разлакомился тамъ, въ Заполья!—засмѣялся опять Михей Зотычъ.—У васъ, вѣдь, тамъ всѣ празные и одинъ лучше другого, потому какъ ни Бога, ни чорта не знаютъ... Жиды да табашники, да потворщики, да жалостливыя бабешки.

Галактіонъ вскочилъ со стула и посмотрѣлъ на отца совсѣмъ дикими глазами. О, какъ онъ сейчасъ его ненавидѣлъ, органически ненавидѣлъ вотъ за эту безжалостность, за смѣхъ, за самоувѣренность,—вѣдь, это была его собственная несчастная судьба, которая смѣялась. надъ нимъ въ глаза. Потомъ у него все помутилось въ головѣ. Ему такъ много было нужно сказать отцу, а выходило совсѣмъ другое и языкъ говорилъ не то. Галактіонъ вдругъ обезсилѣлъ и безпомощно посмотрѣлъ кругомъ, точно искалъ поддержки.

— А въ Кирилловой книгѣ сказано,—отозвался изъ угла скитскій старецъ:—«Да не будемъ къ тому младенцы умомъ, скитающися во всякомъ вѣтрѣ ученія, во лжи человѣческой, въ коварствѣ козней льщенія. Блюдемъ истинствующе въ любви».

— Это ежели у кого совѣсть,—добавилъ Михей Зотычъ смиреннымъ тономъ.—А у насъ злоба и ярость.

— Смѣйся, родитель. Да, смѣйся!—крикнулъ Галактіонъ.—А надъ кѣмъ смѣешься-то?

— Слышишь, старче, какъ нынче дѣтки съ родителями разговоры разговариваютъ?—обратился Михей Зотычъ къ своему гостю.—Ну, сынокъ, скажи еще что-нибудь.

— И скажу! Отъ кого плачется Серафима Харитоновна? Отъ кого домъ у меня пустуетъ? Кто засиротилъ малыхъ дѣтушекъ при живомъ отцѣ-матери? Отъ кого мыкается по чужимъ дворамъ Емельянова жена, какъ безпастушная скотина? Вся семья врозь пошла.

— А вотъ помру, такъ всѣ поправитесь,—ядовито отвѣтилъ Михей Зотычъ, тряхнувъ головой.—Умнѣе отца будете жить. А сейчасъ-то надо бы тебя, милый сынокъ, отправить въ волость, да всыпать горячихъ штукъ полтораста, да прохладить потомъ въ холодной недѣльки съ двѣ. Эй, Вахрушка!

На счастье Галактіона, Вахрушки не случилось дома, и онъ могъ убраться изъ-подъ гостепріимной родительской кровли цѣлъ и невредимъ.

— Ужо въ городъ пріѣду къ тебѣ въ гости!—крикнулъ ему вслѣдъ Михей Зотычъ, напрасно порываясь подняться.—Тамъ-то не уйдешь отъ меня... Найдемъ и на тебя управу!

Когда подъ окнами проѣхала дорожная повозка Галактіона, скитскій старецъ проговорилъ:

— А ты напрасно изводишь сына-то, Михей Зотычъ. На какомъ деревѣ птицы не сиживали, такъ и грѣхи на человѣкѣ. А бабій-то грѣхъ за порогомъ... Подуритъ, да домой воротится.

— А ежели я его люблю, вотъ этого самаго Галактіона? Отъ того и женилъ за благо-время и денегъ не далъ, когда въ отдѣлъ онъ пошелъ... Вѣдь, умница Галактіонъ-то, а когда въ силу войдетъ, такъ и никого бояться не будетъ. Теперь-то вонъ какъ въ немъ совѣсть ходитъ... А тутъ еще отецъ ему спуску не даетъ. Такъ-то, отче!

Всю дорогу до Заполья Галактіонъ ѣхалъ точно въ какомъ-то туманѣ. Съ отцомъ вышло какое-то дикое объясненіе, и онъ не могъ высказать того, что хотѣлъ. Свою душевную тяжесть онъ везъ обратно съ собой. Теперь у него не выходила изъ головы жена. Какая-то жгучая жалость охватывала его сердце, а глаза видѣли заплаканное, прежде времени старившееся лицо. Галактіону дѣлалось совѣстно за свое поведеніе. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ онъ зорилъ свой собственный домъ? Кстати, и съ Прасковьей Ивановной все кончилось такъ же быстро, какъ началось. Они не сошлись характерами. Прасковья Ивановна жаждала безусловнаго повиновенія, а Галактіонъ не умѣлъ поддаваться, да и не любилъ ее настолько, чтобы исполнять каждый женскій капризъ. Положимъ, Прасковья Ивановна была и красива, и молода, и пикантна, но это было совсѣмъ не то. Изъ-за нея для Галактіона выдвигалось постоянно другое женское лицо, ласковое и строгое, съ такими властными глазами и какою-то глубокою внутреннею полнотой. Подъ этимъ взглядомъ онъ чувствовалъ себя какъ-то и хорошо, и жутко, и спокойно, точно въ ясное солнечное лѣтнее утро, когда все кругомъ радуется. Прасковья Ивановна сама догадалась, что изъ этой связи ничего не выйдетъ, и объявила Галактіону безъ слезъ и жалобъ, дѣловымъ тономъ:

— Идите вы, Галактіонъ Михеичъ, къ женѣ... Соскучилась она безъ васъ, а мнѣ съ вами скучно. Будетъ... Какъ-никакъ, а,

все-таки, я мужняя жена. Вотъ мужъ помретъ, такъ, можетъ, и замужъ выйду.

— За Мышникова?

— Ужь какая судьба выпадетъ. Вотъ вы гонялись за Харитиной, а попали на меня. Значитъ, была одна судьба, а сейчасъ вамъ выходитъ другая: отъ воротъ поворотъ.

Такъ и разстались, и ни которому ни тепло, ни холодно не сдѣлалось.

Именно съ такими мыслями возвращался въ Заполье Галактіонъ и послѣднюю станцію особенно торопился. Ему хотѣлось поскорѣе увидѣть жену и дѣтей. Да, онъ соскучился о нихъ. На дѣтей въ послѣднее время онъ обращалъ совсѣмъ мало вниманія, и ему дѣлалось совѣстно. И жены совѣстно. Подъѣзжая къ городу, Галактіонъ рѣшилъ, что все разскажетъ женѣ, все до послѣдней мелочи, вымолитъ прощеніе и заживетъ по-новому.

— Эй, ямщикъ, живѣе!

Но въ Запольѣ его ожидалъ неожиданный сюрпризъ. Дома была одна кухарка, которая и объявила, что дома никого нѣтъ.

— Какъ никого?

— Да такъ. Серафима Харитоновна забрала ребятокъ и увезла ихъ къ тятенькѣ. Сказала, што сюда не вернется.

Это былъ настоящій ударъ. Въ первый моментъ Галактіонъ не понялъ хорошенько всей важности случившагося. Именно этого онъ никакъ не ожидалъ отъ жены. Но опустѣвшія комнаты говорили краснорѣчивѣе живыхъ людей. Галактіона охватило озлобленное отчаяніе. Да, теперь все порвалось и навсегда. Возврата уже не было.

— Что же, самъ виноватъ,—вслухъ думалъ Галактіонъ.— Такъ и должно было быть... Серафимѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ уйти.

Долго Галактіонъ ходилъ по опустѣвшему гнѣзду, переживая щемящую тоску. Особенно жутко ему сдѣлалось, когда онъ вошелъ въ дѣтскую. Вотъ и забытыя игрушки, и пустыя кроватки, и дѣтскіе костюмчики на стѣнѣ... Чѣмъ бѣдныя дѣтки виноваты? Галактіонъ присѣлъ къ столу съ игрушками и заплакалъ. Ему сдѣлалось страстно жаль дѣтей. У другихъ-то все по-другому, а вотъ эти будутъ сиротами рости при отцѣ съ матерью... Нѣтъ, хуже! Ахъ, несчастныя дѣтки, несчастныя!

Много передумалъ Галактіонъ за эти часы, пока не перешелъ къ самому близкому. Да, теперь ужь, вѣроятно, цѣлый городъ знатъ, что жена ушла отъ него. Худыя вѣсти не лежатъ на мѣстѣ.

Какъ онъ теперь въ люди глаза покажетъ? Вѣдь, всѣ будутъ па него пальцами указывать. Чувство жалости къ женѣ смѣнилось теперь затаеннымъ озлобленіемъ. Да, она хотѣла устроить ему скандалъ и устроила въ полной формѣ. Хуже ничего не могла придумать. И опять отъ этого скандала хуже будетъ все тѣмъ же несчастнымъ дѣтямъ. Если бы Серафима по-настоящему любила дѣтей, такъ никогда бы такъ не сдѣлала.

«Ну, ушла къ отцу, что же изъ этого? — раздумывалъ Галактіонъ.—Ну, будутъ дѣти рости у дѣдушки, что же тутъ хорошаго? Пьянство, безобразіе, постоянные скандалы. Ахъ, Серафима, Серафима!»

Галактіонъ дождался сумерокъ и отправился къ Малыгинымъ. Онъ ужасно боялся, чтобы не встрѣтить кого-нибудь изъ знакомыхъ, и нарочно обошелъ самыя людныя улицы, какъ воръ, который боится собственной тѣни.

Его неожиданное появленіе въ малыгинскомъ домѣ произвело настоящій переполохъ, точно вошелъ разбойникъ. Встрѣтившая его на дворѣ стряпка Аграфена только ахнула, выронила изъ рукъ горшокъ и убѣжала въ кухню. Сама Анѳуса Гавриловна заперлась у себя въ спальнѣ. Принялъ зятя на террасѣ самъ Харитонъ Артемьичъ, бывшій, по обыкновенію, на-веселѣ.

— Ну, милый зятекъ, какъ мы будемъ съ тобой разговаривать?—бормоталъ онъ, размахивая рукой.—Оно тово... да... Наградилъ Господь меня зятьками, нечего сказать. Одинъ въ тюрьмѣ сидитъ, отъ другого жена убѣжала, третій... Настоящій альбомъ! Истинно благословилъ Господь за родительскія молитвы.

— Поговоримте серьезно, Харитонъ Артемьичъ.

— Да ты съ кѣмъ разговариваешь-то, путаная голова?— неожиданно закричалъ старикъ.—Вотъ сперва свою дочь вырости... да. А у меня съ тобой короткій разговоръ: вонъ!

Старикъ даже затопалъ ногами и выбѣжалъ съ террасы. Галактіонъ чувствовалъ, какъ онъ вѣсь холодѣетъ, а въ глазахъ стоитъ какая-то муть. Харитонъ Артемьичъ сбѣгалъ въ столовую, хлопнулъ рюмку водки сверхъ абонемента и вернулся уже въ другомъ настроеніи.

— Вотъ что, Галактіонъ, неладно... да.

— Я и самъ знаю, что хорошаго ничего нѣтъ. А только вотъ дѣти.

— Ахъ, нехорошо, братъ!... И мы не безъ грѣха прожили... всячески бывало. Только оно тово... Вотъ ты вырости свою дочь... Да, выррости!...

Старикъ опять закричалъ и затопалъ ногами, но въ этотъ критическій моментъ явилась на выручку Анѳуса Гавриловна. Она вошла съ опущенными глазами и старалась не смотрѣть на зятя.

— Иди-ка ты, отецъ, къ себѣ лучше,—проговорила старушка съ рѣшительнымъ видомъ, какого Галактіонъ не ожидалъ.—Я ужь сама.

— Что же, я и уйду, — согласился Харитонъ Артемьичъ.— Тошно мнѣ глядѣть-то на всѣхъ васъ. Разорвалъ бы, кажется, всѣхъ. Наградилъ Господь. Что я тебѣ по-настоящему-то долженъ сказать, Галактіонъ? Какія такія слова я долженъ выговаривать? Да я...

— Ну, иди, иди, Харитонъ Артемьичъ.

— И уйду. А ты, Ѳуса, не вѣрь ему, ни единому слову не вѣрь, потому нынѣшніе-то зятья... тьфу!

Когда Харитонъ Артемьичъ вышелъ съ террасы, наступила самая томительная пауза, показавшаяся Галактіону вѣчностью. Анѳуса Гавриловна присѣла къ столу и тихо заплакала. Это было самое худшее, что только можно было придумать. У Галактіона даже заныло подъ ложечкой и вылетѣли изъ головы всѣ слова, какія онъ хотѣлъ сказать тещѣ.

— Вся надежда у меня только на тебя была, Галактіонъ,— заговорила Анѳуса Гавриловна, не вытирая слезъ, — да. А ты вотъ что придумалъ.

— Межь мужемъ и женой одинъ Богъ судья, мамаша, а вторая причина... Эхъ, да что тутъ говорить! Все равно, не поймете. Съ добромъ я ѣхалъ домой, хотѣлъ женѣ во всемъ покаяться и зажить по-новому, а она меня на весь городъ ославила. Кому хуже-то будетъ?

— Самъ же запустошилъ домъ и самъ же похваляешься. Не хорошо, Галактіонъ, а за чужія-то слезы Богъ найдетъ. Пришелъ ты, а того не понимаешь, что я и разговаривать-то съ тобой по-настоящему не могу. Я-то скажу правду, а ты со зла все на жену переведешь. Мудрено съ зятьями-то разговаривать. Вотъ выдай свою дочь, тогда и узнаешь.

Галактіонъ заходилъ по террасѣ, какъ раненый звѣрь. Потомъ онъ тряхнулъ волосами и проговорилъ:

— Вотъ что, мамаша, кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ. Ничего больше не будетъ. У Симы я самъ выпрошу прощенье, только вы ее не разстравляйте. Не ее, а дѣтей жалѣю. И вы меня простите. Такъ ужь вышло.

V.

Жена вернулась къ Галактіону, но этимъ дѣло не поправилось. Супруги встрѣтились затаенными врагами, прикованными на одну цѣпь. Серафима понимала одно, именно, что все это хуже того, еслибъ мужъ бранилъ ее и даже билъ. Побои и брань проходятъ и забываются, а у нихъ было хуже. Галактіонъ былъ чужимъ человѣкомъ въ своемъ домѣ и говорилъ только при дѣтяхъ. Съ женой онъ не сказалъ двухъ словъ, и это молчаніе убивало ее больше всего. Она даже боялась думать о томъ, что будетъ дальше, и чувствовала себя живымъ покойникомъ. И раньше мужъ не любилъ ее по-настоящему, но жалѣлъ, и она чувствовала себя покойно. Сейчасъ Галактіонъ сидѣлъ почти безвыходно дома и все работалъ въ своей комнатѣ надъ какими-то бумагами, которыя приносилъ ему Штоффъ. Изрѣдка онъ выѣзжалъ только по дѣламъ, чаще всего къ Стабровскому.

Чужіе люди не показывались у нихъ въ домѣ, точно избѣгали зачумленнаго мѣста. Разъ только зашелъ «сладкій братецъ» Прасковьи Ивановны и долго о чемъ-то бесѣдовалъ съ Галактіономъ. Разговоръ происходилъ приблизительно въ такой формѣ:

— Заѣхалъ я къ вамъ, Галактіонъ Михеичъ, по этой самой опекѣ,—говорилъ Голяшкинъ, сладко жмуря глаза.—Хотя вы и отверглись отъ нея, а, между прочимъ, и мы не желаемъ тонуть одни-съ. Тонуть, такъ вмѣстѣ-съ.

— Ахъ, мнѣ все равно!—соглашался Галактіонъ.— Дѣлайте, какъ знаете!

— На манеръ Ильи Ѳирсыча Полуянова?

— Опять-таки дѣло ваше.

— Такъ-то оно такъ, а, все-таки, какъ будто и непріятно, ежели, напримѣръ, въ острогъ. Прасковья Ивановна наказали вамъ сказать, что большіе слухи ходятъ по городу. Конечно, зря народъ болтаетъ, а оно, все-таки...

— Послушайте, мнѣ рѣшительно все равно. Понимаете?

У Голяшкина была странная манера во время разговора придвигаться къ собесѣднику все ближе и ближе, что̀ сейчасъ какъ-то особенно волновало Галактіона. Ему просто хотѣлось выгнать этого сладкаго братца, и онъ съ большимъ трудомъ удержался. Они стояли другъ противъ друга и смотрѣли прямо въ глаза.

— Какъ же я скажу Прасковьѣ Ивановнѣ?—неожиданно спросилъ Голяшкинъ.

— А такъ и скажите, что пропадай все.

— Позвольте-съ, какъ же это такъ-съ? Прасковья Ивановна...

Галактіонъ неожиданно вспылилъ, затопалъ ногами и крикнулъ:

— Да что ты изъ меня жилы тянешь?... Уходи, ежели хочешь быть цѣлъ! Такъ и своей Прасковьѣ Ивановнѣ скажи! Однимъ словомъ, убирайся ко всѣмъ чертямъ!

— Такъ-съ. Такъ вы вотъ какъ-съ,—бормоталъ Голяшкинъ, пятясь къ двери.—Да-съ. Очень вѣжливо...

Галактіонъ остановилъ его и, взявъ за бортъ сюртука, проговорилъ задыхавшимся голосомъ:

— Ну, чего ты боишься, сахаръ? Посмотри на себя въ зеркало: рожа прямо на подсудимую скамью просится. Всѣ тамъ будемъ. Ну, теперь доволенъ?

— Вы-то какъ знаете, Галактіонъ Михеичъ, а я не согласенъ что касаемо подсудимой скамьи. Ужь вы меня извините, а я не согласенъ. Такъ и Прасковьѣ Ивановнѣ скажу. Конечно, вы во-время изъ дѣла ушли и вамъ все равно... да-съ. Что касаемо опять подсудимой скамьи, такъ отъ сумы да отъ тюрьмы не отказывайся. Это вы правильно. А Прасковья Ивановна говоритъ...

— Вонъ, дуракъ!

Этотъ визитъ, все-таки, обезпокоилъ Галактіона. Дыму безъ огня не бываетъ. По городу, благодаря полуяновскому дѣлу, ходили всевозможные слухи о разныхъ другихъ назрѣвавшихъ дѣлахъ, а въ томъ числѣ и о бубновской опекѣ. Какъ на бѣду, и всевѣдущій Штоффъ куда-то провалился. Впрочемъ, онъ скоро вернулся изъ какой-то таинственной поѣздки и пріѣхалъ къ Галактіону ночью, на огонекъ.

— У тебя былъ Голяшкинъ?— спрашивалъ нѣмецъ безъ всякихъ предисловій.

— Былъ.

— Онъ сладкій дуракъ, и больше ничего.

— Знаю. Я ему это самъ сказалъ. Все-таки, знаешь...

— Э, вздоръ!... Такъ, зря болтаютъ. Я тебѣ скажу всего одно слово: Мышниковъ. Понялъ? У насъ есть адвокатъ Мышниковъ. У него, братъ, все предусмотрѣно... да. Я нарочно заѣхалъ къ тебѣ, чтобы предупредить, а то, вѣдь, какъ разъ горячку будешь пороть.

Уходя, Штоффъ пришаркнулъ своею хромою ногой, подмигнулъ и проговорилъ:

— А какая есть дѣвчурка въ Кунарѣ... пхе!...

— Ну, братъ, я этими дѣлами не занимаюсь. Отваливай.

— Да ты спятилъ съ ума, братецъ?

— Около того.

— Ты глупъ, несчастный!

— Пусть.

Галактіонъ, дѣйствительно, прервалъ всякія отношенія съ пьяною запольскою компаніей, сидѣлъ дома и бывалъ только по дѣлу у Стабровскаго. Умный полякъ долго приглядывался къ молодому мельнику и кончилъ тѣмъ, что повѣрилъ въ него. Стабровскому больше всего нравились въ Галактіонѣ его раскольничья сдержанность и простой, но здоровый русскій умъ.

— Мнѣ почему-то кажется, что мы будемъ большими друзьями,—проговорилъ однажды Стабровскій, пытливо глядя на Галактіона.—Однимъ словомъ, вы будете *нашимъ* вполнѣ.

— Благодарю, Болеславъ Брониславичъ,—только оно какъ будто и не подходитъ: вы—баринъ, а я—мужикъ.

Стабровскій только улыбнулся, взялъ Галактіона подъ руку и проговорилъ:

— Идемте завтракать.

Это простое приглашеніе, какъ Галактіонъ понялъ только впослѣдствіи, являлось своего рода посвященіемъ въ орденъ *нашихъ*. Въ оффиціальные дни у Стабровскаго бывалъ цѣлый городъ, а запросто бывали только самые близкіе люди.

Завтракъ былъ простой, но Галактіону показалась жуткой царившая здѣсь чопорность, и онъ какъ-то сразу возненавидѣлъ бѣлобрысую англичанку, смотрѣвшую на него, какъ на дикаря. «Этакая выдра!»—думалъ Галактіонъ, испытывая неловкое смущеніе, когда англичанка начинала смотрѣть на него своими рыбьими глазами. За то Устинька такъ застѣнчиво и ласково улыбалась ему.

— Это тоже ваша дочь?—спросилъ Галактіонъ.

— Нѣтъ, это просто славяночка Устинька, дочь Тараса Семеныча. Она учится вмѣстѣ съ моею Дидей.

Маленькая полечка все время наблюдала гостя и, когда онъ дѣлалъ что-нибудь противъ этикета, сдержанно улыбалась и вопросительно смотрѣла на гувернантку, точно на каланчу, которая могла каждую минуту выкинуть сигналъ тревоги. Англичанка на этотъ нѣмой вопросъ поднимала свои сухія плечи и рыжія брови, а потомъ кивала головой съ граціей фарфоровой куклы, что въ переводѣ значило: мужикъ. Устинька отлично понимала этотъ нѣмой языкъ и волновалась за каждую неловкость Галактіона: онъ гремѣлъ чайною ложечкой, не умѣлъ намазать масла на хлѣбъ, рѣши-

тельно не зналъ, что дѣлать съ сандвичами. Когда Галактіонъ началъ ѣсть рыбу ножомъ, англичанка величественно поднялась и павой выплыла изъ столовой. Дидя бросилась за ней, захвативъ ротъ рукой. Но отецъ приказалъ ей вернуться и сдѣлалъ строгое лицо. Устинька сидѣла вся красная, опустивъ глаза. Она понимала, что Стабровскій дѣлается усиленно вѣжливымъ съ гостемъ, чтобы тотъ не замѣтилъ устроенной англичанкой демонстраціи. Онъ дошелъ до того, что даже самъ началъ ѣсть рыбу съ ножа. Это ужь окончательно переломило терпѣніе Диди,—дѣвочка расхохоталась неудержимымъ дѣтскимъ хохотомъ и убѣжала въ дѣтскую, гдѣ англичанка уже укладывала свои чемоданы.

— Я попала куда-то къ самоѣдамъ...—объяснила миссъ Дудль.

Въ столовой оставались только хозяинъ, гость и Устинька.

— Славяночка, ты будешь угощать насъ кофе, — говорилъ Стабровскій съ какою-то особенною польскою ласковостью.

А Галактіонъ сидѣлъ и не понималъ, въ чемъ дѣло, хотя смутно и догадывался, что проклятая англичанка уплыла не спроста. Хохотъ Диди тоже его смущалъ.

Вывелъ всѣхъ изъ неловкаго положенія докторъ Кочетовъ, который явился съ извѣстіемъ, что Бубновъ умеръ сегодня ночью.

— Самое лучшее, что онъ могъ сдѣлать,—замѣтилъ Стабровскій, дѣлая брезгливое движеніе,—да. Для чего такіе люди живутъ на свѣтѣ?

— И, все-таки, жаль,—думалъ вслухъ докторъ. — Раньше я говорилъ то же, а когда посмотрѣлъ на него мертваго... Въ послѣднее время онъ пересталъ совсѣмъ пить, хотя ужь было поздно.

— Тутъ была какая-то темная исторія. А, впрочемъ, не наше дѣло. Развѣ можетъ быть иначе, когда все удовольствіе у этихъ дикарей только въ томъ, чтобъ напиться до свинства? Культурный человѣкъ никогда не дойдетъ до такого положенія и не можетъ дойти.

Извѣстіе о смерти несчастнаго Бубнова обрадовало Галактіона: эта смерть развязывала всѣмъ руки и проклятое дѣло по опекѣ разрѣшалось само собой. У него точно гора свалилась съ плечъ.

— Дѣвочка, принесите мнѣ коньячку, — просилъ докторъ Устиньку.

Онъ, по обыкновенію, былъ спохмѣлья, что являлось для него нормальнымъ состояніемъ. Устинька достала изъ буфета бутылку финь-шампань и поставила ее на столъ. Докторъ залпомъ выпилъ двѣ большихъ рюмки и сразу осовѣлъ.

— Да, былъ человѣкъ и нѣтъ человѣка,—бормоталъ онъ.—А, все-таки, жаль разумное Божье созданье.

Потомъ онъ неожиданно обратился къ Галактіону и съ пьяною улыбкой проговорилъ:

— А вы, ваше степенство, небойсь, рады, да? Что же, это въ порядкѣ вещей: сегодня Бубновъ умеръ отъ купеческаго запоя, а завтра умремъ мы съ вами. Homo sum, nihil humanum alienum puto...

Докторъ въ домѣ Стабровскаго былъ своимъ человѣкомъ и желаннымъ гостемъ, какъ врачъ и образованный человѣкъ. Даже миссъ Дудль благоволила къ нему, и Стабровскій любилъ подшутить надъ нею по этому поводу, когда не было дѣвочекъ. Доктору прощалось многое, чего не могли позволить никому другому. Такъ, выпивши, онъ впадалъ въ обличительное настроеніе и начиналъ громить «плутократовъ». Особенно доставалось Штоффу. Стабровскій хохоталъ до слезъ, когда докторъ бывалъ въ ударѣ. Сейчасъ Штоффа не было, и докторъ сосредоточилъ свое вниманіе на Галактіонѣ.

— Ну, что, начинающій плутократъ, какъ дѣла?

— Ничего, докторъ, понемножку.

— Плутовать понемножку невыгодно. Вотъ учитесь у Болеслава Брониславича, который ловитъ только крупную рыбу, а мелкіе плуты кончаютъ, какъ Полуяновъ.

— Послушайте, докторъ, придти въ домъ и называть хозяина большимъ плутомъ,—заговорилъ Стабровскій, стараясь сохранить шутливый тонъ.—Это... это...

— Вы хотите сказать, что это свинство?—поправилъ докторъ.—Можетъ быть, вы хотите къ этому прибавить, что я пьяница? И въ томъ, и другомъ случаѣ вы будете правы, хотя... Я еще выпью плутократскаго коньячку.

— А потомъ опять будете насъ обличать?

— И буду, всегда буду. Вѣдь, человѣкъ, который обличаетъ другихъ, уже тѣмъ самымъ какъ бы выгораживаетъ себя и садится на отдѣльную полочку. Я васъ обличаю и самъ же служу вамъ. Это напоминаетъ собаку, которая гоняется за собственнымъ хвостомъ.

Галактіонъ только выжидалъ случая, чтобъ уйти. Завтракъ былъ конченъ, а слушать пьянаго доктора не представляло удовольствія.

— А, испугался!—провожалъ его докторъ.—Не понравилось... Хха! А вы, ваше степенство, заверните къ Прасковьѣ Ивановнѣ. Сія особа очень нуждается въ утѣшеніи... да. У ней такое серьезное горе... хха!...

Въ передней Галактіона догнала Устинька и шепнула:

— Вы никогда, никогда не ѣшьте рыбы ножомъ. Это не принято. И чайною ложкой не стучите... и хлѣбъ отламывайте маленькими кусочками, а не откусывайте прямо отъ ломтя.

— Хорошо, не буду.

Галактіонъ поднялъ дѣвочку и поцѣловалъ.

— Тоже нельзя,—строго замѣтила она.—Я ужь большая.

Этотъ первый завтракъ служилъ для Галактіона чѣмъ-то вродѣ вступительнаго экзамена. Скоро онъ почувствовалъ себя у Стабровскихъ если не своимъ, то и не чужимъ. Самъ старикъ только иногда конфузилъ его своею изысканною внимательностью. Галактіонъ, все-таки, относился къ магнату съ недовѣріемъ. Ихъ окончательно сблизилъ случайный разговоръ, когда Галактіонъ высказалъ свою завѣтную мечту о пароходствѣ. Стабровскій посмотрѣлъ на него прищуренными глазами, похлопалъ по плечу и проговорилъ:

— Вотъ это я понимаю... да! Очень хорошо, молодой человѣкъ! Я и самъ объ этомъ подумывалъ, да одному не разорваться. Мы еще потолкуемъ объ этомъ серьезно. А вы далеко пойдете, Галактіонъ Михеичъ. Именно намъ, русскимъ, недостаетъ разумной предпріимчивости.

VI.

Полуяновское дѣло двигалось впередъ, какъ комъ снѣгу, наростая отъ собственнаго движенія. Въ первую минуту, подавленный неожиданностью всего случившагося, бывшій исправникъ повелъ свое дѣло, какъ и другіе въ его положеніи, исходя изъ принципа, что пропадать, такъ пропадать не одному, а вмѣстѣ съ другими. Результатомъ этой психологіи явился оговоръ десятковъ прикосновенныхъ такъ или иначе къ его дѣлу лицъ. Слѣдователь выбивался изъ силъ, вызывая десятки свидѣтелей. Полуяновъ торжествовалъ, что хотя этимъ путемъ могъ досадить тому обществу, которое выдавало его головой. Но черезъ полгода въ немъ произошелъ какой-то таинственный внутренній переворотъ. Онъ началъ молиться, притихъ и вообще смирился. Даже самая наружность измѣнилась: пьяный опухъ исчезъ, отросшая борода придала старческое благообразіе, даже голосъ сдѣлался другимъ. Въ одно прекрасное утро Полуяновъ признался слѣдователю, что больше половины привлеченныхъ къ дѣлу лицъ оговорилъ по злобѣ. Слѣдователь былъ огорошенъ, потому что хоть начинай дѣло снова.

— Вы ужь какъ тамъ знаете, а я не могу, — упрямо повторялъ Полуяновъ на всѣ увѣщанія слѣдоватаея. — Судите меня одного, а другіе сами про себя знаютъ... да. Моя пѣсенка спѣта, зачѣмъ же лишній грѣхъ на душу брать? Относительно себя ничего не утаю.

Странныя отношенія теперь установились у Полуянова къ женѣ. Онъ ужасно ее жалѣлъ и мучился постоянно мыслью о ея судьбѣ. Харитина ежедневно ѣздила въ острогъ и всячески поддерживала новое настроеніе въ мужѣ.

— Молода ты, Харитина,—съ подавленною тоской повторялъ Полуяновъ, съ отеческою нѣжностью глядя на жену.—Какой я тебѣ мужъ былъ? Такъ, одно звѣрство. Если бы тебѣ настоящаго мужа... Ну, да что объ этомъ говорить! Вотъ останешься одна, такъ тогда устраивайся ужь по-новому.

— Перестань ты, Илья Ѳирсычъ... Еще неизвѣстно, кто кого переживетъ, а раньше смерти не умираютъ.

Разъ Полуяновъ долго-долго смотрѣлъ на жену и проговорилъ со слезами на глазахъ:

— За одно благодарю Бога, именно, что у насъ нѣтъ дѣтей... да. Ты только подумай, Харитина, чтò бы ихъ ждало впереди? Страшно подумать. Добрые люди показывали бы пальцами... Благодарю Господа за Его великую милость!

— Ты меня не любишь, Илья Ѳирсычъ,—говорила Харитина, краснѣя и опуская глаза; она, кажется, никогда еще не была такою красивой, какъ сейчасъ.—Всѣ желаютъ дѣтей, а ты не хочешь.

— Перестань, дурочка.

На Полуянова теперь часто находило слезливое настроеніе, чтò очень трогало Харитину. Ей дѣлалось жаль и себя, и мужа, и что-то такое, что не было изжито. Иногда на нее находила жажда какого-то истерическаго покаянія—броситься въ ноги мужу и каяться, каяться. Но, перебирая свою жизнь, она не находила ничего подходящаго, за исключеніемъ отношеній къ Галактіону, да и здѣсь ничего серьезнаго не было, кромѣ самой обыкновенной дѣвичьей глупости. Она знала, что мужъ ей измѣнялъ на каждомъ шагу, но сама они ни разу ему не измѣнила. Впрочемъ, послѣднее могло быть каждую минуту, если бы подвернулся подходящій случай. Мысль о Галактіонѣ опять начала посѣщать Харитину, какъ она ни старалась ее отогнать. Это ее мучило и при всей жаждѣ покаянія она именно этого никакъ не могла сказать мужу. Затѣмъ ее начинало злить, что онъ вернулся изъ поѣздки и не кажетъ къ ней

глазъ. О разрывѣ его съ Прасковьей Ивановной она знала и поэтому не могла понять, почему онъ не хочетъ ее видѣть. Она надѣялась, что Галактіонъ обратится къ ней за помощью, чтобы помириться съ женой, но и тутъ онъ обошелся безъ нея. Онъ, вообще, не хотѣлъ ее знать, и это ее злило.

Харитинѣ доставляла какое-то жгучее наслажденіе именно эта двойственность: она льнула къ мужу и среди самыхъ трогательныхъ сценъ думала о Галактіонѣ. Она не могла бы сказать, любитъ его или нѣтъ, а ей просто хотѣлось думать о немъ. Еслибъ онъ пришелъ къ ней, она его приняла бы очень сухо и ни однимъ движеніемъ не выдала бы своего настроенія. О, онъ никогда не узнаетъ и не долженъ знать того позора, какой она переживала сейчасъ! И хорошо, и худо—все ея, и никому до этого дѣла нѣтъ.

Даже наканунѣ суда Харитина думала не о мужѣ, котораго завтра будутъ судить, а о Галактіонѣ. Придетъ онъ на судъ или не придетъ? Даже когда ѣхала она на судъ, ее мучила все та же мысль о Галактіонѣ, и Харитина презирала себя, какъ соучастницу какого-то непростительнаго преступленія. И, все-таки, войдя въ залу суда, она искала глазами не мужа.

Судить Полуянова выѣхало отдѣленіе недавно открытаго екатеринбургскаго окружнаго суда. Это была новость. И странно, что первымъ дѣломъ для новаго суда попало по списку дѣло стараго сибирскаго исправника Полуянова. Весь городъ сбѣжался смотрѣть на новый судъ и стараго грѣшника, такъ что не хватало мѣста и для десятой доли желающихъ. Всѣхъ больше набралось своей братьи—купцовъ. Полуяновъ занялъ скамью подсудимыхъ съ достоинствомъ, какъ человѣкъ, который уже впередъ пережилъ самое худшее. Это настроеніе измѣнило ему только тогда, когда онъ узналъ въ публикѣ лицо жены. Онъ какъ-то весь съежился и точно сдѣлался меньше. Онъ не чувствовалъ на себѣ теперь жаднаго вниманія толпы, а видѣлъ только ее одну, цвѣтущую, молодую, жизнерадостную, и понялъ то, что они навѣки разлучены, и что все кончено, и что будутъ уже другіе жить. Его охватила жгучая тоска, и онъ съ ненавистью оглядѣлъ толпу, для которой еще недавно былъ своимъ и желаннымъ человѣкомъ.

«А, вы вотъ какъ!—сверлило у Полуянова въ мозгу, такъ что онъ ощущалъ физическую боль.—Подождите!»

Рядомъ съ Харитиной на первой скамьѣ сидѣлъ докторъ Кочетовъ. Она была не рада такому сосѣдству и старалась не дышать, чтобы не слышать перегорѣлаго запаха водки. А докторъ старался быть съ ней особенно любезнымъ, какъ бываютъ любезными на

похоронахъ съ дамами въ трауръ, вѣдь, она до нѣкоторой степени являлась тоже героиней настоящаго суднаго дня. Послѣ подсудимаго публика удѣляла ей самое большое вниманіе и слѣдила за каждымъ ея движеніемъ. Харитина это чувствовала и инстинктивно приняла безстрастный видъ.

— Не вредно, — повторялъ докторъ, ухмыляясь. — Да-а... Suum cuicue.

Это скрытое торжество волновало и сердило Харитину, и ей опять дѣлалось жаль мужа. Она даже насильно вызывала въ памяти тѣ нѣжныя сцены, которыя происходили у нея съ мужемъ въ острогѣ. Ей хотѣлось пожалѣть его, по-хорошему пожалѣть, какъ умѣютъ жалѣть любящія женщины, а вмѣсто этого она ни къ селу, ни къ городу спросила доктора:

— Докторъ, вы не видали Галактіона?

— Какого Галактіона, madame?

— Ахъ, какой вы! Ну, мой зять Колобовъ.

— А!... Едва ли онъ будетъ здѣсь. У нихъ открытіе банка.

Въ слѣдующій моментъ Харитинѣ сдѣлалось совѣстно за свой вопросъ. Что ей за дѣло до Галактіона? Еслибъ его и совсѣмъ не было на свѣтѣ, такъ для нея рѣшительно все равно. Пусть открываетъ банкъ, пусть строитъ свои пароходы,—она, все равно, останется одна. Ее еще въ первый разъ охватило это щемящее чувство одиночества. Вѣдь, она такая молодая, вѣдь, она еще совсѣмъ не жила, а тутъ точно затворяется подъ самымъ носомъ какая-то дверь, которая отниметъ и небо, и солнце, и свѣтъ. А виновникъ ея одиночества сидѣлъ на скамьѣ подсудимыхъ такой несчастный, жалкій, даже не вызывавшій въ ней прежнихъ добрыхъ чувствъ, точно онъ былъ далеко-далеко и точно онъ былъ ея мужемъ давно-давно. Харитину начало охватывать молчаливое бѣшенство и къ этому жалкому арестанту, который смѣлъ называть себя ея мужемъ, и къ этому безсовѣстному любопытству чужой толпы, и къ судьямъ, и къ присяжнымъ. Ей хотѣлось крикнуть что-то такое обидное для всѣхъ, всѣхъ выгнать и остаться одной.

Въ теченіе цѣлаго дня происходилъ допросъ свидѣтелей, которыхъ вызывали безъ конца. Съ Полуяновымъ сдѣлался какой-то новый переворотъ, когда онъ увидѣлъ лицомъ къ лицу своихъ обвинителей. Онъ поблѣднѣлъ, подтянулся и на время сдѣлался прежнимъ Полуяновымъ. Къ нему вернулось недавнее чувство дѣйствительности.

— Все, что я показывалъ у г. слѣдователя, невѣрно,—заявилъ онъ спокойно и твердо.—Да, невѣрно.

Въ Полуяновѣ вспыхнула прежняя энергія, и онъ вступилъ въ ожесточенный бой съ свидѣтелями, подавляя ихъ своею находчивостью, опытомъ и смѣлостью натиска. Потухшіе глаза заблестѣли, на лицѣ выступили красныя пятна,—это былъ человѣкъ, рѣшившійся продать дорого свою жизнь.

Этотъ поворотъ оживилъ всѣхъ. Старый волкъ показалъ свои зубы. Особенно досталось попу Макару. Въ публикѣ слышался смѣхъ, когда онъ съ поповскою витіеватостью давалъ свое показаніе. Предсѣдатель принужденъ былъ остановить проявленія неумѣстнаго веселья.

— Какъ же вы могли позволить, батюшка, чтобы Полуяновъ привезъ покойницу къ вамъ на погребъ?—допрашивалъ защищавшій Полуянова адвокатъ.—Вѣдь, въ своемъ селѣ вы большая сила, первый человѣкъ.

— А что же я подѣлаю съ нимъ?—отвѣчалъ вопросомъ о. Макаръ.—По-нашему, по-деревенски, такъ говорятъ: стогомъ мыши не задавишь.

Публика опять смѣялась, такъ что предсѣдатель пригрозилъ удалить изъ залы засѣданія всѣхъ. Харитина точно вся приподнялась и вызывающе оглядывала сосѣдей. Чему они радуются?

Въ залѣ дѣлалось душно, особенно, когда зажгли лампы. Свидѣтелямъ не было конца. Всѣ, самые тайные подвиги Полуянова выплывали на свѣтъ Божій. Свидѣтельствовали крестьяне, мѣщане, мелкіе и крупные купцы, какія-то бабы торговки,—все это были данники Полуянова, привыкшіе ему платить изъ года въ годъ. Страница за страницей развертывалась картина безконечнаго сибирскаго хищенія. Многое Полуяновъ самъ забылъ и съ удивленіемъ говорилъ:

— Что же, можетъ быть... Все можетъ быть. А я не помню... Да и гдѣ все одному человѣку упомнить?

Было два-три случая артистическаго взяточничества, и Полуяновъ самъ поправлялъ свидѣтелей, напоминая подробности. Онъ особенно напиралъ на то, за что бралъ взятки и производилъ вымогательства, но предсѣдатель его остановилъ.

— Это къ дѣлу не относится... да-съ.

Потомъ былъ сдѣланъ на два часа перерывъ. Харитина добилась свиданія съ мужемъ.

— Нѣтъ, погоди, я имъ еще покажу!—повторялъ онъ, сжимая кулаки. — Будутъ помнить Полуянова!... А около тебя кто тамъ сидитъ?

— Докторъ Кочетовъ.

— Ты у меня смотри!

Отдохнувъ, Полуяновъ повелъ атаку противъ свидѣтелей съ новымъ ожесточеніемъ. Онъ требовалъ очныхъ ставокъ, дополнительныхъ допросовъ, вызова новыхъ свидѣтелей,—однимъ словомъ, всѣми силами старался затянуть дѣло и въ качествѣ опытнаго человѣка пользовался всякою оплошностью. Больше всего ему хотѣлось притянуть къ дѣлу другихъ, особенно такихъ важныхъ свидѣтелей, какъ о. Макаръ и запольскіе купцы.

Докторъ опять сидѣлъ рядомъ съ Харитиной и слегка раскачивался.

— Это конецъ древней исторіи Заполья,—говорилъ онъ Харитинѣ, забывая, что она жена подсудимаго.—Средней не будетъ, а прямо будемъ лупить по новой.

— Вы-то чему радуетесь?

— Я-то? Я—публика.

Потомъ поднялся какой-то глухой шумъ и докторъ шепнулъ сосѣдкѣ:

— Вотъ и новая исторія привалила.

Въ залъ, несмотря на давку, была впущена услужливымъ сторожемъ цѣлая толпа. Это былъ новый коммерческій зауральскій банкъ въ полномъ составѣ. Харитина сразу узнала и Май-Стабровскаго, и Драке, и Штоффа, и Шахму, и Галактіона. Ей показалось, что послѣдній точно прятался за другими. Банковская компанія пріѣхала въ судъ прямо съ обѣда по случаю открытія банка, и всѣ имѣли празднично-разсѣянный видъ, точно пріѣхали на именины. Послѣднимъ сквозь толпу пробился Харитонъ Артемьичъ. Онъ былъ пьянъ и глупо улыбался, обводя публику ничего невидѣвшими глазами. Кстати, за обѣдомъ въ качествѣ почетнаго гостя онъ чуть не побилъ Мышникова, который поэтому не явился въ судъ вмѣстѣ съ другими.

— Вотъ у меня какіе зятья!—хрипѣлъ Малыгинъ, указывая на скамью подсудимыхъ.—Семейная радость, однимъ словомъ!

Его съ трудомъ увели. На подъѣздѣ неистовый старикъ, все-таки, успѣлъ подраться съ судейскимъ курьеромъ и сейчасъ же заплатилъ за обиду.

Харитина вся выпрямилась, когда почувствовала присутствіе Галактіона,—она именно чувствовала, а не видѣла его. Ей сдѣлалось и обидно, и больно, и стыдно за него, за то, что онъ ничего не понимаетъ, что онъ могъ обѣдать съ своими банковскими, когда она здѣсь мучилась одна, что и сейчасъ онъ пришелъ въ это страшное мѣсто съ праздничнымъ хмѣлемъ въ головѣ. Другимъ-то все

равно, и ему тоже. Даже Полуяновъ не сдѣлалъ бы такъ. Затѣмъ она чувствовала, что онъ смотритъ на нее и жалѣетъ, и ей захотѣлось вдругъ плакать, броситься къ нему на шею, убѣжать. Онъ, дѣйствительно, подошелъ къ ней, когда доктора зачѣмъ-то вызвалъ судейскій курьеръ, сѣлъ рядомъ и молча пожалъ ей руку. Потомъ онъ наклонился къ ней и шепнулъ:

— Вотъ насъ съ тобой такъ же будутъ судить, только вмѣстѣ.

Она со страхомъ отодвинулась отъ него, а онъ смотрѣлъ на нее и улыбался такою недоброю улыбкой.

VII.

Полуяновъ былъ осужденъ. Его приговорили къ ссылкѣ въ нестоль отдаленныя мѣста Сибири, что было равносильно возвращенію на родину. Онъ опять упалъ духомъ и, вмѣсто послѣдняго слова, расплакался самымъ глупымъ образомъ. Его едва успокоили. Въ моментъ приговора Харитины въ залѣ суда уже не было. Она перестала интересоваться дѣломъ и уѣхала съ докторомъ утѣшать Прасковью Ивановну.

— Мы теперь обѣ овдовѣли,—говорила она, цѣлуя подругу,—ты по-настоящему, а я по-соломенному. Ахъ, какъ у тебя хорошо здѣсь, Прасковья Ивановна! Все свое, никто тебя не потревожитъ: сама—большая, сама—маленькая.

— Въ чужомъ ртѣ кусокъ великъ,—уклончиво отвѣтила Прасковья Ивановна.

Окончанія дѣла долженъ былъ ждать въ судѣ докторъ. Когда дамы остались однѣ, Харитина покачала головой и проговорила:

— Сопьется въ конецъ паренекъ-то.

— Близко того дѣло.

— Знаешь, что, Прасковья Ивановна, безпремѣнно его надо женить.

Эта мысль очень понравилась обѣимъ, и онѣ принялись обсуждать ее на всѣ лады. За невѣстами въ Запольѣ дѣло не станетъ. Вотъ, напримѣръ, хоть взять Нагибина—куда онъ квасить дочь? Денегъ у него тысячъ триста, а дочь-то одна. Положимъ, что она ...бовата и немного коситъ,—ну, да доктору съ женина лица не воду ...ть. Умный человѣкъ и самъ пойметъ, что съ голою красавицей ...плачешься. Жалованьишко-то куда не велико, а тутъ и одѣнь, и ...уй, и домъ поставь, и гостей принимай. Трудненько женатому ... съ голою женой жить, а у Нагибиной всего много. Въ самый ...зъ доктору нагибинская дочь, хотя она и въ годкахъ. Сказыва...ъ. и съ ноготкомъ дѣвушка,—попридержитъ мужа, когда нужно.

Въ самый разгаръ этихъ матримоніальныхъ соображеній вернулся изъ суда докторъ съ извѣстіемъ объ осужденіи Полуянова. Харитина отнеслась къ этой новости почти равнодушно, что удивило даже Прасковью Ивановну.

— Какая-то ты каменная, Харитина. Вѣдь, не чужой человѣкъ, а мужъ.

— Былъ мужъ, а теперь арестантъ...'Что же, по-твоему, я пойду за нимъ съ арестантскою партіей въ ссылку... надѣну арестантскій халатъ и пойду? Покорно благодарю!

— Все-таки... Ты бы хоть съѣздила къ нему въ острогъ.

— А если я не хочу? Не хочу, и все тутъ... И домой не хочу, и къ отцу не пойду... никуда!

— Что же ты будешь дѣлать?

— Не знаю.

Докторъ присутствовалъ при этой сценѣ нѣмымъ свидѣтелемъ и только могъ удивляться. Онъ никакъ не могъ понять поведенія Харитины. Разрѣшилась эта сцена неожиданными слезами. Харитина сѣла прямо на полъ и заплакала. Докторъ инстинктивно бросился ее поднимать, какъ человѣка, который оступился.

— Не надо... не надо...—шептала Харитина, закрывая лицо руками и защищаясь всѣмъ своимъ молодымъ тѣломъ.—Ахъ, какой вы глупый, докторъ! Вѣдь, я еще не жила... совсѣмъ не жила! А я такая молодая, докторъ! Оставьте меня, докторъ! Какая я гадкая!... Понимаете, я ненавижу себя!... Всѣхъ ненавижу... васъ...

Прасковья Ивановна сдѣлала доктору глазами знакъ, чтобъ онъ уходилъ.

— Мужъ арестантъ и жена тоже, значитъ, арестантка,— повторяла Харитина, ломая въ отчаяніи руки.—Я не хочу... не хочу... не хочу!

Прасковья Ивановна долго отваживалась съ ней и никакъ не могла ее успокоить.

— Что я такое? Ни дѣвка, ни баба, ни мужняя жена,—говорила Харитина въ какомъ-то бреду.—А мужа я ненавижу и ни за что не пойду къ нему! Я выходила замужъ не за арестанта!

— Все-таки, нужно съѣздить къ нему въ острогъ,—уговаривала Прасковья Ивановна.—Послѣ, какъ знаешь, а сейчасъ не хорошо. Всѣ будутъ пальцами на тебя показывать. А что касается... Ну, да за утѣшителями дѣло не станетъ!

— Никого мнѣ не нужно!

— А Галактіонъ?... Вѣдь, онъ былъ на судѣ и сидѣлъ рядомъ съ тобой. Что онъ тебѣ говорилъ?

Харитина вспомнила предсказаніе Галактіона и засмѣялась. Вотъ придумалъ человѣкъ!... А, все-таки, онъ пришелъ въ судъ и она уже не чувствовала убивавшаго ее одиночества.

Придумывая, чѣмъ бы развлечь гостью, Прасковья Ивановна остановилась на блестящей мысли, которая поразила ее своею неожиданностью.

— Харитина, знаешь что: мы ищемъ богатую невѣсту доктору, а невѣста сама его ждетъ. Знаешь кто? Будемъ сватать за него твою сестру Агнію. Самому-то ему по мужскому дѣлу неудобно, а высватаю я.

— Ты?

— Я. Думаешь, испугалась, что говорятъ про Галактіона?

— Да тебя мамынька на порогъ не пуститъ.

— А вотъ и пуститъ. И еще спасибо скажетъ, потому выйдетъ такъ, что я-то кругомъ чиста. Мало ли что про вдову наболтаютъ, только лѣнивый не скажетъ. Ну, а тутъ я сама объявлюсь,—ежели бы была виновата, такъ не пошла бы къ твоей мамынькѣ. Такъ я говорю?... Всѣмъ будетъ хорошо... Да еще что, подошлемъ къ мамынькѣ сперва Серафиму. Еще того лучше будетъ... И ей будетъ лучше: какъ будто про между насъ ничего и не было... Поняла теперь?

Этотъ смѣлый проектъ совсѣмъ захватилъ Харитину, такъ что она даже о своемъ горѣ позабыла.

— А докторъ-то какъ?—думала она вслухъ.—Вдругъ онъ не согласится?... Агнія въ годкахъ, да и лицомъ не дошла.

— Ну, это ужъ мое дѣло! Я уговорю доктора, а ты къ Серафимѣ съѣзди... да.

Харитина настолько успокоилась, что даже согласилась съѣздить къ мужу въ острогъ. Полуяновъ былъ мраченъ, озлобленъ и встрѣтилъ жену почти враждебно.

— Спасибо, милая, что не забываешь мужа,—говорилъ онъ съ притворнымъ смиреніемъ. — Аще Богъ соединилъ, человѣкъ да не разлучаетъ... да.

— Не понимаю я, Илья Ѳирсычъ, какія ты загадки загадываешь,—равнодушно отвѣтила Харитина.

— Не понимаешь? Для другихъ я лишенный правъ и особенныхъ преимуществъ, а для тебя мужъ... да. Другіе-то теперь радуются, что Полуянова лишили всего, а сами-то еще хуже Полуянова... Если бы не этотъ проклятый попъ, такъ я бы имъ показалъ. Да еще погоди, доберусь!... Конечно, меня сошлютъ, а я ихъ

оттуда добывать буду... хха! Они сейчасъ радуются, а потомъ я ихъ всѣхъ подберу.

Харитина слушала Полуянова, и ей казалось, что онъ рехнулся и начинаетъ заговариваться. Свиданіе кончилось тѣмъ, что онъ поссорился съ женой и даже затопалъ на нее ногами.

— И до тебя доберусь!—какъ-то зашипѣлъ онъ.—Ты думаешь, я совсѣмъ дуракъ и ничего не вижу? Своими руками задушу!

— Руки коротки,—дерзко отвѣтила Харитина и ушла, не простившись.

На другой день Харитина получила отъ мужа самое жалкое письмо. Онъ униженно просилъ прощенія и умолялъ навѣстить его. Харитина разорвала письмо и не поѣхала въ острогъ. Ее теперь больше всего интересовала затѣя женить доктора на Агніи. Серафима отнеслась къ этой комбинаціи совершенно равнодушно и только замѣтила:

— Хочется тебѣ, Харитина, вязаться въ такое дѣло... Да и женихъ-то вашъ горькая пьяница.

— Да ты только мамынькѣ скажи, Серафима.

— Говори сама.

Въ сущности, этотъ планъ задѣлъ въ Серафимѣ неистребимую женскую слабость и, поломавшись, она отправилась къ матери для предварительныхъ переговоровъ. Анѳуса Гавриловна даже испугалась, когда было упомянуто имя ненавистной Бубнихи.

— Мамынька, вѣдь, намъ съ ней не дѣтей крестить,—совершенно резонно объяснила Серафима.—А если Богъ посылаетъ Агніи судьбу... Не вѣкъ же ей въ дѣвкахъ вѣковать. Пьяница проспится, а дуракъ останется дуракомъ.

— Охъ, боюсь я, Сима... Какъ-то всѣхъ боюсь. Это тебя Харитинка подослала?

— Хоть бы и она, мамынька. Дѣло-то такое, особенное.

Два дня думала Анѳуса Гавриловна, плакала, молилась, а потомъ послала сказать Серафимѣ, что согласна.

Въ малыгинскомъ домѣ поднялся небывалый переполохъ въ ожиданіи «смотринъ». Тутъ своего горя не расхлебаешь: Ліодоръ въ острогѣ, Полуяновъ пойдетъ на поселеніе, а тутъ новый зять прикачнулся. Главное, что въ это дѣло впуталась Бубниха, за которую хлопотала Серафима. Старушка Анѳуса Гавриловна окончательно ничего не понимала и дала согласіе на смотрины въ минуту отчаянія. Что же, посмотрятъ—не съѣдятъ.

Какъ согласился на эту комедію докторъ Кочетовъ, трудно ска-

зать. Онъ, попрежнему, бывалъ у Прасковьи Ивановны по вечерамъ, какъ и раньше, пилъ бубновскую мадеру и слушалъ разговоры о женитьбѣ. Сначала эти разговоры поразили его своею нелѣпостью, а потомъ начали развлекать. Надо же чѣмъ-нибудь развлекаться. Прасковья Ивановна съ тактомъ опытной женщины не называла долго невѣсты по имени, поджигая любопытство подававшагося жениха. Докторъ шутилъ, пилъ мадеру и чувствовалъ, что его охватываетъ еще неиспытанное волненіе, а матримоніальные разговоры создавали сближающую обстановку.

Разъ, когда докторъ былъ особенно въ ударѣ, Прасковья Ивановна поймала его на словѣ и повезла.

— Интересно, что это будетъ за комедія,— посмѣивался докторъ.

— А вотъ увидите... Будьте смѣлѣе. Вѣдь, дѣвушка еще ничего не понимаетъ, всего стѣсняется,—понимаете?

— Хорошо, хорошо... Знаете русскую поговорку: свату первая палка.

Докторъ былъ непріятно удивленъ, когда Прасковья Ивановна подвезла его къ малыгинскому дому. Онъ хотѣлъ даже улизнуть съ подъѣзда, но было уже поздно.

— Глупости! — рѣшительно заявляла Прасковья Ивановна, поддерживая доктора за руку.—Для васъ же хлопочу. Женитесь и человѣкомъ будете. Жена-то не дастъ мадеру пить зря.

Малыгинскій домъ волновался. Харитонъ Артемьичъ даже не былъ пьянъ и принялъ гостей съ озабоченною солидностью. Потомъ вышла сама Анѳуса Гавриловна, тоже встревоженная и какая-то несчастная. Докторъ понималъ, какъ старушкѣ тяжело было видѣть въ своемъ домѣ Прасковью Ивановну, и ему сдѣлалось совѣстно. Послѣднее чувство еще усилилось, когда къ гостямъ вышла Агнія, сдѣлавшаяся еще некрасивѣе отъ волненія. Она такъ неловко поклонилась и все время старалась не смотрѣть на жениха.

— А у меня все поясница къ ненастью тоскуетъ, — завелъ было Харитонъ Артемьичъ политичный разговоръ, стараясь п[illegible]ть въ тонъ будущему зятю-доктору.—И съ чего бы, кажется, е[illegible] болѣть?

Прасковья Ивановна шушукалась съ невѣстой и нѣсколько р[illegible]ъ безъ всякой побудительной причины стремительно начинала е[illegible] цѣловать. Агнія еще больше конфузилась, и это дѣлало ее почти м[illegible]овидной. Докторъ, чтобы выдержать свою жениховскую роль до к[illegible]ца, подошелъ къ ней и заговорилъ о какихъ-то пустякахъ. Но

тутъ его поразили дрожавшія руки несчастной дѣвушки. «Нѣтъ, ужь это слишкомъ»,—рѣшилъ докторъ и торопливо началъ прощаться.

— Куда же это вы? — какимъ-то упавшимъ голосомъ заговорилъ хозяинъ.—Выпили бы мадерцы... Я отъ поясницы грѣшнымъ дѣломъ мадерцей лечусь.

— Какъ-нибудь въ другой разъ, Харитонъ Артемьичъ,— бормоталъ докторъ.

— Что, понравилась вамъ невѣста? — спрашивала дорòгой Прасковья Ивановна, еще охваченная свадебнымъ волненіемъ.

— Во-первыхъ, вы не должны мнѣ говорить «вы», будущая посаженая мать, — отвѣтилъ докторъ, крѣпко притягивая къ себѣ сваху за талію,— они ѣхали въ однѣхъ саняхъ,—а, во-вторыхъ, я хочу мадеры, чтобы вспрыснуть удачное начало.

Въ передней, помогая раздѣваться свахѣ, докторъ обнялъ ее и поцѣловалъ въ затылокъ, гдѣ золотистыми завитками отдѣлялись короткія прядки волосъ. Прасковья Ивановна кокетливо ударила его по рукѣ и убѣжала въ свою комнату съ легкостью и граціей расшалившейся дѣвочки.

«А, вѣдь, посаженая маменька того...»—думалъ докторъ, расхаживая въ ожиданіи мадеры по гостиной.

Прасковья Ивановна заставила себя подождать и вышла по-домашнему, въ шелковомъ пеньюарѣ. Ставя на столъ бутылку какой-то завѣтной мадеры, она съ кокетливою строгостью проговорила:

— Вотъ что, посаженый сынокъ, отъ тебя-то я не ожидала, что ты такой повѣса... Смотри, я строгая!

— Мамынька, я больше не буду.

По возбужденному лицу Прасковьи Ивановны румянецъ разошелся горячими пятнами, и она старалась не смотрѣть на доктора, пока онъ залпомъ выпилъ двѣ рюмки.

— Ну, такъ что же, какъ невѣста? — спросила она измѣнившимся голосомъ, вскидывая на доктора влажные глаза.—Дѣвушка славная.

— Мнѣ главное, сколько приданаго... Будемте говорить серьезно, мамынька. Уговоръ на берегу.

— Вотъ ты какой, а?... А раньше что говорилъ? Теперь, видно, за умъ хватился. У Малыгиныхъ для всѣхъ зятьевъ одинъ порядокъ: послѣ вѣнца десять тысячъ, а послѣ смерти родителей по раздѣлу съ другими.

— А нельзя до смерти ухватить все, мамынька?

Прасковья Ивановна лукаво посмотрѣла на дурачившагося доктора и тихо засмѣялась.

— Ахъ, повѣса, повѣса!—шептала она, оказывая слабое сопротивленіе, когда докторъ обнялъ ее и началъ цѣловать.—Я сейчасъ закричу... Какъ вы смѣете, нахалъ?... Я... я...

VIII.

«Коммерческій зауральскій банкъ» былъ открытъ. Помѣщался онъ на главной Московской улицѣ въ большомъ двухъэтажномъ домѣ, отдѣланномъ спеціально для этой цѣли. Великолѣпный подъѣздъ, отдѣланная дубомъ передняя, широкая лѣстница, громадный залъ съ дубовыми конторками для служащихъ, кассирская съ металлическою сѣткой, комната правленія съ зеленымъ столомъ и солидною мебелью, пріемная,—однимъ словомъ, все въ солидно-дѣловомъ, банковскомъ стилѣ. Когда Галактіонъ вошелъ сюда въ первый разъ, его охватило какое-то особенное чувство почти дѣтскаго страха. Да, здѣсь будутъ вершиться милліонныя дѣла, рѣшаться судьба громаднаго края и сосредоточиваться самые жгучіе интересы всѣхъ прикосновенныхъ къ коммерціи людей.

Правленіе новаго банка организовано было раньше. Въ него вошли членами Стабровскій, Штоффъ, Драке, Галактіонъ, Шахма и Мышниковъ. По настоянію Стабровскаго, управляющимъ банка былъ избранъ Драке. Галактіонъ отлично понималъ политику умнаго поляка, не хотѣвшаго выставлять себя въ первую голову и выдвинувшаго на отвѣтственный постъ безыменнаго и для всѣхъ безразличнаго нѣмца. Это было сдѣлано замѣчательно остроумно, какъ оказалось впослѣдствіи, потому что всѣ члены правленія въ затруднительныхъ случаяхъ ссылались на упрямаго нѣмца, съ которымъ никакъ не сладишь. Мышниковъ, кромѣ своего членства, еще получилъ званіе юрисконсульта. Самый щекотливый вопросъ былъ на первое время относительно членскихъ взносовъ. Изъ всѣхъ членовъ только Стабровскій и Шахма были людьми богатыми и не стѣснялись средствами. Затѣмъ нѣмцы гдѣ-то раздобылись и Мышниковъ тоже. Оставался одинъ Галактіонъ, у котораго ничего не было.

— Это пустяки,—успокоивалъ его Стабровскій.—Мы это дѣло у[illegible]роимъ.

Стабровскій самъ предложилъ Галактіону тридцать тысячъ, о[illegible]печивъ себя, конечно, росписками и домашними векселями.

— Вѣдь, это мнѣ рѣшительно ничего не стоитъ,—объяснялъ о[illegible] смущавшемуся Галактіону.—Деньги, все равно, будутъ леж[illegible]ъ, какъ у меня въ карманѣ, а года черезъ три вы ихъ выплат[illegible]е мнѣ.

Получалось, все-таки, неловкое положеніе, и Галактіонъ почувствовалъ тѣ невидимыя путы, которыми связывалъ его Стабровскій. Вѣдь, даромъ не оказываютъ такого широкаго довѣрія и не даютъ такихъ денегъ. Но другого исхода не было и Галактіонъ вынужденъ былъ принять эту подачку. Кстати, эта комбинація оставила въ его душѣ затаенное и тяжелое чувство по отношенію къ благодѣтелю. А тутъ еще Мышниковъ, который почему-то не взлюбилъ Галактіона и позволилъ себѣ дѣлать какіе-то темные намеки относительно таинственнаго происхожденія членскаго взноса Галактіона. Опредѣленнаго никто и ничего не зналъ, даже Штоффъ, но Галактіонъ чувствовалъ себя первое время очень скверно, какъ человѣкъ, попавшій не въ свою компанію. Мышниковъ только изъ страха передъ Стабровскимъ не смѣлъ высказывать про Галактіона всего, что думалъ о немъ про себя. Новый юрисконсультъ отлично понималъ, что Стабровскій «создаетъ» Галактіона въ какихъ-то своихъ личныхъ интересахъ и цѣляхъ. Это его злило, потому что Мышниковъ завидовалъ всякому успѣху, а тутъ еще являлось глухое соперничество по отношенію къ Харитинѣ. Однимъ словомъ, съ перваго же раза Мышниковъ и Галактіонъ сдѣлались настоящими врагами и взаимно ненавидѣли другъ друга.

— А знаешь, что я тебѣ скажу,—замѣтилъ однажды Штоффъ, слѣдившій за накипавшею враждой Мышникова и Галактіона,—вѣдь, вы будете потомъ закадычными друзьями... да.

— Гусей по осени считаютъ, Карлъ Карлычъ.

— Будемъ посмотрѣть, Галактіонъ Михеичъ.

Кстати, Штоффъ былъ избранъ предсѣдателемъ правленія, хотя это и не входило въ планы Стабровскаго,—онъ предпочелъ бы Галактіона, но тотъ пока еще не «поспѣлъ». Стабровскій вообще считалъ необходимымъ выдерживать прыткаго нѣмца и не давать ему излишняго хода. Онъ почему-то ему не довѣрялъ.

Въ жизни новаго банка на первыхъ же порахъ возникло крупное недоразумѣніе съ Ечкинымъ, который оставался въ Петербургѣ, устраивая акціи новаго банка на биржѣ. Это было очень сложное и отвѣтственное дѣло, которое могъ устроить только одинъ Ечкинъ. Но онъ чуть не бросилъ всего въ самомъ началѣ, когда у-налъ, что не попалъ въ члены банковскаго правленія, чего, вид-мо, ожидалъ. Онъ даже прислалъ на имя новаго правленія формал-ный отказъ, чтò обезпокоило всѣхъ. Но Стабровскій только улы-нулся. Ечкинъ иногда позволялъ себѣ бунтовать, но все это был одна комедія,—онъ былъ совершенно «въ рукахъ» у Стабровскаг. У нихъ были какіе-то многолѣтніе сибирскіе счеты, которые в

такихъ случаяхъ являлись для Ечкина холодною водой, отрезвлявшею его самое законное негодованіе, какъ было и въ данномъ случаѣ. Стабровскій ни за что не хотѣлъ участія Ечкина въ администраціи банка.

— Онъ и безъ этого получилъ больше всѣхъ насъ,—спокойно объяснялъ Стабровскій въ управленіи банка. — Вы только представьте себѣ, какая благодарная роль у него сейчасъ... О, онъ не будетъ напрасно терять дорогого времени! Вотъ посмотрите, что онъ устроитъ.

Политика Стабровскаго по отношенію къ Галактіону скоро разъяснилась. Онъ пригласилъ его къ себѣ вечеромъ и предупредилъ съ обычною своею улыбкой:

— Мы сегодня серьезно займемся, Галактіонъ Михеичъ, однимъ дѣломъ... да.

Можно было предположить, что Стабровскій собирается путешествовать, потому что онъ подвелъ гостя къ отдѣльному столику, на которомъ была разложена большая карта.

— Вы не учились географіи?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ.

— Ну, ничего, выучимся... Это карта Урала и прилегающихъ къ нему губерній, съ которыми намъ и предется имѣть дѣло. У насъ своя географія. Какія все чудныя мѣста!... Истинно, страна, текущая млекомъ и медомъ. Здѣсь могло бы благоденствовать населеніе въ пять разъ большее... Такъ, вѣроятно, и будетъ когда-нибудь, когда насъ не будетъ на свѣтѣ.

Послѣ этихъ чувствительныхъ разсужденій Стабровскій перешелъ къ дѣлу. Онъ обозначилъ булавками всѣ пункты, гдѣ были винокуренные заводы, ихъ производительность и районъ дѣйствія.

— Намъ приходится серьезно считаться съ этими господами, Галактіонъ Михеичъ. Они очень ужъ просто привыкли забирать барыши совсѣмъ даромъ. Напримѣръ, Прохоровъ и К°. Вы слыхали о немъ?

— О, да!... Только вамъ нечего бояться конкурренціи съ нимъ, Болеславъ Брониславичъ. Конечно, у нихъ дѣло старинное, установившееся, а у васъ есть свои преимущества въ рынкѣ и въ перевозкѣ.

— Да? Тѣмъ лучше, что мнѣ не нужно вамъ объяснять. Мы отлично понимаемъ другъ друга.

Сообразительность Галактіона очень понравилась Стабровскому. Онъ такъ цѣнилъ людей, умѣющихъ понимать съ полуслова, какъ было въ данномъ случаѣ. Всѣ эти разговоры имѣли только

подготовительное значеніе, а къ главному Стабровскій приступилъ потомъ.

— Дѣло вотъ въ чемъ, Галактіонъ Михеичъ... Гм... видите ли, намъ приходится бороться, главнымъ образомъ, съ Прохоровымъ... да. И мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы отправились къ нему и повели необходимые переговоры. Понимаете, мнѣ самому это сдѣлать неудобно, а вы посторонній человѣкъ. Необходимыя инструкціи я вамъ дамъ и остается только выдержать характеръ. Все дѣло въ характерѣ.

Это предложеніе немного смутило Галактіона и онъ откровенно проговорилъ:

— Отчего вы не поручите этого Штоффу? Онъ опытнѣе меня.

— Хотите, чтобъ я сказалъ вамъ все откровенно? Штоффъ именно для такого дѣла не годится... Онъ слишкомъ юрокъ и не умѣетъ внушить къ себѣ довѣрія, а затѣмъ тутъ все дѣло въ тактѣ. Наконецъ, мѣшаетъ просто его нѣмецкая фамилія... Вы понимаете меня? Для васъ это будетъ хорошимъ опытомъ.

Не теряя времени, Стабровскій сейчасъ же разъяснилъ сущность дѣла, причемъ Галактіонъ пришелъ въ ужасъ. Этотъ богатый панъ зналъ, кажется, рѣшительно все и впередъ сосчиталъ каждое зерно у мужика и каждую копѣйку выгоды, какую можно было получить. Говоря о конкурренціи съ сильною фирмой Прохоровъ и К°, онъ впередъ опредѣлилъ сумму возможныхъ убытковъ и всѣ комбинаціи, при которыхъ могли получиться такіе убытки. Это ужь совсѣмъ не походило на тотъ авось, съ какимъ русскіе купцы вели свои дѣла. Тутъ все было на счету, и Стабровскій могъ разсказать чужія дѣла, какъ свои.

«Что же это такое? — спрашивалъ Галактіонъ самого себя, когда возвращался отъ Стабровскаго домой. — Какъ же другіе-то будутъ жить?»

Онъ понималъ, что Стабровскій готовился къ настоящей и неумолимой войнѣ съ другими винокурами и что, въ концѣ-концовъ, онъ долженъ былъ выиграть, благодаря знанію, предусмотрительности и смѣлости, не останавливающейся ни передъ чѣмъ. Ничего подобнаго раньше не бывало и купеческія дѣла велись ощупью, по старинкѣ. Галактіонъ понималъ также и то, что винное дѣло только ничтожная часть другихъ финансовыхъ операцій и что новый банкъ является здѣсь страшною силой, какъ хорошая паровая машина.

Онъ шелъ домой пѣшкомъ, чтобъ освѣжиться. Падалъ первый снѣжокъ. Въ окнахъ мелькали желтые огоньки. Гдѣ-то звонили о

всенощной. Дневная сутолока кончалась и только освѣщены были лавки и магазины. Галактіону вдругъ сдѣлалось жаль этого маленькаго городка, жившаго до сихъ поръ тихо и мирно. Что съ нимъ будетъ черезъ нѣсколько лѣтъ? Надвигалась какая-то страшная сила, которая ломала на своемъ пути все, какъ прорвавшая плотину вода. И онъ явился покорнымъ слугой этой силы съ перваго раза. Для него оставалось много непонятнаго, начиная съ собственнаго положенія. Какъ это все легко дѣлается: недавно еще у него ничего не было, а сейчасъ уже онъ зарабатывалъ столько, что не могъ даже мечтать раньше о подобномъ благополучіи. И, притомъ, онъ являлся нужнымъ человѣкомъ, у него было уже свое опредѣленное мѣсто. Впереди рисовались радужныя картины и не хорошо было только то, что все это будущее неразрывно было связано съ Стабровскимъ и его компаніей. Галактіону казалось, что онъ чему-то измѣняетъ, измѣняетъ такому хорошему и завѣтному.

Съ другой стороны, съ каждымъ днемъ его все сильнѣе и сильнѣе охватывала жажда широкой дѣятельности и большихъ дѣлъ. Онъ уже понималъ, что личное обогащеніе еще не даетъ ничего, а запольскіе коммерсанты дальше этого никуда не шли, потому что дальше своего носа ничего не видѣли и не желали видѣть. Галактіону стоило только подумать о Стабровскомъ или Ечкинѣ, которые ворочали милліонными дѣлами, какъ онъ сейчасъ же видѣлъ самого себя такимъ маленькимъ и ничтожнымъ. Да, это были настоящіе, большіе люди и только они умѣли жить по-настоящему, по-большому.

Подъ этимъ настроеніемъ Галактіонъ вернулся домой. Въ послѣднее время ему такъ тяжело было оставаться подолгу дома, хотя, съ другой стороны, и дѣваться было некуда. Сейчасъ у Галактіона мелькнула было мысль о томъ, чтобы зайти къ Харитинѣ, но онъ удержался. Чтò ему тамъ дѣлать? Да и нехорошо... Мужъ въ острогѣ, а онъ будетъ за женой ухаживать.

Подходя къ дому, Галактіонъ удивился, что всѣ комнаты освѣщены. Гости у нихъ почти не бывали. Кто бы такой могъ быть? Оказалось, что пріѣхалъ суслонскій писарь Замараевъ.

— Ты ужъ меня извини, что по-деревенски ввалился безъ спросу,— оправдывался Замараевъ.— Я было заѣхалъ къ тестю, да онъ меня такъ повернулъ... Ну, Богъ съ нимъ. Я и поѣхалъ къ тебѣ.

— Что-жъ, я очень радъ... А что касается Харитона Артемьича, такъ не каждое лыко въ строку. Какъ на него взглянетъ.

— Обидно оно Галактіонъ Михеичъ. Вѣдь, не чужой человѣкъ

пріѣхалъ. Анеуса-то Гавриловна была рада, а онъ чуть въ шею не вытолкалъ. Конечно, я деревенскій человѣкъ, а, все-таки...

— Пустяки... Потомъ помиритесь.

Галактіонъ искренно былъ радъ гостю, потому что не такъ тошно дома. За чаемъ онъ наблюдалъ жену, которая все время молчала, какъ зарѣзанная. Тутъ было все: и ненависть къ нему, и презрѣніе къ деревенской роднѣ.

— А вы тутъ засудили Илью Ѳирсыча? — болталъ писарь, счастливый, что можетъ поговорить.—Слышали мы еще въ Суслонѣ... да. Жаль, хорошій былъ человѣкъ. Тоже вотъ и про банкъ вашъ наслышались. Что же, въ добрый часъ... По другимъ городамъ вездѣ банки заведены. Нельзя отставать отъ другихъ-то, не тѣ времена.

— Да... — неопредѣленно отвѣчалъ Галактіонъ, не зная, что ему отвѣчать.

— И Бубнова похоронили,—не унимался Замараевъ.— Знавалъ я его въ прежнія времена... Жаль. А слышали новость: Прасковья Ивановна замужъ выходитъ?

— Какъ выходитъ?—спросили въ голосъ мужъ и жена.

— Выходитъ, какъ другія прочія вдовы выходятъ.

— За кого?

— А за доктора... Значитъ, сама нашла свою судьбу. И то сказать, баба пробойная,—некогда ей горевать. А я тутъ встрѣтилъ ея брата, Голяшкина. Мы съ нимъ дружки прежде бывали. Ну, онъ мнѣ все и обсказалъ. Свадьба послѣ святокъ... Что же, докторъ маху не далъ. У Прасковьи Ивановны свой капиталъ.

Потомъ оказалось, что Замараевъ успѣлъ побывать и въ острогѣ, у Ильи Ѳирсыча,— однимъ словомъ, обѣжалъ цѣлый городъ.

IX.

Замараевъ поселился у Галактіона, и послѣдній былъ радъ живому человѣку. По вечерамъ они часто и подолгу бесѣдовали между собой и Галактіонъ могъ только удивляться той особенной деревенской жадности, какою былъ преисполненъ суслонскій писарь,—это не была даже жажда наживы въ собственномъ смыслѣ, а именно слѣпая и какая-то неистовая жадность.

— Нѣтъ, братъ, шабашъ, старинка-то приказала долго жить,— повторялъ Замараевъ, дѣлая вызывающій жестъ.—По нонѣшнимъ временамъ вонъ какіе народы проявились. Они, братъ, выучатъ жить. Темноту-то какъ рукой снимутъ... да. На што бабы, и тѣ

вполнѣ это самое чувствуютъ. Вонъ Серафима Харитоновна какъ на меня поглядываетъ, даромъ что хлѣбъ-соль еще недавно водили.

— Не отъ ума она, Флегонтъ Васильичъ.

— А вотъ и нѣтъ! И я даже весьма понимаю, потому что мы, деревенскіе, прямые дураки выходимъ. Серафима-то Харитоновна и выходитъ права, потому какъ темнота-съ... А только по женской своей части она, конечно, не понимаетъ, что и темнота тоже проснулась и начала копошиться. Всѣ ищутся, Галактіонъ Михеичъ... Вы вотъ тутъ банки открываете и разныя прочія огромадныя дѣла затѣваете, а отъ васъ и къ намъ щепки летятъ... да-съ. Теперь взять Ключевую,— она вся зашевелилась. Мельники-то, которые жили всю жисть по старинкѣ, и тѣ очухались. Не далеко ходить, взять хоть вашего тятеньку, Михея Зотыча,— заразъ двѣ новыхъ мельницы строитъ. Вѣдь, старичокъ, а какъ хлопочетъ. Ну, и другіе народы поднялись на дыбы... Кто во что гораздъ. И у всѣхъ ужь на умѣ: не хватитъ своего капитала, въ банкѣ прихвачу и оборочусь. Вотъ какое дѣло... Ужь всѣ пронюхали, гдѣ жаренымъ пахнетъ.

На повѣрку оказалось, что Замараевъ, дѣйствительно, зналъ почти все, что дѣлалось въ Запольѣ, и мучился, что «новые народы» оберутъ всѣхъ и вся,—мучился не изъ сожалѣнія къ тѣмъ, которыхъ оберутъ, а только потому, что самъ не могъ принять дѣятельнаго участія въ этомъ обираніи. Онъ зналъ даже подробности готовившагося похода Стабровскаго противъ другихъ винокуровъ и по-своему одобрялъ.

— Такъ и надо. . Валяй ихъ! Не тѣ времена, чтобы, напримѣръ, лежа на боку... Шабашъ! У волка въ зубѣ — Егорій далъ. Учить насъ надо, а за битаго двухъ небитыхъ даютъ.

— Ну, а какъ твоя ссудная касса?

— Большимъ кораблямъ большое плаваніе, а мы около бережку будемъ ползать... Передъ отъѣздомъ мы съ попомъ Макаромъ молебствіе отслужили угодникамъ безсребренникамъ. Какъ же, все по порядку. Тоже и мы понимаемъ, какъ и што слѣдуетъ: воздадите кесарево кесарю... да. Главная причина, Галактіонъ Михеичъ, что жаль мелкіе народы. Сейчасъ-то они вонъ сто процентовъ платятъ, а у меня будутъ платить всего тридцать шесть... Да тамъ еще кланялись сколько, да еще отрабатывали благодарность, а тутъ нà, получай, и только всего.

Эта теорія благодѣянія бѣднымъ разсмѣшила Галактіона своею наивностью, хотя въ основѣ и была извѣстная доля правды.

— Такъ благодѣтелемъ хочешь быть?— смѣялся онъ, хлопая

Замараева по плечу.—Съ зубовъ кожу будете драть, изъ блохи голенища кроить?

— А вы? У васъ, Галактіонъ Михеичъ, учимся... Даже вотъ какъ учимся. Вамъ-то вотъ смѣшно, а намъ слезы.

— Перестань ты дурака валять, Флегонтъ Васильичъ. Сами вы кого угодно проведете и надуете.

Замараевъ, живя въ Запольѣ, обнаружилъ необыкновенную пронырливость и, кажется, не было угла, гдѣ бы онъ ни побывалъ, и такой щели, которую бы онъ ни обнюхалъ съ опытностью настоящаго сыщика. Эта энергія удивляла Галактіона и онъ разъ, незадолго до отъѣзда въ резиденцію Прохорова и К°, спросилъ:

— А ты не былъ у Харитины, Флегонтъ Васильичъ?

— Нѣтъ, не довелось.

— Почему?

— Все собираюсь, да какъ-то не могу дойти. А надо бы повидать. Прежде-то не посмѣлъ бы, когда Илья Ѳирсычъ царствовали, а теперь-то даже очень просто.

— Вотъ что, Флегонтъ Васильичъ...—замялся немного Галактіонъ.—А если я тебя попрошу зайти къ ней? Понимаешь, ты какъ будто отъ себя...

— Могу.

— Пожалуйста, не проболтайся.

— Сдѣлай милость. Тоже не лѣвою ногой сморкаемся.

— Видишь ли, въ чемъ дѣло... да... Она послѣ мужа осталась безъ гроша. Имущество все описано. Чѣмъ она жить будетъ? Самому мнѣ говорить объ этомъ какъ-то неудобно. Гордая она, а тутъ еще... Однимъ словомъ, женская глупость. Моя Серафима вздумала ревновать. Понимаешь?

— Въ лучшемъ видѣ. Извѣстно, бабы.

— Такъ вотъ я съ удовольствіемъ помогъ бы ей... на первое время, конечно. Къ отцу она тоже не пойдетъ.

— Вотъ это даже совсѣмъ напрасно. Одно малодушіе.

— Я знаю ея характеръ: не пойдетъ... А поголодаетъ, посидитъ у хлѣба безъ воды и выкинетъ какую-нибудь глупость. Есть тутъ одинъ адвокатъ, Мышниковъ, такъ онъ давно за ней ухаживаетъ. Однимъ словомъ, долго ли до грѣха? Такъ вотъ я и хотѣлъ предложить съ своей стороны... Но отъ меня-то она не приметъ. Ни-ни! А ты можешь такъ сказать, что много былъ обязанъ Ильѣ Ѳирсычу по службѣ и что можешь по-родственному ссудить. Только требуй съ нея вексель, а то догадается.

— Весьма понимаю. Горденька Харитина Харитоновна.

— Да, да. Такъ сдѣлай это для меня. Какъ-нибудь сочтемся. Рука руку моетъ, Флегонтъ Васильичъ.

— Ужь будь спокоенъ. Такъ подведемъ, что и сама не услышитъ. Тоже и мы не въ уголъ рожей, хоша и деревенскіе.

— Пожалуйста. Меня она очень безпокоитъ.

Суслонскій писарь отправился къ Харитинѣ «на той же ногѣ» и засталъ ее дома, почти въ совершенно пустой квартирѣ. Она лежала у себя въ спальнѣ, на своей роскошной постели, и курила папиросу. Замараева больше всего смутила именно эта папироса, такъ что онъ не зналъ, съ чего начать.

— Завернулъ къ вамъ, Харитина Харитоновна... Жена Анна наказывала. Непремѣнно, гритъ, провѣдай любезную сестрицу Харитину и непремѣнно, гритъ, зови ее къ намъ въ Суслонъ погостить.

— Это въ деревню-то?—удивилась Харитина.—Да вы тамъ съ женой оба съ ума спятили!

— А вы не сердитесь на нашу деревенскую простоту, Харитина Харитоновна, потому какъ у насъ все по душамъ... А я-то такъ кругомъ обязанъ Ильей Өирсычемъ, по гробъ жизни. Да и такъ люди не чужіе... Ежели, напримѣрно, вамъ нащетъ денежныхъ средствъ, такъ съ нашимъ удовольствіемъ. Конешно, росписочку тамъ на всякій случай выдадите,—это такъ, для порядку, а только не сумлѣвайтесь. Весь передъ вами, въ томъ родѣ, какъ свѣча горю.

Противъ ожиданія, Харитина отнеслась къ этому предложенію съ дѣловымъ спокойствіемъ и не безъ гордости отвѣтила:

— Сейчасъ мнѣ не хочется занимать денегъ у отца, но я отдамъ въ самомъ скоромъ времени... У меня будутъ деньги.

— Само собою разумѣется, какъ же безъ денегъ жить? Вѣдь, я хоша и говорю вамъ о документѣ, а даю деньги все одно, какъ кладу къ себѣ въ карманъ. По родственному, Харитина Харитоновна. Чужимъ-то все равно, а свое болитъ... да. Заходилъ я и къ Ильѣ Өирсычу. Въ большое малодушіе впадаетъ.

— Не говорите мнѣ про него!

— Я такъ, къ слову.

— Вотъ вы о родственникахъ заговорили... Хороши бываютъ родственнички! Ну, да не стоитъ объ этомъ говорить!

Харитина разошлась до того, что предложила чаю. Она продолжала лежать на постели совсѣмъ одѣтая и курила одну папиросу за другой.

— Извините меня, Харитина Харитоновна,—насмѣлился За-

мараевъ.— Конечно, я деревенскій мужикъ и настоящаго городского обращенія не могу вполнѣ понимать, а, все-таки, дамскому полу какъ будто и не того, не подобаетъ цыгарки курить. Ужь вы меня извините, а это самое плохое занятіе для настоящей дамы.

— Пустяки, это отъ скуки,— коротко объяснила Харитина, улыбаясь.— Что мнѣ больше-то дѣлать? А тутъ мысли разгоняетъ.

— Это конечно-съ. А когда прикажете доставить вамъ деньги? Впрочемъ, я и сейчасъ могу-съ, а вы только на бумажкѣ-съ черканите.

— А сколько вы можете мнѣ дать сейчасъ? Тысячу?

— Многонько-съ. Сотенный билетъ могу, а когда издержите— другой. Тысячу-то и потерять можно по женскому дѣлу.

Харитина взяла деньги, небрежно сунула ихъ подъ подушку, а оттуда вынула два мужскихъ портрета.

— Который больше нравится?— спрашивала она, улыбаясь.

— Одного-то я знаю... господинъ Мышниковъ-съ?

— А другой—еврей Ечкинъ.

— Такъ-съ, слышали.

— Вотъ я и гадаю: на котораго счастье выпадетъ.

Замараевъ поднялся съ видомъ оскорбленнаго достоинства и проговорилъ:

— Не пригоже вамъ, Харитина Харитоновна, отецкой дочери, такія слова выговаривать, а мнѣ не пригоже ихъ слушать. И для ради шутки даже не годится.

— Ну, такъ проваливай!— грубо отвѣтила Харитина.— Тоже сахаръ нашелся!... А, впрочемъ, мнѣ все равно. Ты гдѣ остановился-то?

— Я-то? Значитъ, сперва къ тятенькѣ размахнулся, ну, а какъ они меня обзатылили, такъ я къ Галактіону Михеичу... у нихъ-съ.

— А! Скажи Галактіону поклончикъ.

Вторая половина разговора шла уже на «ты», и Замараевъ только качалъ головой, уходя отъ разжалованной исправницы.

Вернувшись домой, писарь ничего не сказалъ Галактіону о портретахъ, а только встряхивалъ головой и бормоталъ что-то себѣ подъ носъ.

— Нда-съ, дама-съ... можно сказать... и, притомъ, огненный карахтеръ.

— А что?— спрашивалъ Галактіонъ.

— Да такъ, вообще... Однако, деньги соблаговолили принять

и росписку обѣщали прислать. Значитъ, своя женская гордость особо, а денежки особо. Нда-съ, дама-съ!

Галактіонъ только молча пожалъ руку своему сообщнику и сейчасъ же уплатилъ выданныя Харитинѣ деньги.

— Не въ коня кормъ,— замѣтилъ наставительно писарь.— Конечно, у денегъ глазъ нѣтъ, а, все-таки, когда есть, напримѣрно, свои дѣти...

— Ну, объ этомъ не безпокойся. Деньги будутъ, сколько угодно. Не въ деньгахъ счастье.

Замараевъ только угнетенно вздохнулъ. Очень ужь легко нынче въ Запольѣ о деньгахъ разговариваютъ. Взять хотя того же Галактіона. Давно ли по красному билету занималъ, а тутъ и сотенной не жаль. Совсѣмъ малодушный человѣкъ.

По вечерамъ писарь оставался обыкновенно дома, сохраняя деревенскую привычку, а Галактіонъ уходилъ въ свой банкъ или къ Стабровскому. Писарю дѣлалось иногда скучно, особенно, когда дѣти укладывались спать. Онъ безцѣльно шагалъ по кабинету, что-то высчитывая и прикидывая въ умѣ, напѣвалъ что-нибудь изъ духовнаго и терпѣливо ждалъ хозяина, безъ котораго не могъ ложиться спать. Это сидѣнье поневолѣ сблизило его съ хозяйкой, относившейся къ нему сначала съ холоднымъ пренебреженіемъ. Притомъ, писарь замѣтилъ, что вечеромъ Серафима дѣлалась какъ-то добрѣе и даже сама вступала въ разговоръ. Разспрашивала его о Суслонѣ, какъ живетъ Емельянъ съ тайною женой, что подѣлываетъ Михей Зотычъ и т. д. Замараевъ каждый разъ думалъ, что Серафима утишилась и признала его за равноправнаго родственника, но каждое утро его разочаровывало въ этомъ,—утромъ къ Серафимѣ не было приступа и она не отвѣчала ему и даже не смотрѣла на него. Онъ объяснялъ это тѣмъ, что она не хотѣла уронить своего достоинства при мужѣ. Но, въ концѣ-концовъ, онъ понялъ истинную причину.

Разъ за вечернимъ чаемъ Серафима была особенно оживлена и проговорила:

— Скучно вамъ у насъ, Флегонтъ Васильичъ?

— Зачѣмъ скучать? Нѣтъ, ничего.

— Вѣдь, я вижу... И мнѣ тоже скучно. Вотъ что, давайте играть въ дурачки.

— Что же, съ удовольствіемъ, Серафима Харитоновна. Мы иногда съ нашею попадьей Луковной до зла-горя играемъ... Даже ссоримся.

Они устроились тутъ же, за чайнымъ столикомъ. Серафима под-

сѣла совсѣмъ близко и Замараевъ, сдавая карты, долженъ былъ наклоняться. Когда онъ остался въ дуракахъ и Серафима расхохоталась, на него вдругъ пахнуло виномъ. Игра повторилась въ другой разъ, и Замараевъ замѣтилъ то же самое. Серафима выходила по нѣскольку разъ изъ-за стола и возвращалась изъ своей комнаты еще веселѣе. Больше не оставалось сомнѣнія, что она тайкомъ напивалась каждый вечеръ тою самою мадерой, которую нещадно пило все Заполье. Разъ Серафима «перепаратила» настолько, что даже чуть не упала.

Что было дѣлать Замараеву? Предупредить мужа, поговорить откровенно съ самой, объяснить все Анѳусѣ Гавриловнѣ,—ни то, ни другое, ни третье не входило въ его планы. Съ какой онъ стати будетъ вмѣшиваться въ чужія дѣла? Да и доказать это трудно, а онъ можетъ остаться въ дуракахъ.

«Э, моя хата съ краю!—рѣшилъ писарь и махнулъ рукой.—Сказанное слово серебряное, а несказанное—золотое».

Въ домѣ Галактіона пахло уже мертвымъ.

Д. Маминъ-Сибирякъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ИСТОРІЯ ОДНОГО САМОѢДА.

(Изъ путевыхъ впечатлѣній).

I.

Въ нашъ вѣкъ очень трудно добиться популярности. Чтобы быть извѣстнымъ, недостаточно, какъ говорятъ, и «пяти пядей во лбу», нужно еще сдѣлать что-нибудь отмѣнно хорошее или какую-нибудь колоссальнѣйшую глупость, да и то извѣстность такого человѣка едва ли распространится далѣе того общества, въ которомъ онъ живетъ, и рѣдко-рѣдко займетъ вниманіе массы.

А, между тѣмъ, я зналъ одного самоѣда, который былъ популярнѣе другого общественнаго дѣятеля и былъ извѣстенъ не только въ своей тундрѣ, но даже за-границей ея и даже за настоящею «за-границей»,—его знали многіе путешественники, ученые, моряки; мало того, его знали даже высокопоставленныя особы, посылавшія къ нему особыя миссіи.

О, если бы зналъ этого самоѣда безсмертный Шатобріанъ, онъ воспѣлъ бы его своимъ чуднымъ перомъ такъ же, какъ своего Шактаса!

Это былъ первый житель Новой Земли—Ѳома Вылка.

Но чѣмъ же, спросите вы, такъ прославился этотъ самоѣдъ Вылка, живя на краю свѣта?

На это я постараюсь отвѣтить правдивою, интересною исторіей его богатой приключеніями, жизни.

Ѳома Вылка родился гдѣ-то въ Голодной губѣ, на устьѣ рѣки Печоры, въ самой безотрадной обстановкѣ бродячаго, бѣднаго самоѣда.

Былъ ли то день, была ли то ночь, когда принимавшая его бабушка, по обычаю тундры, прокричала въ чумъ его отца: «Эй, ха-

сово пэй-вы» (мальчишка родился),—неизвѣстно, но я знаю только, что маленькій «хасово» не долго пользовался обстановкой своего родного, дыряваго чума и семи лѣтъ уже, оставшись круглымъ сиротой, попалъ въ чумъ богатаго зырянина, который и сталъ пріучать его пасти свое оленье стадо.

Это было большимъ счастьемъ для маленькаго, бойкаго и смышленаго Ѳомы. Въ строгой, набожной семьѣ зырянина маленькій Ѳома научился молиться Богу, узналъ русскій языкъ, крестился и даже пристрастился къ грамотѣ. Его очень занимало, что̀ такое все разглядываетъ его толстый, рыжій хозяинъ, сидя по вечерамъ въ чумѣ, около огня, уткнувшись въ толстую книгу. Онъ даже разъ пытался самъ туда заглянуть, но получилъ только щелчокъ въ лобъ, а когда спросилъ, что тамъ такое, то получилъ еще другой, съ объясненіемъ, что тамъ—«спросъ,—кто спроситъ, того въ лобъ». Маленькій Ѳома вправду думалъ, что тамъ сидитъ спросъ, и только послѣ узналъ, что это книга, что ее зовутъ Псалтырь и что нужно много-много учиться, чтобы сидѣть такъ, какъ сидитъ по вечерамъ его толстый, рыжій хозяинъ. Все это было такъ загадочно для Ѳомы, что онъ рѣшилъ научиться читать эту книгу. Счастье Ѳомы и тутъ помогло ему. Черезъ годъ стали учить по этой книгѣ его закадычнаго товарища, сына зырянина; Ѳома видѣлъ самъ, какъ это было трудно, какъ его другъ со слезами на глазахъ, сидя на оленьей шкурѣ, дрожащею рукой водилъ по книгѣ нарочно сдѣланною указкой, онъ былъ свидѣтелемъ, какъ его лупили тою же священною Псалтырью, но это Ѳому не устрашило; его привлекало къ этой книгѣ что-то таинственное, и, съ радостью удирая послѣ урока изъ чума къ стаду съ своимъ другомъ, онъ тамъ подробно разспрашивалъ его о томъ, что̀ онъ видѣлъ въ книгѣ. Подолгу сидя безъ дѣла у стада, они вычерчивали буквы на пескѣ, на снѣгу, складывали слово за словомъ, и Ѳома незамѣтно научился грамотѣ отъ своего лѣниваго сверстника.

Когда не было дома хозяевъ, они съ трепетомъ вытаскивали загадочную книгу изъ-подъ иконы и подолгу разглядывали ея картинки, складывая слово за словомъ и поражаясь, что выходитъ что-то необыкновенное, чего еще они не слыхали въ устахъ людей. Особенно нравилось Ѳомѣ разбирать красныя буквы съ завитушками, въ которыхъ, ему казалось, заключается какой-то особенно-таинственный смыслъ. Ѳома даже сдѣлалъ открытіе: онъ нашелъ, что нѣкоторыя буквы похожи на рогатыхъ оленей.

Зырянинъ узналъ объ успѣхахъ Ѳомы, объяснилъ ему, что тутъ оленей нѣтъ, и даже засадилъ его вмѣстѣ съ сыномъ, въ надеждѣ

что для его сына соревнованіе будетъ полезнѣе щелчковъ въ голову. Но зарянинъ ошибся: его сынъ въ Псалтырѣ не видѣлъ никакихъ прелестей, ни оленей, которые грезились воображенію его товарища, и совсѣмъ отбился отъ ученья. Мальчика нѣсколько разъ сѣкли, затѣмъ по настоянію сердобольной матери освободили отъ книги, и грамота досталась одному Ѳомѣ.

Ѳома съ увлеченіемъ, забывая даже свои обязанности, предавался Псалтырю; ему очень нравилось по цѣлымъ часамъ разсматривать красные и черные знаки книги, часто они слагались въ какое-нибудь замысловатое, незнакомое слово, но онъ находилъ истинное удовольствіе рыться въ нихъ, перебирать страницы и въ долгіе, скучные зимніе вечера, и въ свѣтлыя лѣтнія ночи.

Скоро Ѳома читалъ не хуже своего хозяина, но грамота, однако, не давала ему еще никакихъ преимуществъ, и тотъ же хозяинъ тузилъ его при каждомъ удобномъ случаѣ, а его толстая, злая хозяйка даже не давала ему ѣсть.

Затѣмъ Ѳому интересовала еще одна вещь въ чумѣ его благодѣтеля: это—чай. Онъ видѣлъ, что хозяева очень любятъ пить его, видѣлъ, что они чуть не все время проводили за самоваромъ, но еще не было ни одного случая, чтобы Ѳомѣ осталась хоть капля этого загадочнаго напитка; пріятель его говорилъ, что это очень вкусно, гораздо вкуснѣе свѣжей крови, которую наивный Ѳома считалъ за первое лакомство въ свѣтѣ. И такъ какъ его постоянно то и дѣло посылали за водой для этого таинственнаго напитка, то онъ даже дѣлалъ опыты надъ вкусоспособностью своихъ почтенныхъ хозяевъ, прибавляя въ воду то глины, то снѣгу, то песку, а то и чего-нибудь другого, въ чемъ ему теперь стыдно сознаться. Но и этимъ Ѳома ничего не могъ добиться, и его хозяева, попрежнему, выпивали все до капли.

Затѣмъ Ѳомѣ памятенъ еще одинъ случай изъ его жизни въ семьѣ своего благодѣтеля. Это случилось въ Вербное воскресенье.

Онъ отлично помнитъ день, когда они пріѣхали въ одно зарянское село, гдѣ было много-много невиданныхъ до селѣ Ѳомой домовъ и каменная, бѣлая, какъ снѣгъ, церковь. Его удивило больше всего то, что изъ этой церкви вышла масса народу и всѣ держали въ рукахъ вербы. Ѳома никакъ не могъ объяснить себѣ, зачѣмъ они отдаютъ такое предпочтеніе нисколько не интересному, самому обыкновенному дереву его родной тундры, но хозяинъ ему объяснилъ это наглядно, и только что они вошли въ домъ, какъ началъ его лупить этою вербой по спинѣ, и такъ удачно, что Ѳомѣ сразу сдѣлалось жарко. Ѳома думалъ уже, что провинился пе-

редъ своимъ патрономъ, но тотъ ласково его успокоилъ, говоря, что это такой у нихъ обычай въ этотъ день, что у Ѳомы отъ этого будетъ больше ума и онъ еще усерднѣе будетъ читать Псалтырь.

Зырянинъ былъ правъ. Дѣйствительно, Ѳома почувствовалъ себя умнѣе; при первомъ же случаѣ онъ стянулъ Псалтырь и удралъ съ ней въ родную тундру къ одному родственнику, даже не попробовавши чаю.

У этого самоѣда было всего только четыре ѣздовыхъ оленя, старуха жена, да дырявый чумъ, но Ѳомѣ жилось у него чудесно. Самоѣдъ былъ страстный охотникъ и рыболовъ, и Ѳома полюбилъ и охоту, и рыбную ловлю, а ружье сдѣлалось для него такимъ же идеаломъ, какъ и его старый Псалтырь, и онъ уже подумывалъ, что хорошо бы было стянуть и ружье, если его будутъ и здѣсь бить часто. Но этого не случилось. Самоѣдъ не билъ его, бралъ его съ собой на охоту, даже на море, гдѣ такъ было весело, гдѣ такъ забавно плескалась волна.

Тамъ они спускали маленькую промысловую лодочку, садились въ нее и плавали по заливу. Особенно много было тамъ тюленей. Заслышитъ тюлень плескъ весла, заслышитъ, какъ разговариваютъ люди, и высунетъ любопытную голову и смотритъ на лодку. Постучитъ Ѳома въ край лодочки, тюлень подплываетъ поближе, еще выше вытянетъ голову, еще больше заглядится на невиданныхъ имъ людей. Грянетъ выстрѣлъ, голова тюленя опрокинется, юркій Ѳома поймаетъ его за гладкія катры и тюлень въ лодкѣ. И варево есть, и пестрая шкурка на пимы, и сало на ночникъ для зимовки. Ѳомѣ очень нравилась эта охота, нравился звукъ ружейнаго выстрѣла, но стрѣлять ему еще не давали.

И чего ни насмотрѣлся Ѳома тогда на морѣ: и бѣлаго дельфина онъ видѣлъ, и страшнаго моржа съ длинными, бѣлыми клыками, и разныхъ, большихъ и маленькихъ, пестрыхъ и полосатыхъ тюленей и даже однажды бѣлаго медвѣдя на льду, положимъ, издали. Не меньше нравилось Ѳомѣ и рыболовство. Гріѣдутъ они съ лодочкой на озеро въ тундрѣ, а оно, какъ стекло, вода чистая, видно, какъ рыба ходитъ, и рыба всякая: то красная, то бѣлая, серебристая, съ крапинками,—кунжа, таймень. Іоставятъ сѣти, переждутъ ночь, а утромъ рано ѣдутъ добывать. Нагрузятъ полонъ носъ лодки рыбой, а она, какъ сафьянъ съ серебромъ, тамъ плещется. Выберутъ любую, положатъ ее на весло, поскребутъ ножомъ, потычутъ ей въ хвостъ, чтобы крови

выступила, и рѣжутъ ее маленькими ленточками вдоль ребрышекъ живую, и ѣдятъ, и какъ это вкусно!

Незамѣтно пролетѣли для Ѳомы годы въ такой обстановкѣ и онъ сталъ взрослымъ.

II.

Однажды, лѣтомъ, на берегъ моря прикочевалъ со стадомъ богатый зырянинъ. Онъ поставилъ свой берестяный чумъ недалеко отъ того мѣста, гдѣ проводилъ лѣто Ѳома съ своимъ новымъ благодѣтелемъ. На берегу было прохладно отъ моря и зырянинъ рѣшился жировать. Громадное стадо оленей разбрелось вдоль берега и отдыхало отъ жаровъ и овода.

Ѳомѣ очень хотѣлось побывать въ чумѣ богатаго зырянина и вотъ они съ хозяиномъ, захвативъ пару живыхъ, громадныхъ таймeней, отправились дѣлать сосѣду визитъ. Ихъ приняли, угостили свѣжимъ оленьимъ мясомъ,—самоѣды уже забыли, когда ѣли его,—но оленя, какъ разсчитывали они, имъ не подарили. Это очень обидѣло ихъ. «Вотъ какъ! по нашей землѣ ходитъ, нашъ мохъ топчетъ, а бѣдному самоѣду жаль дать оленя!»—и они рѣшились отбить у зырянина часть стада.

У самоѣдовъ это совсѣмъ не считается грѣхомъ: по ихъ понятіямъ, Богъ далъ имъ тундру и надѣлилъ ихъ оленями; когда они у одного переведутся, другіе подѣлятся съ нимъ, а «теперь зырянинъ захватилъ у нихъ оленей и хочетъ отобрать еще и тундру». Отбить оленей, украсть ихъ для самоѣда не только не составляетъ преступленія, но даже является похвальнымъ поступкомъ, отвагой, удальствомъ, о которомъ тундра долго еще будетъ говорить, какъ о самой интересной новости. Какъ только начались туманы, какъ только потянули они съ моря передъ ненастьемъ и густо одѣли тундру, самоѣды собрались, запрягли свои единственныя сани, заѣхали ночью въ стадо, отбили косякъ оленей и неслышно скрылись въ сторону Урала. Погони не было, суда же самоѣды не боятся,—тамъ его еще нѣтъ, да и судиться тамъ такъ дорого стоитъ, что самъ зырянинъ, хотя отъ природы и сутяга, не согласился на это, чтобы не потерять еще больше. А тундра такъ велика для самоѣда, что онъ можетъ весь вѣкъ прогулять по ней, не ступивъ ногой на старое мѣсто.

Зимой они были уже на Оби. Теперь паслось около ихъ чума тр[illegible] оленей, а у Ѳомы было уже двѣ драгоцѣнности—ружье и Пс[illegible]

Ѳома совсѣмъ превратился въ охотника. Зимой онъ охотится за дикими оленями въ горахъ, за бѣлкой въ лѣсу; весной ставитъ незамысловатыя сѣточки съ чучелами на глупую куропать и свертываетъ имъ головы, а осенью душитъ капканомъ песца. Онъ уже самъ теперь добываетъ себѣ и на малицу, и въ котелъ; онъ уже подумываетъ завести себѣ «иньку» и не боится пропасть съ ней съ голоду. Это даже становится для него необходимостью, потому что старая самоѣдка уже ворчитъ, когда чинитъ дырявыя пимы и малицу.

Однажды, лѣтомъ, они пришли на рѣку Кару. Лѣтомъ туда собираются подобные имъ бѣдняки ловить вкусныхъ лососей, которые массой заходятъ въ эту рѣку съ Карскаго моря.

Тамъ лѣтомъ самое бойкое, населенное мѣсто родины самоѣдовъ; берега рѣки сплошь усѣяны берестяными чумами самоѣдовъ,—это настоящій курортъ для нихъ, гдѣ они проводятъ теплое лѣто, гдѣ ихъ молодежь играетъ всю свѣтлую ночь напролетъ.

Здѣсь Ѳома встрѣтилъ одну широколицую, маленькую красавицу, которая заставила его позабыть и старый Псалтырь, и охоту.

Ѳома полюбилъ ее и, по этикету самоѣдовъ, проводилъ почти все время въ чумѣ ея молчаливаго отца. Придетъ къ нему, сядетъ по лѣвую сторону очага и сидитъ вплоть до вечера, другой разъ и поужинаетъ, и спать тутъ же ляжетъ. Говорить имъ не о чемъ и не для чего. Дѣвушка къ нему привыкла, и Ѳома сдѣлалъ ей предложеніе,—гдѣ-то тутъ же за чумомъ. Свѣтлыя ночи мѣшаютъ настоящимъ свиданіямъ, да и самый амуръ для самоѣдовъ, пожалуй, хуже медвѣдя.

— А ты прокормишь ли меня?—спрашиваетъ она Ѳому.

— Прокормлю,—говоритъ Ѳома.

— А бить порато будешь?

Ѳома благоразумно промолчалъ. Дѣвушка согласилась, и Ѳома послалъ на другой же день сватовъ торговать невѣсту.

Тѣ вырѣзали въ тальникѣ по тросточкѣ, навязали на нихъ по красному лоскуту и отправились къ молчаливому отцу невѣсты. Старикъ запросилъ «порато дорого», какъ нашелъ Ѳома; сватамъ пришлось не мало времени ходить изъ чума въ чумъ и клеймитъ палочки зарубками, чтобы сторговаться. Старикъ все нарѣзывалъ, сколько ему хотѣлось взять за дочь оленей, а Ѳома все срѣзывалъ его нарѣзки и думалъ уже стащить дѣвушку тайкомъ, какъ Псалтырь, но, къ счастью, все дѣло уладилось. Ѳома заплатилъ тестю 20 оленей, сколько-то песцовыхъ и тюленьихъ шкуръ, посулилъ по веснѣ отдать бочку ворвани и свадьба состоялась.

Черезъ годъ у нихъ родилась дѣвочка.

Черезъ три года они пріѣхали на Печору продавать свои промыслы и попали въ Пустозерскъ. Тамъ они попались на глаза доброму священнику, тотъ повѣнчалъ ихъ и окрестилъ ихъ дочь. Ѳому очень удивило то обстоятельство, что у него спрашиваютъ, какъ онъ желаетъ назвать свою дочь. Имя для женщины считается у самоѣдовъ излишнею роскошью. Вышло нѣкоторое недоразумѣніе, но, въ концѣ-концовъ, его дочь назвали «Машей».

Добрый миссіонеръ, узнавъ, что Ѳома грамотный, читаетъ Псалтырь, проэкзаменовалъ его и похвалилъ. Ѳома привязался къ нему, сталъ ходить въ церковь и даже выучился пѣть,—его пускали на клиросъ. Церковь, служба, пѣніе на него производили сильное впечатлѣніе, онъ не пропускалъ случая бывать въ храмѣ и даже въ праздникъ «Николы» привязалъ къ оградѣ церкви оленя, по примѣру богатыхъ самоѣдовъ и зырянъ.

Весной Ѳома даже побывалъ на исповѣди, но тутъ вышло маленькое недоразумѣніе: Ѳому очень обидѣло то, что его стали спрашивать: «не воровалъ ли онъ?»

Онъ такъ смутился, что сначала даже не могъ говорить, но потомъ вдругъ разсердился, началъ запираться, потомъ сознался. Ну, что-жь, если онъ угналъ стадо, то это не грѣхъ, если онъ стащилъ у зырянина Псалтырь, то она ему была не нужна. Ѳома, наконецъ, такъ растрогался, что бѣдный священникъ поскорѣе поторопился прикрыть его эпитрахилью и простить ему всѣ грѣхи, вольные и невольные.

Въ этомъ же селѣ въ первый разъ въ своей жизни Ѳома попробовалъ и чаю, но ему не такъ понравился этотъ пустой напитокъ, какъ тотъ, который продавался въ кабакѣ. Ѳома оцѣнилъ его какъ слѣдуетъ и такъ загулялъ вмѣстѣ съ молодухой, что къ веснѣ около ихъ чума не видно было ни одного оленя. Но Ѳому не страшила теперь бѣдность. У него никогда не было столько друзей, какъ въ это время, а съ друзьями, думалось Ѳомѣ, прожить вѣкъ—сущій вздоръ. Но ему пришлось разочароваться въ первое же похмѣлье; когда онъ попросилъ въ первый разъ дать ему взаймы [illegible]а четушку, ему грубо отказали. Это его страшно обидѣло и он[illegible] жестоко выругалъ своихъ друзей по кабаку, при общемъ смѣхѣ толпы. Его изрядно поколотили, и Ѳома въ первый разъ въ жи[illegible]и узналъ, что люди дерутся хуже звѣрей.

[illegible] нашлись и добрые люди. Одинъ русскій пустозеръ, казало[illegible]же полюбилъ Ѳому за удальство и предложилъ ему, чтобы [illegible]ѣхалъ на островъ Вайгачъ промышлять для него моржей

и звѣря. Онъ обѣщалъ ему все: и пороху, и муки, и крупы, и масла, и даже ведро водки на дорогу, не обязывая его ничѣмъ,—пошлетъ Богъ промысла, они послѣ сочтутся и Ѳома въ убыткѣ не останется. Онъ даже давалъ Ѳомѣ товарища для промысла, такого же бѣдняка, какъ и самъ Ѳома, которому тоже дѣваться было, видимо, некуда.

Ѳома вспомнилъ старое время, вспомнилъ, какъ онъ любилъ бывать съ самоѣдомъ на морѣ, какъ они ловко промышляли тамъ тюленя, бѣлугу, какъ весело, привольно бываетъ на морѣ лѣтомъ, съ радостью согласился и весной, какъ только вскрылась рѣка, онъ уже сидѣлъ на кормѣ просторнаго карбаза, на носу правилъ парусомъ его новый товарищъ, а посрединѣ, подъ парусомъ, безпечно играла на колѣняхъ матери его дочь.

Вотъ и море. Они огибаютъ послѣдній мысъ рѣки, и карбазъ, подхваченный волненіемъ и попутнымъ вѣтромъ, занырялъ въ океанской волнѣ.

«Самоѣды не боятся ничего на свѣтѣ: вытолкни его въ море, онъ и его переплыветъ»,—говоритъ Ѳома, но самъ сознается, что онъ хорошо помнитъ этотъ первый путь по морю къ о. Вайгачу.

Не успѣли они проѣхать и половины пути, какъ вѣтеръ засвѣжелъ, поднялась волна, карбазъ начало покидывать, мачту согнуло, парусъ сорвало, и не будь у Ѳомы храбрости, не встрѣчай онъ твердою рукой каждую сѣдую волну, которая горой вставала передъ носомъ, давно ихъ съѣли бы тамъ акулы. Ѳома помнитъ, какъ онъ молился «Николѣ», какъ обѣщалъ ему рублевую свѣчку, какъ вспоминалъ свои грѣхи, какъ прощался съ жизнью, но погода стихла и утромъ слѣдующаго дня въ морѣ ихъ засталъ такой штиль, такъ мѣрно и гладко катились волны, что, казалось, не ушелъ бы съ этого моря.

Поднялось солнце надъ сѣрымъ горизонтомъ, освѣтило гребни волнъ краснымъ свѣтомъ, заиграло лучами въ воздухѣ, заискрилось въ водѣ, и бурная ночь была забыта. Скоро подъ солнцемъ показались бугры, сопки Вайгача, обрисовался пестрый отъ снѣгу берегъ и Ѳому встрѣтила вѣстница земли—бѣлая чайка.

Ѳома подплывалъ къ одному каменистому мысу острова и д[illegible]малъ уже остановиться въ открывшемся заливѣ, какъ вдругъ е[illegible]о встрѣтило стадо моржей. Беззаботные, веселые, любопытные, гр[illegible]мадные ластоногіе вздумали посмотрѣть, кто плыветъ къ нимъ [illegible]а встрѣчу, окружили карбазъ и стали заглядывать въ него. Од[illegible]и плыли за кормой, другіе, посмѣлѣе, прыгали изъ-подъ вод[illegible], третьи—неожиданно вставали рядомъ съ бортомъ и, отфыркивая[illegible],

такъ заносили свои бѣлые клыки на лодку, что, казалось, хотѣли залѣзть въ нее силой. Маша такъ перепугалась, что подняла крикъ.

Это еще болѣе встревожило ластоногихъ, они бросились къ карбазу и чуть было не опрокинули его, полагая, что люди взяли у нихъ маленькаго детёныша, который и стонетъ въ карбазѣ.

Чѣмъ бы кончилась эта погоня звѣря — неизвѣстно, но, къ счастью Ѳомы, ихъ спасла близость берега. Одна самка долго еще гналась за лодкой.

Какимъ мертвымъ показался Ѳомѣ этотъ островъ! Черныя скалы, изрѣзанный, высокій, каменистый берегъ, гдѣ еще лежатъ подбитые океанскою волной ледъ и снѣгъ, сѣрая, волнистая тундра, съ однообразнымъ мохомъ, и ни одного звука въ воздухѣ, ни одного движенія на равнинѣ. Ѳома попалъ въ пустынную бухту. На другой день они отправились далѣе и остановились въ глубокомъ заливѣ, гдѣ было замѣтно присутствіе морского звѣря, гдѣ было можно надѣяться на промыслы.

Сколько чудесъ насмотрѣлся Ѳома въ короткое, свѣтлое полярное лѣто! Онъ видѣлъ, какъ свѣтлы, какъ роскошны тамъ лѣтнія зори, какъ солнце въ полночь спускается къ горизонту моря огромнымъ краснымъ огненнымъ шаромъ, какъ тихо оно плыветъ надъ нимъ въ розовомъ туманѣ, освѣщая и горы, и острова, и плавучія льдины, и черныя, безпривѣтныя скалы береговъ розовымъ свѣтомъ, чтобы снова, затѣмъ, подняться выше, даже не коснувшись горизонта моря. А какъ тихо, какъ спокойно въ такія лѣтнія ночи! Ѳомѣ случалось видѣть, какъ на гладкой водной поверхности передъ нимъ далеко-далеко то вдругъ вставали горы льда, обрисовывались какіе-то неизвѣстные, чуть видимые острова, появлялся парусъ, тихо проплывало судно, какъ все это медленно утопало въ морѣ или поднималось на воздухъ и отражалось вдвойнѣ и въ водѣ, и въ воздухѣ. Ѳома не вѣрилъ глазамъ, ему казалось, что онъ видитъ сонъ, что онъ совсѣмъ на другомъ свѣтѣ. Онъ слышалъ, какою шумною жизнью пробуждается тамъ природа, какими стадами, стаями, съ шумомъ, криками, несутся туда пернатые гости сѣвера, какъ вдругъ оживаетъ подъ ними и море, и островъ, какими радостными криками наполняется воздухъ въ свѣтлыя ночи, какъ звучно отдаются они въ прозрачной дали и никому ни на минуту не даютъ забыться сномъ... И по цѣлымъ ночамъ, всматриваясь въ эту волшебную жизнь, онъ больше и больше отдавался ей и ему не скучной казалась и его пустынная, однообразная трундра, и его бойкій, пьяный Пустозерскъ.

Начались промыслы. Сколько богатства въ морѣ, на льдахъ, на островахъ, по склонамъ невысокихъ горъ, гдѣ бродитъ олень, гдѣ нѣжится тюлень, гдѣ несется гага, свивая теплое гнѣздо, гдѣ по ночамъ скликаетъ самку бѣлый песецъ, гдѣ пасется стадомъ крикливый гусь, гдѣ цѣлыми стаями кричитъ, плаваетъ, шумитъ, плещется разная пернатая дичь полярной страны на привольѣ!

Однажды они попали на громадную лежку моржей. Ѳома увѣряетъ, что моржей было штукъ 200. Они въ безпорядкѣ, выбравшись съ моря, лежали на каменистомъ берегу острова, то сбившись въ кучи, то растянувшись рядами по берегу, то перекинувшись другъ черезъ друга, положивши толстыя головы съ бѣлыми блестящими клыками, какъ попало, на своихъ сосѣдей. Они крѣпко спали на берегу подъ лучами низкаго солнца, которое такъ и слѣпило глаза своимъ отраженнымъ свѣтомъ, такъ и располагало ко сну даже бодраго человѣка.

Моржи по временамъ просыпались, поднимали головы, сонливо оглядывались, кряхтѣли, стонали, переползали съ мѣста на мѣсто, чесались клыками, били ластами сосѣдей, дрались изъ-за мѣста и снова укладывались спать съ какимъ-то наслажденіемъ, кидая толстую голову куда попало. Между громадными тушами спящихъ моржей ползали, похрюкивая, какъ свиньи, маленькіе моржата, обнимались катрами, чесали другъ друга мохнатою мордой, что-то ворчали другъ другу, плескались, ныряли у берега, съ шумомъ выскакивали на сушу и неуклюже ползли къ матерямъ, когда надъ ними пролетала моржевая чайка. Все это хрипѣло и стонало такъ, что было слышно за три версты. У самоѣдовъ помутилось въ глазахъ отъ этого счастья и они, подобравшись вплоть къ стаду, долго смотрѣли, не смѣя перевести дыханіе. Наконецъ, они составили планъ охоты, выбрали крайняго самца-одиночку, который спалъ одинъ въ сторонѣ отъ безпокойной молодежи, положивъ свою громадную голову съ однимъ поломаннымъ клыкомъ на льдину, и рѣшились къ нему подобраться.

Они ползутъ къ нему въ растяжку, старательно прячась за льдину, за каждый выступъ берега, таща за собой гарпунъ, веревку, якорекъ отъ карбаза и долгую, острую пику. Вотъ они всего въ пяти саженяхъ отъ животнаго; шорохъ будитъ моржа, онъ лѣниво протягивается, просыпается, высоко привстаетъ на катрахъ и долго смотритъ на нихъ заспанными, сердитыми глазами, а самоѣды не смѣютъ дохнуть, не смѣютъ пошевелиться и застыли въ неловкой позѣ. Но ослѣпительные лучи солнца не даютъ моржу разсмотрѣть враговъ, онъ думаетъ, что это подползъ его товарищъ,

кряхтитъ, покачивается въ изнеможеніи, дремота долитъ его, онъ опускаетъ клыки, борется съ дремотой еще минуту, со стономъ, въ изнеможеніи, съ размаху бросаетъ голову на ледъ и засыпаетъ, оглашая воздухъ здоровымъ храпомъ. Это самая счастливая минута для промышленниковъ. Они смѣло подползаютъ ближе, заносятъ за льдину якорь, съ размаху втыкаютъ въ моржа острый гарпунъ и, отскочивъ, падаютъ на берегъ. Моржъ съ ревомъ сбрасывается въ воду и исчезаетъ... Вотъ онъ поднимается, кровь фонтаномъ бьетъ изъ его раны, онъ хочетъ стащить съ берега льдину, но льдина тяжела, онъ хочетъ вырвать гарпунъ, но гарпунъ крѣпко вошелъ и зацѣпился крючкомъ за толстую шкуру. Моржа докалываютъ пикой и онъ всплываетъ кверху, окрашивая зеркальную поверхность воды кровью.

Самоѣды бьютъ другого, третьяго, четвертаго моржа; имъ уже не нуженъ теперь якорь, они смѣлѣе подбираются изъ-за туши одного къ другому, колютъ твердою рукой все, что подвернется подъ руку, оставляя за собой цѣлые фонтаны крови, десятки труповъ безпощадно убитыхъ животныхъ. Ихъ опьяняетъ кровь, имъ трудно остановиться, имъ некогда отдохнуть, они уже не скрываются въ засадѣ и открыто хозяйничаютъ среди стада, которое проснулось отъ стоновъ убитыхъ товарищей, но не можетъ разобрать, что̀ происходитъ на берегу: дерутся ли тамъ враги, напалъ ли на нихъ бѣлый медвѣдь, или это молодежь подняла возню. Наконецъ, они замѣчаютъ тревогу, сбрасываются въ воду и, сердито оглядываясь на людей, уходятъ въ море.

Какъ ребенокъ, стонутъ и плачутъ молодые моржата, плавая подъ самымъ берегомъ, гдѣ лежатъ ихъ убитыя матери; они ни за что не хотятъ уходить за стадомъ, съ жалобнымъ стономъ выползаютъ на берегъ, отыскиваютъ трупы матерей, обнюхиваютъ въ удивленіи кровь, ползаютъ по тушамъ, будятъ ихъ, шлепая ластами, жалобнымъ ревомъ оглашаютъ берегъ, съ глазами, полными слезъ, смотрятъ на приближающагося человѣка, но безжалостная рука самоѣда прикалываетъ ихъ. Берегъ, трупы животныхъ, сами промышленники, ледъ и снѣгъ,—все покрывается кровью.

Еще не наступила осень, еще не стихла жизнь на этомъ островѣ, еще не улетѣли пернатые гости сѣвера, какъ Ѳома уже оставилъ берегъ и плыветъ на парусахъ, съ попутнымъ вѣтромъ, на тяжело нагруженномъ карбазѣ, гдѣ лежитъ распластанное сало, валяются шкуры, видны красивые бѣлые клыки, а между ними его доч[illegible] которую все забавляетъ, играетъ головами моржатъ, вмѣсто ку[illegible]ъ.

Ѳомѣ уже грезится беззаботная жизнь и разгулъ кабака, ему кажется, что онъ богачъ, что у него уже стадо оленей, что у него опять теплый чумъ, оленье мясо въ котлѣ и что онъ уже живетъ беззаботною жизнью бродячаго, вольнаго самоѣда тундры. Но, увы, все безслѣдно скрылось въ большихъ амбарахъ пустозерскаго кулака, и не успѣлъ Ѳома погулять и мѣсяцъ, какъ снова очутился въ роли батрака пустозера.

На второй, на третій годъ повторяется та же исторія. Ѳома объѣхалъ весь островъ, перебилъ сотни моржей, тысячи тюленей, переловилъ капканами сотни песцовъ, осмотрѣлъ десятки острововъ, собирая тамъ гагачій пухъ, но по-старому остался бѣднякомъ, и, казалось, собери онъ все богатство моря, не вырваться ему изъ когтей этого кулака, не воротить ему потерянной свободы.

III.

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Слава Ѳомы, какъ удачливаго, ловкаго охотника, какъ хорошаго лоцмана, какъ удалого старосты промышленной артели, все больше и больше распространяется въ Пустозерскѣ. Имъ дорожатъ, его просятъ, къ нему пристаютъ товарищи, чтобъ онъ взялъ ихъ на промыслы, въ свою артель; теперь онъ самъ снаряжаетъ карбазъ, теперь уже ему довѣряютъ и ружья, и суденышко, и провизіи на годъ, и снасти, и все, что можетъ составить цѣлое состояніе самоѣда.

Онъ знаетъ уже весь Вайгачъ, онъ побывалъ и на о. Колгуевѣ и теперь мечтаетъ о Новой Землѣ. Онъ помнитъ, какъ онъ былъ въ Карскихъ воротахъ за моржами, какъ въ тихій день на сѣверѣ показались сквозь дымку тумана и испареній моря ледяныя горы Новой Земли. Тогда онъ долго смотрѣлъ туда съ горы, стараясь разсмотрѣть загадочную землю, припоминая, какія чудеса разсказывали про нее въ Пустозерскѣ старые русскіе моряки, что будто они вывозили оттуда цѣлыя состоянія, какъ находили тамъ золото, серебро, драгоцѣнные камни. Тамъ жизнь, полная сказочныхъ приключеній, тамъ охотятся на бѣлаго медвѣдя, тамъ много звѣря и на морѣ, и на сушѣ.

Съ тѣхъ поръ Ѳома не можетъ забыть эти ледяныя горы полярнаго острова, съ тѣхъ поръ его что-то необъяснимое тянетъ туда познакомиться съ тамошнею жизнью, попытать счастье, найти свободу... Теперь, даже въ кабакѣ, онъ часто задумывается о Новой Землѣ, видитъ ее даже во снѣ и все больше и больше представляетъ себѣ, что онъ уже тамъ, бродитъ, охотится, гоняется на льду за

бѣлыми медвѣдями, свободный, весь отдавшійся страсти природнаго охотника.

Наконецъ, онъ не вытерпѣлъ и сталъ проситься на Новую Землю у своего пустозера.

Хозяинъ былъ радъ этому. Въ памяти пустозерскихъ стариковъ еще свѣжо то время, когда ихъ удальцы отправлялись туда на мохомъ шитыхъ ладьяхъ и вывозили оттуда цѣлыя состоянія въ видѣ моржевыхъ и медвѣжьихъ шкуръ, дорогого голубого песца и заваливали всякимъ добромъ цѣлые амбары, и хозяинъ Ѳомы съ радостью согласился.

Собралась артель, снарядили пару новыхъ карбазовъ, взяли годовой припасъ, пороху, свинцу, сѣти, солонину, муку,—все, что нужно для незамысловатой зимовки неизбалованнаго самоѣда, и экспедиція была готова.

Ѳома успѣвалъ выслушивать совѣты стариковъ, какъ бороться съ гостьей сѣвера — цынгой, какъ промышлять бѣлаго медвѣдя, какъ строить зимовки, въ какомъ заливѣ богаче промыслы, гдѣ еще можно встрѣтить старое зимовье, гдѣ похоронены жертвы цынги и пр. Ѳома былъ героемъ весны 1867 года, и немудрено, что онъ при отвалѣ напился такъ, что опомнился только тогда, когда за ихъ кормой исчезалъ уже въ туманѣ низменный берегъ его пустынной родины. Позади тонули ея круглые бугры, а впереди беззвучно катились одна за другой сѣрыя волны въ синій просторъ океана.

Ѳома о чемъ-то думалъ и смотрѣлъ на исчезающій берегъ родины. Онъ простился съ ней навсегда.

Начался долгій, утомительный, опасный путь въ сосѣдкѣ полюса, Новой Землѣ. Ѳома не разъ пожалѣлъ, что онъ не послушался совѣтовъ моряковъ: держаться береговъ Вайгача, и пустился напрямикъ моремъ къ невѣдомому острову. Пока весенняя волна катилась мѣрно, пока встрѣчались плавучіе льды, путь еще былъ изъ обычныхъ, но вотъ открылся просторъ океана, волна загуляла на просторѣ грознѣе, вѣтерокъ потянулъ и засвисталъ въ парусѣ, вода зашумѣла подъ широкою кормой и карбазы, одинъ за другимъ, стали нырять, какъ утки, въ волны. У Ѳомы не разъ вставали дыбомъ волосы, онъ чувствовалъ, какъ его охватывалъ настоящій ужасъ, какого онъ давно не испытывалъ. Онъ неохотно вспоминаетъ это время, еще и теперь мотаетъ при этомъ воспоминаніи головой и отмахивается отъ непріятныхъ картинъ. Разъ у нихъ сорвало руль, волна цѣликомъ залѣзла въ карбазъ, Ѳома думалъ уже, что все кончено, но словно чья-то рука подняла карбазъ на гребень волны и самоѣды кое-какъ справились, бросивъ поскорѣе за

корму канатъ. Другой разъ Ѳому смыло съ кормы за бортъ, онъ затонулъ, но товарищи вытащили его за волосы. Они связались карбазами вмѣстѣ, составили что-то вродѣ плота, чтобы ихъ не разбило и не раскидало по морю, боролись цѣлую ночь съ бурей, но счастье было еще на ихъ сторонѣ и на четвертый день они увидали вдали, словно скопившіяся облака, ледяныя горы загадочной земли.

Вслѣдъ за бурей наступилъ штиль. Самоѣды шли цѣлый день и всю ночь на веслахъ къ одной высокой горѣ, но она все казалась на одномъ мѣстѣ. Это ихъ страшно поразило, — имъ казалось, что какая-то невидимая сила держитъ ихъ на мѣстѣ, не допускаетъ до загадочнаго острова. На другой день передъ ними всталъ неожиданно густой туманъ и все скрылось изъ глазъ: и море, и гора, и небо; казалось, они одни очутились на какомъ-то клочкѣ воды, гдѣ одна за другой мѣрно катятся тихія волны, то поднимая ихъ на свой гребень, то опуская внизъ. Въ этомъ туманѣ, боясь заблудиться, отдавшись теченію, они пробыли цѣлыя сутки, качаясь съ одной волны на другую.

Но вотъ стѣна тумана двинулась, подулъ вѣтеръ, погода установилась и ихъ понесло въ обратную сторону. Съ горъ, со стороны Новой Земли, потянулъ такой бризъ, что нельзя было поставить даже парусъ. Волна мелкимъ гребнемъ катилась одна за другой, вѣтеръ срывалъ ихъ вершины и мелкою пылью обдавалъ путниковъ; но чѣмъ дальше ихъ относило, тѣмъ тише становился бризъ и скоро они справились. Черезъ сутки они снова приблизились къ острову; онъ открылся имъ изъ-за тумана такъ неожиданно близко, что они не вѣрили своимъ глазамъ. Передъ ними теперь стояли громадныя горы съ черными откосами, отвѣсно спускаясь къ морю; на горахъ еще повсюду лежалъ снѣгъ; самоѣды при мертвой тишинѣ вошли въ одинъ узкій фіордъ и съ любопытствомъ въ первый разъ вступили на голый камень острова. Какимъ безотраднымъ, пустыннымъ показался онъ имъ, какимъ холодомъ вѣяло отъ его ледяныхъ горъ! Ѳома былъ пораженъ, что здѣсь нѣтъ земли, а всюду одинъ камень, снѣгъ и только кое-гдѣ виднѣлись признаки жалкой растительности, передъ которой ихъ тундра кажется тропическимъ міромъ. Ѳома пошелъ съ ружьемъ, опасаясь встрѣтиться съ бѣлымъ медвѣдемъ. Долго сидѣлъ онъ на вершинѣ и прислушивался, не нарушится ли хотя однимъ звукомъ эта мертвая тишина, не покажется ли гдѣ-нибудь хотя признакъ жизни, но островъ еще спалъ, еще не пробудился къ весенней жизни. Ѳомѣ казалось, что онъ попалъ въ другой міръ, что онъ сидитъ на за-

колдованномъ царствѣ, пріѣхалъ сюда не на счастье, а на смерть отъ голода, стужи и цынги. Онъ готовъ былъ уже ѣхать обратно, но любопытство взяло верхъ и самоѣды на другой же день отправились дальше къ сѣверу вдоль берега.

Тамъ они неожиданно наткнулись на слѣды человѣка. На берегу широкаго залива, въ одной красивой бухточкѣ, виднѣлась полуразвалившаяся избушка; не далеко отъ нея на горкѣ стоялъ покосившійся крестъ, кругомъ валялось нѣсколько обглоданныхъ череповъ, а на берегу догнивалъ старый карбазъ. Это были слѣды одного зимовья, гдѣ какіе-то поморы, подобно Θомѣ, отважились поселиться, но всѣ вымерли; быть можетъ, съ тѣхъ поръ прошло уже столѣтіе, а ихъ слѣды еще не уничтожили ни время, ни климатъ. Θома задумался, но ему понравились эта тихая бухта, эти горы, видъ этихъ островковъ, словно какою-нибудь прихотливою рукой разбросанныхъ въ заливѣ, и онъ рѣшилъ здѣсь жить.

Заливъ оказался богатымъ. Самоѣды постоянно видѣли стада бѣлугъ, изъ-подъ берега на нихъ смотрѣли любопытныя нерпы, словно разглядывая, кто опять появился въ ихъ владѣніяхъ, въ горахъ часто бродили олени. Промыселъ оказался громаднымъ и артель стала уже поговаривать объ отправкѣ, но Θома заявилъ, что онъ останется здѣсь жить.

Долго артель уговаривала Θому бросить эту мысль, долго стращала его и цынгой, и холодомъ, но все было напрасно. Артель взяла на дорогу припасовъ, простилась и убѣжала изъ залива на парусѣ въ море.

Съ Θомой остался только одинъ бѣднякъ самоѣдъ, по прозванью Самдей. Переворотили они бревна старой избушки, сложили новую рядомъ, устроили въ ней чувалъ изъ камней, сдѣлали нары по бокамъ, прорубили окно къ морю, сдѣлали два вылаза на случай визитовъ бѣлыхъ медвѣдей, заткнули дыры мохомъ, обложили стѣны шкурами и стали дожидать холодной зимы. Провизіи у нихъ было года на два, пороху на годъ, въ горахъ бродилъ олень, пропасть съ голоду они не боялись, только бы не цынга, а цынги они боялись. Женѣ Θомы и его дочерямъ было рѣшительно все равно, гдѣ бы ни жить, онѣ только и думали, что о своемъ хозяйствѣ.

Наступила осень, дни стали короче, и Θома, выйдя однажды изъ избушки, не узналъ Новую Землю; она вся покрылась снѣгомъ, слилась съ сѣрымъ небомъ и застыла въ снѣжномъ нарядѣ. Только одно море, казалось, боролось съ зимой, никакъ не желая смирить свои могучія волны. Онѣ, попрежнему, бились о каменистый берегъ, попрежнему, еще сильнѣе осаждали каждый утесъ берега. Одни за

другими, стаями, съ крикомъ, понеслись къ югу пернатые гости берегъ опустѣлъ, море опустѣло также, и только одни голодные песцы бѣгали по берегу, отыскивая выброшенную моремъ рыбу.

Дни быстро убывали, солнце все ниже и ниже скользило по горизонту; вотъ оно въ послѣдній разъ показалось за горами, облило на прощанье островъ краснымъ свѣтомъ и зашло, уступая мѣсто темному сегменту, который уже давно стоялъ на сѣверѣ, надвигаясь все болѣе и болѣе на югъ за солнцемъ.

Зимовщики нѣсколько дней видѣли, какъ золотились вершины горъ, но солнышко скрылось и наступили сумерки полярной ночи. Въ горахъ зашумѣлъ вѣтеръ, потянулись снѣга, забѣгали другъ за другомъ вихри, зашумѣло, вспѣнилось море и засвистѣла первая снѣжная буря.

Много разъ Ѳома прислушивался, что̀ такое поетъ надъ его жалкимъ убѣжищемъ буря; много разъ зарывало его хижину снѣгомъ такъ, что обитатели вылѣзали въ дымовую трубу; много разъ они по недѣлямъ просиживали, не выходя наружу, когда на дворѣ носился вихрями снѣгъ, когда всѣхъ сбивало съ ногъ, словно стараясь уничтожить все живое на этой землѣ.

Но было и тихое время. Тогда ребятишки выползали съ радостью изъ зимовки и катались съ крыши по сугробамъ; зимовщики ходили на льды охотиться, промышляли нерпу, собирали по берегу выброшенный моремъ лѣсъ и таскали съ берега дрова.

Наступила зима, начались морозы, затрещала земля, камень, льды на морѣ, застылъ широкій заливъ, стало еще темнѣе. Теперь сумерки разнообразятся только слабою зарей, которая уже не въ силахъ даже согнать съ небосклона вечерней звѣзды. Теперь все скрылось изъ глазъ: не видно ни горъ, ни моря, ни ближайшихъ острововъ, даже ближайшей горки, гдѣ стоитъ крестъ. Все утонуло, и надолго, въ сѣромъ сумракѣ полярной ночи, осталась только одна площадка снѣга, съ занесенною снѣгомъ, забитой сугробами зимовальною избушкой, со слѣдами человѣка, съ санками на крышѣ и одинокимъ карбазомъ въ сторонѣ.

Чтобы не потерять счетъ днямъ, Ѳома выстрогалъ деревянный календарь и началъ зарѣзывать на немъ будній день зарубочками, а воскресенье крестикомъ, не забывая зажигать свѣчку передъ образомъ своего покровителя «Николы» и праздновать, какъ научилъ его добрый пустозерскій батюшка.

По вечерамъ онъ, попрежнему, читаетъ вслухъ свой Псалтырь, забывая все на свѣтѣ; его жена молчаливо чинитъ малицы, пимы, а малыя дѣти-дѣвочки беззаботно разговариваютъ со своими кукла-

ми изъ оленьихъ лоскутовъ и напѣваютъ имъ что-то. Такъ проходятъ дни за днями, недѣли медленно тянутся за недѣлями въ полярную ночь. Однажды, — разсказываетъ Ѳома, — къ ихъ зимовью пришелъ бѣлый медвѣдь. Въ избушкѣ были только одни дѣти да старуха Арина. Слышатъ они, кто-то ходитъ по потолку и роется. Высунула Арина голову въ отверстіе, изъ котораго дымъ изъ очага выходитъ, и присѣла. Съ крыши на нее смотритъ бѣлый мѣдвѣдь, даже голову опустилъ и нюхаетъ, чѣмъ въ избѣ пахнетъ. Подбросила она поскорѣе на очагъ дровъ и давай выживать гостя съ крыши дымомъ. Вѣроятно, не понравился такой пріемъ гостю, онъ стащилъ съ крыши тюленя и помѣстился завракать у самыхъ дверей избушки. Чѣмъ бы кончился этотъ завтракъ голоднаго гостя, неизвѣстно, но, къ счастью, пришли съ моря промышленники, увидали медвѣдя у избушки, натравили на него собакъ, тѣ бросились на него, стали щипать его и медвѣдь бросился бѣжать къ морю. Мѣткая пуля Ѳомы догнала его и положила на снѣгъ. Это былъ большой праздникъ для Ѳомы,—это былъ его первый медвѣдь. Онъ вспомнилъ повѣрье самоѣдовъ на Уралѣ, поклонился медвѣдю въ землю и извинился, что убилъ «хозяина Новой Земли». Потомъ Ѳома много билъ этихъ любопытныхъ пассажировъ льдовъ полярнаго моря, весной даже поймалъ одного медвѣженка живымъ и привезъ его на забаву дѣтямъ. Онъ говоритъ, что дѣвчонки были страшно рады бѣлому кавалеру, угощали его саломъ, выстроили ему изъ снѣга домъ и возились съ нимъ цѣлые дни, какъ съ товарищемъ, хотя онъ часто царапалъ ихъ когтями.

Такъ, потихоньку, миновало темное время, такъ прошла зима.

Послѣ Крещенія,—говоритъ Ѳома,—ярче загорѣлась заря, день сталъ быстро прибывать, начались промыслы на льду залива, открылась охота въ горахъ за оленемъ, дѣти начали чаще бѣгать на ближайшую горку и смотрѣть, скоро ли покажется красное солнышко, и однажды съ шумомъ ворвались въ избушку и объявили, что солнце выходитъ; тогда всѣ бросились на дворъ и видятъ, дѣйствительно, изъ-за горы выкатывается краемъ благодатное солнце. Дѣти чуть не плачутъ отъ радости, даже Ѳомѣ, и тому весело стало, когда онъ увидалъ благодатное свѣтило. Выкатилось оно на половину, [о]зарило все своимъ свѣтомъ и снова закатилось, но на другой [де]нь показалось уже все, и начался настоящій день.

Только одинъ человѣкъ изо всей семьи не дождался этого ра[до]стнаго времени — товарищъ Ѳомы. Онъ, еще съ осени, затосковалъ по родинѣ, сталъ задумываться, похудѣлъ, началъ подолгу [в]сыпаться, потомъ опухъ, на ногахъ у него появились раны,

десна загнили, онъ слегъ и, незадолго передъ появленіемъ солнца, его нашли мертвымъ въ постелѣ. Это было большое горе для Ѳомы; ему еще приходилось въ первый разъ хоронить человѣка, а могилы было выкопать нечѣмъ. Порылся онъ въ камняхъ и положилъ покойника пока, до весны, въ сугробъ около скалы. Но послѣ Ѳома не нашелъ его и очень жалѣлъ, что предоставилъ товарища въ въ пищу голоднымъ лисицамъ.

Долго тянулось холодное время, давно уже солнце кружилось по горизонту, уступая все болѣе и болѣе ночь свѣтлой зарѣ, но тепла еще не было.

Наконецъ, лучи заиграли теплѣе, черныя скалы согрѣлись, изба оттаяла, съ горъ сползли заносы, ледъ въ морѣ зашевелился и настала весна.

Хорошо въ это время на Новой Землѣ!

Ѳома не разстается съ моремъ: тамъ на льдахъ грѣется подъ теплыми лучами лѣнивый тюлень, туда уже давно прилѣтели гаги, ледяныя утки, всякая водяная дичь и море огласилось шумомъ. На берегу тоже замѣтно оживаетъ природа. По ночамъ перекликается бѣлый песецъ, кричитъ бѣлая сова, днемъ цѣлые дни и ночи заливается снѣжный жаворонокъ, сидя на выступѣ скалы, прилетѣлъ крикливый гусь, слышенъ голосъ музыкальнаго лебедя и весна шумитъ каждымъ ручейкомъ, каждою рѣчкой.

Но среди пира проснувшейся природы еще скучнѣе сдѣлалось Ѳомѣ,—его давитъ одиночество, ему не съ кѣмъ подѣлиться радостью, ему не съ кѣмъ даже сказать слова. Онъ рѣшается, какъ только вскроется заливъ, ѣхать искать моряковъ.

Разъ въ открытомъ морѣ показался парусъ, Ѳома разглядѣлъ судно, оно долго лавировало передъ заливомъ, но подулъ вѣтеръ, паруса прилегли и судно скрылось къ сѣверу. Ѳому долго волновала эта новость, и онъ рѣшилъ ѣхать на сѣверъ искать людей. Это было для Ѳомы даже необходимостью. Положимъ, онъ легко обходился безъ хлѣба, къ которому, вообще, самоѣдъ еще не привыкъ, легко ограничивался однимъ оленьимъ мясомъ, но у него выходилъ порохъ, свинца становилось мало, ружье избилось. Безъ ружья Ѳомѣ прямо грозила голодная смерть. Наконецъ, ему, просто, невыносимо хотѣлось видѣть людей, говорить съ человѣкомъ.

Онъ спустилъ на воду карбазъ, починилъ его, уложилъ провизію, снасти, остальное зарылъ въ камни, на случай бѣды, и отправился съ семьей къ сѣверу.

Онъ заходилъ въ каждый заливъ, осматривалъ каждую бухту изрѣзаннаго берега Новой Земли, въ надеждѣ гдѣ-нибудь встрѣтить

судно, человѣка, лодку, но все было напрасно,—даже признака человѣка не было на этомъ пустынномъ каменномъ берегу. Острова стояли безъ признака жизни; въ сонныхъ, глубокихъ, неизвѣстныхъ заливахъ можно было заблудиться, но, кромѣ гаги, которая порой безшумно снималась съ острововъ, покидая теплое гнѣздо, кромѣ встревоженныхъ крикливыхъ гусей, кромѣ надоѣдливой бѣлой чайки, которая надсаживалась, завидѣвъ человѣка, кромѣ одинокихъ гагаръ, все было тихо, все спало, все застыло въ какомъ-то оцѣпенѣніи передъ приближающеюся осенью.

Однажды, въ тихій, теплый день, когда даже и море заснуло, какъ зеркало, Ѳомѣ показалась вдали лодка. Онъ ясно видѣлъ, что на ней сидитъ человѣкъ, какъ будто рыболовъ. Боже, какъ онъ обрадовался, полагая, что это поморъ, промышленникъ съ Бѣлаго моря, а поморы иногда заходятъ на Новую Землю.

Ѳома ѣдетъ къ нему, но поморъ удаляется; Ѳома хочетъ догнать его, кричитъ, стрѣляетъ, въ надеждѣ обратить вниманіе, гонится за нимъ, выбиваясь изъ силъ, боясь потерять изъ виду, но поморъ пристаетъ къ берегу и исчезаетъ. Ѳома уже увѣренъ, что это зимовщикъ, промышленникъ, что, быть можетъ, тамъ, въ концѣ глубокаго залива, стоитъ его судно, выстроена караулка для дельфиновъ, но на берегу не находитъ ни человѣка, ни лодки, ни даже признака, что тутъ приставалъ человѣкъ. Ѳома выходитъ на берегъ, осматриваетъ окрестность, у него волосы дыбомъ встаютъ отъ страха и онъ, въ ужасѣ, сбѣгаетъ долой съ этого мертваго берега, отталкивается и спѣшитъ, молча, поскорѣе убраться благополучно прочь.

Это былъ миражъ. Но Ѳома до сихъ поръ увѣряетъ, что онъ видѣлъ «бѣлоглазую чудь», которая скрывается подъ землей отъ человѣка, которая только рѣдко и не передъ добромъ показывается человѣку на водѣ.

Такъ, безъ успѣха, проѣхалъ Ѳома вплоть до Южнаго Гусинаго носа, но дальше не рѣшился ѣхать, потому что боялся обогнуть осенью далеко выдавшійся въ море мысъ и Гусиную землю, низменный берегъ острова въ нѣсколько десятковъ верстъ длины и ширины на западномъ берегу Новой Земли.

Съ разочарованіемъ, съ тяжелымъ чувствомъ, Ѳома рѣшился зимовать на этомъ каменистомъ берегу мыса, и если что его тамъ занимало, то это масса гагаръ, изъ природы пингвиновъ, которые сплошь усыпали высокій каменистый берегъ. День и ночь они оглашали воздухъ своими безчисленными голосами и хотя немного разнообразили мертвую тишину острова. Ѳома часто прислу-

шивался къ этимъ голосамъ, и ему мерещились то крикъ женщины, то плачъ ребенка, то хохотъ и веселый смѣхъ цѣлой толпы народа.

Особенно это интересовало дѣтей. Они, почти вплоть до отлета пернатыхъ гостей Новой Земли, не сходили съ берега, играли съ птицами, которыя настолько не боялись людей, что сидѣли рядомъ съ человѣкомъ и позволяли ему дотрогиваться до нихъ. Догадливая жена Ѳомы даже наловила ихъ руками цѣлую сотню и припрятала на случай голода къ зимѣ.

Наступила вторая зима. Берегъ и заливъ опять опустѣли, опять Новая Земля одѣлась въ снѣжный нарядъ, опять забѣгали по снѣжной поверхности вихри, завыла буря, наступила полярная ночь, «темное время», какъ говорятъ самоѣды, опять все скрылось изъ глазъ, и наружи осталась только одна зимовка Ѳомы. Но теперь у зимовщиковъ не было даже и избушки, а стоялъ одинокій остроконечный самоѣдскій чумъ, гдѣ было почти такъ же холодно, какъ и на дворѣ, гдѣ сидѣть въ бурю было еще страшнѣе, гдѣ нельзя было спрятаться ни отъ холода, ни отъ вихря, который забѣгалъ въ чумъ, кружился снѣжною горстью, обсыпалъ все снѣгомъ и куда-то скрывался такъ же неожиданно, какъ и прибѣгалъ.

Море покрылось льдомъ, промысла не стало, олень откочевалъ въ горы, запасы пищи сократились, появилась цынга, жена Ѳомы опухла, заболѣли дѣвочки, и страшное горе посѣтило на этотъ разъ чумъ Ѳомы. Онъ думалъ уже, что придется «пропадать», что они вымрутъ всѣ, какъ вымирали прежде поморы, которымъ тоже хотѣлось попытать свое счастье на этой землѣ, которые тоже хотѣли устроиться тамъ, но ему помогъ случай.

Къ нему забрелъ какъ-то, случайно, бѣлый медвѣдь. Ѳома убилъ медвѣдя, напоилъ его свѣжею кровью дѣтей, жену, напился до отвалу самъ и болѣзнь стала проходить.

Тяжело досталась эта зимовка Ѳомѣ. Онъ даже посѣдѣлъ. Это обнаружилось только тогда, когда появился свѣтъ, когда вышло солнце.

Но еще тяжелѣе стало Ѳомѣ, когда наступило свѣтлое время, когда проснулась природа, когда снова прилетѣли гости, когда зашумѣло море и острова.

Онъ уже рѣшался было ѣхать съ повинной въ Пустозерскъ, жить вѣчно батракомъ у обманутаго имъ хозяина, но случай спасъ его отъ этого и онъ остался еще годъ на Новой Землѣ.

Однажды онъ видитъ, въ его заливъ заходитъ съ моря одномачтовое судно, спускаетъ паруса, бросаетъ якорь и становится на стоянку.

Это страшно поразило Ѳому. Въ первое время онъ думалъ даже бѣжать отъ людей въ горы, спрятать гдѣ-нибудь семью въ скалахъ, но одумался и, захвативши на случай ружье, сѣлъ на берегъ и сталъ наблюдать за судномъ. Ему представлялось, что эта встрѣча съ незнакомыми людьми не сойдетъ даромъ, что они непремѣнно должны его или ограбить, или убить,—у него было много промысла. Онъ видитъ, что его замѣтили, что на него смотрятъ въ зрительную трубу, что на него указываютъ руками, что-то кричатъ, торопятся, спускаютъ лодку, садятся и ѣдутъ къ нему. Ѳома не вытерпѣлъ, убѣжалъ въ чумъ и сѣлъ рядомъ съ женой, не говоря ни слова.

Къ чуму робко подошли норвежцы, стали во входѣ и глядятъ въ недоумѣніи, молча, въ чумъ, гдѣ сидитъ Ѳома съ испуганною семьей. Одинъ изъ норвежцевъ что-то сказалъ Ѳомѣ, но Ѳома не понялъ и еще больше испугался. Наконецъ, онъ осмѣлился, перекрестился, вышелъ къ нимъ на дворъ, палъ въ ноги и заплакалъ. Его окружили, ему говорятъ что-то ласково, его спрашиваютъ о чемъ-то, но Ѳома не можетъ понять, не можетъ унять ни слезъ, ни рыданій, а въ чумѣ еще громче плачетъ его жена, кричатъ дѣти.

Но вотъ выдвигается одинъ рослый норвежецъ, треплетъ Ѳому ласково по плечу и говоритъ Ѳомѣ: «Хорошъ, хорошъ, пропалъ нѣтъ!» Обрадовался Ѳома, услыхавши русское слово, поклонился норвержцу въ ноги, бросился къ клади, выхватилъ шкуру бѣлаго медвѣдя и подалъ ему съ поклономъ. «Хорошъ, хорошъ!»—говоритъ въ отвѣтъ норвержецъ и еще сильнѣе треплетъ Ѳому по плечу, такъ что Ѳома весь трясется. Другой подаетъ ему трубку съ табакомъ, третій огня, Ѳома не помнитъ себя отъ радости, зоветъ уже гостей въ чумъ. Арина подаетъ имъ, по обычаю самоѣдовъ, сырое оленье мясо, но не берутъ его норвежцы. Арина вытаскиваетъ имъ свѣжую рыбу, но они тоже не ѣдятъ ее сырою. Она разводитъ костеръ, но дымъ выживаетъ норвежцевъ вонъ, и они зовутъ Ѳому на судно.

Страхъ для Ѳомы смѣнился настоящимъ торжествомъ, Ѳома чувствовалъ себя гостемъ у тѣхъ, кого онъ еще такъ недавно боялся и подозрѣвалъ. Его угостили кофе и дали морскихъ бѣлыхъ сухарей. Кофе онъ съ трудомъ выпилъ, онъ казался ему противнымъ, а сухари бережно спряталъ за пазуху малицы, чтобы послѣ угостить своихъ дѣтокъ. Но отъ рому онъ не отказался, и скоро ему стало такъ весело, что онъ уже цѣловалъ норвежцевъ, говорилъ имъ по-русски и по-самоѣдски. Ему даже казалось, что его понимаютъ и на томъ, и на другомъ языкѣ. Онъ выпросилъ у нихъ по-

роху, выпросилъ свинцу, все дали ему, даже ружье, хотя оно было патронное, и Ѳома съ трудомъ научился тутъ же заряжать его. Онъ удивилъ норвежцевъ мѣткою стрѣльбой, и на ихъ глазахъ срѣзалъ пулей голову подвернувшейся гагары.

Ѳома помнитъ еще, какъ норвежцы развернули передъ нимъ большую бумагу и показывали ему, гдѣ онъ живетъ, куда онъ долженъ ѣхать. Они долго ему тыкали въ одинъ заливъ къ сѣверу, долго что-то объясняли по-своему, но, видя, что онъ не понимаетъ, вывели его на палубу и потащили за рукавъ въ сторону Гусиной земли, показывая ему наглядно, что нужно туда ѣхать, что ему нужно тамъ искать русскихъ людей. Ѳома только качалъ головой и соглашался. Но онъ послѣ припомнилъ все, что ему толковали относительно мысовъ, острововъ и примѣтъ его морского пути къ сѣверу.

Въ заключеніе онъ выпросилъ анкерокъ водки, съѣхалъ, не помня себя, на берегъ, и когда проснулся, то ни судна, ни норвежцевъ уже не было въ заливѣ, и только дѣти говорили, что они ушли къ югу, вдоль берега.

Ѳома осмотрѣлъ свою кладь, гдѣ хранились его богатые промыслы, и удивился, что за всѣ благодѣянія норвежцы взяли у него только одну моржовую шкуру да даренаго бѣлаго медвѣдя. Эта честность даже удивила Ѳому, и онъ припомнилъ пустозеровъ, которые совсѣмъ поступали съ нимъ иначе.

Не теряя времени, Ѳома склался опять въ карбазъ, зарылъ промыселъ отъ песцовъ въ камни и отправился въ путь къ сѣверу.

Обогнувъ Гусиную землю, онъ въ первомъ же заливѣ встрѣтилъ поморскій свѣжій крестъ—«слѣды стараго зимовья». Дальше, въ рѣкѣ, онъ нашелъ рыболовный запоръ, двѣ бочки изъ-подъ рыбы и слѣды неводьбы.

Онъ пустился далѣе и скоро зашелъ въ глубокій Кармакульскій заливъ, гдѣ слѣдовъ человѣка было еще больше. Тамъ, на берегу одной небольшой бухты, стояло три креста, недалеко, на низменномъ берегу бухты, стоялъ старый, негодный карбазъ, рядомъ съ нимъ валялись разныя принадлежности рыболовства. Еще дальше въ заливѣ, на берегу, опять стоялъ поморскій крестъ, а около лежали обглоданные трупы дельфиновъ. Все указывало, что еще прошлымъ лѣтомъ, когда онъ н...прасно искалъ людей южнѣе, здѣсь русскіе промышляли бѣлуг... Ѳома рѣшилъ дожидать ихъ,—была еще весна и они должны бы... вотъ-вотъ показаться съ моря. Онъ заѣхалъ въ ихъ бухту и п...ставилъ свой чумъ на самой горкѣ, откуда, обыкновенно, кара...лятъ входъ съ моря.

Дѣйствительно, ему не пришлось долго ждать гостей, и разъ утромъ онъ слышитъ вдругъ, какъ сердито залаялъ его песъ. Онъ выскочилъ изъ чума и остановился въ недоумѣніи. Передъ нимъ стояли высокіе, бородатые люди съ веслами. Они тоже попятились отъ Ѳомы, недоумѣвая, откуда взялся тутъ невиданный ими самоѣдъ. Но это было только одну минуту. Ѳома заговорилъ съ ними по-русски, тѣ удивились еще больше, но поняли, и Ѳома тутъ же разсказалъ имъ свою странную одиссею.

Теперь онъ спасенъ, теперь онъ снова съ людьми, онъ можетъ говорить сколько хочетъ, онъ можетъ взять у нихъ всего, чтобы здѣсь жить. Сначала они очень радушно отнеслись къ нему, матросы даже звали его ѣхать на материкъ, но хозяинъ ихъ совсѣмъ надумалъ иначе. Для него было выгодно имѣть Ѳому на Новой Землѣ, онъ снабдилъ его всѣмъ, далъ ему пороху, ружье, муки, а женѣ его даже ситцу и платковъ, хотя она не нуждалась въ этомъ нисколько, и просилъ Ѳому промышлять звѣря, обѣщаясь вести съ нимъ обмѣнъ и привозить ему все, что только было нужно. Такія отношенія были для Ѳомы болѣ чѣмъ кстати, и онъ былъ радъ и благодаренъ. Но не такъ поступилъ съ нимъ русскій поморъ, и въ первый же разъ, когда Ѳома напился пьянъ, забралъ до-чиста его промыселъ и, уходя, строго заказалъ не продавать никому ничего, обѣщаясь въ противномъ случаѣ расдѣлаться съ нимъ по-свойски. Ѳома понялъ, что онъ, пожалуй, опять попалъ въ руки кулака, отъ котораго уже некуда скрыться, и примирился съ своею участью: хорошо еще, что онъ не пропалъ съ голоду и можетъ жить спокойно.

Но совсѣмъ другими, добрыми, привѣтливыми ему показались наши поморы. Они дѣлились съ нимъ послѣднимъ, отъ души жалѣли его, хвалили, что онъ читаетъ Псалтырь, молится Богу, и помогали ему всѣмъ, чѣмъ могли. Ѳома отъ души полюбилъ этихъ простодушныхъ русскихъ моряковъ и очень жалѣлъ, что ихъ хозяинъ забралъ у него все и что онъ не можетъ даже подарить имъ за добро хотя по оленьей шкурѣ.

Такъ начался для Ѳомы третій годъ на Новой Землѣ, которую онъ уже полюбилъ, которую онъ уже считалъ своею новою родиной, забывая все болѣе и болѣе родную тундру.

IV.

[illegible]ѣть, что на Новой Землѣ поселился и живетъ уже нѣсколько лѣт[illegible] самоѣдъ, что ему удалось осуществить то, что не удавалось стол[illegible] столѣтій ни русскимъ отважнымъ сѣвернымъ морякамъ.

ни старымъ лодейщикамъ Холмогоръ и Колы, ни голландцамъ, ни норвежцамъ, пытавшимся здѣсь поселиться,—облетѣла все Поморье, Мурманъ, Норвегію.

Вѣсть эта проникла и въ самоѣдскую тундру, и когда тамъ стало извѣстно, что Ѳома, котораго давно уже считали погибшимъ, преблагополучно себѣ устроился на Новой Землѣ, то произошло цѣлое движеніе.

Бѣдняки самоѣды, выбитые изъ оленеводовъ въ работники, мечтали о Новой Землѣ, какъ объ обѣтованной странѣ, гдѣ имъ улыбалась еще возможность жить такъ, какъ жили самоѣды въ старое, доброе и для самоѣдовъ время, когда можно было еще безпечно существовать, охотясь за бродячимъ, вольнымъ оленемъ, не думая о голодѣ и стужѣ.

Съ этимъ временемъ для Новой Земли связано и другое знаменательное событіе, которое отмѣтило новую эру существованія этого полярнаго острова.

Лѣтомъ 1870 года къ пустыннымъ, но уже обитаемымъ берегамъ острова, со стороны Бѣлаго моря, приплыла русская эскадра. На ея борту былъ высокій гость, великій князь Алексѣй Александровичъ.

Эскадра осторожно вошла въ Мало-Кармакульскую бухту, гдѣ жилъ Ѳома, но гостямъ не удалось видѣть этого единственнаго аборигена-гиперборея, хотя онъ былъ предупрежденъ объ этомъ событіи заранѣе и зналъ, что гости хотятъ разспросить объ островѣ и о его жизни.

Ѳома мнѣ признался простосердечно, что онъ попросту удралъ отъ гостей, воображая русское начальство не иначе, какъ въ видѣ страшнаго образа обдорскаго засѣдателя, съ которымъ онъ какъ-то имѣлъ свиданіе.

Все это лѣто, въ страхѣ за свою свободу, въ страхѣ за свои преступленія противъ собственности пустозерскаго мужика, онъ просидѣлъ въ какомъ-то отдаленномъ заливѣ, воображая, что его ищутъ, что его словятъ и увезутъ въ Пустозерскъ.

Между тѣмъ, для Новой Земли и для благополучія Ѳомы было рѣшено важное дѣло—основаніе спасательнаго пріюта и самоѣдской колоніи.

Это было радостнымъ извѣстіемъ для него, хотя его промыселъ обезпечивалъ его болѣе даже, чѣмъ было нужно. Благодѣтель поморъ, хозяинъ шкуны, исправно привозилъ съ рынка все, что требовалось скромными потребностями самоѣда, и забиралъ съ берега все, что было добыто ружьемъ и сѣтью Ѳомы. Ѳома даже велъ съ

нимъ счеты, считая по рублю, какъ за пудъ ворвани, тюленьяго сала, такъ и за шкуры тюленей, моржей и даже бѣлыхъ медвѣдей. Ѳома даже дѣлалъ видъ, что онъ не знаетъ совсѣмъ цѣны того, что шло въ обмѣнъ, а любящій барыши кормщикъ былъ убѣжденъ, что онъ даже дѣлаетъ ему благодѣяніе. Ѳома не жаловался на явный обманъ, на явный грабежъ, онъ даже готовъ былъ все отдать даромъ,—Новая Земля давала ему это почти шутя и стоило ему только выѣхать на заливъ зимой, какъ бѣлые медвѣди сами шли къ нему подъ пулю.

Еще годъ, и на Новой Землѣ появились самоѣды. Нѣкоторымъ изъ нихъ тоже удалось также, какъ и Ѳомѣ, надуть своихъ печорскихъ хозяевъ, другіе перебрались сами и, прозимовавши въ одиночествѣ годъ, пробрались къ сѣверу и стали жить общею артелью.

Они безпечно бродили по всему южному острову Новой Земли, пересѣкли горы, побывали на берегу Карскаго моря, узнали, гдѣ лучше ловится тюлень, гдѣ чаще бродитъ олень, гдѣ привольнѣе можно проводить разныя времена года, и островъ, дѣйствительно, сталъ ихъ родиной, гдѣ они могли жить такъ, какъ жили только въ старое время ихъ дѣды, какъ говорятъ про это ихъ легенды.

Порой они разбивались на партіи, порой промышляли вмѣстѣ общею артелью, продавая и обмѣниваясь то съ случайно проходящими судами бойкихъ норвежцевъ, то съ русскими тяжелыми шкунами; они еще ходили на этотъ островъ каждое лѣто ловить бѣлугу и подбирали то, что оставалось отъ ранѣе приходящихъ норвежскихъ легкихъ яхтъ, для которыхъ Новая Земля стала предметомъ хищничества.

Ѳома былъ настоящимъ хозяиномъ Новой Земли, его даже въ шутку величали князькомъ. У него на Новой Землѣ родился сынъ, который поистинѣ уже могъ считать ее своею родиной, а дочери стали почти уже невѣстами.

Въ 1877 году, лѣтомъ, туда, гдѣ жилъ Ѳома, въ Кармакульскій заливъ, пришли корабли изъ Архангельска и привезли тѣ зданія, которыя послало общество спасанія на водахъ, рѣшившись, при помощи правительства, организовать здѣсь спасательный постъ.

Это время для Ѳомы было самое отрадное; теперь онъ могъ жить въ дому, даже въ роскошной обстановкѣ, какъ и подобаетъ князьку.

На другой годъ сюда было доставлено нѣсколько семей самоѣдовъ изъ Архангельска, пріѣхалъ для опыта морской офицеръ, штабсъ-капитанъ Тягинъ, и была организована колонія самоѣдовъ. Эта зима была первою для Ѳомы, когда онъ могъ пользоваться

кое-какими удобствами, домомъ, даже припасами, и удовлетворять свою нравственную потребность—молиться Богу. Миссіонеръ, пріѣхавшій на короткое время, окрестилъ его сына и далъ ему свѣчъ для иконы. Для Ѳомы началась совсѣмъ другая, русская жизнь.

Какъ сторожилъ, какъ опытный зимовщикъ на Новой Землѣ, Ѳома одинаково пользовался уваженіемъ какъ со стороны русскаго офицера, который полюбилъ его за открытый, прямой характеръ и распорядительность, такъ и со стороны переселенныхъ правительствомъ самоѣдовъ, въ участи которыхъ онъ принималъ самое сердечное участіе и оказывалъ всевозможную помощь. Онъ былъ избранъ старостой, на немъ лежали уже общественныя обязанности охраненія порядка и тишины на станціи. За этимъ первымъ жителемъ острова были признаны теперь права гражданства и онъ былъ облеченъ даже нѣкоторою властью: нужно ли было выгрузить пароходъ, очистить домъ отъ снѣга, что-нибудь предпринять для водворенія порядка и чистоты станціи, распорядиться людьми,—Ѳома надѣвалъ поверхъ малицы привезенную изъ Архангельска бѣлую круглую жестяную дощечку, значокъ, гдѣ значился его высокій чинъ «десятника». Этотъ значокъ онъ старательно содержалъ въ исправности, чистилъ его мѣломъ, и нужно было видѣть Ѳому, когда онъ надѣвалъ его на грудь, поверхъ малицы, и изображалъ своею особой начальство. Непослушные, свободолюбивые, упрямые самоѣды слушались тогда его и сторонились, хотя имъ было смѣшно, что онъ надѣваетъ этотъ значокъ поверхъ своей вѣчно заплатанной, дырявой и засаленной тюленьимъ жиромъ малицы. Онъ принималъ норвежцевъ, ученыя экспедиціи, и, случалось, требовалъ даже уваженія къ своей особѣ, и другіе снимали передъ нимъ шапки. Сдѣлавшись правою рукой офицера, принужденнаго прожить тамъ цѣлый годъ, Ѳома чутко присматривался къ манерамъ начальства и послѣ удачно копировалъ ихъ.

Онъ съ восторгомъ вспоминаетъ это время, когда онъ могъ жить съ образованнымъ человѣкомъ и пользовался его вниманіемъ, жить по-русски, когда дочери его пользовались любовью симпатичной, милой жены офицера, храбро послѣдовавшей за мужемъ въ эту страну льдовъ и холода.

Бойкія, любопытныя, понятливыя какъ и ихъ отецъ, онѣ научились въ семьѣ офицера чистотѣ, научились русскому языку, даже начинали учиться грамотѣ. Онѣ научились печь хлѣбъ, шить себѣ костюмы, кокетливо наряжаться и пріобрѣли манеры нашихъ крестьянскихъ дѣвушекъ.

Въ это же время Ѳома познакомился и съ музыкой, и этому са-

моѣду очень нравилось, когда молодая барыня по вечерамъ, къ полному восторгу семьи Ѳомы, играла на фортепіано. Къ этому времени относится и первый пиръ, который Ѳома задалъ по случаю свадьбы одной изъ своихъ красавицъ дочерей, Маши. Между переселенцами самоѣдами нашелся видный, бойкій самоѣдъ-женихъ. Ѳома никакъ не хотѣлъ выдавать свою дочь, выроще̂нную на Новой Землѣ, даромъ, безъ обычнаго самоѣдскаго калыма, и молодому человѣку пришлось не только убить самому бѣлаго медвѣдя, но даже поприза̂нять, купить у другихъ, чтобы расплатиться съ гордымъ, знаменитымъ тестемъ медвѣжьими шкурами. Однако, свадьба, устроенная по образцу самоѣдовъ, не скоро дождалась вѣнчанія, и только въ іюлѣ, когда пришелъ пароходъ, снова молодую пару обвѣнчали, и Ѳома, получивши условленное количество водки, могъ напиться какъ слѣдуетъ.

Послѣ отъѣзда офицера бразды правленія по Новой Землѣ всецѣло перешли къ властолюбивому Ѳомѣ, и онъ исправно исполнялъ обязанности десятника въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, то принимая припасы съ пароходовъ, которые привозили все нужное для станціи и колонистовъ, то распредѣляя эти припасы, то очищая зданія отъ снѣга и сора.

Разъ, еще задолго до устройства спасательнаго пріюта, когда Ѳома зимовалъ на Гусиномъ носу со своими новыми товарищами, перебравшимися сюда съ Печоры, осенью къ нимъ явились, чуть живыми, нѣсколько человѣкъ съ одного судна, разбившагося у береговъ Новой Земли. Это были норвежцы. Ѳома былъ очень радъ отплатить добрымъ морякамъ за ихъ первую услугу и принялъ въ нихъ, какъ и другіе самоѣды, такое участіе, какого трудно было даже ожидать отъ просвѣщеннаго человѣка. Ѳома разсказываетъ, что норвежскіе моряки пришли къ нимъ въ такомъ ужасномъ положеніи, съ такими страшными, заморенными, изможденными лицами, полузамерзшіе,—была уже поздняя осень,—что на нихъ страшно было смотрѣть. Самоѣды съ трогательною заботой приняли ихъ въ свои чумы, обогрѣли, накормили и предоставили имъ всѣ удобства, даже въ ущербъ самимъ себѣ. Ихъ жены шили и ь теплые костюмы, мыли ихъ бѣлье, готовили для нихъ возможно л шія блюда своей незамысловатой кухни и ухаживали за ними, к ь за дѣтьми. Сами самоѣды, постоянно нуждаясь въ пищѣ, теп ь больше заботились о несчастныхъ, какъ они ихъ звали, чѣмъ о с ѣ самихъ, и ѣздили, несмотря на темное время, въ горы, нарочно, ч бъ убить оленя, такъ какъ норвежцы не могли ѣсть тюленьяго м . Они даже не допускали норвежцевъ помогать себѣ тогда,

когда сами возили дрова на санкахъ съ моря для отопленія чума, когда ѣздили охотиться на море, привозя порой оттуда имъ то подстрѣленную ледяную утку, то заблудившуюся гагу, чтобы что-нибудь сдѣлать для нихъ пріятное, чтобы чѣмъ-нибудь разнообразить ихъ скучную, непривычную, тяжелую жизнь въ бѣдной обстановкѣ чума.

Зимой, когда наступила полярная ночь, когда сдѣлалось еще труднѣе, чѣмъ осенью, когда нѣкоторые изъ норвежцевъ заболѣли цынгой, самоѣды приняли всѣ мѣры, чтобы спасти ихъ вторично. Они силой заставили ихъ пить теплую кровь животныхъ, растирали имъ ноги, тѣло, принуждали двигаться, носить тяжести, не давали спать и даже грубо командовали ими, только изъ желанія сохранить ихъ жизнь. И дѣйствительно, они спасли норвежцевъ, и когда наступила весна, когда снова открылся океанъ, то самоѣды ни за что не хотѣли ихъ отпускать отъ себя раньше, чѣмъ не придетъ какое-нибудь судно. Но моряки не утерпѣли: лишь только открылся океанъ, они выпросили у самоѣдовъ лодочку, тѣ снабдили ихъ провизіей и норвежцы ушли въ открытое море, въ надеждѣ найти судно между льдами. Говорятъ, что въ послѣднія минуты тѣ и другіе, несмотря на свое мужество, не могли удержаться отъ слезъ, и плакали, цѣлуясь, какъ братья. Еще до сихъ поръ самоѣды на Новой Землѣ вспоминаютъ этихъ разбитыхъ моремъ норвежцевъ, которые всегда такъ скромно, молча, съ трубками въ зубахъ, сидѣли въ ихъ чумахъ, не зная ихъ нарѣчія, которые ласково возились съ ихъ ребятишками и были настолько скромны, что даже не поднимали глазъ на ихъ кокетливыхъ молодыхъ женъ, предпочитающихъ иностранцевъ. Они даже были благодарны имъ за то, что тѣ не гнушались ихъ бѣдной, грязной обстановки, и даже постарались научиться говорить немного на ихъ невообразимо трудномъ для произношенія языкѣ.

Ѳома любилъ водить съ ними разговоры, и они понимали другъ друга безъ лишнихъ словъ, и эта совмѣстная зимовка была даже полезна для Ѳомы, потому что онъ научился немного говорить по-норвежски и узналъ многое, чего и не воображалъ на свѣтѣ.

Единственнымъ вознагражденіемъ за всѣ заботы ему досталась, какъ подарокъ друга, глиняная трубка, которую тотъ подарилъ ему передъ самымъ своимъ отъѣздомъ. Ѳома же отдалъ ему за это моржевый рогъ.

Послѣ, уже на другой, третій, быть можетъ, годъ, самоѣдамъ было очень пріятно узнать, что ихъ друзья благополучно пробились черезъ льды въ открытое море и нашли родное судно,

торое и доставило ихъ на родину, гдѣ ихъ считали уже погибшими.

Но это не разъ, когда Ѳома на этомъ островѣ спасалъ отъ голодной смерти норвежскихъ матросовъ. Туманы Ледовитаго океана, его бури, неизвѣстность береговъ Новой Земли здѣсь часто выгоняютъ людей съ погибающаго судна на пустынный берегъ. Въ такое положеніе судьба поставила экипажи трехъ судовъ норвежскаго торговаго флота и нашего, сѣвернаго, и Ѳома съ своими товарищами-самоѣдами оказалъ матросамъ подобную же помощь.

Я самъ въ первый свой пріѣздъ на Новую Землю видѣлъ подобныхъ несчастныхъ моряковъ съ судна, погибшаго у береговъ Новой Земли. Они пришли къ намъ просить позволенія уѣхать на нашемъ пароходѣ въ Архангельскъ. Зиму они провели въ Кармакульской колоніи. Это была команда одного русскаго судна, которое разбилось въ бурю у того самаго носа, гдѣ прозимовалъ Ѳома во второй годъ. Помню, какъ черные, обросшіе волосами, въ истрепанной одеждѣ, въ самоѣдскихъ, неуклюже сшитыхъ костюмахъ, съ убитымъ горемъ выраженіемъ лицъ, они стояли на палубѣ, какъ жалобно разсказывали намъ про тяжелыя минуты крушенія, про то, какъ послѣ они тащились пѣшкомъ голодные до станціи, какъ невыразимо были рады видѣть людей, хотя то были самоѣды, какъ тѣ приняли въ нихъ участіе, дѣлились пищей, отдавали послѣдній запасъ хлѣба, чтобы самимъ ѣхать зимой въ горы промышлять оленей и питаться только мясомъ, какъ они болѣли цынгой, какъ заботливо за ними ухаживали самоѣды. Одинъ изъ пострадавшихъ со слезами на глазахъ признался намъ, что онъ много грѣшенъ передъ Богомъ, что, боясь смерти и не желая умирать на этой землѣ безъ покаянія, онъ пилъ теплую кровь собаки, которую зарѣзалъ ему услужливый Ѳома, и что только этимъ онъ и былъ спасенъ. Это было разсказано такъ просто, трогательно, что даже наши матросы расплакались. Нужно было видѣть нашихъ новыхъ знакомцевъ, слѣды, которые оставила на нихъ полярная ночь, нужно было слышать, какъ они говорили объ участіи къ нимъ Ѳомы и самоѣдовъ, чтобы понять, насколько велика заслуга этихъ ди[ка]рей передъ человѣчествомъ.

[illegible]оэтому не удивительно будетъ, что когда король Оскаръ II, уз[на]въ о подобныхъ подвигахъ, о спасеніи его моряковъ самоѣдами Новой Земли, приказалъ отправить къ нимъ не только цѣнные по[да]рки, но даже свою грамоту съ выраженіемъ благодарности и со[бс]твенноручною подписью, и даже командировалъ туда для этой ми[сс]іи чиновника.

Ѳома и самоѣды были очень удивлены, когда однажды, лѣтомъ, пришелъ къ нимъ пароходъ со шведскимъ чиновникомъ, сопровождаемымъ однимъ изъ членовъ общества спасанія на водахъ, и когда имъ сказали, что шведскій король посылаетъ подарки за спасеніе его подданныхъ.

Они никакъ не могли понять, за что хотятъ ихъ благодарить, что они такое сдѣлали.

Ѳома любитъ разсказывать объ этомъ важномъ событіи въ жизни, потому что оно вполнѣ удовлетворило его самолюбіе, отъ котораго, какъ видно, не свободенъ и самоѣдъ. Онъ разсказываетъ, какъ ихъ потребовали на палубу парохода, какъ они явились туда въ смущеніи, въ малицахъ, замазанныхъ ворванью, которую они только что приготовляли, и можно вообразить, каковъ былъ у нихъ видъ, какъ отъ нихъ несло и какъ это было пріятно для чрезвычайнаго посланника шведскаго короля, уже готоваго приступить къ своей рѣчи.

Всѣхъ самоѣдовъ, съ ребятами, съ женами, съ непремѣнными ихъ спутниками собаками, выстроили передъ выходомъ изъ каюты, и они замерли въ ожиданіи начальства. То, что они увидали, превзошло всѣ ихъ ожиданія. Ѳомѣ показалось даже, что къ нимъ вышелъ самъ король, но Ѳома не струсилъ, потому что посланникъ совсѣмъ не походилъ на обдорскаго засѣдателя. Всѣ съ удивленіемъ смотрѣли на шитый мундиръ,—посланникъ былъ такъ хорошъ, что Ѳома потомъ говорилъ, что у него даже «брюхо въ золотѣ».

«Намъ стали, — говоритъ Ѳома, — читать грамоту; но такъ какъ ее читали не по-норвежски, а въ русскомъ переводѣ, то мы ровно ничего понять не могли». Ѳома до сихъ поръ убѣжденъ, что переводили плохо или не совсѣмъ по-русски, иначе какъ бы онъ не могъ понять, коли онъ самъ читаетъ Псалтырь и говоритъ по-русски съ поморами?

«Какъ только перестали читать,—разсказываетъ Ѳома,—кругомъ насъ всѣ,—и матросы, и начальство,— такъ гаркнули, что намъ даже страшно стало». Но этотъ страхъ смѣнился тотчасъ же любопытствомъ: ему поднесли подарки, коротенькій ящикъ, и сказали, что король посылаетъ ему ружье. Ѳома сначала не повѣрилъ этому,—ящичекъ былъ слишкомъ коротокъ для ружья. Онъ еще больше удивился, когда его заставили раскрыть его и онъ увидалъ разобранное ружье-штуцеръ; но ему показали, какъ складывать, и сказали, что оно стóитъ 250 рублей. Тутъ Ѳома сообразилъ что его просто надуваютъ: можетъ ли ружье столько стоить, когда

у него пищаль бьетъ на тридцать саженъ, а заплачено за нее всего-на-все три съ полтиной, съ придачей полштофа водки, которую онъ же на половину и выпилъ?

Но больше всѣхъ были рады бабы, — имъ понавезли столько иголокъ, нитокъ, разноцвѣтныхъ бусъ, ленточекъ, сукна, ситцу, платковъ и поясковъ, что бабы чуть не подрались съ радости. Кромѣ того, ихъ не поровну надѣлили этимъ добромъ и этимъ жестоко изобидѣли тѣхъ, которыя считали себя вправѣ получить за спасеніе норвежцевъ больше, чѣмъ другія. Ѳомѣ даже пришлось прикрикнуть на свою иньку, потому что она больше всѣхъ шумѣла и, видя, какія исключительныя почести сыплются на ея мужа, хотѣла, чтобъ онѣ сыпались и на нее въ видѣ разныхъ бездѣлушекъ. Самолюбіе женъ существуетъ и на полюсѣ. Ѳома былъ такъ тронутъ вниманіемъ посланника, что даже теперь не можетъ забыть, какъ посланникъ потрепалъ его по плечу, когда разспрашивалъ, чѣмъ кормилъ онъ потерпѣвшихъ крушеніе норвежцевъ. Ѳомѣ онъ показался совсѣмъ простымъ, и они съ нимъ такъ разговорились, что Ѳома, въ свою очередь наказывая сказать отъ него спасибо королю за ружье, тоже потрепалъ посланника по плечу.

Самоѣды получили подарки и уже хотѣли было уходить, но ихъ оставили обѣдать. Ѳома думалъ, что его посадятъ съ посланникомъ въ каютъ-компаніи, но этого почему-то не случилось и ему пришлось обѣдать съ русскими. Онъ видѣлъ только, какъ въ каютъ-компанію таскали разныя невѣдомыя кушанья, какъ лакеи, словно сумасшедшіе, съ длинными фалдами, которыя такъ смѣшили самоѣдокъ, бѣгали то сюда, то туда, какъ они протащили на длинномъ блюдѣ какую-то неизвѣстную жареную рыбу, у которой ротъ былъ широко раскрытъ, а вся рыба «почему-то изукрашена зеленою травой». Ѳома удивлялся, какъ много и долго ѣстъ чиновникъ, и ему казалось совсѣмъ непонятнымъ, какъ же это смѣются надъ самоѣдами, что они обжоры, что они поѣдаютъ по пяти фунтовъ сырого мяса и пьютъ до безпамятства водку?... Ѳома считалъ бутылки, которыя пронесли въ каютъ-компанію, и ему уже дѣлалось страшно за себя, — ему пришелъ на умъ обдорскій засѣдатель, который пилъ хотя меньше, но за то шумѣлъ «не приведи Господи».

Ѳома думалъ уже убраться по добру, по здорову съ судна, но его опять остановили. Въ каютъ-компаніи дѣлалось все шумнѣе, по временамъ тамъ поднимался такой шумъ, что уйти, казалось, было самымъ благоразумнымъ, но самоѣдовъ сторожили матросы.

Наконецъ, — говоритъ Ѳома, — господа вышли къ намъ на

палубу и «всѣ красные». Имъ подали еще по рюмкѣ. Намъ,—говоритъ Ѳома,—тоже поднесли по долгой-предолгой рюмкѣ. Смотрю, вино шипитъ и лѣзетъ вонъ, я его было пить уже началъ, да лакей говоритъ: «Постой, дожидайся, господа говорить будутъ; какъ кончатъ, тогда и пей». Ну, говорю, ладно.

«Смотрю, посланникъ поднялъ надъ головой свою рюмку и давай лепетать что-то по-своему,—одно слово понимаю, другое нѣтъ. А вино все лѣзетъ, думаю, все уйдетъ, спрятался за спину своей бабы и давай его подлизывать языкомъ... Только я лизнулъ раза два, какъ вдругъ всѣ гаркнули, да такъ зашумѣли, такъ закричали, что, думаю, ну, теперь у насъ всѣхъ тюленей распугаютъ. Я было пить началъ, но лакей опять меня за руку дернулъ: «Погоди,—говоритъ,—еще говорить будутъ».

«Заговорилъ теперь нашъ чиновникъ. Говоритъ слышно, порусски, чисто такъ, а понять нельзя, вижу, покраснѣлъ даже, а потомъ опять закричали еще пуще, стали пить, тутъ я и покончилъ съ рюмкой. Подскочилъ ко мнѣ лакей, говоритъ, что̀ ты сдѣлалъ, и наливаетъ мнѣ опять вина... Смотрю, посланникъ ко мнѣ брякаться рюмкой пришелъ, брякнулъ и пьетъ и я тоже. Смотрю, другой ко мнѣ, и опять всю рюмку выпью, подойдетъ третій—я опять рюмку царапну, но только чувствую, что совсѣмъ она ничего не дѣйствуетъ... А они спрашиваютъ, доволенъ ли я, пивалъ ли я такое вино? Нѣтъ,—говорю имъ,—не пивалъ я такого вина, но только на Печорѣ, бывало, пивалъ, такъ тамъ крѣпче было... Тогда дали намъ водки. Ну, тутъ-то мы ужь кутнули, такой шумъ подняли на палубѣ, бабы заревѣли пѣсни, полѣзли цѣловаться, бусы разсыпали, подрались, не помню, какъ насъ и спихнули съ палубы, а когда я на берегу на другой день проснулся, парохода уже не было. Больно жалѣлъ я тогда: хотѣлъ послать королю медвѣжью шкуру, да такъ и не удалось»,— заканчиваетъ Ѳома свой разсказъ объ этомъ событіи.

Бусы, ленточки, сукно, пуговки,— все это бабы нашили на свои паницы отъ воротника до подола, а ружья,— изъ нихъ мало привелось пострѣлять самоѣдамъ, да и неудобными они имъ казались, — были пропиты въ ту же осень. У Ѳомы осталась только одна грамота короля, и онъ все еще дожидается случая послать ему медвѣжью шкуру.

Не меньше этого событія удовлетворило самолюбіе Ѳомы и другое, когда къ нимъ прибылъ на Новую Землю губернаторъ кн. Г.

Князь, хорошо зная о существованіи Ѳомы и о томъ, что онъ

именуетъ подчасъ себя княземъ, выйдя на берегъ, прямо подошелъ къ нему и спросилъ:

— Ты князь—Ѳома Вылка?

— Князь, — говоритъ смѣло Ѳома и спрашиваетъ въ свою очередь:—А ты?

— Я тоже князь,—отвѣчаетъ губернаторъ, посмѣиваясь.

— А-а!—протягиваетъ Ѳома.—Ну, здорово!—и подаетъ ему свою руку и начинаетъ спрашивать:—Куда поѣхалъ, чего промышляешь, почемъ у васъ въ Архангельскѣ ворвань, треска и проч.

Самоѣды дивуются смѣлости Ѳомы, а тотъ только улыбается.

К. Носиловъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ИХЪ ДУШИ *).

Романъ Gyp (графини де-Мартель).

VI.

Выходя отъ княгини де-Буйльонъ, Шаньи предложилъ Морьеру проѣхать въ Лѣсъ. Тотъ согласился, сильно озабоченный необходимостью найти квартиру этимъ же вечеромъ, чтобы завтра сообщить баронессѣ точный адресъ. Онъ ломалъ себѣ голову и никакъ не могъ припомнить, кто говорилъ ему въ Отейлѣ о желаніи передать нижній этажъ, совершенно меблированный, въ проѣздѣ Гошъ.

Нижній этажъ, проѣздъ Гошъ? — это вызывало,—казалось ему,—какія-то смутныя представленія, которыя ему не удавалось опредѣлить точно.

Выйдя изъ экипажа подъ Акаціями, маркизъ и Шаньи пошли аллеей пѣшеходовъ, когда ихъ кто-то окликнулъ. Голосъ раздался изъ щегольской викторіи, и Морьеръ узналъ Бланшъ Лакомбъ и моментально припомнилъ то, надъ чѣмъ безплодно ломалъ голову со вчерашняго дня. Именно танцовщица-то и спрашивала, не найдетъ ли онъ нанимателя на ея квартиру, такъ какъ баронъ де-Трейль подарилъ ей маленькій отель. До своего отъѣзда въ Персію Андре не разъ бывалъ въ маленькомъ помѣщеніи нижняго этажа, которое сообща занимали обѣ Лакомбъ. Онъ помнилъ, что квартирка удобна и прилична.

Аллея мало-по-малу пустѣла. Танцовщица приказала кучеру остановиться, чтобы поболтать съ молодыми людьми. По всему было замѣтно, однако, что она не въ духѣ. Ея красивыя прави[illegible]ьныя черты лица приняли злое выраженіе подъ сдвинутыми чер[illegible]ыми бровями. Обратившись къ Шаньи, она рѣзко выговаривала [illegible]му за то, что онъ сдѣлалъ видъ, будто не узнаетъ ее наканунѣ въ «Мадритѣ», гдѣ онъ обѣдалъ довольно близко отъ нея.

---

*) *Русская Мысль*, кн. III.

Шаньи слабо оправдывался: онъ былъ съ пріятелями, которыхъ она не знаетъ... и, во всякомъ случаѣ, ей поклонился.

Лакомбъ 1-я, очень красивая и изящная физически, олицетворяла собою морально и умственно типъ «негодницы» во всей его мерзости. Алчная, невѣжественная и глупая, она мечтала играть роль свѣтской женщины. Она напускала на себя необыкновенную чопорность, удручала своихъ пріятелей раздушенными и претенціозными записками, нацарапанными скверными каракулями, испещренными потѣшными орѳографическими ошибками, изучала высшій свѣтъ по романамъ и въ обществѣ не допускала ни малѣйшей вольности. Злая, лживая и дерзкая, она вопила въ глаза Трейлю самыя дикія ругательства, которыя онъ покорно выслушивалъ. Ея завѣтною мечтой было знакомство со всѣми «шикарными» людьми Парижа, и ее рѣзко задѣла за живое фраза Шаньи: «Я обѣдалъ съ пріятелями, которыхъ вы не знаете». Конечно, далеко этому Шаньи до мосьё Лупена, депутата, только что подарившаго ей великолѣпнѣйшіе сапфиры, осыпанные брилліантами, или до маленькаго Вертебона, секретаря «самаго лучшаго министра, человѣка вполнѣ свѣтскаго и большого потѣшника», но, какъ бы то ни было, все-таки, и Шаньи—виконтъ, да, къ тому же, задушевный другъ маркиза де-Морьера, «шикарнѣйшаго человѣка Парижа», вождя всего высшаго дендизма. Ясно, что и знакомъ Шаньи только съ «очень хорошими людьми».

Снова накидываясь на него, Лакомбъ спросила:

— Кто же эти такіе ваши пріятели?

— Вамъ-то это на что же нужно, разъ вы ихъ не знаете?

— Стало быть, эти люди неизвѣстные?

— О, напротивъ... очень извѣстные!—дразнилъ ее Шаньи.

— Тогда я ихъ знаю... ихъ имена, по крайней мѣрѣ!

— Не думаю.

— И вы не можете назвать мнѣ по именамъ этихъ очень извѣстныхъ господъ?

— Конечно, могу,—сказалъ Шаньи, выведенный изъ терпѣнія танцовщицей.—Со мною были Рене Декартъ, Буало Депрео и Аруэ де-Вольтеръ...—и, смѣясь, добавилъ:—Говорилъ, что вамъ не[з]накомы, правда?

Она отвѣтила съ большимъ апломбомъ:

— И неправда... Аруэ де-Вольтеръ—это такой высокій... у не[го] кабріолетъ на желтыхъ колесахъ.

[И], видя, что Морьеръ чуть не падаетъ отъ смѣха, она рѣзкимъ то[но]мъ заявила:

— У вашихъ друзей и имена-то такія, что слушать противно!

Шаньи отошелъ въ сторону, чтобы съ кѣмъ-то поздороваться. Маркизъ спросилъ:

— Вы сказали мнѣ вчера, что желали бы передать какую-то квартиру?

— Да, мою квартиру въ проѣздѣ Гошъ.

— Такъ вотъ я... одинъ изъ моихъ друзей ищетъ квартиру въ той сторонѣ.

— Кто такой?

— Говорю же вамъ, пріятель мой.

Бланшъ Лакомбъ была неизмѣримо глупа во всемъ, что не касалось ея ремесла, за то по части любовныхъ дѣлъ оказывалась довольно смѣтливой. Окидывая взглядомъ Морьера, она проговорила:

— Времени вы, какъ видно, не теряете... Вернулись всего съ недѣлю назадъ.

Дѣлая видъ, будто не слышитъ, Морьеръ спросилъ:

— Вы за сколько хотѣли бы передать?

— Тысяча въ мѣсяцъ.

— Ого!... мебель-то, должно быть, изъ чистаго золота?

— Мебель очень хорошая, мой милѣйшій... А затѣмъ, хотите берете, хотите нѣтъ.

— Беру... А когда перейти можно?

— Хоть завтра, если хотите.

— И отлично... я думаю, что мой пріятель переѣдетъ завтра... вѣроятно...

— Такъ я сегодня пришлю вамъ условіе. Вы потрудитесь передать его вашему пріятелю.

Она хохотала. Маркизъ сказалъ досадливо, указывая на Шаньи, стоявшаго въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ:

— А вы потрудитесь не говорить объ этомъ при Шаньи.

Она отвѣтила:

— Будьте покойны... я же попрошу васъ такъ же точно не говорить про это Трёйлю.

— Трёйлю?—невольно вздрогнулъ Морьеръ, нежданно услыхавши это имя.—Почему именно Трёйлю?

— Да потому,—отвѣтила Лакомбъ,—что если онъ узнаетъ про сдачу квартиры, то прекратитъ выдачу мнѣ пяти тысячъ франковъ, которыя по условію я обязана платить за нее. Вы, пожалуй, скажете, что пять тысячъ не золотыя горы... а, все-таки, на полу не найдешь. Вы чего смѣетесь?

Смѣялся онъ, узнавши, что за квартиру, нанятую имъ для свиданія съ баронессой, платитъ ея мужъ. Снимая квартиру у танцовщицы, онъ совсѣмъ забылъ, что Бланшъ Лакомбъ любовница Трейля, и теперь это случайное совпаденіе забавляло его.

Видя, что онъ продолжаетъ улыбаться, не отвѣчая на ея вопросъ, Бланшъ обидѣлась.

— Не знаю, что васъ такъ смѣшитъ... вѣроятно, тайна въ томъ же родѣ, какъ вотъ сейчасъ... имена пріятелей мосьё де-Шаньи?

Маркизъ началъ извиняться:

— Не сердитесь... мнѣ пришла въ голову одна мысль, могущая интересовать только меня, и вы можете быть спокойны. Трейлю я не скажу, что нанялъ у васъ квартиру... для добраго моего пріятеля.

Танцовщица пристально посмотрѣла на него:

— Довольно, кажется! Пора оставить эти шутки!... Была бы охота, а то завтра же я узнаю не только то, что вы являетесь въ это помѣщеніе, но еще и то, кого вы тамъ принимаете!

Морьеръ поморщился.

— А знаете,—заговорилъ онъ, принимая шутливый тонъ,— мнѣ нравится даже наемъ при такихъ условіяхъ!

Танцовщица покачала головой съ видомъ отвращенія:

— Очень мнѣ это нужно, кого вы тамъ принимаете... да и принимаете ли кого-нибудь... Наплевать мнѣ на всѣ чужія исторіи, съ меня и своихъ довольно... Занятно, нечего сказать!

Чувствовалось, какъ глубоко надоѣло, какъ опостылѣло ей такое существованіе, и Андре подумалъ: «Пріятно, должно быть, Трейлю съ такою!»...

Госпожа де-Трейль сказала ему, что катается верхомъ въ десять часовъ и доѣзжаетъ до Булоня по аллеѣ для верховой ѣзды. Онъ поѣхалъ въ обратномъ направленіи, чтобы встрѣтиться съ баронессой,—Морьеръ пробовалъ лошадь, купленную наканунѣ и казавшуюся ему хорошею. Солнце просвѣчивало сквозь листву и бросало яркія пятна свѣта на желтый песокъ аллеи, воробьи трещали на вѣтвяхъ, и Лѣсъ казался особенно оживленнымъ въ это утро. Морьеръ встрѣчалъ знакомыя лица, прислушивался къ говору, къ веселому шуму, который онъ такъ любилъ. За время его путешествія ни о чемъ онъ не скучалъ такъ, какъ объ аллеѣ для верховой ѣзды.

Въ то время, какъ онъ галопомъ поднимался по легкому наклону, начинающемуся у Булонскихъ воротъ, позади него послышался запыхавшійся голосъ:

— Вы не видали Агарь?

Проскакалъ мимо д'Антенъ и обернулся, смѣясь, чтобы взглянуть на графа Саломона, догонявшаго Морьера,—смѣялся онъ потому, что всѣмъ обычнымъ посѣтителямъ аллеи хорошо былъ знакомъ возгласъ банкира: «Не видали ли вы Агарь?»

Таковъ былъ его всегдашній способъ заговаривать съ людьми, къ которымъ онъ не осмѣливался обратиться безъ какого-либо предлога. Близкимъ знакомымъ онъ говорилъ: «Видѣли ли вы Агарь?»— а остальнымъ: «Видѣли ли вы мою дочь?» Ему отвѣчали: «да» или «нѣтъ», и онъ продолжалъ путь уже рядомъ, что̀, собственно, и было ему желательно. Его лошадь шла хорошо только вмѣстѣ съ другою лошадью, иначе она останавливалась щипать траву, отмахивала мухъ, совалась изъ стороны въ сторону потереться объ ноги всѣхъ встрѣчающихся.

Морьеру неизвѣстны были эти продѣлки лошади и всадника, и его немного озадачилъ совсѣмъ нежданный вопросъ.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—я не встрѣчалъ мадамъ де-Трейль. Развѣ она не будетъ сегодня?

Баронъ заявилъ, что она непремѣнно пріѣдетъ. Онъ видѣлъ ихъ верховыхъ лошадей у главной аллеи Лѣса, только баронесса всегда запаздываетъ, слишкомъ долго одѣвается. Представить себѣ невозможно, сколько она времени тратитъ на туалетъ!

— И какъ разъ,—добавилъ онъ,—сегодня, кажется, день красильщицы.

Морьеръ взглянулъ на него въ недоумѣніи, и графъ Саломонъ пояснилъ:

— Да, сегодня день такой женщины, которая приходитъ ей волосы красить... А, вы не знаете, какъ это дѣлается, господинъ маркизъ? Удивленъ? Я думалъ, что такому человѣку, какъ вы, должны быть извѣстны доподлинно всѣ маленькія тайны туалета. Такъ вотъ, дѣлаютъ нѣчто вродѣ большихъ горчишниковъ изъ henné... *), ими обвертываютъ голову и оставляютъ такъ, чтобы краска пристала хорошенько... Видите, какая штука?

— Какъ нельзя лучше!—сказалъ Андре, отлично представлявшій себѣ эту «штуку» и находившій ее совсѣмъ не привлекательною.

Графъ Саломонъ продолжалъ:

— И понятно, что возня эта довольно длинная, тѣмъ болѣе, что потомъ надо дать волосамъ просохнуть.

*) *Henné*—лавзонія, кустарникъ, ростущій въ Индіи и въ Африкѣ; изъ него добывается краска для волосъ.

Морьеръ спросилъ:

— А дѣлать это приходится часто?

— Есть женщины, которыя дѣлаютъ только разъ въ двѣ недѣли. Но натуральный цвѣтъ начинаетъ просвѣчивать у корней. Агарь еженедѣльно продѣлываетъ... А, вотъ ваши родственники де-Живрэ!

Супруги Живрэ быстро пронеслись мимо. Андре ухватился за этотъ предлогъ, чтобъ отдѣлаться отъ банкира.

— Прошу извинить, мнѣ необходимо сказать нѣсколько словъ кузинѣ.

И онъ умчался, оставляя банкира озабоченнымъ пріисканіемъ другого спутника, такъ какъ его лошадь тотчасъ же остановилась и принялась щипать нѣжные, едва развертывающіеся листочки дуба на молодомъ побѣгѣ, соблазнительно свѣсившемся на дорогу.

Морьеръ догналъ Живрэ. Они остановились съ Шаньи и съ Вонанкурами. Морьеръ тотчасъ же напалъ на Розету за то, какъ взнуздана ея лошадь.

— Это нелѣпо! Зачѣмъ ты въ Лѣсъ выѣхала на трензелѣ?

— Потому, что мнѣ такъ лучше. На мундштукѣ *Мальчикъ* отвратителенъ, всю руку оттянетъ.

— А, эту лошадь зовутъ *Мальчикъ*?

— Да, ты находишь его безобразнымъ?

— Не безобразнѣе любого чистокровнаго. Я не люблю чистокровныхъ подъ дамскимъ сѣдломъ.

— А я только ихъ и люблю.

— Дурно дѣлаешь.

— Можетъ быть... Но разъ мнѣ нравится...

Госпожа де-Вонанкуръ проговорила, указывая на Морьера и маленькую де-Живрэ:

— Отстать не могутъ отъ привычки вѣчно спорить!

Розета, ѣхавшая впереди съ своимъ кузеномъ, обернулась и сказала:

— Онъ такой маніакъ,—до того придирчивъ, до того мелоченъ!

— Я не придирчивъ,—возразивъ Моріеръ,—а ты беззаботна до [невозможности]. Никакого у тебя чутья нѣтъ къ тому, что дѣла[ет]ся и чего нельзя дѣлать... Такъ, возвращаюсь къ твоему трензе[лю]...

— И возвращаться не за чѣмъ!

— Такъ ѣздятъ только въ деревнѣ... Здѣсь это не дѣлается!

[Р]озета спросила, смѣясь:

[—] Потому, что не по-щегольски это?

Онъ возразилъ съ упрямою самоувѣренностью:

— Не дѣлается потому, что не дѣлается... Ты бы посмотрѣла па себя... Вдобавокъ ко всему эта шелковая шляпа...

Она не поняла сначала, потомъ сообразила и отвѣтила:

— А, да, ты правъ... Завтра надѣну «дыньку» *).

Морьеръ такъ и вскрикнулъ:

— Дыньку!... Да развѣ можно теперь показаться въ дынькѣ?

— Почему же нельзя?

— Въ дынькѣ... до главнаго приза!

Онъ проговорилъ это въ ужасѣ, почти трагическомъ. Маленькая де-Живрэ обратилась къ госпожѣ д'Аргонъ только что подъѣхавшей къ нимъ.

— Видите, привожу въ негодованіе Андре!

Христіана обратила на Морьера свои большіе, ясные глаза и спросила:

— Какими дѣлами?

— Тѣмъ, что на *Мальчика* надѣла трензель потому, что онъ не любитъ мундштука, и тѣмъ еще, что хочу завтра кататься въ дынькѣ.

— А!—проговорила графиня, нисколько, повидимому, не удивленная.

— Андре совершенно правъ,—вступился г. д'Аргонъ,—это не дѣлается. До главнаго приза ѣздятъ только въ шелковой шляпѣ.

Розета возразила:

— Но если мнѣ жарко невыносимо?

— Въ дынькѣ не прохладнѣе... Это заблужденіе. Наоборотъ, въ шелковой шляпѣ больше воздуха, она отъ головы дальше.

— За то къ солнцу ближе.

Христіана смѣялась, и мужъ смотрѣлъ на нее почти разсерженный. «Рѣшительно, она никогда не научится понимать все это. А мадамъ де-Живрэ, съ своимъ нежеланіемъ стѣсняться, съ своими дикими понятіями и съ предвзятымъ пренебреженіемъ корректности, прескверный примѣръ для нея».

Морьеръ всматривался въ Христіану, съ минуту уже ѣхавшую впереди его. При нѣкоторыхъ движеніяхъ молодой женщины, ему казалось, будто онъ видитъ игру мускуловъ подъ сукномъ амазонки. Наконецъ, очень заинтригованный, онъ не выдержалъ, тоже послалъ корректность ко всѣмъ чертямъ и обратился къ Жаку д'Аргону:

*) *Melon*—дыня, круглая низенькая шляпа, напоминающая формой половинку дыни,—почти то же, что у насъ „котелокъ“.

— Прошу извинить мою нескромность, но скажи... мадамъ д'Аргонъ не носитъ корсета?

Жакъ, очень гордый таліей жены, отвѣтилъ:

— Никогда!

Морьеръ удивленно мигнулъ глазомъ и проговорилъ:

— Вотъ какъ!

Потомъ, черезъ секунду, онъ добавилъ:

— Если бы мадамъ д'Аргонъ одѣвалась, какъ всѣ, у нея была бы прелестнѣйшая талія во всемъ Парижѣ.

— Не правда ли?—отозвался графъ.

Немного омраченный послѣднимъ замѣчаніемъ Морьера, онъ сказалъ женѣ, только что поровнявшейся съ нимъ:

— Вотъ видишь... Ты воображаешь, будто никто не замѣчаетъ, что ты не надѣваешь корсета. А Морьеръ очень хорошо разобралъ это!

Она покраснѣла, и маркизъ, остававшійся назади, видѣлъ, какъ розоватый тонъ охватилъ ея шею. Христіана краснѣла, точно ребенокъ, кровь приливала къ ея прозрачной кожѣ и окрашивала ее нѣжными вспышками.

Когда д'Аргонъ поѣхалъ опять рядомъ съ Морьеромъ, тотъ сказалъ:

— Ты говоришь женѣ «ты»?

— Да,—отвѣтилъ графъ, краснѣя въ свою очередь.—Шокируетъ это?

— О, ничуть! Меня не такъ-то легко шокируетъ что бы то ни было. Нѣтъ, просто, удивило только.

Какъ ни старался онъ сохранить вѣжливость, неодобреніе чувствовалось въ формѣ фразы и въ выраженіи и заставило д'Аргона задуматься.

Онъ находилъ, что Андре правъ, что въ самомъ дѣлѣ «ты» — не шикъ и даже не особенно совпадаетъ съ хорошимъ тономъ. И самъ же онъ въ первое время супружества настаивалъ на такомъ интимномъ обращеніи, стѣснявшемъ его жену. Христіана всегда слышала, какъ ея родители говорили другъ другу «вы», и знала, что они нѣжно любили другъ друга. Въ обществѣ, въ которомъ она жила, мужья и жены не были на «ты», и вначалѣ говорить «ты» казалось ей почти неприличіемъ. Но такъ какъ Жакъ, слишкомъ влюбленный для того, чтобы взвѣшивать слова, уснащалъ свои фразы мѣстоименіями «ты» и «вы» въ перемежку, что̀ производило эффекты довольно потѣшные, то жена покончила рѣшеніемъ держаться уже чего-нибудь одного и согласилась на «ты». Въ то вре-

мя онъ понятія не имѣлъ о «свѣтѣ», который Христіана знала очень хорошо. Закупоренный съ своими строгими родителями въ ихъ старинномъ домѣ, гдѣ бывали только старые друзья, строгіе и скучные, и ихъ дѣти, — строгія и скучныя не менѣе родителей, — Жакъ искренно думалъ, что всѣ люди одного общественнаго положенія должны быть похожи на тѣхъ, которыхъ онъ зналъ. И когда, ставши самъ себѣ господиномъ, женившись, получивши возможность жить, какъ ему угодно, онъ сразу кинулся въ этотъ свѣтъ, обворожительный, изящный, фальшивый и довольно сомнительнаго достоинства, состоящій, однако же, изъ людей одного сорта съ нимъ, Жакъ сначала совсѣмъ растерялся. Андре де-Морьеръ, единственный изъ друзей дѣтства, который могъ бы руководить имъ, былъ въ отлучкѣ, путешествовалъ.

Мать Андре, строгая и холодная, была очень дружна съ матерью Жака, и мальчики совсѣмъ еще дѣтьми полюбили другъ друга. Де-Морьеръ рано вышелъ изъ-подъ зависимости отъ матери, получивши значительное наслѣдство послѣ одного изъ своихъ родственниковъ, и пустился въ свѣтъ, превратился черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ блестящаго молодого человѣка, но, попрежнему, продолжалъ бывать въ домѣ стариковъ д'Аргонъ. За это Жакъ сохранилъ къ нему чувство безконечной благодарности. Въ то время, какъ отецъ и мать д'Аргона заявляли, что Морьеръ имѣетъ видъ модной картинки, Жаку онъ представлялся высшимъ и таинственнымъ существомъ, о жизни котораго онъ не имѣлъ понятія, но которымъ онъ восхищался. Морьеръ, съ своей стороны, избѣгалъ разговоровъ съ своимъ другомъ о незнакомомъ тому блестящемъ обществѣ. Онъ не хотѣлъ своими разсказами вызвать въ пріятелѣ стремленіе къ этому неизвѣстному, омрачить сожалѣніями его однообразную и тихую жизнь.

Первое время супружества Христіана и Жакъ путешествовали цѣлые полгода, а вернувшись, по желанію мужа, кинулись съ полнымъ увлеченіемъ въ обычную жизнь того моднаго кружка, который доставляетъ газетамъ матеріалъ для ихъ «свѣтскихъ отголосковъ». Въ этомъ кружкѣ, душою котораго былъ маркизъ де-Морьеръ, Трейли, Вонанкуры, Буйльоны и ихъ прихвостни, вродѣ Дюпюи и д'Антена, задавали тонъ. Госпожа де-Живрэ, которую дружба съ графиней д'Аргонъ и родство съ Буйльонами дѣлали иногда участницей ихъ «маленькихъ развлеченій», не пользовалась ни какимъ значеніемъ съ точки зрѣнія «шика».

Въ то время, какъ д'Аргонъ печально соображалъ, что обращеніе на «ты» между мужемъ и женой вредитъ свѣтскому престижу,

Морьеръ, смотрѣвшій сбоку на сѣдло своей кузины де-Живрэ, сдѣлалъ по его поводу одобрительное замѣчаніе:

— Знаешь, у тебя прехорошенькое сѣдло... Легкое оно, должно быть?

— Девять съ половиной фунтовъ.

— Оно очень мило, со смысломъ... только...

Онъ нагнулся впередъ, засматривая за правую ногу мадамъ де-Живрэ, и продолжалъ съ крайнимъ изумленіемъ:

— А тамъ что же это такое? Кожи-то нѣтъ спереди? Подъ ногой у тебя лошадь?

— Она самая.

— Да, вѣдь, это дико!

— Нѣтъ, это легко.

— Ты пачкаешь всѣ свои юбки... и, затѣмъ, ногѣ лежать не на чемъ.

— Нога лежитъ очень хорошо. О ней не хлопочи.

— А сзади сѣдло совсѣмъ прямое, не раздается влѣво?

— Совсѣмъ прямое... не раздается влѣво.

— Послушай, это безобразіе! Это имѣетъ видъ, будто ты ѣздишь на мужскомъ сѣдлѣ съ дамскими луками.

— А почему бы мнѣ не ѣздить на мужскомъ сѣдлѣ съ дамскими луками?

— Потому что не дѣлается это!

— О!—воскликнула Розета, начиная выходить изъ себя.

— Нѣтъ, не дѣлается! Всѣ сѣдла, выписанныя изъ Англіи, расширены въ лѣвую сторону, у всѣхъ кожаная подкладка спереди, предохраняющая юбку и поддерживающая ногу.

— Какое мнѣ дѣло до всего этого?

— Позволь... Я часто бывалъ на охотѣ съ лэди Дольби. Она ѣздитъ верхомъ лучше всѣхъ въ Англіи. Такъ у лэди Дольби сѣдло шире слѣва и у нея...

— Оставь ты меня въ покоѣ съ своей лэди Дольби! Еслибъ у нея и у меня было всего одно сѣдло, тогда я не стала бы спорить. Но такъ какъ каждая изъ насъ ѣздитъ на своемъ собственномъ, то об мы вправѣ имѣть такія, какія кому угодно.

Господинъ де-Живрэ смѣялся и замѣтилъ Морьеру:

— Вы имѣете привилегію пользоваться очень большимъ расположеніемъ Розеты. Если бы кто другой вздумалъ такъ пробира[illegible] ее...

[М]аркизъ отвѣтилъ убѣжденно:

— Она рѣшительно не понимаетъ извѣстныхъ оттѣнковъ!

Госпожа д'Аргонъ взглянула на него. Ей такъ и чудилось, будто она слышитъ фразы своего мужа,—такъ поразительно были они похожи другъ на друга сужденіями, вкусами и даже разговоромъ. При сходныхъ обстоятельствахъ оба употребляли одни и тѣ же выраженія. Маленькая де-Живрэ, на нервы которой уже дѣйствовало сѣдло лэди Дольби, пустила свою лошадь въ галопъ, разсчитывая отдѣлаться отъ надоѣдливыхъ замѣчаній кузена. Но Морьеръ не унимался, призвавъ ее къ порядку:

— Твоя лошадь идетъ съ лѣвой ноги.

— Сама знаю.

— Зачѣмъ ты пускаешь ее съ лѣвой ноги?

— Затѣмъ, что я предоставляю ей идти съ той лапки, съ какой ей нравится.

— Некрасиво это... и, къ тому же, очень вредно.

— Милый мой Андре, мнѣ тридцать три года... лѣтъ двадцать пять я галопирую такъ и чувствую себя совершенно здоровою.

— Но это безобразно!

— До этого мнѣ дѣла нѣтъ.

— А мнѣ до этого есть дѣло! Я скорѣе готовъ прочь отъ васъ уѣхать, чѣмъ смотрѣть, какъ ты скачешь... Такъ не ѣздятъ!

Доведенная чуть не до слезъ, она крикнула:

— А, надоѣлъ же ты мнѣ, наконецъ! Угодно—оставайся, не угодно—убирайся прочь!

Онъ тревожно оглядѣлся кругомъ, боясь, что кто-нибудь слышалъ. «Поистинѣ, Розета дурно воспитана, способна хоть кого компрометировать».

Онъ сообразилъ, въ то же время, что ему надо разыскать Трéйлей, и воспользовался выходкой Розеты. Морьеръ повернулъ лошадь и, проѣзжая мимо де-Живрэ, проговорилъ:

— Твоя жена—сущее наказанье! Я просто не знаю, что съ нею дѣлается!

— И я тоже! Но я знаю, что̀ сдѣлалось бы со мною, еслибъ я былъ на ея мѣстѣ.

— Что именно?

— Нервный припадокъ.

Госпожа де-Вонанкуръ поддержала его:

— Истинная правда. Вы придираетесь къ ней каждую минуту.

Розета обернулась на сѣдлѣ и крикнула удаляющемуся маркизу:

— Ты воображаешь, кажется, будто я не понимаю, что тебѣ хотѣлось уѣхать?

Морьеръ проѣхалъ нѣсколько саженъ и, встрѣтивши Дюпюи, спросилъ:

— Вы не видали Трёйлей?

Тотъ ехидно засмѣялся:

— Эге! и вы слѣдомъ за папашей Саломономъ... «Вы не видали Агарь?» Нѣтъ, я не видалъ Агарь! На что она вамъ понадобилась? Имѣете сказать ей что-нибудь?

Онъ насмѣхался. Маркизъ очень желалъ бы отдѣлаться отъ него, но онъ сообразилъ, что, при встрѣчѣ съ баронессой, Дюпюи будетъ полезенъ тѣмъ, что займетъ ея мужа. Катающихся верхомъ было много и ѣхать можно было только по двое въ рядъ: Дюпюи поѣдетъ рядомъ съ Трёйлемъ, а онъ, Морьеръ, успѣетъ дать послѣднія указанія женѣ де-Трёйля. Они повстрѣчали Шаньи, направляющагося къ Парижу. Дюпюи обратился къ нему съ вопросомъ:

— Не видали ли Трёйлей? Мы ихъ ищемъ.

— Ихъ не видалъ, но, если поѣдете дальше, то встрѣтите ихъ папашу тамъ, на поворотѣ... Его лошадь уже минутъ пять пощипываетъ крапиву, отъ которой нѣтъ возможности ее оттащить. Я васъ покидаю,—добавилъ онъ.—Вонъ подвигаются ваши Трёйли. До ихъ высотъ мнѣ далеко и не особенно меня влечетъ къ себѣ красавица Агарь, — и, видя недовольное лицо Морьера, онъ продолжалъ:—Красива она, спора нѣтъ... великолѣпна! Но ея позы, всѣ ея гримасы, костюмы... До свиданія, утекаю... чтобы не упасть къ ея ногамъ!

Трёйли приближались медленнымъ, очень размѣреннымъ и правильнымъ галопомъ. Они сдержали лошадей и баронесса кинула Морьеру долгій, выразительный взглядъ, всѣмъ хорошо замѣтный и немного раздосадовавшій его, вызвавшій почти непріязненное чувство.

А вслѣдствіе такого чувства, Агарь показалась ему уже не такою красавицей, какъ наканунѣ. Не годилась эта женщина для открытаго воздуха. Цвѣтъ лица ея, казавшійся жасминно-матовымъ при вечернемъ, искусственномъ освѣщеніи, принималъ желтоватые тоны. А глядя на ея чудесные блестящіе волосы, Морьеръ вспоминалъ не особенно поэтическій разсказъ папаши Саломона, его,—правдивое, вѣроятно,—описаніе процесса окрашиванія. Маркизу слышался почти голосъ слишкомъ откровеннаго папаши: «Агарь просушивается!» И у Морьера возникали даже колебанія, увлеченія уже не было,— весь онъ какъ-то вдругъ остылъ.

Онъ смотрѣлъ на баронессу, тщетно старался подогрѣть свое воображеніе, а передъ нимъ мелькала залитая розовыми тонами

шейка Христіаны... Тогда онъ пытался увѣрить себя, самому себѣ доказать, насколько «Агарь» красивѣе, привлекательнѣе, съ ея правильными контурами, съ тонкою, готовою переломиться таліей, съ своею артистически-сшитою амазонкой, облегавшею ея станъ, казавшійся безукоризненнымъ.

Наконецъ, Морьеру и баронессѣ удалось переговорить безъ помѣхи...

VII.

Господинъ де-Трейль спросилъ горничную Бланшъ Лакомбъ:

— Не знаете, куда мадамъ уѣхала?

— Не знаю, господинъ баронъ. Обыкновенно, когда мадамъ такъ выѣзжаетъ, то отправляется въ Оперу. Мадамъ приказала доложить господину барону, что вернется въ половинѣ третьяго, не позднѣе.

Горничная положила на столъ нумеръ *Gaulois* и вышла изъ комнаты, окинувши барона изподтишка насмѣшливымъ взглядомъ.

Де-Трейль сѣлъ очень взволнованный. Всякія измѣненія въ его привычкахъ тревожили его точно какія бѣды. Каждый день послѣ завтрака онъ отправлялся выкурить сигару у танцовщицы, когда же случалась у нея репетиція, она заранѣе извѣщала его объ этомъ.

Черезъ минуту онъ всталъ, чтобы взять газету. Рядомъ съ нею лежалъ маленькій свертокъ, а на немъ нацарапанный дрянными каракулями Лакомбъ адресъ: «Маркизу де-Морьеръ, проѣздъ Монтень».

Трейль въ недоумѣніи задавалъ себѣ вопросы:

— Что такое можетъ она посылать Морьеру? И почемъ она знаетъ, что онъ вернулся?

Потомъ онъ вспомнилъ, что танцовщица видѣла Морьера на скачкахъ. Баронъ вертѣлъ въ рукѣ сверточекъ, очень маленькій и тяжелый, въ которомъ лежало что-то тонкое и твердое, что-нибудь вродѣ перочиннаго ножа или маленькихъ ножницъ, или ключа. Да, всего болѣе похоже на ключъ. Зачѣмъ, однако, Бланшъ посылаетъ ключъ Морьеру? И что это за ключъ?

Трейль взглянулъ на часы. «Вернется въ два часа»,—сказала горничная. Онъ успѣетъ развязать и опять завязать тщательно запакованный свертокъ.

Ловко, какъ женщина, и аккуратно, какъ аптекарь, онъ быстро развязалъ тонкій розовый шнурокъ. Въ нѣсколькихъ листкахъ шелковой бумаги лежалъ ключъ, который Трейль узналъ тотчасъ же.

Самъ онъ заказывалъ его годъ назадъ. Большой любитель всякихъ новинокъ, онъ прельстился маленькими англійскими замками, прочными и сложными, которые выписывалъ изъ Лондона г. де-Буйльонъ, и приказалъ поставить такіе же въ своемъ домѣ Парка Монсо и въ квартирѣ Бланшъ Лакомбъ, въ проѣздѣ Гошъ.

Баронъ вертѣлъ въ рукахъ крошечный никелевый ключъ, хорошо ему знакомый. Имъ отпирается входная дверь квартиры, гдѣ прежде жила Бланшъ. У Трейля былъ точно такой же, лежащій безъ употребленія въ вазочкѣ на каминѣ уже три мѣсяца, съ тѣхъ поръ, какъ танцовщица переѣхала въ свой домъ. Сегодня утромъ еще Трейль видѣлъ свой ключъ, разыскивая запонки къ рукавамъ.

И, разъ убѣдившись, что танцовщица посылаетъ Морьеру ключъ отъ своей прежней квартиры, онъ уже не сомнѣвался и въ томъ, что она обманываетъ его съ Морьеромъ и видаетъ его въ проѣздѣ Гошъ, или, вѣрнѣе, будетъ видать, такъ какъ ключъ еще не отосланъ. Очень ловко онъ вновь задѣлалъ сверточекъ, положилъ его на мѣсто и сталъ ждать возвращенія Бланшъ, едва осиливая нетерпѣніе. Какъ вынудить ее сказать правду?

А настоящая-то правда въ томъ заключалась, что швейцаръ изъ улицы Гошъ приходилъ утромъ «отъ господина, снявшаго квартиру, съ просьбой доставить ему второй ключъ отъ входной двери, который долженъ быть у прежней квартиранки. Тому господину нужны оба ключа, необходимы къ тремъ часамъ». Танцовщица была въ Лѣсу, когда являлся швейцаръ. Вернувшись домой, она запаковала требуемый ключъ съ тѣмъ, чтобы послать его прямо къ Морьеру, жившему въ двухъ шагахъ отъ нея, но заторопилась и уѣхала, позабывши приказать отнести свертокъ.

Барону пришлось ждать не долго. Въ половинѣ второго пріѣхала Лакомбъ, совершенно измученная,—какъ она говорила,—безконечнымъ примѣриваніемъ. Она была у Монто за платьемъ «Louis XIV», въ которомъ Машаръ долженъ сегодня начать ея портретъ.

— Сегодня?—спросилъ Трейль подозрительно.—Я думалъ, что портретъ условлено начать завтра.

— Нѣтъ, сегодня... Ты припомни, говорено въ четвергъ... сегодня четвергъ.

— А, да!—сказалъ баронъ.—Мнѣ почему-то казалось, что среда.

Бланшъ увидала забытый на столѣ свертокъ, вскрикнула и бросилась къ звонку.

— Ахъ, Боже мой, я и забыла!...

Она не договорила и немного покраснѣла, раздосадованная

мыслью, что баронъ могъ замѣтить свертокъ и начнетъ требовать объясненій. Ей ни за что не хотѣлось признаться въ томъ, что она передавала квартиру, и очень желательно было не потерять пяти тысячъ франковъ наемной платы, что составляло съ двѣнадцатью тысячами Морьера семнадцать тысячъ, то-есть двѣнадцать тысячъ чистой прибыли.

Пока она придумывала какой-нибудь изворотъ, де-Трейль спросилъ съ равнодушнымъ видомъ:

— Ты что это посылаешь Морьеру?

— Я...—начала она, запинаясь болѣе, чѣмъ слѣдовало бы.— Видишь ли, я... такъ, пустякъ это... онъ хотѣлъ только посмотрѣть... Это...

Баронъ повторилъ уже нетерпѣливо, похлопывая ногой по полу:

— Что такое ты посылаешь?

Она сообразила, что лучше будетъ не лгать на тотъ конецъ, чтобы баронъ,—если ему вздумается открыть свертокъ,—убѣдился, что она голубка невинная, и, придумывая подходящее объясненіе, отвѣтила:

— Ключъ посылаю.

Удивленный такою откровенностью и притворясь ничего незнающимъ, Трейль спросилъ:

— Ключъ? Какой ключъ?

Бланшъ Лакомбъ подумала, что на этотъ разъ уже нельзя сказать правду, не возбуждая подозрѣнія въ томъ, что квартира сдана, и проговорила:

— Ключъ здѣшній... такъ, отъ какой-то двери. Ему хотѣлось посмотрѣть, какіе у насъ ключи, онъ хочетъ поставить у себя такіе же замки, какъ наши.

И, обратившись къ только что вошедшей горничной, она сказала:

— Отошлите сейчасъ этотъ сверточекъ къ маркизу де-Морьеру въ улицѣ Монтень.

Къ ея удовольствію, свертокъ исчезъ. Она боялась, какъ бы баронъ не раскрылъ его. Память у Трейля была поразительная, и онъ, навѣрное, узналъ бы ключъ отъ прежней квартиры. Ключи недавно купленнаго отеля были такіе же, какъ въ домѣ Парка Монсо, нѣсколько большаго размѣра.

Де-Трейль нервно ходилъ по комнатѣ, увѣренный въ томъ, что его обманываютъ, и слишкомъ трусливый для того, чтобы высказать это, не имѣя въ рукахъ доказательствъ. Наконецъ, онъ остановился:

— Гдѣ же, однако, вы видѣли Морьера?

— Въ Отёйлѣ, прошлое воскресенье...

— И видѣли его только тамъ?

Она отвѣтила, не задумываясь:

— Только тамъ видѣла... Гдѣ же еще я могла его видѣть?

— А я почемъ знаю... Васъ спрашиваю.

Она ничего не возразила, и онъ продолжалъ:

— И Морьеръ, такъ, вдругъ, пожелалъ видѣть вашъ ключъ, ни съ того, ни съ сего?

— Разумѣется, не такъ вдругъ... Мы говорили о вещахъ, которыя приходится носить въ карманѣ... Тогда Шаньи,—Шаньи тамъ же былъ,—Шаньи и сказалъ, что система ключей у меня — одинъ шикъ.

Встревоженный упоминаніемъ о Шаньи, онъ опять спросилъ:

— А Шаньи почему это знаетъ?

— Послушайте! Вы меня изъ терпѣнія выводите! Не сами ли вы уши всѣмъ прожужжали вашею выдумкой англійскихъ замкóвъ? Съ полгода вы ни о чемъ другомъ не говорили... Это былъ самый излюбленный вашъ конекъ!

И, сразу мѣняя голосъ, она заговорила:

— Мой туалетъ въ воскресенье имѣлъ, кажется, огромный успѣхъ. У Монто мнѣ говорили, что очень многіе восторгались имъ... и въ числѣ другихъ ваша жена.

— О, прошу васъ, оставьте вы въ покоѣ мою жену!

Въ сущности, ему рѣшительно безразлично было, говоритъ или не говоритъ танцовщица про мадамъ де-Трёйль, но ему казалось, что допускать это не согласно съ хорошимъ тономъ. Къ тому же, ему просто нужно было придраться къ чему-нибудь и поворчать. Онъ до ужаса боялся танцовщицы, но иногда наскакивалъ на нее изъ-за ничтожнаго вздора.

Она обернулась къ нему, вся красная:

— Стало быть, я уже не имѣю права произносить имя вашей супруги?... Чудесно, этого еще недоставало! Вы потѣшаете меня...

Она встала.

— Знаете, прогонять васъ я не желала бы, но въ половинѣ третьяго мнѣ нужно быть у Машара, и я должна сейчасъ ѣхать.

— Развѣ вы не будете переодѣваться?

— Нѣтъ, не буду переодѣваться... Мое платье къ нему послано.

— Экипажъ у васъ есть?

— Есть, не безпокойтесь... есть все, что мнѣ нужно. Благодарю.

Она, видимо, раздражалась все сильнѣе. Дѣлаясь опять очень смирнымъ, Трейль спросилъ:

— Мы уговаривались, кажется, что я поѣду взглянуть, какъ вы будете позировать?

— Не сегодня только... сегодня невозможно! Онъ будетъ выбирать позу и мѣшать ему нельзя. На этотъ разъ, надѣюсь, вы не будете приставать ко мнѣ.

Она ходила изъ угла въ уголъ, стараясь поскорѣе его выпроводить. Баронъ сказалъ:

— Вы не въ духѣ!

Она грубо отвѣтила:

— Каждому своя очередь!

Очутившись на улицѣ, Трейль задумался, куда идти теперь. Обыкновенно онъ оставался у танцовщицы до трехъ часовъ и теперь онъ окончательно не зналъ, что ему дѣлать. Въ его жизни, совершенно рутинной, малѣйшее событіе принимало важные размѣры, а, кромѣ того, онъ еще былъ внутренно убѣжденъ, что его обманываютъ.

Къ Бланшъ онъ привыкъ, и она была ему положительно необходима. Теперь же мысль, что она понравилась Морьеру, дѣлала танцовщицу въ его глазамъ еще болѣе привлекательной. Очень былъ Морьеръ разборчивъ. Чтобы быть имъ замѣченною, надо было женщинѣ имѣть много шика, и если, только что вернувшись, онъ обратилъ свое вниманіе на Бланшъ, то, очевидно, онъ находитъ, что въ ней больше шика, чѣмъ во всѣхъ другихъ. Это было, конечно, лестно, но, въ тоже время, и непріятно: вздумай Андре потребовать, чтобы танцовщица выбрала одного изъ нихъ двоихъ, она, разумѣется, выберетъ Морьера. Какъ ни былъ хвастливъ баронъ, онъ все же отлично сознавалъ, что вездѣ и всегда ему придется уступать маркизу. Всего разумнѣе было бы, пожалуй, закрыть глаза и не путаться въ ихъ дѣла.

Трейль направлялся къ Елисейскимъ полямъ, когда увидалъ, что Морьеръ вышелъ изъ своего дома, повернулъ тоже къ Елисейскимъ полямъ и пошелъ метрахъ въ двадцати впереди Трейля. Дойдя до скрещиванія дорогъ, онъ свернулъ влѣво къ тріумфальной аркѣ. Баронъ подумалъ: «Теперь пойдетъ въ проѣздъ Гошъ»... и послѣдовалъ за маркизомъ, твердо рѣшивши дознать правду, какова бы она ни была. Дойдя до площадки, гдѣ стоятъ экипажи, Морьеръ взглянулъ на часы и ускорилъ шаги. Но, вмѣсто того, чтобы повернуть въ проѣздъ Гошъ, какъ того ждалъ Трейль, онъ перешелъ черезъ площадь въ проѣздъ Виктора Гюго и тамъ вошелъ къ Гаке.

Баронъ прошелъ мимо магазина и видѣлъ, что Морьеръ указываетъ разныя вещи продавщицамъ и прикащикамъ, суетящимся вокругъ него. Трёйль остановился довольно далеко и выжидалъ.

Андре вышелъ черезъ нѣсколько минутъ и своимъ эластическимъ, широкимъ шагомъ пустился на этотъ разъ къ проѣзду Гошъ, очень торопливо и посматривая на свои часы. Дойдя до угольнаго дома, онъ свернулъ въ ворота. Баронъ все еще надѣялся до послѣдней минуты, что онъ пройдетъ мимо, и остановился на мѣстѣ въ страшномъ бѣшенствѣ, охваченный желаніемъ тотчасъ же бѣжать слѣдомъ и тутъ же дать пощечину Морьеру. Но онъ сообразилъ, что швейцары знаютъ его и что въ результатѣ получится совсѣмъ нелестная для него, потѣшная сплетня. Подумалъ было онъ также подождать Бланшъ и съ нею имѣть объясненіе. Быть уже здѣсь она не могла, наряжалась она долго и не успѣла, конечно, явиться такъ скоро. Но онъ побоялся, что его замѣтятъ и узнаютъ. Тогда ему пришла въ голову мысль, которую онъ счелъ блистательной. Онъ разсуждалъ: «Отправлюсь я за ключемъ и накрою ихъ тихонько, безъ шума. Это будетъ шикъ!»...

Онъ кликнулъ фіакръ и помчался въ Паркъ Монсо. Трёйль взбѣгалъ на лѣстницу черезъ три-четыре ступеньки, опустивши голову, и чуть не сбилъ съ ногъ свою жену, сходившую внизъ, распространяя кругомъ ароматъ сильныхъ духовъ. Привыкши видѣть жену всегда въ полномъ блескѣ, разодѣтою на славу, онъ не узналъ ее въ простомъ черномъ нарядѣ.

Она смотрѣла на него широко раскрытыми глазами съ выраженіемъ притворнаго изумленія.

— Боже мой, до чего вы красны!... И какъ вы бѣжите! Можно подумать, будто вы гонитесь за воромъ!

Ему почудилось, будто ей извѣстно постигшее его злоключеніе. Онъ пробормоталъ сконфуженно:

— Нѣтъ, я... я домой иду... А вы? Вы уходите? Я не видалъ экипажа внизу.

Она отвѣтила:

— Хочу пройтись немного по парку... или по улицѣ. Докторъ сказалъ, что это поможетъ мнѣ отъ головныхъ болей...

— У васъ головныя боли?—спросилъ онъ простодушно.

Госпожа де-Трёйль пожала плечами и пошла дальше, не сказавши больше ни слова.

Придя въ свою комнату, баронъ взялъ изъ вазы маленькій никелевый ключъ и, усѣвшись въ большое кресло, принялся раздумывать такъ, какъ не думалъ во всю свою жизнь.

Дѣло шло о томъ, чтобы не попасть въ дурацкое положеніе.

Морьеръ былъ въ обществѣ личностью, много болѣе симпатичною, чѣмъ онъ, Трейль, и на этотъ счетъ Трейль не вдавался ни въ какія иллюзіи. За Морьеромъ было неоспоримое преимущество изящества, въ обществѣ онъ былъ очень «виднымъ» человѣкомъ. Ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало вооружать противъ себя тѣхъ, кто, конечно, былъ бы на сторонѣ маркиза, если бы вся эта исторія сдѣлалась извѣстною. Безусловно необходимо было уловить тутъ самыя нѣжные оттѣнки. Помимо этого, охваченный ревностью, терзавшею его въ эту минуту, баронъ всего болѣе озабоченъ былъ тѣмъ, чтобъ удержать за собой танцовщицу и такъ уладить все съ Морьеромъ, чтобы не дошло до дуэли.

Совсѣмъ уже собравшись уходить, онъ сѣлъ опять. Ему не хотѣлось встрѣтиться съ женою, вышедшею прогуляться, страшно было, что узнаетъ она про его любовныя неудачи. Онъ только что замѣтилъ, какъ насмѣшливо она спросила о причинѣ его волненія, и желалъ дать ей время уйти подальше.

Наконецъ, и онъ рѣшился пуститься въ путь, оглядѣвши предварительно паркъ и улицу, не виднѣется ли гдѣ высокій силуэтъ Агари. Удостовѣрившись, что ея нѣтъ, баронъ пошелъ очень быстро.

Сильно билось его сердце, когда онъ вынулъ изъ кармана маленькій ключъ. Всю дорогу Трейля пугала мысль, что они могли, войдя въ домъ, вложить опять ключъ въ замо́къ. Этого не оказалось, и его ключъ вошелъ легко. Прежде чѣмъ повернуть его, баронъ еще разъ задалъ себѣ вопросъ, ловко ли выйдетъ то, что́ онъ затѣвалъ сдѣлать? Вообще, онъ все на свѣтѣ готовъ былъ предпочесть увѣренности, которая, во всякомъ случаѣ, потревожитъ тихій покой его мирнаго существованія. Но его будоражила мысль о томъ, что происходитъ тамъ, за этою дверью.

Онъ поколебался еще съ секунду и стремительно вошелъ.

Прежде всего, его поразила темнота прихожей. Глаза, привыкшіе къ яркому свѣту улицы, залитой солнцемъ, не различали рѣшительно ничего. Зная расположеніе квартиры, онъ ощупью отворилъ дверь и вошелъ въ гостиную. Въ полуоткрытыя жалузи проходили длинные лучи свѣта и снова ослѣпили его. Понемногу глаза присмотрѣлись къ этому неполному освѣщенію.

Справа была отворена дверь въ комнату Бланшъ. Трейль направился къ ней, тихо крадучись по ковру. Трость, положенная поперекъ кресла, за которую онъ задѣлъ, покатилась на полъ со

звономъ глухого колокольчика. Въ тотъ же мигъ на порогѣ двери появился Морьеръ.

Узнавши де-Трейля, онъ стремительно опустилъ портьеру. Въ то же время, раздался пронзительный крикъ женщины и позади Морьера промелькнуло облако красной шелковой матеріи и кружева.

Трейль и Морьеръ стояли молча другъ противъ друга. Наконецъ, маркизъ заговорилъ тономъ, вѣжливымъ и рѣзкимъ, въ то же время:

— Позвольте узнать, милѣйшій мой Трейль, зачѣмъ вы пожаловали ко мнѣ?

Онъ былъ блѣденъ и говорилъ слегка хриплымъ голосомъ, но улыбался крайне насмѣшливо. Баронъ чувствовалъ, что попалъ въ забавное положеніе. Лица Бланшъ онъ не видалъ за минуту передъ этимъ, успѣлъ разсмотрѣть только ея высокій ростъ и черные чулки подъ шелковою юбкой цвѣта настурціи, который она особенно любила, но Трейль не сомнѣвался въ томъ, что и танцовщица въ той комнатѣ потѣшается надъ нимъ.

Онъ отвѣтилъ медленно, отбивая слова:

— Не мнѣ ли скорѣе спросить у васъ, съ кѣмъ вы тутъ?

Морьеръ отвѣтилъ опредѣленно:

— Я не скажу вамъ, что съ любовницей... это было бы не вѣрно. Женщина, находящаяся тамъ, достойна еще, — клянусь вамъ въ томъ,—полнаго уваженія.

Трейль усмѣхнулся:

— Очень мило это «достойна полнаго уваженія»!

— Это правда, и я повторяю вамъ, мой милый Трейль, что, будучи ослѣплены какимъ-то неизвѣстнымъ мнѣ подозрѣніемъ, вы продѣлываете совершенно неумѣстныя вещи... о чемъ сами же пожалѣете, навѣрное.

Баронъ сознавалъ, насколько оказывался смѣшнымъ, и страшно бѣсился. Ничего не возражая, онъ двинулся было впередъ.

Морьеръ не тронулся съ мѣста, только плотнѣе прислонился къ двери и сказалъ:

— То, что вы дѣлаете, мой милый, просто безумно!... Вы являетесь ко мнѣ невзначай, безъ малѣйшаго на то права, безъ всякаго повода... да, безъ всякаго повода... Я не знаю, что вамъ отъ меня угодно.

И про себя онъ думалъ: «До чего безсмысленно затѣвать такую исторію! Онъ глупѣе даже, чѣмъ я его считалъ!»

Трейль отчаянно бормоталъ:

— Я хочу видѣть ту женщину!...

— Хотите видѣть женщину, которая у меня находится? Да вы не въ своемъ умѣ! Кто является съ розыскомъ столь сомнительнаго достоинства, тотъ приглашаетъ съ собой полицейскаго коммиссара... Грязно это, но, по крайней мѣрѣ, согласно съ порядкомъ.

— Э, чортъ возьми! — крикнулъ Трёйль. — Если бы могъ я только!... На мое горе, полиція не оказываетъ покровительства любовнымъ связямъ такихъ сумасбродовъ, какъ я, и такихъ негодницъ, какъ вонъ та!

Морьеръ, озадаченный и успокоенный, хотѣлъ возражать, но Трёйль завопилъ:

— Я хочу видѣть мадемуазель Лакомбъ, понимаете меня? Хочу только сказать ей нѣсколько словъ и потомъ уйду. Съ вами объяснюсь въ другое время.

Морьеръ не шевельнулся. Его лицо оставалось безстрастнымъ, и онъ, совершенно спокойно на этотъ разъ, заговорилъ:

— Еще разъ повторяю, милый мой Трёйль, что мадемуазель Лакомбъ здѣсь нѣтъ. Я вчера нанялъ у нея эту квартиру, но совсѣмъ не затѣмъ, чтобы принимать ее у себя. Въ томъ даю вамъ мое честное слово.

Трёйль упрямо стоялъ на своемъ.

— Полно же вамъ! Я сейчасъ видѣлъ ее, узналъ.

— О, только этого не хватало! — разсмѣялся Морьеръ.

Затѣмъ, видя, что баронъ ни за что не уйдетъ, онъ продолжалъ:

— Послушайте... мадемуазель Лакомбъ должна быть теперь у Машара.

— Вы почему знаете?

— Утромъ я посылалъ къ ней за вторымъ ключомъ... не зналъ, что имѣется еще третій, и ея горничная сказала моему посланному, что мадемуазель Лакомбъ вернется рано, такъ какъ въ три часа она должна позировать у Машара и пріѣдетъ домой одѣваться.

Трёйль въ нерѣшительности соображалъ про себя: «Все это очень похоже на правду».

Маркизъ предложилъ:

— Можете сейчасъ же поѣхать къ Машару и удостовѣриться, что Лакомбъ у него.

— Чтобы тѣмъ временемъ вы ее спровадили отсюда?

— Хотите, я съ вами поѣду?

— Такъ... а она утечетъ...

— Хотите послать кого-нибудь и ждать здѣсь?

— Это другое дѣло,—сказалъ Трейль, замѣтно поколебленный.—На это я согласенъ.

Морьеръ позвонилъ. Баронъ написалъ на своей карточкѣ: «Могу ли я пріѣхать полюбоваться на васъ одну минуту? Мѣшать не буду». Передавая карточку швейцару, онъ наказывалъ ему поторопиться и записку передать въ руки самой мадемуазель Лакомбъ, позировавшей у Машара.

Онъ сѣлъ и сталъ ждать, молча, противъ Морьера, потѣшавшагося въ душѣ надъ вытянутою физіономіей припертой баронессы.

Черезъ полчаса явился швейцаръ съ отвѣтомъ танцовщицы.

На клочкѣ бумаги она написала: «Я вамъ сказала—нѣтъ, стало быть—нѣтъ. Не сегодня, вы все испортите». По ея царапанью видно было, что она разозлилась. Де-Трейль уже совсѣмъ по-дурацки спросилъ:

— Вы видѣли мадемуазель Лакомбъ? Какъ она одѣта?

Швейцаръ отвѣтилъ, вертя въ рукахъ фуражку:

— Въ такомъ платьѣ, какъ въ Луврѣ королевы на портретахъ, и видъ у нея былъ очень недовольный тѣмъ, что ее побезпокоили... очень даже недовольный!

— Милый мой Морьеръ,—заговорилъ баронъ,—я въ отчаяніи отъ моей глупой выходки... Простите меня... я такъ ревнивъ... такъ ужасно ревнивъ! Только теперь понялъ я это. Вы не знаете, что такое ревность!

— Пока еще не знаю,—отвѣтилъ Морьеръ, улыбаясь, и добавилъ, поглядывая украдкой на дверь, за которою представлялъ себѣ фигуру Агари въ ея красной юбкѣ:—и не надѣюсь, что не познакомлюсь съ такимъ чувствомъ на этотъ разъ.

Въ началѣ этого свиданія, нарушеннаго столь необыкновеннымъ образомъ, баронесса показалась ему настроенною нѣсколько лирически, что не совпадало съ его вкусами. Онъ явился сюда отнюдь не затѣмъ, чтобы наслаждаться воркованьемъ, и постарался объяснить ей это настолько опредѣленно, что ея напыщенныя фразы живо смѣнились робостью пансіонерки и напускными страхами, которые злили его.

Въ ту минуту, когда баронъ уходилъ, продолжая извиняться, Морьеръ весело обратился къ нему:

— Э, послушайте-ка, оставьте мнѣ ужь и третій ключъ!

И, выпроводивши его за дверь, отъ отобралъ его ключъ, тщательно заперъ дверь, удостовѣрился, что все спокойно, и безъ мѣ-

лѣйшаго увлеченія вернулся къ Агари, бросившейся ему на шею съ трагическими жестами, чуть не съ воплями:

— Ты на дуэль его не вызовешь?... Я не хочу, чтобы ты шелъ на дуэль изъ-за меня!

Онъ успокоилъ ее, говоря, что объ этомъ и рѣчи не было, и сталъ ей нѣжно гладить волосы, показавшіеся ему немного грубоватыми. И невольно припомнились ему тонкіе и тяжелые волосы госпожи д'Аргонъ, ласкать которыя, должно быть, такъ пріятно.

Госпожа де-Трёйль спросила:

— О чемъ вы замечтались?

Онъ отвѣтилъ, но далеко не убѣдительно:

— О васъ!...

Трёйль шелъ по улицѣ счастливый и безконечно довольный убѣжденіемъ, что ему не измѣняютъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, занятый очень любопытнымъ вопросомъ, что тамъ у Морьера за женщина, которая такъ похожа на Бланшъ и которая одѣвается, какъ Бланшъ?

А Бланшъ тѣмъ временемъ бросила свой портретный сеансъ и, подобравши свои юбки, забиралась на пятый этажъ дома въ улицѣ Дюфо.

Она отправлялась «повидать на минутку» премилаго молодого человѣка, состоявшаго въ данное время простымъ чиновникомъ при министерствѣ, но пользовавшагося покровительствомъ министра и стоявшаго на отличнѣйшей дорогѣ.

VIII.

Д'Аргонъ передалъ женѣ то, что Морьеръ говорилъ про ея талію. Онъ повторилъ фразу маркиза: «Если бы мадамъ д'Аргонъ одѣвалась, какъ всѣ, у нея была бы самая прелестная талія въ Парижѣ!»—и затѣмъ высказалъ собственное заключеніе:

— Вотъ видишь, милочка моя, и выходитъ, что напрасно ты не надѣваешь корсета. Необходимо надо быть, какъ всѣ!

И Христіана, находившая, наоборотъ, что всегда надо быть самой собою, вспоминала совершенно одинаковыя мнѣнія своего мужа и маркиза, противуположныя ея мнѣніямъ, и печально думала: «Правы они: надо быть, какъ всѣ!»

Она отвѣтила покорно, обращая все въ шутку:

— Я буду надѣвать корсетъ, разъ это угодно господину Морьеру и тебѣ. Мнѣ все равно.

На самомъ же дѣлѣ это было ей далеко не «все равно». Первымъ дѣломъ она думала, что это будетъ ей вредно, а затѣмъ она дорожила естественностью «очертаній». Очень умная и артистически развитая, она знала, что эти «очертанія» прекрасны и что они потеряютъ отъ перемѣны.

За то какъ же доволенъ останется Монто!

Мужу она не сказала ни о продажѣ бриліантовъ, ни о томъ, что была у Монто. Ей хотѣлось вдругъ, нежданно, явиться передъ Жакомъ въ новомъ видѣ, сдѣлать ему этотъ сюрпризъ, который приведетъ его въ восторгъ. Несмотря на все свое нежеланіе отказаться отъ простоты, которую она любила, молодая женщина вынуждена была признать, что платья портного дѣлаютъ ее много красивѣе съ свѣтской точки зрѣнія. Онъ какъ нельзя лучше понялъ характеръ ея красоты и стройность фигуры. Онъ съ любовью настоящаго художника пробовалъ драпировать ее разными матеріями, мягкими и жесткими, давая имъ, такъ сказать, произвольно ложиться или ломаться складками вокругъ ея гибкаго и нервнаго стана. Онъ съумѣлъ приложить все свое искусство къ этой замѣчательной и странной красотѣ, состоящей изъ сочетанія поразительно чистыхъ линій и крайней подвижности выраженія. Въ первый же день, когда онъ снималъ мѣрку съ молодой женщины, въ которой уже чуялъ хорошую кліентку въ будущемъ, онъ порѣшилъ, что хорошо одѣть ее можно, только тщательно разсмотрѣвши и понявши различныхъ женщинъ, слившихся во-едино въ ея личности. Она могла все надѣть, все «смѣть», при непремѣнномъ условіи, чтобъ ея индивидуальность сохранила преобладаніе надъ ея туалетомъ. Изъ нея не слѣдовало дѣлать,—какъ онъ то дѣлалъ съ своими обыкновенными кліентками, — женщину «Louis XIV», или «Henri II», или «1830 года», то-есть, въ сущности, картину. Здѣсь же картина была готова и задача состояла въ томъ, чтобы дать ей раму, но раму, достойную ея. И Христіана, примѣривая въ послѣдній разъ свои уже готовыя платья, ясно замѣтила, что восхищеніе примѣривальщицъ и хозяина ихъ издѣліемъ нисколько не преувеличено. Сама она находила въ себѣ такую громадную перемѣну, что смотрѣла на себя съ наивнымъ любопытствомъ, счастливая тѣмъ, что видитъ себя такою красивою, впередъ наслаждаясь удивленіемъ и радостью Жака.

Глядя на себя въ высокія зеркала, отражавшія ея молодой и свѣжій образъ въ бѣломъ атласномъ платьѣ, стройный и полный граціи, несмотря на корсетъ, который она рѣшилась надѣть, она подумала также и о Морьерѣ. Какъ бы то ни было, она ему обязана

этимъ превращеніемъ. Въ глубинѣ, въ самой глубинѣ своего существа ей жаль было прежней, вчерашней Христіаны, такой простой въ своихъ незатѣйливыхъ платьяхъ, немного даже тусклой. И эта Христіана перваго образца, казалось, уже начинала стираться въ ея памяти. Когда же, примѣривши всѣ пять заказанныхъ туалетовъ, она опять надѣла свое сѣрое шерстяное платье, когда передъ зеркаломъ завязала ленты своей маленькой скромной шляпочки съ васильками, она улыбнулась, какъ доброму старому другу. Она опять себя видѣла. А то, вотъ сейчасъ, была не она, а какая-то дама, казавшаяся ей очень красивою, на которую она смотрѣла съ нѣкоторымъ почтеніемъ.

Выйдя отъ Монто, она отослала домой свою карету и пошла побродить по улицѣ. Христіана знала, что впередъ уже не пройти ей нигдѣ незамѣченной. До сихъ поръ, несмотря на свою красоту, она могла прогуливаться, не привлекая докучнаго вниманія тѣхъ, кто заглядывается на нарядную женщину больше, чѣмъ на женщину красивую.

Теперь конецъ! Конецъ свободѣ ходить спокойно, безъ помѣхи, и никогда уже не будетъ этой свободы. Домой вернулась Христіана немного усталою и очень печальною,—ей казалось, будто она похоронила близкаго друга. Она обошла шкафы съ платьями, пересмотрѣла картонки съ шляпками, отдала своей горничной все, что та могла носить, а остальное, кромѣ пеньюаровъ и бѣлья, приказала уложить со множествомъ душистыхъ саше въ большіе сундуки. Она не хотѣла имѣть передъ глазами что̀ бы то ни было, напоминающее ей покинутаго друга, но принадлежавшее ему желала сохранить на память. Грустная и сосредоточенная, она присутствовала при этомъ укладываніи, точно при какомъ-то погребеніи. Когда все было уложено и сундуки отнесены въ кладовыя, Христіана опять повеселѣла и съ шаловливою радостью обдумывала, какъ бы получше устроить «сюрпризъ» Жаку.

Когда онъ вернулся къ обѣду, Христіана читала, лежа на диванѣ въ своей уборной, закутанная въ длинную блузу изъ бѣлаго крепона.

Жакъ сѣлъ на диванъ у ногъ жены и спросилъ:

— Въ которомъ часу тебѣ нужна карета вечеромъ?

— Сегодня вечеромъ?—переспросила она, какъ бы припоминая что-то.

Мужъ вскрикнулъ почти въ тревогѣ отъ того, что она забываетъ настолько важныя дѣла:

— Да, вѣдь, сегодня послѣдній вторникъ у мадамъ де-Буйль-

онъ!... Послѣдній передъ баломъ Овощей! Не можемъ же мы не ѣхать!

Она отвѣтила тѣмъ же равнодушнымъ тономъ:

— Что-жь, поѣдемъ, ничего противъ этого не имѣю.

Онъ спросилъ съ замѣтнымъ безпокойствомъ:

— Есть у тебя туалетъ, по крайней мѣрѣ?

Она разсмѣялась.

— Разумѣется, есть у меня туалетъ... есть даже нѣсколько туалетовъ.

— О, да! Но надо знать, что̀ ты называешь туалетами... Неприхотлива ты!

— Ты прихотливъ за двоихъ.

— Подъ туалетомъ я разумѣю красивое и свѣжее платье. Есть такое?

— Говорю же тебѣ, что есть.

— У Буйльоновъ всегда очень нарядны... Комнаты великолѣпныя и просторныя, всѣ надѣваютъ лучшія платья.

— Обѣщаю, что и на мнѣ будетъ очень хорошее платье.

— Покажи!

Онъ всталъ и сдѣлалъ шагъ къ двери гардеробной комнаты.

— Да не ходи!—остановила его Христіана.—Это же нелѣпость такой осмотръ!

— Ты не хочешь показать? Вотъ и выходитъ, что это какая-нибудь гадость!

Дѣло принимало плохой оборотъ. Христіана встала, твердо порѣшивши не впускать мужа въ комнату съ платьями.

— Бѣдный мой Жакъ, — проговорила она, смѣясь, — какъ жаль, что ты не женщина!

— Это почему же? Потому, что мнѣ желательно видѣть тебя всегда красивою и хорошо одѣтою? Вотъ ты обѣщала мнѣ дѣлать платья у Монто...

— И опять обѣщаю то же.

— О, да, дорогого сто̀ятъ эти твои обѣщанія!

Она подумала:

«Сто̀ятъ они мнѣ уже семь тысячъ франковъ!»

И затѣмъ вслухъ она сказала:

— Исполню, можешь быть въ томъ увѣренъ. Да, мой костюмъ овощью для бала мадамъ де-Буйльонъ я закажу Монто.

— Костюмъ не представляетъ, въ сущности, никакой важности Тутъ дѣло не въ фасонѣ, было бы почуднѣе все перемято... съ этимъ справится любой костюмёръ. У Монто слѣдовало бы за-

казать хорошее платье для вечера... вотъ такое, напримѣръ, какое было на мадамъ де-Трёйль, когда мы были у нея въ послѣдній разъ.

— Послушай, я закажу такое платье, какое ты захочешь. Заказывать поѣдемъ вмѣстѣ. Довольно съ тебя?

Она обвила руки вокругъ его шеи, улыбающаяся, вся розовая отъ удовольствія при мысли, какое онъ «сдѣлаетъ лицо», когда увидитъ ее у княгини де-Буйльонъ.

Д'Аргонъ наклонился къ женѣ, смотрѣлъ на нее съ нѣжностью, къ которой примѣшивалась нѣкоторая доля досады. Но, увидавши въ зеркало изящную, стройную фигуру жены, онъ тихо прошепталъ:

— Какъ ты сложена!—и съ печальнымъ вздохомъ добавилъ:— А, если бы ты умѣла только одѣться по-настоящему!

Она отвѣтила быстро, желая перемѣнить разговоръ:

— Съумѣю, съумѣю!... Только не дразни ты меня... Оставимъ это. Что дѣлалъ сегодня?

— Я изъ цирка. Очень хорошо было, народу множество. Напрасно ты не бываешь.

— Не занимаетъ это меня. Я слишкомъ люблю лошадей для того, чтобы смотрѣть, какъ ихъ мучаютъ.

— Хочешь, поѣдемъ завтра на теннисъ?

— Завтра я ѣду на выставку картинъ съ мадамъ де-Живрэ.

— Опять! Вѣчно мадамъ де-Живрэ! Завѣряю тебя, милая моя, что ты страшно вредишь себѣ, разъѣзжая такъ съ мадамъ де-Живрэ. Я, разумѣется, не требую, чтобъ ты прекратила съ нею знакомство...

Она прошептала насмѣшливо:

— И отлично дѣлаешь!

— Но ты могла бы порѣже видаться съ нею.

— Нѣтъ, этого не будетъ! Я поддерживаю всѣ знакомства, которыя тебѣ желательны и которыя меня удручаютъ, такъ надо же мнѣ, по всей справедливости, имѣть хотя одного друга, видаться съ которымъ мнѣ пріятно.

— Мадамъ де-Живрэ далеко не ровесница тебѣ.

— Она мнѣ нравится такою, какая она есть.

Д'Аргонъ вздохнулъ еще разъ:

— Ахъ, какой ты еще ребенокъ, милая моя Христіана, и какъ мало ты чутка къ нѣкоторымъ вещамъ!

— Отъ друзей я не отступаюсь и ни въ комъ не заискиваю, это правда, и мнѣ даже противны тѣ, кто такъ поступаетъ.

— Ты разсуждаешь точь-въ-точь, какъ Шаньи!

— И въ этомъ ничего дурного не вижу.

Возвращаясь къ единственному предмету, занимавшему его въ эту минуту, графъ спросилъ:

— Какъ ты будешь причесана сегодня? Опять прилижешься гладко, разумѣется, съ кочкой скрученныхъ волосъ на затылкѣ, тогда какъ ты могла бы устроить себѣ чудную прическу. Съ волосами въ метръ съ четвертью длины можно сдѣлать все, что угодно.

— Сегодня я причешусь иначе. Ты увидишь, что будетъ очень хорошо.

Онъ покачалъ головой, не вѣрилъ женѣ.

Послѣ обѣда Христіана была озабочена однимъ: скорѣе избавиться отъ мужа. Фернандъ долженъ былъ явиться ее причесывать, и надо было устроить такъ, чтобы д'Аргонъ не видалъ его и ни за чѣмъ не заходилъ въ комнату жены, пока она будетъ одѣваться.

Христіана подошла къ нему, ласкаясь.

— Ты здѣсь кури спокойно, а мнѣ надо идти причесаться. Это много займетъ времени, я не привыкла гофриться.

Онъ вскрикнулъ въ торжествѣ:

— А, наконецъ, ты рѣшаешься нагофриться!

— Да, только обѣщай оставить меня совершенно въ покоѣ. Если тебѣ нужно взять что-нибудь у меня, бери теперь же и носа не показывай. Предупреждаю тебя, впрочемъ, что забаррикадирую двери до минуты отъѣзда.

Онъ отвѣтилъ, уже на половину усыпленный сигарой:

— Какъ хочешь.

Христіана знала, что онъ заснетъ, какъ только останется одинъ. Разбудить его она приказала очень поздно, почти совсѣмъ окончивши свой туалетъ, и уже сидѣла въ каретѣ, когда онъ вышелъ, торопясь и ворча немного:

— Ты забыла приказать меня разбудить.

— Не забыла, а сдѣлала это немного поздно.

— Пріѣдемъ, впрочемъ, какъ разъ во-время.

Было двадцать минутъ двѣнадцатаго, положено было ѣхать въ одиннадцать. Жакъ, запаздывавшій очень часто, имѣлъ слабость,— общую почти всѣмъ мужчинамъ,—никогда не сознаваться въ этомъ. И, если случалось ему сознаваться, онъ находилъ множество причинъ въ свое оправданіе: то слишкомъ рано собрались, то его часы остановились, или задержалъ его кто-нибудь. Онъ огромную важность придавалъ тому, чтобы доказать, будто по его винѣ этого

не случается, и похвальбу своею аккуратностью неизмѣнно начиналъ словами: «Я, никогда не опаздывающій»...

Покончивши съ объясненіями Христіанѣ, что ѣдутъ они «какъ разъ во-время», графъ заговорилъ о томъ, что въ данную минуту всѣхъ занимало: о предполагаемой связи Морьера съ баронессой де-Трейль.

— А!—отозвалась она съ замѣтнымъ интересомъ,—развѣ знаютъ, что это... что это случилось?

— Положительно этого не знаютъ, но извѣстно отъ самого Трейля,—онъ въ клубѣ говорилъ, что Лакомбъ передала свою квартиру Морьеру.

— Въ проѣздѣ Гошъ?—сказала Христіана машинально.

Д'Аргонъ отвѣтилъ, удивившись:

— Въ проѣздѣ Гошъ, да... Ты-то почему знаешь, что квартира Лакомбъ въ проѣздѣ Гошъ?

— Продолжай, продолжай, я потомъ скажу.

И онъ продолжалъ, очень довольный тѣмъ, что̀ ему удалось узнать:

— Лакомбъ, такая негодница, какихъ не сыскать, полюбопытствовала узнать, кого тамъ принимаетъ Морьеръ, и стала подкарауливать, и видѣла, какъ входила туда мадамъ де-Трейль въ самомъ простенькомъ черномъ туалетѣ... Понимаешь?

— Какъ нельзя лучше.

— И какого ты объ этомъ мнѣнія?

— Ровно никакого.

Видя, что мужъ не знаетъ ничего достовѣрнаго, она не хотѣла ему выдавать то, что было ей извѣстно.

— Меня удивляетъ нѣсколько Морьеръ,—заговорилъ опять Жакъ,—ему нравятся блондинки, нѣжныя и изящныя.

И, подумавши, онъ закончилъ:

— Я знаю, что баронесса стала теперь рыжею и шикъ у нея съ ногъ-сшибательный... а, все-таки, не въ Морьеровомъ она сортѣ!

Переѣздъ до отеля Буйльоновъ былъ не дологъ. Христіана быстро вышла изъ кареты и, пока Жакъ отдавалъ приказанія выѣздному лакею, поднялась по широкой лѣстницѣ, сплошь обставленной цвѣтами. Госпожа д'Аргонъ поспѣшила снять свою ротонду,—великолѣпную бархатную ротонду, цвѣта сѣры, вышитую серебромъ, съ широкимъ воротникомъ «Henry II», осыпаннымъ бирюзой по бархату. Доро̀гой Жакъ не могъ разсмотрѣть жену въ потемкахъ кареты и теперь, боясь заставить ждать себя, онъ бѣ-

томъ поднялся на лѣстницу и вошелъ слѣдомъ за Христіаной, не взглянувши на нее.

Стоя у входа въ залу, княгиня де-Буйльонъ принимала гостей. Крайнее изумленіе, изобразившееся, при видѣ Христіаны, на сіяющемъ піоново-красномъ лицѣ хозяйки, возбудило вниманіе д'Аргона. Не сразу сообразилъ онъ, что остановившаяся передъ нимъ женщина съ необычайно тонкою таліей и удивительно стройною фигурой — его жена. И когда, обратившись къ нему, она проговорила: «Я вижу тамъ мадамъ де-Живрэ, къ ней пройду»,—онъ только ротъ разинулъ отъ восхищенія и не нашелся, что̀ сказать. Совершенно очарованный, онъ любилъ теперь всѣхъ, даже мадамъ де-Живрэ. Восторгъ, вызванный красотой его жены, повергалъ его въ неописанную радость. Наконецъ-то его тщеславіе было удовлетворено сполна, и это дѣлало его добрымъ, немного расширяло его идеи. Онъ до того ошалѣлъ, что, нагнувшись къ улыбающейся Христіанѣ, не выдержалъ и тихо прошепталъ:

— Я обожаю тебя, прелесть моя!

Она отвѣтила разсѣянно:

— Я тоже.

Христіана замѣтила, съ какимъ удивленіемъ и любопытствомъ смотрѣлъ на нее издали Морьеръ. Онъ едва слушалъ, что̀ ему говорила госпожа де-Трёйль, видимо, разстроенная, слишкомъ быстро обмахивавшаяся вѣеромъ и посматривавшая тоже съ злобнымъ удивленіемъ на совершившееся превращеніе, уже встревожившее ее.

Христіана поняла, что съ этой минуты начинается борьба. Она переставала быть очень хорошенькою и очень скромною женщиной, которой прощается ея красота за ея смиреніе.

Она прошла скользящимъ шагомъ черезъ салонъ къ маленькой де-Живрэ, не спускавшей съ нея глазъ. И, понимая выраженіе этихъ глазъ, радостно смотрѣвшихъ на нее, Христіана убѣдилась въ своемъ успѣхѣ, перестала сомнѣваться въ себѣ.

Она сѣла, и Розета, показывая движеніемъ подбородка на обращенныя къ ней изумленныя лица, объявила:

— Вотъ такъ эффектъ, могу сказать!

Госпожа д'Аргонъ не отвѣтила. Ей чудилось, будто смѣшна она тѣмъ, что всѣ такъ смотрятъ на нее, точно на какую диковину. Стѣсненная своимъ корсетомъ, платьемъ, прической, которую не сама она сдѣлала, она думала, что должна всѣмъ казаться неловкою и неумѣющею держать себя. И въ первый разъ въ жизни она была озабочена своею внѣшностью и тѣмъ, что̀ подумаютъ о ней.

Мадамъ де-Живрэ смѣялась, глядя на своего кузена Морьера. Она наклонилась къ Христіанѣ и сказала:

— Убитъ, на-поваль убитъ Андре! Мадамъ де-Трейль тоже. Она ломаетъ теперь голову надъ вопросомъ, почему сдѣланное для нея тѣмъ же Монто бѣлое атласное платье, точь-въ-точь такое, какъ на васъ, оказывается совсѣмъ не такимъ? Она озадачена!... А папа Саломонъ! Посмотрите на папашу Саломона. Пари держу, я знаю, чтò у него сейчасъ на умѣ.

— Что же у него на умѣ?

— То, что при всѣхъ своихъ милліонахъ онъ не можетъ купить вотъ такой женщины... и это вгоняетъ его въ тоску.

Госпожа д'Аргонъ пожала плечами, на ея лицѣ была счастливая улыбка. Жакъ на противуположной сторонѣ залы разговаривалъ съ госпожею де-Вонанкуръ и глазъ не спускалъ съ жены. А она думала:

«Онъ доволенъ! Онъ находитъ, что я хороша, любитъ меня! Любитъ больше, чѣмъ когда-либо, я въ томъ убѣждепа!»

Разсѣянно она слушала шумъ голосовъ, сливавшійся въ неясный гулъ. Сзади нея, стоя въ дверяхъ, полковникъ де-Тріель разговаривалъ съ графомъ Саломономъ. Громкимъ и хриплымъ голосомъ онъ объяснялъ:

— Диковинное дѣло! Когда три года назадъ я получилъ полкъ, онъ былъ великолѣпенъ!... Въ прошедшемъ году онъ былъ уже не такъ хорошъ, а въ нынѣшнемъ сталъ совсѣмъ плохимъ!

Банкиръ, неизмѣнно вѣжливый, сдѣлалъ удивленное лицо и воскликнулъ:

— Это непостижимо!

Нѣсколько въ сторонѣ, д'Антенъ спрашивалъ маркиза де-Ферси:

— Какъ... вы не шутя любите Кавеньяка?

— Нисколько не шутя. Я люблю всѣхъ, кто задавалъ звону толстокарманникамъ!—огрызался маркизъ.

— Но позвольте, однако, почему же...

— По той самой причинѣ, вѣроятно, по которой вы такихъ не любите...

Морьеръ, раскланявшись кое съ кѣмъ и полавировавши съ своимъ корректнымъ и небрежнымъ видомъ, подошелъ поздороваться съ госпожею д'Аргонъ. Розета, слѣдившая за нимъ глазами, разсуждала про себя:

«Или я совсѣмъ ужь ничего не понимаю, или онъ готовъ по настоящему втюриться. Никогда я его такимъ не видала»...

Для всѣхъ Морьеръ былъ такимъ же точно, какъ всегда, и

возмутимо самоувѣреннымъ, обычно любезнымъ, безукоризненно изящнымъ. Но для кузины, хорошо знавшей его, въ поклонѣ Морьера проглядывала нѣкоторая натянутость, въ его взглядѣ было меньше напускного заигрыванія. Онъ, видимо, былъ заинтересованъ до крайности и очень старался не дать этого замѣтить. Онъ настолько былъ этимъ занятъ, что забылъ даже поклониться Розетѣ. Она его окликнула:

— Ты не узнаешь меня? — и, смѣясь, она добавила, чтобы смутить его: — А я-то, кажется, ничуть не измѣнилась!

Онъ протянулъ ей руку.

— Я не видалъ тебя.

Затѣмъ, обратившись къ Христіанѣ, онъ сказалъ:

— Вы вальсируете?

Она отвѣтила нерѣшительно:

— Это зависитъ...

— Отъ того, съ кѣмъ?

— Нѣтъ... отъ того, когда! Бываютъ дни, когда я вальсирую съ большимъ удовольствіемъ, а иной разъ нѣтъ никакого желанія.

— Смѣю надѣяться, что сегодня...

Она быстро отвѣтила отрицательно и, желая чѣмъ-нибудь объяснить свой отказъ, проговорила:

— Народа слишкомъ много.

На самомъ же дѣлѣ ей не хотѣлось портить свое хорошее платье, грязнить его воскомъ паркета. Она дорожила этимъ платьемъ не только потому, что оно дѣлало ее красивою, но отъ того еще, что оно стоило тысячу триста франковъ, и ей жаль было истрепать его за одинъ разъ.

Маркизъ продолжалъ настаивать:

— И такъ, вы отказываете мнѣ въ первой милости, о которой я прошу! Не соблаговолите ли, по крайней мѣрѣ, пройти къ буфету?

— Но я только что пріѣхала.

— Не все ли равно? Здѣсь такъ жарко... есть дивное питье изъ малины, толченаго льда и рейнвейна... Надо непремѣнно попробовать.

Она встала и пошла подъ руку съ Морьеромъ. Онъ воздержался отъ всякихъ комплиментовъ, но, пока длилась ихъ прогулка, Христіана чувствовала на себѣ его пристальный взглядъ.

— Почему, — заговорилъ вдругъ Морьеръ, — вы не хотите вальсировать со мной? Увѣряю васъ, я хорошо вальсирую.

— Не сомнѣваюсь въ этомъ.

— Такъ почему же?

— Я уже сказала вамъ... бываютъ дни, когда нѣтъ желанія вальсировать. Сегодня одинъ изъ такихъ дней.

— А я полагалъ, что въ двадцать лѣтъ всегда есть желаніе вальсировать.

Она сказала, смѣясь:

— Но мнѣ уже не двадцать лѣтъ.

— А! неужели?... Вамъ сколько же?

— Мнѣ двадцать три.

— О!... старость!

Онъ началъ умолять:

— Одинъ маленькій, крошечный вальсъ? И какъ я буду счастливъ!... Прошу васъ, будьте добры!

— Просите о чемъ-нибудь другомъ.

— Но о чемъ?

— Не знаю... о чемъ хотите.

Онъ слегка наклонился къ ней и, вдыхая ароматъ гарденіи, приколотой къ верху ея корсажа у плеча, прошепталъ:

— Цвѣтокъ этотъ... дайте его мнѣ!

Она сдѣлала отрицательное движеніе.

— И въ этомъ отказываете... вотъ видите! Не лучше ли уже дать мнѣ вальсъ?

Маркизъ позвалъ д'Аргона, разговаривавшаго съ де-Живрэ.

— Знаешь, Жакъ, твоя жена отказывается танцовать со мной.

Графъ подошелъ съ недовольнымъ видомъ.

— Почему ты не хочешь танцовать съ нимъ?

— Я не отказываюсь танцовать съ нимъ...—она спохватилась и поправилась:—съ мосьё де-Морьеромъ. Я просто не хочу танцовать.

Но передъ молящимъ взглядомъ мужа она добавила:

— Впрочемъ, если это имѣетъ такое значеніе... я не упряма.

И, обратившись къ Морьеру, она проговорила:

— Когда вамъ угодно...

Онъ поклонился и, охвативши рукой талію Христіаны, мягко, плавно, безъ малѣйшаго толчка, увлекъ ее сквозь волну танцующихъ. Вальсировалъ онъ превосходно и зналъ это. Мадамъ д'Аргонъ, страстно любившая вальсъ, но танцовавшая мало изъ опасенія сдѣлаться жертвой неловкихъ и грубыхъ танцоровъ, сразу почувствовала себя спокойною, и легко, гибко довѣрилась рукѣ, тихо сжимавшей ея станъ. Вся отдавшись любимому удовольствію, она забыла о платьѣ, сшитомъ Монто, о неопредѣленной тревогѣ, кото-

рую внушалъ ей Морьеръ, о его настояніяхъ при выпрашиваніи у нея вальса или цвѣтка, въ которыхъ она отказывала. Она свободно опиралась на его плечо и, когда онъ нѣсколько замедлялъ движенія, влекла его впередъ порывомъ своего молодого, статнаго тѣла.

Когда они остановились, наконецъ, немного утомленные и очень довольные, она уже ни очемъ не думала, знала только, что провела нѣсколько чудныхъ мгновеній, и за то чувствовала благодарность къ маркизу, смутно ее удивлявшему. Христіана слышала, какъ смотрѣвшій на нее де-Ферси сказалъ Вонанкуру:

— Ого! вотъ такъ хороша!

И, указывая на Морьера, старикъ добавилъ:

— Да и онъ тоже! Парочка на славу!

Вонанкуръ отвѣтилъ:

— Никогда я не видалъ мадамъ д'Аргонъ такою красавицей, какъ сегодня.

Андре де-Морьеръ былъ слишкомъ ловокъ и хорошо воспитанъ для того, чтобы прямо говорить комплименты Христіанѣ, и прошепталъ, улыбаясь:

— Сущую правду сказалъ Вонанкуръ!

Христіана сдѣлала видъ, будто не понимаетъ, въ чемъ дѣло.

— О, вы очень хорошо слышали!—и Морьеръ не настаивалъ больше.

Сдвинувши брови, госпожа де-Трёйль слѣдила за ними упорнымъ, жесткимъ взглядомъ.

— Позволите отвести васъ къ вашему мѣсту?—спросилъ Морьеръ Христіану.

— Да.

Когда онъ провелъ ее къ госпожѣ де-Живрэ, она весело сказала:

— Благодарю васъ. Вы вальсируете прекрасно. Я знаю только мосьё де-Шаньи, который вальсируетъ такъ же хорошо.

Онъ спросилъ:

— Стало быть, и еще позволите?

— Сколько угодно!

— Берегитесь, я, вѣдь, способенъ во зло употребить такое дозволеніе!

— Бѣдненькій Андре! — проговорила госпожа де-Живрэ. — Какъ же ему достанется! Посмотрите только на глаза «Агари».

— Тшш!...мосьё Саломонъ подходитъ,— быстро остановила ее графиня.

Розета разсмѣялась:

— Да, и мнѣ сдается на этотъ разъ, что подходитъ онъ не ради меня.

Графъ Саломо̀нъ поклонился и въ упоръ хватилъ госпожѣ д'Аргонъ:

— Ваше платье очень красиво и къ вамъ идетъ!

Потомъ, замѣтивши одинъ изъ крошечныхъ стульевъ «Louis XVI», онъ придвинулъ его и сѣлъ такъ, что стулъ затрещалъ. Даже вечеромъ, даже въ толпѣ онъ ухитрялся разыскивать вѣчно привлекавшіе его тоненькіе стульчики. Розета слѣдила за нимъ глазами, ожидая каждую минуту, что вотъ-вотъ разлетятся подъ нимъ въ дребезги жиденькія рѣзныя ножки. И когда она увидѣла, что дѣло обошлось безъ крушенія и что «папа» Саломонъ усаживается, быть можетъ, надолго, маленькая де-Живрэ подумала: «Вотъ пытка-то!»—и уныло взглянула на Христіану.

Банкиръ спросилъ:

— Слышали, говорятъ, что мосьё Фрюлинга предложатъ въ члены клуба?

— Какого клуба?—сказала Розета.

— Жокей-клуба... Мой зять говоритъ, что дѣло не обойдется безъ затрудненій.

— Вѣроятно,—отозвалась госпожа д'Аргонъ, взглядывая на молодого человѣка, стоявшаго въ амбразурѣ двери и, видимо, скучавшаго до отчаянія.

Маленькая де-Живрэ проговорила:

— Ну, кто ихъ тамъ знаетъ?

Мимо проходили Трёйль и Шаньи. Шаньи спросилъ:

— Не найдется ли мнѣ мѣстечка въ вашемъ уголкѣ?

— Два мѣстечка?—взмолился баронъ.—Я ни на секунду не присѣлъ во весь вечеръ, ноги у меня точно переломленныя.

Графъ Саломонъ вѣрилъ Шаньи безгранично. По его убѣжденію, Шаньи зналъ все и вѣрно угадывалъ то, чего не знаетъ. Къ нему банкиръ и обратился тотчасъ же:

— А вы, господинъ виконтъ, какого вы мнѣнія относительно предложенія мосьё Фрюлинга въ члены Жокей-клуба?

«Папа» Саломонъ интересовался юношей Фрюлингомъ потому, что тотъ, какъ казалось банкиру, находится у госпожи де-Буйльонъ, приблизительно, въ такомъ же положеніи, въ какомъ онъ самъ у своей дочери. Въ этомъ тихомъ молодомъ человѣкѣ, въ робкомъ блондинчикѣ, онъ видѣлъ такого же обиженнаго, какимъ считалъ себя.

Шаньи отвѣтилъ:

— А я и не знаю, что тамъ дѣлается въ этомъ клубѣ.

— Не интересуетъ васъ?

— Нисколько.

— Вотъ это странно!—сказалъ озадаченный банкиръ.—Если бы я былъ членомъ Жокей-клуба, то въ огромной мѣрѣ интересовался бы тамошними дѣлами!

— Возможно, что интересовался бы и я, если бы былъ тамъ членомъ... Все бываетъ!

— Какъ! — пробормоталъ графъ Саломонъ, растерянно. — Вы не членъ?

И такъ, его кумиръ не въ Жокей-клубѣ! И онъ не зналъ этого раньше! Теперь ему понятною становилась любезность виконта: это господинъ, самъ-то еще не добравшійся... не вполнѣ великосвѣтскій и потому менѣе высокомѣрный, чѣмъ другіе. Но смятеніе банкира перешло всякія границы, когда Шаньи заявилъ очень спокойно:

— Я ни въ одномъ клубѣ не состою членомъ... — и, замѣтивши ужасъ банкира, онъ продолжалъ:—И ни на что мнѣ это не нужно. Я провожу много времени на воздухѣ и отлично себя чувствую у себя дома. Обѣдаю я одинъ или съ друзьями, по собственному выбору, терпѣть не могу сплетенъ, не люблю по нѣскольку разъ слушать однѣ и тѣ же исторіи и понятія не имѣю ни объ одной игрѣ, даже о лото. Что же бы сталъ я дѣлать въ клубѣ?

— Но позвольте...—возразилъ мосьё Саломонъ, — все-таки, это даетъ положеніе.

Шаньи прервалъ его:

— Я нахожу, что мое положеніе, каково оно ни есть, преотличное положеніе, и не испытываю ни малѣйшей надобности въ томъ, чтобъ оно было освящено рѣшеніемъ людей, за которыми я, съ своей точки зрѣнія, не признаю никакихъ правъ на это. Весьма возможно, что это по моей чрезмѣрной гордости. Но клубы — это, видите ли, то же, что академія. Я не понимаю, ради чего лѣзутъ туда люди.

Де-Трейль возразилъ вѣскимъ тономъ:

— Вы, мой милый, быть можетъ, и правы по существу, но это необходимо.

— Почему?—спросила госпожа де-Живрэ.

Баронъ отвѣтилъ:

— Потому, что... ну, да необходимо... создается своего рода солидарность, которая...

— А вотъ я, — возразилъ Шаньи насмѣшливо, — я не вижу,

какую пользу можетъ кому принести солидарность съ... съ Дюпюи, напримѣръ!

Трейль отвѣтилъ, что Дюпюи въ клубѣ—исключеніе.

— О, да, всегда такъ говорится! Непріятное исключеніе, не правда ли? Это не помѣшало ему, однако, проскочить въ члены, какъ письму въ почтовый ящикъ.

Банкиръ, упорно преслѣдуя свою идею, вновь спросилъ:

— А молодой Фрюлингъ? Какъ вы думаете, будетъ онъ принятъ?

Трейль отвѣтилъ:

— Этого никогда не будетъ! Какъ ни будь тамъ мало разборчивы, а, вѣдь, это же ни на что не похоже, согласитесь. Мадамъ де-Буйльонъ... Пфуа!

— Бѣдняжка!—сказала Розета жалостливо.—Не молода она, конечно, но она лучше, чѣмъ была когда-либо прежде. Вы слишкомъ строги къ этому юношѣ, мосьё де-Трейль. Не хорошо это, право!

Она отлично помнила, что лѣтъ семь-восемь назадъ, не задолго до своей женитьбы, Трейль пользовался тоже милостивымъ расположеніемъ княгини, и находила, что его «пфуа» звучитъ довольно гадко.

Баронъ, немного задѣтый, заговорилъ опять:

— О, я ничуть не строгъ! Я говорю только, что въ ея годы пора бы имѣть голову потяжеловѣснѣе.

Госпожа де-Живрэ отвѣтила почти грустно:

— А у нея отяжелѣли крылья... Бѣдная женщина!

Она видѣла, какимъ безпокойнымъ взглядомъ слѣдитъ толстая княгиня за своимъ юнымъ любимчикомъ, которому уже нѣсколько минутъ госпожа де-Вонанкуръ оказывала необыкновенную любезность. Княгиня раскаивалась въ томъ, что представила его этой молодой женщинѣ, кокетливой и ничѣмъ не занятой, которая, навѣрное, захочетъ имъ позабавиться. Мадамъ де-Буйльонъ полагалась, впрочемъ, на любовь «Самуэля» и вѣрила въ его добродѣтель. Чтобъ успокоить себя еще болѣе, она думала: «Онъ протестантъ!» Это вѣроисповѣданіе казалось ей съ точки зрѣнія вѣрности достаточнымъ ручательствомъ.

Трейль продолжалъ, глядя на княгиню и смѣясь:

— Что бы тамъ ни говорили, а она, все-таки, шутовка!

Шаньи, по-своему, вступился за княгиню:

— Шутовка? Почему? Потому, что носитъ это имя и титулъ... потому, что надѣваетъ диковинные туалеты... и все эдакое! Не-

счастье ея въ томъ, что попала она въ «d'Hozier» *), когда настоящее мѣсто ей у Поль де-Кока.

Госпожа де-Живрэ сказала:

— Всѣхъ насъ очень роскошно и очень любезно принимаетъ мадамъ де-Буйльонъ. Нѣтъ женщины болѣе гостепріимной и привѣтливой... и что же мы говоримъ про нее въ этомъ уголкѣ, одномъ изъ самыхъ лучшихъ, несомнѣнно? Могу себѣ представить, что въ другихъ-то углахъ говорится!

Христіана была задумчива. Она ясно видѣла возбужденное ею въ этотъ вечеръ необыкновенное любопытство. Люди, которыхъ она едва знала или не знала совсѣмъ,—кого-кого ни принимала у себя княгиня,—проходили мимо молодой женщины и, не стѣсняясь, оглядывали ее, точно вещь какую-нибудь. И съ той минуты, какъ она вошла въ залу, четыре человѣка не спускали съ нея глазъ: ея мужъ, баронесса де-Трёйль, Андре де-Морьеръ и «папа» Саломонъ, котораго она положительно гипнотизировала. Подходилъ къ ней Дюпюи въ сопровожденіи неизбѣжнаго д'Антена и заявилъ, что «она царица праздника». Полковникъ де-Тріель, не обращая вниманія на грозные взгляды своей супруги, пространно излагалъ передъ Христіаной свои политическія убѣжденія. Весь комплектъ свѣтскаго дендизма счелъ за честь подойти къ ней поклониться. Въ теченіе нѣскольких часовъ она находилась въ такомъ же точно положеніи, въ какомъ бывали обыкновенно госпожа де-Трёйль и госпожа де-Вонанкуръ.

Даже Шаньи, самъ добрѣйшій Шаньи, очень мало склонный говорить комплименты и отлично знавшій, что она терпѣть не можетъ «гирляндъ любезностей», не выдержалъ, наконецъ, и съ широкою улыбкой, выражавшею его полный восторгъ, проговорилъ:

— Скажите мнѣ на милость... что такое съ вами сегодня?

Оркестръ заигралъ вальсъ. Христіана видѣла, какъ Морьеръ, сидѣвшій съ госпожею де-Трёйль, порывисто вскочилъ съ мѣста и направлялся черезъ залъ въ ея сторону въ то время, какъ баронесса слѣдила за нимъ глазами, закусивши губу. Ясно было, что онъ хочетъ опять вальсировать съ госпожею д'Аргонъ. Она быстро выпрямилась и, взявши подъ руку Шаньи, проговорила:

— Мосьё де-Шаньи, я приглашаю васъ на этотъ вальсъ!

---

*) *D'Hozier*—извѣстный дворянскій родъ въ Провансѣ. Пьеръ д'Озье положилъ начало французской генеалогіи около 1650 г. книгой *Généalogie des principales familles de France*. Его сынъ, внукъ и правнукъ продолжали труды своего предка и подъ ихъ редакціей составлена книга *l'Armorial de France*.

IX.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней жизнь госпожи д'Аргонъ была сплошнымъ очарованіемъ. Какъ предвидѣла Христіана, замѣтивши, съ какимъ выраженіемъ смотрѣлъ на нее мужъ во время бала у Буйльоновъ, Жакъ сталъ любить ее больше, чѣмъ даже въ первое время ихъ супружества, съ такими увлеченіями, какихъ прежде она за нимъ не знала.

Де-Морьеръ пріѣзжалъ два раза и не заставалъ ее дома. Молодая женщина, проводившая, бывало, большую часть времени у себя, вела теперь настоящую бродячую жизнь, захваченная примѣриваніями, визитами, шатаніемъ по магазинамъ. И въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ она себя помнила, среди этого вихря, не оставлявшаго ей времени на то, чтобы думать, читать, ни даже гулять, она заскучала до слезъ. На нее находило безумное желаніе уединенія, простоты, спокойнаго и наивнаго счастья. Тогда, между двумя спѣшными поѣздками,—всѣ поѣздки ея были теперь «спѣшными»,—она отправлялась къ госпожѣ де-Живрэ, постоянно сидѣвшей на своей кушеткѣ, обитой старою, полинявшею матеріей и заваленною грудой книгъ.

Каждый вечеръ д'Аргоны выѣзжали и каждый вечеръ встрѣчались съ Морьеромъ. Онъ ходилъ подъ руку съ Христіаной, занимался ею и неизмѣнно спрашивалъ:

— Когда васъ можно застать дома?

Такъ же неизмѣнно она отвѣчала:

— Я всегда принимаю, если дома.

И это была правда, только Христіана-то уже никогда не бывала дома.

Жакъ, по мѣрѣ того, какъ Морьеръ все больше занимался Христіаной, находилъ ее все очаровательнѣе.

Разъ утромъ, послѣ завтрака, госпожа д'Аргонъ, читавшая *Фигаро*, взглянула на часы и быстро поднялась съ мѣста.

Графъ спросилъ:

— Что съ тобой?

— Иду шляпу надѣть.

— Такъ рано?

— Да, я условилась съ мадамъ де-Живрэ быть на выставкѣ Елисейскихъ полей.

— Какъ, опять?

— Нѣтъ, въ тотъ разъ мы были на Марсовомъ полѣ.

Онъ пробормоталъ, непритворно озадаченный:

— Понять не могу, что вамъ за удовольствіе цѣлыхъ два часа смотрѣть на картины!

Потомъ онъ спросилъ съ озабоченнымъ видомъ:

— Въ которомъ часу ты ей назначила?

— Въ два безъ четверти.

— Это крайне непріятно!

— Почему?

— Потому, что Морьеръ спрашивалъ, когда онъ можетъ, наконецъ, застать тебя дома, и я ему сказалъ, что до двухъ часовъ ты не выѣзжаешь.

— Не слѣдовало говорить этого, я очень часто выѣзжаю ранѣе двухъ часовъ.

Жакъ удивился:

— Это съ которыхъ же поръ?

Она отвѣтила съ серьезною улыбкой:

— Съ тѣхъ поръ, какъ я стала женщиной-шикъ!

Глядя на нее восторженными глазами, мужъ проговорилъ:

— О! Что ты—шикъ, такъ это вѣрно! И засматриваются же на тебя! Чего-чего я ни слышу, когда бываю въ толпѣ... на бѣгахъ или въ обществѣ, и въ театрѣ, когда смотрю на залу.

— Я тоже чего-чего ни слышу!...

— Если бы ты знала, какое удовольствіе это мнѣ доставляетъ!

Она отвѣтила вялымъ тономъ:

— И то хорошо, что хотя кому-нибудь это доставляетъ удовольствіе.

Мужъ не замѣтилъ, какое утомленіе звучало въ словахъ. Его занимала одна мысль: «Явится Морьеръ и опять будетъ съ носомъ!»—и это наполняло его горечью. Онъ спросилъ:

— Не можешь ли записку, что ли, послать?

— Мосьё де-Морьеру?

— Нѣтъ... мадамъ де-Живрэ.

— Невозможно, она уже уѣдетъ, когда доставятъ записку.

— А! ты представить себѣ не можешь, до чего мнѣ досадно, что Андре торопиться будетъ, чтобы сюда попасть, и никого не застанетъ! Знаешь, съ нимъ надо быть осторожной.

— Что же я могу сдѣлать?

— Видишь ли, въ нѣкоторомъ смыслѣ Морьеръ своимъ восхищеніемъ, своею манерой... я прямо скажу — почти благоговѣйной, съ которою онъ ухаживаетъ за тобой, установилъ твою репутацію женщины изящной и шикъ... Да, въ сущности, ему ты обязана своимъ успѣхомъ.

Христіана подумала, что обязана она этимъ сколько-нибудь себѣ и очень много—Монто, но не стала спорить.

Д'Аргонъ измышлялъ такую комбинацію, чтобы не разсердить маркиза, и, наконецъ, воскликнулъ:

— Отличная идея! Я отправлюсь и разыщу мадамъ де-Живрэ на выставкѣ, а ты дождешься Морьера и съ нимъ туда пріѣдешь!

Христіана отвѣтила, ничуть не восхищенная выдумкою мужа:

— Конечно, чѣмъ не идея? Только лучше будетъ, кажется, если на выставку я поѣду, а ты будешь ждать мосьё де-Морьера.

— Нѣтъ, нѣтъ... По отношенію къ Андре вѣжливѣе будетъ поступить, какъ я говорю.

— Да, но менѣе это вѣжливо относительно мадамъ де-Живрэ.

— Никакого горя не будетъ ей отъ того, что подождетъ нѣсколько минутъ со мной... будетъ смотрѣть картины, благо ей это нравится.

— Никогда она не находитъ, о чемъ говорить съ тобой...

— Что правда, то правда! Вкусы у насъ разные, и взгляды на вещи тоже не сходятся. И я, съ своей стороны, не знаю, о чемъ съ ней говорить.

Христіана знала, что ея пріятельница «не обожаетъ», — какъ сама она говорила,—мосьё д'Аргона. И съ грустью думала графиня, что, не люби она такъ мужа, не придумала бы и она, о чемъ можно съ нимъ разговаривать. Да, въ сущности, она съ нимъ и не разговаривала. Кромѣ какъ за завтракомъ, они почти никогда не оставались одни, а ихъ завтракъ длился всего четверть часа. Жакъ подошелъ къ женѣ и обнялъ ее.

— Такъ рѣшено, стало быть? Я беру карету и присылаю ее обратно. Да, кстати, гдѣ же я разыщу эту маленькую де-Живрэ?

— Въ квадратномъ салонѣ, передъ картиной Рошгросса.

— Рошгроссъ? Не слыхивалъ... Что такое изображаетъ его картина?

— Рыцаря въ вооруженіи подъ яркимъ освѣщеніемъ, окруженнаго цвѣтами, которые представляютъ собою женщинъ.

— Эге! Видъ, должно быть, не особенно унылый... Но ты-то какъ это знаешь? Развѣ видѣла?

— Разумѣется.

— Ты же сказала, что не была еще на выставкѣ Елисейскихъ полей.

— Не была съ мадамъ де-Живрэ, одна туда ѣздила.

— Съ кѣмъ?

— Ни съ кѣмъ... говорю тебѣ: совсѣмъ одна.

— Какъ!... Одна была на выставкѣ? Но, вѣдь, этого не дѣлають, милое дитя мое!

— Почему?

— Потому, что отправляются всегда съ своимъ кружкомъ... и, во всякомъ случаѣ, никакъ не въ одиночку.

— А!...

— Кто будетъ съ вами сегодня?

— Но я, право...

— Не вдвоемъ же вы отправляетесь, надѣюсь?

— Да, именно вдвоемъ!

— Такъ это неприлично, милая моя... совершенно неприлично!

И, видя изумленный взглядъ жены, онъ повторилъ, подчеркивая каждое слово:

— Не дѣлается это!

Христіана сказала:

— Въ тотъ разъ, на Марсовомъ полѣ, слѣдомъ за нами пріѣхалъ мосьё де-Живрэ. Сегодня онъ, кажется, занятъ.

Графъ переспросилъ:

— Такъ вы условились передъ картиной... какъ его?...

— Рошгросса.

— И называется эта картина...

— *Рыцарь съ цвѣтами*... Я же разсказала тебѣ содержаніе.

— Все равно. Надо же знать, какъ спросить у сторожей... Всѣ картины похожи одна на другую, такъ, пожалуй, я и не найду.

— Какъ же не найти? Я же сказала: рыцарь, кругомъ цвѣты; цвѣты эти — женщины... Картина большая, какъ разъ противъ лѣстницы. Кругомъ—все дрянь, грязная какая-то, портящая всю выставку. А эта полна свѣта, блеска.

— Такъ очень хороша эта штука?

— Да... заурядна она отчаянно, но солнца много, ярко такъ, тепло...

— Отлично, ѣду!

Вдругъ онъ остановился.

— Позвольте... среда сегодня! Вы въ среду ѣдете на выставку?

Удивленная озадаченнымъ видомъ мужа, Христіана спросила:

— Развѣ тоже дурно ѣхать на выставку въ среду?

— Еще бы! Въ пятницу ѣздятъ!

И съ видомъ удрученной покорности онъ заявилъ:

— Но мадамъ де-Живрэ никогда не можетъ поступать по-людски! Съ этимъ ужь приходится мириться!

Онъ направился къ двери. На этотъ разъ жена его вернула:

— Жакъ, скажи, ты не боишься, что можетъ страннымъ показаться, когда я вдругъ явлюсь такъ на выставку... съ мосьё де-Морьеромъ?

— О, нѣтъ!... До чего дикія у тебя понятія! И потомъ, кому это можетъ показаться? Кто васъ увидитъ въ среду? Кромѣ насъ, никого и не будетъ.

Христіана сѣла на диванъ маленькой гостиной, взглянула на часы и сказала про себя:

— Если въ эти четверть часа онъ не явится, я уѣду!

Поѣздка на выставку, радовавшая молодую женщину среди скуки ея новаго существованія, какъ возвратъ къ старому, покинутому съ сожалѣніемъ, представлялась ей теперь чуть не пыткой. Вмѣсто оригинальныхъ и остроумныхъ замѣчаній маленькой де-Живрэ, ей придется выносить готовыя, шаблонныя фразы, глупѣйшія плоскости, которыя она заранѣе предвидѣла.

Помимо этого, она замѣчала уже нѣсколько дней, что де-Морьеръ слишкомъ часто оказывается на ея дорогѣ. Начинало это принимать уже такой видъ, что то не просто случайныя встрѣчи свѣтскихъ людей одного круга, а впередъ разсчитанныя. Маркизъ точно подкарауливалъ ее у дверей Монто или флёриста въ тѣ часы, когда она отправлялась къ нимъ, почти регулярно.

Де-Морьеръ становился съ нею все менѣе и менѣе свободнымъ и простымъ, казался стѣсненнымъ, почти тревожнымъ. Онъ имѣлъ видъ человѣка, желающаго сказать что-то и не рѣшающагося заговорить. И вотъ это «что-то» возбуждало опасенія Христіаны.

Видѣла она также, съ какою поразительною быстротой улетучиваются двадцать шесть тысячъ франковъ, вырученныя ею за брилліанты. По первому счету она заплатила Монто семь тысячъ, по второму — одиннадцать, и опять задолжала много. Ея шляпки отъ Клотильды Вьетанъ стоили безумно дорого. И Христіана волновалась, не зная, какъ и гдѣ достать денегъ. За кое-какія вещицы, еще остававшіяся у нея, нельзя было разсчитывать получить сколько-нибудь значительную сумму.

Когда рѣчь шла,—еще при жизни родителей Жака,—о его женитьбѣ на Христіанѣ, одна двоюродная бабка, госпожа де-Брасьё, чтобъ устранить всѣ препятствія, предложила обезпечить внучкѣ брачнымъ контрактомъ наслѣдство всего своего состоянія, на шесть или семьсотъ тысячъ франковъ приблизительно. Но старики д'Аргоны нашли, что этого мало, и бракъ не состоялся. А при женитьбѣ Жака, по смерти родителей, бабка исполнила то, что обѣщала

двумя годами ранѣе. Такимъ образомъ, Христіанѣ предстояло получить современемъ довольно большое состояніе. Подъ эту сумму она могла бы занять деньги, и такая мысль уже приходила ей въ голову. Но ея нотаріусъ объяснилъ ей, что безъ подписи мужа она ничего не можетъ сдѣлать, а просить объ этомъ Жака она не хотѣла ни за что въ мірѣ. Ее невообразимо пугала мысль сознаться передъ мужемъ въ томъ, что сдѣлалась она такою красавицей лишь по милости денегъ.

Она боялась, какъ бы Жакъ, имѣющій весьма смутное понятіе о цѣнѣ туалетовъ, не вообразилъ, что ей на наряды требуется больше, чѣмъ другимъ. И теперь, когда она стала тѣмъ, чѣмъ онъ такъ желалъ ее видѣть,—не только модною женщиной, но и женщиной въ «модѣ»,—она уже не согласна была сойти съ пьедестала, на который ее поставили вопреки ея волѣ. Она кончила тѣмъ, что вошла во вкусъ, дорожить стала восхищеніемъ толпы, восторгами поклонниковъ. Ей истинное удовольствіе доставляло быть самою красивою, самою изящною изъ свѣтскихъ женщинъ. И она ухаживала за своею красотой, какъ за драгоцѣннымъ и рѣдкостнымъ цвѣткомъ, значенія котораго она до сихъ поръ не понимала.

Ея думы были оборваны приходомъ Морьера, котораго Жакъ приказалъ принять.

Она поднялась сразу, быстрымъ движеніемъ, напоминающимъ животное, что̀ такъ не нравилось въ ней маркизу въ началѣ ихъ знакомства. Онъ сѣлъ, не говоря ни слова, немного блѣдный, съ ярко сверкающими глазами.

Смущенная такимъ молчаніемъ, она заговорила очень скоро, многословно, съ напускною развязностью:

— Не садитесь... не сто̀итъ... мы сейчасъ ѣдемъ! Да, ѣдемъ... Это васъ удивляетъ? Мы отправляемся на выставку... съ вами вдвоемъ, если ничего не имѣете противъ?

Онъ смотрѣлъ на нее очарованный. Она продолжала:

— Тамъ насъ ждутъ мадамъ де-Живрэ и мой мужъ... ждутъ у картины *Рыцарь съ цвѣтами*.

Лицо Морьера сразу омрачилось, и онъ проговорилъ:

— Почему вы не хотите позволить мнѣ здѣсь остаться?... Такъ здѣсь хорошо...

Онъ говорилъ тихо и глаза у него были такіе, какихъ она не видала прежде. Едва взглянувши на него, Христіана начала длинно объяснять ему, что такъ уже условлено, что ждутъ ихъ, надо ѣхать.

...рьеръ спросилъ:

— Стало быть, увозите меня?

— Да.

Она приказала подать шляпу и надѣла ее, едва глядя въ зеркало, заколола шпилькой изъ луннаго камня, которую воткнула въ волосы.

Морьеръ любовался Христіаной, ея стройностью въ красиво облегавшемъ ее платьѣ изъ бѣлаго пике, стянутаго вокругъ таліи очень высокимъ поясомъ изъ бѣлаго муара съ длинными концами. Только когда она прикрыла лицо бѣлымъ кружевомъ и завязала кружево на шляпѣ, маркизъ рѣшился заговорить:

— Вы надѣваете вуалетку?

— Да, я не выхожу безъ вуали. Когда нѣтъ ея на лицѣ, мнѣ кажется, будто я не одѣта. Даже верхомъ, хотя это и очень некрасиво, я вынуждена надѣвать ее.

Она была готова и улыбалась, надѣвая перчатки, стоя среди гостиной.

Морьеръ неохотно поднялся съ мѣста.

— И такъ, надо ѣхать? Разъ случилось застать васъ дома, и то, на мое несчастье, побыть съ вами не удается.

Она, не отвѣчая, направилась къ двери. Вдругъ Морьеръ воскликнулъ:

— Позвольте, однако! Вѣдь, сегодня не пятница!

— Нѣтъ...—удивилась Христіана.—Въ чемъ дѣло?

— Въ томъ, что на выставку ѣздятъ по пятницамъ.

Госпожа д'Аргонъ невольно разсмѣялась. «И онъ тоже! —подумала она.—До чего они похожи одинъ на другого!»

Вслухъ она отвѣтила съ легкимъ раздраженіемъ:

— Ѣздятъ по пятницамъ, если это нравится, но ѣздить можно и въ другіе дни.

Маркизъ возразилъ:

— Какъ разъ мнѣніе Розеты! Никогда не обращать вниманія на то, что дѣлается и чего не дѣлается... поступать всегда, не задумываясь, по собственному капризу!

Христіана спросила съ оттѣнкомъ насмѣшки:

— Стало быть, огромную важность имѣетъ поѣхать на выставку въ тотъ или въ иной день?

Морьеръ взглянулъ на нее, видимо, удивленный тѣмъ, что приходится разъяснять ей такія простыя вещи.

— Огромной важности въ томъ нѣтъ, если угодно... и, тѣмъ не менѣе, она есть. Все это мелкіе пустяки, изъ которыхъ сла-

гается великое все; это оттѣнки, которые надо умѣть уловить, а Розета не умѣетъ этого.

Христіана слушала и думала про себя: «Еслибъ я закрыла глаза, то могла бы подумать, что Жакъ не уѣзжалъ... Когда они говорятъ вотъ такія одинаковыя фразы, у нихъ даже голоса становятся одинаковыми».

А Морьеръ спросилъ еще:

— Какое удовольствіе вы находите ѣхать на выставку сегодня, а не въ пятницу? Вы тамъ никого не встрѣтите...

— Да именно въ этомъ и удовольствіе, что не встрѣтишь тамъ ни Дюпюи, ни д'Антена, ни Буйльоновъ, ни...

Она чуть не сказала: «ни Трёйлей», но остановилась, вспомнивши отношенія Морьера къ баронессѣ.

И по этому поводу она думала, сходя съ лѣстницы, что Морьеръ, повидимому, крайне невнимателенъ къ баронессѣ и что связь ихъ, всѣмъ уже извѣстная, прекратится, вѣроятно, очень скоро.

Маркизъ шелъ слѣдомъ за Христіаной и вдругъ заговорилъ, понизивши голосъ:

— Помните тотъ день, когда я сходилъ съ вами съ лѣстницы отъ Розеты? Совсѣмъ другою вы были тогда... Сколько времени прошло съ тѣхъ поръ? Около мѣсяца? И васъ узнать нельзя, и представляется мнѣ, что такъ хорошо, хорошо все это!

Когда они сѣли рядомъ въ маленькое, тѣсное купэ, онъ смолкъ и Христіана почувствовала, что усиливается неловкость, которую она чувствовала съ той минуты, какъ они были вмѣстѣ. Графиня видѣла, какъ вѣтеръ въ опущенныя окна треплетъ свѣтлые усы Морьера, точь-въ-точь такіе же, какъ у Жака.

А онъ отъ времени до времени взглядывалъ на молодую женщину съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ, потомъ отвертывался, дѣлая видъ, будто живо интересуется движеніемъ на улицѣ.

Тогда госпожа д'Аргонъ сама окидывала его глазами украдкой и видѣла только его рѣзкій профиль, да энергическія очертанія рта и подбородка. Переѣздъ изъ улицы Лилля до дворца Промышленно ти показался ей безконечнымъ. Она такъ была довольна, когда ку э остановилось и маркизъ подалъ руку, желая помочь ей выйти, чт едва не выпрыгнула въ его объятія и бѣгомъ пустилась вверхъ по большой лѣстницѣ, очень грязной, гдѣ валялись клочья бумаги, об юмки карандашей, кучи сора, объѣдки пироговъ и всякой дряни, ка ую только можетъ натащить съ собою толпа. Христіана тотчасъ же видала мадамъ де-Живрэ, сидящую посерединѣ квадратной залы жду Жакомъ и господиномъ де-Живрэ.

Д'Аргонъ не далъ женѣ опомниться, потащилъ ее къ *Рыцарю съ цвѣтами* и съ сердцемъ заговорилъ:

— Гдѣ ты нашла солнце въ этой гадости? Я вижу только желтую и фіолетовую мазню! И это, по-вашему, живопись?... И ты находишь, что это ярко, блестяще, тепло? Нечего сказать, хорошо солнце!...

Онъ подыскивалъ слово для выраженія всей полноты своего презрѣнія и, не найдя ничего подходящаго, просто заявилъ:

— Это годится только для Марсова поля!

Христіана собралась было возражать, но увидала, какъ спокойно слушаетъ госпожа де-Живрэ всѣ эти нелѣпости, съ насмѣшливою и любезною улыбкой, и подумала: «Розета съ ними никогда не споритъ, я много разъ замѣчала это. Если можно выдержать, то всего лучше промолчать».

Видя, что жена не отвѣчаетъ, д'Аргонъ кинулся къ Морьеру, въ которомъ чуялъ союзника:

— Ну, скажи на милость, ты какого мнѣнія? По правдѣ говори.

Маркизъ обернулся. По правдѣ, онъ находилъ картину прескверною, но сознаться въ этомъ не хотѣлъ, чтобы не вызвать неудовольствія Христіаны.

Едва взглянувши на *Рыцаря,* онъ объявилъ свысока:

— Не дурно! Знаешь, теперь, желая изобразить много воздуха, всѣ художники не жалѣютъ голубыхъ тоновъ.

Госпожа д'Аргонъ сдѣлала раздраженное движеніе, но ея неловкость исчезла. Передъ этимъ красивымъ и статнымъ молодымъ человѣкомъ, говорившимъ банальности, она не чувствовала уже ни малѣйшаго смущенія. Какая разница между этимъ и только что сидѣвшимъ рядомъ съ нею въ каретѣ, молчаливымъ, задумчивымъ и неспокойнымъ!

Госпожа де-Живрэ по лицу Христіаны замѣтила ея разочарованіе и, смѣясь, проговорила:

— Увы, пропала наша прогулка!

Да, все удовольствіе оказывалось отравленнымъ, придется въ другой разъ пріѣхать.

Посѣтителей было довольно много, не изъ того именно общества, что бываетъ по пятницамъ, но встрѣчались красивыя, хорошо одѣтыя женщины. Морьеръ удивился:

— Странно какъ! Зачѣмъ онѣ являются сюда въ такой день, всѣ эти женщины?

Госпожа де-Живрэ попыталась объяснить своему кузену, что

пятница далеко не такой уже день отборнаго изящества, какимъ это представлялось Морьеру:

— Сообрази только, кто же, въ сущности, приходитъ сюда въ пятницу? Люди, которые могутъ заплатить пять франковъ, или тѣ, что входятъ по карточкамъ, то-есть натурщицы, экспоненты... А всѣ, кто разсчитаетъ, что за первый разъ по возвышенной цѣнѣ надо заплатить десять франковъ и потомъ по пяти франковъ за каждую пятницу, тѣ просто-на-просто въ день возвышенной цѣны платятъ тридцать франковъ за карточку, которая даетъ право входа каждый день во все продолженіе выставки... Этой системы мы и держимся, мадамъ д'Аргонъ и я.

— Какъ? — проговорилъ озадаченный Жакъ. — Вы тратите тридцать франковъ на выставку?

Госпожа де-Живрэ исправила неточность:

— Шестьдесятъ... Тридцать здѣсь и тридцать на Марсовомъ полѣ.

— О! — воскликнулъ д'Аргонъ въ ужасѣ.

Морьеръ поддержалъ пріятеля:

— Да, это, рѣшительно, безполезно потраченныя деньги!

Они бродили по заламъ, проходя мимо картинъ, бросая презрительные взгляды на немногія хорошія вещи. Превосходный пейзажъ *Судъ Париса,* Жерве, вырвалъ чуть не болѣзненный стонъ у Морьера и вызвалъ ругательства д'Аргона. За то оба любовались Юноной, нашли ее «очень шикъ». *Дѣвушки съ лимонами,* Горге, которыхъ супруги де-Жеврэ и Христіана находили прелестными, показались пріятелямъ анемичными, зелень — тоже. Но они долго спорили, переходили съ мѣста на мѣсто, чтобы видѣть картину въ различныхъ освѣщеніяхъ и рѣшить вопросъ, потому ли розовата солома маленькой крыши, что художникъ бросилъ на нее отблескъ заходящаго солнца, или потому, что падаетъ на нее солнечный лучъ сквозь рамы плафона.

Среди прогулки они встрѣтили Шаньи. Морьеръ такъ и ахнулъ:

— Какъ?... Здѣсь не въ пятницу?

И опять начался тотъ же споръ о пятницѣ. Маленькая де-Живрэ, которую «оборвали», — какъ она выражалась, — въ ея разсказѣ ъ абониментныхъ карточкахъ, принялась снова за свои объясне-я кузену:

— Пойми же, что не могутъ быть «шикъ» твои пятницы. Мы ідѣли, кто входитъ съ даровыми билетами. Посмотримъ, кто пла-ітъ по пяти франковъ: это большая и малая биржа, крупныя и ·кія кокотки, всѣ люди, которые могутъ зря тратить деньги, ко-

торыя такъ же точно заплатили бы полуимперіалъ, какъ платятъ пятифранковикъ. Лѣзетъ сюда *раста*, и ихъ легіонъ!

— О, да!—проговорилъ Шаньи, которому въ высшей степени отвратительна была *раста*.

Госпожа де-Живрэ продолжала:

— Тогда какъ, наоборотъ, очень многіе люди, вполнѣ порядочные, доходы которыхъ колеблятся отъ пятидесяти до ста тысячъ франковъ, у которыхъ есть служба, дѣти и т. д., неохотно заплатятъ по пяти франковъ за входъ. За четверыхъ—это, вѣдь, полуимперіалъ, когда можно войти всего за четыре франка. Такъ вотъ эти-то всѣ и приходятъ сюда сегодня или въ какой-нибудь другой день. Я бываю иногда въ пятницу, и на мой взглядъ это худшій день.

Д'Аргонъ сказалъ:

— Мадамъ де-Трёйль была въ прошедшую пятницу и сказала мнѣ, что это очень шикъ.

Онъ постоянно ссылался на мадамъ де-Трёйль, съ нѣкоторыхъ поръ рѣже, впрочемъ. Оставя въ сторонѣ, что въ данную минуту онъ былъ слишкомъ влюбленъ въ свою жену для того, чтобы заниматься другою женщиной, д'Аргонъ замѣчалъ, что съ нѣкотораго времени Морьеръ началъ, повидимому, «отставать». А въ глазахъ Жака капризъ Морьера и составлялъ главную прелесть баронессы.

Восклицаніе корректнаго удивленія заставило ихъ всѣхъ оглянуться. То былъ возгласъ Морьера, остановившагося передъ страннымъ плафономъ, прорѣзаннымъ широкими синими пятнами, исполосованнымъ темными зигзагами.

— О! Это еще что такое?—говорилъ маркизъ.—Каково безобразіе?

Но едва онъ прочелъ подпись, какъ лицо его сдѣлалось серьезнымъ, и онъ добавилъ почтительнымъ тономъ:

— А, нѣтъ... это Бонна!

Розета громко захохотала.

Онъ взглянулъ на нее сердито и сказалъ:

— Очень хорошо знаю, тебѣ это не нравится.

Но, прежде чѣмъ начать ей доказывать всю глубину ея невѣжества, онъ вспомнилъ, что за минуту передъ тѣмъ самъ находил плафонъ безобразнымъ, и сталъ вывертываться:

— Да, съ перваго взгляда и мнѣ не понравилось... но когд всмотришься, то сейчасъ же почувствуешь силу, мастерство и. несомнѣнную...

Господинъ де-Живрэ сказалъ женѣ:

— Какъ же это вы не пытаетесь просвѣтить Андре вашими взглядами?

Она отвѣтила:

— Я нисколько не хлопочу о томъ, чтобы кто-нибудь раздѣлялъ мои мнѣнія. Наоборотъ, еслибъ я увидала, что ихъ раздѣляютъ... другіе... они, вѣроятно, самой бы мнѣ опротивѣли.

Морьеръ продолжалъ:

— Не пройдемъ ли мы въ отдѣленіе скульптуры?—и съ убѣжденнымъ видомъ добавилъ:—То красивѣе.

Заинтересованная Христіана спросила:

— А, вы любите скульптуру?

Отвѣтилъ д'Аргонъ, смѣясь:

— И я, и я люблю... тамъ, по крайней мѣрѣ, можно курить.

— Совершенно справедливо,—сказалъ маркизъ просто.

Христіана взглянула на него и улыбнулась.

Она знала, что послѣ этой прогулки, во время которой онъ показалъ часть своего внутренняго «я», она можетъ остаться съ нимъ наединѣ, не испытывая уже той тревоги, которая охватывала ее два часа назадъ.

М. Р.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Пѣсня.

Во зеленомъ шумномъ борѣ
Гулко пѣсня раздается;
Звуки льются на просторѣ,
Звукъ за звукомъ въ даль несется:

«Бора шумъ, то—пѣсня сосенъ,
Щебетъ—пѣсня птицъ свободныхъ;
Распѣваетъ въ бурѣ осень,
Море—въ шумѣ волнъ холодныхъ.

Все поетъ въ природѣ пѣсни:
Птицы, боръ и волны въ морѣ.
Братъ, тебѣ-ль молчать? Воскресни!
Пой!... Забудь ты злое горе!

Встрепенись... и пѣснь святая
Ободритъ въ страданьѣ брата.
Пѣсни пой, не умолкая;
Ими жизнь твоя богата.

Пой весною золотою,
Пой предъ луннымъ свѣтлымъ рогомъ,
Предъ короною литою,
Предъ рабомъ и передъ Богомъ.

Пой подъ бурной непогодой,
Подъ грозою разъяренной,
Передъ горемъ, предъ невзгодой,
Предъ юдолью угнетенной.

Соловьиной пѣсней будетъ
Жизнь тогда намъ, и больная
Грудь о мукахъ позабудетъ...
Пой же, братъ, не умолкая!»

Во зеленомъ шумномъ борѣ
Эта пѣсня раздается;
Звуки льются на просторѣ,
Звукъ за звукомъ въ даль несется.

Л. Антоновская.

БОГИНЯ ДІАНА.

(Повѣсть).

I.

Ирочка сидѣла за большимъ ясеневымъ столомъ, обтянутымъ темно-зеленою клеенкой. Низко наклонивъ надъ бумагами бѣлокурую головку, она выводила перомъ:

Докладъ

объ уплатѣ подрядчику Масленникову за отвозъ снѣга со двора пожарнаго депо.

Выводя нѣкоторыя буквы, Ирочка шевелила отъ усердія губами и сдвигала брови, отчего сверху переносья образовывался треугольничекъ. Видно было, что она прилагала всѣ старанія, чтобы написать докладъ четко и красиво. Но, дойдя до опредѣленія приморской городской управы, которая, *разсмотрѣвъ квитанцію смотрителя городскихъ зданій*, *постановила*: *по выпискѣ въ расходъ 80 рублей*, *выдать подрядчику Масленникову 72 рубля*, *а 8 рублей записать залогомъ на его имя*, — Ирочка выпрямила свой тонкій станъ и тихо потянулась. Она не могла долго напрягать вниманія. Ей хотѣлось подойти къ венеціанскому окну, выходящему на главную площадь Приморска, и поглядѣть, помечтать немного. Но, кинувъ взглядъ на сосѣдній столъ, за которымъ сидѣлъ молодой человѣкъ съ курчавыми волосами и вздернутымъ носомъ, она быстро склонилась надъ бумагами и сдѣлала видъ, что погрузилась въ работу. На самомъ же дѣлѣ, вмѣсто доклада о подрядчикѣ Масленниковѣ, она подсунула подъ руку листъ бѣлой бумаги и начала рисовать на немъ виньетки и писать фамиліи своихъ знакомыхъ:

Петръ Николаевичъ Аноровъ.

Pierr Anoroff.

Казиміръ Станиславовичъ Бурдегоцкій.

Казиміръ Буръ-де-Гоцкій и т. п.

Дѣлала это она для того, чтобы обмануть бдительность служащихъ въ IV-мъ отдѣленіи приморской городской управы, которые постоянно подшучивали надъ ея лѣностью и разсѣянностью. Миловидная и избалованная, она не привыкла къ систематической работѣ и часто дѣлала ошибки. Но, ради ея миловидности, Ирочкѣ многое прощалось. Даже дѣлопроизводитель IV-го отдѣленія,—требовательный и точный, какъ метрономъ, Кончакъ,—и тотъ иногда обезоруживался ея кокетливымъ обращеніемъ.

Ирочка хорошо знала о своемъ вліяніи и пользовалась имъ, какъ законною властью. Но иногда ей не нравилось слишкомъ усердное вниманіе къ ней. Въ особенности донималъ ее молодой человѣкъ съ курчавыми волосами—помощникъ дѣлопроизводителя, Вазенцевъ. Онъ подмѣчалъ многія ея слабосты и потомъ вышучивалъ такъ потѣшно, что она давнымъ бы давно уже возненавидѣла его, если бы не считала своимъ родственникомъ и не жила на квартирѣ у его сестры, Лизаветы Григорьевны. Вазенцевъ считалъ какъ бы своимъ долгомъ подразнить Ирочку и устроить какую-нибудь шутку. Говорилъ онъ съ нею всегда особеннымъ торжественно-витіеватымъ языкомъ, употребляя длиннѣйшія слова вродѣ: «всемилостивѣйшая», «благоразсмотрительствующая» и пр.

Сидя вблизи Вазенцева, Ирочка всегда находилась на-сторожѣ. Вотъ и теперь,—думала она,—навѣрное, онъ только видъ дѣлаетъ, что углубленъ въ работу, а самъ, противный, слѣдитъ за нею. И, истощивъ запасъ фамилій, Ирочка начала быстро писать: «Масленниковъ, Масленниковъ», давъ волю своимъ мыслямъ, которыя, какъ птички, запорхали съ предмета на предметъ. Она вспомнила вчерашній вечеръ, и въ ея воображеніи опять предсталъ образъ Миньоны, но съ такою ясностью, что, будь Ирочка художницей, она могла бы нарисовать всѣ подробности костюма. Ее всю ночь преслѣдовалъ образъ Миньоны послѣ того, какъ она прочитала описаніе французскаго костюмированнаго бала въ Петербургѣ. Она читала вслухъ эту статью и когда дошла до того мѣста, гдѣ описывалось, какъ нѣкая госпожа Готье (получившая первую премію за свой костюмъ) появилась подъ руку съ французскимъ посланникомъ, какъ грянулъ оркестръ марсельезу и какъ при громѣ апплодисментовъ всѣ признали госпожу Готье царицей бала, голосъ у Ирочки задрожалъ отъ волненія и она подумала съ замираніемъ сердца: Какъ это, должно быть, все красиво!»

И теперь въ управѣ, имѣя передъ собою докладъ объ очисткѣ снѣга со двора пожарнаго депо, Ирочка думала не о подрядчикѣ Масленниковѣ, а о госпожѣ Готье въ видѣ Миньоны. И

чѣмъ больше Ирочка думала, тѣмъ болѣе убѣждалась, что Готье побѣдила не богатствомъ костюма, не его оригинальностью,—«потому что какой же костюмированный балъ обходится безъ Миньоны?»— а тѣмъ, что *ей очень шелъ костюмъ Миньоны.* И корреспондентъ намекаетъ на это. Очевидно, что это такъ и было. Собственно въ этомъ, вѣдь, и заключается задача костюма, иначе первыя награды всегда бы получали только богачки. Ирочка накинула мысленно на себя нарядъ Миньоны, но сейчасъ же и сбросила его. Миньона, вѣдь, брюнетка. И Готье, очевидно, брюнетка. Она же свѣтлая блондинка. Наконецъ, можно ли заниматься такимъ вздоромъ, когда ее ждетъ докладъ о подрядчикѣ Масленниковѣ?

Ирочка придвинула къ себѣ бумаги и начала писать о «надлежащемъ распоряженіи», когда услыхала сзади легкое шипѣніе и голосъ маленькой Липинской:

— Ирина Сергѣевна, на минутку!

Ирочка поднялась и, кокетливо оправивъ на вискахъ золотистые завитки, похожіе на шелковыя колечки, подошла къ третьему столу, за которымъ сидѣла маленькая, некрасивая Липинская. Липинская понизила голосъ и сказала, заикаясь:

— Не можете ли вы мнѣ дать сегодня 3 рубля? Мнѣ очень нужно.

— У меня нѣтъ, Клеопатра Антиповна, — покраснѣвъ, прошептала Ирочка.

— Это очень странно: взять на нѣсколько дней 5 рублей и въ теченіе почти года даже не заикнуться объ этомъ. На разныя финтифлюшки у васъ, небойсь, есть средства,—шипѣла маленькая Липинская, съ досадой поглядывая на изящную кофточку на Ирочкѣ.

Ирочка въ смущеніи оглянулась. Она спиною чувствовала, что на нихъ обратили вниманіе въ IV-мъ отдѣленіи.

— Я вамъ отдамъ... отдамъ, не безпокойтесь!—сказала она скороговоркой и отошла къ своему столу, полная негодованія. «Непремѣнно надо будетъ поскорѣе развязаться съ этою госпожей. Сейчасъ видно мѣщанку: изъ-за какихъ-то 5 рублей готова скандалъ затѣять».

Ирочка хотѣла скрыть свое волненіе, притворившись погруженной въ работу. Но на столѣ не оказалось подкладного листка, испещреннаго виньетками и фамиліями знакомыхъ. Ирочка перешарила всѣ бумаги, заглянула въ ящикъ, — листка не было. Она покосилась на сосѣдній столъ; у Вазенцева былъ мрачно сосредоточенный видъ, какъ у человѣка, который всецѣло ушелъ въ во... работу. Но Ирочка не разъ замѣчала, что, когда Вазенцевъ у... ра...

валъ какую-нибудь шутку, онъ принималъ тогда особенно серьезный видъ. Неизвѣстность волновала ее. Она подошла къ столу Вазенцева и, играя глазами, спросила:

— Дядя Гриша, вы взяли листокъ со стола?

— Какой листокъ?

— Вы... вы... Я по глазамъ вижу, что вы.

— Вишневская, идите къ своему столу и не мѣшайте заниматься!—строго отрѣзалъ Вазенцевъ.

Ирочка сконфузилась и отошла. Она подложила подъ руку новый листъ бумаги и почти съ ненавистью начала выводить фамилію Масленникова, думая въ это время: его никогда не поймешь, шутитъ онъ или говоритъ серьезно?

И что она за несчастная! Вѣчно надъ нею всѣ издѣваются. Съ какимъ бы удовольствіемъ она бросила несносную службу въ управѣ! Какъ глупо и пошло все здѣсь! Почему, напримѣръ, отъ нея требуютъ, чтобъ она вездѣ въ бумагахъ употребляла «сей», а не «этотъ». Между тѣмъ, какъ и въ разговорѣ, и въ печати вездѣ употребляется «этотъ», а не «сей»? Развѣ это не глупо? И какъ вообще ей все надоѣло! Право, она понимаетъ тѣхъ, кто оканчиваетъ жизнь самоубійствомъ. Въ сущности, стóитъ ли жить, когда на каждомъ шагу встрѣчаешь только непріятности? И услыхавши голосъ члена управы, Козубскаго, вошедшаго въ IV-е отдѣленіе, Ирочка кокетливо выпрямила свой тонкій станъ.

Покончивъ съ Масленниковымъ, она принялась за другой докладъ. Но мысль ея работала вяло. Рука съ длинными тонкими пальцами двигалась медленно, нехотя. Буквы выходили неровныя и будто полупьяныя. Обмокнувъ перо и остановивъ взглядъ на своей рукѣ съ тоненькимъ колечкомъ, Ирочка задумалась.

Два мѣсяца назадъ, передъ отъѣздомъ Михаила Алексѣевича Матова, она дала слово «ждать» его и каждый день вспоминала о немъ. А сегодня вотъ и забыла вспомнить. Эта Готье съ ея костюмомъ совершенно спутала всѣ мысли. Милый, прости! И, поцѣловавъ мысленно Матова, Ирочка вспыхнула, потому что въ дѣйствительности она никогда этого не дѣлала. Легкомысленная и увлекающаяся, она умѣла, однако, всегда останавливаться на извѣстной границѣ и никогда не теряла головы; достаточно было кому-нибудь изъ ея поклонниковъ, —а поклоннковъ у Ирочки всегда бывало нѣсколько,—пожать ей руку сильнѣе и продолжительнѣе, чѣмъ обыкновенно, и чувство ея къ нему какъ бы съеживалось. Чѣмъ сильнѣе затѣмъ разгоралась страсть въ поклонникѣ, тѣмъ холоднѣе становилась Ирочка. Дѣлалось это какъ-то само собою, безъ всякаго

старанія или разсчета съ ея стороны. Несмотря на свои 17 лѣтъ, она была еще чужда волненій своего пола и напоминала собою нераскрывшійся цвѣтокъ. Ея мысль не уходила въ глубь явленій, а легко скользила лишь по внѣшнимъ предметамъ. Даже ея романъ съ Матовымъ не столько волновалъ ее, сколько занималъ своими романтическими подробностями. Самолюбію ея льстило, что мужественный, красивый морякъ, который многимъ нравился въ Приморскѣ, ухаживалъ за нею, писалъ ей стихи, рисовалъ въ альбомъ, возилъ на яхтѣ, ни разу не позволивши себѣ никакой вольности. Ирочкѣ это нравилось. И когда онъ иносказательно сдѣлалъ ей признаніе, она также иносказательно отвѣтила ему, что онъ ей нравится и что она будетъ его «ждать».

По отъѣздѣ Матова на пароходѣ добровольнаго флота Ирочка нѣсколько дней скучала по немъ и ходила грустная. Но когда надъ нею начали подсмѣиваться по этому поводу, она какъ бы отодвинула въ сердцѣ своемъ Матова въ незамѣтный уголокъ и думала о немъ только тогда, когда оставалась одна.

II.

Послышался густой звонъ управскихъ часовъ. Пробило 3 часа. Многіе засуетились и начали уходить. На подъѣздѣ Ирочка столкнулась съ Вазенцевымъ. Она дулась на него за рѣзкій тонъ и даже рѣшила не говорить съ нимъ нѣкоторое время. Но, взглянувъ на его коренастую фигуру въ овчинной шубѣ и въ сѣрой остроконечной барашковой шапкѣ, придававшей ему комичный видъ, Ирочка невольно улыбнулась и спросила милостиво:

— Дядя Гриша, вы домой?

— Dahin, dahin, очаровательная! Пермете вашу руку? — сказалъ Вазенцевъ, комически подставляя кренделемъ руку.

Ирочка кокетливо засмѣялась. Хороша она будетъ подъ руку съ этимъ медвѣдемъ! Тонкая, стройная, въ изящной плюшевой кофточкѣ съ мѣховою опушкой, Ирочка ярко отличалась отъ неуклюжей фигуры Вазенцева съ его порыжевшею на швахъ шуб[illegible].

Былъ ясный морозный день. По Большой улицѣ быстро мчал[illegible]ь рысаки въ разноцвѣтныхъ сѣткахъ. Слѣды отъ полозьевъ блестѣ[illegible], точно отполированные. Ирочка съ завистью поглядывала на ѣ[illegible]гущихъ. Она до обожанія любила быструю ѣзду.

Пройдя нѣсколько улицъ, Ирочка спросила:

— Дядя Гриша, скажите правду: вы взяли листокъ со сто[illegible]?

— Какой листокъ, покорительница?

— Который я подкладываю подъ руку, когда пишу...

— На кой же мнѣ дьяволъ, съ вашего позволенія, этотъ листокъ? Навѣрное, его стащилъ панъ Бурдегоцкій.

— Бурдегоцкій! Съ какой стати?

— Весьма просто: на память *о любимомъ предметѣ*.

— Вы говорите глупости, дядя Гриша! Никакого права я не давала ему на подобныя вольности.

— Разсказывайте! Знаемъ мы, какъ вы въ шашки играете!

— Въ какія шашки? Я съ нимъ никогда въ шашки не играла!

— Это изъ Гоголя, ненаглядная! Въ оно время писатель такой былъ.

Ирочка надулась и, выпрямивъ свою слегка сутуловатую спину, отдѣлилась отъ Вазенцева. Молча они прошли нѣсколько улицъ и повернули въ Красный переулокъ, гдѣ нанимала квартиру сестра Вазенцева, Лизавета Григорьевна.

Ирочка взбѣжала на небольшое деревянное крылечко и сильно дернула звонокъ. Постояла немного и опять зазвонила.

— Не горяче ву па! Вѣрно, Лиза въ кухнѣ, а Сеньки нѣтъ,— замѣтилъ успокоительно Вазенцевъ.

Ирочка, не отвѣчая, задумчиво смотрѣла въ сторону. Въ корридорѣ послышался лай собачки, потомъ отчаянный визгъ. Ирочка нервно повела плечами. Вѣчно бьютъ ея собачку. За дверью раздалось шарканье подошвъ. Кто-то возился съ ключомъ и ворчалъ:

— Проклятый! Анаѳема! Чтобъ тебѣ пропасть!

Замокъ, наконецъ, щелкнулъ и дверь отворилась. На порогѣ стоялъ мальчикъ лѣтъ 13, весь испачканный, въ туфляхъ на босую ногу, съ полотенцемъ черезъ плечо.

— Зачѣмъ вы всегда обижаете Мушку? Я вамъ уши выдеру,— сказала строго Ирочка.

Мальчикъ бросилъ быстрый взглядъ на Вазенцева и сдѣлалъ невинное лицо.

— Какую Мушку? Я не знаю никакой Мушки и никогда даже не слыхалъ.

— Пожалуйста, не корчите изъ себя юродиваго! Хорошій примѣръ подаете!—замѣтила по-французски Ирочка и хлопнула дверью.

Маленькая черная собачонка, визжа и подпрыгивая, побѣжала за нею. Мушка, которую всѣ называли почему-то Блохой, была предметомъ постоянныхъ шутокъ со стороны Вазенцева и квартирантовъ его сестры. Чтобы позлить Ирочку, они наряжали Блоху во всевозможные костюмы, надѣвали на нее фуражки, чепчики, воротнички, ленты и ордена изъ котильона, напѣвая при этомъ:

Жилъ-былъ король когда-то;
Блоху онъ полюбилъ,
Берегъ ее, какъ злато,
Какъ братомъ дорожилъ.
Въ шелку тогда ходила
И въ бархатѣ она,
И ленту получила,
И съ лентой ордена.

Писали Блохѣ сентиментальныя посланія, производили надъ ней судъ, говорили обвинительныя и защитительныя рѣчи, подражая голосу и манерамъ людей, съ которыми была знакома Ирочка.

Иногда это забавляло ее, но чаще злило. Она отнимала Мушку, брала ее на руки и цѣловала. Мушка напоминала Ирочкѣ прошлое, до разоренія и смерти ея отца, полковника Вишневскаго. И едва ли Мушка не была единственнымъ живымъ существомъ, къ которому Ирочка была сильно привязана.

III.

Ирочка бросила кое-какъ верхнее платье, швырнула калоши въ разныя стороны и прошла въ свою комнату. Черезъ минуту оттуда раздался крикъ. Выбѣжавшая Ирочка столкнула въ маленькомъ корридорчикѣ жестянку съ керосиномъ и помчалась въ кухню.

— Тетя Лиза! Тетя Лиза!

У плиты, нагнувшись надъ кострюлей, стояла высокая, худая женщина. Она знакомила кухарку со способомъ приготовленія какого-то замысловатаго соуса, поясняя всякую подробность руками: вотъ такъ надо протереть коренья, вотъ такъ подбить, а вотъ такъ именно подмѣшать и проч. Это была сестра Вазенцева, Лизавета Григорьевна. Она тревожно обернулась и спросила:

— Что случилось?

— Кто былъ въ моей комнатѣ? Сусловъ?

— Нѣтъ, онъ, кажется, не входилъ. А что?

— Идите, посмотрите. Какая гадость! Но я этого такъ не оставлю. Нѣ-этъ, ни за что!

Лизавета Григорьевна спокойно вытерла руки и поплелась за Ирочкой. Та подвела ее къ большой рамѣ, висѣвшей на стѣнѣ и указала на фотографическій портретъ.

Лизавета Григорьевна взглянула на фотографію и разсмѣялась.

— Ахъ, негодный! Это—Егорка! Онъ утромъ шмыгалъ здѣсь. Что за скверный мальчишка!

Вокругъ головы толстаго господина съ большою лысиной былъ сдѣланъ кружокъ съ надписью: «ясновельможный купидонъ», а на спинѣ два крыла и лукъ со стрѣлами.

— Я этого не оставлю такъ,—горячилась Ирочка,—всякимъ шуткамъ есть границы. Но портить чужія вещи — безчестно, низко!

— Что здѣсь такое? — спросилъ Вазенцевъ, показавшись на порогѣ.

— Гриша, ты бы сказалъ Егорушкѣ... Посмотри, что онъ сдѣлалъ... Такъ, вѣдь, нельзя,— замѣтила Лизавета Григорьевна, кивая на портретъ.

Вазенцевъ посмотрѣлъ и расхохотался такъ громко, что даже вазы, стоявшія на коммодѣ, задребезжали. Ирочка была оскорблена и этимъ смѣхомъ, и наглостью шутки. Она заявила, что если Егорушка не будетъ наказанъ, то она съѣдетъ съ квартиры.

— Милая, не высѣчь же мнѣ его, — сказала Лизавета Григорьевна.

— Наконецъ, почему вы думаете, достойнѣйшая, что это сдѣлалъ Егорушка? На какомъ основаніи? Э, да тутъ и подписано: «Бурдегоцкій»,—замѣтилъ серьезнымъ тономъ Вазенцевъ, присматриваясь къ портрету.

Ирочка всплеснула руками.

— Этого только недоставало! Сдѣлать возмутительный поступокъ и подписать именемъ почтеннаго человѣка!

Лизавета Григорьевна приблизилась къ фотографіи, прищурилась и сказала весело:

— Ирочка, вѣдь, это на стеклѣ, портретъ не испорченъ.

По осмотрѣ оказалось, что дѣйствительно вѣнчикъ вокругъ головы и крылышки сдѣланы чернилами на стеклѣ. Ирочка схватила носовой платокъ и негодующе стерла рисунокъ.

Появился Сенька и, втягивая носомъ воздухъ, торжественно объявилъ, что обѣдъ готовъ.

Черезъ нѣсколько минутъ въ большой комнатѣ, которая была и столовой, и гостиной, и общей пріемной, собрались нахлѣбники Лизаветы Григорьевны: Вазенцевъ, прыщеватый молодой человѣкъ, третій годъ державшій экзаменъ на аттестатъ зрѣлости Сусловъ и гимназистъ Егорушка. У Егорушки было продолговатое лицо съ утинымъ носомъ. Онъ былъ вертлявъ и очень смѣшливъ. Секрета сохранить Егорушка никакъ не могъ. Все лицо его какъ бы иллюминовалось въ подобныхъ случаяхъ.

[illegible]словъ стоялъ у окна, заложивъ руку за поясъ синей блузы,

вышитой малороссійскимъ узоромъ, и немилосердно дымилъ папиросой. При входѣ Ирочки его красное лицо съ щетинистою растительностью еще больше покраснѣло. Эта несчастная растительность на головѣ Суслова была для него постоянною причиной горькихъ терзаній. Волосы у него были какіе-то особенные: жесткіе, упругіе и всегда торчащіе, какъ щетина. Какими помадами онъ ихъ ни умащивалъ, какими щетками ни приглаживалъ, черезъ минуту они опять поднимались, точно на пружинахъ, и сообщали ему видъ сердитаго ежа. А это-то въ особенности и терзало Суслова, который имѣлъ непреоборимую склонность къ прекрасному полу. Онъ втайнѣ былъ до безумія влюбленъ и въ Ирочку, хотя, въ то же время, презиралъ ее отъ всей души за аристократическія замашки и пристрастіе къ военнымъ.

Пока Лизавета Григорьевна дѣлала распоряженія на кухнѣ, Ирочка успѣла перемѣнить кофточку, подвить холку на лбу и согнать съ лица слѣды раздраженія. Она стояла на порогѣ, свѣжая и сіяющая, какъ весна. Но, увидѣвши Егорушку, Ирочка сдѣлала на лбу треугольничекъ и произнесла оффиціально:

— Я васъ попрошу не входить безъ меня въ мою комнату.

Егорушка вскочилъ, вытянулся и сдѣлалъ подъ козырекъ.

— Слушаю-съ, васкородіе! — но не выдержалъ роли до конца и расхохотался.

«Идіотъ!» — прошептала Ирочка, но, однако, такъ тихо, что никто не услыхалъ.

Вошла кухарка съ дымящеюся суповою чашкой. Вслѣдъ за кухаркой, шаркая подошвами, появился Сенька съ пирожками. Сзади шла Лизавета Григорьевна съ раскраснѣвшимся отъ плиты лицомъ.

Послѣ супа Сусловъ сдѣлалъ папиросу, вставилъ ее въ толстый черешневый мундштукъ и закурилъ. Лизавета Григорьевна закашлялась и, отмахиваясь отъ дыма, замѣтила:

— Какой у васъ ужасный табакъ, Павелъ Николаевичъ!

Сусловъ наежился и сдѣлался пунцовымъ.

— Какой по моимъ средствамъ, такой и курю. И считаю нужнымъ замѣтить, что почелъ бы подлостью курить лучшій табакъ.

— Причемъ же тутъ «подлость»? — спросила съ удивленіемъ Лизавета Григорьевна.

— Очень жаль, если вы этого не понимаете. Развѣ честно курить дорогой табакъ, когда рядомъ люди сидятъ безъ хлѣба?

— Позвольте вашу тарелку, Павелъ Николаевичъ, — сказала Лизавета Григорьевна, вмѣсто отвѣта, и предложила Суслову цѣлую гору макаронъ.

Къ концу обѣда Вазенцевъ выразительно посмотрѣлъ на Сеньку и тотъ черезъ минуту появился съ письмомъ въ рукѣ. Вазенцевъ взглянулъ на конвертъ и поднялъ брови.

— Что сей сонъ значитъ? Рука какъ будто пана Бурдегоцкаго?

Распечатавши письмо, онъ началъ медленно читать его и по мѣрѣ чтенія все больше и больше выдвигалъ нижнюю губу и поднималъ брови, какъ бы отъ сильнаго изумленія.

— Что за мистификація! *Списокъ кандидатовъ въ... Петръ Аноровъ, Казиміръ Бурдегоцкій*... Гм... Ничего не понимаю. Что значитъ *кандидаты въ*...? Но почеркъ знакомый. Посмотри, Егорушка!

И Вазенцевъ протянулъ бумагу Егорушкѣ, который уже нѣсколько минутъ задерживалъ дыханіе и напрягалъ страшныя усилія, чтобы не фыркнуть. Увидавъ знакомый листокъ, Ирочка выхватила его и гнѣвно разорвала. Вазенцевъ принялъ видъ оскорбленнаго достоинства и произнесъ съ пафосомъ:

— Позвольте вамъ замѣтить, мадмуазель Вишневская, что въ порядочномъ обществѣ это не принято.

— А тайкомъ брать чужія бумаги принято? Это хорошо? Благородно?... А еще въ университетѣ были, передового человѣка изъ себя корчите... Стыдитесь! — сказала негодующе Ирочка и вышла изъ-за стола съ разгнѣваннымъ лицомъ.

Но когда она пришла въ свою комнату и увидала въ зеркалѣ красныя пятна на лицѣ, то сейчасъ же начала охлаждать себя вѣеромъ и тщательно разглаживать кожу на лбу. Не стоятъ они, чтобъ она портила изъ-за нихъ себѣ кровь. И Ирочка совершенно успокоилась. Ей было только досадно, что она ушла изъ-за стола въ то время, когда подали печеныя яблоки—ея любимое блюдо. Но теперь идти туда неловко, да она уже и изъ принципа не пойдетъ. Ирочка повертѣлась передъ зеркальнымъ шкафомъ, поправила прическу и сѣла въ раздумьи, чѣмъ бы ей утѣшить себя. Взглядъ ея упалъ на газету съ описаніемъ французскаго бала Ирочка съ новымъ интересомъ прочитала статью. И вдругъ, неожиданно, странная мысль, подобно молніи, пронеслась передъ нею. Ирочка даже голову подняла, какъ бы напряженно прислушиваясь къ чему-то. И та же безумная мысль черезъ минуту опять пронеслась въ ея головѣ. Ирочка задумалась. А почему бы и ей не помечтать немного? Другіе же мечтаютъ и даже серьезно разсуждаютъ напримѣръ, о выигрышѣ въ 200 тысячъ. Это же гораздо исп[illegible]имѣе. Почему она не можетъ попасть на какой-нибудь ко-

стюмированный балъ и, подобно госпожѣ Готье, быть избранной царицей вечера? У Ирочки даже голова начала кружиться отъ этой мысли. Конечно, все это однѣ мечты, потому что такіе балы сопряжены съ громадными расходами, недоступными ей, и никогда, конечно, она не попадетъ на подобный балъ. И думать объ этомъ даже смѣшно. Но интересно, все-таки, какъ бы она одѣлась, еслибъ ей пришлось ѣхать на костюмированный балъ? И мысли ея, подобно вспугнутымъ воробьямъ, стремительно бросались въ разныя стороны: въ исторію, въ миѳологію и т. д. Наяды, феи, цыганки, нимфы, малороссіянки и проч. проносились передъ нею пестрою вереницей. Ирочка не могла усидѣть и въ волненіи зашагала по небольшой комнатѣ. Проходя мимо зеркальнаго шкафа, она останавливалась, откидывала голову, заламливала руки и дѣлала разныя тѣлодвиженія, соотвѣтствующія тому наряду, въ какомъ она воображала себя. Величавая манера весталокъ, плавная походка *Утренней Зари,* шаловливыя движенія Карменъ,— все это чередовалось въ зеркалѣ. Ирочка быстро входила въ роль.

Услышавъ шаги около своей двери, она поспѣшно усѣлась и приняла позу покинутой сироты. Пришла Лизавета Григорьевна и принесла на блюдечкѣ два печеныхъ яблока. Ирочка начала увѣрять, что это совершенно напрасное безпокойство, но яблоки, все-таки, съѣла. Лизавета Григорьевна была рада, что Ирочка успокоилась. Онѣ разговорились о разныхъ домашнихъ дѣлахъ и неизвѣстно какимъ образомъ свернули на распродажу шерстяныхъ матерій фирмой «Фастунетти и Надуваки». Лизавета Григорьевна, знавшая всегда какимъ-то чудомъ всѣ городскія новости, сообщила, между прочимъ, что приморская аристократія предполагаетъ устроить обычный ежегодный «историческій» балъ—въ память основанія города—съ такою роскошью и съ такими богатыми преміями за лучшіе костюмы, о какихъ еще и не слыхивали въ Приморскѣ. Ирочка съ напряженнымъ вниманіемъ выслушала извѣстіе объ «историческомъ» балѣ и, вздохнувъ, промолвила:

— Вотъ бы попасть на этотъ балъ и получить первую премію!

— Губа у васъ не дура,— замѣтила Лизавета Григорьевна такимъ тономъ, какъ если бы говорилось о скатерти-самобранкѣ или о коврѣ-самолетѣ.

На этомъ онѣ и разошлись. Но на Ирочку вѣсть о затѣваемомъ въ Приморскѣ балѣ произвела потрясающее впечатлѣніе. Она долго въ эту ночь ворочалась въ постели, не будучи въ состояніи заснуть отъ взволновавшихъ ее мыслей.

На другой и на третій день Ирочка не переставала думать объ «историческомъ» балѣ, тѣмъ болѣе, что за это время прибавились интригующія подробности: возникли слухи, что изъ-за границы получена какая-то дорогая вещь, предназначающаяся для первой преміи. Послѣ этого Ирочка никакъ ужь не могла отдѣлаться отъ назойливыхъ мыслей. И никогда она не дѣлала въ переписываемыхъ ею бумагахъ столько ошибокъ и описокъ, какъ въ эти дни. Въ IV-мъ отдѣленіи городской управы даже утвердилось мнѣніе, что Ирочка въ кого-то втюрилась. Но она не обращала уже прежняго вниманія на шутки и намеки сослуживцевъ. Ее мучила, грызла и преслѣдовала одна мысль: почему она не можетъ попасть на «историческій» балъ? По рожденію она дворянка и, значитъ, имѣетъ полное право присутствовать на этомъ балу. Приглашеніе она добудетъ черезъ Козубскаго или Рашѣева, или Маризетти. Собою она не уродъ, во всякомъ случаѣ, не очень ужь хуже другихъ. Ирочка какъ бы для провѣрки заглядывала въ зеркало и по внимательномъ осмотрѣ оставалась довольна зрѣлищемъ. Остается, значитъ, только придумать костюмъ... Но въ этомъ-то пока и вся зацѣпка. Надо придумать такой костюмъ, чтобы, прежде всего, онъ стоилъ не дорого и, затѣмъ, подходилъ бы къ ней, какъ... «какъ роса къ розѣ», вспомнила она вычитанное сравненіе. Но развѣ это такъ трудно? Надо только подумать хорошенько.

И ежедневно Ирочка придумывала новые костюмы, умственно примѣряла ихъ и подсчитывала стоимость. Но выходило или шаблонно, или слишкомъ дорого. Убѣдившись, что безъ помощи Лизаветы Григорьевны ей не обойтись, она начала зондировать почву и въ видѣ шутки развивать свои фантазіи. Но Лизавета Григорьевна съ первыхъ же словъ осадила ее:

— Простите, Ирочка, но, право, вмѣсто того, чтобы думать о подобномъ вздорѣ, вы хоть немного позаботились бы о вашемъ бѣльѣ. Вѣдь, у васъ *ни одной* цѣлой вещи нѣтъ,—все въ дырьяхъ.

Ирочка въ смущеніи умолкла и въ этотъ вечеръ больше уже не заикалась объ «историческомъ» балѣ. Но черезъ нѣсколько дней опять было попробовала заговорить о томъ же. Лизавета Григорьевна взглянула на нее и только плечами пожала. Подумавши о своихъ скудныхъ средствахъ, заставлявшихъ ее жить всегда въ долгъ, Ирочка сама начала приходить къ тому заключенію, что мечтала о несбыточномъ, и стала забывать о балѣ.

Но, побывавъ однажды въ одной семьѣ, гдѣ цѣлый вечеръ говорили объ «историческомъ» балѣ и, между прочимъ, о необыкновенно оригинальномъ и поразительно дешевомъ костюмѣ «елочка»,

Ирочка вернулась домой, какъ шальная. Если другія за ничтожную сумму могутъ сдѣлать оригинальный костюмъ, то почему же она не въ состояніи это устроить?

Изъ мужчинъ никого дома не было. Ирочка долго увивалась около Лизаветы Григорьевны и, наконецъ, взявъ ее за руку и ластясь, прошептала съ мольбою въ голосѣ:

— Тетя Лиза, мнѣ ужасно хочется попасть на «историческій» балъ.

Лизавета Григорьевна тихонько оттолкнула отъ себя Ирочку.

— Ну, что за вздоръ, Ирочка! На какія средства вы можете сдѣлать себѣ костюмъ? Наконецъ, все это такъ возмутительно, что я не желаю даже и говорить.

— Тетя Лиза, милая! Вы только выслушайте, только выслушайте! — говорила умоляюще Ирочка, удерживая Лизавету Григорьевну.

— Ирочка, вы сумасшедшая!

— Слушайте, тетечка!... Самое главное — придумать такой костюмъ, который бы стоилъ недорого и шелъ ко мнѣ. Я попрошу Козубскаго, выдумаю что-нибудь и мнѣ въ управѣ выдадутъ впередъ.

— Сколько?

— Рублей 20—30.

— Что же можно сдѣлать за 20—30 рублей? Да мнѣ и слушать объ этомъ противно. Швея и башмачникъ звонки оборвали, являясь почти ежедневно, хотятъ даже идти къ вамъ въ управу, а вы затѣваете костюмы!

— Тетечка, милая, ихъ можно будетъ попросить подождать, уговорить, пообѣщать прибавку... Они подождутъ...

— Ахъ, Ирочка, Ирочка!

— Тетечка, до бала еще цѣлый мѣсяцъ. За мѣсяцъ можно будетъ сдѣлать что-нибудь экономнымъ способомъ. Но непремѣнно, чтобъ это было что-нибудь оригинальное, красивое, изящное и, въ то же время, въ высшей степени скромное, такъ, чтобы всякій, взглянувши, сказалъ: «Ахъ, какъ это мило!» И, знаете, тетечка, я остановилась на Гретхенъ... Или нѣтъ: одѣнусь *Ночью*... Понимаете, все изъ чернаго тюля. Вездѣ тюль, тюль, тюль.. По тюлю звѣздочки... здѣсь, здѣсь, вездѣ... На головѣ мѣсяцъ... Если можно съ электрическимъ огонькомъ, — это будемъ безподобно.

И Ирочка показывала, какъ будетъ на головѣ ея свѣтить мѣсяцъ, а кругомъ развѣваться тюль.

Лизавета Григорьевна невольно заинтересовалась игрой ея фантазіи и замѣтила:

— *Ночью* вамъ не идетъ. Для *Ночи* нужна брюнетка, жгучіе глаза. Кромѣ того, все это уже страшно избито.

— Тетя Лиза, а *Лоскутницей*? Понимаете, все, рѣшительно все изъ ситцевыхъ лоскутовъ. Вѣдь, это ужасно дешево, а, между тѣмъ, будетъ очень оригинально.

Лизавета Григорьевна прищурилась, посмотрѣла на фигуру Ирочки и отрицательно покачала головой. Ирочка подумала и опять заговорила съ увлеченіемъ:

— Тетя Лиза, а *Красною Шапочкой*?

— *Красною Шапочкой*? Пожалуй. Это вамъ больше подойдетъ. Кофточку можно сдѣлать изъ краснаго сукна... Здѣсь сборки...—Лизавета Григорьевна показала руками, какія будутъ сборки, и спохватилась: — Ну, что за глупости! Развѣ мыслимо вамъ ѣхать на аристократическій балъ? Отстаньте, Ирочка!

Лизавета Григорьевна поднялась и хотѣла уйти.

— Нѣтъ, теперь я васъ не выпущу, гадкая тетка! Раздразнила только, и назадъ. Не пущу! — и, обхвативъ Лизавету Григорьевну, Ирочка цѣловала ее.

— Пустите, Ирочка, мнѣ некогда!

— Но вы мнѣ поможете, да?

Лизавета Григорьевна хотѣла что-то сказать, но, услыхавъ шаги около дверей, сдѣлала знакъ молчанія, и только когда шаги затихли, проговорила:

— Если ужь вами такъ овладѣлъ бѣсъ, то вы хоть при «нихъ» не говорите о костюмѣ, иначе они вамъ жить не дадутъ. Всего же лучше, выбросьте этотъ вздоръ изъ головы.

Но Ирочка опять начала цѣловать Лизавету Григорьевну и упрашивать ее. Та, по обыкновенію, покоренная ласками, обѣщала поговорить съ своею подругой, художницей Гранецкой, которая можетъ дать хорошій совѣтъ.

— Тетя Лиза, вы — дуся, вы — прелесть! Такой другой, какъ вы, на всемъ земномъ шарѣ нѣтъ! Улыбнитесь же! Скажите: «хи-хи»!

— Хи-хи! — произнесла Лизавета Григорьевна, освобождаясь из объятій Ирочки. — Будетъ же! Ирка, отстаньте!

Ирочка прыгала и хлопала руками. Она была внѣ себя отъ восторга, не сомнѣваясь уже, что костюмъ у нея будетъ и что она произведетъ фурор на аристократическомъ балѣ. Мушка тоже прыгала и визжала съ такою восторженностью, будто и ей предстояло быть на балу.

IV.

Несмотря на всѣ доводы Лизаветы Григорьевны, Ирочка на другой день настояла, чтобъ отправиться къ художницѣ Гранецкой. Онѣ отправились и застали Гранецкую за отдѣлкой блюда съ необыкновенно изящными фигурками и цвѣтами. Она обрадовалась приходу гостей, и ея матовое, безкровное лицо, съ остриженною по-мужски головой, оживилось. Художница усадила гостей и, посмотрѣвъ на Ирочку, произнесла задумчиво:

— Какая вы хорошенькая!

Ирочка сдѣлала видъ, что для нея это совершенно неожиданная новость.

— Нашла чѣмъ восхищаться!—замѣтила Лизавета Григорьевна тономъ старой няньки.—Ты вотъ лучше образумь насъ. Забрела, видишь ли, въ нашу взбалмошную голову мысль: плѣнить собою, во что бы то ни стало, всю приморскую аристократію.

— Тетя!

— Для этого и порѣшили мы: отправиться въ дворянскій клубъ на «историческій» балъ, получить тамъ первую премію...

— Тетя Лиза, съ чего вы это взяли?

— Не ломайтесь, Ирочка!... Но ѣхать намъ какъ-нибудь на аристократическій балъ нельзя, конечно. Вотъ мы и пожаловали къ тебѣ: образумь ты насъ, пожалуйста, и просвѣти.

Художница обвела взглядомъ Ирочку.

— Не понимаю, Лиза, отчего бы ей и не поѣхать на балъ? Она молода, хороша собою. Что же касается костюма... Костюмъ можно будетъ придумать... Встаньте, милая, и отойдите нѣсколько... Вотъ такъ.

Гранецкая сняла пенснэ, сложила его и, отдаливъ нѣсколько отъ себя, начала смотрѣть на Ирочку. Когда Ирочка, стоявшая бокомъ, обернула голову назадъ, художница проговорила съ живостью:

— Стойте, стойте!... Застыньте на минуту!

Ирочка сдѣлала видъ, что застыла. Гранецкая любовалась ея высокою, тонкою фигурой, и чѣмъ больше глядѣла на Ирочку, тѣмъ больше находила въ ней сходство съ мелькнувшимъ образомъ «божественной Артемиды». Та же моложавость въ миловидныхъ чертахъ, та же свободная грація нетронутой природы.

Художница попросила Ирочку постоять нѣсколько минутъ въ этой позѣ, пока она зарисуетъ ее. Ирочка согласилась и, во[...]еки

своей подвижной натурѣ, стояла, точно жена Лота, оглянувшаяся на Содомъ. Набросавъ фигуру Ирочки, Гранецкая сказала:

— Завтра я сдѣлаю рисунокъ и, надѣюсь, вы останетесь довольны костюмомъ.

— Что же это будетъ за костюмъ?—спросила Ирочка, сдерживая волненіе.

— Завтра увидите, приходите,— и, несмотря на просьбы, художница не сказала.

Все это такъ заинтересовало не только Ирочку, но и Лизавету Григорьевну, что онѣ обѣ до поздней ночи проговорили, придумывая всевозможные костюмы и угадывая, что можетъ сочинить Гранецкая. Ирочка только подъ утро заснула. Никогда еще ея головка не работала такъ напряженно.

Въ 8 часовъ утра Лизавета Григорьевна съ трудомъ разбудила ее. Ирочка бормотала соннымъ голосомъ:

— Сейчасъ... встаю.

И тутъ же засыпала.

Но когда проснулась и вспомнила о костюмѣ, вся просіяла. Она быстро одѣлась, на-лету выпила стаканъ кофе и отправилась въ управу. Ирочка не шла въ это утро, а какъ-то радостно скользила. Снѣгъ подъ ея ногами хрустѣлъ такъ звучно-весело, что она нарочно надавливала подошвы. Въ управѣ она была исполнительна и привѣтлива, какъ никогда. Даже мрачный и методичный Кончакъ, и тотъ остался ею доволенъ. На всѣ шутки она отвѣчала веселою улыбкой. Выйдя изъ управы, Вазенцевъ посмотрѣлъ на нее и сказалъ:

— Взирая на васъ, златокудрая, можно подумать, что вы получили почтовую повѣстку на 100 рублей или съ вами раскланялся самъ полицеймейстеръ.

Ирочка весело разсмѣялась. Этотъ дядя Гриша всегда выдумаетъ что-нибудь.

Послѣ обѣда она стала торопить Лизавету Григорьевну, увѣряя, что можетъ умереть отъ нетерпѣнія. Лизавета Григорьевна дѣлала видъ, что сердится на Ирочку, но и сама сгорала любопытствомъ. Чтобы выиграть время, онѣ взяли извощика и поѣхали къ Гранецкой, которую застали за работой у лампы. Она доканчивала акварелью обѣщанный рисунокъ и попросила ихъ посидѣть въ сторонкѣ. Гранецкая работала съ увлеченіемъ. Она быстро окунала кисть въ стаканъ съ водою, прикасалась къ краскамъ, отыскивала нужный тонъ и рѣшительно накладывала краску на бумагу. Взболтнувъ кистью мутно-зеленоватую воду, художница сдѣ-

лала нѣсколько широкихъ размаховъ и отодвинула отъ себя рисунокъ.

— Вотъ и готово!

Ирочка подскочила, взглянула на рисунокъ и вскрикнула:

— Тетя Лиза, посмотрите, какая прелесть!

Въ хитонѣ, затканномъ золотомъ, съ колчаномъ и шкурой леопарда на плечахъ, закинувъ рѣзвую головку, стояла прекрасная богиня Діана—съ лицомъ Ирочки. Ирочка въ восторгѣ бросилась цѣловать художницу, потомъ Лизавету Григорьевну, которой костюмъ Діаны также очень понравился. Когда прошли минуты восхищенія, Лизавета Григорьевна присѣла къ столу и сказала:

— А скажи, пожалуйста, Тоня, сколько можетъ стоить вся эта музыка?

— Думаю, недорого. Во всякомъ случаѣ, не дороже, чѣмъ всякій другой костюмъ, потому что его можно сдѣлать дома.

— Конечно, конечно!—поспѣшно поддакнула Ирочка, не отрываясь взглядомъ отъ рисунка.

— Но, все-таки посчитаемъ. Дай-ка карандашикъ.

Гранецкая подала Лизаветѣ Григорьевнѣ дощечку изъ слоновой кости и карандашъ.

— Начнемъ съ этого, какъ его... халатъ этотъ...

— Хитонъ.

— Изъ какой матеріи его надо дѣлать?

— Можно изъ всякой — изъ свѣтлой че-су-чи. Не дурно будетъ изъ репса. Можно изъ альпага... Нѣтъ, впрочемъ, изъ альпага будетъ грубовато и затопорщится въ складкахъ. Но самое лучшее изъ кашемира. Въ сущности, вѣдь, это составитъ небольшую разницу.

— А сколько надо аршинъ?

— Аршинъ пять.

— Только?

— Да, вѣдь, это шьется, какъ рубаха. То, что вырѣзывается здѣсь, вставляется сюда, только надо дѣлать подлиннѣе, потомъ въ поясѣ подбирается и выпускается наружу.

— Допустимъ, изъ кашемира,—будемъ считать пять рублей.

Ирочка запротестовала.

— Что вы, тетя Лиза?! У братьевъ Мутузкиныхъ прелестнѣйшій кашемиръ по 45 копѣекъ.

Лизавета Григорьевна возразила, что сорокапятикопѣечный кашемиръ никуда не годится. И если дѣлать изъ кашемира, то на

худой конецъ по 75 копѣекъ. Ирочка поторговалась и сдѣлала надбавку.

— А вотъ эти финтифлюшки, какъ ихъ дѣлать?—спросила Лизавета Григорьевна, указывая на золотой узоръ хитона.

— Самое, конечно, лучшее вышить шелками. Но это будетъ дорого. Позументомъ развѣ? Впрочемъ, нѣтъ, это тоже дорого.

— А нельзя ли вырѣзать всѣ эти штуки изъ желтаго шелка и нашить ихъ?—и изобрѣтательная Лизавета Григорьевна показала руками, какъ можно вырѣзать изъ шелка тонкія полоски и нашить ихъ на хитонъ.

Гранецкая и Ирочка одобрили эту идею. Но когда заговорили о прикладѣ и разныхъ принадлежностяхъ костюма: о поясѣ, о пряжкахъ, о сандаліяхъ, о чулкахъ и проч., поднялся такой споръ и торгъ, какъ будто дѣло происходило въ Гостиномъ ряду.

Ирочка съ азартомъ торговалась за каждый предметъ, увѣряя своимъ словомъ и призывая Бога въ свидѣтели, что тетя Лиза назначаетъ невозможно высокія цѣны. Онѣ резонились, уступали одна другой и, въ концѣ-концовъ, насчитали, что если дѣлать все экономно, костюмъ Діаны долженъ обойтись около 25-ти рублей.

— Вотъ видите, тетя Лиза, я говорила!—торжествующе сказала Ирочка и вдругъ замялась:—Антонина Степановна, а... шкура леопарда?

Лизавета Григорьевна и Гранецкая посмотрѣли одна на другую. Экія онѣ дуры-то: главное и забыли! Оказалось, что шкуру леопарда достать не такъ-то легко. Въ плохихъ магазинахъ Приморска нельзя найти, а въ хорошихъ не даютъ на прокатъ. При нѣкоторыхъ стараніяхъ, впрочемъ, достать шкуру возможно, но не дешевле 15—20 рублей, кромѣ того, нуженъ залогъ.

Ирочка совсѣмъ упала духомъ. Такой суммы у нея не можетъ быть. Она свернула въ трубочку рисунокъ Гранецкой и стала торопить Лизавету Григорьевну. Ирочка еле удерживалась, чтобы не заплакать. Передъ уходомъ она обернулась и спросила тихо:

— Антонина Степановна, а нельзя безъ шкуры?

— Можно, конечно, но не будетъ того вида.

Ахъ, разумѣется, она и сама это понимаетъ, что безъ шкуры леопарда не будетъ никакого эффекта!

Поцѣловавши художницу похолодѣвшими губами, Ирочка вышла грустная. Подъ ея свѣтлыми завитками происходила какая-то сложная работа. Онѣ шли въ молчаніи. Не вдалекѣ отъ дома Ирочка взяла подъ руку Лизавету Григорьевну и, прижавшись къ ней, спросила:

— Тетя Лиза, а если я напишу Матову и попрошу его одолжить мнѣ небольшую сумму?

— Ирочка, вы думаете о томъ, что говорите?

— Но какъ же мнѣ быть? Что мнѣ дѣлать?

Лизавета Григорьевна промолчала. Ей досадно было на Ирочку и жаль ее. Костюмъ Діаны сбилъ съ толку Лизавету Григорьевну. Выразивъ сочувствіе этой затѣѣ, она считала себя какъ бы нравственно отвѣтственной за успѣхъ дѣла и злилась на себя. Зачѣмъ понесло ее къ художницѣ?

По приходѣ домой Ирочка молча прошла въ свою комнату и шумно затворила дверь, какъ бы желая дать понять, что она желаетъ остаться наединѣ съ своимъ горемъ. Но черезъ полчаса она, оживленная, выбѣжала изъ комнаты и заявила Лизаветѣ Григорьевнѣ:

— До бала еще мѣсяцъ... За мѣсяцъ можно будетъ сто разъ достать шкуру. Вѣдь, возни съ ней никакой нѣтъ, только пряжки пришить.

Задумчивое лицо Лизаветы Григорьевны просіяло. Въ самомъ дѣлѣ, это такъ просто. Въ теченіе мѣсяца и у нея могутъ случиться деньги. О костюмѣ же надо подумать заранѣе. Она посмотрѣла на Ирочку своими добрыми карими глазами и сказала:

— Только смотрите, Ирочка, не зарвитесь!

Ирочка начала увѣрять, что костюмъ обойдется даже дешевле, чѣмъ считали. Ужь она знаетъ, какъ это сдѣлать.

V.

Въ семь часовъ утра Сенька, поставивши сапоги около кровати Вазенцева, разбудилъ его и таинственно сообщилъ, что барышня и барыня вчера цѣлый вечеръ сидѣли, запершись, и говорили о какомъ-то костюмѣ для барышни и что будутъ шить его тайкомъ, а какую-то шкурку потомъ достанутъ. Вазенцевъ постучалъ кулакомъ въ стѣну. Это было сигналомъ, что неотложныя обстоятельства требуютъ экстреннаго собранія. Черезъ нѣсколько минутъ въ комнату вошли Егорушка и Сусловъ. Послѣдній былъ босикомъ и въ бѣльѣ изъ какой-то полосатой матеріи. Онъ смотрѣлъ недружелюбно и, почесываясь, сѣлъ на стулъ.

Новость, сообщенная Сенькой, сначала вызвала дебаты. Но по опросѣ Сеньки рѣшили, что Ирочка тайкомъ дѣлаетъ костюмъ для маскарада.

Егорушка фыркнулъ. Сусловъ насупился. Ему очень не н[illegible]-

лось это. Безсознательно для себя онъ мучительно ревновалъ Ирочку, и всякое ея отсутствіе внѣ службы причиняло ему такое жгучее чувство, что иногда у него являлась мысль прибить ее. Узнавши, что Ирочка собирается въ маскарадъ, Сусловъ почувствовалъ дрожь въ пальцахъ, но не выразилъ ничего, кромѣ презрѣнія. Какое ему дѣло до этой ничтожной дѣвчонки? Пускай она отправляется не только въ маскарадъ, но даже... И Сусловъ произнесъ слово, вызвавшее со стороны Вазенцева замѣчаніе:

— Ты дурандасъ, Пашка!

Послѣ этого было принято рѣшеніе—не показывать даже и виду, что имъ извѣстно о затѣваемомъ костюмѣ. А, между тѣмъ, все разузнавать и, въ концѣ-концовъ, разыграть съ Ирочкой какую-нибудь такую штуку, чтобъ она закаялась навсегда ѣздить по маскарадамъ.

Въ это самое время Ирочка проснулась и, сладко потягиваясь, уносилась въ радужныхъ грезахъ, не догадываясь, что тутъ, за стѣной, въ двухъ шагахъ отъ нея, замышлялись противъ нея страшныя козни.

Когда въ этотъ день Ирочка пришла изъ управы, Лизавета Григорьевна, взглянувъ на нее, ахнула. На ней лица не было.

— Ирочка, что съ вами?

— Ничего,—едва слышно проговорила она.

Лизавета Григорьевна взяла ее за руку и заглянула въ глаза.

— Что случилось? Говорите!

Ирочка безнадежно вздохнула.

— Ничего... Ничего...

И, поднявъ глаза на Лизавету Григорьевну, она замигала вѣками. Ей отказали выдать въ управѣ 25 руб. Всѣмъ, рѣшительно всѣмъ дѣлаютъ разныя одолженія, и только одна она, которая такъ старается и работаетъ, не можетъ разсчитывать на ничтожную любезность. Но хорошо, хорошо! Теперь ужъ она не будетъ такою дурой, чтобы работать, какъ... Ирочка замялась, подыскивая сравненіе, и, наконецъ, сказала: «работать, какъ сумасшедшая». И изъ ея глазъ закапали слезы.

Лизавета Григорьевна долго успокоивала и убѣждала Ирочку. Она не могла видѣть слезъ и, истощивши всѣ доводы, произнесла рѣшительно:

— Перестаньте, ради Бога! Слушайте: *костюмъ у васъ будетъ*!

Ирочка сразу притихла.

— У меня есть кусокъ бѣлой шелковой матеріи. На хитонъ хватитъ. Остальное какъ-нибудь устроимъ. Вмѣсто вышивки,

можно будетъ попросить Степу разрисовать. Онъ хорошій и, навѣрное, не откажетъ... Постойте, Ирочка! Перестаньте!... Что за глупая у васъ манера цѣловать руки!

И растроганная Лизавета Григорьевна старалась говорить какъ можно грубѣе, чтобы скрыть свое волненіе. Съ этого времени забота о костюмѣ Діаны овладѣла ею.

Аккуратная и даже щепетильная къ своимъ обязанностямъ квартирной хозяйки, Лизавета Григорьевна начала скопидомничать, не дѣлать иногда сладкаго и оттягивать всякую копѣйку. Костюмъ Діаны сталъ для нея какъ бы вопросомъ чести. Она ѣздила по знакомымъ, совѣтовалась, хлопотала, дѣлала выписки изъ книгъ и привлекала пособниковъ. Не ожидая, пока общій любимецъ, милѣйшій Степа Солончаковъ, пріѣдетъ къ нимъ, Лизавета Григорьевна пригласила его къ себѣ и попросила разрисовать нѣсколько шелковыхъ полотнищъ, намекнувши, что это для Ирочки. Степа выразилъ готовность и обѣщалъ привлечь въ сотрудники одного своего товарища, талантливаго рисовальщика. На другой день онъ прислалъ Лизаветѣ Григорьевнѣ разрисованный кусокъ матеріи. Рисунокъ вызвалъ восторгъ и удивленіе.

Написавши Степѣ благодарственное посланіе, Лизавета Григорьевна отослала ему остальныя полотнища, а сама энергично занялась подготовленіемъ другихъ принадлежностей. Ирочкѣ все благопріятствовало. Даже сложныя препятствія быстро устранялись счастливымъ вмѣшательствомъ судьбы. Такъ, сапожники Приморска не могли безъ образца сдѣлать сандаліи. Лизавета Григорьевна разослала во всѣ стороны развѣдчиковъ. Оказалось, что во всемъ Приморскѣ только у купеческой дочери Полудиной есть сандаліи, выписанныя изъ Петербурга для живой картины. Лизавета Григорьевна не была знакома съ Полудиной и не рѣшилась дѣйствовать прямо. Узнавши путемъ разспросовъ, что у Полудиной есть братъ гимназистъ, она выдумала Егорушкѣ цѣлую исторію и попросила его достать черезъ молодого Полудина сандаліи—«только посмотрѣть».

Егорушкѣ очень хотѣлось услужить Лизаветѣ Григорьевнѣ. Онъ уговорилъ молодого Полудина взять тайкомъ у сестры на нѣсколько часовъ сандаліи. И сандаліи были добыты. Лизавета Григорьевна показала ихъ Ирочкѣ и привела ее въ восхищеніе. Это были красивыя ажурныя туфельки изъ желтой кожи съ обрѣзанными носками и длинными ремешками.

Черезъ нѣсколько дней сапожникъ, черезъ протекцію студен[та] Шардильянца, принесъ Ирочкѣ сандаліи, сдѣланныя по образ[цу]

Она надѣла ихъ, переплела ноги ремешками и, поднявъ до колѣнъ юбки, поворачивалась во всѣ стороны передъ зеркальнымъ шкафомъ. Лизавета Григорьевна, присутствовавшая при этомъ, нашла, что въ древней Греціи люди обладали изящнымъ вкусомъ. Сандаліи не только не портили красоты ногъ, но еще выгодно выдѣляли ее.

Съ пряжками, запястьями, поясомъ и другими принадлежностями устроилось еще легче. У художницы Гранецкой оказался знакомый бутафоръ изъ городского театра. Онъ доставилъ Ирочкѣ цѣлый ящикъ всякихъ украшеній. Степа не задерживалъ рисунковъ и, наконецъ, прислалъ послѣдній кусокъ матеріи. Сдѣланные имъ узоры были такъ красивы, что Ирочка собрала обрѣзки и спрятала ихъ на память.

. Хитонъ былъ наметанъ. Лизавета Григорьевна примѣривала его на Ирочкѣ, ползая на колѣняхъ съ булавками во рту. Она импровизировала эффектныя складки и прикалывала ихъ. Ирочка съ голыми руками и полуоткрытою грудью стояла, какъ богиня, поглядывая черезъ плечо въ зеркало, и изрѣдка ссылалась на исторію:

— Тетя Лиза, такъ слишкомъ длинно... Это будетъ не Діана, а Богъ знаетъ что. Посмотрите на рисунокъ и, наконецъ, разверните книгу и прочитайте на 54-й страницѣ. Тамъ ясно сказано: «*высоко* подобравъ свой дорическій хитонъ, Діана мчалась по лѣсамъ и горамъ».

Но Елизавета Григорьевна обращала вниманіе на исторію только пока она согласовалась съ требованіями изящества и приличія. Впрочемъ, Ирочка и не очень спорила. Она вѣрила въ авторитетъ Лизаветы Григорьевны и была убѣждена, что та сдѣлаетъ все, чтобы придать костюму больше красоты.

Все было готово и вызывало общее восхищеніе. Лизавета Григорьевна торжествовала, испытывая чувство побѣдителя. Ирочка пользовалась всякимъ случаемъ, чтобы примѣрить костюмъ. Она наскоро дѣлала греческую прическу и, стоя передъ трюмо, звала Лизавету Григорьевну.

— Тетя Лиза, мнѣ кажется, здѣсь надо немного прихватить.

Лизавета Григорьевна отступала на нѣсколько шаговъ, наклоняя на бокъ голову и возражала:

— Нѣтъ, Ирочка, нѣтъ! Иначе вотъ эта складка отдуется и совсѣмъ пропадетъ. Посмотрите!

Она нагибалась, подбирала подолъ по желанію Ирочки и наглядно доказывала свою правоту. Кончалось все это обыкновенно

поцѣлуями и круженіемъ по комнатѣ вмѣстѣ съ счастливою Мушкой. Въ случаѣ прихода мужчинъ, онѣ моментально убирали всѣ принадлежности костюма и, переглядываясь, смотрѣли святошами.

VI.

Заботы о костюмѣ очень сблизили Елизавету Григорьевну съ Ирочкой. Она ревниво охраняла дѣвушку отъ насмѣшекъ и шутокъ мужчинъ, въ спорахъ брала ея сторону и ухаживала за Ирочкой, какъ за младшею сестрой. Ради нея она даже поѣхала къ Степановымъ, у которыхъ перестала бывать. Тамъ она надѣялась встрѣтить адвоката Бѣлоусова, который имѣлъ дѣла съ мѣховщиками и могъ быть полезенъ Ирочкѣ. И дѣйствительно, узнавъ о затрудненіяхъ со шкурой, онъ обѣщалъ сдѣлать все возможное съ его стороны. Лизавета Григорьевна такъ была рада, что даже поцѣловалась съ мадамъ Степановой, которую очень недолюбливала.

Но на другой день это посѣщеніе вызвало непріятную сцену. Вазенцевъ пришелъ изъ управы не въ духѣ, что съ нимъ бывало очень рѣдко. За обѣдомъ онъ сидѣлъ молчаливый. Лизавета Григорьевна обезпокоилась и спросила:

— Гриша, что съ тобою?

— Ничего особеннаго. Мнѣ только было очень непріятно узнать, что ты вчера была у Степановыхъ.

— Кто тебѣ сказалъ?

— Все равно, кто. Вѣдь, ты была же?

— Да, была.

— Удивляюсь, съ какой стати ты вздумала возобновлять знакомство съ этими скотами?

Лизавета Григорьевна хотѣла отдѣлаться какою-нибудь шуткой или выдумкой, но ее разсердилъ рѣзкій тонъ брата. Она нахмурилась и сказала:

— Пожалуйста, Гриша, предоставь мнѣ самой заботиться о выборѣ знакомыхъ!

— Ахъ, извини, ради Бога!—произнесъ холодно Вазенцевъ и, не ожидая конца обѣда, вышелъ изъ-за стола.

Всѣ уткнулись въ тарелки. Этого еще никогда не бывало. и-завета Григорьевна сидѣла разстроенная. У нея очень рѣдко и только по очень серьезнымъ поводамъ, бывали размолвки съ б а-томъ. Она чувствовала себя нехорошо и потому, что потеряла за столомъ свое обычное самообладаніе, и потому, что причинила а-ту огорченіе, поѣхавъ къ Степановымъ, съ которыми онъ был въ

ссорѣ. Подумавши, она рѣшила объясниться и откровенно ему разсказать причину своей поѣздки.

Вазенцевъ выслушалъ ее безъ гнѣва, но ея сочувствія затѣямъ Ирочки не одобрилъ.

Во время ихъ бесѣды пришелъ Сенька и принесъ большую картонку, присланную изъ магазина Сорокоумовскихъ и письмо отъ Бѣлоусова, въ которомъ онъ извѣщалъ, что посылаетъ самую лучшую шкуру леопарда, какая нашлась въ Приморскѣ. Лизавета Григорьевна съ восхищеніемъ сообщила брату содержаніе письма. Вазенцевъ поднялся и сдѣлалъ гримасу.

— Все-таки, Лиза, по моему глупому сужденію, все это крайне неудобно, чтобы не сказать болѣе!

Но Лизавета Григорьевна, упоенная торжествомъ побѣды, не соглашалась съ нимъ. Вазенцевъ махнулъ рукой и пошелъ въ комнату Суслова и Егорушки. Узнавши объ аристократическомъ балѣ, на который собирается Ирочка, они были возмущены. Въ особенности негодовалъ Сусловъ. Онъ ерошилъ свои щетинистые волосы и басилъ на весь домъ:

— Это возмутительно! Это нравственное паденіе! Это свинство! Прачкѣ, бѣдной труженицѣ, не платитъ по цѣлымъ мѣсяцамъ, а на идіотскіе балы швыряетъ бѣшеныя деньги!

И онъ предложилъ Егорушкѣ, ради высшихъ цѣлей справедливости, похитить какъ-нибудь «ветошь маскарада» и уничтожить костюмъ. Егорушка изъявилъ согласіе.

Въ это самое время Ирочка дрожащими отъ волненія руками вынимала изъ ящика шкуру леопарда. Шкура превзошла всѣ ожиданія. Она была пушиста, легка и красива. Ни Ирочка, ни Лизавета Григорьевна никогда не видѣли ничего подобнаго. Ирочка взяла шкуру за края и, накинувъ на плечи, повернула голову. Какая прелесть! Съ ума можно сойти отъ восторга! И она нѣжно гладила шкуру, давала ей ласковыя названія, прижималась къ ней щекой и всячески выражала свой восторгъ. Мушка изъ себя выходила отъ зависти и негодованія.

До бала оставалась недѣля. За исключеніемъ колчана и лука, все было приготовлено. Елизавета Григорьевна израсходовала на костюмъ Діаны всѣ свои сбереженія. Но она надѣялась уговорить брата заказать колчанъ для Ирочки у знакомаго переплетчика. Она по опыту знала, что Вазенцева ничѣмъ нельзя такъ покорить, какъ просьбой о какомъ-нибудь одолженіи. Въ крайнемъ случаѣ, 3—4 рубля она сама добудетъ, заложивъ что-нибудь изъ вещей. И, довольная тѣмъ, что ей удалось довести до конца задуманное,

Лизавета Григорьевна тихо опустилась на диванъ. Хлопоты утомили ее.

Вошелъ Сенька и подалъ письмо. Лизавета Григорьевна посмотрѣла на адресъ и нетерпѣливо разорвала конвертъ. Письмо было изъ Портъ-Санда отъ Матова, къ которому она очень благоволила. Онъ умолялъ ее въ письмѣ извѣстить его объ Ирочкѣ, отъ которой не имѣетъ отвѣта на третье письмо. Письмо Матова было проникнуто тревогой и трогательною любовью къ Ирочкѣ. Лизавета Григорьевна встала и пошла къ ней. Ирочка стояла передъ зеркаломъ съ рисункомъ художницы Гранецкой и сравнивала себя съ Діаной.

— Вы давно не получали писемъ отъ Михаила Алексѣевича?— спросила Лизавета Григорьевна.

— Ахъ, тетя Лиза, хорошо, что вы напомнили! Мнѣ ужасно стыдно передъ нимъ. Представьте, я на третье его письмо не отвѣчаю. Воображаю, какъ онъ терзается, бѣдный!... Но сегодня... нѣтъ, сегодня не успѣю, а завтра... завтра непремѣнно ему напишу,—говорила Ирочка, посматривая въ зеркало.

— Нѣтъ, вы ему сегодня же напишите. Такъ, вѣдь, нехорошо.

— Тетя Лиза, сегодня я не могу.

— Почему?

— У меня сегодня и словъ такихъ не найдется, какія нужны для Михаила Алексѣевича. Я потому и не писала ему все это время, что всѣми моими мыслями завладѣла Діана.

— И вамъ не стыдно, Ирочка? Сейчасъ же садитесь и пишите ему письмо— большое, славное. И насчетъ костюма, и насчетъ себя—все.

— Тетя Лиза, — прошептала Ирочка, припадая къ Лизаветѣ Григорьевнѣ,—я теперь совсѣмъ глупая. У меня ничего не выйдетъ. Напишите вы ему отъ меня. Вы умѣете.

— Ирочка, вы, дѣйствительно, глупая!... Это и доказывать не надо. Отстаньте, пожалуйста! Я и говорить не хочу съ вами!

Но Ирочка обнимала и упрашивала Лизавету Григорьевну не сердиться. Та согласилась подъ условіемъ, что Ирочка немедленно напишетъ письмо Матову. Ирочка сѣла къ столу и въ первый разъ почувствовала тяжесть любовныхъ узъ. Съ большимъ трудомъ она написала небольшое письмо, но сухое и вялое. Какъ ни старалась она настроить себя на нѣжный ладъ, ничего не выходило. Она подыскивала «теплыя слова» и нанизывала ихъ, но безъ любви, безъ вдохновенія. Шкура леопарда витала передъ ней.

На другой день Лизавета Григорьевна отозвала Вазенцева въ

сторону и, сообщивши о денежныхъ затрудненіяхъ Ирочки, попросила его заказать для костюма Діаны колчанъ со стрѣлами и лукъ. Вазенцевъ сначала даже разсердился, потомъ спросилъ, къ какому дню все это нужно, и далъ обѣщаніе. Лизавета Григорьевна успокоилась и даже какъ бы нѣсколько затосковала по препятствіямъ. Но однажды, войдя въ свою комнату, она застала тамъ Сеньку на колѣняхъ около коммода, гдѣ лежалъ костюмъ Діаны. При ея появленіи Сенька смутился и стремительно выбѣжалъ изъ комнаты. Принявши въ разсчетъ нѣкоторыя наблюденія, Лизавета Григорьевна рѣшила, что мальчишки замыслили что-то противъ Ирочки. Поговоривши съ нею, она сложила всѣ принадлежности костюма и тайкомъ отправила къ художницѣ Гранецкой.

За нѣсколько дней до бала Ирочка замѣтно перемѣнилась. Она стала сдержаннѣе и молчаливѣе, въ манерахъ ея появилась какая-то спокойная торжественность, словно она хранила въ душѣ какую-то великую тайну, которая была превыше всѣхъ мірскихъ суетъ.

Въ управѣ знали, что она готовится на знаменитый балъ. Одни негодовали по этому поводу, другіе относились снисходительно и даже какъ бы сочувственно, что вотъ-де и ихъ управская будетъ на аристократическомъ балу и, кто знаетъ, можетъ еще получить первую премію.

А первая премія уже была выставлена на Большой улицѣ во французскомъ магазинѣ Рено и привлекала толпы зрителей. Это былъ изящный вѣеръ изъ слоновой кости, разрисованный знаменитыми французскими художниками. Вѣеръ былъ пріобрѣтенъ дворянскимъ клубомъ случайно за 3,000 франковъ. Съ вѣеромъ въ таможнѣ произошла цѣлая исторія,—пришлось сноситься съ Петербургомъ. Это сообщало вѣеру особенный интересъ. Въ приморскихъ газетахъ уже былъ обстоятельно описанъ и даже иллюстрированъ этотъ знаменитый вѣеръ. И хотя мнѣнія газетъ расходились относительно нѣкоторыхъ деталей, но въ общемъ, все-таки, были весьма благопріятны для вѣера.

Ирочка каждый день дѣлала большой крюкъ по дорогѣ, чтобы полюбоваться вѣеромъ. «Сколько тутъ вкуса и изящества!—думала она. — Только одни французы, только они и въ состояніи дѣлать такія дивныя вещи!»

За день до бала Лизавета Григорьевна начала волноваться. Колчана не было. Она съ безпокойствомъ обратилась къ Вазенцеву.

— Ты же сама сказала, что надо къ воскресенью; я такъ и казалъ переплетчику.

— Но онъ можетъ какъ-нибудь забыть?

— Либманъ-то?

— Все-таки, Гриша, сходи, пожалуйста, сегодня, поторопи,— я буду спокойна.

— Хорошо, я схожу.

Вечеромъ Вазенцевъ заявилъ, что колчанъ и все прочее готово, только надо, чтобы подсохло немного. Либманъ обѣщалъ самъ прислать все своевременно. Лизавета Григорьевна успокоилась.

Всю ночь передъ баломъ Ирочка почти не смыкала глазъ. Былъ праздникъ. Утромъ она вышла сосредоточенная, блѣдная, съ завязанною головой, чтобы придать волосамъ какое-то особенное греческое свойство. Обычной ея беззаботности и слѣда не было. Она имѣла такой видъ, какъ будто говѣла и собиралась идти къ причастію. На придирки Егорушки и шутки Вазенцева она отвѣчала тихою улыбкой:

— Пусть ихъ!

Съ утра въ домѣ началась суматоха. Лизавета Григорьевна всецѣло отдалась приготовленіямъ къ балу и не обращала вниманія на хозяйство. Она только одинъ разъ заглянула на кухню, да и то за утюгомъ.

Съ утра костюмъ Діаны былъ привезенъ отъ художницы и на всякій случай бдительно охранялся. Сусловъ и Егорушка пробовали было отвлечь вниманіе различными хитростями, но потерпѣли неудачу. Они открыли всѣ форточки, двери и ушли. Холодъ ворвался въ комнаты. Лизавета Григорьевна заперла двери и послала за сосѣдкой, Прасковьей Егоровной, которая была большая искусница по части прическъ.

VII.

Едва стало смеркаться, зажгли свѣчи и лампы. Ирочка начала одѣваться. Прическа очень измѣнила ее, придавши головѣ античный характеръ. По мѣрѣ одѣванія Ирочка все болѣе и болѣе преображалась. Шелковые блѣдно-розовые чулки красиво выдѣлили ея стройныя ноги. Лизавета Григорьевна поминутно выходила въ кухню и спрашивала, не приносили ли отъ Либмана посылки, но всякій разъ получала отрицательный отвѣтъ. Это ее начало волновать. Въ 7 часовъ Ирочка была совсѣмъ одѣта. Она стояла передъ трюмо, сіяющая молодостью и оживленіемъ. Повернувъ голову, она спросила царственно:

— Тетя Лиза, а что же колчанъ и стрѣлы?

— Сейчасъ, Ирочка, сейчасъ принесутъ. Все равно, Степа, вѣдь, раньше 9 часовъ не пріѣдетъ.

И вдругъ ее объялъ испугъ. А что, если Гриша выкинетъ штуку? Безъ колчана нельзя ѣхать на балъ. Весь смыслъ костюма пропадетъ. Достать же теперь нигдѣ нельзя. Какъ она могла довѣриться такому школяру, какъ Гриша? Она внутренно волновалась, но Ирочкѣ и виду не показывала. Терпѣніе ея стало изсякать. Но въ это время появился Вазенцевъ. Лизавета Григорьевна отвела его въ сторону и спросила тихо:

— Гриша, а что же колчанъ?

— Развѣ не принесли?... Странно!

— Гриша, ты шутишь? Ты нарочно это сдѣлалъ?

— Ну, вотъ, съ какой стати?—сказалъ съ обычною улыбкой Вазенцевъ и хотѣлъ пройти.

Но Лизавета Григорьевна загородила ему дорогу.

— Постой, Гриша! Ирочка одѣвается. Не говори о колчанѣ. Это можетъ ее разстроить, она расплачется и будетъ на себя не похожа. Поѣзжай, ради Бога, къ Либману.

— Богъ съ тобою! Мастерская теперь уже заперта.

— Что же дѣлать? Безъ колчана, вѣдь, нельзя ѣхать.

— На слѣдующей недѣлѣ будетъ еще одинъ костюмированный балъ, тогда и поѣдетъ.

— Гриша, это невозможно! Умоляю тебя: поѣзжай къ Либману, иначе... я сама поѣду, буду стучать, звонить и добьюсь своего.

Вазенцевъ назвалъ сестру «психетой» и поѣхалъ къ Либману.

Прошелъ часъ. Вазенцева не было. Ирочка не садилась, боясь помять складки хитона, такъ дивно устроенныя Лизаветой Григорьевной. Нѣсколько разъ Ирочка спрашивала недовольнымъ тономъ:

— Тетя Лиза, а что же колчанъ? Мнѣ надо бы попрактиваться нѣсколько, какъ держать лукъ и вынимать стрѣлу.

— Сію минуту, Ирочка! Гриша самъ поѣхалъ, — говорила успокоительно Лизавета Григорьевна и оправляла, точно паутину, волосы у Ирочки, складки, брызгала духами и проч.

Въ половинѣ девятаго на улицѣ послышался грохотъ экипажа. Въ каретѣ пріѣхалъ Солончаковъ за Ирочкой. Она не знала, что онъ пріѣдетъ въ каретѣ, и была этимъ очень польщена. Солончаковъ, увидѣвъ Ирочку, пришелъ въ замѣшательство, не зная, какъ выразить свое восхищеніе ея нарядомъ.

Пробило 9 часовъ. Вазенцевъ не являлся. Солончакокъ всталъ и сказалъ съ присущею ему мягкостью:

— Ирина Сергѣевна, намъ пора!

Ирочка растерянно взглянула на Елизавету Григорьевну.

— Тетя Лиза, что-жь это такое?

Лизавета Григорьевна хотѣла бы провалиться сквозь землю. Послышался звонокъ. Ирочка и Лизавета Григорьевна стремительно бросились въ переднюю, взглянули на Вазенцева и остолбенѣли. У Вазенцева въ рукахъ ничего не было.

— Представьте, надулъ скверный нѣмчура! «Фремя не пилъ», видите ли, ферфлюхтеръ эдакій!—говорилъ негодующе Вазенцевъ, стряхивая съ шапки снѣгъ.

Но, взглянувъ на Ирочку, онъ замахалъ рукой.

— Постойте, Ирочка! Ну, васъ къ чорту, не падайте! Идите, тамъ въ кухнѣ у Сеньки колчанъ и все прочее.

Ирочка, склонившаяся, какъ тростникъ, на плечо Лизаветы Григорьевны, подняла голову и оживилась, а когда черезъ нѣсколько минутъ очень хорошенькій золотой колчанъ уже висѣлъ на ея плечѣ, она разцвѣла, какъ роза. Ирочка взяла лукъ, сдѣлала видъ, что вынимаетъ стрѣлу, и остановилась въ этой позѣ. Всѣ пришли въ восторгъ и захлопали. Даже Вазенцевъ похвалилъ:

— Не совсѣмъ благоприлично, Елену Прекрасную напоминаетъ, но въ общемъ ничего—эффектно!... Являйся вы въ такомъ видѣ въ управу, Козубскій давно бы уже васъ въ дѣлопроизводители повысилъ.

— Гришка!—закричала укоризненно Лизавета Григорьевна и начала бережно укутывать Ирочку въ свою обширную ротонду.

На прощанье она даже перекрестила ее. Солончаковъ ловко подсадилъ Ирочку, захлопнулъ дверцу, и карета покатилась.

Но на углу Ирочка вскрикнула и откинулась въ глубь кареты. Солончаковъ испугался.

— Что съ вами?

— Ничего, ничего. Это такъ.

Но она была разстроена. Передъ отъѣздомъ Ирочка загадала: если встрѣтится женщина—полный успѣхъ на балу, если мужчина—неудача. И первая встрѣча была не только съ мужчиной, но еще съ какою-то духовною особой. Ирочка старалась настро[...] себя на веселый ладъ, иронизировала въ душѣ надъ суевѣріе[...], но духовная особа не выходила изъ ея головы.

Когда Ирочка вошла съ Солончаковымъ въ огромныя ст[...] дворянскаго клуба, тамъ была уже суматоха. Поднимаясь по ш[...]рокой мраморной лѣстницѣ, идущей двумя маршами, Ирочка [...]чувствовала легкій холодъ въ ногахъ и смутилась. Ей при[...]-

нились слова Вазенцева о Прекрасной Еленѣ, и она застыдилась своей полунаготы. Вошедши въ огромный залъ съ мраморными колоннами, залитый электрическимъ свѣтомъ, Ирочка растерялась и прижалась къ рукѣ Солончакова. Передъ нею, какъ въ калейдоскопѣ, запестрѣли, сверкая разноцвѣтными нарядами, хорошенькія цвѣточницы, цыганки, наяды, пажи, пьеретты, пастушки, какъ бы сорвавшіеся съ картинъ Ватто и проч. Голова у Ирочки закружилась отъ яркаго свѣта, отъ блеска шелковыхъ тканей и драгоцѣнностей.

По угламъ въ разныхъ комнатахъ были устроены ниши, гроты, палатки. Въ китайской палаткѣ, увѣшанной яркими вѣерами и звонками, продавала прохладительные напитки извѣстная въ Приморскѣ пѣвица Волошина. Она была одѣта китаянкой, держала въ рукѣ большой вѣеръ и блистала пышною красотой.

Когда Ирочка проходила мимо палатки, Волошина оглянула ее и что-то прошептала стоявшему вблизи гвардейскому офицеру. Ирочка почувствовала непріятное ощущеніе въ открытыхъ плечахъ. Ей сдѣлалось совѣстно за свой небогатый костюмъ, за свои мѣдныя украшенія и картонный колчанъ. Здѣсь настоящія драгоцѣнности, здѣсь цѣлыя богатства, а она явилась какою-то комедіанткой. Зачѣмъ тетя Лиза пустила ее сюда, на этотъ срамъ?

Ирочкѣ кажется, что всѣ на нее смотрятъ, шепчутся и смѣются надъ нею. Вотъ и эта *Снѣгурочка*, которая стоитъ въ ледяномъ гротѣ и продаетъ шампанское, она тоже смѣется надъ нею.

Нарядъ *Снѣгурочки* какъ-то хитро былъ сдѣланъ изъ бѣлаго тюля, пуха и стекляруса. При каждомъ движеніи онъ мелодично шуршалъ, сверкалъ и переливался огнями. *Снѣгурочка* была очень эффектна въ своемъ нарядѣ. Она ежеминутно двигалась и, увидавъ Ирочку, громко спросила:

— Кто это такая?

Ирочка ускорила шаги. Конечно, она спрашиваетъ, чтобы посмѣяться надъ нею. Зачѣмъ она сюда пришла?

Ирочка сдѣлала нѣсколько шаговъ и невольно остановилась, пораженная красотой и нарядомъ высокой блондинки, одѣтой *Лиліей*. Ея платье «принцессъ» изъ бѣлаго бархата было расписано болотною зеленью. Длинные листья лиліи поднимались снизу до верху и кончались у воротника «медичи», который представлялъ собою какъ бы чашечку лиліи съ загнутыми лепестками. На головѣ красавицы дрожали золотыя тычинки. Это была графиня Генрихова, жена приморскаго предводителя дворянства. Она шла, какъ королева, окруженная толпой придворныхъ. Ирочка порѣшила, что

если бы даже она сама назначала награды за костюмы, то первую премію выдала бы графинѣ Генриховой. И еще грубѣе показался ей ея нарядъ съ открытыми руками и ногами.

Она двигалась въ пестрой толпѣ изъ комнаты въ комнату, восхищаясь многими костюмами и какъ бы пьянѣя отъ этого зрѣлища. Войдя въ одну изъ залъ, она увидѣла дочь попечителя учебнаго округа, Нину Бутовскую, и невольно прошептала:

— Какая прелесть!

Молодая дѣвушка, съ свѣтлыми голубыми глазами, была одѣта *Весной*. Ея блѣдно-розовое платье изъ фая съ пышными тюлевыми воланами красиво охватывало тонкую талію. Въ воланахъ, какъ бы случайно попавъ, висѣли подснѣжники. Платье кончалось изящнымъ камзольчикомъ съ острымъ разрѣзомъ сзади. На плечахъ сидѣли ласточки и при всякомъ движеніи качались, какъ бы готовыя вспорхнуть. Къ хорошенькому розовому личику Нины Бутовской очень шелъ этотъ нарядъ. Она была мила, чувствовала это, улыбалась счастливою улыбкой и дѣйствительно напоминала собой раннюю весну.

Поражаясь на каждомъ шагу красотой, богатствомъ, изяществомъ и оригинальною выдумкой костюмовъ, Ирочка все больше и больше убѣждалась, что ей не слѣдовало являться на этотъ роскошный балъ.

Солончаковъ ввелъ ее въ полукруглую комнату, расписанную цвѣтами и листьями винограда. Кругомъ толпились мужчины. Посрединѣ комнаты стояла огромнаго роста пожилая дама въ простомъ крестьянскомъ платьѣ и знаменитая красавица Приморска—гречанка Раша. Ирочка нѣсколько разъ видѣла Рашу, но всегда издали, и теперь не узнала ее. Это была ослѣпительной красоты женщина, съ черными, какъ уголь, глазами. На ней было темно-лиловое бархатное платье, безъ оборокъ, безъ всякихъ украшеній, а только перехваченное широкою полосатою лентой. Широкіе рукава открывали до локтей нѣсколько полныя, но точно изъ мрамора выточенныя руки. Короткій корсажъ съ кружевнымъ воротникомъ заканчивалъ весь нарядъ. Ни на шеѣ, ни въ волосахъ не было никакого украшенія. Только въ рукахъ гречанка держала легкую мандолину, замѣнявшую ей вѣеръ. Зачѣмъ она держала мандолину, Ирочка сразу не догадалась, но, присмотрѣвшись, поняла своимъ женскимъ чутьемъ, что мандолина сообщала красавицѣ особую, неуловимую прелесть. «Конечно, ей надо выдать первую премію,—подумала Ирочка.—Какъ все просто и съ какимъ вкусомъ!» Ирочка любовалась и не могла наглядѣться на красавицу. И только когда

Раша, почувствовавъ на себѣ пристальный взглядъ, подняла на Ирочку свои сверкающіе глаза, она сконфузилась и отошла въ сторону.

Въ это время пожилая дама въ крестьянскомъ нарядѣ окликнула Солончакова. Онъ почтительно раскланялся. Это была популярная княгиня Славицкая, пользовавшаяся въ Приморскѣ особымъ вниманіемъ за свои странности, добродушіе и независимость. У нея было широкое русское лицо, съ бѣлыми волосами, начесанными на виски. Она опиралась на палку съ каучуковымъ наконечникомъ. Замѣтивъ Ирочку, княгиня спросила пѣвучимъ народнымъ выговоромъ:

— Кто эта милашка?

Солончаковъ представилъ Ирочку княгинѣ. Старуха посмотрѣла на нее и похвалила костюмъ. Ирочка, знавшая по слухамъ княгиню Славицкую, краснѣла и конфузилась.

— Милая моя, кто вамъ дѣлалъ костюмъ? Бланшетъ или Лефоржъ?—спросила ласково княгиня.

Ирочкѣ сдѣлалось неловко, что ни Бланшетъ, ни Лефоржъ не принимали участія въ ея костюмѣ. Въ головѣ ея мелькнула мысль сказать, что костюмъ присланъ изъ Петербурга. Но тутъ стоялъ Солончаковъ и зналъ отчасти исторію костюма. Собравшись съ мужествомъ, Ирочка сказала, что костюмъ дѣлала одна знакомая дама.

— Но по рисункамъ извѣстной художницы, — добавила она какъ бы въ оправданіе, что дѣло обошлось безъ Бланшетъ и безъ Лефоржъ.

Княгиня еще разъ похвалила костюмъ и, узнавши, что Ирочка первый разъ на балѣ, представила ей нѣсколькихъ молодыхъ людей, подзывая ихъ по именамъ: «Ѳеденька», «Петруша» и проч. Ирочка, съ трепетомъ выслушивая громкія фамиліи, въ смущеніи отвѣчала и давала согласіе на танцы.

Но постепенно она начала овладѣвать собою. Похвалы и вниманіе княгини Славицкой подбодрили ее. Встрѣтились знакомые: Козубскіе, владѣлецъ аптекарскаго магазина Станиславскій, студенты Пивнѣевъ, Шардильянцъ и др. Всѣ восхищались ея костюмомъ и предсказывали ей успѣхъ. Ирочка вспыхивала румянцемъ и повторяла:

— Что вы, что вы! Перестаньте, пожалуйста!

Глаза ея заискрились, миловидное личико съ полуоткрытыми губами одушевилось. Ирочка чувствовала, что она хорошѣетъ и точно выростаетъ постепенно. Шепотъ и взгляды, бросаемые на

нее, уже не оскорбляли Ирочку, а доставляли ей пріятное волненіе. Живая, легкая бесѣда съ новыми знакомыми дѣйствовала на Ирочку, какъ шампанское. Она все болѣе оживлялась и входила въ роль Діаны.

Въ одиннадцатомъ часу поднялся пурпурный занавѣсъ въ концертной залѣ, и на небольшой эстрадѣ медленно потянулись разодѣтыя дамы въ фантистическихъ нарядахъ.

Когда въ началѣ вечера Ирочкѣ сказали, что всѣмъ, претендующимъ на полученіе преміи, придется проходить по эстрадѣ для того, чтобы публика могла составить ясное представленіе о всѣхъ костюмахъ, то она рѣшительно заявила, что ни за что не появится на подмосткахъ, ни за какія блага. Она и не думаетъ претендовать на премію. Но теперь ей захотѣлось общаго вниманія, шума, грома. На нее нашла смѣлость. Она взяла подъ руку Солончакова и смѣло направилась къ эстрадѣ.

Но, вошедши на подмостки и очутившись въ яркомъ кругу, на который были направлены сотни глазъ, Ирочка почувствовала такое ощущеніе, какъ будто ее посадили въ теплую ванну. Огромная зала завертѣлась въ ея глазахъ и уменьшилась до величины нѣскольких аршинъ, дальше которыхъ она ничего не видѣла. Она быстро прошла черезъ эстраду, безсознательно закругливъ голую руку и волоча по полу красиво ниспадавшую шкуру леопарда. Ея молодая и гибкая, какъ лоза, фигура, полная жественности, эффектно вырисовывалась на задрапированной стѣнѣ, а небольшая красивая головка съ гладкою греческою прической, открытыя ноги съ ласкающими глазъ линіями и благородная простота греческаго наряда,—все это замѣтно выдѣлило Ирочку, какъ нѣчто сказочное, полузабытое и поэтически-красивое. Въ концѣ залы даже захлопали, хотя апплодировать въ это время было не принято. Но Ирочка ничего не слышала, ничего не видѣла.

Быстро сбѣжавши по ступенькамъ, она прошла въ одну изъ гостиныхъ и почти упала въ кресло. Лицо ея горѣло. Только теперь ей стало до слезъ стыдно и за свой костюмъ, и за свою развязность на эстрадѣ. Возлѣ Ирочки, какъ изъ земли, выросло нѣсколько изящныхъ молодыхъ людей, которые наперерывъ старались овладѣть ея вниманіемъ. Но ей больше всѣхъ понравился стройный Петлищевъ, чиновникъ особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ. Онъ предлагалъ ей чѣмъ-нибудь прохладиться, и она попросила лимонной воды. Но ей не хотѣлось отпускать отъ себя и другихъ. И каждому она старалась улыбнуться какъ можно привлекательнѣе и сказать что-нибудь пріятное. Они всѣ такіе милые! По-

казалась монументальная фигура княгини Славицкой. Она приблизилась къ Ирочкѣ и сказала благожелательно:

— Ну, милая, пускай меня назовутъ старою бабой, если сегодня *Діана* не одержитъ побѣду!

— Ахъ, что вы, княгиня! — пробормотала Ирочка и почувствовала, какъ краска залила ей щеки, шею, плечи и даже какъ будто потекла по складкамъ хитона.

Это смущеніе очень понравилось княгинѣ и она замѣтила съ улыбкой:

— Сколько бы дали наши барыни, чтобы нарядиться въ ваше смущеніе, милая!

Мужчины засмѣялись, но мягко и прилично. Княгиня сказала Ирочкѣ еще нѣсколько любезностей и пригласила къ себѣ. Этой чести удостоивались немногіе. И фонды пьянѣющей отъ похвалъ Ирочки сразу поднялись.

Она сидѣла въ широкомъ креслѣ и обмахивалась отъ волненія вѣеромъ. Она хотя и щебетала весело съ Петлищевымъ и другими, однако, душа ея и всѣ помышленія были *тамъ*, въ залѣ, гдѣ въ это время уже происходили выборы «царицы», т.-е. отбирались голоса относительно лучшихъ костюмовъ. Княгиня своими похвалами вскружила голову Ирочкѣ. Она горѣла вся, томилась и старалась показать, что все это происходитъ съ нею, въ сущности, отъ жары, а не отъ чего другого.

Къ ней быстро подошелъ студентъ Шардильянцъ и, нагнувшись, скороговоркой произнесъ:

— За *Діану* уже 112 голосовъ... а никто не имѣетъ еще и 80... Вы получите пальму первенства.

Хотя эта вѣсть была для Ирочка сладостнѣе всякой музыки, но она слегка откинулась отъ раскраснѣвшагося Шардельянца и слушала его съ улыбкой снисходительности. Онъ шокировалъ ее своими манерами. Но Шардильянцъ, забывая, очевидно, въ какомъ блестящемъ обществѣ онъ находится, продолжалъ говорить тѣмъ же тономъ и фамильярно размахивалъ руками. Ирочка нашла необходимымъ какъ бы обдать его холодною водой и замѣтила:

— Право, мосье Шардильянцъ, меня это вовсе не такъ занимаетъ, какъ вы думаете.

Шардильянцъ смѣшался и ушелъ.

Черезъ нѣсколько минутъ къ Ирочкѣ приблизился Солончаковъ и весело заявилъ, что поле битвы остается пока за *Діаной*, *Лиліей* и *Мандолиной*. Остальныя же всѣ далеко отстали и

имѣютъ незначительное число голосовъ. Сказавши это, Солончаковъ ушелъ обратно.

Ирочка продолжала говорить съ Петлищевымъ тѣмъ же тономъ, безпрестанно улыбаясь и обмахиваясь, но извѣстіе Солончакова повергло ее въ уныніе. Она уже не сомнѣвалась, что премію получитъ гречанка Раша или графиня Генрихова. Голоса подавались посредствомъ купоновъ, находившихся при билетахъ. Ирочкѣ еще раньше объяснили, что у кого больше знакомыхъ, на сторонѣ того больше и шансовъ получить премію, а въ виду того, что у гречанки Раши и у графини Генриховой было множество знакомыхъ, то, значитъ, ей нечего и думать о преміи. И какъ только Ирочка пришла къ этому заключенію, все ея волненіе исчезло и замѣнилось горечью въ душѣ.

— Мадмуазель Вишневская!—раздался въ дверяхъ бархатный баритонъ.

Ирочка обернулась и увидѣла высокаго, представительнаго господина съ просѣдью въ волосахъ. Онъ былъ во фракѣ, со звѣздою. Сзади него надвигалась толпа. Это былъ предводитель дворянства, графъ Генриховъ, одинъ изъ старшинъ дворянскаго клуба. Онъ приблизился къ Ирочкѣ и сказалъ почтительно:

— Приморское дворянское собраніе, согласно волѣ своихъ дорогихъ гостей, имѣетъ честь объявить васъ, милостивая государыня, царицей бала и почтительнѣйше проситъ принять этотъ сувениръ, какъ слабую дань общаго восторга и уваженія.

И, протянувши Ирочкѣ драгоцѣнный вѣеръ, графъ Генриховъ подалъ ей руку, чтобы вести. Ирочка поднялась и чуть не упала отъ волненія. У нея закружилась голова. Она ткнула Петлищеву лукъ съ стрѣлою, машинально взяла вѣеръ и пошла подъ руку съ графомъ Генриховымъ.

Но Боже, что это такое?... Что съ ней дѣлаютъ?... Ее ведутъ на эстраду... Она на эстрадѣ... одна... Музыка играетъ тушъ... Раздается громъ рукоплесканій... У Ирочки сжимается горло, она дѣлаетъ усилія, чтобы не разрыдаться... Графъ Генриховъ подаетъ ей руку, сводитъ съ эстрады... Оркестръ играетъ ритурнель и она открываетъ балъ.

VIII.

Въ четыре часа утра Ирочка вернулась съ бала. Лизавета Григорьевна ждала ее и встрѣтила въ передней. Взглянувъ на Ирочку, она сразу поняла, что съ нею произошло что-то необыкновенное.

И дѣйствительно, это была уже другая Ирочка. Бросивъ ротонду на полъ и размахивая драгоцѣннымъ вѣеромъ, она вбѣжала въ комнату веселая и возбужденная. Отъ нея вѣяло морозною свѣжестью и пахло шампанскимъ.

— Ирочка, вы пьяны?—воскликнула Лизавета Григорьевна.

— Пьяна, тетя Лиза, только не отъ вина, а такъ вообще... Ахъ, тетя, какъ хороша жизнь!

И Ирочка начала разсказывать всѣ свои впечатлѣнія. Лизавета Григорьевна, любуясь вѣеромъ, жадно слушала ее. Она сѣла на диванъ, поджала подъ себя ноги и только иногда вставляла бѣглыя характеристики, когда произносилась знакомая фамилія. Всѣ впечатлѣнія до полученія преміи Ирочка хорошо помнила и передавала связно. Но послѣ момента, когда она очутилась на эстрадѣ при громѣ аплодисментовъ, впечатлѣнія ея спутывались. Въ памяти остался какой-то цвѣтной пучокъ именъ, восторговъ, похвалъ, ощущеній...

Она открыла балъ... закружилась... понеслась... точно на крыльяхъ... Она чувствовала себя существомъ особеннымъ, какъ бы не отъ сего міра... Она вызывала вокругъ восторги и поклоненія... Передъ нею разступались... За нею слѣдовала толпа почитателей... Это было что-то упоительное, сказочное... Она перезнакомилась со всѣми аристократами... Въ честь ея былъ ужинъ, за которымъ лилось шампанское... За ея здоровье пили, произносили рѣчи... Она танцовала съ первыми кавалерами Приморска: съ Ломаковскимъ, графомъ Толстымъ, Бандичемъ и другими...

— Съ какимъ Бандичемъ?—нахмурившись, спросила Лизавета Григорьевна.

— У него странное имя...

— Вадимъ?

— Да, Вадимъ... Вадимъ Борисовичъ.

— Это—чортъ!

— Какъ «чортъ»?—спросила съ удивленіемъ Ирочка.

— Настоящій чортъ—безъ души, безъ сердца, безъ Бога. Для него ничего нѣтъ святого. Сколькихъ женщинъ онъ уже погубилъ. А тѣ, дуры, какъ мухи, къ нему льнутъ.

— Тетя Лиза, это, должно быть, не тотъ Бандичъ.

— Какъ же не тотъ? Вадимъ, вѣдь? Кто-жъ его не знаетъ, хотя онъ и наѣздомъ всегда въ Приморскѣ, вродѣ пирата.

— Тетя Лиза, вы ошибаетесь. Бандичъ—воплощенная скромность и простота.

— Но, все-таки, отъ этой «простоты» не мѣшаетъ вамъ быть

подальше. И я очень рада, что ваше знакомство ограничится вчерашнею встрѣчей.

— Напротивъ, я бы очень хотѣла еще встрѣтиться съ нимъ. Онъ такой выдержанный, умный... Если бы вы слыхали, тетя Лиза, какую онъ милую рѣчь сказалъ за ужиномъ! Всѣ были въ восторгѣ... Да онъ вовсе и не похожъ даже на Донъ-Жуана. Онъ слишкомъ серьезенъ для этого... Вотъ Петлищевъ, это — огонь! Этого можно бояться. Но не мнѣ, конечно. Вѣдь, я — «Юнгфрау», какъ меня называлъ Матовъ.

И неожиданно Ирочка перескочила на прелести большого свѣта, гдѣ столько блеска, тонкаго ума и изящества.

А сколько было шума и зависти, когда она получила премію! Ужасъ! Волошина сейчасъ же уѣхала... Сію минуту. Ратнѣева тоже... Баронесса Клосбергъ тоже. А графиня Генрихова и Нина Бутовская... какія онѣ милыя! Но кто безподобенъ, это—княгиня Славицкая. Она безъ ума отъ княгини.

Позднее зимнее утро забрезжило сквозь щели окна, когда Ирочка и Лизавета Григорьевна разошлись по своимъ комнатамъ,—одна упоенная и какъ бы изнемогающая отъ радостныхъ впечатлѣній, другая же молчаливая и задумчивая, словно услыхавшая непріятную новость.

Лизавета Григорьевна всегда просыпалась рано, но на другой день послѣ бала встала поздно. Разставшись съ Ирочкой, она долго еще ворочалась въ постели. Что-то мутило и угнетало ея душу. Проснулась она отъ голоса Вазенцева, который барабанилъ въ дверь Ирочки.

— Божественная!... Ирина Сергѣевна!... Богиня Діана!... Вы скоро встанете?

Вазенцевъ умолкъ, прислушиваясь къ отвѣту. Черезъ минуту онъ опять заговорилъ съ остановками:

— Къ вамъ петиція... Что?... Отъ скромныхъ представителей дома вдовы Зайцевой, что въ Красномъ переулкѣ... Серьезно... Сынъ штабсъ-капитана Павелъ Сусловъ, воспитанникъ 2-й приморской гимназіи Егоръ Тупицынъ и вашъ покорный слуга... Мы прочитали въ газетахъ... Да, напечатано... Клянусь небомъ и звѣздами... Что?... Нѣтъ, не дамъ... одѣвайтесь Діаной, выходите и вмѣстѣ будемъ читать... Скорѣе же!

И, отошедши отъ дверей, Вазенцевъ сказалъ тихо Суслову и Егорушкѣ, стоявшимъ въ корридорѣ:

— Согласна... Мигомъ!

Послышалась бѣготня по комнатамъ и возня въ гостиной. К[illegible]а

черезъ полчаса Лизавета Григорьевна вошла туда съ кофейникомъ, то увидѣла на мѣстѣ, гдѣ всегда сидѣла Ирочка, большой ящикъ, на ящикѣ старое огромное кресло, задрапированное бѣлою простыней, на которой древеснымъ углемъ были сдѣланы какіе-то хвостики.

— Тронъ для богини Діаны, съ горностаевыми принадлежностями,—пояснилъ тихо Вазенцевъ.

Егорушка надрывался отъ смѣха. Лизавета Григорьевна налила кофе и крикнула черезъ комнату:

— Ирочка, вы придете сюда или вамъ прислать кофе?

— Я сію минуточку, тетя Лиза! Дядя Гриша просилъ, чтобъ я надѣла костюмъ Діаны, — послышался нѣсколько сиплый голосъ Ирочки.

Мужчины переглянулись.

Черезъ нѣсколько минутъ, слегка конфузясь, вошла Ирочка въ костюмѣ Діаны и остановилась у двери.

— Ну, вотъ, видите... Довольны?

— Дайте же насладиться зрѣлищемъ,—говорилъ просительно Вазенцевъ и, взявъ ее за руку, понукалъ войти въ комнату. Она упиралась и сказала:

— Гдѣ же газеты? Дайте прочитать.

— Потомъ, небожительница, потомъ... Еще успѣете. А теперь садитесь вотъ здѣсь.

Ирочка отшатнулась отъ бѣлаго кресла.

— Что это такое?

— Паша хочетъ васъ снять въ костюмѣ Діаны. А это какъ бы горностаевый фонъ. Такъ всегда снимаютъ. Это ужъ традиція такая. Паша, готовь же, голубчикъ, скорѣе аппаратъ!... Отличное освѣщеніе! Словно солнце спеціально для васъ заглядываетъ сюда... Не задерживайте же,—говорилъ дѣловымъ тономъ Вазенцевъ, усаживая Ирочку въ кресло.

Ей понравилась идея фотографировать ее въ костюмѣ Діаны, и она жеманно сѣла.

Вазенцевъ выразительно поднялъ руку.

Раздались нестройные звуки персидскаго марша. Сусловъ забасилъ въ трубу, сдѣланную изъ газеты. Егорушка пронзительно завизжалъ на гребешкѣ, приложивъ къ нему папиросную бумагу, и бряцалъ бутылкой, въ которой торчали двѣ чайныхъ ложечки. Вазенцевъ, въ видѣ дирижера, мѣрно и торжественно размахивалъ рукою. Мушка завертѣлась и завыла съ отчаяніемъ. Въ общемъ получилось нѣчто хаотическое. Елизавета Григорьевна закрыла уши.

Ирочка вначалѣ смѣялась, но потомъ обидѣлась. Это издѣвательство надъ нею. Она встала съ кресла и пересѣла на стулъ.

— Тетя Лиза, дайте мнѣ, пожалуйста, кофе!

Вазенцевъ сдѣлалъ знакъ молчанія и прошепталъ, какъ бы умиленный:

— Силянсъ!... Богиня вѣщаетъ!

Ирочка взяла сухарь и обмакнула въ кофе.

— Тсс!... Богиня вкушаетъ амброзію!

Ирочка бросила сердитый взглядъ.

— О, горе намъ! Богиня гнѣвается!

Ирочка взяла стаканъ съ кофе и поднялась.

— Богиня встаетъ... Богиня идетъ... Музыканты, флейтщики! Звените струны, лейтесь звуки!—возглашалъ призывно Вазенцевъ.

И опять послышалась отчаянная музыка.

Ирочка разсердилась.

— Какъ это глупо и тупо!

Оркестръ грянулъ фортиссимо. Мушка взвыла сильнѣе.

На порогѣ появился Сенька съ встревоженнымъ лицомъ и замахалъ руками. Оркестръ умолкъ. Въ пылу увлеченія никто не слыхалъ звонка. Между тѣмъ, пріѣхалъ какой-то офицеръ, спрашиваетъ барышню и ждетъ въ передней. Ирочка взяла карточку и ахнула:

— Боже мой, Петлищевъ пріѣхалъ! Онъ все слышалъ... Тетя Лиза, что же дѣлать?

Лизавета Григорьевна посовѣтовала, прежде всего, не волноваться и принять Петлищева въ гостиной. Разговоръ велся въ полголоса. Ирочка указала глазами на кресло, задрапированное простыней, и прошептала съ ужасомъ:

— А это!

— Это можно поскорѣе убрать. Егорушка, Павелъ Николаевичъ, уберите, пожалуйста, все это поскорѣе!

Но они отказались. Съ какой стати? Они не лакеи. Сусловъ же еще заявилъ, что они будутъ привѣтствовать музыкой появленіе *Марса*. Лизавета Григорьевна съ Вазенцевымъ и Сенькой торопливо убрали кресло. Ирочка черезъ дверь попросила Петлищева подождать, пока она переодѣнется, и, перекинувъ черезъ руку шкуру леопарда, проскользнула въ свою комнату.

Петлищеву пришлось долго ждать Ирочку. Горя нетерпѣніемъ узнать, что напечатано о ней въ газетахъ, она послала Сеньку на мужскую половину за газетой. Сенька принесъ газету, но именно то мѣсто, которое интересовало ее, было вырѣзано. Ирочка воз-

мутилась. Ей захотѣлось скомкать газету и бросить Суслову въ лицо. Навѣрное, это онъ сдѣлалъ такую гадость. О, какъ же она отомститъ имъ всѣмъ! Они будутъ ее помнить! И, мысленно уничтожая Суслова, Ирочка прихорашивалась передъ зеркаломъ. Но статья о вчерашнемъ балѣ не выходила изъ ея головы. Что тамъ сказано о ней? Хоть мелькомъ бы взглянуть. Напечатана ея фамилія? Описанъ ея нарядъ? Ирочка не выдержала и послала Сеньку купить обѣ приморскія газеты.

Сенька принесъ *Приморскій Листокъ* и *Приморскій Вѣстникъ*. Ирочка поспѣшно развернула *Приморскій Листокъ*. Въ отдѣлѣ мѣстной хроники было напечатано нѣсколько словъ о балѣ и глухо сказано о ней, причемъ ея иниціалы перепутаны: вмѣсто «И. С. В.», стояло: «В. И. В.», что могло означать и Варвару Ивановну Волошину. Это раздосадовало Ирочку. Разумѣется, ей все равно. Но почему такая небрежность? И какъ она была права, что всегда недовѣрчиво относилась къ литераторамъ!

Въ *Приморскомъ Вѣстникѣ* не было ни слова о балѣ. Это еще болѣе разозлило Ирочку. Курьезные, право, эти господа-журналисты! Вѣчно толкуютъ о томъ, что стоятъ на стражѣ общественныхъ интересовъ, а, между тѣмъ, наполняютъ столбцы газетъ всякою чепухой, о томъ же, что представляетъ жгучій интересъ для всего города, не говорятъ ни слова. И, рѣшивши при встрѣчѣ съ провизоромъ Станиславскимъ, который имѣлъ связи въ газетномъ мірѣ, отдѣлать хорошенько пишущую братію, Ирочка застегивала свое любимое темно-синее платье съ широкимъ матросскимъ воротникомъ.

Безъ привычки къ такимъ высокопоставленнымъ посѣтителямъ, какъ Петлищевъ, Ирочка нѣсколько волновалась, входя въ гостиную. Петлищевъ пошелъ ей на встрѣчу и, подавши роскошный букетъ, поцѣловалъ руку. Ирочка не привыкла къ этому и смутилась. Но, не желая показаться невоспитанной, руки своей не отняла. Отъ букета она была въ восторгѣ и восхищалась имъ съ такою дѣтскою искренностью, что Петлищевъ сейчасъ же расцѣловалъ ее мысленно. Ирочка сѣла на диванъ и указала Петлищеву мѣсто около себя. Петлищевъ сѣлъ. Отъ него повѣяло ея любимыми духами «геліотропомъ». Петлищевъ былъ стройный молодой человѣкъ, съ выразительнымъ, живымъ лицомъ и небольшими усиками, въ видѣ стрѣлочекъ. Глаза его свѣтились юморомъ и удалью. Онъ наклонился къ Ирочкѣ и съ улыбкой проговорилъ:

— Я къ вамъ, Ирина Сергѣевна, въ качествѣ оффиціальнаго лица по распоряженію моего начальства, княгини Славицкой.

Ирочка весело вскинула на него глаза и припала лицомъ къ букету.

— Развѣ ваше начальство княгиня Славицкая, а не генералъ-губернаторъ?

— При генералъ-губернаторѣ я дѣйствительно числюсь, но состою собственно при Варварѣ Аркадьевнѣ, какъ и весь нашъ штатъ.

Ирочкѣ понравился этотъ шутливый тонъ и, желая поддержать его, она спросила:

— Въ чемъ же заключается распоряженіе вашего начальства?

— Я командированъ къ вамъ въ качествѣ ординарца для сопровожденія сегодня на вечеръ къ Варварѣ Аркадьевнѣ.

Ирочка заволновалась.

— Я не могу, нѣтъ... Мнѣ даже и не въ чемъ ѣхать... т.-е. у меня не готово платье.

Петлищевъ слушалъ Ирочку съ улыбкой.

— Вы, конечно, шутите, Ирина Сергѣевна?

— Нѣтъ, совершенно серьезно.

— Но развѣ можетъ быть что-нибудь очаровательнѣе наряда Діаны?

— Какъ, чтобъ я поѣхала на вечеръ къ княгинѣ одѣтая Діаной? Ни за что! — произнесла возбужденно Ирочка, вспоминая давешній концертъ.

Петлищевъ сдѣлалъ серьезное лицо.

— Я не смѣю настаивать. Но вы этимъ очень огорчите и даже, скажу прямо, обидите Варвару Аркадьевну.

— Чѣмъ же? Я не понимаю.

— Съ давнихъ поръ заведено, что на другой день, послѣ костюмированнаго бала, у Варвары Аркадьевны бываетъ вечеръ при участіи только избранныхъ лицъ. Вчерашняя «царица» какъ бы заканчиваетъ сегодня свое царствованіе. Въ прошломъ году была г-жа Раша, въ позапрошломъ графиня Генрихова и т. д. Вы первая нарушите этотъ обычай.

Ирочка сидѣла въ волненіи. Ея молодая грудь вздымалась и какъ бы рвалась изъ тѣснаго корсета. Петлищевъ смотрѣлъ на нее плотоядными глазами и мысленно обнималъ Ирочку. Какъ хороша эта дѣвушка! Въ ней есть что-то особенное, что-то *весеннее*, чего нѣтъ ни у одной изъ приморскихъ красавицъ.

А Ирочка думала: она еще разъ будетъ предметомъ общаго вниманія, еще разъ пронесется Діаной въ музыкальномъ вихрѣ вальса и соберетъ вокругъ себя толпу восторженной знати... О. ради

такихъ минутъ стоитъ примириться съ жизнью, со всѣми непріятностями и даже съ Сусловымъ! Она презираетъ ихъ жалкія шутки!

И она изъявила согласіе ѣхать на вечеръ. Петлищевъ, какъ бы не ожидавшій отъ нея такой милости, взялъ ея руку и въ избыткѣ благодарности горячо поцѣловалъ нѣсколько разъ. Ирочкѣ это не понравилось. Но опять, не желая показаться этому блестящему офицеру невоспитанной и не знающей свѣтскихъ обычаевъ, она не выразила неудовольствія. Петлищевъ хмѣлѣлъ отъ присутствія молодой дѣвушки и становился все смѣлѣе. Онъ придвинулся къ Ирочкѣ. Его колѣни касались ея платья.

Въ корридодѣ, который велъ въ мужскую половину, послышались шаги. Ирочка насторожилась. Неужели у *нихъ* хватитъ духу явиться теперь сюда? И какъ она должна поступить? Знакомить ихъ съ Петлищевымъ или нѣтъ? Тяжелые шаги приблизились. Отворилась дверь и вошелъ Сусловъ. Онъ былъ въ ботфортахъ, въ пальто съ поднятымъ воротникомъ и съ толстою суковатою палкой. Петлищевъ, нѣсколько сконфуженный, привсталъ и поклонился. Сусловъ, не обращая на него никакого вниманія, молча зашагалъ черезъ комнату и скрылся. Вслѣдъ за Сусловымъ появился Егорушка въ какой-то жалкой шубенкѣ и валенкахъ. Онъ, видимо, хотѣлъ пройти черезъ комнату такъ же побѣдоносно, какъ Сусловъ, но у него это не вышло. Онъ сконфузился и прошмыгнулъ зайцемъ въ переднюю. Ирочка негодовала и чуть не плакала. Какое безстыдство! Петлищевъ, замѣтившій смущеніе Ирочки, сдѣлалъ видъ, что не понялъ выходки, и заговорилъ такимъ тономъ, какъ будто ничего не произошло.

Въ передней послышался звонокъ. Сенька принесъ карточку члена управы Козубскаго, который желалъ видѣть Ирочку. Въ другое время она засуетилась бы и бросилась въ переднюю. Но послѣ того, какъ въ нѣкоторомъ родѣ спеціально для нея дѣлаетъ вечеръ княгиня Славицкая, а блестящій адъютантъ генералъ-губернатора готовъ быть у ея ногъ, Козубскій можетъ немного и подождать. Наконецъ, и неприлично при Петлищевѣ выражать нетерпѣніе по случаю пріѣзда Козубскаго. Ирочка спокойно положила карточку на столъ и сказала Сенькѣ вялымъ тономъ:

— Проси!

Раскачиваясь, вошелъ Козубскій, взялъ Ирочку за обѣ руки и, потрясая ихъ, сказалъ съ удареніями на «о»:

— Очень радъ, очень радъ!...

Ирочка хотѣла познакомить ихъ, но вдругъ забыла фамилію

Петлищева. Къ счастью, они были знакомы и поздоровались. Не успѣлъ Козубскій разспросить Ирочку о ея здоровьи послѣ вчерашняго «торжества», какъ появился элегантный присяжный повѣренный Бѣлоусовъ, послѣ него молодой графъ Толстой, потомъ Солончаковъ и другіе.

Ирочка размѣнивалась любезностями, таяла, вспыхивала, путала при знакомствѣ фамиліи и была на седьмомъ небѣ. Домъ вдовы Зайцевой еще никогда не вмѣщалъ въ себѣ такого блестящаго собранія. Когда Сенька подалъ цвѣтную карточку Станиславскаго, изъ-за котораго давеча вышла исторія съ фотографіей, то Ирочка даже подумала: принимать ли и его? И, смилостивившись надъ своимъ вѣрнымъ рыцаремъ, который всегда былъ къ ней такъ великодушенъ относительно мыла, духовъ и проч., приказала Сенькѣ впустить въ святилище и Станиславскаго. Небольшая комната была полна гостей.

Сенька принесъ еще одну визитную карточку, на которой было напечатано славянскимъ шрифтомъ:

Яковъ Семеновичъ Милордъ
(д'Артаньянъ).
Сотрудникъ «Приморскаго Листка» и столичныхъ изданій.

Ирочка никогда не слыхала о Милордѣ. Но кто же не зналъ въ Приморскѣ д'Артаньяна, неутомимаго и безпощаднаго обличителя всякихъ приморскихъ несовершенствъ? Что хочетъ отъ нея этотъ ужасный человѣкъ? Зачѣмъ онъ явился? Не принять его нельзя, но и принять опасно. Онъ еще опишетъ ее и всю обстановку. Вѣдь, онъ безпощадный. «Перо его местію дышетъ»,—вспомнила Ирочка отзывъ о немъ Вазенцева. Не зная, какъ поступить, она попросила у гостей извиненія и побѣжала къ Лизаветѣ Григорьевнѣ, чтобы разрѣшить этотъ щекотливый вопросъ.

Лизавета Григорьевна посовѣтовала принять д'Артаньяна, но отдѣльно, у нея въ комнатѣ.

Богъ знаетъ, съ какими цѣлями онъ пришелъ?

Ирочка не безъ страха подумала о свиданіи съ д'Артаньяномъ. Въ ея воображеніи рисовалась грозная фигура съ косматою головой и горящими глазами. Лизавета Григорьевна согласилась присутствовать при свиданіи. Ирочка успокоилась и приказала Сенькѣ привести знаменитаго посѣтителя.

Вошелъ небольшого роста, рыженькій господинъ, близорукій, съ золотымъ пенснэ на носу. Онъ былъ въ легкомъ замѣшательствѣ и однимъ ухомъ какъ бы тянулся въ залу, гдѣ сидѣли гости. Проходя мимо, онъ услыхалъ фразу, которая сильно его

заинтересовала. Черезъ минуту, однако, Милордъ вполнѣ овладѣлъ собою и съ изысканною вѣжливостью приступилъ къ цѣли своего посѣщенія. Онъ назвалъ Ирочку по имени-отчеству, прежде всего, выразивъ ей искреннее и глубокое сожалѣніе отъ редакціи *Приморскаго Листка* за досадную опечатку, которая завтра будетъ исправлена. Въ настоящее же время онъ, «скромный газетный труженикъ», явился къ ней съ просьбою—подѣлиться нѣкоторыми свѣдѣніями относительно ея «побѣдоносно-изящнаго наряда, о которомъ въ *Приморскомъ Листкѣ* имѣетъ быть цѣлая статья». При этомъ, какъ бы въ оправданіе своей «эстетической любознательности», восхищенный журналистъ добавилъ, обращаясь къ Лизаветѣ Григорьевнѣ, что весь Приморскъ—«отъ вельможи до простолюдина»—говоритъ о костюмѣ Ирины Сергѣевны.

Ирочка съ удовольствіемъ слушала талантливаго автора *Приморскихъ изъяновъ*. Она была въ восхищеніи отъ сказаннаго. Какой онъ милый, право! Нѣтъ, литераторы очень отзывчивый народъ. Давеча она была несправедлива къ нимъ. И, въ знакъ своей благосклонности къ приморской прессѣ, Ирочка заявила, что вечеромъ назначено у княгини Славицкой какъ бы продолженіе вчерашняго бала, но будутъ *только избранныя лица*. Вечеръ дѣлается въ честь ея. Печатать, однако, объ этомъ не слѣдуетъ. Д'Артаньянъ выслушалъ это извѣстіе со вниманіемъ, «признательный и благодарный», великодушно замѣтивши, что онъ не ограничится *Приморскимъ Листкомъ*, но напишетъ объ этомъ художественномъ фактѣ и въ столичныя изданія. Ирочка готова была расцѣловать милаго д'Артаньяна, который, спросивъ деликатно разрѣшенія курить, вдругъ перешелъ къ исторіи костюма Діаны: какъ возникла идея костюма и какъ онъ создавался?

Ирочка замялась и посмотрѣла на Лизавету Григорьевну. Неужели надо сообщать всѣ подробности? Это будетъ ужасно! Но Лизавета Григорьевна пришла на помощь и заявила, что идея костюма всецѣло принадлежитъ художницѣ Гранецкой.

— Антонина Степановна Гранецкая. Такъ и можете напечатать,—добавила она, въ надеждѣ, что это можетъ принести какую-нибудь пользу художницѣ.

Записавши все это и отмѣтивши названія нѣкоторыхъ принадлежностей костюма, д'Артаньянъ удалился, сдѣлавъ предварительно попытку раскланяться съ ловкостью истаго мушкатера. Черезъ секунду, однако, онъ просунулъ голову въ дверь и спросилъ изысканно, но съ ноткой безпокойства:

— Извините, пожалуйста, mesdames, за одинъ вопросъ: Предтеченскій уже былъ у васъ?

— Кто онъ такой?

Милордъ сдѣлалъ печальную гримасу:

— Хроникеръ *Приморскаго Вѣстника*.

— Нѣтъ, не былъ. Ахъ, это такой черный, въ очкахъ, всегда подвыпившій?—спросила Ирочка.

Милордъ придалъ лицу такое выраженіе, что хотя ему, молъ, и прискорбно давать о товарищѣ неблагопріятные отзывы, но ради истины чѣмъ иногда не пожертвуешь? Онъ хотѣлъ еще что-то сказать при этомъ, но передумалъ и исчезъ съ поклономъ.

Ирочка стремительно бросилась въ гостиную. Гости хотя и бесѣдовали между собой, но, очевидно, тяготились. Ирочка начала извиняться и разсказала о своемъ свиданіи съ д'Артаньяномъ.

— А къ вамъ собирался и редакторъ *Вѣстника*. Онъ вчера у меня разспрашивалъ о васъ. Въ *Вѣстникѣ* будетъ большая статья по поводу бала,—произнесъ Станиславскій тономъ человѣка, которому вполнѣ доступны всѣ редакціонныя тайны.

— Вы такъ вскружите эту милую головку, что ей уже не захочется въ управу и заглядывать,—замѣтилъ шутливо Козубскій, взявши на правахъ начальства Ирочку за руки.

А у Ирочки дѣйствительно кружилась голова отъ впечатлѣній. О ней будутъ большія статьи въ газетахъ. Весь Приморскъ станетъ говорить о ней. Кромѣ того, д'Артаньянъ напишетъ еще и въ столичныя изданія. Значитъ, и вся Россія прочитаетъ о ней... Сегодня же вечеромъ весь бомондъ Приморска будетъ составлять какъ бы ея свиту... Что-жь тутъ, въ самомъ дѣлѣ, значитъ какая-то управа съ ея IV-мъ отдѣленіемъ?

Гости встали и начали прощаться. Ирочка старалась каждому сказать что-нибудь пріятное. Ей хотѣлось привлечь всѣ сердца на свою сторону, всѣхъ покорить своею добротой. Душа ея была полна умиленія. И какъ бы она была дружна съ Сусловымъ и Егорушкой, еслибъ они не были такъ злы! Но Богъ съ ними; она и имъ все прощаетъ.

П. Сергѣенко.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

КАМО ГРЯДЕШИ?

(QUO VADIS).

Романъ изъ временъ Нерона.

Генрика Сенкевича

I.

Петроній проснулся лишь около полудня и, какъ всегда, очень утомленнымъ. Наканунѣ онъ былъ у Нерона на пиршествѣ, которое затянулось до поздней ночи. Съ нѣкотораго времени его здоровье начало портиться. Онъ самъ говорилъ, что утромъ просыпается точно одеревенѣлый и никакъ не можетъ собрать своихъ мыслей. Но утренняя ванна и тщательное растираніе тѣла, при помощи нарочно приставленныхъ къ этому дѣлу невольниковъ, постепенно ускоряли движеніе его лѣнивой крови, ободряли его, пробуждали, возвращали ему силы, такъ что изъ элаотекія, то-есть изъ послѣдняго отдѣленія бани, онъ выходилъ какъ бы возрожденнымъ, съ глазами, сверкающими остроуміемъ и весельемъ, помолодѣвшимъ, полнымъ жизни, изящнымъ, недосягаемымъ настолько, что самъ Отонъ не могъ сравняться съ нимъ,—настоящимъ, какъ его называли: «arbiter elegantiarum» [1]).

Въ общественныхъ баняхъ онъ бывалъ рѣдко,—развѣ появлялся какой-нибудь возбуждающій всеобщее удивленіе риторъ, о которомъ много говорили въ городѣ, или если въ эфебіяхъ [2]) происходило необыкновенно интересное единоборство. Наконецъ, въ собственной его «инсулѣ» [3]) были бани, которыя знаменитый товарищъ Севера, Целлеръ, расширилъ, перестроилъ и украсилъ съ такимъ необычайнымъ вкусомъ, что самъ Неронъ признавалъ ихъ превосходство надъ цезарскими банями, хотя тѣ были обширнѣе и устроены съ неизмѣримо большею роскошью.

На вчерашнемъ пиру ему надоѣли дурачества Ватинія, а по-

томъ онъ самъ, вмѣстѣ съ Нерономъ, Луканомъ и Сенекой, принималъ участіе въ діатрибѣ, есть ли у женщины душа. Сегодня онъ всталъ поздно и, по обыкновенію, принималъ ванну. Два гиганта бальнеатора [4]) только что положили его на кипарисовую «менсу» [5]), покрытую бѣлоснѣжнымъ египетскимъ биссомъ, и ладонями, омоченными въ благовонномъ маслѣ, начали натирать его статное тѣло, а самъ Петроній съ закрытыми глазами ждалъ, пока тепло лаконика [6]) и рукъ бальнеаторовъ не перейдетъ въ него и не разсѣетъ его утомленія.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ заговорилъ и, открывъ глаза, началъ разспрашивать о погодѣ, а потомъ освѣдомился о геммахъ [7]), которыя ювелиръ Идоменъ обѣщалъ прислать сегодня на-показъ. Оказалось, что погода прекрасная, — съ Альбанскихъ горъ дуетъ легкій вѣтерокъ, а что геммы еще не приносили. Петроній снова сомкнулъ вѣки и отдалъ приказаніе перенести себя въ тепидарій [8]), когда изъ-за занавѣски показался «номенклаторъ» [9]) и объявилъ о приходѣ молодого Марка Виниція, который только что возвратился изъ Малой Азіи.

Петроній приказалъ пригласить гостя въ тепидарій и самъ отправился туда же. Виницій былъ сынъ его старшей сестры, которая когда-то вышла за Марка Виниція, сановника временъ Тиберія. Младшій нынѣ служилъ подъ начальствомъ Корбулона, сражался съ пареянами и, послѣ окончанія войны, возвратился въ городъ. Петроній питалъ къ нему нѣкоторую слабость, граничащую съ привязанностью, потому что Маркъ былъ красивый и атлетически сложенный молодой человѣкъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ развратѣ умѣлъ сохранять извѣстную эстетическую мѣру, а Петроній цѣнилъ это выше всего.

— Привѣтъ Петронію,—сказалъ молодой человѣкъ, быстрыми шагами входя въ тепидарій,—да ниспошлютъ тебѣ всѣ боги удачу въ твоихъ дѣлахъ, въ особенности Асклепій (греческое названіе Эскулапа) и Киприда, — подъ ихъ покровительствомъ ничто дурное не можетъ встрѣтить тебя.

— Радуюсь твоему пріѣзду въ Римъ и да будетъ сладокъ твой отдыхъ послѣ войны,—отвѣтилъ Петроній, освобождая свою руку изъ складокъ мягкой карбассовой ткани, въ которую онъ былъ закутанъ.—Что слышно въ Арменіи? Проживая въ Азіи, не нат[illegible]улся ли ты на Виеинію [10])?

Петроній когда-то былъ проконсуломъ въ Виеиніи и, мало того, управлялъ ею энергично и справедливо. Это составляло странное противорѣчіе съ характеромъ человѣка, прославившаго[illegible] своо-

ею изнѣженностью и пристрастіемъ къ роскоши. Петроній любилъ вспоминать это время,—оно служило доказательствомъ, чѣмъ бы онъ съумѣлъ и могъ быть, еслибъ ему это нравилось.

— Мнѣ случилось быть въ Гераклеѣ, — отвѣтилъ Виниций.— Корбулонъ посылалъ меня туда съ приказомъ собрать подкрѣпленіе.

— Ахъ, Гераклея!... Я зналъ тамъ одну дѣвочку изъ Колхиды, за которую отдалъ бы всѣхъ здѣшнихъ разводокъ, не исключая и Поппеи. Но это старая исторія. Разсказывай лучше, какіе слухи идутъ отъ пареянской границы. Правда, надоѣли мнѣ всѣ эти Вологеесы, Тиридаты, Тиграны и всѣ эти варвары, которые, какъ утверждаетъ молодой Арулами, у себя дома ходятъ еще на четверенькахъ и только лишь въ нашемъ присутствіи притворяются людьми. Но теперь о нихъ много говорятъ въ Римѣ, хотя бы потому, что о чемъ-нибудь другомъ говорить небезопасно.

— Война идетъ плохо, и еслибъ не Корбулонъ, то она могла бы превратиться въ пораженіе.

— Корбулонъ,— клянусь Бахусомъ!— это настоящій божокъ войны, истинный Марсъ: великій вождь, вмѣстѣ съ тѣмъ, человѣкъ горячій, справедливый и глупый. Я люблю его, хотя бы потому, что его боится Неронъ.

— Корбулонъ не глупый человѣкъ.

— Можетъ быть, ты правъ, а, впрочемъ, это все равно. Глупость, какъ говоритъ Пирронъ, ничѣмъ не хуже мудрости и ни въ чемъ отъ нея не отличается.

Виниций началъ разсказывать о войнѣ, но когда Петроній снова закрылъ глаза, молодой человѣкъ, видя его утомленное и отчасти похудѣвшее лицо, перемѣнилъ предметъ разговора и заботливо началъ разспрашивать о его здоровьѣ.

Петроній открылъ глаза.

Здоровье?... Ничего. Онъ не чувствуетъ себя здоровымъ. Правда, онъ не дошелъ еще до того, до чего дошелъ молодой Сиссена, который до такой степени утратилъ сознаніе, что спрашиваетъ, когда его приносятъ утромъ въ баню: «Сижу я или нѣтъ?» Но вообще онъ не былъ здоровъ. Виниций отдалъ его подъ покровительство Асклепія и Киприды. Но онъ, Петроній, не вѣритъ въ Асклепія. Неизвѣстно даже, чей сынъ былъ этотъ Асклепій,—Арсинои или Коронисы, а коли мать неизвѣстна, такъ что же тутъ толковать объ отцѣ? Кто теперь можетъ ручаться даже за собственнаго отца?

Петроній разсмѣялся и продолжалъ:

— Правда, два года тому назадъ я послалъ въ Эпидавръ [11]) двѣ дюжины живыхъ пѣтуховъ и кубокъ золота, но знаешь почему? Я сказалъ себѣ: поможетъ это или не поможетъ, но ни въ какомъ случаѣ не повредитъ. Люди еще рѣшаются приносить жертвы богамъ, но, по моему мнѣнію, всѣ думаютъ такъ же, какъ я,—всѣ, за исключеніемъ развѣ погонщиковъ муловъ, которыхъ путники нанимаютъ у porta Capena [12])! Кромѣ Асклепія, я имѣлъ дѣло и съ асклепіадами [13]), потому что въ прошломъ году захворалъ немного. Они совершали для меня инкубаціи [14]). Я зналъ, что они обманщики, но также говорилъ себѣ: чѣмъ мнѣ это можетъ повредить? Свѣтъ стоитъ на обманѣ, а жизнь—заблужденіе. Душа—это тоже заблужденіе. Но, все-таки, нужно имѣть достаточно разума, чтобъ умѣть отличить пріятныя впечатлѣнія отъ непріятныхъ. Свой гипокаустъ [15]) я приказываю топить кедровымъ деревомъ, посыпаннымъ амброю, потому что благовоніе предпочитаю смраду. Что касается Киприды, которой ты отдалъ меня подъ покровительство, то я ей уже обязанъ настолько, что чувствую колотье въ правой ногѣ. Но вообще это добрая богиня. Думаю, что и ты, раньше или позже, понесешь бѣлыхъ голубей къ ея алтарю.

— Да, — сказалъ Виницій. — Я былъ неуязвимъ для стрѣлъ пароянъ, но стрѣла Амура настигла меня... Самымъ неожиданнымъ образомъ, въ нѣсколькихъ стадіяхъ отъ городскихъ воротъ.

— Клянусь бѣлыми колѣнами Грацій! Разскажи мнѣ это когда-нибудь въ свободныя минуты,—сказалъ Петроній.

— Я и пришелъ собственно просить твоего совѣта,—отвѣтилъ Маркъ. Онъ сбросилъ тунику и вступилъ въ ванну съ теплою водой, потому что Петроній еще раньше предложилъ ему выкупаться.

— Ахъ, я даже не спрашиваю, пользуешься ли ты взаимностью,—сказалъ Петроній, смотря на молодое, словно изваянное изъ мрамора тѣло Виниція.—Если бы Лизиппъ видѣлъ тебя, ты давно бы, подъ видомъ Геркулеса въ его юные годы, украшалъ ворота, ведущія къ Палатину.

Молодой человѣкъ самодовольно улыбнулся и началъ погружаться въ ванну, выплескивая теплую воду на мозаику, представляющую Юнону въ тотъ моментъ, когда та проситъ Сонъ усыпить Зевса. Петроній смотрѣлъ на Марка глазами вполнѣ удовлетвореннаго знатока.

Въ это время вошелъ «лекторъ» (чтецъ) съ бронзовымъ ящичкомъ, наполненнымъ бумажными свитками.

— Хочешь послушать?—спросилъ Петроній.

— Если твое произведеніе, то съ удовольствіемъ,— отвѣтилъ Виницій, — но если нѣтъ, то лучше поговоримъ. Поэты теперь хватаютъ людей на всѣхъ углахъ улицъ.

— Еще бы! Теперь не пройдешь мимо какой-нибудь базилики, бань, библіотеки или книжной лавки, чтобъ не увидать поэта, жестикулирующаго, словно обезьяна. Агриппа, когда пріѣхалъ сюда съ Востока, принялъ ихъ за сумасшедшихъ. Но теперь такія времена. Цезарь самъ пишетъ стихи, и всѣ идутъ по его слѣдамъ. Не дозволяется только писать стихи лучше императорскихъ и поэтому я немного опасаюсь за Лукана... Но я пишу прозой, которой, однако, не угощаю ни самого себя, ни другихъ. То, что лекторъ долженъ былъ читать, это—«codicilli» [16]) бѣднаго Фабриція Вейента.

— Почему «бѣднаго»?

— Потому что ему приказали разыграль роль Одиссея и не возвращаться къ домашнимъ пенатамъ впредь до новаго распоряженія. Эта Одиссея постольку будетъ для него легче, поскольку его жена не похожа на Пенелопу. Наконецъ, мнѣ нечего говорить тебѣ, что съ нимъ поступили глупо. Но здѣсь иначе и не относятся къ дѣламъ, какъ только поверхностно. Пустая и скучная книжка, которую начали читать на-расхватъ лишь тогда, когда авторъ подвергся изгнанію. Теперь со всѣхъ сторонъ слышно: «scandala! scandala!»... Можетъ быть, Вейентъ кое-что и выдумалъ, но я знаю городъ, знаю нашихъ patres и нашихъ женщинъ, и увѣряю тебя, что это блѣднѣе, чѣмъ въ дѣйствительности. Съ другой стороны, всякій теперь ищетъ тамъ своего изображенія со страхомъ, а изображенія знакомыхъ—съ удовольствіемъ. Въ книжной лавкѣ Авирна сотня писцовъ переписываютъ книжку за диктующимъ, и успѣхъ ея обезпеченъ.

— Твоихъ дѣлишекъ тамъ нѣтъ?

— Есть; но авторъ промахнулся, потому что я, въ одно и то же время, и болѣе дуренъ, и менѣе пошлъ, чѣмъ онъ представилъ меня. Видишь ли, мы здѣсь давно утратили сознаніе того, что достойно и что недостойно, и мнѣ самому кажется, что такъ и есть на самомъ дѣлѣ, что разницы никакой не существуетъ, хотя Сенека, Музоній и Тразеа притворяются, что видятъ ее. Мнѣ это все равно. Клянусь Геркулесомъ, я говорю, какъ думаю, но я сохранилъ то преимущество, что знаю, что̀ омерзительно и что̀ прекрасно, а вотъ, напримѣръ, нашъ мѣднобрадый поэтъ, возница, пѣвецъ, танцовщикъ и гистріонъ [17]) этого не понимаетъ.

Жаль мнѣ Фабриція. Онъ хорошій товарищъ.

Его погубило самолюбіе. Хотя всякій подозрѣвалъ его, но

никто хорошо не зналъ, въ чемъ дѣло, а Фабриццій самъ не могъ воздержаться и повсюду болталъ подъ секретомъ. Слышалъ ты исторію Руффина?

— Нѣтъ.

— Перейдемъ въ фригидарій [18]), тамъ остынемъ, тамъ я и разскажу тебѣ эту исторію.

Они перешли въ фригидарій, посрединѣ котораго билъ фонтанъ струей, окрашенной въ свѣтлорозовый цвѣтъ и распространяющей благоуханіе фіалокъ. Оба патриція помѣстились въ нишахъ, устланныхъ шелковою матеріей, и провели нѣсколько минутъ въ молчаніи. Виниций задумчиво смотрѣлъ на бронзоваго фавна, который, перекинувъ черезъ свою руку нимфу, жадно искалъ своими устами ея уста, и, наконецъ, сказалъ:

— Онъ правъ. Это самое лучшее въ жизни.

— Болѣе или менѣе. Но ты, кромѣ того, любишь войну. Я не люблю ее, потому что подъ навѣсомъ палатки ногти ломаются и перестаютъ быть розовыми. Наконецъ, у всякаго есть свое пристрастіе. Мѣднобрадый любитъ пѣніе, въ особенности собственное, а старый Скавръ свою коринескую вазу, которая стоитъ возлѣ его ложа и которую онъ цѣлуетъ, если не можетъ спать. Онъ уже потеръ своими поцѣлуями ея края. Скажи мнѣ, ты не пишешь стиховъ?

— Нѣтъ. Я никогда не сложилъ ни одного гекзаметра.

— Не играешь на лютнѣ? не поешь?

— Нѣтъ.

— Лошадьми не управляешь?

— Когда-то участвовалъ на ристалищѣ въ Антіохіи, но безъ успѣха.

— Тогда я спокоенъ за тебя. А къ какой партіи гипподрома ты принадлежишь?

— Къ зеленымъ.

— Тогда я совсѣмъ спокоенъ. Правда, у тебя хорошее состояніе, но ты не такъ богатъ, какъ Паллась или Сенека. Понимаешь, у насъ теперь хорошо—писать стихи, пѣть подъ лютню, декламировать и править лошадьми въ циркѣ, но еще лучше, а, главное, безопаснѣе—не писать стиховъ, не пѣть, не играть и не выступать въ циркѣ. А самое лучшее—умѣть удивляться, когда что дѣлаетъ мѣднобрадый. Ты мальчикъ красивый, тебѣ можетъ угрожать то, что въ тебя влюбится Поппеа. Впрочемъ, она черезъчуръ опытна для этого. Любовью она насытилась при первыхъ двухъ мужьяхъ, а при третьемъ ее занимаетъ нѣчто иное. Ты знаешь,

что этотъ глупый Отонъ до сихъ поръ до безумія любитъ ее... Блуждаетъ себѣ по скаламъ Испаніи и вздыхаетъ; такъ отвыкъ отъ своихъ старыхъ привычекъ и такъ пересталъ заботиться о себѣ, что для прически ему теперь достаточно трехъ часовъ въ день. Кто бы могъ ожидать этого, въ особенности отъ Отона! [19]).

— Я понимаю его,—отвѣтилъ Виницій.—Но на его мѣстѣ я дѣлалъ бы что-нибудь другое.

— Что именно?

— Составлялъ бы себѣ вѣрные легіоны изъ тамошнихъ горцевъ. Иберійцы—хорошіе солдаты.

— Виницій, Виницій! Мнѣ почти хочется сказать, что ты не былъ бы способенъ на это. А знаешь почему? Такія вещи дѣлаются, но о нихъ не говорятъ, даже условно. Что касается меня, то на его мѣстѣ я смѣялся бы надъ Поппеей, смѣялся бы надъ мѣднобрадымъ и формировалъ бы себѣ легіонъ, но не изъ иберійцевъ, а изъ иберіекъ. Кромѣ того, я писалъ бы эпиграммы, которыхъ, впрочемъ, не читалъ бы никому, какъ бѣдный Руффинъ.

— Ты хотѣлъ разсказать мнѣ его исторію.

— Я разскажу ее тебѣ въ унктуаріѣ [20]).

Но въ унктуаріѣ вниманіе Виниція было привлечено совсѣмъ другимъ, именно необыкновенной красоты невольницами, которыя ожидали купающихся. Двѣ негритянки, подобныя великолѣпнымъ статуямъ изъ чернаго дерева, начали натирать тѣла патриціевъ тонкими благовоніями Аравіи, другія, искусныя чесальщицы, фригійки, держали въ своихъ мягкихъ и гибкихъ, какъ змѣи, рукахъ полированныя стальныя зеркала, а двѣ, уже прямо напоминающія богинь, греческія дѣвушки съ острова Коса ждали, какъ «vestiplicae» [21]), когда придетъ время укладывать живописными складками тоги господъ.

— Зевсъ тучегонитель!—сказалъ Маркъ Виницій,—какой выборъ у тебя!

— Я предпочитаю качество количеству,—отвѣтилъ Петроній.— Вся моя «фамилія» (домашніе невольники назывались «фамилія») въ Римѣ не превышаетъ четыреста головъ. Впрочемъ, я думаю, что для личныхъ услугъ развѣ только однимъ выскочкамъ нужно большее количество людей.

— Лучшихъ *тѣлъ* даже у мѣднобрадаго нѣтъ,—продолжалъ, раздувая ноздри, Виницій.

Петроній отвѣтилъ на это съ дружескою небрежностью:

— Ты—мой родственникъ, а я ни такой неподатливый человѣкъ, какъ Биссъ, ни такой педантъ, какъ Авлъ Плавтій.

Виниций, услышавъ это послѣднее имя, на минуту забылъ о гречанкахъ съ острова Коса, поднялъ голову и спросилъ:

— Почему тебѣ въ голову пришелъ Авлъ Плавтій? Развѣ ты знаешь, что я разбилъ руку, не доѣзжая до города, и нѣсколько дней провелъ въ его домѣ? Случилось такъ, что въ это время проѣзжалъ Плавтій и, видя мои страданія, привезъ меня къ себѣ. Его невольникъ, лѣкарь Меріонъ, и вылечилъ меня. Объ этомъ собственно я и хотѣлъ поговорить съ тобою.

— Зачѣмъ? Не влюбился ли ты случайно въ Помпонію? Въ такомъ случаѣ жаль мнѣ тебя: она такъ не молода и такъ добродѣтельна! Я не могу себѣ представить ничего, что было бы хуже этого сочетанія. Брр!

— Не въ Помпонію,—сказалъ Виниций.

— Тогда въ кого же?

— Еслибъ я самъ зналъ, въ кого! Но я даже хорошо не знаю, какъ ея имя—Лигія или Каллина. Въ домѣ ее называютъ Лигіей, потому что она происходитъ изъ лигійскаго народа, и, кромѣ того, у нея есть свое варварское имя—Каллина. Странный домъ у этихъ Плавтіевъ, чистый муравейникъ, и тихо, какъ въ Субіакскихъ лѣсахъ. Въ теченіе нѣскольких дней я и не зналъ, что въ немъ обитаетъ божество, но одинъ разъ на разсвѣтѣ увидалъ, какъ она купается въ садовомъ фонтанѣ. И клянусь тебѣ пѣной, изъ которой родилась Афродита, что лучи зари насквозь проходили черезъ ея тѣло. Я думалъ, что когда солнце взойдетъ, она растаетъ въ его свѣтѣ, какъ таетъ Аврора. Съ той поры я видѣлъ ее два раза и забылъ, что̀ такое спокойствіе. У меня нѣтъ никакихъ другихъ желаній, я не хочу знать, что̀ можетъ мнѣ дать городъ, не хочу женщинъ, не хочу золота, ни коринѳской мѣди, ни янтаря, ни перламутра, ни вина, ни пировъ,—я хочу только одну Лигію. Я откровенно говорю тебѣ, Петроній, что тоскую о ней такъ, какъ тосковалъ о Пазифаѣ Сонъ, изображенный на мозаикѣ твоего тепидарія,—тоскую по цѣлымъ днямъ и ночамъ

— Если это невольница, то купи ее.

— Она не невольница.

— Что же она такое? отпущенница Плавтія?

— Она никогда не была невольницей, поэтому не можетъ быть и отпущенницей.

— Значитъ?...

— Не знаю: царская дочь или что-то подобное.

— Ты заинтересовалъ меня, Виниций.

— Если ты хочешь послушать меня, я сейчасъ же ус[illegible]

твое любопытство. Исторія не особенно длинная. Ты, можетъ быть, лично зналъ Ваннія, царя свевовъ, котораго изгнали изъ его страны и который долго прожилъ въ Римѣ и даже прославился счастливою игрой въ кости и умѣньемъ управлять колесницей. Императоръ Друзъ снова возвелъ его на тронъ. Ванній,—онъ въ самомъ дѣлѣ былъ твердый человѣкъ,—сначала царствовалъ хорошо и счастливо велъ войны, а потомъ началъ ужь черезъ-чуръ грабить не только сосѣдей, но и своихъ свевовъ. Тогда Вангіонъ и Сидонъ, два его племянника, сыновья Вибилія, царя германдуровъ, рѣшили принудить его снова поѣхать въ Римъ... испытывать счастье въ кости.

— Помню,—это Клавдіевы, недавнія времена.

— Да. Вспыхнула война. Ванній призвалъ на помощь язиговъ, а его милые племянники—лигійцевъ, которые, услыхавъ о богатствѣ Ваннія и привлеченные надеждою на добычу, явились въ такомъ количествѣ, что самъ императоръ Клавдій началъ опасаться за спокойствіе границы. Клавдію не хотѣлось вмѣшиваться въ войну съ варварами, но онъ, все-таки, приказалъ Ателію Гистеру, который предводительствовалъ дунайскимъ легіономъ, внимательно слѣдить за теченіемъ войны и не дозволять нарушать нашего спокойствія. Гистеръ потребовалъ отъ лигійцевъ обѣщанія, что они не перейдутъ нашу границу. Лигіи не только обѣщались, но дали заложниковъ, среди которыхъ находились жена и дочь ихъ вождя... Тебѣ извѣстно, что варвары выступаютъ на войну съ женами и дѣтьми... Такъ вотъ моя Лигія и есть дочь этого вождя.

— Откуда ты знаешь все это?

— Мнѣ разсказывалъ самъ Авлъ Плавтій. Лигійцы дѣйствительно не перешли границы, но варвары сваливаются, какъ буря, и уходятъ, какъ буря. Такъ исчезли и лигійцы со своими турьими рогами на головѣ. Они побили свевовъ и язиговъ Ваннія, но ихъ царь тоже погибъ,—лигійцы ушли съ добычей, а заложницы остались въ рукахъ Гистера. Мать вскорѣ умерла, Гистеръ не зналъ, что дѣлать съ дочерью, и отдалъ ее правителю всей Германіи, Помпонію. Тотъ, послѣ войны съ каттами, возвратился въ Римъ, гдѣ Клавдій, какъ ты знаешь, разрѣшилъ ему тріумфъ. Дѣвушка шла за колесницей побѣдителя, но торжество кончилось, заложницу нельзя было считать за плѣнницу,—Помпоній и самъ не зналъ, что съ нею дѣлать, и поэтому передалъ ее своей сестрѣ, Помпоніи Грецинѣ, женѣ Плавтія. Въ домѣ, гдѣ все, начиная съ господъ и кончая курами на птичьемъ дворѣ, добродѣтельно, Лигія выросла такою же, увы, добродѣтельною, какъ сама Грецина, и такою прекрасною, что въ

сравненіи съ ней сама Поппеа казалась бы осеннею фигой въ сравненіи съ гиперборейскимъ яблокомъ.

— Ну, и что же?

— И, повторяю тебѣ, съ минуты, когда я увидалъ, какъ солнечные лучи пронизывали ея тѣло насквозь, я безъ памяти влюбился въ нее.

— Развѣ она такъ же прозрачна, какъ молодая сардинка?

— Не шути, Петроній, а если тебя вводитъ въ заблужденіе свобода, съ которой я говорю о своей страсти, то знай, что часто подъ яркимъ платьемъ скрываются глубокія раны. Могу тебѣ сказать еще, что, возвращаясь изъ Азіи, я провелъ одну ночь въ храмѣ Мопса, чтобы видѣть пророческій сонъ. И вотъ, во снѣ мнѣ явился самъ Мопсъ и провѣщалъ, что въ жизни моей, благодаря любви, произойдетъ большая перемѣна.

— Я слышалъ, какъ Плиній говорилъ, что не вѣритъ въ боговъ, но вѣритъ въ сны, и, можетъ быть, онъ былъ правъ. Мои шутки не мѣшаютъ мнѣ думать иногда, что, дѣйствительно, существуетъ только одно божество,—вѣчное, всемогущее, творческое,—Venus Genitrix [22]). Она сливаетъ въ одно души, тѣла и вещи. Эротъ вызвалъ свѣтъ изъ хаоса. Хорошо ли онъ сдѣлалъ, вопросъ не въ томъ; но разъ это такъ, мы должны признать его могущество, хотя намъ дозволяется и не благословлять его.

— Ахъ, Петроній! На свѣтѣ легче получить урокъ философіи, чѣмъ добрый совѣтъ.

— Скажи мнѣ, чего же именно ты хочешь?

— Я хочу обладать Лигіею. Я хочу, чтобы мои руки, которыя теперь обнимаютъ только воздухъ, могли обнять ее и прижать къ груди. Я хочу впивать ея дыханіе. Еслибъ она была невольница, я отдалъ бы за нее Авлу сто дѣвушекъ, съ ногами, вымазанными мѣломъ, въ знакъ того, что ихъ въ первый разъ выставляютъ на продажу. Я хочу видѣть ее въ своемъ домѣ до тѣхъ поръ, пока голова моя не побѣлѣетъ, какъ вершина Соракта [23]) зимою.

— Она не невольница, но, въ концѣ-концовъ, принадлежитъ къ «фамиліи» Плавтія, и, какъ заброшенный ребенокъ, можетъ считаться «alumna» [24]). Плавтій могъ бы уступить ее тебѣ, если бы хотѣлъ.

— Значитъ, ты не знаешь Помпоніи Грецины. Наконецъ, они оба привязаны къ ней, какъ къ родной дочери.

— Помпонію я знаю. Настоящій кипарисъ. Еслибъ она не была женою Авла, ее можно было бы нанимать въ качествѣ плакальщицы. Со смерти Юліи она не снимала темной «столы» [2]) и

вообще кажется такою, какъ будто бы при жизни ходитъ по лугу, поросшему загробными цвѣтами. Притомъ, она «univira»[26]),—какой-то фениксъ среди нашихъ четырехъ и пятикратныхъ разводовъ... Постой!... Ты слышалъ, будто бы фениксъ дѣйствительно вывелся въ верхнемъ Египтѣ, чтò ему удается не чаще, какъ одинъ разъ въ пятьсотъ лѣтъ?

— Петроній, Петроній! О фениксѣ мы поговоримъ когда-нибудь въ другой разъ.

— Что же я тебѣ скажу, милый Маркъ? Авла Плавтія я знаю, и хотя онъ осуждаетъ мой образъ жизни, но, все-таки, питаетъ ко мнѣ нѣкоторую слабость, а, можетъ быть, и уважаетъ болѣе, чѣмъ другихъ,— онъ знаетъ, что я никогда не былъ доносчикомъ, какъ, напримѣръ, Домицій Аферъ, Тигеллинъ и вся шайка друзей Агенобарба. Притомъ, не корча изъ себя стоика, я иногда морщился при видѣ такихъ поступковъ Нерона, на которые Сенека и Бурръ [27]) смотрѣли сквозь пальцы. Если ты думаешь, что я могу выхлопотать ее для тебя у Авла,—я къ твоимъ услугамъ.

— Я думаю, что ты можешь. Ты имѣешь вліяніе на него, а твой неистощимый умъ найдетъ какое-нибудь средство. Если бы ты всмотрѣлся въ положеніе вещей и поговорилъ съ Плавтіемъ...

— Ты черезъ-чуръ преувеличеннаго мнѣнія о моемъ вліяніи и моемъ остроуміи; но если дѣло требуетъ только этого, то я переговорю съ Плавтіемъ, какъ только онъ съ семьей переѣдетъ въ городъ.

— Они уже возвратились два дня тому назадъ.

— Въ такомъ случаѣ, пойдемъ въ триклиній [28]),— насъ ждетъ завтракъ, а потомъ, подкрѣпивъ силы, прикажемъ нести насъ къ Плавтію.

— Ты всегда былъ дорогъ мнѣ,—живо проговорилъ Виниций,— но теперь, кажется, я прикажу среди своихъ ларъ [29]) поставить твою статую,—вотъ такую чудесную, какъ эта,— и буду приносить ей жертвы.

Онъ повернулся къ статуямъ, которыя сплошь украшали всю стѣну комнаты, пропитанной благоуханіями, и указалъ рукою на статую Петронія въ видѣ Гермеса съ посохомъ въ рукѣ.

Потомъ онъ прибавилъ:

— Клянусь свѣтомъ Геліоса! Если «божественный» Парисъ былъ похожъ на тебя, я не удивляюсь Еленѣ.

Въ этомъ восклицаніи было столько лести, сколько и искренности; Петроній, хотя болѣе старшій годами и менѣе атлетически сложенный, былъ красивѣе Виниція. Римскія женщины удивлялись

не только гибкости его ума и вкусу, которому онъ былъ обязанъ прозвищемъ «arbiter elegantiarum», но и тѣлу. Удивленіе это было видно и на лицѣ двухъ гречанокъ, которыя теперь укладывали складки его тоги. Одна изъ гречанокъ, Эвника, втайнѣ влюбленная въ Петронія, съ покорностью и восторгомъ заглядывала ему въ глаза.

Но Петроній не обращалъ на это вниманія и, только улыбнувшись Виницію, началъ цитировать изреченіе Сенеки о женщинахъ:

— Animal impudens...[30]) etc.

Затѣмъ онъ обнялъ его рукою и повелъ въ триклиній.

Въ унктуаріѣ двѣ гречанки, фригійки и негритянки начали убирать мази. Въ это время изъ-за откинутой занавѣски фригидарія показались головы двухъ бальнеаторовъ и послышалось тихое «шш!» На этотъ призывъ одна изъ гречанокъ, фригійки и эѳіопки повернулись и въ мгновеніе ока исчезли за занавѣской. Въ баняхъ начиналась пора разгула и разврата, а домоправитель не мѣшалъ этому, потому что и самъ нерѣдко принималъ участіе въ подобныхъ пиршествахъ. Догадывался объ этомъ и Петроній, но, какъ человѣкъ разсудительный и не любящій наказывать, смотрѣлъ на это сквозь пальцы.

Въ унктуаріѣ осталась только Эвника. Съ минуту она прислушивалась къ удаляющимся голосамъ и смѣху, наконецъ, взяла украшенный янтаремъ и слоновою костью табуретъ, на которомъ сидѣлъ Петроній, и осторожно придвинула къ его статуѣ.

Унктуарій былъ залитъ солнечными лучами и красками, которыя отражались отъ его стѣнъ, выложенныхъ цвѣтнымъ мраморомъ.

Эвника, вскарабкавшись на табуретъ, очутилась наравнѣ со статуей, откинула назадъ золотые волосы и, прижавшись своимъ розовымъ тѣломъ къ бѣлому мрамору, въ самозабвеніи начала прижимать свои губы къ холоднымъ устамъ Петронія.

Примѣчанія къ главѣ I.

1) Arbiter elegantiarum—законодатель изящнаго вкуса,—титулъ, который придалъ Неронъ Петронію, своему любимцу.

2) Ephebeum—обширная зала, гдѣ молодые люди занимались разными физическими упражненіями.

3) Insula—одинъ домъ, стоящій особнякомъ отъ прочихъ, или цѣлая группа примыкающихъ одинъ къ другому домовъ, отдѣленная отъ другихъ домовъ нѣкоторымъ пространствомъ. Затѣмъ, это слово обозначаетъ домъ, отдаваемый внаймы, или домъ, занятый нѣсколькими семействами, въ противуположность слову domus, въ которомъ жило лишь одно семейство.

4) Balneator—прислужникъ при баняхъ.

[5]) Mensa—столъ.

[6]) Laconicum—отдѣленіе бани для потѣнія.

[7]) Gemma—драгоцѣнный камень, а также и все сдѣланное изъ него, напримѣръ, кубокъ.

[8]) Tepidarium—отдѣленіе бани съ умѣренною температурой (вродѣ нашего передбанника), изъ котораго одинъ ходъ велъ въ горячую баню (caldarium), другой—въ раздѣвальню (apodyterium).

[9]) Nomenclator—особый рабъ-подсказчикъ, обладавшій хорошею памятью; обязанностью его было докладывать господину о кліентахъ, приходившихъ съ утреннимъ поздравленіемъ (salutatio); иногда кліентовъ было такъ много, что патронъ и половины изъ нихъ не зналъ, но номенклаторъ давалъ ему возможность вести себя относительно кліентовъ какъ вполнѣ извѣстныхъ ему лицъ. Номенклаторъ сопровождалъ господина также и на улицѣ, когда онъ, добиваясь должности, долженъ былъ просить голоса за себя часто у незнакомыхъ ему гражданъ, именъ которыхъ не зналъ.

[10]) Виеннія—сѣверозападная область Малой Азіи.

[11]) Epidaurus—городъ въ Арголидѣ, у Сароническаго залива, когда-то знаменитый своимъ храмомъ Эскулапа.

[12]) Porta Capena—южныя ворота Рима.

[13]) Asclepiadae—прозвище, данное въ Греціи разнымъ семействамъ, посвятившимъ себя изученію медицины, которыя производили себя отъ Эскулапа.

[14]) Incubare Jovi—ночевать въ храмѣ Юпитера, чтобъ увидать пророческій сонъ, получить указаніе оракула.

[15]) Hypocaustum—особое помѣщеніе въ римскихъ баняхъ съ печью, изъ котораго горячій воздухъ распространялся подъ полы банныхъ комнатъ.

[16]) Codicilli—записная книжка.

[17]) Histrio—актеръ. Неронъ, сынъ Агриппины младшей и Доминція Агенобарба (Ahenobarbus по-латыни — мѣднобородый, рыжій), и самъ носилъ такое же имя. Послѣ выхода Агриппины за мужъ за императора Клавдія, молодой Доминцій Агенобарбъ былъ усыновленъ императоромъ и получилъ имя Тиберія Клавдія Нерона Друза Германика Цезаря.

[18]) Frigidarium—холодное отдѣленіе римской бани.

[19]) Поппеа Сабина была замужемъ сначала за Руфомъ Криспиномъ, префектомъ преторіанскихъ когортъ, потомъ за Отономъ и, наконецъ, за императоромъ Нерономъ. Отонъ, бывшій товарищъ Нерона, долженъ былъ уступить свою жену императору и получилъ назначеніе квесторомъ въ Испанію.

[20]) Отдѣленіе бани, гдѣ натирались мазями.

[21]) Vestiplica—служанка, которая смотрѣла за платьемъ.

[22]) Одинъ изъ аттрибутовъ Венеры,— родительница, мать.

[23]) Soractes—гора въ Этруріи, въ 40 вер. отъ Рима, нынѣ Monte St. Oreste.

[24]) Alumna—воспитанница.

[25]) Stola—длинное, широкое платье, покрывавшее все тѣло отъ шеи до ногъ.

[26]) Univira—женщина, бывшая только одинъ разъ замужемъ.

[27]) Афраній Бурръ и Сенека были воспитателями Нерона.

[28]) Triclinium—столовая.

[29]) Lar—домашній языческій богъ.

[30]) Animal impudens—безстыдное животное.

II.

Послѣ закуски, которая называлась завтракомъ и за которую два друга сѣли тогда, когда простые смертные давно уже вышли изъ-за своего prandium [1]), Петроній предложилъ немного подремать. По его мнѣнію, для посѣщенія гостей пора была еще ранняя. Правда, есть люди, которые начинаютъ навѣщать своихъ знакомыхъ при восходѣ солнца, да еще, вдобавокъ, считаютъ этотъ обычай за древне-римскій, но онъ, Петроній, находитъ это варварствомъ. Самое лучшее время, это—послѣполуденные часы, но не раньше, однако, чѣмъ солнце не перейдетъ въ сторону Юпитера Капитолійскаго и не начнетъ бросать своихъ косвенныхъ лучей на Форумъ. Осенью днемъ еще жарко и люди съ удовольствіемъ спятъ послѣ ѣды. Въ это время пріятно прислушиваться къ шуму фонтана и послѣ обязательныхъ тысячи шаговъ вздремнуть подъ красными лучами солнца, проходящими сквозь пурпурную занавѣску.

Виницій согласился и патриціи начали прохаживаться взадъ и впередъ, перекидываясь небрежными словами о томъ, что слышно въ городѣ, а отчасти и философствуя надъ жизнью. Потомъ Петроній ушелъ въ кубикулъ [2]), но спалъ недолго. Черезъ полчаса онъ вышелъ, приказалъ принести себѣ вербены, понюхалъ и началъ натирать ею свои руки и виски.

— Ты не повѣришь, какъ это оживляетъ и отрезвляетъ,—сказалъ онъ.—Теперь я готовъ.

Носилки ждали давно. Патриціи сѣли и приказали нести себя на Vicus Patricius, въ домъ Авла. «Инсула» Петронія лежала на нижнемъ склонѣ Палатина, около такъ называемыхъ Каринъ; кратчайшая дорога вела ниже Форума, но такъ какъ Петроній хотѣлъ зайти къ ювелиру Идомену, то приказалъ слѣдовать черезъ Vicus Apollinis и Форумъ, въ сторону Vicus Sceleratus [3]), на углу которой было множество тавернъ всякаго рода.

Гиганты негры подняли носилки и двинулись, послушные понуканіямъ проводниковъ, педизеквіевъ. Петроній время отъ времени, молча, подносилъ къ носу свои ладони, пахнущія вербеной, и, казалось, думалъ о чемъ-то, но, наконецъ, сказалъ:

— Мнѣ приходитъ въ голову, что если твоя лѣсная богиня не невольница, то легко могла бы покинуть домъ Плавтія и перейти въ твой домъ. Ты окружилъ бы ее любовью и осыпалъ богатствомъ, какъ и я мою боготворимую Хризотемиду, которою, говоря между нами, я настолько же пресытился, насколько и она мною.

Маркъ покачалъ головою.

— Нѣтъ? — спросилъ Петроній. — Въ худшемъ случаѣ, дѣло дошло бы до цезаря, а ты можешь быть увѣренъ, что, хотя благодаря бы моимъ вліяніямъ, нашъ мѣднобрадый будетъ на твоей сторонѣ.

— Ты не знаешь Лигіи! — отвѣтилъ Виниций.

— Тогда позволь спросить тебя, ты-то знаешь ли ее? Ты говорилъ съ нею? признавался ей въ любви?

— Я видѣлъ ее сначала у фонтана, а потомъ два раза встрѣчался съ нею. Помню, во время пребыванія въ домѣ Авла я жилъ въ боковой пристройкѣ, предназначенной для гостей, а моя разбитая рука не позволяла мнѣ садиться за общій столъ. Только наканунѣ дня моего отъѣзда я встрѣтилъ Лигію за ужиномъ и не могъ обмѣняться съ нею ни однимъ словомъ. Я долженъ былъ слушать повѣствованія Авла о его побѣдахъ, одержанныхъ въ Британіи, а потомъ объ упадкѣ мелкихъ земельныхъ хозяйствъ въ Италіи, который старался предотвратить еще Лициній Столонъ [4]). Вообще, я не знаю, съумѣетъ ли Авлъ говорить о чемъ-нибудь другомъ, и не думай, что мы съумѣемъ отдѣлаться отъ этого, развѣ если ты захочешь слушать его разсужденія объ изнѣженности теперешнихъ временъ. У Плавтія на птичникѣ много фазановъ, но ихъ не рѣжутъ, потому что всякій съѣденный фазанъ приближаетъ конецъ римскаго могущества... Въ другой разъ я встрѣтилъ Лигію возлѣ садовой цистерны. У нея въ рукахъ былъ только что сорванный тростникъ, она погружала его кисть въ воду и окропляла ирисы, ростущіе вокругъ цистерны. Посмотри на мои колѣни. Клянусь щитомъ Геракла, они не дрожали, когда на наши полки съ воемъ шли тучи пареянъ, но и мои колѣни дрогнули при этой цистернѣ. Смѣшавшійся, какъ мальчикъ, который еще носитъ буллу [5]) на шеѣ, я только глазами молилъ ее о любви и долго не могъ вымолвить ни слова.

Петроній съ завистью посмотрѣлъ на него.

— Счастливецъ! — сказалъ онъ. — Хотя бы міръ и жизнь были совсѣмъ дурны, въ нихъ останется одно хорошее — молодость.

И черезъ минуту онъ спросилъ:

— Ты такъ ничего и не сказалъ ей?

— О, нѣтъ! Немного придя въ себя, я сказалъ, что возвращаюсь изъ Азіи, что разбилъ себѣ руку, не доѣзжая до города, и сильно страдалъ, но когда мнѣ приходится покидать этотъ гостепріимный домъ, я вижу, что въ немъ страданіе гораздо лучше наслажденія въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ, болѣзнь лучше, чѣмъ здоровье въ другомъ домѣ. Она слушала меня въ смущеніи, съ по-

никнутою головой, чертя что-то тростникомъ по шафранному песку. Потомъ она подняла глаза, посмотрѣла на начерченные ею знаки, потомъ на меня, точно хотѣла спросить о чемъ-то, и вдругъ исчезла, какъ гамадріада [6]) отъ глуповатаго фавна.

— Должно быть, у нея красивые глаза.

— Какъ море, и я утонулъ въ нихъ, какъ въ морѣ. Вѣрь мнѣ, Архипелагъ не такъ лазуренъ. Черезъ минуту прибѣжалъ маленькій Плавтій и началъ о чемъ-то спрашивать, но я не понялъ, что ему нужно.

— О, Аѳина!—воскликнулъ Петроній,—сними съ глазъ этого мальчика повязку, которую надѣлъ ему Эротъ, иначе онъ разобьетъ себѣ голову о колонны храма Венеры!

Потомъ онъ обратился къ Виницію:

— О, ты, весенняя почка на древѣ жизни, ты первая зеленая вѣтвь винограда!... Я долженъ былъ бы, вмѣсто дома Плавтія, приказать нести тебя въ домъ Целозія, гдѣ находится школа для незнакомыхъ съ жизнью мальчиковъ.

— Что ты хочешь сказать этимъ?

— А что она начертила на пескѣ? Не имя Амура, не сердце, пронзенное стрѣлой, или что-нибудь такое, изъ чего бы ты могъ узнать, что сатиры шептали этой нимфѣ о разныхъ тайнахъ жизни? Что обозначали эти знаки?

— Я раньше надѣлъ тогу, чѣмъ ты думаешь это, — сказалъ Виницій,—и, прежде чѣмъ прибѣжалъ маленькій Авлъ, я уже внимательно смотрѣлъ на эти знаки. Знаю, вѣдь, я, что и въ Греціи, и въ Римѣ дѣвушки чертятъ на пескѣ признанія, которыя не хотятъ произнести ихъ уста... Но угадай, что начертила она?

— Если что-нибудь другое, чѣмъ я предполагалъ, то не могу догадаться.

— Рыбу.

— Какъ ты сказалъ?

— Я говорю — рыбу. Должно ли это было обозначать, что въ ея жилахъ до сихъ поръ течетъ холодная кровь, не знаю. Но ты, который назвалъ меня весеннею почкой на древѣ жизни, навѣрное, съумѣешь лучше меня понять этотъ знакъ.

— Carissime! объ этихъ вещахъ спроси у Плинія. Онъ знаетъ толкъ въ рыбахъ. Если бы старикъ Аспицій [7]) былъ живъ, то онъ также съумѣлъ бы отвѣтить на это, потому что въ теченіе своей жизни съѣлъ больше рыбы, чѣмъ ее можетъ помѣститься въ Неаполитанскомъ заливѣ.

Дальнѣйшую бесѣду прервалъ шумъ толпы. Носилки съ Vicus

Apollinus свернули на Boarium, а потомъ на Форумъ, гдѣ въ погожіе дни, передъ заходомъ солнца, собирались толпы праздначо народонаселенія, чтобы прохаживаться между колоннъ, разсказывать и выслушивать новости, глазѣть на носилки съ знаменитыми людьми, а въ особенности заглядывать въ ювелирныя, книжныя и мѣняльныя лавки, къ торговцамъ шелковыми и бронзовыми издѣліями. Этими лавками были переполнены дома, обнимающіе часть рынка, напротивъ Капитолія. Часть Форума, лежащая подъ навѣсомъ скалъ зàмка, была уже погружена въ сумракъ, за то колонны стоящихъ выше храмовъ ярко золотились на синемъ небѣ и бросали длинныя тѣни на мраморныя плиты. Колоннъ повсюду было такое множество, что глазъ терялся въ нихъ, какъ въ лѣсу. Казалось, что этимъ зданіямъ и колоннамъ становится тѣсно другъ около друга. Онѣ громоздились одна на другую, бѣжали вправо и влѣво, взбирались на холмы, прижимались къ стѣнѣ зàмка или одна къ другой, на подобіе бòльшихъ и меньшихъ, толстыхъ и тонкихъ, золотистыхъ и бѣлыхъ древесныхъ стволовъ, то разцвѣтающихъ подъ архитравомъ роскошнымъ цвѣткомъ аканөа, то завитыхъ іоническими рогами, то заканчивающихся простымъ дорическимъ квадратомъ. Надъ этимъ лѣсомъ блестѣли цвѣтные триглифы, изъ ярокъ выдѣлялись изваянія боговъ; крылатыя, золоченыя квадриги [8]) точно хотѣли сорваться съ крышъ и улетѣть въ воздухъ, въ лазурь, которая такъ спокойно свѣшивалась надъ этимъ городомъ храмовъ. По серединѣ и по краямъ рынка текла волна людей; толпы прохаживались подъ арками базилики Юлія Цезаря, толпы сидѣли на ступеняхъ Кастора и Поллукса и кружились около маленькаго храма Весты, отражаясь на этомъ мраморномъ фонѣ, точно разноцвѣтные рои мотыльковъ или жуковъ. Сверху, со стороны святилища, посвященнаго «Jovi optimo, maximo», струились новыя волны; около Рострь [9]) народъ слушалъ какихъ-то ораторовъ; здѣсь и тамъ раздавались крики продавцовъ овощей, вина или воды съ фиговымъ сокомъ, зазыванія шарлатановъ, предлагающихъ чудодѣйственныя лѣкарства, отыскивателей кладовъ, толкователей сновъ. Кое-гдѣ къ шуму и крику примѣшивались звуки систры, египетской самбуки или греческой флейты, кое-гдѣ люди больные или удрученные горемъ пробирались къ храмамъ со своими жертвами. Стаи голубей, жадно набрасывающихся на жертвенное зерно, точно пестрыя и темныя пятна, то съ шумомъ взлетали наверхъ, то опускались внизъ на опустѣвшее мѣсто. Отъ времени до времени народъ разступался передъ носилками, въ которыхъ было видно красивое женское лицо или лицо сенатора съ окаменѣвши-

ми и изможденными чертами. Разноязычная толпа вслухъ произносила ихъ имена съ добавленіемъ издѣвательствъ или похвалъ. Между безпорядочными групами по временамъ мѣрнымъ шагомъ протискивались отряды солдатъ или стражниковъ, охраняющихъ уличный порядокъ. Греческій языкъ слышался такъ же часто, какъ латинскій.

Виниций, который давно не былъ въ городѣ, съ любопытствомъ смотрѣлъ на этотъ человѣческій муравейникъ, на этотъ «Forum romanum», въ одно и то же время, и господствующій надъ волной свѣта, и залитый этою волной. Петроній угадалъ мысль своего спутника и сказалъ, что Форумъ, это—«гнѣздо квиритовъ [10]) безъ квиритовъ». Тутъ были еѳіопы, свѣтловласые гиганты съ далекаго сѣвера, британцы, галлы и германцы, косоглазые жители Серпкума, люди съ Евфрата и люди съ Инда, съ бородами, выкрашенными въ кирпичный цвѣтъ, сирійцы съ береговъ Оронта, съ сладкими, черными глазами, высохшіе, какъ кость, обитатели аравійскихъ пустынь, евреи со впавшею грудью, египтяне, со своею неизмѣнно равнодушною улыбкой, и нумидійцы, и африканцы, греки изъ Эллады, которые, наравнѣ съ римлянами, владѣли городомъ, но владѣли при помощи искусства, ума и плутовства, греки съ островов, изъ Малой Азіи, изъ Египта, изъ Италіи и изъ Нарбоннской Галліи. Въ толпѣ невольниковъ съ проколотыми ушами не было недостатка и въ свободной, праздной черни, которую цезарь забавлялъ, кормилъ и даже одѣвалъ, и вольныхъ пришельцевъ, которыхъ въ гигантскій городъ привлекала легкая жизнь и разсчетъ на Фортуну. Не было недостатка въ перекупщикахъ и жрецахъ Сераписа съ пальмовыми вѣтвями въ рукахъ, въ жрецахъ Изиды, на алтарь которой возлагалось теперь болѣе жертвъ, чѣмъ на алтарь Юпитера Капиталійскаго, въ жрецахъ Кибелы, которые носили золотые плоды кукурузы, и въ жрецахъ бродячихъ божествъ. На всякомъ шагу попадались восточныя танцовщицы съ яркими митрами на головахъ, продавцы амулетовъ, укротители змѣй и халдейскіе маги, наконецъ, люди безъ всякихъ занятій, которые каждую недѣлю являлись въ притибрскія кладовыя за хлѣбомъ, добывали себѣ лотерейные билеты въ циркахъ, проводили ночи въ постоянно обваливающихся домахъ зарѣчной части города, а теплые солнечные дни въ криптопортикахъ [11]), въ грязныхъ харчевняхъ Субурры, на мосту Мальвія или передъ «исулами» богатыхъ, откуда имъ отъ времени до времени выбрасывали остатки отъ трапезы невольниковъ.

Петроній хорошо былъ знакомъ этимъ толпамъ. До ушей Вин-

ція постоянно доходили слова: «Hic est!» («Это онъ!») Его любили за щедрость, а популярность его еще болѣе возросла съ тѣхъ поръ, когда онъ ходатайствовалъ передъ цезаремъ за всю «фамилію», то-есть всѣхъ безъ различія пола и возраста невольниковъ префекта Педанія Секунда, приговоренныхъ къ смерти за то, что одинъ изъ рабовъ въ минуту отчаянія убилъ этого тирана. Правда, Петроній громко говорилъ, что ему, въ сущности, это все равно, и онъ ходатайствовалъ передъ цезаремъ только какъ «arbiter elegantiarum», эстетическое чувство котораго возмущала эта варварская рѣзня, достойная какихъ-нибудь скиѳовъ, а не римлянъ. Тѣмъ не менѣе, народъ, который волновался по поводу этой рѣзни, съ тѣхъ поръ полюбилъ Петронія.

Но Петроній не заботился объ этомъ. Онъ помнилъ, что тотъ же народъ любилъ и Британика, котораго Неронъ отравилъ, и Агриппину, которую онъ приказалъ убить, и Октавію, у которой вскрыли жили, а потомъ задушили въ горячемъ пару на Пандатаріи [12]), и Рубелія Плавта, который подвергся изгнанію, и Тразею, которому каждое утро могли принести смертный приговоръ. Теперь любовь народа скорѣе можно было считать за дурной признакъ, а скептицизмъ Петронія не мѣшалъ ему, въ то же время, быть суевѣрнымъ. Толпу онъ презиралъ по двумъ соображеніямъ: и какъ художникъ, и какъ эстетикъ. Люди, отъ которыхъ разило жареными бобами, которые они носили за пазухой, и, къ тому же, вѣчно охрипшіе отъ игры въ *мору* на перекресткахъ или въ перистиляхъ, не заслуживали, въ глазахъ Петронія, названія людей.

Не отвѣчая ни на рукоплесканія, ни на воздушные поцѣлуи толпы, Петроній разсказывалъ Марку о дѣлѣ Педанія, удивляясь измѣнчивости уличной черни, которая на другой день послѣ грознаго волненія рукоплескала Нерону, когда онъ ѣхалъ къ храму Юпитера-Статора [13]). У книжной лавки Авирна носилки остановились, Петроній вышелъ, купилъ украшенную рукопись и отдалъ ее Виницію.

— Это подарокъ тебѣ,—сказалъ онъ.

— Благодарю,—отвѣтилъ Виниций, потомъ посмотрѣлъ на титулъ и спросилъ: — Satiricon [14])? Это что-то новое. Чье это?

— Мое. Но я не хочу идти по слѣдамъ Руффина, исторію котораго я долженъ былъ разсказать тебѣ, или Фабриція Вейента, поэтому о моемъ авторствѣ никто не знаетъ, а ты никому не говори.

— Ты говорилъ, что не пишешь стиховъ, — сказалъ Виницій,

заглядывая въ рукопись,—а тутъ я вижу, что проза густо пересыпана стихами.

— Когда будешь читать, обрати вниманіе на пиръ Трималхія. Что касается стиховъ, то они опротивѣли мнѣ съ того времени, какъ Неронъ началъ писать эпосъ. Вителлій, когда хочетъ облегчить себѣ желудокъ, засовываетъ себѣ въ горло палочку изъ слоновой кости, другіе употребляютъ перья фламинго, омоченныя въ оливковое масло, а я читаю поэзію Нерона и результатъ является немедленно. Потомъ я могу ее хвалить если не съ чистымъ сердцемъ, то съ чистымъ желудкомъ.

Онъ снова задержалъ носилки передъ ювелиромъ Идоменомъ и, устроивъ дѣло съ геммами, приказалъ нести себя прямо въ домъ Авла.

— Чтобы доказать тебѣ, что значитъ авторское самолюбіе, я разскажу тебѣ по дорогѣ исторію Руффина,—сказалъ Петроній.

Но не успѣлъ онъ начать своей исторіи, какъ носилки повернули на Vicus Patricius и вскорѣ остановились передъ жилищемъ Авла. Молодой и крѣпкій janitor (придверникъ) отворилъ двери, ведущія въ остій [15]), а сорока, сидящая въ клѣткѣ надъ дверями, привѣтствовала гостей крикомъ: «Salve!»

По дорогѣ въ атріумъ Виниций сказалъ:

— Замѣтилъ ты, что придверникъ здѣсь безъ цѣпи?

— Странный это домъ,—въ полголоса сказалъ Петроній.— Вѣроятно, тебѣ извѣстно, что Помпонію Грецину подозрѣвали въ принадлежности къ суевѣрной восточной сектѣ, основанной на поклоненіи какому-то Христу. Мнѣ кажется, что этимъ она обязана Криспиниллѣ, которая не можетъ простить Помпоніи, что ей хватило одного мужа на всю жизнь. Univira!... Теперь въ Римѣ легче найти миску норійскихъ [16]) рыжиковъ. Ее судили домашнимъ судомъ.

— Дѣйствительно, это странный домъ. Потомъ я разскажу тебѣ, что̀ видѣлъ и слышалъ здѣсь.

Они очутились въ атріи. Завѣдующій имъ невольникъ, называющійся atriensis, послалъ номенклатора доложить о приходѣ гостей, а слуги въ это время подставили имъ кресла и скамеечки подъ ноги. Петроній, казалось, воображалъ, что въ этомъ домѣ царствуетъ вѣчное уныніе; онъ раньше никогда не бывалъ здѣсь, но теперь оглядывался вокругъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ и съ чувствомъ удовольствія, потому что атрій производилъ скорѣе веселое впечатлѣніе. Сверху, сквозь большое отверстіе, проникалъ снопъ яркого свѣта, который тысячами искръ преломлялся въ фонтанѣ. Квадрат-

ная выемка,—имплювій,—съ фонтаномъ посрединѣ, предназначенная для пріема дождя во время ненастной погоды, была обсажена анемонами и лиліями. Видимо, лиліи любили всѣ въ домѣ, потому что онѣ росли вездѣ цѣлыми группами, и бѣлыя, и красныя, а также и голубые ирисы, тонкіе лепестки которыхъ были точно посеребрены водяною пылью. Посреди мокраго мха, скрывающаго горшки съ лиліями, и посреди листьевъ виднѣлись бронзовыя фигурки, изображающія дѣтей и водяныхъ птицъ. Въ одномъ углу бронзовая лань наклоняла къ водѣ свою заплеснѣвѣлую отъ влаги, зеленоватую голову, точно ее томила жажда. Полъ атрія былъ мозаичный, стѣны отчасти выложены краснымъ мраморомъ, отчасти покрыты рисунками, изображающими деревья, рыбъ, птицъ и грифовъ. Наличники дверей сосѣднихъ комнатъ были украшены черепахой и даже слоновою костью; у стѣнъ, межь деревьевъ, стояли статуи предковъ Авла. Повсюду былъ видѣнъ спокойный достатокъ, далекій отъ роскоши, но благородный и прочный.

Хотя обстановка Петронія была несравненно болѣе богата и изящна, онъ не могъ найти здѣсь ни одного предмета, который бы возмущалъ чувство его вкуса, и уже обратился было съ этимъ замѣчаніемъ къ Виницію, какъ веларій [17]) отдернулъ занавѣсь, отдѣляющую атрій отъ таблина [18]), и въ глубинѣ дома показался Авлъ Плавтій, идущій поспѣшною походкой.

То былъ человѣкъ, уже приближающійся къ вечерней порѣ жизни, съ головой, убѣленной сѣдиною, но крѣпкій, съ лицомъ энергическимъ, немного короткимъ, но за то напоминающимъ голову орла. Теперь на его лицѣ выражалось нѣкоторое недоумѣніе, даже безпокойство, по поводу неожиданнаго прибытія друга, товарища и наперсника Нерона.

Петроній былъ через-чуръ свѣтскимъ и опытнымъ человѣкомъ, чтобы не замѣтить этого, и потому, послѣ первыхъ привѣтствій, со всѣмъ краснорѣчіемъ и изяществомъ, насколько его хватило, заявилъ, что приходитъ поблагодарить за гостепріимство, которое нашелъ въ этомъ домѣ сынъ его сестры, и что благодарность, это — единственная причина его посѣщенія, на которое, впрочемъ, онъ осмѣлился еще и благодаря своему старому знакомству съ Авломъ.

Авлъ, съ своей стороны, завѣрилъ Петронія, что видитъ въ немъ дорогого гостя, а что касается благодарности, то онъ самъ чувствуетъ ее, хотя, вѣроятно, Петроній не можетъ доискаться причины.

[Дѣ]йствительно, Петроній никакъ не могъ догадаться, въ чемъ дѣл[о]. Тщетно, поднявши кверху свои орѣховые глаза, онъ старал-

ся припомнить, какую услугу онъ могъ оказать не только Авлу, но и кому бы то ни было. Онъ не припомнилъ ничего, за исключеніемъ развѣ того, что̀ собирался сдѣлать теперь для Виниція. Помимо его воли, правда, что-нибудь подобное могло случиться, но только помимо его воли.

— Я люблю и очень цѣню Веспасіана,—сказалъ, наконецъ, Авлъ,—которому ты спасъ жизнь, когда, по несчастію, онъ однажды заснулъ во время чтенія цезаря.

— Да, онъ былъ счастливъ, не слышалъ этихъ стиховъ,—отвѣтилъ Петроній,—но не спорю, что дѣло могло бы окончиться несчастіемъ. Мѣднобрадый непремѣнно хотѣлъ было отправить къ нему центуріона съ дружескимъ совѣтомъ открыть себѣ жилы.

— А ты, Петроній, поднялъ его на смѣхъ.

— Точно, или, вѣрнѣе, какъ разъ наоборотъ. Я сказалъ ему, что если Орфей своею пѣсней умѣлъ усыплять дикихъ звѣрей, то тріумфъ Нерона равносиленъ тріумфу Орфея, коль скоро онъ съумѣлъ усыпить Веспасіана. Агенобарба можно порицать, но подъ условіемъ, чтобы въ маленькомъ порицаніи заключалась большая лесть. Наша милостивая августа, Поппеа, отлично понимаетъ это.

— Увы, теперь такія времена,—отвѣтилъ Авлъ.—У меня напереди недостаетъ двухъ зубовъ, ихъ выбилъ камнемъ британскій воинъ, и отъ этого слово иногда со свистомъ выходитъ изъ моихъ устъ, но самую счастливую пору своей жизни я провелъ въ Британіи.

— Самую доблестную,—добавилъ Виниціи.

Петроній испугался, чтобы старый вождь не началъ разсказывать о своихъ войнахъ, и перемѣнилъ предметъ разговора. Говорятъ, въ окрестностяхъ Пренесты крестьяне нашли мертваго волчонка о двухъ головахъ, а во время послѣдней грозы молнія сорвала фронтонъ съ храма Луны, что̀ для теперешняго поздняго осенняго времени являлось чѣмъ-то неслыханнымъ. Разсказывалъ ему это нѣкто Котта, который прибавлялъ, что жрецы этого храма предвѣщаютъ паденіе города, или, по самой меньшей мѣрѣ, паденіе какого-нибудь большого дома, и что это паденіе можно предотвратить только самыми необыкновенными жертвами.

Авлъ высказалъ мнѣніе, что такими признаками пренебрегать нельзя. Что боги могутъ быть разгнѣваны распущенностью, перешедшею всякую мѣру, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, а въ такомъ случаѣ умилостивительныя жертвы какъ разъ умѣстны.

На это Петроній сказалъ:

— Твой домъ, Плавтій, не особенно великъ, хотя въ немъ жи-

ветъ великій человѣкъ; мой, правда, черезъ-чуръ великъ для такого ничтожнаго владѣльца, но тоже малъ. А если дѣло идетъ о разрушеніи чего-нибудь такого огромнаго, какъ, напримѣръ, «domus transitoria» [19]), то стоитъ ли намъ возлагать жертвы, чтобы предъотвратить это разрушеніе?

Плавтій не отвѣчалъ на этотъ вопросъ. Эта осторожность немного кольнула даже Петронія. При всемъ отсутствіи чувства разницы между добромъ и зломъ, онъ не былъ доносчикомъ и съ нимъ можно было разговаривать съ полною безопасностью. Онъ опять перемѣнилъ разговоръ и началъ восхвалять жилище Плавтія и хорошій вкусъ, царящій во всемъ домѣ.

— Это старое гнѣздо,— сказалъ Плавтій,—и я не измѣнилъ здѣсь ничего со времени, когда оно перешло ко мнѣ въ наслѣдство.

Теперь, при отдернутой занавѣси, отдѣляющей атрій отъ таблина, домъ былъ открытъ весь на-пролетъ, такъ что черезъ слѣдующій перистиль [20]) и большую торжественную залу—экъ—взоръ проникалъ до сада, который виднѣлся издали, какъ свѣтлая картина, заключенная въ темную раму. Изъ сада въ атрій доходили звуки дѣтскаго смѣха.

— Ахъ, вождь,— сказалъ Петроній,—дозволь намъ вблизи прислушаться къ этому искреннему смѣху, который теперь сдѣлался такою рѣдкостью!

— Охотно,—сказалъ Плавтій и всталъ съ мѣста.—Это мой маленькій Авлъ и Лигія играютъ въ мячъ. Но что касается смѣха, то я думаю, Петроній, что у насъ вся жизнь проходитъ въ немъ.

— Жизнь достойна смѣха, вотъ всѣ и смѣются, — отвѣтилъ Петроній,—но, однако, здѣсь смѣхъ звучитъ иначе.

— Но ты, Петроній,— добавилъ Виницій,— смѣешься не въ теченіе всего дня, а скорѣе въ теченіе всей ночи.

Они прошли всю длину дома и очутились въ саду, гдѣ Лигія и маленькій Авлъ играли въ мячи, которые поднимали съ земли и вновь подавали имъ особо предназначенные для этого невольники — сферисты. Петроній бросилъ быстрый взглядъ на Лигію, маленькій Авлъ подбѣжалъ къ Виницію, а тотъ склонилъ голову передъ дѣвушкой, которая стояла со слегка растрепанными волосами, задыхающаяся и разрумяненная.

Въ садовомъ триклиніи, осѣненномъ плющомъ, виноградомъ и жимолостью, сидѣла Помпонія Грецина и гости пошли повидаться съ нею. Петронію, хотя онъ и не бывалъ въ домѣ Плавтія, Помпонія была знакома,—онъ видалъ ее у Антистіи, дочери Рубелія Плавта, у Сенеки и у Поліона. Онъ не могъ освободиться отъ нѣкотораго

изумленія, которое овладѣвало имъ при видѣ ея грустнаго, хотя и яснаго лица, ея благородной фигуры. Помпонія до такой степени шла въ разрѣзъ съ его понятіями о женщинѣ, что этотъ человѣкъ, испорченный до мозга костей и самоувѣренный, какъ никто во всемъ Римѣ, не только чувствовалъ извѣстнаго рода уваженіе къ Помпоніи, но даже до нѣкоторой степени утрачивалъ свою самоувѣренность. И теперь, благодаря ее за попеченія, оказанныя Виницію, онъ какъ бы невольно вставилъ слово «Domina» — госпожа, а это слово никогда не приходило ему въ голову, когда онъ разговаривалъ съ Кальвіей, Криспиниллой, со Скрибоніей, съ Валеріей, Солиной и другими женщинами большого свѣта. Послѣ первыхъ привѣтствій онъ выразилъ сожалѣніе, что видитъ Помпонію такъ рѣдко, что ее нельзя встрѣтить ни въ циркѣ, ни въ амфитеатрѣ. Помпонія положила свою руку на руку мужа и спокойно отвѣтила:

— Мы старѣемся и оба начинаемъ все больше любить уединеніе нашего дома.

Петроній хотѣлъ сказать что-то, но Авлъ Плавтій добавилъ своимъ свистящимъ голосомъ.

— И мы чувствуемъ себя какъ-то все болѣе и болѣе чуждыми среди людей, которые даже нашихъ римскихъ боговъ называютъ греческими именами.

— Съ нѣкотораго времени боги стали только реторическими фигурами,—небрежно замѣтилъ Петроній,—а такъ какъ реторикѣ насъ учили греки, то, напримѣръ, мнѣ самому легче сказать Геро, чѣмъ Юнона.

Онъ обратилъ глаза на Помпонію, какъ бы желая пояснить, что въ ея присутствіи никакое другое божество не могло придти ему въ голову, а потомъ началъ возражать противъ того, что она говорила о старости: «Дѣйствительно, люди старѣются быстро, но такіе, которые ведутъ совсѣмъ другой образъ жизни, а, кромѣ того, есть лица, о которыхъ, казалось, забылъ самъ Сатурнъ».

Петроній говорилъ искренно; хотя жизнь Помпоніи Грецины клонилась къ закату, но лицо ея сохранило необыкновенную свѣжесть, и, несмотря на темное платье, несмотря на важность и грусть, придавало ей видъ совершенно молодой женщины.

Тѣмъ временемъ маленькій Авлъ, который подружился съ Виниціемъ еще раньше, началъ приглашать его играть въ мячъ. За мальчикомъ вошла въ триклиній и Лигія. Подъ сѣнью плюща, съ солнечными пятнами, перебѣгающими по ея лицу, она теперь казалась Петронію болѣе красивою, чѣмъ на первый взглядъ, и дѣй-

ствительно похожею на какую-то нимфу. До сихъ поръ онъ не промолвилъ съ нею ни слова, но теперь всталъ, склонилъ свою голову и, вмѣсто обычныхъ привѣтствій, началъ цитировать слова, которыми Одиссей привѣтствовалъ Навзикою:

«Если одна изъ богинь ты, владычицъ пространнаго неба,
То съ Артемидою только, великою дочерью Зевса,
Можешь сходна быть лица красотою и craномъ высокимъ;
Если-жь одна ты изъ смертныхъ, подъ властью судьбины живущихъ,
То несказанно блаженны отецъ твой и мать, и блаженны
Братья твои...»

Даже Помпоніи понравилась изящная любезность этого свѣтскаго человѣка. Что касается Лигіи, то она слушала смущенная, раскраснѣвшаяся, не смѣющая поднять глазъ. Но мало-по-малу въ кончикахъ ея губъ заиграла задорная улыбка,—ей было и стыдно, и хотѣлось отвѣтить. Послѣднее желаніе превозмогло, она вдругъ подняла глаза на Петронія и отвѣтила ему словами Навзикои, залпомъ, какъ будто отвѣчала урокъ:

«Странникъ, конечно, твой родъ знаменитъ, ты, я вижу, разуменъ...»

Тутъ она повернулась и убѣжала, какъ испуганная птица.

Теперь очередь удивляться выпала и на долю Петронія, — онъ не ожидалъ услышать гомеровскій стихъ изъ устъ дѣвушки, о варварскомъ происхожденіи которой раньше слышалъ отъ Виниція. Онъ посмотрѣлъ на Помпонію, но та не могла дать ему отвѣта, потому что въ это время съ улыбкой наблюдала, какая гордость разлилась по лицу стараго Авла.

Этой гордости Авлъ никакъ не могъ скрыть. Прежде всего, онъ былъ привязанъ къ Лигіи, какъ къ родной дочери, а потомъ, несмотря на староримскія предубѣжденія, которыя заставляли его громить греческій языкъ и его распространеніе, онъ считалъ его верхомъ образованности. Самъ онъ никогда не могъ хорошо научиться по-гречески и въ глубинѣ души скорбѣлъ объ этомъ, и теперь былъ радъ, что этому изящному человѣку, да еще и писателю, который готовъ былъ считать его домъ чуть ли не варварскимъ, въ этомъ же самомъ домѣ отвѣтили стихомъ и языкомъ Гомера.

— У насъ въ домѣ есть педагогъ, грекъ,—сказалъ онъ, обращаясь къ Петронію.—Онъ учитъ нашего сына, а дѣвочка прислушивается къ урокамъ. Это—скромная птичка, но милая, и мы оба привыкли къ ней.

Петроній сквозь вѣтви плюща и жимолости смотрѣлъ, какъ трое молодыхъ людей играютъ въ мячъ. Виницій сбросилъ тогу и только въ одной туникѣ подбрасывалъ кверху мячъ, который старалась поймать Лигія, стоящая противъ него съ поднятыми руками. Дѣвушка на первый взглядъ не произвела на Петронія особаго впечатлѣнія; она казалась ему черезъ-чуръ худощавою, но въ триклиніи онъ разсмотрѣлъ ее ближе и подумалъ, что такою можетъ представляться только утренняя заря, и, какъ знатокъ, понялъ, что въ ней кроется что-то необыкновенное. Онъ все замѣтилъ и все оцѣнилъ: и розовое, прозрачное лицо, и свѣжія уста, какъ будто созданныя для поцѣлуевъ, и синіе, какъ лазурь моря, глаза, и алебастровую бѣлизну лба, и обиліе темныхъ волосъ, отливающихъ на сгибахъ отблескомъ янтаря или коринѳской мѣди, и стройную шею, и «божественныя» очертанія плечъ, и всю гибкую, тонкую фигуру, молодую молодостью мая и только что распустившихся цвѣтовъ. Въ немъ проснулся художникъ и поклонникъ красоты, онъ почувствовалъ, что подъ статуей этой дѣвушки можно было бы подписать «весна». Вдругъ онъ вспомнилъ свою Хризотемиду и ему захотѣлось расхохотаться. Со своею золотою пудрой и начерненными бровями она показалась ему баснословно увядшею, чѣмъ-то вродѣ пожелтѣвшей розы, начинавшей ронять лепестки. А, однако, ему завидовалъ весь Римъ. Потомъ ему пришла на мысль Поппеа, и эта прославленная Поппеа показалась ему бездушною восковою маской. А вотъ въ той дѣвушкѣ, съ танагрскими чертами лица, была не только весна, но и сверкающая Психея, которая просвѣчивала сквозь ея розовое тѣло, какъ огонь просвѣчиваетъ сквозь лампаду.

«Виницій правъ,—подумалъ онъ,—а моя Хризотемида стара... стара, какъ Троя!»

Онъ обратился къ Помпоніи Грецинѣ и, указывая на садъ, сказалъ:

— Я теперь понимаю, домина, что при такихъ дѣтяхъ вы предпочитаете свой домъ пирамъ на Палатинѣ и цирку.

— Да,—отвѣтила она и посмотрѣла въ сторону маленькаго Авла и Лигіи.

Старый вождь началъ разсказывать исторію дѣвушки и то, что слышалъ когда-то отъ Ателія Гистера о живущемъ во мракѣ сѣвера лигійскомъ народѣ.

Игра въ мячъ кончилась и молодые люди прохаживались по саду, отражаясь на темномъ фонѣ миртовъ и кипарисовъ, какъ три бѣлыя статуи. Лигія держала маленькаго Авла за руку. Наконецъ,

они сѣли на скамьѣ у писцины—рыбнаго садка, занимающаго средину сада. Авлъ вскорѣ вскочилъ и побѣжалъ пугать рыбу, а Виницій продолжалъ свою рѣчь, начатую во время прогулки:

— Да,—говорилъ онъ низкимъ, дрожащимъ голосомъ.— Едва я сбросилъ претексту [21]), какъ меня послали въ азіатскіе легіоны. Съ городомъ я не познакомился, не познакомился ни съ жизнью, ни съ любовью. Правда, я знаю на память кое-что изъ Анакреона и Горація, но не съумѣлъ бы такъ, какъ Петроній, говорить стихами тогда, когда умъ нѣмѣетъ отъ удивленія, когда не находишь и своихъ словъ. Мальчикомъ я ходилъ въ школу Музонія, который говорилъ намъ, что счастіе состоитъ въ томъ, чтобы желать того, чего желаютъ боги, и, значитъ, зависитъ отъ нашей воли. А я думаю, что есть другое, бо̀льшее, лучшее счастіе, которое отъ воли не зависитъ, и это счастіе можетъ дать только одна любовь. Счастія этого ищутъ сами боги, вотъ и я, Лигія, который до сихъ поръ не узналъ любви, также ищу ту, которая захотѣла бы одарить меня счастіемъ.

Онъ замолчалъ и съ минуту слышенъ былъ только плескъ воды, въ которую маленькій Авлъ бросалъ камушки. Но вскорѣ Виницій началъ говорить опять голосомъ еще болѣе мягкимъ и тихимъ:

— Ты, вѣдь, знаешь сына Веспасіана, Тита? Говорятъ, едва выйдя изъ младенческаго возраста, онъ такъ полюбилъ Беренику, что тоска чуть не высосала всю его жизнь... Лигія, и я бы умѣлъ полюбить также!... Богатство, слава, власть,—все это дымъ, тщета! Богатый найдетъ человѣка болѣе богатаго, чѣмъ онъ самъ, прославленнаго мужа затмитъ бо̀льшая слава другого, сильнаго побѣдитъ болѣе сильный... Но неужели самъ цезарь, неужели даже боги могутъ испытывать большее наслажденіе, быть болѣе счастливыми, чѣмъ простой смертный, когда къ его груди прижимается дорогая грудь, когда его уста касаются любимыхъ устъ?... Любовь равняетъ насъ съ богами.

Она слушала съ тревогой, съ удивленіемъ и съ такимъ чувствомъ, какъ будто бы слушала звуки греческой лютни или цитры. По временамъ ей казалось, что Виницій поетъ какую-то странную пѣснь, которая вливается въ ея уши, волнуетъ въ ней кровь, охватываетъ ея сердце и страхомъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какою-то непонятною радостью... Ей казалось, что онъ говоритъ что-то такое, что въ ней самой было и раньше, но въ чемъ она не умѣла отдать себѣ отчета. Она чувствовала, что въ ней пробуждается то, что̀ дремало до сихъ поръ, и что въ эту минуту смутный сонъ выливается все въ болѣе и болѣе опредѣленныя и прекрасныя формы.

Солнце давно уже закатилось за Тибръ и стояло низко надъ Яникульскимъ холмомъ. На неподвижные кипарисы падали снопы багроваго свѣта, весь воздухъ былъ насыщенъ багрянцемъ. Лигія подняла на Виниція свои голубые глаза, точно стряхнувшіе съ себя дремоту, и вдругъ, залитый блескомъ зари, наклонившійся надъ нею съ умоляющими глазами, онъ показался ей болѣе прекраснымъ, чѣмъ всѣ люди, чѣмъ всѣ греческіе и римскіе боги, статуи которыхъ она видѣла на фронтонахъ храмовъ. А онъ, слегка обхвативъ своими пальцами ея руку повыше локтя, спросилъ:

— Неужели ты не догадываешься, Лигія, зачѣмъ я говорю тебѣ это?

— Нѣтъ,—отвѣчала она такъ тихо, что Виницій едва могъ разслышать.

Но онъ не повѣрилъ ей и, все сильнѣе сжимая ея руку, прижалъ бы къ своему волнующемуся сердцу и обратился бы къ ней съ горячею рѣчью, если бы на тропинкѣ, обрамленной миртами, не показался старый Авлъ и не сказалъ:

— Солнце заходитъ, остерегайтесь вечерняго холода и не шутите съ Либитиной [23]).

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Виницій,—я до сихъ поръ не надѣлъ еще тоги и не почувствовалъ холода.

— А изъ-за горъ выглядываетъ едва половина солнечнаго диска,—сказалъ старый воинъ.—Вѣдь, здѣсь не мягкій климатъ Сициліи, гдѣ по вечерамъ люди собираются на рынкахъ, чтобы прощальнымъ хоромъ привѣтствовать заходящаго Феба.

И, забывъ, что минуту тому назадъ онъ самъ предостерегалъ отъ Либитины, Плавтій началъ разсказывать о Сициліи, гдѣ у него были свои помѣстья и большое сельское хозяйство, которое онъ любилъ всею душой. Онъ упомянулъ, что ему не разъ приходило въ голову переѣхать въ Сицилію и тамъ спокойно доживать остатокъ своихъ дней. Для того, кому протекшіе годы убѣлили голову, достаточно уже зимняго инея. Съ деревьевъ еще не опалъ листъ, надъ городомъ еще ласково улыбается небо, но когда виноградъ пожелтѣетъ, когда въ Альбанскихъ горахъ выпадетъ снѣгъ, а боги нашлютъ на Кампанью пронзительные вихри, тогда,—кто знаетъ, не переселится ли онъ со всѣмъ домомъ въ сельское затишье?

— Ты хочешь покинуть Римъ, Плавтій?—спросилъ Виницій съ внезапнымъ безпокойствомъ.

— Мнѣ давно хочется туда,—отвѣтилъ Авлъ,—тамъ спокойнѣе и безопаснѣе,—и онъ снова началъ восхвалять свои сады,

да, домъ, укрытый въ зелени, и пригорки, между которыми жужжатъ рои пчелъ. Но Виницій не обращалъ вниманія на эту буколическую ноту, и, думая только о томъ, что можетъ утратить Лигію, смотрѣлъ въ сторону Петронія, точно ожидалъ помощи только отъ него одного.

Тѣмъ временемъ Петроній, сидя рядомъ съ Помпоніей, любовался видомъ заходящаго солнца, сада и людей, стоящихъ около писцины. На небѣ заря начала окрашиваться пурпурнымъ и фіолетовымъ цвѣтами и измѣняться на подобіе опала. Черные силуэты кипарисовъ сдѣлались болѣе явственными, чѣмъ днемъ,—и на людей, и на деревья, и на весь садъ спускался вечерній покой.

Петронія поразилъ этотъ покой, въ особенности, какъ онъ отражался на людяхъ. Въ лицахъ Помпоніи, стараго Авла, ихъ мальчика и Лигіи было что-то такое, чего онъ не видалъ въ лицахъ людей, окружавшихъ его весь день, или, вѣрнѣе, всю ночь,—какое-то умиротвореніе, какая-то ясность, истекающая прямо изъ жизни, которую они вели. И Петроній съ удивленіемъ подумалъ, что, однако, могли существовать красота и радость, которыхъ онъ, вѣчно гоняющійся за красотою и радостью, не зналъ. Этой мысли онъ не съумѣлъ скрыть въ себѣ и сказалъ, обращаясь къ Помпоніи:

— Я взвѣшиваю въ душѣ, насколько вашъ міръ отличенъ отъ того міра, которымъ правитъ нашъ Неронъ.

Помпонія подняла свое лицо къ вечерней зарѣ и отвѣтила просто:

— Міромъ правитъ не Неронъ, а Богъ.

Наступила минута молчанія. Въ аллеѣ послышались шаги стараго вождя, Виниція, Лигіи и маленькаго Авла; но, прежде чѣмъ они приблизились, Петроній задалъ еще вопросъ:

— Такъ, значитъ, ты вѣришь въ боговъ, Помпонія?

— Я вѣрю въ Бога единаго, справедливаго и всемогущаго,— отвѣтила жена Авла Плавтія.

Примѣчанія къ главѣ II.

1) Prandium—полдникъ. Пища принималась римлянами обыкновенно три раза въ день: завтракъ—около 9 час. утра (ientaculum), полдникъ—около 12 час. (prandium) и обѣдъ—послѣ 3 час. пополудни (cena).

2) Cubiculum—спальная комната.

3) Vicus—улица. Vicus Sceleratus—улица злодѣянія, оскверненная улица—въ Римѣ называлась такъ потому, что Туллія переѣхала тутъ черезъ тѣло своего отца, Сервія Туллія.

4) Licinius Stolo—знаменитый трибунъ плебеевъ, жившій въ IV вѣкѣ до Р. Х.

[5]) Bulla—золотой ящичекъ, имѣвшій форму сердца или шарика, съ амулетомъ внутри, который носили на шеѣ дѣти римлянъ.

[6]) Hamadrias—нимфа, обитающая въ деревѣ, живущая съ нимъ и умирающая.

[7]) Gavius Apicius—знаменитый гастрономъ, жившій въ Римѣ во времена Августа и Тиберія.

[8]) Quadriga —колесница, запряженная четверкою лошадей.

[9]) Rostra — трибуна посреди римскаго форума, съ высоты которой ораторы обращались къ народу.

[10]) Quirites—римскіе граждане (по однимъ, отъ слова quiris—копье, по другимъ—отъ сабинскаго города Cures).

[11]) Cryptoporticus—крытая прохладная галлерея, въ которой проводили время въ жаръ или въ дурную погоду.

[12]) Pandataria—островокъ на Тирренскомъ морѣ. Тамъ была убита Октавія, дочь императора Клавдія и Мессалины и жена Нерона.

[13]) Stator—охранитель, прозваніе Юпитера у римлянъ.

[14]) Петронію приписываютъ сочиненіе вродѣ нравоописательнаго романа, озаглавленнаго *Petronii Arbitri Satiricon*, первоначально довольно большого, но дошедшаго до насъ въ неполномъ видѣ. Сочиненіе это рисуетъ нравственное положеніе своего времени и то въ прозѣ, то въ стихахъ даетъ живыя характеристики различнаго рода людей. Особенно замѣчательны въ немъ два отрывка: описаніе пира Тримальхіона (въ прозѣ) и эпизодъ изъ *Гражданской войны* (въ стихахъ).

[15]) Ostium—корридоръ, который велъ отъ наружной двери въ atrium, переднюю комнату дома.

[16]) Noricum—провинція Римской имперіи, лежавшая около Дуная.

[17]) Velarius—невольникъ, обязанный открывать занавѣси—velarium.

[18]) Tablinum—одна изъ главныхъ комнатъ римскаго дома, находившаяся рядомъ съ атріемъ.

[19]) Domus transitoria. Слова: „domus transitoria" взяты изъ сочиненія Светонія *De vita Caesorum* (біографіи цезарей). Въ біографіи Нерона, гл. 31, Светоній говоритъ: „domum a Palatio Esquilias usque fecit, quam primo *transitoriam* mox incendio absumptam restitutamque auream nominavit" („Неронъ построилъ домъ отъ Палатинскаго холма до Эсквилинскаго, который назвалъ сперва *проходнымъ*, а потомъ, когда онъ сгорѣлъ и былъ отстроенъ вновь золотымъ"). Проходнымъ онъ назывался потому именно, что простирался отъ Палатинскаго холма до Эсквилинскаго,—такимъ образомъ, чрезъ него былъ проходъ отъ одного холма до другого.

[20]) Родъ крытой галлереи на столбахъ.

[21]) Praetexta — родъ длиннаго одѣянія, обшитаго пурпуромъ, которое римляне носили до 17 лѣтъ.

[22]) Libitina—богиня похоронъ.

III.

— Вѣритъ въ Бога единаго, справедливаго и всемогущаго,— повторялъ Петроній, когда очутился вновь въ носилкахъ наединѣ съ Виниціемъ. — Если Богъ всемогущъ, тогда Онъ управляетъ жизнью и смертью, а если Онъ справедливъ, тогда посылаетъ смерть во-время. Зачѣмъ же Помпонія носитъ трауръ по Юліи? Жалѣя Юлію, она оскорбляетъ своего Бога. Это умозаключеніе я долженъ повторить нашей мѣднобрадой обезьянѣ, потому что въ діалектикѣ считаю себя равнымъ Сократу. Что касается женщинъ,

то я соглашаюсь, что у каждой три или четыре души, но нѣтъ ни одной души разумной. Пусть бы Помпонія поговорила съ Сенекой или Корнутомъ о томъ, что̀ такое великій Логосъ... Пусть бы они вмѣстѣ вызывали тѣни Ксенофана, Парменида, Зенона и Платона, которые томятся гдѣ-то тамъ въ Киммерійскихъ краяхъ, какъ чижи въ клѣткѣ. Я хотѣлъ поговорить съ нею и съ Плавтіемъ совсѣмъ о другомъ. Клянусь священнымъ чревомъ египетской Изиды! Еслибъ я сказалъ имъ просто, зачѣмъ пришелъ, то ихъ добродѣтель зазвенѣла бы, какъ мѣдный щитъ, въ который кто-нибудь ударилъ бы палкой. Я и не посмѣлъ. Повѣрь мнѣ, Виниций, не посмѣлъ! Павлины—красивыя птицы, но кричатъ они ужь черезъчуръ пронзительно. Я испугался крику. Однако, я долженъ одобрить твой выборъ. Настоящая «розовоперстая заря»... И знаешь, что такое она напоминаетъ мнѣ? Весну, да не нашу, въ Италіи, гдѣ яблони едва покроются цвѣтомъ, какъ оливки сдѣлаются такими же сѣрыми, какими были и прежде, но ту весну, которую я видѣлъ когда-то въ Гельвеціи,—молодую, свѣжую, свѣтло-зеленую... Клянусь этою блѣдною Селеной, я не удивляюсь тебѣ, Маркъ, но знай, что ты любишь Діану и что Авлъ и Помпонія готовы растерзать тебя, какъ нѣкогда собаки растерзали Актеона.

Виниций молчалъ, поникнувъ головой, потомъ заговорилъ голосомъ, прерывающимся отъ страсти:

— Я жаждалъ ее и раньше, а теперь жажду еще больше. Когда я взялъ ея руку, меня точно огнемъ охватило... Я долженъ обладать ею. Еслибъ я былъ Зевсомъ, то окуталъ бы ее тучей, какъ онъ окуталъ Іо, или спустился бы на нее дождемъ, какъ онъ спустился на Данаю. Я хотѣлъ бы лобзать ея уста до боли, я хотѣлъ бы слышать ея крикъ въ моихъ объятіяхъ. Я хотѣлъ бы убить Авла и Помпонію, а ее схватить и унести на рукахъ въ свой домъ. Сегодня спать я не буду. Прикажу бичевать кого-нибудь изъ своихъ невольниковъ и буду прислушиваться къ его крикамъ...

— Успокойся,—сказалъ Петроній,—у тебя вкусы столяра изъ Субурры.

— Мнѣ все равно. Я долженъ обладать ею. Я пришелъ къ тебѣ за помощью, но если ты мнѣ не окажешь ее, я найду и самъ... Авлъ считаетъ Лигію дочерью,—почему мнѣ смотрѣть на нее, какъ на невольницу? Коль скоро мнѣ нѣтъ другого пути, пускай она намажетъ мои двери волчьимъ жиромъ, пусть, какъ жена, сядетъ у моего очага.

— Успокойся же, безумный потомокъ консуловъ! Не для того мы влачимъ на веревкахъ варваровъ за своими колесницами, чтобъ

жениться на ихъ дочеряхъ. Берегись крайности. Исчерпай всѣ приличныя средства и оставь себѣ и мнѣ время для размышленія. Мнѣ Хризотемида также казалась дочерью Зевса, однако, я не женился на ней, какъ и Неронъ не женился на Актеѣ, хотя ее хотѣли представить въ видѣ дочери царя Аттала... Успокойся! Подумай, что если она захочетъ оставить Авла для тебя, ее никто удерживать не имѣетъ права; знай, кромѣ того, что не только ты одинъ пылаешь, потому что и въ ней Эротъ раздулъ пламя... Я видѣлъ это, а мнѣ вѣрить можно... Имѣй терпѣніе. На все есть свои средства, но сегодня я и такъ много думалъ, а это мнѣ надоѣдаетъ. За то я обѣщаю тебѣ, что завтра я опять подумаю о твоей любви, и Петроній не былъ бы Петроніемъ, еслибъ не придумалъ какого-нибудь исхода.

Они смолкли оба; наконецъ, немного погодя, Виницій сказалъ, но уже спокойнѣе:

— Благодарю тебя и да будетъ Фортуна благосклонна къ тебѣ.

— Будь терпѣливъ.

— Куда ты приказалъ нести себя?

— Къ Хризотемидѣ.

— Счастливецъ, ты обладаешь тою, кого любишь!

— Я? Знаешь, что меня еще интересуетъ въ Хризотемидѣ? Это то, что она измѣняетъ мнѣ съ моимъ собственнымъ отпущенникомъ, лютнистомъ Теокломъ, и думаетъ, что я этого не вижу. Когда-то я любилъ ее, но теперь меня забавляетъ ея ложь и ея глупость. Пойдемъ вмѣстѣ къ ней. Если она начнетъ кружить тебѣ голову и чертить на столѣ буквы пальцемъ, омоченнымъ въ винѣ, то знай, что я не ревнивъ.

И они приказали нести себя къ Хризотемидѣ.

Въ сѣняхъ Петроній положилъ руку на плечо Виниція и сказалъ:

— Подожди, мнѣ кажется, что я придумалъ средство.

— Да наградятъ тебя всѣ боги!

— Да, да! Мнѣ кажется, средство безошибочное... Знаешь что, Маркъ?

— Я слушаю тебя, моя Аѳина.

— Черезъ нѣсколько дней божественная Лигія будетъ вкушать въ твоемъ домѣ зерно Деметры.

— Ты выше цезаря!—съ восторгомъ воскликнулъ Виницій.

IV.

Петроній дѣйствительно сдержалъ свое обѣщаніе. Правда, послѣ посѣщенія Хризотемиды онъ проспалъ цѣлый день, за то вечеромъ

приказалъ нести себя на Палатинъ и велъ съ Нерономъ разговоръ съ глазу на глазъ, вслѣдствіе чего на третій день передъ домомъ Плавтія появился центуріонъ во главѣ нѣсколькихъ преторіанскихъ солдатъ.

Время было тревожное и страшное. Посланцы такого рода чаще всего были вѣстниками смерти. Лишь только центуріонъ ударилъ молоткомъ въ двери Авла и лишь только надзиратель атрія далъ знать, что въ сѣняхъ стоятъ солдаты, во всемъ домѣ воцарилась паника. Стараго вождя окружила вся семья,—никто не сомнѣвался, что опасность, прежде всего, грозитъ ему. Помпонія, обнявъ его, крѣпко прижалась къ нему, а ея посинѣвшія губы тихо шептали какія-то слова; Лигія съ лицомъ, блѣднымъ, какъ полотно, осыпала поцѣлуями его руки; маленькій Авлъ цѣплялся за его тогу; изъ корридоровъ, изъ верхнихъ комнатъ, предназначенныхъ для прислужницъ, изъ бани, изъ подвальныхъ помѣщеній начали появляться толпы невольниковъ и невольницъ. Послышались крики: «Heu! heu! me miserum!» Женщины ударились въ плачъ, однѣ начали царапать себѣ щеки, другія покрывали голову платками.

Только одинъ старый вождь, давно привыкшій прямо смотрѣть смерти въ глаза, оставался спокойнымъ, и только его орлиное лицо какъ будто сразу окаменѣло. Онъ прекратилъ шумъ, приказалъ разойтись прислугѣ и сказалъ:

— Пусти меня, Помпонія. Если наступилъ мой часъ, то у насъ будетъ время проститься.

Онъ слегка отстранилъ ее, а она сказала:

— О, Авлъ! если бы твоя участь была и моею участью!

Она упала на колѣни и начала молиться съ такою горячностью, какую можетъ придать только опасеніе за дорогое существо.

Авлъ вошелъ въ атрій, гдѣ его ждалъ центуріонъ. То былъ старикъ Кай Гаста, бывшій его подчиненный и товарищъ по британскимъ войнамъ.

— Привѣтъ тебѣ, вождь,— сказалъ Кай.— Я приношу тебѣ приказъ и благоволеніе цезаря. Вотъ таблицы и знакъ, что я прихожу отъ его имени.

— Благодарю цезаря за его благоволеніе и готовъ исполнить его приказъ,—отвѣтилъ Авлъ.—Привѣтствую тебя, Гаста, говори, зачѣмъ ты пришелъ ко мнѣ.

— Авлъ Плавтій,— началъ Гаста,— цезарь узналъ, что въ домѣ твоемъ проживаетъ дочь лигійскаго царя, которую этотъ царь еще при жизни божественнаго Клавдія отдалъ въ руки римлянъ, какъ ручательство, что лигійцы никогда не перейдутъ границы им-

періи. Вождь, божественный Неронъ признателенъ тебѣ за то, что ты въ теченіе стольнихъ лѣтъ оказывалъ ей гостепріимство; но, не желая больше обременять твоего дома и признавая, что заложница должна оставаться подъ покровительствомъ самого цезаря и сената, приказываетъ тебѣ выдать ее мнѣ на руки.

Авлъ былъ въ достаточной степени солдатомъ и достаточно закаленнымъ мужемъ, чтобы въ виду императорскаго приказа позволить себѣ проявить горе или высказать жалобу. Но, несмотря на то, на его лбу появилась складка гнѣва и скрытой боли. Передъ такими складками когда-то дрожали британскіе легіоны; даже и въ эту минуту на лицѣ Гасты отразился страхъ. Но теперь передъ лицомъ приказа Авлъ Плавтій чувствовалъ себя безоружнымъ. Долго онъ смотрѣлъ на таблицы, потомъ поднялъ глаза на стараго центуріона и сказалъ спокойно:

— Обожди, Гаста, въ атріи, прежде чѣмъ я выдамъ тебѣ заложницу.

Послѣ этихъ словъ онъ прошелъ на другой конецъ дома, въ залъ, называемый экъ, гдѣ Помпонія Грецина, Лигія и маленькій Авлъ ждали его съ безпокойствомъ и тревогой.

— Никому не грозитъ ни смерть, ни изгнаніе на далекіе острова,— сказалъ онъ,— но посолъ цезаря, все-таки, вѣстникъ несчастія. Дѣло идетъ о тебѣ, Лигія.

— О ней?—съ изумленіемъ воскликнула Помпонія.

— Да, — сказалъ Авлъ и, обратившись къ дѣвушкѣ, заговорилъ:—Лигія, ты воспитывалась въ нашемъ домѣ, какъ родная, и мы оба съ Помпоніей любимъ тебя, какъ дочь. Но тебѣ извѣстно, что ты не наша дочь. Ты—заложница, которую твой народъ отдалъ Риму, и должна состоять подъ покровительствомъ цезаря. Теперь цезарь хочетъ тебя взять изъ нашего дома.

Вождь говорилъ спокойно, но какимъ-то страннымъ, необычайнымъ голосомъ. Лигія слушала его, какъ бы не понимая, о чемъ идетъ рѣчь, щеки Помпоніи поблѣднѣли, въ дверяхъ залы снова начали показываться испуганныя лица невольницъ.

— Воля цезаря должна быть исполнена,— сказалъ Авлъ.

— Авлъ!—крикнула Помпонія, обнимая дѣвушку, какъ будто бы хотѣла защитить ее,— лучше было бы ей умереть!

Лигія прижималась къ ея груди и только повторяла: «мама, мама!» Среди рыданій она не могла отыскать другихъ словъ.

На лицѣ Авла отразились гнѣвъ и боль.

— Еслибъ я былъ одинъ на свѣтѣ,— угрюмо сказалъ онъ,— то я не отдалъ бы ее живою, и родственники мои еще сегодня могли

бы принести за насъ жертвы Юпитеру Освободителю... Но я не имѣю права губить тебя и нашего сына, который можетъ дожить до болѣе счастливыхъ временъ... Я сегодня же отправлюсь къ цезарю и буду умолять его, чтобъ онъ отмѣнилъ свой приказъ. Выслушаетъ ли онъ меня — не знаю. Пока будь здорова, Лигія, и знай о томъ, что и я, и Помпонія всегда благословляли день, когда ты приблизилась къ нашему очагу.

Онъ положилъ руку на ея голову и хотя старался сохранить спокойствіе, однако, въ ту минуту, когда Лигія подняла на него глаза, полные слезъ, и прижала къ губамъ его руку, въ его голосѣ задрожало глубокое отцовское горе.

— Прощай, радость наша и свѣтъ очей нашихъ! — сказалъ онъ и быстро пошелъ по направленію къ атрію, чтобы не позволить овладѣть собою волненію, недостойному римлянина и вождя.

Тѣмъ временемъ Помпонія, проводивъ Лигію въ спальную комнату, начала успокоивать, утѣшать ее и говорить ей поощряющія слова, странно звучащія въ этомъ домѣ, гдѣ въ сосѣдней комнатѣ находился «ларарій» (божница домашнихъ ларовъ) и алтарь, на которомъ Авлъ Плавтій, вѣрный древнему обычаю, приносилъ жертвы домашнимъ богамъ. Часъ испытанія наступилъ. Когда-то Виргиній пронзилъ грудь собственной дочери, чтобъ освободить ее изъ рукъ Аппія; еще прежде Лукреція добровольно заплатила жизнью за свой позоръ. Домъ цезаря — вертепъ позора, зла, преступленія. «Но мы, Лигія,—извѣстно почему,—не имѣемъ права поднять на себя руку...» Да, законъ, которому они подчиняются, выше, святѣе, но и онъ дозволяетъ обороняться отъ зла и позора, хотя бы эту защиту пришлось оплатить жизнью и муками. Кто выходитъ чистымъ изъ притона разврата, тѣмъ больше его заслуга. Земля и есть именно такимъ притономъ, но, къ счастью, жизнь, это—только одно мгновеніе ока, а воскресаютъ только изъ гроба, за которымъ кончается власть Нерона и начинается царство Милосердія, вмѣсто мученій — радость, вмѣсто слезъ — веселье.

Потомъ Помпонія заговорила о себѣ. Да, она спокойна, но и въ ея сердцѣ нѣтъ недостатка въ болѣзненныхъ ранахъ. Очи Авла еще ослѣплены, на нихъ еще не упалъ лучъ свѣта. И сына ей невозможно воспитывать въ свѣтѣ правды. Когда она подумаетъ, что такъ можетъ продолжиться до конца жизни, что можетъ подойти минута разлуки съ ними, во сто кратъ болѣе страшная, чѣмъ та временная, о которой они теперь сокрушаются, она не можетъ даже понять, какимъ образомъ съумѣетъ обойтись безъ нихъ,

быть счастливою безъ нихъ даже въ небѣ. Много ночей она провела въ слезахъ, много ночей молилась, прося о помилованіи и милосердіи. Свою скорбь она приноситъ въ жертву Богу, ждетъ и надѣется. А когда теперь на нее свалился новый ударъ, когда приказъ насильника отнимаетъ дорогое существо, которое Авлъ называлъ свѣтомъ своихъ очей, она вѣритъ, все-таки, что есть сила выше силы Нерона, и Милосердіе превозможетъ его.

Она еще крѣпче прижала къ своей груди голову дѣвушки, и та склонилась къ ея колѣнямъ и, скрывая лицо въ складкахъ ея пеплума, долго молчала, но когда поднялась, лицо ея было уже болѣе спокойно.

— Мнѣ жаль тебя, и отца, и брата, но я знаю, что сопротивленіе не привело бы ни къ чему и только погубило бы всѣхъ васъ. За то я клянусь тебѣ, что въ домѣ цезаря никогда не забуду твои слова.

Она еще разъ обняла Помпонію, выбѣжала въ экъ и начала прощаться съ маленькимъ Авломъ, со старичкомъ грекомъ, который былъ ихъ учителемъ, со своею служанкой, которая когда-то няньчила ее, и со всѣми невольниками.

Одинъ изъ нихъ, высокій и плечистый лигіецъ, котораго въ домѣ Плавтія звали Урсъ (медвѣдь) и который прибылъ въ римскій лагерь вмѣстѣ съ Лигіей, палъ къ ея ногамъ, потомъ склонился къ колѣнямъ Помпоніи и сказалъ:

— О, домина! позволь мнѣ идти съ моею госпожей, служить ей и оберегать ее въ домѣ цезаря!

— Ты не нашъ слуга, а Лигіи,— отвѣтила Помпонія Грецина,— допустятъ ли тебя до дверей цезаря? Да и какъ ты можешь оберегать ее?

— Не знаю, домина, я знаю только одно, что желѣзо ломается въ моихъ рукахъ, какъ дерево.

Авлъ Плавтій,—онъ только что вошелъ въ это время и узналъ, въ чемъ дѣло, — не только не воспротивился желанію Урса, но заявилъ, что не имѣетъ права его задерживать. Они отправляютъ Лигію, какъ заложницу, о которой упоминаетъ цезарь, значитъ, обязаны отправить и ея свиту,— вмѣстѣ съ нею и свита поступаетъ подъ покровительство цезаря. Онъ шепнулъ Помпоніи на ухо, что, подъ видомъ свиты, онъ можетъ дать ей столько невольниковъ, сколько найдетъ нужнымъ,— центуріонъ не смѣетъ отказать въ ихъ пріемѣ.

Для Лигіи въ этомъ крылось нѣкоторое утѣшеніе. Помпонія также была рада, что можетъ окружить ее слугами по своему выбору.

бору. Кромѣ Урса, изъявили желаніе идти старая служанка Лигіи, двѣ кипрянки, искусныя чесальщицы волосъ, и двѣ банщицы-германки. Выборъ Помпоніи палъ исключительно на послѣдователей новой вѣры. Урсъ исповѣдывалъ ее нѣсколько лѣтъ и Помпонія могла разсчитывать на вѣрность его службы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, утѣшаться мыслью, что сѣмена правды будутъ посѣяны и въ домѣ цезаря.

Она написала нѣсколько словъ, поручая опеку надъ Лигіей отпущенницѣ Нерона, Актеѣ. Правда, Помпонія не видала ее на собраніяхъ адептовъ новаго вѣроученія, но слышала, что Актея никогда не отказываетъ имъ въ своихъ услугахъ и жадно читаетъ посланія Павла Тарсійскаго. Помпоніи было извѣстно, что молодая отпущенница живетъ въ постоянной грусти, не похожа на всѣхъ женщинъ домовъ Нерона и вообще является добрымъ духомъ его дворца.

Гаста взялся самъ вручить письмо Актеѣ. Считая вещью совершенно естественною, что у царской дочери должна быть своя свита, онъ не ставилъ никакихъ препятствій къ тому, чтобы ввести ее во дворецъ, и только удивлялся ея малочисленности. Наконецъ, часъ разлуки наступилъ. Глаза Помпоніи и Лигіи снова наполнились слезами, Авлъ еще разъ возложилъ руку на ея голову, и черезъ минуту солдаты, сопровождаемые криками маленькаго Авла, который грозилъ центуріону, повели Лигію въ домъ цезаря.

Старый вождь приказалъ готовить себѣ носилки, а пока, запершись съ Помпоніей въ сосѣдней съ экомъ пинакотекѣ (картинной галлереѣ), сказалъ:

— Слушай меня, Помпонія. Я отправляюсь къ цезарю, хотя, какъ мнѣ кажется, напрасно. Если слово Эннія Сенеки имѣетъ какое-нибудь значеніе въ его глазахъ, я побываю и у Сенеки. Теперь больше имѣютъ вѣса Софоній Тигеллинъ, Петроній или Ватиній. Самъ цезарь, можетъ быть, во всю жизнь никогда и не слыхалъ о лигійскомъ народѣ, и если потребовалъ выдачи Лигіи, какъ заложницы, то только потому, что его кто-нибудь просилъ объ этомъ, и легко угадать, кто могъ бы сдѣлать это.

Помпонія быстро подняла на него глаза:

— Петроній?

— Да.

— Вотъ что значитъ дозволить переступить черезъ порогъ кому-нибудь изъ этихъ людей безъ чести и совѣсти. Да будетъ проклята минута, когда Виницій вошелъ въ нашъ домъ! Это онъ при-

велъ къ намъ Петронія. Горе Лигіи! Не о заложницѣ, а о наложницѣ идетъ тутъ дѣло!

Благодаря гнѣву, безсильному бѣшенству и жалости о пріемной дочери, голосъ его сдѣлался болѣе свистящимъ, чѣмъ обыкновенно. Онъ боролся съ самимъ собой и только его стиснутыя руки показывали, какъ тяжело достается ему эта внутренняя борьба.

— Я до сихъ поръ чтилъ боговъ,—сказалъ онъ,— но въ эту минуту думаю, что нѣтъ ихъ надъ міромъ, что существуетъ только одинъ—злой, бѣшеный и отвратительный, имя коему Неронъ.

— Авлъ!—сказала Помпонія,—Неронъ только горсть гнилого праха предъ лицомъ Бога!

Плавтій большими шагами прохаживался по мозаикѣ пинакотеки. Жизнь его была дѣятельна, но въ ней не было большихъ несчастій, поэтому онъ и не былъ подготовленъ къ нимъ. Старый солдатъ привязался къ Лигіи больше, чѣмъ самъ думалъ объ этомъ, и теперь не могъ свыкнуться съ мыслью, что утратилъ ее. Кромѣ того, онъ чувствовалъ себя униженнымъ. Надъ нимъ тяготѣла рука, которую онъ презиралъ, и, въ одно и то же время, чувствовалъ, что, въ сравненіи съ ея силой, его сила—ничто.

Наконецъ, онъ подавилъ въ себѣ гнѣвъ, который спутывалъ его мысли, и сказалъ:

— Я думаю, что Петроній отнялъ ее у насъ не для цезаря, онъ не захотѣлъ бы подвергнуться гнѣву Поппеи. Значитъ, или для себя, или для Виниція. Я сегодня же освѣдомлюсь объ этомъ.

Черезъ нѣсколько минутъ носилки влекли его по направленію къ Палатину, а Помпонія пошла къ маленькому Авлу, который не переставалъ плакать о сестрѣ и угрожать цезарю.

V.

Авлъ вѣрно предположилъ, что не будетъ допущенъ предъ лицо Нерона. Ему объявили, что цезарь занимается пѣніемъ съ лютнистомъ Терпономъ, и что вообще не принимаетъ тѣхъ, кого не приглашалъ. Другими словами, это обозначало то, чтобы Авлъ и на будущее время не пытался видѣться съ императоромъ.

За то Сенека, хотя и больной лихорадкой, принялъ старого вождя съ подобающею честью, но когда выслушалъ его жалобы, горько усмѣхнулся и сказалъ:

— Я могу оказать тебѣ только одну услугу, благородный Плавтій: никогда не показывать цезарю, что мое сердце чувствуетъ твою боль и что я хотѣлъ бы помочь тебѣ. Еслибъ цезарь возъимѣлъ

хоть малѣйшее подозрѣніе, знай, что онъ не отдалъ бы тебѣ Лигіи, хотя бы у него не было никакихъ другихъ соображеній, кромѣ желанія поступить мнѣ на зло.

Сенека не совѣтовалъ ему идти ни къ Тигеллину, ни къ Ватинію, ни къ Вителію. При помощи денегъ съ ними, можетъ быть, удалось бы что-нибудь сдѣлать, можетъ быть, они постарались бы сдѣлать непріятность Петронію, подъ котораго они стараются подкопаться, но непремѣнно выдали бы цезарю, насколько Лигія дорога Плавтію, и въ такомъ случаѣ цезарь тѣмъ болѣе не отдалъ бы ее. И старый мудрецъ заговорилъ съ грызущею ироніей, которая направлялась противъ него самого:

— Ты молчалъ, Плавтій, молчалъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, а цезарь не любитъ тѣхъ, которые молчатъ. Какъ же это ты не восторгался его красотою, добродѣтелью, пѣніемъ, его декламаціей, умѣньемъ управлять колесницей и стихами? Какъ же ты не радовался смерти Британика, не сказалъ похвальной рѣчи въ честь матереубійцы и не принесъ поздравленій по поводу удушенія Октавіи? Тебѣ, Авлъ, недостаетъ проницательности, которою мы, живущіе при дворѣ, обладаемъ въ достаточной степени.

Онъ взялъ кубокъ, который носилъ за поясомъ, зачерпнулъ воды изъ имплювія, освѣжилъ горящія уста и продолжалъ:

— Ахъ, Неронъ обладаетъ благороднымъ сердцемъ. Онъ любитъ тебя, потому что ты служилъ Риму и прославилъ его имя на краю свѣта, и меня любитъ, потому что я былъ его воспитателемъ въ молодости. Поэтому, видишь ли, я знаю, что эта вода не отравлена, и пью ее спокойно. Вино въ моемъ домѣ было бы менѣе безопасно, но если тебя мучитъ жажда, то смѣло выпей этой воды. Водопроводы несутъ ее съ Альбанскихъ горъ и, чтобъ отравить ее, нужно было бы отравить всѣ фонтаны въ Римѣ. Какъ видишь, въ семъ мірѣ можно еще чувствовать себя неуязвимымъ и пользоваться спокойно старостью. Правда, я болѣнъ, но у меня скорѣе скорбитъ душа, чѣмъ тѣло.

Это было вѣрно. Эннію Сенекѣ не хватало той силы души, которую обладали, напримѣръ, Корнутъ или Тразеа, и вся жизнь его представляла рядъ уступокъ преступленію. Онъ самъ чувствовалъ это, самъ понималъ, что преслѣдователь Зенона Цитійскаго долженъ идти другимъ путемъ, и по этому поводу страдалъ болѣе, чѣмъ отъ боязни передъ смертью.

Но вождь прервалъ его горькія разсужденія.

— Благородный Энній,—сказалъ онъ,—я знаю, какъ цезарь заплатилъ тебѣ за попеченія, которыми ты окружилъ его отроче-

скія лѣта. Но виновникъ похищенія моей пріемной дочери—Петроній. Укажи мнѣ способъ, укажи мнѣ вліянія, какимъ онъ подчиняется, наконецъ, и самъ употреби противъ него все свое краснорѣчіе, какое можетъ вдохновить твоя старая пріязнь ко мнѣ.

— Петроній и я,—отвѣтилъ Сенека,—люди двухъ противуположныхъ лагерей. Съ нимъ я сдѣлать ничего не могъ, онъ не поддается никакимъ вліяніямъ. Можетъ быть, при всей своей развращенности, онъ больше стоитъ, чѣмъ всѣ негодяи, которыми теперь окружилъ себя Неронъ, но доказывать ему, что онъ совершилъ дурной поступокъ, это только понапрасну тратить время: Петроній давно утратилъ смыслъ, который помогаетъ различать добро отъ зла. Докажи ему, что его поступокъ лишенъ изящества, тогда онъ устыдится. Когда я увижу его, то скажу: твои дѣянія достойны отпущенника. Если это не поможетъ,—ничто не поможетъ.

— Благодарю и за то,—сказалъ вождь.

Онъ приказалъ нести себя къ Виницію, котораго засталъ за фехтованіемъ съ домашнимъ ланистомъ (фехтмейстеромъ). Авлъ, при видѣ молодого человѣка, спокойно предающагося физическимъ упражненіямъ въ то время, когда покушеніе на Лигію уже было совершено, страшно разгнѣвался и этотъ гнѣвъ, едва лишь ланистъ удалился, вылился потокомъ горькихъ упрековъ и оскорбленій. Но Виницій, узнавъ о похищеніи Лигіи, такъ страшно поблѣднѣлъ, что даже Авлъ не могъ ни на минуту усомниться въ его невиновности. Лобъ молодого человѣка покрылся каплями пота, кровь, которая прилила было къ сердцу, горячимъ потокомъ вновь хлынула къ лицу, глаза разгорѣлись, изъ устъ посыпались безпорядочные вопросы. Ревность и бѣшенство поперемѣнно охватывали его. Ему казалось, что разъ Лигія переступила порогъ дома цезаря, то она навсегда потеряна для него. Когда Авлъ упомянулъ имя Петронія, подозрѣніе, какъ молнія, пронзило мысль молодого воина: Петроній насмѣялся надъ нимъ, или подаркомъ Лигіи хочетъ добиться новыхъ милостей отъ цезаря, или думаетъ оставить ее для себя. У него не помѣщалось въ головѣ, что кто-нибудь можетъ увидать Лигію и не прельститься ею.

Раздражительность, наслѣдственная въ его родѣ, влекла его какъ бѣшеный конь и лишала его разсудительности.

— Вождь,—сказалъ онъ прерывающимся голосомъ,— возвращайся домой и ожидай меня... Знай, еслибъ Петроній былъ моимъ отцомъ, то и тогда я отомстилъ бы ему за обиду Лигіи. Возвращайся домой и жди меня. Ни Петроній, ни цезарь не будутъ владѣть ею.

Онъ вскочилъ и, бросивъ Авлу еще разъ слова: «жди меня», выбѣжалъ, какъ сумасшедшій, изъ атрія и полетѣлъ къ Петронію, расталкивая по дорогѣ проходящихъ.

Авлъ возвратился домой съ нѣкоторою надеждой. Онъ думалъ, что если Петроній уговорилъ цезаря похитить Лигію для того, чтобъ отдать ее Виницію, то Виницій доставитъ ее обратно въ домъ Авла. Наконецъ, его не мало утѣшала мысль, что Лигія, если и не будетъ спасена, то будетъ отомщена и прикрыта смертью отъ позора. Онъ вѣрилъ, что Виницій исполнитъ все, что обѣщалъ. Онъ видѣлъ его бѣшенство и зналъ запальчивость, отличающую весь этотъ родъ. Самъ Авлъ, хотя и любилъ Лигію, какъ родной отецъ, предпочелъ бы убить ее, чѣмъ отдать цезарю, и еслибъ не опасеніе за сына, послѣдняго потомка рода, непремѣнно сдѣлалъ бы это. Онъ былъ солдатъ, о стоикахъ зналъ только по наслышкѣ, но характеромъ не былъ далекъ отъ нихъ, и къ его понятіямъ, къ его гордости смерть подходила ближе, чѣмъ позоръ.

Возвратившись домой, онъ успокоилъ Пампонію и вмѣстѣ съ нею сталъ ожидать вѣстей отъ Виниція. Когда въ атріи отзывались шаги какого-нибудь невольника, Авлъ думалъ, что, можетъ быть, это Виницій ведетъ его дорогого ребенка, и въ глубинѣ души готовъ былъ благословить обоихъ. Но время шло и никакой вѣсти не приходило. Лишь только вечеромъ раздался стукъ молотка у двери.

Вошелъ невольникъ и подалъ Авлу письмо. Старый вождь, несмотря на все свое самообладаніе, взялъ письмо и началъ его читать такъ торопливо, какъ будто бы дѣло шло о всей его семьѣ.

Вдругъ лицо его омрачилось, какъ будто бы на него пала тѣнь отъ проходящей по небу тучи.

— Читай,—сказалъ онъ, обращаясь къ Помпоніи.

Помпонія взяла письмо и прочла:

«Маркъ Виницій—привѣтъ Авлу Плавтію. То, что произошло, произошло по волѣ цезаря, передъ которою вы должны преклонить голову, какъ преклоняемъ я и Петроній».

Наступило долгое молчаніе.

VI.

Петроній былъ дома. Придверникъ не смѣлъ задержать Виниція, который ворвался въ атріумъ, какъ буря, и, узнавъ, что хозяина нужно искать въ библіотекѣ, помчался туда. Петронія онъ засталъ за письмомъ, вырвалъ у него изъ руки тростникъ, сломалъ его, бросилъ на земь, потомъ впился пальцами въ его плечо, и, приблизивъ свое лицо къ его лицу, спросилъ хриплымъ голосомъ:

— Что ты сдѣлалъ съ нею? гдѣ она?

Но вдругъ случилось что-то такое необычайное. Стройный и по виду изнѣженный Петроній схватилъ впивающуюся въ его плечо руку молодого атлета, потомъ схватилъ другую руку и, сжимая ихъ въ одной своей рукѣ, точно желѣзными клещами, сказалъ:

— Я только утромъ слабъ, а вечеромъ ко мнѣ опять возвращается прежняя сила. Попробуй вырваться. Тебя гимнастики, вѣроятно, училъ ткачъ, а приличію—кузнецъ.

На лицѣ его не было гнѣва, только въ глазахъ мелькнулъ блѣдный отблескъ отваги и энергіи. Немного погодя онъ пустилъ руки Виниція, который стоялъ передъ нимъ униженный, пристыженный и бѣшеный.

— Стальная у тебя рука, — сказалъ онъ,— но, клянусь тебѣ всѣми адскими богами, если ты измѣнилъ мнѣ, я всажу тебѣ ножъ въ горло, хотя бы въ палатахъ цезаря.

— Поговоримъ спокойно,—отвѣтилъ Петроній,—сталь, какъ ты видишь, крѣпче желѣза, и хотя бы изъ одной твоей руки можно было бы сдѣлать двѣ моихъ, мнѣ нѣтъ необходимости бояться тебя. За то я скорблю надъ твоею невѣжливостью, и еслибъ человѣческая неблагодарность могла бы еще удивлять меня, я дивился бы твоей неблагодарности.

— Гдѣ Лигія?

— Въ лупанаріи, то-есть въ домѣ цезаря.

— Петроній!

— Успокойся и сядь. Я просилъ цезаря о двухъ вещахъ: прежде всего, взять Лигію изъ дома Авла, и, во-вторыхъ, отдать ее тебѣ. Нѣтъ ли у тебя ножа гдѣ-нибудь въ складкахъ твоей тоги? Можетъ быть, ты пырнешь меня имъ. Но я совѣтую тебѣ подождать дня два, потому что тебя посадили бы въ темницу, а въ это время Лигія скучала бы въ твоемъ домѣ.

Наступило молчаніе. Виниций посмотрѣлъ на Петронія изумленными глазами, потомъ сказалъ:

— Прости мнѣ. Я люблю ее,—любовь сбила съ толку всѣ мои мысли.

— Ты долженъ удивляться мнѣ, Маркъ. Третьяго дня я сказалъ цезарю такъ: мой племянникъ Виниций такъ полюбилъ одну сухощавую дѣвчонку, которая воспитывается у Авла, что домъ его обратился въ паровую баню отъ его воздыханій. Ни ты, ни я, которые знаемъ, что̀ такое значитъ истинная красота,—сказалъ я цезарю,—не дали бы за нее и тысячи сестерцій, но мальчикъ и всегда былъ глупъ, какъ теленокъ, а теперь оглупѣлъ въ конецъ.

— Петроній!

— Если ты не понимаешь, что я сказалъ это съ цѣлью обезопасить Лигію, то я готовъ вѣрить, что сказалъ правду. Я внушилъ цезарю, что такой эстетикъ, какъ онъ, не можетъ найти эту дѣвочку красивою, и Неронъ, который до сихъ поръ не смѣетъ смотрѣть иначе, какъ моими глазами, красоты въ ней не найдетъ, а не найдетъ, такъ и не пожелаетъ твоей Лигіи. Нужно было обезопаситься отъ этой обезьяны и посадить ее на цѣпь. На Лигію теперь обратитъ вниманіе не онъ, а Поппеа и, очевидно, постарается какъ можно скорѣе выпроводить ее изъ дворца. А я небрежно продолжалъ говорить мѣдно-брадому: «Возьми Лигію и отдай ее Виницію. Ты имѣешь право сдѣлать это, потому что она заложница, а если сдѣлаешь такъ, то доставишь непріятность Авлу». И онъ согласился. Онъ не имѣлъ ни малѣйшаго повода не соглашаться, тѣмъ болѣе, что я предоставилъ ему возможность насолить порядочнымъ людямъ. Тебя сдѣлаютъ правительственнымъ хранителемъ заложницы, выдадутъ тебѣ на руки это лигійское сокровище, а ты, какъ союзникъ храбрыхъ лигійцевъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и вѣрный слуга цезаря, не только ничего не утратишь изъ этого сокровища, но еще и постараешься о его приумноженіи. Цезарь, для сохраненія приличій, задержитъ ее на нѣсколько дней въ своемъ дворцѣ, а потомъ препроводитъ въ твою инсулу... Счастливецъ!

— Правда ли это? Ей дѣйствительно ничто не угрожаетъ въ домѣ цезаря?

— Еслибъ она должна была поселиться тамъ надолго, то Поппеа потолковала бы о ней съ Локустой (извѣстная составительница ядовъ), но въ теченіе нѣсколькихъ дней ей ничего не грозитъ. Во дворцѣ цезаря десять тысячъ человѣкъ народу. Быть можетъ, Неронъ совсѣмъ не увидитъ ее, тѣмъ болѣе, что все дѣло онъ довѣрилъ мнѣ до такой степени, что нѣсколько часовъ тому назадъ у меня былъ центуріонъ съ извѣстіемъ, что препроводилъ дѣвушку во дворецъ и сдалъ ее на руки Актеѣ. Актея—добрая душа, поэтому я и приказалъ Лигію отдать ей. Помпонія Грецина, очевидно, того же мнѣнія, потому что сама писала къ ней. Завтра у Нерона пиръ. Я выговорилъ тебѣ мѣсто около Лигіи.

— Прости мнѣ, Кай, мою раздражительность, — сказалъ Виницій. —Я думалъ, что ты приказалъ увести ее для себя или для цезаря.

— Я могу извинить тебѣ твою раздражительность, но мнѣ труднѣе простить тебѣ грубыя тѣлодвиженія, пронзительный крикъ, напоминающій объ игрокахъ въ мору. Я не люблю этого, Маркъ, и

впередъ ты будь осторожнѣе. Знай, что при цезарѣ поставщикомъ женщинъ состоитъ Тигеллинъ, знай и то, что еслибъ я хотѣлъ добыть Лигію для себя, то смотрѣлъ бы тебѣ прямо въ глаза и сказалъ бы: «Виницій, я отнимаю у тебя Лигію и буду держать ее у себя до тѣхъ поръ, пока она мнѣ не надоѣстъ.

И онъ посмотрѣлъ на Виниція своими орѣховыми глазами съ выраженіемъ холодной самоувѣренности. Молодой человѣкъ смутился окончательно.

— Вся вина на моей сторонѣ,—сказалъ онъ.—Ты добръ, благороденъ, и я благодарю тебя отъ всей души. Позволь мнѣ только задать тебѣ еще одинъ вопросъ: отчего ты не приказалъ отвести Лигію прямо въ мой домъ?

— Потому, что цезарь хочетъ соблюсти приличія. Во всемъ Римѣ будутъ говорить, что мы беремъ Лигію, какъ заложницу, и пока будутъ говорить, она останется во дворцѣ цезаря. Потомъ ее потихоньку отошлетъ къ тебѣ въ домъ, и дѣлу конецъ. Мѣднобрадый — трусливая собака. Онъ знаетъ, что власти его нѣтъ границъ, а, однако, старается обставить благовидно каждое свое дѣяніе. Остылъ ты до такой степени, чтобы немного пофилософствовать? Мнѣ самому не одинъ разъ приходило въ голову, почему всякое преступленіе, хотя бы оно было велико, какъ цезарь, и такъ же, какъ онъ, увѣрено въ своей ненаказуемости, всегда стремится прикрыть себя закономъ, справедливостью и добродѣтелью? Для чего ей это безпокойство? Я убѣжденъ, что убить брата, мать и жену— это приличествуетъ скорѣе какому-нибудь азіатскому царьку, чѣмъ римскому цезарю; но если бы со мной случилось что-нибудь подобное, я не писалъ бы оправдательныхъ писемъ къ сенату... А Неронъ пишетъ, Неронъ ищетъ оправданій, потому что Неронъ—трусъ. Но, скажемъ, Тиберій,—онъ не былъ трусомъ, а, все-таки, оправдывался въ каждомъ своемъ проступкѣ. Почему же это такъ? Что это за странная невольная дань, которую зло слагаетъ у подножія добродѣтели? И знаешь, что мнѣ кажется? Дѣлается это потому, что порокъ отвратителенъ, а добродѣтель прекрасна. Ergo, истинный эстетикъ въ силу этого и добродѣтельный человѣкъ. Ergo, я человѣкъ добродѣтельный. Я долженъ буду сегодня возлить на жертвенникъ вина въ память тѣней Протагора, Продика и Горгія. Оказывается, что и софисты могутъ на что-нибудь пригодиться. Слушай, потому что я реку дальше. Я отнялъ Лигію у Авла для того, чтобъ отдать ее тебѣ. Хорошо. Но Лизиппъ создалъ бы изъ васъ чудеснѣйшую группу. Вы оба прекрасны, значитъ, и мой поступокъ прекрасенъ, а коли онъ прекрасенъ, онъ не можетъ быть дурнымъ.

Взирай, маркъ, передъ тобой сидитъ добродѣтель, воплощенная въ Каѣ Петроніѣ! Еслибъ Аристидъ былъ живъ, онъ долженъ былъ бы придти ко мнѣ и подарить мнѣ сто минъ за краткое изложеніе добродѣтели.

Но Виниціи, какъ человѣкъ, котораго дѣйствительность занимала больше, чѣмъ изложеніе добродѣтели, сказалъ:

— Завтра я увижу Лигію, а потомъ буду видѣть ее въ своемъ домѣ каждый день, и такъ до самой смерти.

— Ты будешь обладать Лигіей, а мнѣ на голову сядетъ Авлъ. Призоветъ онъ на меня месть всѣхъ подземныхъ боговъ... Да хоть бы, по крайней мѣрѣ, животное, взялъ бы урокъ хорошей декламаціи!... Нѣтъ, онъ будетъ бранить меня такъ, какъ мой прежній придверникъ бранилъ меня передъ моими кліентами, за что я сослалъ его въ деревню.

— Авлъ былъ у меня. Я обѣщалъ ему прислать извѣстіе о Лигіи.

— Напиши ему, что воля «божественнаго» цезаря — высшій законъ, и что твой первый сынъ будетъ носить имя Авла. Нужно и старику предоставить какое-нибудь утѣшеніе. Я готовъ просить мѣднобрадаго, чтобъ онъ пригласилъ Авла на завтрашнее пиршество. Пусть бы онъ увидѣлъ тебя въ триклиніи рядомъ съ Лигіей.

— Не дѣлай этого,—сказалъ Виниціи.—Мнѣ, все-таки, жаль ихъ, въ особенности Помпонію.

И онъ сѣлъ писать письмо, которое у стараго вождя отняло послѣднюю надежду.

В. Л.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

* *
*

Гдѣ ты, молодость, съ бурями шумными,
Съ вдохновенными снами безумными,
Съ вешнимъ трепетомъ пылкихъ рѣчей,
Съ соловьями, съ волшебными сказками,
Съ поцѣлуями, клятвами, ласками,
Съ цѣлымъ моремъ огня и лучей?

То, что было тобою посѣяно,
Или вихрями жизни развѣяно,
Или вырвано злою рукой,
Иль упало на почву безплодную,
Иль загублено въ зиму холодную,
Иль потоплено мутной рѣкой.

Ничего отъ тебя не осталося!
Надъ тобою судьба посмѣялася,
А какъ пышно-бъ разцвѣсть ты могла!
Да на горе вражда тебя встрѣтила,
И ничья-то душа не отвѣтила
На призывъ твой средь мрака и зла!

А. Өедоровъ.

О резюме предсѣдателя.

Въ настоящее время всѣми признано, что непосредственность, гласность, непрерывность, состязательность и равноправность сторонъ являются основными принципами уголовнаго суда, и если эти начала терпятъ въ своемъ примѣненіи, то страдаетъ и правосудіе. Изъ всѣхъ реформъ суда лучшимъ хранителемъ этихъ устоевъ правосудія безспорно является судъ присяжныхъ; онъ же, кромѣ того, лучшій судъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Идеаленъ тотъ судъ, который независимъ отъ вліянія сторонъ, общества и администраціи, обладаетъ способностью правильно рѣшать дѣла, индивидуализируя каждый отдѣльный случай, и внушаетъ къ себѣ довѣріе, а этимъ условіямъ наиболѣе удовлетворяетъ опять-таки судъ присяжныхъ (ср. ст. проф. Даневскаго въ *Русской Мысли*, 1895 г., кн. I—II: *Сравнительное обозрѣніе нѣкоторыхъ формъ народнаго суда*). Вотъ почему такъ и сильна у насъ вѣра въ то, что коммиссія, образованная при министерствѣ юстиціи для пересмотра судебныхъ уставовъ, не только не уничтожитъ суда присяжныхъ, но и расширитъ его компетенцію. Этою же вѣрой вызвана и настоящая замѣтка, такъ какъ теперь вполнѣ кстати сказать нѣсколько словъ о резюме предсѣдателя, которое имѣетъ большое значеніе при постановленіи приговоровъ съ участіемъ присяжныхъ.

Характеръ заключительной рѣчи предсѣдательствующаго по нашимъ уставамъ таковъ (ст. 801 и слѣд. уст. уг. суд.): предъ врученіемъ старшинѣ присяжныхъ вопроснаго листа предсѣдатель 1) объясняетъ присяжнымъ существенныя обстоятельства дѣла и законы, относящіеся къ опредѣленію свойствъ разсматриваемаго преступленія или проступка; 2) объясняетъ общія юридическія основанія къ сужденію о силѣ доказательствъ, приведенныхъ въ пользу и противъ подсудимаго, причемъ эти основанія излагаются не въ видѣ непреложныхъ положеній, но лишь въ смыслѣ предостереженія отъ всякаго увлеченія къ обвиненію или оправданію; 3) возстановляетъ обстоятельства и истинный разумъ закона, буде они неправильно были изложены сторонами, удерживаясь при этомъ отъ обнаруженія собственнаго мнѣнія, равно какъ и отъ приведенія обстоятельствъ, не бывшихъ предметомъ судебнаго состязанія, и, наконецъ, 4) напоминаетъ при-

сяжнымъ объ обязанности постановить приговоръ по убѣжденію, основанному на всей совокупности данныхъ дѣла, и о правѣ давать снисхожденіе.

Является вопросъ: слѣдуетъ ли удержать въ нашемъ будущемъ законодательствѣ резюме предсѣдателя въ томъ же видѣ, или его надо измѣнить, а, можетъ быть, и совсѣмъ уничтожить? Постараемся дать отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Присяжные предполагаются людьми житейскаго опыта, могущими хорошо оцѣнить каждую подробность дѣла и опредѣлить, какъ надо отнестись къ субъекту даннаго положенія и качествъ, совершившему тотъ или другой поступокъ при извѣстной обстановкѣ. Но они не предполагаются людьми, которые искусились въ тонкихъ логическихъ построеніяхъ и которые свободно могутъ оперировать съ разнообразными юридическими понятіями, извлекая при этомъ истину изъ такого разнообразнаго матеріала, какъ проходимыя передъ ними на судѣ доказательства, освѣщаемыя затѣмъ сторонами—каждой по-своему, подчеркиваемыя ими такъ или иначе и часто съ одинаковою убѣдительностью. А наше судебное слѣдствіе какъ разъ и построено на идеѣ раздѣленія труда (равноправность, состязательность), на принципѣ, что изъ столкновенія мнѣній и рождается истина.

Съ другой стороны, предсѣдатель, это—опытный юристъ, которому каждое юридическое понятіе знакомо во всѣхъ его оттѣнкахъ, привыкшій быстро отличать логически правильные выводы ораторовъ отъ софистическихъ, способный легко систематизировать и резюмировать доводы pro и contra, что̀ очень и очень помогаетъ оріентироваться въ этихъ доказательствахъ, остерегаетъ отъ увлеченій и т. д.

Не естественно ли отсюда заключеніе, что для присяжныхъ передъ постановленіемъ приговора необходимо выслушать резюме предсѣдателя? Многіе процессуалисты это и считаютъ непреложнымъ.

Другіе, убѣдившись изъ судебной практики, что резюме, столь полезное a priori, въ дѣйствительности далеко не всегда служитъ дѣлу правосудія, уясненію присяжными уголовно-судебной истины, а часто, напротивъ, оказываетъ на нихъ нежелательное давленіе въ одну какую-нибудь сторону, рекомендуютъ судамъ обходиться совсѣмъ безъ предсѣдательскаго напутствія.

Намъ думается, что правильно рѣшить вопросъ о полезности резюме можно только въ связи съ рѣшеніемъ другого вопроса, именно о томъ, каково должно быть содержаніе этой рѣчи предсѣдательствующаго, а оно можетъ быть различно.

Самое полное резюме, какое мы себѣ представляемъ, будетъ состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) Предсѣдатель, прежде всего, можетъ остановиться въ своемъ заключительномъ словѣ на фактической сторонѣ дѣла и изложить ее, т.-е. всѣ обстоятельства, безпристрастно, не окрашивая подробностей въ тотъ или другой цвѣтъ; здѣсь же, кромѣ того, онъ можетъ внести поправки въ изложеніе сторонами фактовъ, если оно въ томъ нуждается. 2) Вторая часть резюме можетъ быть отведена объясненію [illegible]

началами слѣдуетъ руководиться при обсужденіи силы и значенія того или другого доказательства, приводимаго по дѣлу, наприм., оговора, свидѣтельскихъ показаній, заключенія свѣдущихъ людей и т. д. 3) Дальнѣйшая часть напутствія можетъ быть также юридическаго характера; ее возможно посвятить толкованію разнаго рода законовъ, какъ относящихся къ составу преступленія, судимаго присяжными, такъ и другихъ, иногда и гражданскихъ, каноническихъ и т. д. 4) Затѣмъ можетъ имѣть мѣсто выясненіе передъ присяжными того, какое наказаніе ожидаетъ подсудимаго, если на тотъ или другой вопросъ воспослѣдуетъ утвердительный отвѣтъ, если подсудимаго признаютъ заслуживающимъ снисхожденія, если подсудимый малолѣтенъ, если будетъ отвергнутъ какой-нибудь признакъ, наприм., взломъ при кражѣ, предумышленность при убійствѣ и т. д. 5) Въ послѣдней части резюме могутъ быть преподаны правила, какъ должно опредѣлять вину или невиновность подсудимаго, а также объяснены право на признаніе подсудимаго заслуживающимъ снисхожденія и другія, предоставленныя закономъ присяжнымъ.

Какіе же изъ этихъ отдѣловъ резюме могутъ сдѣлать изъ него дѣйствительно безпристрастное напутствіе присяжнымъ со стороны опытнаго, авторитетнаго юриста?

1) Предсѣдательствующій—такой же человѣкъ, какъ и прочіе, и у него также складывается о дѣлѣ мнѣніе, въ силу котораго онъ и смотритъ на тотъ или другой фактъ изъ дѣла подъ извѣстнымъ уже угломъ зрѣнія. Поэтому полнаго безпристрастія въ изложеніи имъ *фактической* стороны дѣла отъ него ждать нельзя. Да и къ чему послужило бы это, еслибъ онъ сталъ передавать присяжнымъ всякій мелкій фактъ, который уже проходитъ предъ ними во время судебнаго слѣдствія? Въ результатѣ получилась бы одна только напрасная трата времени на повтореніе уже извѣстнаго, да утомленіе присяжныхъ, а сознаніе, что такое повтореніе обязательно будетъ, на иныхъ присяжныхъ повліяло бы, пожалуй, самымъ вреднымъ образомъ: они не стали бы такъ внимательно относиться къ судебному слѣдствію и принципъ непосредственности пострадалъ бы. Но, скажутъ, можно ограничиться лишь существенными обстоятельствами дѣла. Мы должны высказаться и противъ такого сокращеннаго повторенія фактической стороны: самый безпристрастный человѣкъ не въ состояніи выдвинуть одинаковое количество существенныхъ обстоятельствъ pro и contra подсудимаго; затѣмъ, кто поручится, что считаемое предсѣдателемъ за существенное и на самомъ дѣлѣ таково, а, между тѣмъ, это quasi-существенное, какъ подчеркнутое предсѣдателемъ, запечатлѣвается въ умахъ присяжныхъ сильнѣе и легко можетъ заслонить собою обстоятельства большаго значенія. А если предсѣдатель не вполнѣ объективенъ и болѣе склоненъ, по складу своего ума, наприм., къ обвиненію (въ Россіи большинство предсѣдателей—бывшіе прокуроры, что почти всегда отражается на ихъ предсѣдательской дѣятельности)? Такой предсѣдатель, часто даже незамѣтно для себя, излагая всѣ ли только существенныя обстоятельства дѣла, многія изъ нихъ (оправ-

дательныя) умалитъ, хотя и упомянетъ о нихъ, а другія (обвинительныя) выдвинетъ на первый планъ, передавши ихъ ярко, картинно. Правосудіе въ такихъ случаяхъ будетъ въ прямомъ проигрышѣ и исправить приговоръ присяжныхъ, произнесенный подъ вліяніемъ резюме умнаго, талантливаго, но не объективнаго предсѣдателя, почти не будетъ возможности. Въ самомъ дѣлѣ, какъ можно доказать предъ сенатомъ, что кассируемый приговоръ есть результатъ резюме, въ которомъ предсѣдатель гораздо краснорѣчивѣе изъяснялъ обстоятельства противъ подсудимаго и слабѣе защитительныя? Въ этихъ случаяхъ чѣмъ талантливѣе предсѣдатель, тѣмъ онъ неуловимѣе для кассатора и тѣмъ легче можетъ, соблюдая форму безпристрастія, быть по существу крайне одностороннимъ, а, слѣдовательно, и вреднымъ для правосудія.

Автору лично извѣстны подобныя резюме предсѣдателей-обвинителей; они приводили четыре-пять обвинительныхъ уликъ, самыхъ вѣскихъ, и дальше говорили: «Какой выводъ сдѣлаете вы, гг. присяжные, изъ этого, дѣло вашей совѣсти; вы можете этому не придать большого значенія и, наоборотъ, счесть за ясныя доказательства невиновности такія-то данныя (тутъ перечислялись два-три слабыхъ довода защиты); я же прошу лишь вынести приговоръ по разсмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ дѣла». Другіе предсѣдатели держались такой системы: они излагали извѣстныя обстоятельства, напоминали, какіе выводы сдѣлала изъ нихъ защита, и прибавляли: «Вы имѣете полное право согласиться съ защитою, хотя можете отвергнуть ея заключеніе, если, наприм., придете къ убѣжденію, что эти обстоятельства могутъ свидѣтельствовать и о томъ, что (тутъ дѣлался изъ тѣхъ же обстоятельствъ, иногда съ натяжкою, но остроумно, выводъ въ пользу обвиненія, не бывшій даже въ виду у прокурора); я не навязываю вамъ этого вывода и по закону даже не могу высказывать своего мнѣнія, но прошу только всесторонне обсудить доказательства». Такимъ образомъ, изложеніе предсѣдательствующимъ фактической стороны дѣла всегда излишне, а часто и вредно; если оно и желательно, то лишь въ предѣлахъ указанія допущенныхъ сторонами *невѣрностей* въ передачѣ фактовъ.

2) Иное надо сказать по поводу разъясненій о силѣ и значеніи какъ отдѣльныхъ доказательствъ, такъ и ихъ совокупности. Ученіе о доказательствахъ слагалось вѣками, оно присяжнымъ неизвѣстно, и ихъ необходимо посвятить въ него, чтобы приговоръ былъ справедливъ. Но здѣсь, опять-таки, слѣдуетъ всегда имѣть въ виду одно—разъясненія, касающ[illegible]ся доказательствъ, могутъ быть двоякаго рода: говоря, наприм., о силѣ [illegible]видѣтельскихъ показаній, предсѣдатель можетъ указать вообще, что для опр[illegible]дѣленія значенія того или другого свидѣтельскаго показанія присяжные дол[illegible]жны обсудить: а) имѣлъ ли свидѣтель возможность знать, о чемъ онъ пок[illegible]зываетъ, т.-е. степень близости свидѣтеля къ событію и обстановку, с[illegible]еди которой совершалось наблюденіе (дальность разстоянія, ночное в[illegible]я и проч.); б) былъ ли свидѣтель способенъ понять совершавшееся [illegible]едъ

нимъ и насколько онъ способенъ изложить понятое, т.-е. значеніе преходящихъ и постоянныхъ индивидуальныхъ свойствъ свидѣтеля (близорукость, развитость, память, волненіе, рѣчистость и т. д.) и в) имѣетъ ли свидѣтель желаніе сказать правду, т.-е. значеніе, для наличности этого желанія, отношенія свидѣтеля къ обвиняемому, наприм., характеръ свидѣтеля (наклонность къ преувеличенію), репутаціи его, насколько это выяснилось изъ дѣла (положимъ, свидѣтель уже разъ обвинялся въ лжесвидѣтельствѣ). Все это предсѣдатель можетъ высказать предъ присяжными, не касаясь личности свидѣтелей по данному дѣлу, но можетъ дать эти же объясненія и ad hoc, иначе—примѣнительно къ свидѣтелю Петрову или Иванову. Смѣемъ думать, что первый способъ объясненія правилъ о силѣ доказательствъ предпочтительнѣе, ибо даетъ возможность предсѣдателю быть безпристрастнѣе и не касаться фактической стороны дѣла, выхватывая изъ него по своему усмотрѣнію то или другое обстоятельство.

3) Мы не смѣемъ высказаться и противъ третьяго отдѣла резюме: знаніе юридической стороны дѣла, кромѣ пользы, присяжнымъ ничего не принесетъ. Это знаніе имъ необходимо: по основному положенію матеріальнаго уголовнаго права субъектъ не можетъ подлежать наказанію, а, слѣдовательно, и быть признанъ виновнымъ, какъ бы безнравственно и вредно для общества ни было его дѣяніе, разъ только этотъ поступокъ не облагается уголовною карой. Часто между возмутительнымъ по своимъ свойствамъ дѣяніемъ, но все же ненаказуемымъ, и между преступленіемъ имѣется очень тонкая грань, и присяжные должны знать ее для того, чтобъ ихъ приговоръ не только былъ справедливъ, какъ общественное порицаніе автору такого поступка, но и удовлетворялъ всѣмъ формальнымъ требованіямъ. Юридическія свѣдѣнія нужны для присяжныхъ и для безошибочнаго опредѣленія степени осуществленія преступной воли во внѣ и для опредѣленія формы соучастія или прикосновенности даннаго лица къ преступленію, и во многихъ другихъ отношеніяхъ.

Разумѣется, гораздо полезнѣе для правосудія, чтобы всѣ эти данныя получались присяжными отъ лица наиболѣе компетентнаго въ ихъ глазахъ по своему положенію, т.-е. отъ предсѣдателя. При этомъ интересы сторонъ ничѣмъ не будутъ нарушены, если законъ предоставитъ и имъ право касаться юридической стороны дѣла въ своихъ рѣчахъ и, кромѣ того, дастъ имъ нѣкоторыя другія гарантіи, о которыхъ рѣчь впереди.

4) А возможно ли и нужно ли говорить предсѣдателю объ отвѣтственности, о наказаніи? По уставамъ, наприм., нельзя, по нашему же крайнему разумѣнію—должно, необходимо. Если и запрещается у насъ присяжнымъ знать о наказаніи, то единственно подъ вліяніемъ устарѣвшаго уже теперь и потерявшаго всякій кредитъ въ наукѣ мнѣнія, будто присяжные незамѣнимы только при оцѣнкѣ вопросовъ факта, вопросы же права имъ не по плечу и должны рѣшаться юристами. Но и само дѣйствующее нынѣ законодательство не выдержало во всей строгости этого взгляда, ибо предоставило присяжнымъ рѣшать и такіе вопросы, какъ о наличности взлома

при кражѣ, предумышленности при убійствѣ, легкомыслія при растратѣ, степени разумѣнія при несовершеннолѣтіи преступника и т. д., т.-е. объ обстоятельствахъ не столько фактическаго значенія, *сколько правового*, такъ какъ они и интересны для правосудя лишь со стороны ихъ вліянія на отвѣтственность, на наказаніе виновнаго. Такимъ образомъ, дѣленіе вопросовъ, подлежащихъ разрѣшенію суда, на вопросы факта и права въ настоящее время смѣнилось дѣленіемъ ихъ *на вопросы виновности и наказанія*. Одинъ шагъ впередъ сдѣланъ,—отчего не сдѣлать другого? Вѣдь, отвѣчая на вопросъ: «виновенъ ли субъектъ въ содѣянномъ?»—люди всегда будутъ сообразоваться съ будущею отвѣтственностью этого субъекта; вѣдь, «виновенъ» означаетъ «слѣдуетъ покарать», и если я знаю, что за моимъ утвердительнымъ отвѣтомъ о виновности послѣдуетъ заключеніе подсудимаго въ тюрьму на три мѣсяца, то смѣло и со спокойною душой скажу «да», а если этого субъекта ожидаетъ каторга до восьми лѣтъ, то по совѣсти произнесу: «нѣтъ, не виновенъ». Въ виду этой-то неразрывной связи, которую имѣютъ выраженія «виновенъ» и «подлежитъ наказанію», ставшія *синонимами*, и невозможно далѣе скрывать отъ присяжныхъ, какая кара ждетъ подсудимаго: они все равно справляются съ наказаніемъ, и вся разница теперешняго порядка вещей и рекомендуемаго нами сводится лишь къ тому, что тогда присяжные принимали бы въ соображеніе *дѣйствительно грозящее* субъекту наказаніе, а не воображаемое часто только ими. Намъ много разъ приходилось слышать отъ присяжныхъ, послѣ окончанія процесса, завершившагося обвинительнымъ вердиктомъ: «Какъ строго!... Мы не знали, иначе оправдали бы». Въ другихъ случаяхъ оправдательный приговоръ произносился изъ боязни, что подсудимаго постигнетъ черезъ-чуръ суровая кара. Въ силу изложеннаго, мы и стоимъ за то, чтобы присяжные ознакомлялись съ размѣромъ будущей отвѣтственности подсудимаго, и ознакомлялись съ этимъ именно изъ резюме предсѣдательствующаго, какъ наиболѣе авторитетнаго изъ участвующихъ въ процессѣ. Конечно, мы этимъ не хотимъ сказать, что слѣдуетъ запретить сторонамъ совсѣмъ касаться вопросовъ о наказаніи,—это было бы другою крайностью: коль скоро ораторъ находитъ нужнымъ коснуться этого въ своей рѣчи и выяснить, что̀ ждетъ подсудимаго, если, наприм., присяжные признаютъ его виновнымъ, но заслуживающимъ снисхожденія или совершившимъ преступленіе единственно по крайности и совершенному неимѣнію никакихъ средствъ къ пропитанію и работѣ, или отвергнутъ какой-нибудь признакъ,—положимъ, вооруженность при кражѣ,—онъ, понятно, можетъ и долженъ это сдѣлать, но предсѣдатель, все-таки, обязанъ своимъ авторитетнымъ словомъ, такъ сказать, освятить подобныя заявленія сторонъ, чтобъ у присяжныхъ не оставалось уже ни малѣйшаго сомнѣнія относительно размѣра наказанія.

5) Заключительныя, наконецъ, слова напутствія имѣютъ, разумѣется, также не малый смыслъ, такъ какъ обращаются къ людямъ неопытнымъ въ техникѣ разрѣшенія поставляемыхъ судомъ вопросовъ.

Вотъ если председательское резюме будетъ такого характера, какъ мы старались определить выше, то, думается, противъ него не найдется ни одного более или менее серьезнаго возраженія: съ одной стороны, оно будетъ избавлено отъ тѣхъ недостатковъ, которыми страдаетъ теперь, а съ другой — много послужитъ дѣлу правосудія. И такъ, резюме уничтожать отнюдь не слѣдуетъ, какъ то сдѣлано во Франціи, а его надо только наполнять строго опредѣленнымъ, указаннымъ содержаніемъ.

Заканчивая настоящую замѣтку, скажемъ еще нѣсколько словъ. Предсѣдатель, какъ бы онъ ни былъ авторитетенъ, по своему вполнѣ заслуженному положенію, и безпристрастенъ, по предполагающейся у него добросовѣстности, все-таки, въ своемъ резюме и нашего образца можетъ чего-нибудь не договорить, не объяснить, или объяснить такъ, что присяжные, не будучи юристами, въ состояніи вывести изъ этого не совсѣмъ правильное заключеніе. Какъ быть въ такихъ случаяхъ? Положимъ, по дѣлу о такъ называемомъ преступленіи противъ женской чести присяжные выслушали два различныхъ заключенія экспертовъ, одинъ изъ коихъ—спеціалистъ-гинекологъ, а другой—профессоръ формакологіи; положимъ далѣе, предсѣдатель, указывая присяжнымъ, чѣмъ они должны руководиться при оцѣнкѣ этихъ двухъ различныхъ экспертизъ, рекомендовалъ имъ обратить вниманіе и на то, чѣмъ каждый изъ экспертовъ спеціально занимался и въ чемъ онъ поэтому можетъ считаться болѣе компетентнымъ, но упустилъ изъ вида и не упомянулъ, что профессоръ фармакологіи за 2—3 года предъ тѣмъ занималъ каѳедру судебной медицины въ теченіе цѣлыхъ 15 лѣтъ. Сторона, внимательно относящаяся къ дѣлу, добросовѣстно исполняющая свои профессіональныя обязанности, чувствуетъ, что подобныя разъясненія объ оцѣнкѣ экспертизъ, вѣрныя сами по себѣ, въ данномъ случаѣ легко введутъ присяжныхъ въ заблужденіе, и у нея является естественное стремленіе внести поправку въ резюме. Поэтому, чтобы дать выходъ такому законному стремленію сторонъ, чтобъ избавить ихъ отъ необходимости заносить потомъ въ протоколъ ту или другую часть резюме или его выраженіе (это и затруднительно, и щекотливо), мы и предлагаемъ ввести въ законъ такое положеніе: по окончаніи резюме предсѣдатель обязанъ спросить стороны, не желаютъ ли онѣ, чтобъ имъ было что-либо дополнено къ сказанному или разъяснено. Всѣ такія просьбы будутъ касаться *юридической* стороны дѣла, не скрываемой отъ присяжныхъ, и никакихъ недоразумѣній между сторонами и предсѣдателемъ не породятъ, а для того, чтобы затѣмъ избавиться отъ запротоколированія по ходатайству стороны трудно возстановимыхъ обстоятельствъ, касающихся резюме, слѣдуетъ обязательно, т.-е. безъ просьбъ сторонъ, заносить въ протоколъ какъ самыя ходатайства сторонъ о дополненіяхъ и разъясненіяхъ, такъ и эти послѣднія. Такой порядокъ, смѣемъ надѣяться, сверхъ того разовьетъ больше общенія и *солидарности* между сторонами и предсѣдателемъ, какъ юристами, работающими надъ однимъ общимъ дѣломъ, и безъ всякаго ущерба для правосудія избавитъ сенатъ отъ очень многихъ кассаціонныхъ жалобъ.

Мы не выдаемъ поправокъ, вносимыхъ нами въ резюме, и послѣднихъ нашихъ замѣчаній за нѣчто непреложное и будемъ рады, если кто-либо предложитъ лучшее, но безусловно вѣрнымъ считаемъ то, что этотъ отдѣлъ судебнаго разбирательства требуетъ исправленій.

Если таковыя будутъ внесены въ нашъ будущій уставъ и если при этомъ будетъ реформировано также предварительное слѣдствіе, то нашъ институтъ присяжныхъ станетъ еще болѣе популярнымъ судомъ и пріобрѣтетъ еще болѣе возможности правильно и съ честью отправлять дѣло правосудія въ Россіи.

Сергѣй Викторскій.

Рѣчь передъ диспутомъ.

(15 марта).

Господствующимъ мотивомъ современной общественной мысли и художественной литературы слѣдуетъ признать стремленіе унизить цивилизацію, развѣнчать вѣковыя усилія человѣческаго ума, дискредитировать науку.

Сознательная просвѣтительная дѣятельность приносится въ жертву своевольной игрѣ воображенія, легко переходящей въ мистицизмъ,—идеѣ непротивленія злу, прямымъ путемъ ведущей или къ буддійской нирванѣ, или къ первобытной власти инстинкта надъ человѣческою жизнью и нравственностью.

Эти идеалы, стяжавшіе нашему концу вѣка печальное наименованіе эпохи декаданса, не остаются исключительнымъ достояніемъ художественныхъ натуръ, часто смѣшивающихъ настроенія съ идеями. Они овладѣваютъ строгими научными умами, превращаются въ теоріи и законы.

Въ самое послѣднее время мы должны были присутствовать при оригинальномъ зрѣлищѣ. Среди извѣстнѣйшихъ публицистовъ и ученыхъ Франціи происходилъ и, вѣроятно, еще не пришелъ къ концу, оживленный обмѣнъ мнѣній на счетъ цѣлесообразности какихъ бы то ни было научныхъ изслѣдованій.

Одни, вооруженные всѣми результатами новѣйшаго знанія, доказывали безплодность его, безсиліе удовлетворить высшимъ запросамъ ума и благороднѣйшимъ чаяніямъ сердца. Созданія и открытія мысли лишены положительнаго значенія, потому что не дѣлаютъ людей ни счастливѣе, ни нравственнѣе.

Другимъ—защитникамъ противуположнаго взгляда—пришлось отстаивать даже ту область умственной дѣятельности, которая нашему столѣтію внушала особенно восторженныя надежды,—естествознаніе. Перечислять его блестящія завоеванія самимъ сторонникамъ кажется банальнымъ и безплоднымъ пріемомъ. Фактическіе результаты не убѣдительны для тѣхъ, кто не видитъ въ нихъ прямого воздѣйствія на духовное и матеріальное благополучіе личности и общества.

На подобное воззрѣніе, можетъ быть, и затруднительно отвѣчать естествоиспытателямъ, но отвѣтъ въ высшей степени облегчается, если перенести вопросъ изъ области изученія природы на почву культурной дѣятельности человѣческаго разума.

Здѣсь исторія знаетъ эпоху, уже отъ своихъ современниковъ получившую названіе *эпохи разума, просвѣщенія*,—до такой степени были обильны и внушительны ея идейные плоды.

На разстояніи вѣка не всѣ они кажутся намъ одинаковой цѣны и свѣжести, но и послѣ разочарованій и строжайшей критики отъ наслѣдія прошлаго останется достаточно благодѣяній, чтобы самое общее представленіе о XVIII вѣкѣ признать краснорѣчивѣйшимъ возраженіемъ на какія угодно сомнѣнія въ силѣ дѣятельной мысли, въ плодотворности нравственной борьбы отдѣльныхъ личностей противъ общественныхъ золъ.

Въ первый разъ въ исторіи цивилизаціи нѣсколько человѣкъ, владѣющихъ единственнымъ оружіемъ—словомъ, задумываютъ перестроить на новыхъ основахъ семью, общество, церковь, государство. И раньше, чѣмъ начать дѣло реформы, имъ предстоитъ еще отвоевать себѣ поле дѣйствія, заставить сильныхъ прислушаться къ ихъ рѣчамъ, а слабыхъ—сознательно отнестись къ ихъ замысламъ.

Просвѣтители застаютъ могущественное государство, но оно ничто иное, какъ крѣпостная вотчина, основанная на привилегіяхъ и неправдахъ. Они попадаютъ въ культурное общество, но оно все пропитано вѣковыми предразсудками, сословнымъ эгоизмомъ, личнымъ безсердечіемъ. Имъ предшествуетъ блестящая литература, но она въ теченіе двухъ вѣковъ служила привилегированнымъ, почти не занималась обдѣленными, и весьма часто даже оправдывала ихъ подневольное существованіе.

И за покорность и угодливость писатели не выходили изъ ролей лакеевъ и забавниковъ, и ихъ меценаты-господа громко заявляли: «мы были бы очень несчастливы, если бы поэты не имѣли спинъ для палочныхъ ударовъ» *).

Это—въ нравственномъ отношеніи варварское общество, оно едва знакомо съ понятіемъ *талантъ*, и творческое вдохновеніе отождествляетъ съ ремесломъ, съ принадлежностями салоннаго комфорта.

Первому же просвѣтителю суждено получить жесточайшій урокъ. До тридцатидвухлѣтняго возраста Вольтеръ успѣваетъ два раза посидѣть въ Бастиліи, два раза быть изгнаннымъ, два раза избитымъ палками.

Можно ли при такихъ условіяхъ оставаться писателемъ?

Вольтеръ не только остается имъ, но увлекаетъ за собой цѣлую партію, *стадо вѣрныхъ*, какъ онъ любитъ выражаться, создаетъ *философскую церковь*, *литературную республику* и, наконецъ, испытываетъ счастье,

---

*) „Nous serions bien malheureux si les poëtes n'avaient pas les épaules“,—заявилъ епископъ, членъ знатной семьи, въ отвѣтъ на жалобу Вольтера, избитаго лакеями шевалье Рогана. *Strauss*: „Voltaire“, франц. изд., p. 37.

неслыханное ни раньше, ни позже для писателя какой бы то ни было страны. Его зàмокъ—великая европейская держава, гдѣ монархомъ—геній, а военныя силы — идеи, и этому монарху столица Франціи устраиваетъ тріумфъ, какого не видалъ ни одинъ французскій король.

Еще ближайшіе предшественники Вольтера: Расинъ, Мольеръ оффиціально не называются писателями, а нѣсколько лѣтъ спустя послѣ смерти философа, когда націи пришлось заявить правительству свои взгляды и желанія, она публицистовъ вольтеровской школы готова выбрать своими представителями, а писателя *l'homme de lettres* объявляетъ великою силой, просвѣщающею общество и указывающею ему новые пути къ счастью *).

Къ концу вѣка возникла власть, невѣдомая раньше, неожиданная для правительства—*общественное мнѣніе*. Она всецѣло—созданіе просвѣтителей, считаетъ въ своемъ подданствѣ столько же разнородныхъ элементовъ, сколько и традиціонные авторитеты, но по существу она враждебна и традиціямъ и авторитетамъ. Она выражаетъ чувства и идеи низшихъ, не привилегированныхъ классовъ.

Вольтеръ могъ быть побитъ лакеями шевалье Рогана и за обидчивость брошенъ въ Бастилію только какъ писатель-буржуа. Просвѣтительная литература и низкое происхожденіе оказывались естественными союзниками, одинаково заинтересованными въ вопросахъ общественной свободы и человѣческаго достоинства.

Отсюда ясны двѣ основныя черты философіи XVIII вѣка. Она постепенно слилась съ *общественнымъ мнѣніемъ*, а оно превратилось въ *народное настроеніе*. Ни одна философская система нигдѣ и никогда не достигала такихъ результатовъ, не направляла своихъ идей на коренное преобразованіе всего существующаго порядка и не расширяла своей школы до предѣловъ цѣлой націи. Это скорѣе *религія*, чѣмъ теорія, скорѣе *демократическая реформа*, чѣмъ явленіе искусства.

Эти понятія до такой степени убѣдительно и прочно устанавливаются дѣятельностью философовъ, что, казалось бы, они никоимъ образомъ не могли ускользнуть отъ вниманія литературныхъ и политическихъ историковъ.

На самомъ дѣлѣ, многочисленныя работы, посвященныя дореволюціонной эпохѣ, до сихъ поръ заключаютъ въ себѣ существенный пробѣлъ, не выясняютъ во всей полнотѣ *общаго духа* просвѣтительной проповѣди и допускаютъ важныя недоразумѣнія, рѣшая вопросъ объ ея распространеніи.

У самыхъ почтенныхъ изслѣдователей успѣла установиться неизмѣнная программа культурной исторіи прошлаго вѣка. Всѣмъ извѣстно, какое громадное мѣсто отводится здѣсь салонамъ, популярности идей въ высшихъ

---

*) О *l'homme de lettres* въ *Cahier de la paroisse d'Essonnes*. Chap. XI. *De l'ordre public*. *Archives pascenantaires*. IV, 527. Въ Парижѣ въ депутаты предлагались Сійэсъ, Морле и другіе дѣятели литературы, которые „разсѣяли невѣдѣніе своихъ гражданъ на счетъ правъ націи“. *Chassin*: „Les élections et les cahiers de Paris en 1789“. III, 178-190. *L'assemblée des trois ordres*.

слояхъ парижскаго общества. Просвѣтители изображаются искусными салонными говорунами—*gens de monde,* а ихъ дѣятельность философскимъ разговоромъ—*la conversation philosophique,* т.-е. чаще всего безобидною свѣтскою болтовней, которая не влечетъ къ послѣдствіямъ *).

Если философскія идеи проникаютъ въ буржуазную среду, значитъ, по представленію историковъ, буржуа превратился въ свѣтскаго кавалера, *il est du monde,* завелъ у себя салонъ и такимъ путемъ получилъ доступъ къ сокровищамъ философіи.

Какое же положеніе занимало подавляющее большинство націи, не открывавшее салоновъ, не принимавшее у себя философовъ, даже врядъ ли особенно часто пріобрѣтавшее ихъ книги?

Историки просто разрѣшаютъ вопросъ. Идеи проносились стороной мимо низшихъ классовъ французскаго населенія.

Когда изображается жизнь этихъ классовъ, мы совсѣмъ не слышимъ объ идеяхъ, узнаемъ только о бѣдственномъ существованіи горожанъ и крестьянъ и о результатѣ бѣдствій — слѣпой злобѣ, *la colère aveugle,* безсмысленныхъ подозрѣніяхъ и неудержимыхъ истребительныхъ наклонностяхъ. Передъ нами хаосъ темныхъ инстинктовъ и надъ нимъ не носится никакая одухотворяющая сознательная сила.

Необыкновенно шумная идейная борьба, вызванная философами, будто совершенно не привлекаетъ вниманія парижской толпы и провинціальнаго третьяго сословія. Такое впечатлѣніе тѣмъ болѣе странно, что вся борьба загорѣлась именно въ интересахъ «мелкаго люда», и въ эпоху революціи, по свидѣтельству самихъ историковъ, въ народныхъ собраніяхъ столицы и провинціи съ великимъ усердіемъ и подробностями обсуждались основныя положенія просвѣтительной мысли.

Очевидно, обычная программа сужденій о философіи XVIII вѣка неудовлетворительна и нуждается въ важныхъ поправкахъ и дополненіяхъ. Въ какомъ направленіи они должны быть сдѣланы, ясно изъ общаго нашего представленія о *характерѣ* и *цѣляхъ* философіи.

Прежде всего, въ истинномъ свѣтѣ должна быть изображена судьба новыхъ идей въ аристократическомъ обществѣ, подвергнута критикѣ общепризнанная роль салоновъ въ философской пропагандѣ и вообще популярность просвѣщенія среди привилегированныхъ сословій.

Въ результатѣ окажется: высшее общество, увлекаясь *Энциклопедіей* и произведеніями Руссо и Вольтера, оставалось вѣрно своему исконному взгляду на литературу: она—матеріалъ для художественныхъ, умственныхъ или, еще чаще, разговорныхъ наслажденій,—отнюдь не общественная, еще менѣе преобразовательная сила.

И такой выводъ во всемъ его объемѣ можетъ считаться новостью развѣ только для новѣйшихъ французскихъ историковъ. Онъ былъ сдѣланъ не

---

*) *Taine*: „Les origines de la France contemporaine". *L'ancien régime.* Paris, 1882, livre quatrième. *La propagation de la doctrine.*

только самими дѣятелями прошлаго вѣка, но даже ихъ аристократическою публикой, и намъ приходится установить его на подлинныхъ заявленіяхъ философовъ и ихъ великосвѣтскихъ учениковъ.

Писатели вродѣ Вольтера, Даламбера, Кондорсе объясняютъ намъ двуличную политику мнимыхъ сторонниковъ философіи и ихъ объясненія можно свести къ рѣзкому, но искреннему и справедливому отзыву, вложенному Вольтеромъ въ уста своихъ привилегированныхъ поклонниковъ. «У насъ сто тысячъ экю ренты и, кромѣ того, почести. Мы не желаемъ всего этого лишиться ради вашего удовольствія. Мы раздѣляемъ ваши взгляды, но мы заставимъ васъ сжечь при первомъ же случаѣ, чтобы научить васъ, какъ высказывать свои мнѣнія» *).

Но среди знати могли быть не только вѣроломные политики. Многихъ дѣйствительно очаровывала новая литература, они чистосердечно отдавались восторгамъ предъ остроуміемъ Вольтера и лиризмомъ Руссо.

Какое же значеніе имѣли эти восторги?

Отвѣтъ даетъ одинъ изъ членовъ высшаго общества. Графъ Сегюръ самъ въ молодости пережилъ философскую горячку, близко наблюдалъ либеральное повѣтріе въ салонахъ и много лѣтъ спустя, съ безпристрастіемъ и разсудительностью историка, изображалъ свои впечатлѣнія въ слѣдующихъ словахъ:

«Таково было ослѣпленіе принцевъ и знати: они сочувствовали успѣхамъ просвѣщенія и хотѣли пассивной покорности, возможной только рядомъ съ невѣжествомъ. Они стремились наслаждаться всѣми благами искусствъ и цивилизаціи, не позволяя, въ то же время, ученымъ, художникамъ и всѣмъ просвѣщеннымъ плебеямъ выйти изъ почти рабскаго положенія. Наконецъ, они думали нѣчто невозможное,—будто просвѣщеніе и разумъ могутъ блистать и рости, не разгоняя тьмы предразсудковъ — наслѣдія варварскихъ вѣковъ» **).

Столь единодушные отзывы Вольтера и гр. Сегюра въ общихъ чертахъ рисуютъ истинныя чувства громаднаго вліятельнаго большинства благородной публики XVIII вѣка.

И эта картина совершенна естественна.

Наверху не было *практическихъ* мотивовъ серьезно отнестись къ новой проповѣди и провести ее въ *общій* строй жизни. Напротивъ, всѣ страсти и привычки должны были поощрить совершенно противуположный образъ дѣйствій.

Иныя условія сталкивались съ идеями *внизу* стараго общества. Идеи воспринимались здѣсь, потому что въ ясной, литературно-изящной формѣ выражали стремленія массы, часто смутныя и сбивчивыя, но, въ сущности, ожидающія только удачной формулировки, чтобы превратиться въ настоящую политическую и общественную программу.

---

*) *Oeuvres compl. de Voltaire.* Ed. 1784, t. 69, p. 194.

**) *Mémoires ou souvenirs et anecdotes.* Paris, 1827, t. I, p. 21, 26—27, 78.

Говоря это, я только повторяю оцѣнку философіи, высказанную наканунѣ революціи избирателями третьяго сословія. Философы разсѣяли невѣдѣніе націи насчетъ ея правъ и стихійно-покорныхъ подданыхъ превратили въ мыслящихъ и дѣятельныхъ гражданъ. И въ результатѣ либеральные проекты, направленные въ генеральные штаты представителями высшихъ классовъ, кажутся одинокими проблесками среди сплошныхъ узко-сословныхъ вожделѣній въ то время, когда *cahiers* третьяго сословія воодушевлены истиннымъ духомъ философскаго просвѣщенія.

Какими же путями сѣмена философіи проникали въ сравнительно темную массу французскаго народа? Мы знаемъ, что горожане въ эпоху выборовъ въ генеральные штаты во многихъ мѣстностяхъ Франціи явились руководителями сельскаго населенія, наводнили деревни инструкціями, въ провинціальныхъ захолустьяхъ открыли *общества для защиты правъ народа и для просвѣщенія* крестьянъ. Такіе факты имѣли мѣсто, напримѣръ, въ Анжу, Шампани, Провансѣ *), въ Немурѣ...

Но откуда сами горожане получали идеи и знанія?

Самый естественный отвѣтъ: изъ сочиненій философовъ, изъ *Энциклопедіи*, главнѣйшаго арсенала философіи, а потомъ изъ книгъ и брошюръ, во множествѣ выпущенныхъ каждымъ писателемъ отдѣльно.

Этотъ отвѣтъ считается вполнѣ убѣдительнымъ и безъ всякихъ серьезныхъ ограниченій повторяется безпрестанно учеными и неучеными писателями о XVIII вѣкѣ.

А, между тѣмъ, въ отвѣтѣ каждый пунктъ требуетъ крайней осмотрительности и тщательнаго обслѣдованія.

Прежде всего, *Энциклопедія* отнюдь не подлинное дѣтище просвѣтительной философіи. Лучшая часть, первые семь томовъ, избѣжали особенно жестокой цензуры, но и о нихъ Вольтеръ говорилъ, какъ о памятникѣ того, что̀ хотѣли сдѣлать энциклопедисты и не могли **). Остальными томами распоряжалась Сорбонна и ихъ Вольтеръ называетъ презрительно «сборниками капуцинадъ», а послѣдніе десять, въ сущности, не имѣютъ ничего общаго съ философіей. До какой степени они были искажены трусливымъ издателемъ, показываетъ отчаяніе Дидро, до конца жизни не могшаго равнодушно вспоминать объ этой работѣ ***).

Въ такомъ несовершенномъ видѣ словарь имѣлъ всего около трехъ-четырехъ тысячъ подписчиковъ. Среди нихъ не мало иностранцевъ и они получали книги, между тѣмъ какъ парижанамъ это далеко не всегда удавалось ****).

---

*) *Chassin*: „La génie de la revolution“, t. I, p. 408. Pièces justificaves *Archives parlem.*, t. IV, p. 113.

**) Въ письмахъ къ Даламберу въ 1758 г. *Oeuvres compl. de Voltaire*, 1784, . 68.

***) Ibid., *Lettres*, t. I, p. 67, 69. *Mémoires par m-me Vandeuil*, p. 352.

****) Вольтеръ пишетъ въ 1765 году, что онъ получилъ экземпляръ словаря „въ качествѣ иностранца и швейцарца“, а въ Парижѣ книги не выдаютъ. *Lettres* . I, p. 353.

Что касается книгъ и брошюръ, ихъ распространеніе было обставлено безчисленными препятствіями. Я съ особеннымъ вниманіемъ остановился на этомъ вопросѣ, занимающемъ второстепенное мѣсто въ важнѣйшихъ работахъ по XVIII вѣку. Выводы получились весьма краснорѣчивые.

Почти всѣ произведенія новой мысли печатались внѣ Франціи и съ какимъ трудомъ попадали въ Парижъ, доказываютъ слѣдующіе факты. Вольтеръ на всю столицу рѣшается послать едва *пять* экземпляровъ своего *Философскаго словаря,* притомъ, наказывая давать его въ руки только «посвященнымъ» *); Гриммъ, всѣми признанный лѣтописецъ и критикъ современной словесности, постоянно жалуется на трудность достать тотъ или другой продуктъ «фернейской мануфактуры» **) и самъ Вольтеръ перечисляетъ множество «хорошихъ книгъ», попавшихъ къ нему въ Ферне и недоступныхъ парижскимъ философамъ ***). Для обыкновенныхъ читателей, очевидно, эти трудности часто бывали непреодолимы.

Легко представить, какихъ предѣловъ достигала цѣна книгъ при громадной опасности распространять ихъ. Разнощики нерѣдко переполняли тюрьмы, напримѣръ, въ 1767 году, за продажу одной какой-нибудь вольтеровской брошюры вродѣ *L'homme aux quarante écus,* ссылались на галеры, присуждались къ позорному столбу. По временамъ книгопродавцы принимаются ликвидировать дѣла, современники убѣждены, что «французской литературѣ грозитъ повальная засуха» ****).

Такое извѣстіе мы встрѣчаемъ, между прочимъ, въ самый годъ выхода *Эмиля* Руссо.

Всѣ подобные факты и соображенія, конечно, не имѣютъ цѣлью отнять всякое просвѣтительное значеніе у *Энциклопедіи* и капитальнѣйшихъ произведеній философской мысли. Я хотѣлъ только намѣтить предѣлы ихъ вліянія и показать, что предѣлы эти въ теченіе всего просвѣтительнаго періода должны были оставаться, въ сущности, довольно ограниченными.

Философія, направленная только въ среду высшихъ классовъ и распространяемая только путемъ *Энциклопедіи* и многотомныхъ дорогихъ сочиненій, заранѣе была осуждена на практическую безплодность. Вольтеръ съ обычною мѣткостью и проницательностью высказалъ эту истину.

Во время гоненій на *Энциклопедію* онъ писалъ Даламберу:

«Я желалъ бы знать, какое зло можетъ причинить книга въ сто экю? Двадцать томовъ in folio никогда не произведутъ революціи. Можно опасаться только маленькихъ карманныхъ брошюръ стоимостью въ тридцать су. Еслибъ *Евангеліе* стоило тысячу двѣсти сестерцій, христіанская религія никогда бы не распространилась» *****).

---

*) *Lettres,* t. I, p. 327, 219; t. II, p. 195.

**) *Corresp. litt.,* t. VIII, p. 255.

***) Ibid., t. II, p. 6. „Vous n'avez point les bons livres à Paris,— *le Militaire philosophe, les Doutes, l'Imposture sourdotace, Ie Palissinisme de voilé*".

****) *Corresp. litt.,* juillet 1762: *Mém. secr.,* 14 déc. 1762.

*****) *Lettres.* Ed. 1784, t. I, p. 353.

Десять лѣтъ спустя по поводу сочиненія Гольбаха онъ повторяетъ то же самое: опасны книги, стоящія десять су, — только ихъ можетъ читать народъ *).

Философіи необходима была демократическая публика и, слѣдовательно, демократическія средства пропаганды,—пути общедоступные, которыхъ не могъ миновать самый заурядный французъ XVIII вѣка. Требовалось популяризировать произведенія, несомнѣнно популярныя для высшаго круга интеллигенціи, но недосягаемыя для большинства публики, заинтересованной въ реформѣ существующаго порядка.

Общественный договоръ, *Эмиля*, *Философскій словарь*, *Энциклопедію* слѣдовало представить въ самой элементарной формѣ и пустить ихъ въ оборотъ по самой дешевой цѣнѣ. Тогда только философія могла бы разсчитывать изъ салонной забавы превратиться въ могучую общественную преобразовательную силу.

Вольтеръ говорилъ о *религіи* и *церкви* философовъ. Эти наименованія лишь въ одномъ случаѣ переставали быть красивыми эпитетами и могли соотвѣтствовать дѣйствительности, когда философъ вступалъ въ непосредственное общеніе съ народомъ, когда его проповѣдь изъ книгъ переходила въ живое слово, когда философія завоевывала себѣ такую же всенародную каѳедру, какою владѣла старая церковь.

И такимъ словомъ явилась *драма*, каѳедрой—*театръ*.

И этотъ выводъ ничто иное, какъ идея того же XVIII вѣка. Я и здѣсь становлюсь только на точку зрѣнія самихъ просвѣтителей и ихъ публики и на основаніи ихъ собственныхъ указаній вношу поправку въ современное представленіе о философской пропагандѣ.

Я уже указалъ, какимъ туманомъ застилается у новѣйшихъ историковъ основной духъ просвѣщенія—*религіозно-демократическій*. Еще небрежнѣе они оцѣниваютъ общественную роль драматической литературы и сцены.

Драма въ ихъ глазахъ—произведеніе чистаго искусства, сцена—праздное развлеченіе. Можетъ быть, въ иныя времена такъ это и бываетъ, только не во Франціи прошлаго вѣка. Даже самымъ поверхностнымъ наблюдателямъ приходится нерѣдко допускать оговорки. Оказывается, та или другая драма съ удивительною точностью изложила политическій трактатъ, тотъ или другой спектакль блистательно обнаружилъ истинное настроеніе общественнаго мнѣнія.

Гораздо было бы ближе къ исторической дѣйствительности—не оговариваться ради случая, а кореннымъ образомъ измѣнить взглядъ на содержаніе драмы и значеніе театра прошлаго вѣка.

Когда-то эллинскій философъ считалъ лучшимъ источникомъ для изученія политической жизни Аѳинской республики произведенія комическаго писателя; тотъ же фактъ еще разъ повторился въ исторіи европейской культуры: французская сцена въ эпоху просвѣщенія—идеальное отраженіе современной философской мысли и политической жизни.

---

*) Ibid., t. I, p. 249.

Этой идеи вы не отыщете въ лучшихъ новыхъ изслѣдованіяхъ, но вы ее прочтете въ каждомъ историческомъ документѣ и въ каждомъ литературномъ произведеніи прошлаго вѣка.

Всѣ корреспонденціи, мемуары, періодическія изданія переполнены свѣдѣніями о театрѣ, о пьесахъ, о спектакляхъ, о театральной цензурѣ, о театральной публикѣ. Знаменитый журналъ Гримма почти весь посвященъ драматической литературѣ и отчетамъ о представленіяхъ.

Театру приписываютъ первенствующую роль одинаково философы и ихъ жесточайшіе враги. Всѣ просвѣтители—или драматурги, или публицисты въ области драмы. Вольтеръ, Дидро—и поэты, и критики, Руссо и Даламберъ—авторы обширныхъ изслѣдованій о нравственномъ и общественномъ вліяніи сцены.

Вольтеръ находитъ, что «нація собирается только въ партерѣ» *), и философскія идеи изъ книгъ переноситъ на сцену, трагедіей *Эдипъ* въ 1718 году открываетъ философскую пропаганду. Всѣ современники единодушно отмѣчаютъ необыкновенно искусный ходъ въ политикѣ Вольтера и нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя генеральный адвокатъ Сегье, дѣлавшій сыскъ о нечестивыхъ книгахъ, доносилъ парижскому парламенту: вся литература была заражена ядомъ философіи раньше театровъ, но теперь, благодаря театрамъ, ядъ достигъ высшаго вліянія на духъ націи **).

Сегье былъ правъ. Театръ въ теченіе всего философскаго періода исполнялъ два назначенія—*общественной школы* и *народнаго* собранія.

Шиллеръ, пропитанный въ молодости духомъ своей эпохи, писалъ: «Театръ — это каналъ, которымъ льется непосредственно въ народныя массы то, что вырабатываютъ наука и знаніе».

Это—превосходная характеристика драматической литературы XVIII в. Она вся—отъ трагедіи до фарса—усердная слуга философіи. Ея единственное стремленіе—идти въ уровень съ книжною просвѣтительною литературой. Она спѣшитъ переработать для сцены такія произведенія, какъ *Общественный договоръ, Новая Элоиза, Кандидъ, Ingénue*, воспроизводитъ съ величайшею тщательностью идеи экономистовъ, воплощаетъ въ художественные образы новые идеалы философіи, попутно учитъ публику родной исторіи и разъясняетъ ей новѣйшія открытія вродѣ воздухоплаванія, оспопрививанія.

Но тотъ же Шиллеръ высказалъ еще одну любопытную идею: «гдѣ кончается власть законовъ, тамъ начинается власть театра» ***).

Такъ же думали и философы, и публика XVIII вѣка: Кондорсе даже нах дилъ «цензуру театра» дѣйствительнѣе общественнаго мнѣнія ****). И въ езультатѣ наши источники переполнены отчетами о настоящихъ судебны ъ приговорахъ театра надъ значительнѣйшими политическими и обще-

---

*) *Lettres*, t. II, p. 129.

**) *Corresp. litt.* (Grimm), t. IX, p. 116.

***) *Театръ, какъ нравственное учрежденіе.*

****) *Oeuvres compl.* An. XIII, X, p. 180.

ственными дѣятелями, не исключая принцевъ крови, королевы и короля. Незадолго до революціи эта цензура партера поражаетъ все, что враждебно философскимъ идеямъ и личностямъ писателей-философовъ, а наканунѣ революціи въ театрахъ, по выраженію очевидцевъ, происходятъ прелюдіи къ генеральнымъ штатамъ.

Съ другой стороны, представители новыхъ идеаловъ и порядковъ вродѣ Неккера, Лафайэта и особенно Вольтера въ театрѣ получаютъ обильную дань восторговъ, до такой степени внушительныхъ, что проницательнѣйшіе наблюдатели совѣтуютъ власти прислушиваться къ аплодисментамъ и свисткамъ партера: именно такимъ путемъ можно опредѣлить истинное настроеніе общественнаго мнѣнія *). Только театральныя зрѣлища даютъ возможность народу высказывать свои взгляды на событія и личности, и современникъ находитъ, что «страсть къ спектаклямъ располагаетъ умы къ свободѣ» **).

И въ этой свободѣ могли участвовать именно тѣ, за кѣмъ старый порядокъ не признавалъ права на человѣческую личность. Мольеръ, защищая простую театральную публику, приписывалъ ей художественное чувство и находилъ, что въ вопросѣ вкуса ничего не значитъ, платитъ ли кто за мѣсто поллуидора, или только 15 су ***). Въ XVIII вѣкѣ такое же соображеніе можно было примѣнить къ общественнымъ вопросамъ. Философія обсуждала ихъ въ самой доступной формѣ, и въ результатѣ новыя идеи доставались публикѣ за самую дешевую цѣну, именно ту, о которой мечталъ Вольтеръ. Недаромъ онъ первый «облекъ Мельпомену въ философскій плащъ», по выраженію одного изъ знатныхъ противниковъ этого преобразованія ****).

Надѣюсь, эти указанія достаточно объясняютъ происхожденіе и цѣль моей работы. Матеріаломъ для нея служили, наравнѣ съ извѣстными произведеніями до сихъ поръ популярныхъ авторовъ, пьесы и брошюры, совершенно забытыя въ наше время, но имѣвшія значеніе въ философской пропагандѣ, часто вызывавшія искренніе восторги друзей новой мысли и энергическія мѣры ея враговъ.

Я поэтому призналъ необходимымъ самостоятельно пересмотрѣть публицистическую и художественную литературу философской эпохи, относящуюся къ драмѣ и сценѣ. Путеводителями мнѣ служили корреспонденціи, записки, журналы, съ возможною полнотой отмѣчавшіе факты литературной и общественной жизни.

Фактическія данныя этихъ источниковъ, отзывы и впечатлѣнія современниковъ всякій разъ я провѣрялъ на литературныхъ произведеніяхъ, подлежавшихъ критикѣ. Этой провѣркѣ вполнѣ благопріятствовали богатыя хранилища философской литературы въ парижскихъ библіотекахъ.

---

*) *Corresp. litt.*, t. X, p. 398.

**) Ibid., t. X, p. 294.

***) *La critique de l'école des femmes.* Scène IV, *Dorante.*

****) *Lettre sur opéra philosophi-comiques.* Amst., 1769.

Что касается програмы моего изслѣдованія, она опредѣлилась сама собой.

Основной мотивъ драмы XVIII вѣка,—*чувство*,—долженъ былъ отразиться ближе всего на вопросахъ о *семьѣ*. Новые идеалы драмы въ этой области даже предшествовали философской мысли. Драматическій *чувствительный* герой вносилъ въ старое общество представленія о свободномъ влеченіи сердца, о человѣческомъ достоинствѣ, о личной независимости.

Эти вопросы, при господствѣ сословныхъ привилегій и общественныхъ предразсудковъ надъ каждымъ шагомъ личности при старомъ порядкѣ, логически должны были поставить на очередь критику *общественныхъ отношеній*.

Съ этими отношеніями и отчасти съ условіями семьи дореволюціоннаго общества тѣсно связаны принципы и практическая дѣятельность католическаго духовенства. Драматическій мотивъ, слѣдовательно, естественно распространяется на *реформу религіи и церкви*.

Политическій вопросъ является послѣднимъ звеномъ просвѣтительнаго движенія. Онъ также въ сильной степени подчинился направленію современной художественной литературы—чувствительному и буржуазному—и извѣстные идеалы въ политической области складывались независимо отъ теоретическихъ принциповъ, но въ полномъ согласіи съ ними.

Драматическій герой, вдохновляемый гуманными порывами сердца, пересоздавалъ семью на основахъ природы и правды, общество—на началахъ нравственной справедливости, религію—на идеяхъ терпимости и свободной совѣсти, государство—на единеніи и взаимномъ довѣріи между подданнымъ и государемъ.

Съ теченіемъ времени драматическій герой сталъ философомъ и чувствительный паѳосъ слилъ съ критическимъ анализомъ. Драма стала «философскимъ жанромъ», театръ «излюбленнымъ лицеемъ философіи»; это—опредѣленія друзей и враговъ просвѣщенія, и болѣе сильныя и справедливыя намъ и не требуются.

Правительство не замедлило санкціонировать такой взглядъ и съ цѣлью рѣшительнаго удара перенесло борьбу съ философіей на сцену. Возникъ длинный рядъ сатиръ и пасквилей, и публика въ качествѣ третейскаго судьи произнесла свой приговоръ, окончательно прекративъ наканунѣ революціи представленія противофилософскихъ пьесъ. Со стороны партера это было лучшею отплатой писателямъ за превращеніе театра въ школу философіи и убѣжище общественнаго мнѣнія.

Въ заключеніе я позволю себѣ нѣсколько словъ pro domo sua. Работа моя съ самаго начала отнюдь не давала мнѣ нравственнаго удовлетворенія, которое только и дѣлаетъ трудъ благороднымъ и увлекательнымъ. Моя предъидущая журнальная дѣятельность близко поставила меня къ современному театру, и эта близость укрѣпила во мнѣ впечатлѣнія, менѣе всего совмѣстимыя съ идеей о высокомъ значеніи драматической литературы и сцены.

Мнѣ долго приходилось выносить борьбу личнаго опыта съ историческими фактами. И на помощь опыту приходило пренебрежительное отношеніе изслѣдователей къ общественной и политической роли театра и драмы. Кромѣ того, сама эта драма отличается качествами, безусловно отрицательными на современный литературный взглядъ: она часто дѣйствіе замѣняетъ реторикой, жизненную правду — хитрыми тенденціозными интригами. Такъ мало здѣсь пищи нашему художественному чувству!

Но чѣмъ больше я вчитывался въ эту литературу, тѣмъ яснѣе возставалъ предо мной совершенно другой типъ человѣка, чѣмъ современный,— человѣка фанатически вѣрующаго въ дѣйствительную власть идеи, въ неотразимое вліяніе проповѣди, въ торжество разума надъ жизнью. Я начиналъ мириться съ этою изумительною способностью придти въ волненіе отъ двухъ-трехъ стиховъ вольтеровской трагедіи и запомнить ихъ на всю жизнь, испытать нервныя потрясенія при самыхъ, повидимому, обыкновенныхъ словахъ вродѣ—законы природы, основы гражданскаго общества, блага естественнаго состоянія. Мнѣ становился понятнымъ этотъ единственный въ мірѣ партеръ, инстинктивно, безъ всякаго предварительнаго сговора, охватываемый неудержимымъ чувствомъ негодованія или восторга, эта своеобразная палата народныхъ представителей безъ президента и вождя, но вся проникнутая такимъ единствомъ настроеній и взглядовъ, что самымъ строгимъ наблюдателямъ приходится преклоняться предъ непосредственною правдой ея приговоровъ *).

И чѣмъ дальше шла моя работа, тѣмъ ближе и ближе становился ко мнѣ этотъ особенный *человѣкъ XVIII вѣка* и мнѣ дѣлалось яснымъ, почему современные историки такъ мало обращаютъ вниманія на него, какъ драматическаго автора и театральнаго зрителя. Надъ новыми писателями вѣетъ скептическій духъ нашего столѣтія и они не въ силахъ войти въ душу какого-нибудь *гражданина вселенной*, у котораго краснорѣчивыя, для насъ реторическія рѣчи—искренній вопль переполненнаго сердца, нарушеніе законовъ будничной дѣйствительности — принципіальная жертва идеалу.

Мой непрестанно возроставшій интересъ къ предмету, можетъ быть, по временамъ переходилъ въ болѣе энергическое чувство,—становился увлеченіемъ. Суровая богиня исторіи не допускаетъ подобныхъ слабостей, но я, сознавая свой грѣхъ, позволю себѣ напомнить одинъ эпизодъ изъ литературной біографіи И. С. Тургенева.

Ему случилось прочесть журнальную статью о Бѣлинскомъ. Статья, по словамъ самого Тургенева, была «умна и безпристрастна», и, все-таки, не понравилась ему, показалась даже несправедливой **).

И только потому, что отъ статьи вѣяло холодомъ. Безпристрастіе тре-

---

*) *Grimm*, t. VII, p. 495; t. XIII, p. 521 etc.

**) *Письма И. С. Тургенева*. Спб., 1894 г., стр., 37—43.

вращалось въ порокъ, разъ на сцену выступала личность и дѣятельность Бѣлинскаго.

Я въ теченіи своей работы на каждомъ шагу встрѣчался съ людьми, живо напоминавшими мнѣ нашего великаго рыцаря мысли и слова,—не только дѣятельностью, но и нравственнымъ складомъ натуры, внѣшними условіями борьбы.

Въ результатѣ и для меня холодъ и безпристрастіе остались недосягаемыми идеалами.

Ив. Ивановъ.

Основы научной теоріи искусства и критики.

VII.

Теперь мы разсмотримъ ближе *психологію гедонизаціи*, этого специфическаго элемента въ искусствѣ. Обыкновенно гедонизацію-то и называютъ послѣдователи Спенсера «эстетическою эмоціей». Но вы уже видѣли, что это явленіе болѣе сложное и, какъ часто бываетъ, терминъ «эстетическая эмоція» прикрываетъ только незнаніе того, что-жь это такое по существу? Имъ охватывается у этихъ авторовъ вся совокупность того наслажденія, того особеннаго состоянія, которое мы получаемъ отъ произведеній искусства, т.-е. тутъ входятъ и два вида идеализаціи (эмоцій и объекта), и гедонизація этихъ идеализацій, и гедонизація формы,—однимъ словомъ, нѣсколько элементовъ весьма различнаго свойства и порядка.

Поэтому-то всѣ они путаются, когда имъ приходится опредѣлять: чѣмъ же отличается эстетическая эмоція отъ всѣхъ другихъ? Напримѣръ, Геннекенъ, слѣдуя Спенсеру, говоритъ, что особенность ея—въ *неспособности вызывать дѣйствіе*, по крайней мѣрѣ, непосредственное (то-есть Геннекенъ признаетъ, что мало-по-малу вліяніе эстетическихъ эмоцій можетъ повліять на складъ нашей души, а, стало быть, и на наши поступки). Но уже одно то, какимъ образомъ доказывается это положеніе, обнаруживаетъ ясно, какое неопредѣленное представленіе соединено съ спенсеровскимъ терминомъ. Читая въ романѣ,—говоритъ Геннекенъ,—о какомъ-нибудь несчастіи героя, мы не бросаемся ему на помощь, хотя и чувствуемъ величайшее состраданіе.

Здѣсь все перепутано: во-первыхъ, весьма естественно, что мы не бросаемся спасать героя романа, зная отлично, что онъ — плодъ фа. тазіи автора и не существуетъ въ дѣйствительности. Но если мы вѣрены въ обратномъ, т.-е. что авторъ описываетъ реальныя страданія хотя и подъ вымышленнымъ образомъ: наприм., страданія негровъ подъ образомъ дяди Тома, страданія падшихъ женщинъ подъ образомъ Надежды Николаевны (Гаршина) или Сони Мармеладовой, страданія крестьянъ ...дъ

---

*) *Русская Мысль*, кн. III.

образомъ мужиковъ у *Парадная подъѣзда* (Некрасова), въ такомъ случаѣ, это дѣйствуетъ непосредственно на нашу волю и поступки: сотни американцевъ записывались волонтерами въ сѣверную армію подъ вліяніемъ чтенія романа Бичеръ-Стоу; десятки и сотни людей посвятили свою жизнь работѣ въ пользу крестьянъ, проникнувшись образами Некрасова, и т. д., и т. д.; во-вторыхъ, Геннекенъ смѣшалъ въ одну кучу дѣйствіе романа,—какъ всякаго разсказа о событіи,—и дѣйствіе собственно эстетической эмоціи,—что вовсе не одно и то же. Онъ легко понялъ бы свою ошибку, если бы припомнилъ, что и чтеніе обычнаго разсказа, напримѣръ, въ газетной хроникѣ, о какомъ-нибудь несчастіи, наприм., голодѣ и т. п., дѣйствуетъ далеко не одинаково на всѣхъ: одни остаются совсѣмъ равнодушными,—и такихъ большинство,—другіе жертвуютъ кое-что, и лишь единицы бросаются лично помогать страждущимъ. Стало быть, эстетическое произведеніе тутъ вовсе не составляетъ особаго исключенія, специфически не дѣйствующаго будто бы на волю. Напротивъ, изъ всѣхъ видовъ разсказа, это—наиболѣе дѣйствующій на волю, дѣйствующій такъ сильно, что люди, пораженные, напримѣръ, яркимъ, идеализированнымъ изображеніемъ эмоціи Тома и его семьи, начинаютъ идеализировать и обожать негровъ вообще, какъ у насъ идеализировали и обожали крестьянъ, и часто идутъ умирать за нихъ. Если такихъ мало, то это зависитъ отъ натуры людей. Вспомнимъ притчу о сѣятелѣ. Нужно ли болѣе яркаго примѣра вліянія на волю, какъ тотъ рядъ самоубійствъ, который былъ вызванъ гётевскимъ Вертеромъ? Самоубійство не легко вызвать обыкновенными *доказательствами*, хотя бы шопенгауэровскими (а ужь онъ ли не мастеръ!), но красиво нарисованный внутренній образъ и эмоція самоубійцы, чаруя воображеніе, заставляютъ совершать дѣйствіе наиболѣе трудное для человѣка—прекращеніе собственной жизни; въ-третьихъ, во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣйствуетъ, однако, не сама *эстетическая эмоція* (т.-е. гедонизація), а только *идеализація* эмоцій героя, т.-е. его души, его «я», его личности. Эта-то идеализація, соединенная, притомъ, съ гедонизаціей, дѣлала личность (негра, мужика, Вертера) чарующей, влекущей или на помощь ей, или на подражаніе ей. Гедонизація или эстетическая эмоція являлась только какъ украшающій элементъ самой идеализаціи.

Такимъ образомъ, необходимо возникаетъ дальнѣйшій вопросъ: можетъ ли сама гедонизація (т.-е. эстетическая эмоція, въ точномъ смыслѣ) вліять на волю, если она отдѣлена отъ другихъ, живыхъ эмоцій, которымъ помогаетъ? Можетъ, но только специфически своеобразно, т.-е. *какъ всякое наслажденіе*: она заставляетъ насъ платить огромныя деньги за произведенія искусства, стекаться толпами на выставки и концерты, платить огромныя деньги артистамъ и т. п. Но такое же дѣйствіе оказываютъ на насъ и продукты гастрономіи, и (на любителей) кокотки, породистыя лошади, хорошія вина, сигары. И люди также любятъ дѣлиться этими наслажденіями съ своими друзьями, хотя эстетики хотятъ доказать, что это *безкорыстіе* наслажденія есть особенность только эстетической эмоціи,

указанная еще Кантомъ, а затѣмъ повторенная многими, въ томъ числѣ Тардомъ. Мы видимъ, что это «безкорыстіе» вовсе не составляетъ *ея* особенности. Тардъ поясняетъ: любовь къ живой женщинѣ заставляетъ насъ стремиться обладать ею, не дѣлясь съ другими. Наоборотъ, восторгъ отъ статуи или картины, изображающей женщину (или что угодно), тѣмъ полнѣе чувствуется, чѣмъ бо̀льшее число людей раздѣляетъ его съ нами. Все это вѣрно, но поражаешься, какъ авторы не видятъ, что это «безкорыстіе» и желаніе подѣлиться удовольствіемъ вовсе не особенность наслажденія отъ искусства, а почти всякаго наслажденія, *если предметъ, вызывающій его, ничего не теряетъ отъ раздѣленія съ другими.* Развѣ любитель лошадей не утратилъ бы отъ нихъ большую часть удовольствія, если бы не могъ показывать ихъ? Развѣ человѣкъ, имѣющій хорошаго повара, не утрачиваетъ половины удовольствія, когда обѣдаетъ одинъ? Исключеніе составляютъ только скряги *).

И такъ, всѣ эти якобы особенности представляютъ вовсе не особенность искусства, и даже не особенность наслажденій, а особенность *каждой эмоціи*, которой люди желаютъ всегда подѣлиться, желаютъ видѣть сочувствіе другихъ (исключая натуръ замкнутыхъ).

Тардъ указываетъ еще на одну особенность художественнаго наслажденія: на потребность мѣнять объекты этого наслажденія, т.-е. видѣть новыя картины, читать новые романы, стихи. Почему, въ самомъ дѣлѣ, въ театрѣ не идутъ постоянно только драмы Шекспира, пьесы Островскаго, Гоголя, Грибоѣдова? Зачѣмъ, если у насъ есть геніи, не довольствоваться ими, а смотрѣть еще Крыловыхъ, Петровыхъ, Карповыхъ, которые забываются на другой же день? Тардъ справедливо говоритъ, что если бы не было этихъ Петровыхъ, Ивановыхъ, Сидоровыхъ, то Шекспиры надоѣли бы намъ, а теперь, насмотрѣвшись бездарностей, мы съ новымъ наслажденіемъ возвращаемся къ геніямъ, понимая путемъ сравненія еще нагляднѣе ихъ величіе. Все это вѣрно, и, однако, *это не особенность искусства*: самая прекрасная мѣстность, самая красивая женщина, если бы насъ заставили смотрѣть только на нихъ и никого и ничего не видѣть больше, утомили бы такъ сильно одни и тѣ же мѣста сѣтчатой оболочки нашего глаза, что, вмѣсто прежняго наслажденія, мы чувствовали бы отвращеніе. Если теперь это не такъ замѣтно, то потому, что мы ежедневно видимъ и другія мѣста, и другія лица. Изъ всего изложеннаго слѣдуетъ выводъ: *гедонизація въ искусствѣ* (или, говоря иначе, эстетическое наслажденіе, эстетическая эмоція), *если взять ее въ чистомъ видѣ, составляетъ одну изъ формъ наслажденія и удовольствія, не отличающагося отъ всѣхъ другихъ удовольствій, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, въ чемъ хотятъ видѣть это отличіе люди, желающіе непремѣнно отыскать въ этой эмоціи*

---

*) Г. Боборыкинъ въ одной изъ кн. *Вопросовъ Филос. и Психол.* тоже, вслѣдъ за Кантомъ и Тардомъ, распространяется объ этомъ якобы особенномъ „безкорыстіи“ эстетическаго чувства.

самой по себѣ что-то особенное, возвышающее, мистическое *). Несмотря на реализмъ и полную трезвость мысли Спенсера, Тарда, они тотчасъ становятся мистиками и метафизиками, какъ только заходитъ дѣло объ этой загадочной эмоціи. Тутъ пропадаютъ и физіологическіе взгляды, и убѣжденіе, что это одна изъ формъ нервно-мозговыхъ процессовъ, и все это затѣмъ, чтобы удовлетворить потребности,—глубоко засѣвшей въ душѣ, хотя и безсознательной,—видѣть въ эстетической эмоціи *самой по себѣ* проявленіе божества, сверхчувственнаго міра. Однимъ словомъ, это ничто иное, какъ «переживаніе» древняго, античнаго взгляда на искусство, перешедшаго потомъ въ метафизику и всасываемаго нами съ молокомъ матери. Чуть не въ пеленкахъ мы видимъ особое благоговѣніе, которымъ окружаютъ поэтовъ, великихъ художниковъ, музыкантовъ. Мы съ дѣтства слышимъ слова «геній», «вдохновеніе», намекающія на что-то божественное. И эти мистическія понятія такъ сростаются съ нашею душой, что отрѣшиться отъ нихъ мы не въ состояніи. Это послѣдній пріютъ мистицизма.

А, между тѣмъ, художественное наслажденіе, взятое само по себѣ, не выше и не ниже другихъ наслажденій, и если мы привыкли *справедливо* считать высокимъ наслажденіе отъ произведеній великихъ геніевъ искусства, то *причина здѣсь въ этихъ геніяхъ, въ томъ великомъ и высокомъ, что они облекали въ эстетическую эмоцію, а не въ самой этой эмоціи.* Эстетическая эмоція или гедонизація служитъ и служила не только высочайшимъ наслажденіямъ духа, но и позорнѣйшимъ его проявленіямъ. Прочтите новеллу Боккачіо о томъ, *Какъ прятали чорта въ адъ*, и десятокъ такихъ же его новеллъ, которыя всѣми считаются перлами потому только, что это—*искусство*; прочтите поэму Фофанова, въ которой идеализируется и воспѣвается извѣстный дѣтскій порокъ (она напечатана во 2-мъ изданіи его стихотвореній); припомните, что, отчасти благодаря комедіи Аристофана, лучшій изъ мыслителей Греціи, Сократъ, былъ казненъ; загляните въ современную французскую поэзію, гдѣ идеализируются такія, съ позволенія сказать, «эмоціи», что одно ихъ названіе противно написать, и вы поймете, что *эстетическая эмоція сама по себѣ есть слѣпое орудіе*, что *искусство само въ себѣ есть только средство*, что *оно пріобрѣтаетъ высшую цѣнность лишь по тому*, *съ какими эмоціями и идеализаціями оно связано.*

Вотъ въ чемъ и особенность эстетическаго наслажденія (эстетической эмоціи) отъ всѣхъ другихъ наслажденій и эмоцій: *она въ томъ, что это наслажденіе способно сливаться съ другими функціями нашей души, съ идеализаціями и эмоціями.* Другія наслажденія не имѣютъ этой способности. Любовь къ лошадямъ или гастрономическую эмоцію вы не сольете съ какою-либо эмоціей или идеализаціей. Онѣ существуютъ сами по себѣ.

---

*) Ниже я укажу, чѣмъ именно отличается эстетическая эмоція (гедонизація) отъ [illegible]ъ другихъ эмоцій.

Эстетическая же эмоція есть *только гедонизація объектовъ, эмоцій, идеализацій*. Вотъ почему и не понимаютъ ее, а видя ее въ чудныхъ, высокихъ соединеніяхъ (у геніевъ), приписываютъ *ей* то, что ей не принадлежитъ, и затѣмъ уже не хотятъ видѣть, что она съ тою же легкостью можетъ слиться со всякою мерзостью и дѣйствовать при этомъ на людей съ такою же силой.

Такимъ образомъ, искусство—великая сила, но, какъ всякая сила, оно—*сила слѣпая*. Ея власть надъ нашею душой создается гедоническимъ элементомъ, наслажденіемъ отъ красоты, но служитъ ли искусство высокому или самому низкому и отвратительному, это зависитъ отъ души того человѣка-художника, котораго судьба надѣлила этимъ даромъ. Порохъ или динамитъ тоже сила, но куда направится эта сила—на добро или на зло, зависитъ отъ того, кто ее употрбляетъ.

Въ общемъ же *это—рѣчь, но рѣчь гедонизированная* (*слившаяся съ эстетическою эмоціей*). Какъ и всякая рѣчь, она можетъ служить и правдѣ, и лжи, но поклонники чистаго искусства хотятъ, чтобы люди выдѣлили ее изъ всякой другой рѣчи и снабдили ее особымъ благоговѣніемъ, находили высокимъ все, что бы она ни выражала. Но она, очевидно, подлежитъ той же нравственной оцѣнкѣ, какъ и всякая рѣчь: если обыкновеннаго клеветника и лжеца мы называемъ негодяемъ, то почему творца безнравственнаго, клеветническаго или антиобщественнаго произведенія мы должны почитать? Почему пустого болтуна мы называемъ попугаемъ, какъ бы красиво ни болталъ онъ, а красивое, но безсодержательное художественное произведеніе, не имѣющее иной цѣли, кромѣ доставленія намъ удовольствія (хотя бы и эстетическаго), мы не называемъ попугайскимъ? Нѣтъ, къ художественной рѣчи, какъ обладающей особою силой, силой гедонизма, отношеніе должно быть гораздо строже, чѣмъ къ обыкновенной рѣчи, если она несетъ зло (и даже безразличіе). Простой убійца менѣе отвратителенъ, чѣмъ отравитель, который подсунулъ ядъ въ красивыхъ и вкусныхъ конфектахъ.

Всѣ эти положенія примутъ для насъ еще болѣе точную форму, если мы поставимъ ихъ на почву психо-физіологіи, опредѣливъ при ея помощи самый механизмъ гедонизаціи или эстетической эмоціи, и затѣмъ дадимъ образчикъ примѣненія нашихъ положеній, хотя бы къ тѣмъ спорнымъ направленіямъ современной французской литературы, которыя начинаютъ появляться и у насъ, вслѣдствіе нашего обезьянства.

Но это составитъ предметъ особой статьи. Теперь же я считаю [illegible]к-нымъ дополнить этотъ очеркъ лишь нѣкоторыми соображеніями от[illegible]и-тельно трехъ наиболѣе общихъ вопросовъ въ области искусства: 1) *о* [illegible]*а-ченіи типовъ въ искусствѣ*, 2) *о характерѣ идеаловъ въ искусс*[illegible]*ъ* и 3) *о комическомъ элементѣ искусства*. Всѣ эти три вопроса тѣсно [illegible]я-заны другъ съ другомъ и могутъ быть изложены въ слѣдующихъ з[illegible]о-чительныхъ главахъ.

VIII.

Однимъ изъ отличительныхъ признаковъ искусства является то, что оно даетъ не фотографіи или списки съ конкретныхъ объектовъ, а «типы». Мнѣ едва ли нужно говорить читателямъ, какое важное значеніе придаетъ въ искусствѣ «типу» Тэнъ. Онъ видитъ въ типахъ выраженіе идеала данной эпохи или націи. Однако, несмотря на большую склонность Тэна къ научно-реалистическому мышленію, нельзя не видѣть въ его отношеніи къ типу нѣкоторыхъ слѣдовъ того благоговѣйнаго мистицизма и телеологіи, которыхъ, какъ я уже сказалъ, не чужды самые проницательные умы, когда дѣло заходитъ объ искусствѣ.

Появленіе и значеніе въ искусствѣ «типовъ» обусловлено, по-моему, нѣсколькими психо-физіологическими и соціальными причинами, весьма простыми. Выяснивъ ихъ себѣ, мы устранимъ всякую нужду въ допущеніи мистической или метафизической телеологіи.

Въ древнѣйшей египетской скульптурѣ и живописи, какъ признано теперь почти всѣми египтологами, мы имѣемъ не типы, а *портреты*, т.-е. возможно точное воспроизведеніе индивидуума *). Совершенно то же мы видѣли и въ естественныхъ первоначальныхъ причитаніяхъ. Но въ дальнѣйшемъ развитіи причитаній сперва въ профессіональное искусство, а затѣмъ въ первобытный эпосъ, мы и теперь можемъ наблюдать причины перехода индивидуальныхъ образовъ въ типичные. Когда крестьянская женщина, выдающаяся изъ среды другихъ своимъ умѣньемъ причитать, приглашается на похороны въ чужую семью, она здѣсь искусственно сочиняетъ свою «домашнюю» поэмку объ умершемъ, т.-е. руководится въ изображеніи качествъ умершаго не своею непосредственною личною эмоціей, а предполагаемыми чувствами той семьи, которая ее пригласила. Конечно, при этомъ она будетъ вкладывать въ свое причитаніе и тѣ индивидуальныя черты умершаго лица, которыя успѣетъ узнать, но рядомъ съ ними она надѣлитъ его тѣми добродѣтелями, тѣми похвальными чертами, которыя нравятся въ данной средѣ, въ данной профессіи, въ данной личности. Такимъ образомъ, мы получаемъ въ зародышѣ то, что насъ поражаетъ и въ болѣе развитомъ искусствѣ: *мы имѣемъ слитыя вмѣстѣ 1) индивидуальныя черты, 2) идеалъ данной эпохи и мѣстности* и, въ то же время, 3) типъ, свойственный данной эпохѣ и мѣстности.

Можно съ полною вѣроятностью намѣтить дальнѣйшіе шаги этого «идеализированія» и «типизированія», отражающаго все болѣе и болѣе типичныя черты сравнительно обширнаго района. Посмотримъ.

Не всѣ причитальщицы одинаково талантливы (я говорю о профессіональныхъ); большинство изъ нихъ не сочиняютъ сами своихъ причитаній, а запоминаютъ ихъ, въ главныхъ чертахъ, и затѣмъ примѣняютъ къ новымъ и новымъ умершимъ, измѣняя кое-что сообразно обстоятельствамъ и

*) См., между прочимъ, Тарда: *L'Artt et la logique*.

собственному вкусу, конечно, всегда совпадающему со вкусомъ среды, безъ чего причитальщица и не выдѣлилась бы и не была бы приглашаема. Вотъ одна стадія дальнѣйшей идеализаціи и типизаціи, отражающей все болѣе и болѣе идеалы и вкусы района. И не только идеалы и вкусы, но и типъ, потому что здѣсь, какъ на извѣстныхъ типическихъ портретахъ Гальтона (о которыхъ подробнѣе буду говорить ниже), индивидуальныя черты все болѣе сглаживаются, а потому общія всѣмъ или типичныя выступаютъ, сохраняются.

Этотъ процессъ идетъ дальше, когда такія поэмки перенимаются нищими и слѣпцами, всегда по обычаю приглашаемыми на похороны. Они разносятъ, съ собственными варіаціями и измѣненіями, эти поэмки по еще большему району, примѣняя ихъ уже не къ умершимъ недавно, а къ лицамъ, почитаемымъ въ данномъ мѣстѣ и умершимъ давно: героямъ, святымъ и т. д. Я упомяну еще о другомъ явленіи народномъ: «величаніяхъ», относящихся къ живымъ. Это—зародышъ будущей оды, дифирамба, и здѣсь идеализація и типизація должны были имѣть тоже общія начала. Переходъ отъ этихъ формъ къ былинамъ, легендамъ, сагамъ такъ очевиденъ, что я не буду болѣе распространяться объ этомъ: героями этихъ послѣднихъ являлись лица, чѣмъ-нибудь выдававшіяся въ данномъ районѣ: силой, храбростью, геройствомъ и т. п.

Теперь взглянемъ на тотъ же процессъ въ его высшей стадіи: если поэтъ беретъ предметомъ своей поэмы или романа живое или историческое лицо, то психологическія и соціальныя условія его творчества совершенно тѣ же, какъ и у причитальщицы профессіональной: онъ вноситъ въ свое изображеніе героя черты индивидуальныя, а рядомъ съ ними и ту идеализацію, которая или была вложена въ это лицо его современниками въ легендахъ, лѣтописяхъ, былинахъ, или свою личную идеализацію, вызываемую тѣми личными эмоціями, которыя пережилъ художникъ, знакомясь съ этимъ лицомъ, читая о его дѣяніяхъ и т. д. Чаще всего оба эти вида идеализаціи сливаются. При этомъ, конечно, въ 1-й идеализаціи отражаются типичныя понятія и эмоціи прошлой эпохи, во второй идеализаціи—типичныя эмоціи и настроенія эпохи, современной автору. Таковъ, наприм., *Фаустъ* Гёте. Конечно, при этомъ образъ, созданный такимъ путемъ, будетъ тѣмъ болѣе глубокъ, общечеловѣченъ и долговѣченъ, чѣмъ болѣе глубокъ и общечеловѣченъ художникъ въ своихъ эмоціяхъ, идеяхъ, идеалахъ, т.-е. чѣмъ больше онъ *человѣкъ* и *всечеловѣкъ*. Таковъ Шекспиръ. Многіе изслѣдователи и комментаторы доказываютъ, что почти каждое изъ выведенныхъ имъ лицъ было отчасти живымъ портретомъ и сатирой на [illegible]льможъ эпохи Елизаветы. Но эти временныя, мѣстныя черты, благо[illegible]аря идеализаціи объектовъ и эмоцій, возбуждаемыхъ ими, доростали до [illegible]ѣчныхъ, общечеловѣческихъ типовъ, которые изумляютъ насъ своею г[illegible]биной и до сихъ поръ.

Чтобы читатель еще нагляднѣе понялъ мою мысль, я разскажу о [illegible]емъ личномъ впечатлѣніи отъ дрезденской (Сикстинской) Мадонны Раф[illegible]. Я

должень покаяться, что пока не видалъ въ подлинникѣ этой Мадонны, я не понималъ, почему Рафаэля считаютъ геніемъ. Я видалъ раньше въ копіяхъ и эту Сикстинскую Мадонну, но ничего выдающагося, такого, что меня очаровало бы, я не могъ понять, когда-же я увидѣлъ подлинникъ, я испыталъ вотъ что: всѣ мечты юности о какой-то идеальной, чудной женщинѣ, которыя *безсознательно* носитъ въ душѣ каждый человѣкъ нашей культуры, вдругъ выплыли въ поле моего сознанія. Я впервые узналъ самъ, что этотъ чудный образъ жилъ во мнѣ, заставлялъ меня искать его вездѣ, во всѣхъ женщинахъ, которыя мнѣ нравились, и никогда не находить. Вся прелесть первой поэтической стадіи любви, когда вы видите въ женщинѣ еще не то, чтò она есть, а то, чтò вы желаете въ ней видѣть,— вотъ воплощеніе этого смутнаго идеала женщины, свойственнаго, быть можетъ, всей нашей культурѣ (христіанской), если не идеала всей расы. И этотъ-то идеалъ уловилъ въ себѣ Рафаэль и перенесъ его на полотно, хотя, конечно, онъ писалъ свою Мадонну *съ живого оригинала,* т.-е. внесъ въ это произведеніе индивидуальныя черты, но онѣ слились съ его субъективною идеализаціей, съ тѣмъ чуднымъ миражемъ, который каждаго изъ насъ заставляетъ въ первое время любви видѣть у любимаго существа не то лицо, не тотъ голосъ, не тѣ манеры, не ту фигуру, которыя мы видимъ послѣ, когда узнаемъ ее ближе.

Но откуда же этотъ внутренній идеалъ? Какъ онъ создается въ душѣ? Неужели и послѣ такого факта я буду отрицать его мистическое или метафизическое происхожденіе?

Письма самого Рафаэля разъясняютъ намъ эту тайну. Въ одномъ изъ нихъ онъ жалуется, что не можетъ среди своихъ соотечественницъ отыскать оригинала для Мадонны, что «среди итальянокъ нѣтъ красивыхъ женщинъ». Вы, конечно, поражены: вы, русскій человѣкъ, конечно, находите итальянокъ чрезвычайно красивыми? Вы, наоборотъ, полагаете, что среди русскихъ очень мало красивыхъ? И, въ то же время, извѣстно, что ничто намъ не нравится такъ, какъ нашъ же собственный типъ, но именно «типъ» подчеркнутый, усиленный.

Это и есть тотъ *законъ красоты,* который подмѣтилъ геніальный Дарвинъ сперва у животныхъ, а затѣмъ прослѣдилъ его и у людей, по ихъ расамъ: половой подборъ у животныхъ происходилъ не только потому, что нѣкоторыя особенности самца давали ему перевѣсъ въ борьбѣ за самку, какъ, наприм., зачатки шпоръ, роговъ. Нѣтъ, были и такія свойства, наприм., зачатки красивыхъ хвостовыхъ перьевъ павлина, райской птицы, птицы-лиры или голосовыхъ органовъ соловья, которыя *дѣйствовали не насиліемъ надъ конкуррентами-самцами, а своимъ эффектомъ на нервы самки.* Въ чемъ же состоялъ этотъ эффектъ? Въ томъ, по мнѣнію Дарвина, что самка видѣла въ этихъ зарождающихся эмбріонахъ будущаго красиваго оперенія или соловьинаго пѣнія—*усиленный признакъ типа.*

Физіологическій законъ, господствующій тутъ, есть законъ утомленія зрительныхъ нервовъ и центровъ, извѣстный каждому физіологу, извѣст-

ный публикѣ. Вы, конечно, видали въ лавкахъ негативныя картинки и портреты: наприм., портретъ Пушкина или Гоголя сдѣланъ такъ, что свѣтлыя части лица нарисованы черными, а черныя—свѣтлыми. Если вы долго смотрите на такой портретъ и затѣмъ перенесете взглядъ на бѣлую стѣну или бумагу, то на нихъ вы увидите *настоящій портретъ*, т.-е. позитивный, гдѣ бѣлыя части лица явятся бѣлыми, темныя—темными. Отчего это зависитъ? А вотъ отчего: сѣтчатая оболочка глаза утомилась въ тѣхъ мѣстахъ, на которыя падали бѣлыя части негативнаго портрета, и не утомилась въ тѣхъ мѣстахъ, которыя воспринимали темныя мѣста. И вотъ, когда вы переносите вашъ взглядъ на бѣлую стѣну, притупленныя части сѣтчатки (т.-е. на которыя падали бѣлыя мѣста портрета) не ощущаютъ бѣлаго цвѣта стѣны; иными словами, въ этихъ мѣстахъ на стѣнѣ вы будете видѣть темныя пятна, и, наоборотъ, неутомленныя части сѣтчатки будутъ видѣть на стѣнѣ бѣлыя пятна, т.-е. получится настоящій портретъ.

Но если достаточно нѣсколькихъ секундъ вашего смотрѣнія на негативный портретъ, чтобы нервы ваши такъ устали, что вамъ бѣлое начинаетъ казаться чернымъ, а черное бѣлымъ, то насколько же больше должны васъ утомлять типичныя черты вашей націи, т.-е. тѣ черты, которыя одни и тѣ же у всѣхъ лицъ, встрѣчающихся вамъ каждый день, каждый часъ, въ теченіе недѣль, мѣсяцевъ, годовъ? Вотъ почему Рафаэль не видѣлъ красивыхъ женщинъ въ Италіи. Вотъ почему, наоборотъ, мы ихъ видимъ тамъ много и такъ мало у насъ. Вотъ почему и самки животныхъ предпочитаютъ всѣмъ другимъ самцамъ своего «вида» тѣхъ, у которыхъ есть какая-нибудь особенность, перемѣна, новизна. И поэтому-то подборомъ усилились и такія свойства самцовъ, которыя имъ были совершенно безполезны въ насильственной борьбѣ за самку. Даже болѣе: эти свойства часто были вредны для ихъ существованія; такъ, хвостъ павлина отнялъ у него возможность,—какъ и хвостъ райской птицы,—спасаться отъ врага; рога оленя мѣшаютъ ему въ лѣсу убѣгать отъ хищника; пѣніе соловья открываетъ его убѣжище коршуну и т. д., и т. д.

Законъ красоты и его различіе отъ закона пользы тутъ очевидны. Красота есть продуктъ свойства нервной системы утомляться однообразіемъ одинаковыхъ впечатлѣній, въ силу чего возникаетъ потребность новизны.

Но это не все: рядомъ съ потребностью новизны въ животномъ организмѣ существуетъ два другихъ фактора, консервативныхъ, а именно—привычка и утомленіе рѣзкою, неожиданною новизной.

Оба эти свойства лежатъ также въ свойствахъ нервной системы: привычка есть ничто иное, какъ 1) способность проводить съ наименьшими усиліями по нервамъ такія раздраженія, которыя повторялись не разъ и, такъ сказать, проторили себѣ дорожку (законъ наименьшаго сопротивленія). 2) Тѣ впечатлѣнія, которыя повторяются часто, заставляютъ сильнѣе расходоваться нервную ткань, а потому сосудодвигательная система,

снабжающая ихъ кровью, приспособилась давать этимъ наиболѣе утомляющимся мѣстамъ большее питаніе (или притокъ крови). Такимъ образомъ, всякая перемѣна впечатлѣній нарушаетъ этотъ привычный режимъ и влечетъ неудовольствіе, смутное страданіе. Такой же результатъ получается отъ сильнаго, рѣзкаго и неожиданнаго впечатлѣнія.

Но какъ же примиряются эти двѣ потребности: съ одной стороны, потребность отдыха усталыхъ частей, т.-е. потребность перемѣны, а съ другой—потребность сохраненія прежнихъ состояній, боязнь перемѣны?

Вотъ это и достигается тѣмъ, что *въ утомившихъ впечатлѣніяхъ, получаемыхъ отъ типа, измѣняется не все, а лишь незначительно увеличиваются или ослабляются извѣстные элементы. Получается удовлетвореніе обѣихъ потребностей, хотя онѣ и противуположны*, т.-е. *сохраненіе привычнаго и новизна.* Это-то явленіе мы и имѣемъ въ красотѣ. Даже болѣе: *это есть отличительный признакъ красоты*; это же есть и отличительное свойство не только отдѣльныхъ образовъ искусства, но и самаго искусства, требующаго постоянно новыхъ и новыхъ произведеній, не удовлетворяющагося созданіями величайшихъ геніевъ. При этомъ новыя произведенія, по большей части, *повторяютъ великія старыя созданія, внося небольшую новизну*, и этимъ достигаютъ поразительнаго результата: они спасаютъ насъ отъ забвенія великихъ мастеровъ искусства. Безъ этихъ вѣчно-новыхъ, хотя и мало-талантливыхъ, произведеній мы возненавидѣли бы великія произведенія искусства, потому что, видя, читая, слушая *только ихъ*, мы были бы переутомлены ихъ красотами. Теперь же мы каждый разъ возвращаемся къ нимъ вновь, съ освѣженнымъ восторгомъ и наслажденіемъ.

Но то же и во всей нашей жизни, во всей природѣ: мы въ восторгѣ отъ наступившей зимы, затѣмъ она насъ утомляетъ, и мы ждемъ весны и лѣта. Но и лѣто утомляетъ, утомляетъ отдыхъ, дача, деревня, Италія, Ницца, и мы съ восторгомъ встрѣчаемъ стѣны своего кабинета осенью, съ наслажденіемъ садимся за свой письменный столъ и принимаемся за обычную работу, пока снова не начинаемъ проклинать и этотъ столъ, и работу, и надоѣвшія городскія улицы, и опостылѣвшихъ знакомыхъ. И такъ дѣло идетъ безъ конца.

Но вотъ на этой нервной особенности возникаетъ и художественная идеализація, типизація и гедонизація окружающихъ насъ лицъ, характеровъ, человѣческихъ свойствъ, мѣстностей и пр., и пр.

Знаете ли вы, что такое типическіе портреты Гальтона?

Берется, напримѣръ, 100 фотографическихъ карточекъ разныхъ лицъ данной профессіи, спеціальности и т. п. Задача состоитъ въ томъ, чтобы всѣ ихъ слить въ одинъ портретъ такъ, чтобъ исчезли всѣ индивидуальныя черты, а получились только типичныя, т.-е. общія для всѣхъ ихъ. Какъ это сдѣлать? Очень просто. Если для полнаго отпечатка на пластинкѣ одного портрета нужно, положимъ, 200 минутъ, то, держа передъ пластинкой каждый изъ ста портретовъ только 2 минуты, мы получимъ

слѣдующій результатъ: все, что свойственно только одному портрету, не отпечатается, потому что будетъ вліять на пластинку лишь $^{1}/_{100}$ часть необходимаго для этого времени. Наоборотъ, все, что на всѣхъ портретахъ имѣется общаго, вліяя на пластинку по 2 минуты, дастъ на 100 портретовъ полныхъ 200 минутъ, т.-е. отпечатается вполнѣ отчетливо. Наконецъ, всѣ промежуточныя черты отпечатаются болѣе или менѣе ясно, смотря по тому, насколько часто онѣ встрѣчаются во всѣхъ 100 портретахъ.

Но, вѣдь, то же самое ежедневно испытываетъ наша сѣтчатая оболочка и нервные центры, смотря на лица, дома, мѣстность, окружающую насъ. Типичныя черты отпечатлѣваются сильнѣе, случайныя—меньше. Но первыя болѣе утомляютъ, хотя, въ то же время, образуютъ и привычку, потребность въ нихъ.

И вотъ результаты, получаемые въ жизни: васъ утомили родныя картины природы, вы ѣдете за границу и сперва приходите въ восторгъ отъ новыхъ мѣстностей, но мало-по-малу заболѣваете тоской по родинѣ. Вамъ надоѣло одно и то же лицо любимой женщины; у васъ начинаются безпричинныя ссоры; вы думаете, что возненавидѣли другъ друга. Но вотъ пришлось уѣхать не надолго, и вы скоро начинаете испытывать безпредѣльную тоску («вмѣстѣ скучно, порознь тошно»,—говоритъ и пословица).

Дарвинъ, утверждая, что мы считаемъ наиболѣе красивымъ свой типъ или усиленные признаки типа, и правъ, и неправъ. Онъ приводитъ, дѣйствительно, факты поражающіе: негру нравится наиболѣе черная окраска кожи, европейцу—усиленная бѣлизна и румянецъ, для китайцевъ же нашъ цвѣтъ лица невыносимъ: они смѣялись надъ красивою англійскою лэди за ея цвѣтъ лица, сравнивая его съ цвѣтами картофеля. Есть два племени, Крау и Сіу: одно безволосое, другое съ роскошною волосяною растительностью. Безволосое ненавидитъ малѣйшее проявленіе растительности, такъ что у миссіонеровъ, прежде всего, выдергиваетъ всѣ ихъ волосы. Другое же, наоборотъ, выбираетъ даже въ предводители того, у кого окажутся самые длинные волосы.

Повидимому, тутъ безспорное доказательство въ пользу взглядовъ Дарвина, что мы считаемъ красотой черты нашего типа. Но это не вполнѣ такъ: еслибъ это было вѣрно, то бѣлокурой расѣ никогда не нравились бы брюнеты, и наоборотъ. Между тѣмъ, наблюденія доказываютъ противуположное. Сошлемся не только на ежедневный опытъ, но и на Рафаэля, у котораго множество бѣлокурыхъ Мадоннъ. Типическій портретъ Гальтона объясняетъ намъ это явленіе: среди бѣлокурой расы изрѣдка встрѣчаются брюнеты, среди смуглой расы—блондинки (венеціанки въ Италіи). Такимъ образомъ, для расы блондиновъ брюнеты не представляютъ совершенной, непривычной новизны, какъ, наприм., негры или желтолицые китайцы, вызывающіе неудовольствіе, а представляютъ только явленіе, не утомившее зрительные нервы, подобно наиболѣе типичнымъ чертамъ, а потому — пріятное. Негръ и китаецъ непріятны потому, что новизна ихъ черезъ-чуръ необычна, рѣзка, производитъ неподготовленное впечатлѣніе.

Что вѣрно относительно цвѣта кожи, то вѣрно и относительно очертаній лица. У расы съ небольшими приплюснутыми носами легкое усиленіе этого признака считается красивымъ, но провалившійся носъ возбуждаетъ отвращеніе. У расы съ длинными носами есть также предѣлъ, за которымъ это свойство перестаетъ чувствоваться, какъ красивое, и возбуждаетъ смѣхъ. Намъ нравятся миндалевидные глаза, представляющіе переходъ къ глазамъ монгольскаго типа; но настоящія монгольскія трещины, вмѣсто глазъ, кажутся уродливыми.

Въ области душевныхъ свойствъ, въ чертахъ характера, въ морали проявляется тотъ же законъ красоты. Намъ нравится оригинальность ума, характера, морали, но не черезъ-чуръ рѣзкая, не выходящая далеко за предѣлы привычнаго типа интеллектуальнаго или моральнаго. Это доказываетъ, что высшіе центры головного мозга дѣйствуютъ въ этомъ отношеніи совершенно подобно сѣтчатой оболочкѣ глаза: они также утомляются интеллектуальными и моральными явленіями, черезъ-чуръ общими въ данной средѣ, такъ же слагаютъ изъ нихъ типы и такъ же жаждутъ для отдыха незначительной новизны въ предѣлахъ типа.

Въ этомъ же нервномъ законѣ лежитъ постепенность историческаго процесса, постепенность развитія идей, морали, философіи, религіи, общественныхъ формъ и замѣны однихъ изъ этихъ явленій другими.

Основной законъ красоты и искусства является, такимъ образомъ, основнымъ закономъ жизни, исторіи, прогресса человѣчества и даже міроваго процесса, включая сюда и процессы циклическіе, какъ смѣна временъ года, различныхъ стадій дня и т. п.

То свойство нервной системы, которое является источникомъ чувства красоты, очевидно, само сложилось подъ вліяніемъ всѣхъ явленій природы, развивающихся медленною борьбой новизны съ консерватизмомъ или, говоря иначе, наростаніемъ новизны на прежнихъ пріобрѣтеніяхъ и приспособленіяхъ жизни *).

Теперь мы можемъ уже легко уяснить себѣ, какъ всѣ эти законы отражаются въ красотѣ искусства.

Начнемъ опять съ типовъ. Мы уже теперь можемъ замѣтить, что *типъ, воспроизводимый искусствомъ, и типъ, воспроизводимый сложными фотографіями Гальтона, — не одно и то же*. Если бы было такъ, то типическіе портреты Гальтона нравились бы намъ такъ же, какъ художественные типы. Но ничего подобнаго нѣтъ, хотя въ основѣ лежитъ тотъ же законъ.

Художникъ самъ представляетъ собою пластинки Гальтона, на которыхъ отпечатлѣлись разные типы: Рудина, Гамлета, Обломова, Хлестакова. Но

*) Консерватизмъ и реакція не должны быть смѣшиваемы: консерватизмъ есть храненіе пріобрѣтеннаго; безъ него былъ бы невозможенъ прогрессъ. Реакція, наоборотъ, есть разрушеніе пріобрѣтеннаго. Консерватизмъ есть статическій элементъ прогресса, динамизма, дальнѣйшаго движенія. Реакція же есть начало разложенія самаго статическаго элемента, т.-е. начало смерти.

въ его памяти, рядомъ съ этими типичными портретами, живутъ также индивидуальные портреты, которые исчезли съ пластинокъ Гальтона. Поэтому-то свои типы онъ рисуетъ съ мельчайшими индивидуальными чертами, дѣлающими ихъ не голою абстракціей, а живою личностью. И это не все: гамлетизмъ, хлестаковщина, обломовщина, ревность Отелло и т. д. есть у всѣхъ, но въ разной пропорціи. Даже Донъ-Кихотъ, этотъ противуположный полюсъ Гамлета, долженъ былъ (въ дѣйствительности) хотя разъ въ жизни колебаться и сомнѣваться. Абсолютно вѣрящимъ и рѣшительнымъ дѣлаетъ его авторъ, чтобы выдѣлить, изолировать это свойство изъ другихъ, съ которыми *въ жизни* оно всегда болѣе или менѣе смѣшано. Самый серьезный и умный человѣкъ изрѣдка любитъ похвастаться, какъ Хлестаковъ; самый рѣшительный человѣкъ можетъ очутиться въ положеніи Подколесина. Но у разныхъ лицъ тѣ или иныя черты преобладаютъ. Художникъ же дѣлаетъ ихъ основой всего характера героя. И вотъ почему каждый испыталъ, что въ художественныхъ типахъ мы видимъ одновременно и совершенно *новое* лицо, и, въ то же время, *безконечно-знакомое*. Новизна состоитъ въ томъ, что мы никогда въ обыденной жизни не видѣли данныхъ чертъ до такой степени выдѣленными изъ житейской амальгамы съ другими чертами, или, говоря точнѣе, никогда не видѣли ихъ столь очевидно преобладающими въ этой амальгамѣ и такъ наглядно бросающимися въ глаза. Это-то подчеркиваніе и создаетъ новизну на давно извѣстномъ явленіи. Оно же помогаетъ намъ замѣтить его особенно отчетливо, выдѣлить изъ другихъ свойствъ, изучить, понять, осмѣять или, наоборотъ, возвеличить, сдѣлать предметомъ подражанія и т. д.

Но отчего же зависитъ, что такое подчеркиваніе или преобладаніе однихъ чертъ вызываетъ иногда впечатлѣніе серьезное, глубокое (наприм., Фаустъ, Гамлетъ), иногда впечатлѣніе смѣшное, комическое (Донъ-Кихотъ, Подколесинъ, Хлестаковъ)?

Мы подошли къ вопросу о *художественномъ комизмѣ* и увидимъ, какъ наглядно онъ объясняется изъ тѣхъ же основныхъ принциповъ.

IX.

Спенсеръ въ своей *Физіологіи смѣха* указалъ только одну сторону комизма: энергія, приготовленная нами для какого-нибудь опредѣленнаго выхода, не находитъ его и разрѣшается на центры смѣха. Вотъ его объясненіе. Но это не совсѣмъ вѣрно. Ради наглядности, возьмемъ самый грубый видъ комизма—у клоуновъ. Часто они вызываютъ гомерическій смѣхъ тѣмъ, что долго разставляютъ рядъ стульевъ, дѣлая видъ, что собираются перескочить черезъ него. Вниманіе зрителя напрягается тѣмъ больше, чѣмъ больше тянутся приготовленія и чѣмъ серьезнѣе они дѣлаются. Но каждый зритель,—исключая самыхъ наивныхъ,—знаетъ, что клоунъ не будетъ прыгать черезъ стулья, что онъ обманетъ и сдѣлаетъ что-то смѣшное: на то онъ и клоунъ. И такъ, ожиданіе обмана *подготовлено* отчасти [illegible]

ко не знаете, въ какой формѣ онъ явится. Поэтому ожиданіе напряжено; интересъ усиливается, а этимъ привлекается масса мозговой энергіи, но уже съ извѣстнымъ самопредупрежденіемъ, что ее придется направить на органы смѣха. И вдругъ, клоунъ, разбѣжавшись, садится на первый стулъ. Эффектъ совершается, какъ по писанному: накопленная энергія ожиданія вся бросается на органы смѣха. Но бывали случаи, что наивные зрители (юноши) *умирали* въ циркѣ, благодаря подобной шуткѣ: они не были подготовлены къ ней, и энергія бросалась на другіе центры мозга, какъ она бросается на центры гнѣва и разрушенія, когда, напримѣръ, въ провинціи, пріѣзжій «артистъ» соберетъ деньги и вдругъ до начала спектакля исчезаетъ. Гнѣвъ тутъ вызывается, конечно, не потерей полтинника или рубля, а взрывомъ запасенной энергіи ожиданія. Чтобъ явился смѣхъ, нужны два условія: 1) приготовленія, возбуждающія нашъ интересъ и вниманіе (т.-е. приливъ энергіи), должны не соотвѣтствовать результату (старые эстетики говорили: форма должна не соотвѣтствовать идеѣ); приготовленія и ожиданія серьезны, огромны, а результатъ—ничтоженъ. Но это не все; 2) условіе состоитъ въ томъ, чтобы мы такъ или иначе были предупреждены о готовящемся обманѣ. Иначе выйдетъ не смѣхъ, а гнѣвъ. Возьмите Подколесина, Хлестакова или Донъ-Кихота. Уже по первому знакомству съ Донъ-Кихотомъ вы знаете, что изъ его грандіозныхъ плановъ выйдетъ что-то маленькое, самообманъ: рыцарь, волшебникъ, красавица-Дульцинея выйдутъ чѣмъ-то не тѣмъ, чѣмъ-то маленькимъ, смѣшнымъ. Но вы глубоко заинтересованы: чѣмъ же именно они окажутся? И вотъ именно это является для насъ *новизной на подготовленной почвѣ*.

То же въ *Женитьбѣ* Гоголя, въ *Ревизорѣ*. Въ первой вы чувствуете, что Подколесинъ разрушитъ всѣ ожиданія, обманетъ всѣхъ, но какъ? Вы не знаете. Задѣвается, какъ и въ Донъ-Кихотѣ, психологическое свойство, къ которому постоянно прибѣгаютъ художники, это—*интересъ, любопытство. Онъ-то и содѣйствуетъ накопленію энергіи.*

Но эта энергія не всегда предназначается для органовъ смѣха. Такъ, Толстой, и особенно Достоевскій, а также многіе другіе романисты иногда долго ведутъ васъ къ цѣли, возбуждаютъ интересъ въ высшей степени и вдругъ разрѣшаютъ его, но вы не смѣетесь, а плачете, хотя процессъ, подготовлявшійся авторомъ (напримѣръ, похожденія героя), кончается благополучно для него.

И такъ, запасенная энергія является не только въ комическихъ эффектахъ, но и въ серьезномъ искусствѣ. Ея разряженіе на центры смѣха или на центры слезъ зависитъ отъ характера той новизны, къ которой насъ подготовляетъ авторъ въ теченіе разсказа: если мы ожидаемъ шутки, обмана, т.-е. результата противуположнаго ожиданіямъ дѣйствующихъ лицъ (напримѣръ, чиновниковъ въ *Ревизорѣ*, ожидающихъ отъ Хлестакова сперва громовъ небесныхъ, а затѣмъ великихъ и богатыхъ милостей), то результатомъ является смѣхъ, веселость. Если, наоборотъ, мы ожидаемъ серье[з]наго, важнаго рѣшенія процесса, напрягаемъ наше вниманіе въ этомъ

направленіи и, наконецъ, получаемъ его, то разряженная энергія направляется на центры высшихъ эмоцій, вызываетъ въ насъ глубокое волненіе и можетъ вызвать слезы.

Эта способность вызывать слезы не у всѣхъ художниковъ одинакова и не всѣ употребляютъ ее въ дѣло (иные злоупотребляютъ ею, зная, что публика любитъ слезный эффектъ почти такъ же, какъ и комическій). Наслажденіе, получаемое при этомъ, какъ я уже сказалъ, состоитъ въ томъ, что, во-первыхъ, эффектъ отчасти подготовленъ, не представляетъ совершенной неожиданности: этимъ онъ отличается отъ жизненнаго горя прежде всего. Но не только этимъ, а, во-вторыхъ, самая печальная эмоція художественнаго произведенія, заражающая насъ, переживается нами не непосредственно, *какъ наша собственная*, а какъ чужая и только созерцаемая нами; въ-третьихъ, художникъ гедонизируетъ ее, т.-е. сообщаетъ ей элементъ красоты, наслажденія не одними тѣмъ, что дѣлаетъ ее подготовленною новизной, но еще и тѣмъ, что идеализируетъ ее также по законамъ удовольствія и, кромѣ того, даетъ ей форму выраженія по тѣмъ же законамъ.

Я уже говорилъ ранѣе, что наслажденіе произведеніями искусства можетъ быть или центральное, или периферическое. Законъ гедонизаціи тутъ одинъ и тотъ же. Онъ состоитъ въ подготовленной перемѣнѣ. Но при центральномъ наслажденіи этотъ законъ легче видѣть; при наслажденіи периферическомъ это требуетъ утонченныхъ физіологическихъ изслѣдованій, что и сдѣлано отчасти Гельмгольтцемъ и Брюкке. Въ журнальной статьѣ, назначенной для «большой» публики, я не буду приводить той детальной разработки этой задачи, которая сдѣлана мною въ вышеупомянутой работѣ моей—*Физіологическія объясненія нѣкоторыхъ элементовъ чувства красоты*. Ограничусь общепонятною схемой.

Напримѣръ, гармоническія или дисгармоническія сочетанія звуковъ (тоновъ), по Гельмгольтцу, зависятъ отъ взаимнаго отношенія числа колебаній (или волнъ) воздуха, соотвѣтствующихъ каждому тону. Могутъ быть такія отношенія, когда совпаденія волнъ явятся правильными, т.-е. повторяющимися въ извѣстные промежутки времени; есть отношенія, когда такія совпаденія будутъ неправильны. Въ первомъ случаѣ, когда мы безсознательно ощущаемъ этотъ ритмъ колебаній, является удовольствіе гармоніи; во второмъ случаѣ, наоборотъ, усиленія или повышенія вибрацій слѣдуютъ неожиданно, неправильно, мы не подготовлены къ нимъ: является диссонансъ. Формула «подготовленной перемѣны» тутъ очевидна. Только здѣсь она дѣйствуетъ *за предѣлами сознанія*.

Въ живописи возьмемъ не сочетаніе цвѣтовъ, которое требуетъ для пониманія болѣе спеціальныхъ знаній (а потому здѣсь неудобно), а возьмемъ эстетическое ощущеніе отъ линій и ихъ сочетаній: каждый знаетъ, что глазу непріятны рѣзко изломанныя линіи, пріятны волнообразныя. Вундтъ доказалъ, что это зависитъ отъ тѣхъ движеній, которыя приходится дѣлать глазнымъ яблокомъ, слѣдя за линіями. Однообразная прямая линія утомляетъ глазъ, заставляетъ работать все одну и ту же группу мышцъ.

Рѣзко изломанная линія заставляетъ дѣлать неожиданныя, рѣзкія, неподготовленныя движенія. Только линіи волнообразныя даютъ движеніямъ глазного яблока пріятную подготовленную перемѣну или новизну, причемъ уставшая мышца отдыхаетъ, пока работаетъ новая.

Изъ области периферическихъ удовольствій поэзіи возьмемъ *размѣръ или ритмъ, и созвучія или рифмы*. Удовольствіе это также периферическое и лежащее за предѣлами сознанія по своимъ причинамъ. А эти причины—также въ подготовленной новизнѣ или перемѣнѣ,—въ стихотвореніи, какъ и въ музыкѣ, звуки слѣдуютъ другъ за другомъ съ извѣстнымъ размѣромъ: опредѣленное число повышеній идетъ за опредѣленнымъ числомъ пониженій. Значитъ, мы имѣемъ подготовленный, такъ сказать, фонъ или остовъ, на которомъ появляются новыя звуки или слова. Въ ритмѣ или размѣрѣ дана подготовка, ожиданіе; въ словѣ, соотвѣтствующемъ размѣру, *новизна*. Напримѣръ, на ритмическомъ фонѣ или остовѣ *Демона* являются все новые и новые звуки: «печальный демонъ, духъ изгнанья» и т. д.

Созвучіе или риѳма: «изгнанья», «воспоминанья», «землей», «толпой» и т. д. выполняетъ ту же функцію. Находя въ концѣ 1 строфы слово «изгнанья», мы ожидаемъ въ концѣ соотвѣтствующей строфы *подобныхъ же звуковъ*: ожиданіе удовлетворяется словомъ «воспоминанья». То-есть мы имѣемъ подготовку, ожиданіе, интересъ, накопленіе опредѣленной энергіи и ея удовлетвореніе. А это есть основной законъ удовольствія вообще *).

Поэтому же нарушенный размѣръ или пропущенная риѳма тамъ, гдѣ поэтъ уже пріучилъ насъ ожидать ихъ, дѣйствуютъ крайне непріятно. Этихъ иллюстрацій, я надѣюсь, достаточно, чтобъ установить, въ общихъ чертахъ, не входя въ детали, слѣдующіе законы *гедонизаціи* или чувства красоты:

1) Всякое впечатлѣніе черезъ-чуръ рѣзкое или черезъ-чуръ продолжительное утомляетъ тѣ нервы или центры, на которые оно дѣйствуетъ, а потому ощущается какъ непріятное, тягостное.

2) Отсюда потребность перемѣны, дающей отдыхъ утомленному участку и работу тѣмъ участкамъ, которые отдыхали и накопили энергію для работы.

3) Чтобы перемѣна не была непріятной, она не должна быть рѣзкой, неожиданной, неподготовленной. Подготовленіе позволяетъ намъ заранѣе запасти энергію для ожидаемаго впечатлѣнія, а расходъ энергіи, такимъ образомъ, доставляетъ намъ наслажденіе.

Эти положенія опираются на слѣдующіе психо-физіологическіе законы удовольствія и страданія (Дюмонъ, Гротъ, Marschall):

1) Удовольствіе доставляется намъ или возстановленіемъ израсходованной энергіи, или, наоборотъ, расходованіемъ накопленной энергіи.

---

*) См. *Психологію чувствованій* Н. Я. Грота, мои статьи о прогрессѣ въ старомъ *Русскомъ Богатствѣ* 1884 г. и болѣе новыя изслѣдованія Marschall'я, Бэна и др., не вносящія, впрочемъ, ничего новаго въ то, что мною высказано въ 1878 г въ *Физіологическихъ объясненіяхъ нѣкоторыхъ элементовъ чувства красоты*.

2) Страданіе происходитъ или отъ того, что накопленная энергія не находитъ себѣ выхода въ работѣ, или, наоборотъ, работа превышаетъ количество запасенной энергіи.

Сравнивая эти формулы съ теоріями американскаго ученаго Джемса и бельгійскаго Lange, можно сдѣлать еще болѣе точное, біологическое опредѣленіе удовольствія и страданія: «неудовольствіе причиняется намъ нарушеніемъ установившагося физіологическаго равновѣсія, удовольствіе—его возстановленіемъ». То-есть когда какой-нибудь участокъ тѣла, органа, ткани накопилъ больше энергіи, чѣмъ можетъ израсходовать, страданіе является потому, что нарушено равновѣсіе. Когда мы находимъ исходъ этой энергіи, удовольствіе является потому, что возстановляется равновѣсіе, и т. д. *).

Теперь эстетическая эмоція или гедонизація можетъ получить точную физіологическую форму:

1) Рѣзкое или неожиданное впечатлѣніе производитъ усиленный и неподготовленный расходъ энергіи, т.-е. нарушеніе равновѣсія.

2) Продолжительное однообразное впечатлѣніе истощаетъ энергію даннаго участка, производитъ нарушеніе равновѣсія.

3) Подготовленная перемѣна вводитъ въ работу новые центры, въ которыхъ подготовлена энергія въ избыткѣ. Ея расходъ даетъ удовольствіе.

4) Утомленные нервные участки, въ теченіе этой перемѣны, возстановляютъ свою энергію, что также даетъ удовольствіе, возстановляя равновѣсіе, и т. д. **).

---

*) См. мою статью *Основной вопросъ прогресса* въ *Русской Мысли* 1894 г., кн. VIII.

**) Marschall въ своей работѣ *Pleasure and Pain psychologically considered* говоритъ то же: „Удовольствіе или страданіе опредѣляются отношеніемъ между энергіей отданной и полученной". А. Бэнъ ходитъ около тѣхъ же формулъ, но выражаетъ ихъ въ конкретной, не обобщенной формѣ. Онъ указываетъ, во-первыхъ, на относительность удовольствій и страданій: „удовольствіе усиливается отъ предъидущаго лишенія". Во-вторыхъ, онъ говоритъ объ „органической потребности упражненія органа: глазъ не выноситъ долгой тьмы" и добавляетъ наивно: „быть можетъ, потому, что ему *полезенъ* свѣтъ". Вовсе не потому, а потому, что и въ темнотѣ глазъ работаетъ, но гораздо сильнѣе и, конечно, сильнѣе утомляется. Также схоластически звучатъ у почтеннаго профессора такія фразы: „мышца не выноситъ покоя". Дѣло тутъ, очевидно, въ избыткѣ энергіи, накопляющейся въ мышцѣ во время покоя (см. выше). Въ-третьихъ, Бэнъ указываетъ на то, что одинаковые факторы, наприм., теплота, свѣтъ, могутъ быть пріятны, смотря по ихъ силѣ или интензивности. И это сводится къ вышеприведеннымъ формуламъ. Интересно, что собственно эстетическія формулы Бэна, которыя онъ развивалъ недавно въ полемикѣ съ Marschall'емъ въ *Mind*, совершенно подходятъ подъ формулу подготовленной новизны. Такъ, относительно гармоніи и диссонанса (discord), онъ говоритъ, что они состоятъ въ „утонченномъ соревнованіи между эффектами, различными по своей природѣ, но, въ то же время, обладающими и *кое-чѣмъ общимъ*". Это „общее" и есть та почва подготовленія, ожиданія, о который я говорилъ выше, и старые эстетики опредѣляли гармонію вполнѣ точно, называя ее „единствомъ въ разнообразіи". Далѣе Бэнъ принимаетъ теорію Сёлли (Sully), указывающаго три условія для прелести музыкальныхъ арій и стиховъ: *музыкальное согласованіе послѣдовательныхъ нотъ, интеллектуальное сіяние-*

X.

Теперь мнѣ остается сказать лишь нѣсколько словъ еще объ одномъ quasi-мистическомъ свойствѣ, приписываемомъ искусству, — *о его якобы способности заглядывать въ отдаленное будущее, благодаря чему-то вродѣ божественнаго откровенія.* Даже такой трезвый мыслитель, какъ Тардъ, кончаетъ свою работу объ искусствѣ слѣдующими словами: «Оно есть предчувствіе *будущей истины* или будущей полезности, безконечной, цѣльной и полной»...

Это діаметрально противуположно историческимъ фактамъ: отдаленные идеалы создавались не художниками, а религіозными фанатиками, моралистами, соціологами и философами. Таковы Платонъ, Фурье, Сенъ-Симонъ, Кабэ, Контъ, Марксъ, Лассаль, Мюнцеръ, Шторхъ... Художники же всегда лишь отражали *среду*, ея типы, ея стремленія, понятія, эмоціи, хотя и въ идеализированномъ видѣ. Самъ Тардъ справедливо замѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ, что *ни надъ кѣмъ среда не тяготѣетъ такъ, какъ надъ художниками.* Имъ труднѣе, чѣмъ кому-либо, малѣйшее новаторство; они должны выращивать его на почвѣ старыхъ традицій искусства, иначе ихъ не поймутъ и отвергнутъ. И это вполнѣ понятно теперь читателю послѣ того, что мною сказано выше. Въ красотѣ, лежащей въ основѣ искусства, больше чѣмъ гдѣ-нибудь лежитъ законъ *подготовленной новизны*, и скачки невозможны. Если художники часто вели впередъ общество, популяризируя въ немъ и дѣлая очаровательными идеалы морали, философіи и соціальныхъ ученій, то они *всегда дѣлали это въ предѣлахъ стремленій, понятій и эмоцій своей эпохи или ближайшаго кружка, замѣнявшаго имъ среду* (наприм., нашъ Некрасовъ, Тургеневъ, Григоровичъ). Всегда было необходимо для нихъ, чтобъ идеалъ или принципъ уже спустились если не въ цѣлое общество, то въ его группу, ближайшую къ поэту. Поэтому же невѣрно и другое положеніе, что поэтъ отражаетъ *все* общество: онъ отражаетъ извѣстную группу, и въ одномъ и томъ же обществѣ могутъ являться поэты, отражающіе различныя группы: поэты, гедонизирующіе эмоціи прогрессистовъ и эмоціи реакціонеровъ (Аристофанъ, кн. Мещерскій, гр. Валуевъ, Клюшниковъ, Стебницкій, поэты-декаденты, а рядомъ—Некрасовъ, Надсонъ, Плещеевъ, Огаревъ и т. д.).

Когда общество не было дифференцировано, поэзія и искусство могли являться выраженіемъ или гедонизированною рѣчью всего общества. Теперь они являются гедонизированною рѣчью его группъ.

Подведемъ итоги.

1) Искусство есть *гедонизированная рѣчь, приспособленная преиму-*

ст*о и выраженіе эмоцій.* Очевидно, 1-е условіе, какъ и 2-е, составляютъ тотъ элементъ подготовленія, фона, остова, о которомъ я говорилъ выше. Эмоціи же мы тоже разсмотрѣли ранѣе. И такъ, Бэнъ не даетъ ничего новаго, но и то новое, которое есть, даетъ въ смутной, неопредѣленной формѣ.

щественно къ выраженію эмоцій, т.-е. для наиболѣе интимнаго общенія между людьми относительно ихъ собственныхъ состояній (чувствованій, настроеній, стремленій).

2) Гедонизація сообщается этой рѣчи или путемъ ея вліянія на периферическіе, или путемъ вліянія на центральные органы нервовъ и мозга,—вліянія посредствомъ наслажденія.

3) Особенность наслажденія, доставляемаго искусствомъ, заключается въ способности этого наслажденія сливаться съ другими движеніями души, а именно съ эмоціями и идеализаціями всякаго рода.

4) Возвышенный и облагораживающій человѣка или, наоборотъ, низменный и унижающій человѣка характеръ искусства зависитъ не отъ художественнаго наслажденія (эстетической эмоціи, гедонизаціи), а отъ тѣхъ эмоцій и идеализацій, съ какими слилось это наслажденіе.

5) Такимъ образомъ, само художественное наслажденіе есть всегда только *орудіе,* средство. Цѣлью оно становится лишь въ искусствахъ низшихъ—гастрономическомъ, пиротехническомъ, а также въ тѣхъ извращеніяхъ и паденіяхъ высшихъ искусствъ, которыя средство дѣлаютъ цѣлью, благодаря отсутствію живыхъ эмоцій и высшихъ стремленій у авторовъ.

6) Наслажденіе, даваемое искусствомъ, какъ орудіе, можетъ служить и добру, и злу, и безразличному удовольствію. Поэтому оцѣнка произведеній искусства не можетъ ограничиваться только оцѣнкой орудія или средства. Наоборотъ, на первомъ планѣ должна стоять, конечно, оцѣнка содержанія и только затѣмъ насъ можетъ интересовать цѣнность его орудія. Такимъ образомъ, къ искусству должны примѣняться всѣ общіе моральные и соціальные критеріи, а къ его орудію (гедонизаціи) критеріи спеціально эстетическія.

7) Произведеніе искусства безсодержательное,—какою бы обольстительною формой оно ни обладало,—ниже произведенія искусства съ содержаніемъ, но слабою формой, ниже постольку же, поскольку въ іерархіи нашихъ функцій центрально-мозговые выше периферическихъ.

8) Но произведеніе искусства, чуждое гедонизаціи, т.-е. чарующей формы, лишено одного изъ первыхъ средствъ побѣды надъ толпой, такъ какъ не даетъ наслажденія.

9) Произведеніе искусства, служащее только одному наслажденію, вовсе не изъято ни отъ служенія жизни, ни отъ рабства передъ ея условіями. Но жизни оно служитъ низшей, а рабство его состоитъ въ томъ, что художникъ не можетъ не подчиняться вліянію среды въ своей эстетической эмоціи. Такимъ образомъ, мнимое освобожденіе искусства отъ служенія общественнымъ цѣлямъ не освобождаетъ его отъ этого служенія, а лишь переноситъ область служенія изъ сферы высшихъ потребностей въ сферы низшія, въ область периферическихъ наслажденій.

10) Поэтому всякое высшее искусство,—Шекспировъ, Гёте, Байроновъ

Рафаэлей, Данте, Сервантесовъ, Толстыхъ, Тургеневыхъ, — служитъ высшимъ цѣлямъ человѣческой жизни. То, что называютъ тенденціознымъ искусствомъ, есть просто искусство мало-даровитыхъ художниковъ, не съумѣвшихъ свои идеи и стремленія облечь въ такую форму идеализаціи и гедонизаціи, въ какую умѣютъ ихъ облекать великіе таланты.

Болѣе мелкихъ выводовъ, къ которымъ мы пришли здѣсь, я не буду резюмировать.

Л. Е. Оболенскій.

Страхованіе рабочихъ въ Германіи *).

Возвращаемся къ поставленному выше вопросу: какъ фактически осуществляется попеченіе о пострадавшемъ? Мы сказали, что относительно каждаго отдѣльнаго потерпѣвшаго приходится устанавливать его право на помощь и размѣръ помощи. Самое понятіе несчастный случай, Unfall, понимается юристами въ смыслѣ внезапнаго внѣшняго воздѣйствія на физическую природу человѣка. Законъ даетъ потерпѣвшему право на вознагражденіе за несчастный случай *при производствѣ* («1: bei dem Betriebe sich ereignenden Unfalle»). Если рабочій потерпѣлъ внѣ производства или пострадалъ въ то время, когда работы на фабрикѣ не было, онъ не имѣетъ права на вознагражденіе. Въ Германіи возникла цѣлая литература по поводу толкованія словъ: bei dem Betriebe. Преобладающее мнѣніе теоріи и судебной практики состоитъ въ томъ, что не мѣстная и временная связь между несчастнымъ случаемъ и производствомъ, а только причинная связь устанавливаетъ право потерпѣвшаго **). Эту связь, слѣдовательно, прежде всего, нужно установить дознаніемъ. Порядокъ дознанія и всего производства слѣдующій.

Каждый предприниматель обязанъ въ теченіе 2 дней извѣщать мѣстную полицію о несчастномъ случаѣ, повлекшемъ за собою смерть человѣка или болѣзнь, которая предположительно будетъ длиться болѣе 3 дней. Полиція вноситъ это въ свой списокъ и по возможности быстро производитъ дознаніе относительно болѣе тяжкихъ изъ заявленныхъ ей случаевъ, т.-е. такихъ, за которыми послѣдовала смерть или тяжкое увѣчье (вѣроятная болѣзнь въ теченіе долѣе 13 недѣль). Къ дознанію приглашаются: предприниматель или его уполномоченный, представитель Berufsgenossenschaft, въ которой числится данное предпріятіе, или ея секціи, и представитель отъ Krankenkasse, къ которой принадлежитъ потерпѣвшій. Дознаніе устанавливаетъ причину и свойство несчастнаго случая, имя и мѣсто ж-

---

*) *Русская Мысль*, кн. II.

**) См. *Rosin*: „Das Recht der Arbeiterversicherung“, II, p. 273—290 (въ особ. 278—279).

тельства убитаго или раненаго, характеръ поврежденія и имена членовъ семьи убитаго, имѣющихъ по закону право на ренту. Къ дознанію, насколько это нужно, привлекаются свидѣтели, врачи и эксперты. Протоколъ сообщается «товариществу» или его секціи. Если несчастіе повлекло за собою только временную неспособность къ труду, рента опредѣляется правленіемъ секціи, которое компетентно также въ назначеніи пособія на погребеніе и леченіе. Въ другихъ случаяхъ, если уставъ товарищества не расширилъ правъ секціи, рента устанавливается правленіемъ товарищества. Постановленіе сообщается потерпѣвшему, который можетъ обжаловать его въ теченіе 4 недѣль. Этимъ же правомъ пользуются и семьи убитыхъ. Дѣло поступаетъ въ такомъ случаѣ на разсмотрѣніе третейскаго суда (Schiedsgericht), состоящаго, какъ мы уже сказали, изъ предсѣдателя-судьи и 4 членовъ: 2 отъ хозяевъ и 2 отъ рабочихъ. Рѣшеніе этого суда можетъ быть обжаловано обѣими сторонами въ апелляціонномъ порядкѣ (проектъ 1894 года пытается превратить апелляцію въ кассацію) въ центральный страховой департаментъ, при которомъ учрежденъ для этихъ жалобъ также смѣшанный судъ; съ участіемъ делегатовъ обѣихъ сторонъ.

Хотя обжалованіе постановленія не задерживаетъ выдачи рентъ и пособій и хотя для удобства пострадавшихъ рента выдается помѣсячно впередъ черезъ мѣстную почту, но этотъ порядокъ установленія правъ потерпѣвшихъ все же вызываетъ крайне сложное дѣлопроизводство и волокиту. Нѣкоторыя предпріятія, по сложности, многосторонности производства, принадлежатъ къ различнымъ Berufsgenossenschaften, и часто бываетъ, что «товарищества» спорятъ другъ съ другомъ, которое изъ нихъ отвѣтственно за несчастный случай, а потерпѣвшій или его семья тѣмъ временемъ сидятъ безъ хлѣба. Новый проектъ 1894 г. думаетъ устранить эту несправедливость, постановляя, что рабочій имѣетъ право взыскивать, по своему выбору, съ каждаго изъ товариществъ предпринимателей, къ которымъ относится фабрика или предпріятіе, гдѣ произошло увѣчье, и что споръ между товариществами—ихъ внутреннее дѣло, которое рабочаго не касается.

Сложность организаціи вызываетъ ропотъ не только у рабочихъ, но и у предпринимателей. Она крайне увеличиваетъ издержки на управленіе. Чтобы дать представленіе объ огромномъ аппаратѣ страхованія отъ несчастныхъ случаевъ, достаточно привести нѣсколько примѣровъ изъ отчета за 1892 годъ *). 64 промышленныхъ и 48 сельско-хозяйственныхъ товариществъ распадались на 914 секцій. Въ правленіи товариществъ сидѣло 1,089, въ секціяхъ 5,258 человѣкъ. Къ нимъ присоединяются: 23,177 довѣренныхъ лицъ, 158 ревизоровъ, 3,974 представителя рабочихъ и цѣлая армія секретарей, писцовъ и наемныхъ служителей. На 29 съ небольшимъ милліоновъ марокъ, выданныхъ потерпѣвшимъ и ихъ семьямъ, около 7 милліоновъ расходовъ на управленіе, дознаніе, третейскіе суды и бумажное

---

*) *Rechnungsergebnisse der Berufsgenossenschaften für das Jahr 1892.* Steno. Bericht des Reichstags 1893—94. Anlageband I, Aktenstück № 96, p. 537—655.

производство! Это 23—24% всей суммы, выданной для собственныхъ цѣлей страхованія. Въ отдѣльныхъ товариществахъ отношенія расходовъ по управленію къ общимъ расходамъ крайне различны. Въ Berufsgenossenschaften трубочистовъ на 1 несчастный случай оказывается болѣе 225 марокъ расходовъ по управленію, а въ рейнско-вестфальскомъ товариществѣ желѣзозаводчиковъ на 1 несчастный случай расходовъ по управленію 3 марки.

Система распредѣленія премій также вызываетъ серьезныя возраженія со стороны всѣхъ техниковъ страхового дѣла. Чтобы не испугать сразу предпринимателей, законъ избралъ не осторожную, прочную систему покрытія ренты соотвѣтствующимъ капиталомъ, а такъ наз. Umlageverfahren. Между предпринимателями распредѣляются только дѣйствительные расходы каждаго года, увеличенные нѣсколько для основанія резервнаго фонда. Распредѣленіе происходитъ въ предѣлахъ каждаго товарищества ежегодно, по сведеніи баланса за прошлый годъ. Основаніемъ разверстки служатъ сумма выплаченной заработной платы и степень опасности. Съ точки зрѣнія опасности, каждое товарищество распредѣляетъ принадлежащія къ нему предпріятія на извѣстное число классовъ, Gefahrenklassen, въ зависимости отъ которыхъ измѣняется тарифъ. Вся сумма выплаченныхъ заработковъ *) дѣлится на сумму расходовъ одного года, и, такимъ образомъ, получается нормальная премія на каждую 1,000 марокъ заработковъ. Полученная нормальная ставка понижается или повышается, смотря по классу опасности. Къ суммѣ расходовъ на пособія и ренты пострадавшимъ и на управленіе въ теченіе первыхъ 11 лѣтъ присоединялись еще особыя суммы на образованіе резервнаго фонда. Въ первый годъ по вступленіи въ силу закона, когда обязанности товариществъ были еще не велики, взносы въ резервный фондъ составляли 300% вознагражденія потерпѣвшимъ, во второй годъ—200%, въ третій—150, въ четвертый—100, въ пятый—80, въ шестой—60%. Съ 6-го по 11-й годъ взносы уменьшались ежегодно на 10%. Если по истеченіи 11 лѣтъ резервный фондъ товарищества не достигаетъ его двухгодичныхъ расходовъ, онъ пополняется, до достиженія этого размѣра, процентами съ резервныхъ суммъ. Къ 1 января 1893 г. резервный фондъ всѣхъ товариществъ страхованія достигалъ 85 милліоновъ марокъ.

Устройствомъ резервовъ не предупреждается, однако, постоянный ростъ расходовъ на страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ, который будетъ продолжаться, приблизительно, въ теченіе 30 лѣтъ, до достиженія Beharrungszustand'а, т.-е. того момента, когда увеличеніе расходовъ прекратится оттого, что начнется замѣна одного поколѣнія пенсіонеровъ другимъ. Теперь къ новымъ пенсіонерамъ каждаго года присоединяются пенсіонеры всѣхъ предъидущихъ лѣтъ, еще живущіе. Черезъ 30 лѣтъ на каждаго по-

*) Заработки сверхъ 4 марокъ въ день засчитываются одною третью. Заработокъ въ смыслѣ страхованія отъ несчастныхъ случаевъ носитъ названіе „Anrechnungslohn“.

ваго инвалида окажется инвалидъ предъидущаго поколѣнія, сошедшій съ жизненнаго пути. Разумѣется, и въ этомъ случаѣ еще придется считаться съ увеличеніемъ абсолютнаго бюджета страхованія отъ роста населенія и производительнаго труда. Избравъ систему распредѣленія расходовъ каждаго года, а не покрытіе соотвѣтствующимъ капиталомъ, законодательство переложило на будущія поколѣнія многія изъ обязанностей нынѣшняго. Къ пенсіонерамъ каждаго новаго года присоединяются пенсіонеры прежнихъ лѣтъ, и всѣ они питаются въ счетъ настоящаго. Помимо прямой несправедливости по отношенію къ будущимъ предпринимателямъ, расплачивающимся за грѣхи предшественниковъ, съ которыми у нихъ очень часто нѣтъ ничего общаго, система Umlageverfahren ведетъ къ непрочности основанія всего страхованія. Въ будущемъ могутъ наступить случаи, когда отдѣльныя группы дѣйствительно окажутся не въ состояніи платить усиливающихся съ каждымъ годомъ расходовъ на страхованіе. Правда, потерпѣвшіе, пріобрѣвшіе право на ренту, во всякомъ случаѣ ее получатъ: законъ предоставляетъ слабымъ товариществамъ возможность соединяться, а въ случаѣ прямой несостоятельности какого-нибудь товарищества обязательства его переходятъ на государство (ст. 31), но, тѣмъ не менѣе, система распредѣленія платежей остается одною изъ самыхъ больныхъ сторонъ нынѣшней организаціи. Единственный примѣръ правильной страховой системы—покрытіе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ капиталомъ, соотвѣтствующимъ вѣроятному числу рентъ, представляетъ страхованіе въ Tiefbauberufsgenossenschaft. Прибавимъ еще, что по уставу каждое товарищество вправѣ постановить, чтобы отдѣльныя секціи самостоятельно распредѣляли до 50 (въ Knappschaften и болѣе) процентовъ расходовъ между своими членами.

Гораздо проще, хотя и на основаніи той же системы Umlageverfahren, совершается распредѣленіе расходовъ въ сельско-хозяйственныхъ группахъ. Въ подавляющемъ большинствѣ ихъ взносы на страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ взимаются въ формѣ дополнительнаго поземельнаго налога. Это происходитъ въ 9 изъ 12 прусскихъ страховыхъ группъ, во всей Баваріи, Вюртембергѣ, Саксоніи, Гессенъ-Дармштадтѣ. Въ 3 изъ 12 прусскихъ провинцій и въ Баденѣ взносы опредѣляются по числу нормальныхъ рабочихъ дней, которые приблизительно понадобятся на каждое хозяйство. Заранѣе таксируются съ этой точки зрѣнія всѣ хозяйства даннаго округа и затѣмъ дѣлятъ дѣйствительную сумму издержекъ страхованія на общую сумму рабочихъ дней даннаго округа. Полученная нормальная ставка помножается на число рабочихъ дней въ каждомъ хозяйствѣ. Распредѣленіе хозяйствъ по степени опасности не обязательно и не практикуется. Послѣдняя система предписана закономъ и для страхованія моряковъ, только вмѣсто оцѣнки потребности въ рабочихъ дняхъ заранѣе устанавливается нормальное число людей, потребныхъ для каждаго судна.

Законъ о страхованіи рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ создалъ центральное учрежденіе, во многихъ отношеніяхъ объединяющее и регулиру-

ющее сложную организацію страхового дѣла. Это—имперское страховое бюро въ Берлинѣ, Reichsversicherungsamt, во главѣ котораго съ самаго его основанія стоитъ заслуженнѣйшій дѣятель рабочаго страхованія въ Германіи — Бедикеръ. Бюро состоитъ изъ постоянныхъ членовъ, назначаемыхъ пожизненно императоромъ по представленію союзнаго совѣта, и изъ непостоянныхъ членовъ, на половину назначаемыхъ союзнымъ совѣтомъ, на половину же избираемыхъ, поровну, предпринимателями и рабочими. Представители отъ хозяевъ избираются Berufsgenossenschaften, а члены-рабочіе избираются представителями рабочихъ при этихъ товариществахъ страхованія. Сельскіе рабочіе, какъ мы выше уже упоминали, не имѣютъ своего представительства въ организаціи страхованія отъ несчастныхъ случаевъ, а потому представителями ихъ интересовъ въ центральное страховое бюро назначаются союзнымъ совѣтомъ «лица, способныя защищать рабочіе интересы».

Задачи центральнаго учрежденія сводятся, во-первыхъ, къ наблюденію за дѣлопроизводствомъ страховыхъ товариществъ и учрежденій для страхованія отъ несчастныхъ случаевъ; во-вторыхъ, къ указаніямъ, совѣтамъ и изданію обязательныхъ постановленій для отдѣльныхъ учрежденій, изданію, гдѣ нужно, статутовъ и т. п.; въ-третьихъ, къ судебной и, въ-четвертыхъ, къ статистической дѣятельности. Характеръ учрежденія—смѣшанный, полуадминистративный, полусудебный. Въ послѣднемъ случаѣ, когда Reichsversicherungsamt фигурируетъ въ качествѣ кассаціоннаго и апелляціоннаго учрежденія высшей инстанціи, къ числу постоянныхъ и временныхъ членовъ присоединяются и профессіональные судьи, по выбору союзнаго совѣта. Въ качествѣ судебнаго учрежденія, страховое бюро пользуется независимостью суда отъ администраціи.

Стремленіе законодательства избѣгнуть всего, что можетъ подать поводъ къ опрусаченію, было такъ велико, что оно и для объединяющей дѣятельности страхового бюро допустило конкурренцію мѣстныхъ, территоріальныхъ бюро. Баварія, Саксонія и Вюртембергъ воспользовались этимъ правомъ и учредили у себя Landesversicherungsaemter, на которыя перешли почти всѣ функціи имперскаго страхового бюро. Въ Баденѣ, Гессенѣ, Мекленбургѣ (и даже Рейсѣ старшей линіи) тоже учреждены страховыя бюро, но съ болѣе ограниченною компетенціей, только для урегулированія страхованія сельскихъ рабочихъ *).

Среди аргументовъ противъ обязательнаго страхованія, приводимыхъ противниками государственнаго вмѣшательства, одинъ изъ самыхъ распространенныхъ—будто оно увеличиваетъ число несчастныхъ случаевъ, усиливая безпечность рабочаго или даже вызывая съ его стороны умышленныя поврежденія. Кто когда-нибудь вникалъ въ условія труда, легко замѣтъ, что это не фактъ, а басня. Тѣмъ не менѣе, даже такой почтенный

*) Подробнѣе у *Rosin:* „Das Recht der Arbeiterversicherung". Bd. I, 93. 4, 99; v. *Woedtke:* „Unfallversicherungsgesetz", 3 Auflage, p. 231—245.

экономистъ, какъ Claudio Jannet, не стѣсняется повторить, что послѣ введенія въ Германіи обязательнаго страхованія число тяжкихъ несчастныхъ случаевъ въ Berufsgenossenschaften увеличилось на 61% *). Чтобы выступать съ такими утвержденіями, нужно быть совершенно свободнымъ отъ балласта фактовъ и наблюденій. Противъ чего, въ какое время и въ какихъ производствахъ произошло столь колоссальное увеличеніе тяжкихъ несчастій? Обязательное страхованіе, какъ мы видѣли, вводилось постепенно, расширяясь почти изъ года въ годъ, такъ что сфера его примѣненія все больше измѣнялась. Для всей промышленности до введенія страхованія не было сколько-нибудь точной статистики несчастныхъ случаевъ. Только въ цѣляхъ организаціи страхованія въ 1881 г. предпринята была первая спеціальная статистика несчастныхъ случаевъ, но она производилась только въ теченіе 4 мѣсяцевъ. Что въ такихъ предпріятіяхъ, какъ каменноугольныя копи или желѣзныя дороги, разница между однимъ годомъ и другимъ можетъ быть очень велика, не подлежитъ спору: одно крупное несчастіе иногда стоитъ жизни нѣсколькихъ сотъ людей и рѣзко выдается въ статистикѣ, но это, конечно, не доказательство противъ той или иной системы обезпеченія пострадавшихъ. Уже простой здравый смыслъ говоритъ, что человѣкъ, ради пенсіи въ ²/₃ заработка, не рискуетъ жизнью и не превращаетъ себя умышленно въ калѣку на всю жизнь. Что же касается болѣе легкихъ поврежденій, то за нихъ платятъ Krankenkassen, содержимыя преимущественно самими рабочими, и у послѣднихъ нѣтъ интереса вызывать умышленно свою неспособность къ труду.

Насколько обязательное страхованіе можетъ вліять на несчастные случаи, это вліяніе прямо обратно тому, которое приписываютъ ему его критики. Каждая отрасль промышленности заинтересована теперь въ уменьшеніи несчастныхъ случаевъ и внутри каждой группы отдѣльныя вѣтви, отдѣльныя единицы (фабрики) имѣютъ прямой интересъ сдѣлать все, чтобъ уменьшить опасность производства. Чѣмъ благоустроеннѣе производство, тѣмъ меньше доля его участія въ вознагражденіи потерпѣвшихъ: оно фигурируетъ внутри товарищества въ классѣ менѣе опасныхъ. Не полагаясь на собственное благоразуміе предпринимателей, для которыхъ, повторяемъ, сильнымъ импульсомъ является личный интересъ, законъ предоставилъ еще Berufsgenossenschaften право издавать обязательныя правила для предупрежденія несчастныхъ случаевъ, помимо предписаній на основаніи фабричнаго законодательства. И для наблюденія за предписаніями каждое товарищест[illegible] вправѣ назначать своихъ особыхъ инспекторовъ или уполномоченныхъ, со[illegible]ѣйствующихъ фабричной инспекціи и пользующихся, въ случаѣ надобн[illegible]ги, принудительнымъ доступомъ на фабрики. Обязательныя предписанія м[illegible]утъ быть изданы какъ для всѣхъ заведеній товарищества, такъ и для из[illegible]ѣстной категоріи производства, для точно ограниченной мѣстности. Они

---

*) *Le Socialisme d'État*, p. 315. Это съ удовольствіемъ подхвачено было и сост[illegible]ителемъ *Rapport sur les conditions du travail en Allemagne*, берлинскимъ посломъ Ге[illegible]омъ (*Rapport*, p. 9—10).

могутъ предписывать и рабочимъ, какъ себя вести для предупрежденія несчастій. Представители рабочихъ участвуютъ наравнѣ съ членами правленія товарищества или его секціи въ изданіи правилъ, все равно, предписывается ли что-нибудь хозяевамъ, или рабочимъ. Хозяева, не подчиняющіеся изданнымъ правиламъ, могутъ быть переведены въ классъ болѣе опасныхъ производствъ (höhere Gefahren-Klasse), а если производства ихъ уже принадлежатъ къ самымъ опаснымъ, т.-е. если они платили по высшему тарифу, то послѣдній можетъ быть удвоенъ. Рабочіе, не соблюдающіе касающихся ихъ поведенія предписаній, могутъ быть подвергнуты штрафу до 6 марокъ, поступающему въ пользу Krankenkasse, къ которой принадлежитъ оштрафованный. Всѣ предписанія товарищества утверждаются центральнымъ страховымъ департаментомъ. Чтобы не создать коллизіи между предписаніями администраціи или фабричной инспекціи, основывающимися на фабричномъ законодательствѣ, и предписаніями товарищества страхованія, первыя всегда сообщаются правленію товарищества до приведенія ихъ въ исполненіе, и правленіе, вмѣстѣ съ представителями рабочихъ, можетъ сдѣлать свои замѣчанія или представленія. Обратно, постановленія Berufsgenossenschaften сообщаются мѣстной администраціи «къ свѣдѣнію», для того, чтобы, въ случаѣ надобности, товарищества могли пользоваться администраціей для принудительнаго исполненія своихъ предписаній. До конца 1893 года изъ 64 товариществъ 56 издали—и, притомъ, неоднократно—правила для предупрежденія несчастныхъ случаевъ, назначивъ 157 уполномоченныхъ, преимущественно инженеровъ, для наблюденія за исполненіемъ предписаній. На періодическихъ съѣздахъ представителей Berufsgenossenschaften вопросы, касающіеся предупрежденія несчастій, занимаютъ первое мѣсто и обсуждается особенно тщательно.

Статистика несчастныхъ случаевъ за 1887 годъ, опубликованная имперскимъ страховымъ департаментомъ, представляетъ первую полную и вполнѣ точную статистику несчастныхъ случаевъ въ Германіи. Это вообще самое достовѣрное и широкое, что мы имѣемъ по этому вопросу въ Европѣ. Изслѣдованіе обнимаетъ предпріятія съ почти 4 милліонами рабочихъ, распредѣляющихся на 62 профессіональныя группы (Berufsgenossenschaften). Мы съ тѣмъ большимъ довѣріемъ можемъ отнестись къ даннымъ германской статистики, что они преслѣдуютъ двѣ одинаково практическія и доступныя пониманію промышленниковъ цѣли: создать спеціальныя мѣры къ устраненію несчастныхъ случаевъ, что для промышленника значитъ—къ уменьшенію издержекъ на вознагражденіе увѣчныхъ, и, во-вторыхъ, распредѣлить страховую премію въ каждой профессіи соотвѣтственно дѣйствительной профессіональной опасности. На 3.861,560 застрахованныхъ оказалось 115,[illegible]75 несчастныхъ случаевъ; изъ нихъ 17,102 тяжкихъ, подлежащихъ удовлетворенію изъ кассъ страхованія отъ несчастныхъ случаевъ. Относительно 15,970 случаевъ, по которымъ послѣдовало удовлетвореніе потерпѣвшихъ и ихъ семействъ, татистика даетъ намъ точныя свѣдѣнія. Изъ этихъ послѣднихъ въ 2,956 случаяхъ (18,5%) послѣдовала смерть потерпѣвшихъ, въ 2,[illegible]27

случаяхъ (17,7%)—постоянная и совершенная неспособность къ труду и въ 8,126 случаяхъ (50,9%)—постоянная, но неполная инвалидность.

Что касается *причинъ* несчастій, то онѣ распредѣляются на двѣ въ высшей степени важныя въ соціальномъ отношеніи категоріи: 1) на такія, которыя при современномъ состояніи техники непредотвратимы. Такихъ было 7,000 или 43% всѣхъ увѣчій, подлежащихъ удовлетворенію на основаніи закона о несчастныхъ случаяхъ, т.-е. послѣ которыхъ наступала смерть или неспособность къ труду, по крайней мѣрѣ, въ теченіе 3 мѣсяцевъ, и 2) на такія, которыя произошли по чьей-либо винѣ. *По винѣ предпринимателей* увѣчье наступило: а) въ 1,700 случаяхъ—вслѣдствіе отсутствія предохраненій; b) въ 1,122 случаяхъ—вслѣдствіе недостатковъ въ устройствѣ фабрики, машинъ и прочихъ приспособленій; с) въ 334 случаяхъ—вслѣдствіе неправильныхъ или недостаточныхъ указаній и приказаній рабочимъ. *По винѣ самихъ рабочихъ* несчастные случаи произошли: 2,634 раза — вслѣдствіе неосторожности и неловкости, 825 — вслѣдствіе нарушенія существующихъ предписаній, 316 — вслѣдствіе легкомыслія, 2,081 — вслѣдствіе нежеланія пользоваться существующими предохраненіями и 38 разъ — вслѣдствіе неудобнаго платья. *По винѣ рабочихъ и предпринимателей* констатировано 711 несчастныхъ случаевъ, по винѣ сотрудниковъ и постороннихъ лицъ—524. Вмѣстѣ всего—8,485 (тяжелыхъ), подлежащихъ удовлетворенію, случаевъ, т.-е. 53% всѣхъ, которые можно было бы устранить при большемъ развитіи чувства долга у всѣхъ участниковъ.

Собственная вина пострадавшаго играетъ большую роль въ несчастныхъ случаяхъ подростковъ и уменьшается съ возрастомъ. Изъ этого слѣдуетъ, что дѣтей и подростковъ необходимо больше оберегать и устранять отъ опасныхъ работъ. Что касается женщинъ, то онѣ превосходятъ мужчинъ въ ловкости и осторожности, но чаще подвергаются несчастію вслѣдствіе своего платья и вслѣдствіе большей склонности не подчиняться правиламъ.

Въ высшей степени важно распредѣленіе несчастныхъ случаевъ по *времени дня* и по отдѣльнымъ днямъ. Изъ 7,032 несчастныхъ случаевъ, имѣвшихъ мѣсто до обѣденной паузы:

435	произошли	между	6— 7	час.	утра.
794	»	»	7— 8	»	»
815	»	»	8— 9	»	»
1,069	»	»	9—10	»	»
1,598	»	»	10—11	»	»
1,590	»	»	11—12	»	»

Вы видите ясно, какъ число несчастныхъ случаевъ увеличивается съ утомленіемъ или притупленіемъ отъ работы и какъ оно достигаетъ своего кульминаціоннаго пункта между 10 и 12 ч., послѣ того, какъ рабочій проработалъ уже около 4 час. сряду. Послѣ обѣда число несчастныхъ случаевъ было:

745 между 1—2 час.
1,037 » 2—3 »
1,273 » 3—4 »

Оно опять уменьшается между 4—5 час. до 1,178, такъ какъ въ эти часы по большей части наступаетъ перерывъ для закуски (Vesperpause), и повышается до 1,306 между 5—6 час.

«Очевидно,—говоритъ по этому поводу *Die Arbeiterversorgung* (лучшій органъ по вопросамъ страхованія рабочихъ, основанный Шмицомъ и редактируемый теперь д-ромъ Гонигманомъ) *),—что промышленность можетъ купить выгоды, представляемыя ей удлиненіемъ рабочаго времени, только увеличеніемъ бремени отъ несчастныхъ случаевъ». Какъ замѣтно уже по языку, это говоритъ органъ преимущественно работодателей. Мнѣніе его подтверждается еще и другимъ замѣчаніемъ, что «число несчастныхъ случаевъ особенно велико по субботамъ, когда рабочій спѣшитъ кончить работу». Оно, правда, очень велико и по понедѣльникамъ, но это не отвергаетъ, а подтверждаетъ вышесказанное: крайность въ работѣ ведетъ къ крайности въ разгулѣ.

Новѣйшая статистика за 1892 годъ обнаруживаетъ на 5.078,132 работниковъ, застрахованныхъ въ 64 «товариществахъ» промышленности и транспортныхъ предпріятій, 165,003 несчастныхъ случаевъ: это—32,49 на 1,000. На 611,612 застрахованныхъ въ государственныхъ предпріятіяхъ оказалось 19,332 пострадавшихъ, что очень близко подходитъ къ проценту несчастій въ частныхъ предпріятіяхъ (31,61 на 1,000). Между отдѣльными отраслями промышленности разница очень велика: минимумъ несчастій въ группѣ табачныхъ предпріятій—3,34 на 1,000 и въ шелковомъ производствѣ—4,47, максимумъ—133,5 на 1,000 въ рейнско-вестфальской Walzwerk-und Hütten-Berufsgenossenschaften.

Абсолютно наибольшее число несчастій у углекоповъ: Knappschaften въ теченіе 1892 года имѣло 34,463 пострадавшихъ (отношеніе къ 1,000 : 81,2). У нихъ же больше всего тяжкихъ случаевъ: изъ 3,282 убитыхъ—830 рудокопы; изъ 1,507 совершенно увѣчныхъ, неспособныхъ къ труду,—рудокоповъ 412. Сравнительно очень часты нсчастные случаи у пивоваровъ: на 76,823 застрахованныхъ—85 убитыхъ, 112 совершенныхъ калѣкъ, 729 полукалѣкъ, 107 тяжкихъ, но преходящихъ увѣчій, а всѣхъ несчастныхъ случаевъ—вмѣстѣ съ легкими—5,662. Въ товариществѣ сахарныхъ заводовъ на 98,870 рабочихъ—2,317 несчастныхъ случаевъ, изъ которыхъ 55 смертельныхъ и 359 тяжкихъ. Къ числу опасныхъ производствъ принадлежатъ, кромѣ копей и желѣзныхъ заводовъ, еще строительные промыслы, транспортныя предпріятія, химическіе заводы, газовые заводы, водопроводы.

Процентъ пострадавшихъ женщинъ значительно ниже процента мужчинъ и не стоитъ въ соотвѣтствіи съ участіемъ женскаго труда въ промышлен-

---

*) *Die Arbeiterversor gung, Centralorgan für das gesamte Kranken-Unfall-Invaliditäts-und Altersversicherungswesen im Deutschen Reiche.* Jahrg. VIII, № II.

ности. Процентъ женскаго труда въ промышленности—между 25 и 30. Между тѣмъ, на 26,613 серьезно пострадавшихъ мужчинъ, получившихъ въ 1892 г. вознагражденіе изъ страхованія отъ несчастныхъ случаевъ, только 930 женщинъ. Это объясняется, прежде всего, тѣмъ, что въ горной промышленности, желѣзныхъ, механическихъ заводахъ и другихъ опасныхъ предпріятіяхъ очень мало женщинъ. Малолѣтнихъ моложе 16 лѣтъ среди болѣе тяжелыхъ случаевъ 1,074, изъ нихъ 104 дѣвушки. Главная группа тяжелыхъ увѣчій падаетъ на двигатели, передаточные механизмы и рабочія машины—5,832 случая. Вторая группа, почти столь же многочисленная—5,188 случаевъ—приходится на обвалы, паденіе предметовъ, разрушеніе зданія; 4,748 пострадали при паденіи съ лѣстницъ, оконъ и въ ямы, 3,473—при подъемѣ предметовъ, нагрузкѣ и выгрузкѣ; на элеваторахъ, отъ подъемныхъ машинъ—840 увѣчій. Отъ горячихъ и ѣдкихъ газовъ пострадали 920 человѣкъ. На желѣзно-дорожной службѣ пострадало 832 чел., лошадьми, повозками и т. д. переѣхало 1,811 человѣкъ, отъ взрыва паровыхъ котловъ, паровыхъ аппаратовъ и проводниковъ потерпѣло 129 человѣкъ *).

Приведенныя свѣдѣнія доказываютъ, какую массу горя и страданій ежегодно приноситъ съ собою промысловая работа. Фабрики, заводы, транспортныя предпріятія и, какъ мы сказали выше, также сельское хозяйство ежегодно поставляютъ тысячи убитыхъ и тяжкихъ увѣчій и сотни тысячъ болѣе легкихъ увѣчій. Даже при очень гуманной практикѣ отвѣтственности предпринимателей большая часть жертвъ рабочихъ оставались безъ вознагражденія, и семьи ихъ должны были питаться общественною и частною милостыней. Германія въ обязательномъ страхованіи рабочихъ указала наиболѣе справедливый и цѣлесообразный путь къ удовлетворенію потерпѣвшихъ. Намъ неоднократно приходилось отмѣчать недостатки новаго законодательства, но они всѣ касались только ложной организаціи, а не основной идеи страхованія.

Я убѣжденъ, что въ очень недалекомъ будущемъ германское законодательство вынуждено будетъ отказаться отъ нынѣшней формы корпоративно-взаимной системы организаціи, связанной съ непомѣрными расходами на управленіе и бумажнымъ производствомъ, озлобляющей предпринимателей, потому что она дорога и сложна, и рабочихъ, потому что она даетъ имъ слишкомъ мало участія въ управленіи. Призывъ къ упрощенію страхованія отъ несчастныхъ случаевъ и согласованію его съ другими формами страхованія все громче и настойчивѣе раздается также изъ круга спеціалистовъ страх[о]вого дѣла. Произойдетъ ли упрощеніе въ формѣ централизаціи по п[р]имѣру страхованія на случай старости и неспособности къ труду, или ж[е], — что мнѣ представляется желательнѣе, — Unfallversicherung тѣснѣе п[р]имкнетъ къ сферѣ самоуправленія, по аналогіи съ организаціей, при-

*) *Drucksachen des Reichstags 1893—94,* Aktenstück 96, p. 578—581. *Bödicker:* „U[n]fallstatistik" въ *Handwörterbuch,* p. 305—307.

нятой въ большинствѣ случаевъ для сельско-хозяйственнаго страхованія, но недостатки организаціи легко устранить. Великая заслуга обязательнаго страхованія состоитъ въ томъ, что оно переноситъ обезпеченіе пострадавшаго и его семейства изъ сферы частноправныхъ отношеній въ сферу публичнаго права. Вопросъ о винѣ отдѣльнаго человѣка устраняется, почти вовсе прекращается необходимость искать, доказывать, и разъ навсегда прочно установляется обязанность вознаграждать потерпѣвшаго въ счетъ той области труда, которой рабочій отдаетъ свои силы.

Лудвигъ Бамбергеръ, одинъ изъ самыхъ умныхъ и образованныхъ представителей манчестерскаго либерализма въ парламентѣ, пытался при созданіи закона о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ оттѣнить всѣ свѣтлыя стороны законодательства объ отвѣтственности, въ противуположность принципу обязательнаго страхованія. Законъ 1871 г.,—замѣчаетъ онъ, —оказался далеко не такимъ безплоднымъ, какъ это изображаютъ мотивы къ правительственному проекту: помимо значительныхъ суммъ, выплаченныхъ пострадавшимъ, очень многіе рабочіе, благодаря закону объ отвѣтственности, пользовались и выгодами страхованія, такъ какъ предприниматели, не желая рисковать, застраховывали своихъ рабочихъ въ страховыхъ обществахъ. Въ 1880 г. такимъ образомъ были застрахованы 860,000 рабочихъ и съ 1871 по 1880 гг. страховыми обществами было выплачено пострадавшимъ болѣе 17 милліоновъ марокъ, кромѣ 200,000 марокъ пенсій. Болѣе 20,000 предпринимателей застраховали своихъ рабочихъ отъ всѣхъ несчастныхъ случаевъ, а не только такихъ, за которые угрожала отвѣтственность по закону 1871 г. Бамбергеръ обращается къ англійскимъ условіямъ: одно только страховое общество Providential за 1880 годъ заключило 5 милліоновъ полисовъ и выплатило за смертные случаи 11 милл. марокъ: das ist von einer ganz freien, vom Staat weiter nicht pussirten Gesetzgebung geleistet worden,—восклицаетъ депутатъ. Зачѣмъ жертвовать существующими страховыми обществами, для чего эти опасныя вторженія государства въ сферу промышленности? Если, по финансовымъ или моральнымъ побужденіямъ, государство станетъ разрушать частныя предпріятія, то оно подорветъ основанія существующаго промышленнаго порядка: «процвѣтаніе цѣлаго зависитъ отъ энергіи и инициативы отдѣльныхъ людей». Бамбергеръ уговариваетъ правительство остаться на почвѣ существующаго принципа отвѣтственности, расширить послѣднюю, но не предпринимать экспериментовъ, потому что «новое не окажется лучшимъ ни для хозяевъ, ни для рабочихъ».

Приведенныя нами цифры страхованія отъ несчастныхъ случаевъ за послѣдній годъ показываютъ, какъ ошибочно было это предсказаніе: вмѣсто 860,000 застрахованныхъ рабочихъ,—въ дѣйствительности ихъ было даже меньше,—теперь болѣе 16 милліоновъ, и если даже отбросить сельскихъ рабочихъ и мелкихъ крестьянъ, то въ одной обрабатывающей и горной промышленности застрахованныхъ отъ несчастныхъ случаевъ теперь болѣе 5 милліоновъ; вмѣсто 17 милліоновъ марокъ, доставшихся пострадавшимъ рабо-

чимъ за 9 лѣтъ, съ 1871 по 1880 гг., 29 милліоновъ въ одномъ 1892 г., не считая расходовъ по предупрежденію несчастныхъ случаевъ. А затѣмъ, какъ доставались пострадавшимъ пособія тогда и какъ они ихъ получаютъ теперь? Теперь всѣ пострадавшіе, за немногими исключеніями, пользуются правомъ на вознагражденіе, а въ 70-хъ гг. нужно было судомъ вырывать у страховыхъ обществъ слѣдуемое вознагражденіе, и въ лучшемъ случаѣ пострадавшему нужно было ждать мѣсяцы, если не годы.

V.

Несравненно болѣе трудную проблему, чѣмъ страхованіе отъ болѣзни и несчастныхъ случаевъ, представляло страхованіе на случай старости и неспособности къ труду. Предшественникомъ закона о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ былъ законъ объ отвѣтственности, весьма недостаточно разрѣшавшій свою задачу, но все же висѣвшій Дамокловымъ мечомъ надъ предпринимателями, такъ что еще до введенія обязательнаго страхованія предприниматели, чтобъ избѣгнуть риска по закону объ отвѣтственности, уже добровольно застраховали около 800,000 рабочихъ. Обязательное страхованіе отъ болѣзни приблизительно для половины германскихъ фабрикантовъ и рабочихъ не создавало новаго принципа и новыхъ повинностей, такъ какъ эта половина уже подлежала принудительному страхованію на основаніи мѣстныхъ статутовъ.

Совершенно иное было положеніе вопроса о старикахъ и инвалидахъ труда. Въ широкомъ объемѣ обезпеченіе на старость и инвалидность осуществлено было только для горнорабочихъ въ Knappschaften. Фабриканты же, помѣщики, ремесленники, торговцы только косвенно участвовали въ попеченіи объ инвалидахъ налогами на общественное призрѣніе, совершенно независимо отъ того, какая доля призрѣваемыхъ падала на ту или другую отрасль труда. Правда, очень крупные предприниматели добровольно устраивали при своихъ фабрикахъ пенсіонныя кассы, въ которыя вносили иногда довольно значительныя суммы, по большей части изъ собственной прибыли. Это была одна изъ наиболѣе дѣйствительныхъ формъ фабричной филантропіи, но, въ то же время, обоюдуострая. Въ нѣмецкой литературѣ очень часто цитировали отвѣтъ эльзасскаго депутата Шарля Града предъ коммиссіей 1878 года, изслѣдовавшей состояніе хлопчатобумажной и льняной промышленности: «На сѣверѣ предприниматели вынуждены, чтобъ удержать рабочихъ, соблазнять ихъ высшими заработками. Тамъ не съумѣли прикрѣпить ихъ (рабочихъ) вспомогательными и пенсіонными кассами, какъ тѣ, которыя существуютъ на всѣхъ эльзасскихъ фабрикахъ, съ пользой для рабочихъ и хозяевъ. Со стороны промышленниковъ нашей мѣстности эта филантропія—очень выгодное дѣло (ein ganz gutes Geschäft *).

---

*) Ср. *Herkner*: „Die oberelsässische Baumwollindustrie u. ihre Arbeiter“ (Strassbu g, 1887).

Подобно эльзасскимъ фабрикантамъ разсуждали многіе крупные промышленники въ Германіи. Заводчикъ Штуммъ даже предлагалъ въ 1879 г. въ рейхстагѣ сдѣлать пенсіонныя кассы при фабрикахъ обязательными.

Внѣ фабрикантскихъ сферъ вопросъ объ обезпеченіи стариковъ и инвалидовъ привлекъ къ себѣ въ Германіи вниманіе еще въ 40-хъ годахъ. Хотя крупная промышленность еще не вытѣснила ремесла, но шатаніе и стѣсненіе чувствовалось и въ массѣ рабочихъ, и среди ремесленниковъ. Кромѣ того, Германія тогда очень много заимствовала у своихъ сосѣдей, особенно во Франціи. Развитіе обрабатывающей промышленности тамъ совершалось раньше и раньше обострялся соціальный вопросъ. Въ числѣ реформъ, предлагавшихся въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, обезпеченіе на старость занимало не послѣднее мѣсто. Наполеону III, въ качествѣ президента республики, въ 1850 г. удалось осуществить Caisse de retraites pour la vieillesse, хотя и основывающуюся на добровольныхъ взносахъ, но получавшую государственную поддержку *). Тотъ же вопросъ съ 40-хъ годовъ возбуждался въ Бельгіи **).

Въ Германіи эти тенденціи обнаружились какъ въ связи съ стремленіемъ оживить цехи, такъ и въ рамкахъ филантропіи среднихъ либеральныхъ круговъ. Широкая организація корпоративнаго ремесла, задуманная Марло-Винкельблехомъ, заключаетъ въ себѣ и систему обезпеченія на старость и при неспособности къ труду. Основанный въ 1844 г. (и существующій до сихъ поръ) *Centralverein für das Wohl der arbeitenden Klassen*, во главѣ котораго при его основаніи стояли Фибанъ и Летте, исходилъ изъ мысли, что съ «превратными, противорѣчащими разуму утопіями коммунистовъ и соціалистовъ» нужно бороться мѣрами филантропіи въ пользу рабочихъ и «корпоративною организаціей, которая соединяла бы интересы хозяевъ и рабочихъ». Во время политическихъ событій 48 го-

---

*) Съ 1862 г. рабочіе государственныхъ предпріятій *обязательно* должны быть застрахованы. Ниже мы еще приведемъ замѣчаніе Бисмарка, доказывающее, что онъ во многомъ руководствовался французскимъ примѣромъ. Безъ сомнѣнія, во всей его соціальной политикѣ есть позаимствованія у бонапартизма, но это еще не достаточно выяснено.

**) Въ отчетѣ *Бельгійской коммиссіи* (1850—51 г.), въ составъ которой входили Кетле и Ducpétiaux (см. *Mittheilungen des Vereins für das Wohl der arbeitenden Klassen*. 1852, Heft 12), категорически высказана мысль, что свободные рабочіе союзы могутъ лишь давать пособіе въ кратковременныхъ случаяхъ болѣзни и увѣчья. Инвалидныя и вдовьи пенсіи уже превышаютъ ихъ силы, и примѣръ англійскихъ Friendl. Societies указываетъ, какъ опасно частнымъ обществамъ, безъ гарантіи государства, браться за подобную задачу. Еще менѣе возможно взаимное рабочее *страхованіе отъ кризисовъ* или отъ безработицы вообще. „Только государство, съ своими огромными средствами, можетъ помочь въ такомъ бѣдствіи“ (ср. *Mitthelungen*, 1852 г., стр. 32). Правда, въ другихъ мѣстахъ отчета, дышащихъ симпатіями къ самопомощи, государственное вмѣшательство въ этомъ случаѣ представляется въ формѣ помощи бѣднымъ.

По предложенію той же коммиссіи, въ Бельгіи учреждена была государственная касса страхованія инвалидовъ и стариковъ, съ добровольными взносами (*Mittheilungen des Centralvereins*. IV, 48 ff.).

да прусское правительство и съ своей стороны сочло нужнымъ заручиться содѣйствіемъ либеральныхъ филантроповъ. Въ октябрѣ 1848 года министерство промышленности и торговли передаетъ на усмотрѣніе общества проектъ одного фабриканта, надѣявшагося «разрѣшить соціальный вопросъ» и предлагавшаго для этой цѣли учрежденіе колоніи для инвалидовъ и стариковъ... Средства могутъ быть собраны, если рабочіе будутъ работать лишніе два часа въ недѣлю и за это получать 5 зильберъ-грошеновъ. Такихъ курьезныхъ предложеній въ то время возникало не мало, но прусскій министръ, препровождая измышленіе фабриканта обществу для блага рабочихъ классовъ, считаетъ нужнымъ прибавить, что правительство готово оказать всяческое содѣйствіе, если планъ признанъ будетъ заслуживающимъ вниманія.

Для общества это былъ поводъ сосредоточиться на мысли объ обезпеченіи инвалидовъ промышленности. Оно выработало вопросный листъ о цѣляхъ и характерѣ обезпеченія и разослало его своимъ членамъ. Среди полученныхъ отвѣтовъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ принадлежитъ Ротбертусу, состоявшему предсѣдателемъ «балтійскаго» отдѣленія Central-verein'а въ Грейфсвальдѣ *).

Большая часть отвѣта посвящена изложенію извѣстнаго тезиса Родбертуса, что рабочая плата въ реальномъ своемъ содержаніи не увеличилась, а какъ доля въ продуктѣ уменьшилась. На конкретные вопросы, поставленные относительно страхованія на случай старости и инвалидности, Ротбертусъ отвѣчаетъ коротко и отрицательно. Разумѣется,—отвѣчаетъ онъ,—не только можно, но и должно стремиться къ тому, чтобы рабочій, становясь старымъ или неспособнымъ къ труду, не становился нищимъ, для котораго единственный источникъ существованія — общественное призрѣніе бѣдныхъ. Но какъ этого избѣгнуть? Принудить рабочаго къ страхованію нельзя: это противорѣчило бы господствующимъ правовымъ воззрѣніямъ; нельзя приказать одному классу народа: сберегайте. Добровольно же ничего не будетъ сдѣлано. Да и вся идея страдаетъ внутреннимъ противорѣчіемъ, пока средства для страхованія желаютъ черпать изъ нынѣшней заработной платы, которая и такъ низка. Рабочіе при всякомъ несчастномъ случаѣ, при потерѣ силъ потому и становятся пауперами, что заработная плата слишкомъ низка. Съ пауперизмомъ можно бороться только уничтожая его причины, а его причины, это—низкая заработная плата, уменьшеніе доли рабочихъ въ національномъ продуктѣ, въ то время, какъ производительность труда постоянно увеличивается. Что касается рабочаго времени, то, вмѣсто того, чтобы предлагать добавочные часы въ недѣлю для полученія страховой преміи, нужно было бы требовать обратнаго: сокращенія рабочаго дня. Нынѣшній чрезмѣрный трудъ — только пустая трата рабочей силы и

*) Отвѣтъ Ротбертуса помѣщенъ въ *Mittheilungen des Centralvereins für das Wohl der arbeitenden Klassen* 1849, Heft 5, p. 29—40. Съ незначительными сокращеніями онъ былъ потомъ перепечатанъ Адикесомъ въ *Tübinger Zeitschrift*, Bd. 39, 1885, и въ *Kleinere Schriften* Ротбертуса, изданныхъ Морицомъ Виртомъ.

премія на лѣнь. Вся дѣятельность филантроповъ и Verein'овъ тоже превратная: они поддерживаютъ инвалида и проповѣдуютъ здоровымъ «добродѣтель и умѣренность... совершенно такъ, какъ тѣ моралисты, которые говорятъ голодному: не кради, вмѣсто того, чтобы дать ему хлѣба».

Другіе отвѣты были менѣе послѣдовательны, но болѣе положительны. Либерализмъ тогда еще не трепеталъ предъ государственнымъ вмѣшательствомъ, и даже индивидуалисты, какъ Летте, готовы были примириться съ принужденіемъ и государственною помощью. Во франкфуртскомъ парламентѣ попытка включить обязательное страхованіе въ промышленный уставъ не привела, однако, ни къ какимъ результатамъ, да и прусское правительство постепенно остыло. Въ 1851 г. оно категорически отказывается дать какую-либо субсидію страховымъ учрежденіямъ, и хотя Centralverein выработалъ обстоятельный проектъ, вся попытка кончается совершенно безплодно. Только для рудокоповъ прусское, саксонское и другія правительства сохраняютъ и развиваютъ пенсіонныя кассы, всѣ же остальные рабочіе до новѣйшей соціальной политики, попрежнему, въ большинствѣ случаевъ, остались не обезпечены. О нѣкоторыхъ пенсіонныхъ кассахъ при крупныхъ фабрикахъ мы упоминали. Нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ еще были застрахованы на старость въ вольныхъ кассахъ, въ Gewerkvereine Гирша, возникшихъ съ конца 60-хъ годовъ, въ союзѣ наборщиковъ, но это капля въ общей массѣ.

Въ цитированномъ нами посланіи Вильгельма I выражена была мысль о необходимости внести въ систему страхованія обезпеченіе старыхъ и инвалидныхъ рабочихъ. Цѣль намѣчена была опредѣленно, пути же, какъ заявлялъ императоръ, не представлялись еще вполнѣ ясными; правительство не скрывало также, что оно не увѣрено, удастся ли ему убѣдить правящіе классы взять на себя новыя жертвы. Въ то время, вѣдь, еще приходилось медленно пробивать путь идеѣ обязательнаго страхованія, и еще не удалось достигнуть какихъ-либо конкретныхъ результатовъ въ страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ.

Прошло 6 лѣтъ. Въ годовщину посланія Вильгельма I, 17 ноября 1887 г., опубликованы были *Основныя черты къ страхованію рабочихъ при наступленіи старости и инвалидности* (Grundzüge für Alters-und Invalidenversicherung der Arbeiter). Законы о страхованіи на случай болѣзни и несчастныхъ случаевъ уже были приняты, но не вполнѣ проведены. Многія категоріи наемнаго труда еще оставались внѣ обязательнаго страхованія. Это дало предпринимателямъ и принципіальнымъ противникамъ государственнаго вмѣшательства поводъ утверждать, что законодательство спѣшитъ, не имѣя никакого основанія ни въ опытѣ новаго вида страхованія, ни въ предъидущей организаціи. Мотивы къ *Основнымъ чертамъ* на это отвѣчали, что страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ въ крупной промышленности уже осуществлено, въ сельскомъ хозяйствѣ вводится въ дѣйствіе; внѣ обязательнаго обезпеченія при несчастномъ случаѣ, слѣдовательно, остались только рабочіе у ремесленниковъ, прикащики, домашняя прислуга и нѣкоторыя

второстепенныя отрасли труда. Нѣтъ надобности ждать съ обезпеченіемъ рабочихъ на старость и при неспособности къ труду, пока всѣ категоріи еще не включены въ страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ: это будетъ сдѣлано постепенно и нисколько не касается обезпеченія другихъ видовъ. Народная нужда и соціалъ-демократическая агитація тоже не ждутъ. Наоборотъ, мотивы считали нужнымъ оправдываться не въ излишней поспѣшности, а скорѣе въ медлительности. Весьма желательно было бы осуществить, одновременно съ страхованіемъ на случай старости и инвалидности, также страхованіе на случай смерти, т.-е. предоставить всѣмъ вдовамъ и сиротамъ рабочихъ какую-нибудь пенсію. Благоразуміе предписываетъ, однако, не предпринимать слишкомъ много сразу и изучить на опытѣ Alters-und Invalidenversicherung, въ состояніи ли промышленность взять на себя новое бремя. Для осуществленія очень скромной вдовьей пенсіи въ 60 марокъ и сиротской въ 30 марокъ въ годъ на каждаго рабочаго-мужчину пришлось бы премій 15 мар. 90 пф. (разумѣется, преміи не взыскивались бы полностью съ самихъ рабочихъ). При $7^1/_2$ милліонахъ рабочихъ-мужчинъ, это составило бы $119^1/_2$ милліоновъ марокъ въ годъ.

Отказываясь пока отъ мысли объ обезпеченіи вдовъ и сиротъ, правительство, по тѣмъ же соображеніямъ, сочло необходимымъ опредѣлить крайне низко размѣры старческой и инвалидной пенсіи: 120 марокъ для стариковъ, достигшихъ 70 лѣтъ, платившихъ и за которыхъ платили въ теченіе 30 лѣтъ преміи, для женщинъ только 80 марокъ. Инвалидная пенсія должна была быть 120 марокъ въ минимумѣ и 250—въ максимумѣ, въ зависимости отъ числа платежей. Организація страхованія предполагалась въ той же формѣ взаимности, какъ при несчастныхъ случаяхъ (Berufsgenossenschaften). Кругъ застрахованныхъ былъ предусмотрѣнъ шире, чѣмъ въ первыхъ законахъ: всѣ работающіе по найму и служащіе съ окладомъ менѣе 2,000 въ годъ должны быть обязательно застрахованы. По даннымъ профессіональной статистики 1882 г., это составляло около 12 милліоновъ человѣкъ. Преміи уплачиваются по равнымъ третямъ рабочими, предпринимателями и государствомъ.

Обнародованіе *Основныхъ чертъ* и обсужденіе ихъ въ прусскомъ экономическомъ совѣтѣ (Volkswirtschaftsrath) вызвали цѣлую литературу pro и contra новой попытки. Государство,—говорили противники,—предпринимаетъ скачокъ въ темную пропасть. Государственная субсидія—соціалистическій экспериментъ. Сотни милліоновъ будутъ непосильнымъ бременемъ для народнаго хозяйства и къ тому еще совершенно напраснымъ,—прибавляли другіе. Къ чему сельскому рабочему рента на старость? Если заставить его заботиться о будущемъ, то это должно быть въ предоставленіи возможности пріобрѣсти кусокъ земли. Подмастерье, ставшій самостоятельнымъ ремесленникомъ, теряетъ напрасно прежніе взносы. Съ другой стороны, изъ рядовъ сторонниковъ идеи страхованія раздались очень рѣзкіе отзывы о нищенскомъ размѣрѣ ренты, о затрудненіяхъ, которыми обставлено ея достиженіе, о несоотвѣтствіи организаціи задачамъ этого вида страхованія,

объ исключеніи рабочихъ изъ управленія дѣломъ, которое больше всего—ихъ собственное.

Весьма немногія изъ основныхъ критическихъ замѣчаній приняты были во вниманіе въ проектѣ, представленномъ рейхстагу, хотя правительство передъ тѣмъ дважды его измѣняло. Наиболѣе крупное отступленіе отъ первоначальнаго плана состояло въ измѣненіи организаціи. Вмѣсто Berufsgenossenschaften, по предложенію союзнаго совѣта, завѣдываніе новымъ видомъ страхованія предположено было передать спеціально для этого созданнымъ публичнымъ страховымъ учрежденіямъ. Вмѣсто шаблоннаго единства ренты при наступленіи старости, правительство уже само предлагало индивидуализировать ренту, но предложенныя въ проектѣ 5 группъ находились въ зависимости не отъ размѣра заработка, а отъ мѣстныхъ условій. Это было измѣнено рейхстагомъ въ болѣе соотвѣтствующемъ дѣйствительнымъ потребностямъ смыслѣ и размѣръ ренты поставленъ былъ, какъ мы увидимъ ниже, въ зависимость отъ заработка и платежей.

Замѣтимъ только, прежде чѣмъ приступить къ содержанію дѣйствующаго законодательства, что сомнѣнія въ достоинствахъ такого разрѣшенія вопроса о старикахъ и инвалидахъ, какое предлагаетъ законъ 25 іюня 1889 г. (вступившій въ силу съ 1 января 1891 г.), одинаково сильны были во всѣхъ партіяхъ. Кн. Бисмарку нужно было употребить все свое вліяніе на консервативную партію, чтобы заставить ее голосовать за правительственное требованіе. Большинство центра, безспорно стоявшаго всегда на сторонѣ активнаго государственнаго вмѣшательства въ пользу рабочихъ, было противъ этого закона. Соціалъ-демократія повторяла, что рабочіе получаютъ здѣсь нищенскую подачку, не достойную названія реформы. Свободомыслящіе отвергали законъ вслѣдствіе его соціалистическаго характера, особенно выражавшагося будто въ государственной субсидіи. Въ заключительномъ голосованіи 25 мая 1889 г. законъ прошелъ большинствомъ всего 20 голосовъ: 185 противъ 165. Даже многіе изъ тѣхъ, которые, скрѣпя сердце, голосовали за законъ, потомъ громко каялись и присоединились къ его критикамъ. Отмѣна или измѣненіе «Klebegesetz» фигурировало потомъ въ избирательныхъ воззваніяхъ.

Такъ ли законъ дуренъ въ дѣйствительности? Прежде чѣмъ отвѣтить, познакомимся съ его содержаніемъ *).

Законъ о страхованіи на случай старости и инвалидности сразу захватилъ гораздо болѣе широкій кругъ народа, чѣмъ оба его предшественника: онъ имѣлъ въ виду *всѣхъ, живущихъ наемнымъ трудомъ*. *Обязательно подчинены* страхованію всѣ, достигшіе 16 лѣтъ, занятые въ качествѣ рабочихъ, подмастерій, учениковъ или прислуги и получающіе заработную плату, каковъ бы размѣръ заработка ни былъ. Служащіе въ управленіи предпріятія, административный его персоналъ, прикащики и купече-

*) Текстъ закона изд. E. v. Woedtke: *Das Reichsgesetz betr. die Invaliditäts und Altersversicherung* (Berlin, Guttentag). Лучшій комментарій: Bosse und Woedtke

скіе ученики подчинены обязательному страхованію въ томъ лишь случаѣ, если ихъ годовой заработокъ не превышаетъ 2,000 марокъ. Изъ этой второй категоріи исключены, т.-е. не подлежатъ страхованію, только аптекарскіе ученики и фармацевты. Наконецъ, обязательно застрахована вся команда торговаго флота подъ германскимъ флагомъ. Тантьемы и натураліи (столъ, квартира, отопленіе и т. п.) перекладываются, при разсчетѣ заработковъ, на деньги и засчитываются въ счетъ жалованья (стр. 1 и 3). *Не подчинены* закону чиновники на государственной или коммунальной службѣ, — послѣдніе, если они имѣютъ право на пенсію. Служащіе въ государственныхъ или общественныхъ (коммунальныхъ) производствахъ и предпріятіяхъ освобождены отъ обязательнаго страхованія, если для нихъ учреждены особыя кассы, обезпечивающія имъ, по крайней мѣрѣ, такое же пособіе при наступленіи старости или инвалидности, какое предусмотрѣно въ Invaliditäts- und Altersversicherungsgesetz. Не подчинены страхованію, далѣе, люди съ физическими или психическими, постоянными, недугами и инвалиды, получающіе инвалидную ренту, зарабатывающіе вслѣдствіе своего состоянія менѣе одной трети заработка обыкновеннаго поденщика по тарифу, установленному, какъ мы видѣли выше, для кассъ страхованія при болѣзни; не подчинены страхованію также солдаты, исполняющіе на военной службѣ какую-нибудь промысловую работу. Союзному совѣту *предоставлено право* распространить обязательно страхованіе, во-первыхъ, на такъ называемыхъ самостоятельныхъ домашнихъ производителей, т.-е. кустарей-хозяевъ, независимо отъ того, работаютъ ли они на своемъ или чужомъ матеріалѣ, безъ наемнаго труда или съ наемными рабочими, исключительно на магазины и купцовъ или иногда и прямо на потребителя; во-вторыхъ, союзному совѣту предоставлено право подчинять страхованію и мелкихъ ремесленниковъ, не имѣющихъ постоянно наемнаго рабочаго. Въ ноябрѣ 1891 г. союзный совѣтъ на основаніи этого своего права подчинилъ дѣйствію закона 1889 г. всѣхъ кустарей въ сигарной и табачной промышленности.

Такимъ образомъ, кругъ лицъ, застрахованныхъ на случай старости и инвалидности, очерченъ очень широко, захватывая почти всѣхъ, живущихъ заработною платой и жалованьемъ менѣе 2,000 марокъ въ годъ, оставляя мѣсто для самостоятельныхъ мелкихъ хозяевъ и всѣхъ кустарей. Есть еще кругъ лицъ, которымъ предоставлено право, *если они сами того пожелаютъ,* примкнуть къ страхованію на случай старости или неспособности къ труду: это самостоятельные ремесленники и кустари, на которыхъ правительство не распространило предоставленнаго союзному совѣту права—подвергнуть ремесленниковъ и кустарей обязательному страхованію, и всѣ, когда-либо подчиненные страхованію, но потомъ вышедшіе изъ состоянія наемныхъ людей. Для послѣднихъ, если они раньше, по крайней мѣрѣ, въ теченіе 5 лѣтъ, не платили взносовъ, добровольное страхованіе сопряжено съ большими жертвами, чѣмъ для всѣхъ остальныхъ, потому что они не пользуются государственною субсидіей при платежѣ премій.

Этимъ замѣчаніемъ мы подходимъ къ одному изъ существеннѣйшихъ пунктовъ, отличающихъ законъ о страхованіи на старость и инвалидность отъ обоихъ предъидущихъ видовъ обязательнаго страхованія. Страхованіе на случай болѣзни достигается преміями, уплачиваемыми на $^2/_3$ рабочими и на $^1/_3$ предпринимателями. Страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ падаетъ на предпринимателей. Страхованіе же отъ старости и инвалидности достигается взносами самихъ рабочихъ, ихъ хозяевъ (если работникъ—наемный рабочій) и государства. Тутъ правительству кн. Бисмарка удалось сломить упорство противниковъ прямой государственной помощи. Правительство къ каждой пенсіи приплачиваетъ ежегодно 50 марокъ и, кромѣ того, беретъ на себя платежъ преміи за тѣхъ застрахованныхъ, которые прерываютъ свои занятія во время военной службы. Въ 1892 г. субсидія государства, для которой пока еще нѣтъ въ бюджетѣ спеціальнаго доходнаго источника (Бисмаркъ имѣлъ для этого въ виду табачную монополію), составляла 9,1 милліона марокъ. Съ каждымъ годомъ, однако, размѣръ ея долженъ увеличиваться, и когда страхованіе будетъ исполнено въ полномъ размѣрѣ, государственная приплата достигнетъ, по крайней мѣрѣ, 75 милліоновъ, при $1^1/_2$ милліонахъ стариковъ и инвалидовъ. Въ дѣйствительности она, однако, даже при нынѣшнемъ, очень низкомъ размѣрѣ ренты, должна быть больше уже вслѣдствіе увеличенія населенія, такъ что компетентные техники страхового дѣла опредѣляютъ максимумъ государственныхъ расходовъ на этотъ видъ страхованія въ 100—120 милліоновъ въ годъ.

Для премій, уплачиваемыхъ поровну хозяевами и рабочими, принята система Kapitaldeckung, покрытія капитала, соотвѣтствующаго вѣроятной суммѣ рентъ, которую придется уплатить въ теченіе извѣстнаго (сначала 10-ти, потомъ 15-ти лѣтняго) періода, и оставляющаго излишекъ на расходы по управленію и образованіе резервнаго фонда. Такимъ образомъ, и преміи рабочихъ и хозяевъ на первыхъ порахъ ниже, чѣмъ онѣ будутъ въ слѣдующіе періоды, хотя разница и не можетъ быть такъ велика, какъ въ государственной субсидіи. По введеніи въ дѣйствіе закона, государство установило 10-ти лѣтній періодъ, въ теченіе котораго премія не подлежитъ измѣненію. Всѣ застрахованные распредѣлены на 4 класса и уплачиваютъ 14, 20, 24 и 30 пфен. въ недѣлю; половину премій несутъ хозяева, другую половину рабочіе. Распредѣленіе по классамъ основывается на среднемъ дневномъ заработкѣ, какъ онъ опредѣляется въ Krankenkassen, $\times$ на 300 дней. Лица съ заработкомъ до 350 марокъ принадлежатъ къ первому, низшему классу, съ болѣе 350 до 550—ко второму, болѣе 550 до 850—къ третьему и, наконецъ, съ заработкомъ болѣе 850 марокъ—къ четвертому. По истеченіи 10 лѣтъ размѣръ преміи устанавливается автономно отдѣльными страховыми учрежденіями на каждыя 5 лѣтъ, распредѣленіе по классамъ также можетъ быть измѣнено,—все подъ наблюденіемъ центральнаго учрежденія.

Каждое застрахованное лицо получаетъ карточку, выставленную на его имя и заключающую въ себѣ клѣточки для наклеиванія страховыхъ

марокъ. Марки покупаются на почтѣ, форма ихъ похожа на почтовыя, только нѣсколько меньше; соотвѣтственно 4 классамъ и марки 4 достоинствъ. Къ этому присоединяются еще добавочныя марки въ 8 пф. для тѣхъ, которые пользуются правомъ добровольнаго страхованія, безъ государственной субсидіи. Въ теченіе года должны быть наклеены 47 марокъ (5 недѣль льготы). Наклеиваніе возложено на хозяевъ, имѣющихъ право вычесть половину стоимости марки изъ жалованья или заработка *). По отношенію къ домашней прислугѣ уже выработалось въ Германіи правило порядочности—не вычитывать ничего изъ жалованья. Въ Баденѣ, гдѣ общины издавна страховали у себя прислугу и рабочихъ на случай болѣзни, это распространилось и на Invaliditäts-und Altersversicherung; карты и марки хранятся въ мѣстномъ общинномъ управленіи, плательщики получаютъ только счетъ, подобно счету налоговъ. Тамъ, гдѣ наклеиваніе марокъ совершается хозяевами, страховыя книжки-карты выдаются изъ мѣстнаго полицейскаго участка, туда же относятся по ихъ пополненіи и доставляются полиціей или общиной въ то страховое учрежденіе, изъ котораго онѣ выданы. Чтобы хозяева не превращали картъ въ рабочія книжки, закономъ запрещено подъ угрозой строгаго штрафа дѣлать въ картахъ какія-либо замѣчанія.

Что законъ даетъ застрахованнымъ? Ренту на старость или при неспособности къ труду. Чтобы получить старческую ренту, нужно дожить до 70 лѣтъ и уплачивать страховыя преміи въ теченіе 30 лѣтъ или, считая годъ въ 47 недѣль (соотвѣтственно обязательнымъ платежамъ), въ теченіе 1,410 недѣль. Кто дожилъ до 70 лѣтъ и платилъ въ теченіе 1,410 недѣль, получаетъ ренту въ 106 мар. 10 пф. въ годъ, если онъ принадлежитъ къ низшему классу, въ 134 марки во второмъ классѣ, въ 162 мар. 80 пф. въ третьемъ и 191 мар. въ четвертомъ, высшемъ классѣ. При обсужденіи закона указано было на два крупные недостатка этой системы: предѣльный возрастъ взятъ слишкомъ высоко,—весьма немногіе рабочіе доживаютъ до 70 лѣтъ,—и размѣръ ренты слишкомъ ничтоженъ, чтобъ на нее старикъ могъ жить. Со стороны защитниковъ закона на это возразили: ренту на старость, Altersrente, получаетъ всякій, независимо отъ того, можетъ ли онъ еще работать, или нѣтъ. Рента, слѣдовательно, только прибавочное вознагражденіе. Справедливо, что немногіе рабочіе остаются при работѣ до 70 лѣтъ, но тѣ, которые раньше выбились изъ силъ, становятся инвалидами и получаютъ инвалидную пенсію, которая, въ большинствѣ случаевъ, не ниже, а выше старческой. Вѣрно также, что рента мала, но, чтобы возвысить ее, нужно одно изъ двухъ: или увеличить преміи, что теперь невозможно, потому что рабочимъ и такъ не легко платить, или увеличить государственную субсидію, а защитники зако-

*) Этотъ способъ уплаты преміи создалъ закону у его противниковъ кличку Klebegesetz. Бамбергеру принадлежитъ остроумная фраза: прежде у насъ было принято: leben und leben lassen, теперь же мы будемъ kleben und kleben lassen (клеить и давать клеить).

на, вѣдь, съ трудомъ добились принятія ея въ нынѣшнемъ размѣрѣ. Если вы говорите объ обезпеченіи,—отвѣчали критики,—то не создавайте полумѣры: при той высотѣ ренты, которую опредѣляетъ законъ, можно только что не умереть съ голоду. И если вы хотите внушить массамъ симпатіи къ существующему экономическому порядку, то не заставляйте ихъ платить, когда онѣ сознають, что только немногіе воспользуются плодами своихъ взносовъ на старости.

Въ рейхстагѣ при первомъ чтеніи принята была поправка, установившая возрастъ для полученія Altersrente въ 65 лѣтъ. При второмъ чтеніи она была, однако, отвергнута и возстановленъ прежній возрастъ правительственнаго проекта. Что касается высоты ренты, то мы уже сказали, что въ рейхстагѣ размѣръ ея былъ нѣсколько повышенъ противъ обоихъ правительственныхъ проектовъ. Это не относится, однако, къ рабочимъ низшей категоріи (перваго класса), получающихъ 106 мар. 40 пф., тогда какъ первый проектъ предлагалъ назначить одинаковую для всѣхъ старческую ренту въ 120 мар. для мужчинъ и 80 мар. для женщинъ.

Инвалидная рента отличается отъ старческой пенсіи тѣмъ, что для полученія ея нѣтъ надобности достигнуть извѣстнаго возраста: достаточна только наличность неспособности къ труду и 5-ти лѣтніе взносы страховыхъ премій. Наборщикъ 22 лѣтъ, наприм., ставшій неспособнымъ къ труду вслѣдствіе потери зрѣнія или хронической болѣзни, можетъ до конца своихъ дней получать инвалидную ренту, если только онъ 5 лѣтъ платилъ премію. Однако, чѣмъ позже наступаетъ неспособность къ труду, тѣмъ выше рента. Мы видѣли, что, при пенсіи на старость, Altersrente различна, смотря по тому, платилъ ли рабочій по низшему, второму, третьему или четвертому классу. Въ предѣлахъ каждаго класса старческая рента одинакова. Иначе инвалидная пенсія: она измѣняется какъ по классу, т.-е. въ зависимости отъ нормы прежней заработной платы, такъ и отъ продолжительности взносовъ. Минимумъ ея, по истеченіи 5 лѣтъ—114,70 м. въ низшемъ классѣ, 124,10—во 2-мъ, 131,15—въ 3-мъ и 140,55—въ 4-мъ классѣ. Государственная субсидія всегда одинакова, и этимъ объясняется, что разница между рентами на этой ступени минимума не очень велика. Чѣмъ дальше, тѣмъ разница становится значительнѣе. Для рабочихъ низшей категоріи рента увеличивается съ каждою недѣлей взноса на 2 пф., во 2-мъ классѣ—на 6 пф., въ 3-мъ—на 9 пф. и въ 4-мъ—на 13 пф. Такимъ образомъ, послѣ 50 лѣтъ работы и взносовъ,—а кто работаетъ по найму, обязательно вноситъ, начиная съ 16 лѣтъ, если рабочій сталъ инвалидомъ въ 66 лѣтъ (это можетъ быть и раньше, такъ какъ годъ здѣсь только 47 недѣль), — инвалидная рента составитъ, смотря по классу, 157, 251, 321 или 415 м. въ годъ. Повторяемъ: рабочій, если онъ неспособенъ къ труду, можетъ получать инвалидную ренту уже въ возрастѣ 21 года, и тогда она будетъ только отъ 114,7 до 140½ м. въ годъ; въ 40 лѣтъ она отъ 133½ до 262 м. 75 пф. (разумѣется, если 40-калѣтній инвалидъ началъ работать съ 16 лѣтъ).

Но что такое инвалидность, неспособность къ труду? Для полученія старческой ренты никакихъ опредѣленій, кромѣ возраста, не нужно: *всякій* 70-ти лѣтній работникъ, здоровъ онъ или нѣтъ, работаетъ или отдыхаетъ, имѣетъ право на ренту. Инвалидную же ренту можетъ получить тотъ, кто неспособенъ зарабатывать около $^1/_3$ прежняго заработка. Законъ даетъ болѣе точный критерій: инвалидную ренту получаетъ всякій застрахованный (въ теченіе 5 лѣтъ), который вслѣдствіе своего физическаго или психическаго состоянія не можетъ зарабатывать больше $^1/_6$ средняго заработка той группы, по которой онъ былъ застрахованъ послѣднія 5 лѣтъ, $+ ^1/_6$ средняго заработка обыкновеннаго поденщика данной мѣстности, какъ эти заработки установлены въ цѣляхъ страхованія отъ болѣзни. Нѣтъ надобности, чтобы неспособность къ труду была постоянная, безповоротная: кто въ теченіе года неспособенъ къ труду, имѣетъ право получать инвалидную пенсію. Возстановятся его силы настолько, что онъ въ состояніи будетъ зарабатывать больше, пенсія прекратится. Съ другой стороны, законъ имѣетъ въ виду возможность заработка не только въ прежней профессіи, но при всякомъ наемномъ трудѣ, соотвѣтствующемъ силамъ и способностямъ даннаго лица. Если неспособность къ труду вызвана несчастнымъ случаемъ при работѣ, пострадавшій имѣетъ, все-таки, право требовать инвалидную ренту, но инвалидная рента вмѣстѣ съ рентой за несчастный случай не должна превышать 415 м. Инвалидная касса можетъ потребовать отъ кассы страхованія отъ несчастныхъ случаевъ (отъ Berufsgenossenschaft, въ которой былъ застрахованъ потерпѣвшій) возмѣщенія своихъ расходовъ. Не имѣетъ права на ренту инвалидъ, умышленно причинившій свою неспособность къ труду, или ставшій инвалидомъ при совершеніи преступленія, доказаннаго судомъ. Кто получаетъ, сверхъ ренты, еще пособія или пенсіи отъ государства или самоуправленія, можетъ быть сокращенъ въ своей рентѣ, если пенсія и рента превышаютъ 415 марокъ въ годъ. Точно также фабричнымъ, горнымъ и прочимъ кассамъ, предоставляющимъ своимъ членамъ не только пособія при болѣзни, но и пенсіи при неспособности къ труду, съ извѣстными ограниченіями дано право уменьшить пенсію въ размѣрѣ получаемой инвалидомъ государственной ренты. Обязанности общественнаго призрѣнія закономъ о страхованіи на случай старости или инвалидности не затрогиваются, но общинамъ предоставлено право потребовать для себя изъ ренты пенсіонера часть, соотвѣтствующую выданнымъ ему пособіямъ. Выдача ренты пріостанавливается, если получатель лишенъ свободы больше мѣсяца или переселился за границу. По отношенію къ иностранцамъ, пріобрѣвшимъ право на ренту, страховымъ учрежденіямъ предоставлено право освободиться отъ платежей выдачей единовременно троекратной ренты, но въ томъ лишь случаѣ, если иностранецъ покидаетъ Германію. Возвращеніе премій до окончанія страхованія предусмотрѣно въ двухъ случаяхъ: дѣвушки или вдовы, вышедшія замужъ прежде, чѣмъ онѣ воспользовались рентой, и уплачивавшія преміи въ теченіе 5 лѣтъ (235 недѣль), имѣютъ право на

полученіе половины внесенныхъ премій, что для служившихъ по найму равносильно возврату всѣхъ лично ими внесенныхъ премій безъ процентовъ. Такими же правами пользуются вдовы или законныя дѣти моложе 15 лѣтъ, если преміи уплачивались мужемъ и отцомъ, и дѣти послѣ умершей матери, моложе 15 лѣтъ и не имѣющія отца. Въ послѣднемъ случаѣ законъ не дѣлаетъ различія между законно и незаконно рожденными. Отмѣтимъ, наконецъ, что рента не можетъ быть перенесена на другое лицо и заложена. Запрещеніе можетъ быть наложено на нее только для удовлетворенія требованій: женъ и законныхъ дѣтей—на содержаніе и общинъ—на возвращеніе затратъ изъ фонда общественнаго призрѣнія. Рента уплачивается въ почтовыхъ конторахъ.

Мы подходимъ теперь къ послѣднему крупному вопросу: къ *организаціи* страхованія. Выше мы видѣли, сколько споровъ вызывала эта сторона страхового дѣла и что законъ осуществленъ былъ послѣ того, какъ сторонникамъ и ихъ противникамъ—автономистамъ, удалось найти компромиссъ въ видѣ мѣстныхъ, но бюрократически организованныхъ территоріальныхъ страховыхъ учрежденій. Вся Германія раздѣлена на 31 страховыхъ округа; для каждаго округа существуетъ особое страховое учрежденіе. Отдѣльные округа отличаются другъ отъ друга размѣромъ своей площади. Такъ, напримѣръ, вся Саксонія имѣетъ только 1 страховое учрежденіе, точно также весь Вюртембергъ, весь Баденъ. Баварія, наоборотъ, имѣетъ 8 страховыхъ учрежденій, по одному въ каждомъ административномъ округѣ (Regierungsbezirk). Въ Пруссіи всѣхъ страховыхъ учрежденій 13, но они не примыкаютъ исключительно къ административному раздѣленію страны, а съ одной стороны захватываютъ смежныя, не прусскія территоріи, съ другой же ограничиваются только одною или многими общинами. Городъ Берлинъ, наприм., имѣетъ самостоятельное страховое учрежденіе. Вольные города: Гамбургъ, Бременъ и Любекъ имѣютъ одну общую страховую кассу для инвалидовъ и стариковъ. Число кассъ можетъ быть увеличено, округа могутъ быть расширены или сокращены только съ согласія союзнаго совѣта. Расходы на первоначальное устройство учрежденій доставляются мѣстными правительствами или общинами, которыя также отвѣтственны за обязательства страховыхъ кассъ. Еслибъ у послѣднихъ почему-либо не хватило средствъ на уплату ренты, мѣстное правительство или общины, смотря по тому, совпадаетъ ли страховой округъ съ государствомъ или общинами, отвѣтственны передъ застрахованными. Каждое страховое учрежденіе пользуется правомъ юридическаго лица и издаетъ для себя статутъ, обязательно заключающій въ себѣ, однако, извѣстныя, предусмотрѣнныя въ законѣ постановленія, и нуждающійся въ утвержденіи имперскаго страхового бюро (Reichsversicherungsamt).

Во главѣ каждаго учрежденія стоитъ правленіе изъ одного или многихъ лицъ, назначаемыхъ мѣстными правительствами или самоуправленіемъ, если территорія учрежденія не выходитъ изъ предѣловъ общинъ. Бюрократическое управленіе смягчается, однако, тѣмъ, что при к ж-

домъ страховомъ учрежденіи обязательно долженъ быть комитетъ, по крайней мѣрѣ, изъ 10 выборныхъ лицъ, на половину изъ предпринимателей и на половину изъ застрахованныхъ. Комитетъ, Ausschuss, избирается представителями кассъ страхованія на случай болѣзни, входящихъ въ округъ страхового учрежденія. Вольныя кассы, управляемыя только рабочими, устранены, однако, отъ участія въ управленіи страхованіемъ отъ старости и инвалидности: правомъ выбирать делегатовъ въ Ausschuss пользуются только представители «мѣстныхъ», фабричныхъ, «цеховыхъ», строительныхъ, горныхъ, морскихъ и кассъ мѣстнаго самоуправленія, если послѣднее учредило у себя общинное страхованіе. Такъ какъ всѣ кассы этого рода, кромѣ послѣднихъ, управляются хозяевами и рабочими, то и хозяева, и рабочіе выбираютъ отдѣльно своихъ делегатовъ въ комитетъ при страховыхъ учрежденіяхъ. Избранными могутъ быть только мужчины совершеннолѣтніе, не опороченные судомъ, живущіе въ округѣ страхового учрежденія. На каждаго делегата выбираются два запасныхъ, выборы на 5 лѣтъ. Главная функція комитета — наблюденіе за дѣлопроизводствомъ. Въ законѣ для этого предусмотрѣнъ еще наблюдательный совѣтъ, но такихъ совѣтовъ до сихъ поръ нѣтъ ни при одномъ учрежденіи. Вѣдѣнію комитета изъ хозяевъ и рабочихъ, далѣе, предоставлено учрежденіе и измѣненіе статутовъ, провѣрка годичныхъ отчетовъ, соглашеніе съ другими государственными страховыми учрежденіями относительно перестрахованія, назначеніе членовъ въ третейскіе суды. Должность члена комитета—почетная, въ принципѣ не платная, но членамъ отъ рабочихъ возмѣщается потеря заработка. При каждомъ страховомъ учрежденіи еще находится правительственный коммиссаръ, наблюдающій за примѣненіемъ закона и пользующійся совѣщательнымъ голосомъ въ правленіи и третейскомъ судѣ. Кромѣ того, каждое страховое учрежденіе имѣетъ въ отдѣльности своихъ довѣренныхъ лицъ.

Рядомъ съ 31 страховыми учрежденіями, носящими или названіе государства (наприм., саксонское), или названіе провинціи, округа, города (Берлинъ), существуетъ еще 9 такъ называемыхъ особыхъ учрежденіій (besondere Kasseneinrichtungen): это 5 желѣзно-дорожныхъ кассъ и 4 Knappschaftsvereine. Члены ихъ по закону подлежатъ государственному страхованію наравнѣ съ прочими рабочими, но въ виду того, что кассы, къ которымъ они принадлежатъ, государственныя и общественныя и представляютъ всѣ необходимыя гарантіи и вполнѣ удовлетворяютъ требованіямъ закона, имъ предоставлено право замѣнить взносами въ прежнія кассы принадлежность къ страховому учрежденію. Члены этихъ желѣзно-дорожныхъ и горныхъ кассъ, однако, выиграли отъ введенія новаго законодательства въ двухъ крупныхъ статьяхъ: во-первыхъ, каждый изъ нихъ, при назначеніи пенсіи, получаетъ ту же субсидію въ 50 марокъ въ годъ, которую государство даетъ всѣмъ застрахованнымъ рабочимъ, и, во-вторыхъ, при каждой кассѣ обязательно долженъ быть третейскій судъ, съ участіемъ делегатовъ отъ застрахованныхъ.

Во всѣхъ 31 Versicherungsanstalten, при распредѣленіи ихъ въ февралѣ 1891 г., насчитали 11.287,751 застрахованныхъ, 7.548,645 мужчинъ и 3.739,106 женщинъ. Равномѣрнѣе всего застрахованные распредѣлены въ Баваріи, гдѣ на каждое страховое учрежденіе отъ 128 до 280 тысячъ лицъ (минимумъ въ Регенсбургѣ, максимумъ въ Верхней Баваріи). Въ Пруссіи самое маленькое страховое учрежденіе (въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ) заключаетъ въ себѣ 291,213 застрахованныхъ, самое большое (Силезія)—болѣе 1 милліона. Городъ Берлинъ, получившій самостоятельный страховой округъ, имѣетъ 343,017 застрахованныхъ.

Мы видѣли до сихъ поръ, что какъ условія полученія рентъ, такъ и размѣровъ пособія, особенно въ старческихъ рентахъ, болѣе чѣмъ скромны и не обнаруживаютъ большой щедрости государства. Исключеніе составляетъ отношеніе закона къ старикамъ и въ особенности инвалидамъ, которые потеряли способность къ труду въ теченіе первыхъ 5 лѣтъ со вступленія въ силу новаго закона (1891—1896 гг.). Въ то время, какъ всѣмъ другимъ для полученія старческой ренты нужно дѣлать взносы въ теченіе 30, а инвалидной—въ теченіе 5 лѣтъ, для лицъ старше 40 лѣтъ сдѣлана льгота: имъ на столько лѣтъ меньше нужно платить и ждать пенсіи, насколько они, при вступленіи закона въ силу, были старше 40 лѣтъ. Такимъ образомъ, 70-ти лѣтніе старики сразу получили право на старческую пенсію, 69-ти лѣтніе—черезъ годъ послѣ осуществленія закона, 68-ми лѣтніе—черезъ 2 и т. д. Единственное требованіе, которое къ нимъ предъявляютъ, это—доказательство, что они въ послѣдніе 3 года имѣли постоянное занятіе въ промыслахъ, подчиненныхъ теперь обязательному страхованію на старость и инвалидность. Уже въ 1-й годъ дѣйствія закона право на старческую пенсію признано было за 132,961 стариками, которымъ выплачено было 13,3 мил. марокъ годовой пенсіи. Къ 1 октября 1894 г. число пенсіонеровъ увеличилось до 232,320. Около 50,000 лицамъ было отказано потому, что они не удовлетворяли требованіямъ закона, 6,300 еще ждали рѣшенія. Что касается инвалидной пенсіи, то въ первыя 5 лѣтъ дѣйствія закона для полученія ея достаточно взносовъ преміи въ теченіе 1 года до наступленія неспособности къ труду и доказательства, что инвалидъ въ теченіе 5 послѣднихъ лѣтъ работалъ въ такой службѣ или промышленности, которая подчинена обязательному страхованію. На основаніи этой льготы къ 1 октября 1894 г. предъявлено было 130,120 требованій инвалидной пенсіи, изъ которыхъ 89,843 удовлетворены, 27,405 отвергнуты, 5,933 только отчасти удовлетворены или взяты назадъ и 6,940 еще ждутъ рѣшенія *).

Такимъ образомъ, теперь, послѣ едва 4-хъ лѣтняго примѣненія закона, въ Германіи уже болѣе 320 тысячъ рабочихъ стариковъ и инвалидовъ, получающихъ маленькую пенсію отъ государства. Въ почтовыхъ отдѣленіяхъ въ 1-хъ числахъ каждаго мѣсяца можно замѣтить въ извѣстные часы

---

*) Reichsanzeiger отъ 18 окт. 1894 г.

толпу стариковъ и инвалидовъ, являющихся за полученіемъ своей пенсіи. Чему приписать такое великодушіе государства?

Кн. Бисмаркъ даетъ намъ разрѣшеніе въ характерномъ мѣстѣ своей рѣчи въ защиту закона, произнесенной въ рейхстагѣ 18 мая 1889 г.: «Я достаточно долго жилъ во Франціи,—сказалъ онъ,—чтобы знать, что привязанность большинства французовъ къ существующему правительству, какъ бы дурно оно ни управляло, и въ конечномъ результатѣ — привязанность, все-таки, къ своей странѣ, существенно стоитъ въ связи съ тѣмъ, что большинство французовъ получаютъ ренту отъ государства, въ маленькихъ, часто очень маленькихъ размѣрахъ. О консьержахъ я и не говорю: они уже богачи въ сравненіи съ бѣдными людьми, имѣющими крошечную государственную ренту. Эти люди разсуждаютъ: если государство пострадаетъ, то я потеряю свою ренту. И если это только 40 франковъ, они ихъ не хотятъ терять, они заинтересованы въ государствѣ. По-человѣчески это понятно. У меня самого были времена, когда я владѣлъ иностранными бумагами. Позже я замѣтилъ, что это мнѣ мѣшаетъ справедливо оцѣнивать политику того правительства, цѣнными бумагами котораго я владѣлъ, и уже лѣтъ 15, какъ я принципіально не держу иностранныхъ бумагъ. Я хочу быть заинтересованнымъ въ собственномъ отечествѣ, а не въ чужихъ цѣнностяхъ. Если у насъ будутъ 700,000 маленькихъ рентье, получающихъ свои ренты отъ государства, и, притомъ, въ тѣхъ классахъ народа, которые обыкновенно не имѣютъ что терять и ошибочно думаютъ, что отъ измѣненія они могутъ только выиграть, то я это считаю чрезвычайно большимъ пріобрѣтеніемъ. Если они даже рискуютъ потерять отъ 115 до 200 марокъ въ годъ, то это, все-таки, металлъ, который, при всей своей незначительности, удерживаетъ человѣка, даетъ возможность плыть. Вы этого не можете отрицать, и я думаю, что если вы создадите болѣе полумилліона маленькихъ рентье, то это будетъ благодѣяніемъ. Вы научите простого человѣка видѣть въ государствѣ благодѣтельное учрежденіе» *).

Безъ сомнѣнія, тѣ удачники, которымъ посчастливилось сразу получить ренту, присоединятся къ взгляду, что государство и въ нынѣшнемъ своемъ видѣ—благодѣтельное учрежденіе. Старики и инвалиды никогда не составляютъ, однако, опаснаго элемента для существующаго строя. Что послѣднему важно,—если стать на точку зрѣнія утилитаризма, выраженнаго въ приведенныхъ словахъ,—это—воздѣйствіе на массу въ ея болѣе энергичныхъ и подвижныхъ слояхъ. Оно въ нѣкоторой степени создается, конечно, и впечатлѣніемъ чужихъ условій. Рабочіе, которые видятъ старика или инвалида, уже получающаго ренту, наводятся на мысль, что государство когда-нибудь окажетъ эту помощь и имъ самимъ. Эти старики и инвалиды, наконецъ, отцы, братья и родственники, падавшіе бременемъ на рабочую семью, или, если они были пенсіонерами общественнаго призрѣнія, вно-

---

*) *Dokumente zur Geschichte der Wirtschaftspolitik in Preussen und im D. R.* (schinger), Bd. V, S. 215—224 (особенно стр. 223).

сившіе озлобленіе въ массы видомъ своего незаслуженнаго униженія. Нѣмецкій рабочій, однако, привыкъ разсуждать и вникать во всякую мѣру, особенно когда ее выдвигаютъ противъ стремленій, отъ которыхъ онъ ожидаетъ поднятія своего класса. Вникая же въ законъ о страхованіи на случай старости и инвалидности, не трудно замѣтить его слабые пункты.

Мы уже сказали, что Altersrente, старческая рента, не только слишкомъ мала, но и дается въ такомъ возрастѣ, когда самая незначительная часть рабочихъ еще работаетъ. Въ особенности это относится къ фабричнымъ рабочимъ. Верисгоферъ, на основаніи своихъ наблюденій, пришелъ къ заключенію, что рабочіе рано старѣютъ («die Arbeiter werden im Allgemeinen rasch alt»). Въ то время, какъ во всемъ Баденѣ на 1,000 жителей въ возрастѣ 20—40 лѣтъ приходится 308 старше 60 лѣтъ, въ мангеймскихъ фабрикахъ на 1,000 рабочихъ 20-ти—40-ка лѣтняго возраста, только 24 старше 60 лѣтъ. Даже въ старѣйшихъ фабрикахъ рабочихъ старше 60 лѣтъ не больше, какъ 72—78 на 1,000 рабочихъ 20—40-ка лѣтнихъ *). Въ Рейхенбахѣ, въ Богеміи, по статистикѣ мѣстной торговой камеры, почти на 100 тысячъ фабричныхъ рабочихъ только 375 старше 70 лѣтъ **).

Между тѣмъ, и часть рабочихъ, которая доживаетъ до 70 лѣтъ *при работѣ,* не всегда увѣрена, что она дѣйствительно получитъ болѣе, чѣмъ скромный старческій пенсіонъ. Чтобы получить его въ 70 лѣтъ, всѣмъ, кромѣ льготныхъ переходнаго времени, нужно платить полныхъ 1,410 недѣль. Кто платилъ меньше, не получаетъ пенсіи.

Лучшая и болѣе существенная для рабочихъ инвалидная рента тоже

---

*) *Die Sociale Lage der Fabrikarbeiter in Mannheim,* S. 92—94.

**) Ничего не можетъ быть поучительнѣе въ этомъ отношеніи, какъ изученіе возрастнаго состава фабричныхъ рабочихъ параллельно съ возрастнымъ составомъ всего населенія, которое прекрасно разработано статистикой Рейхенбахской торговой камеры. Если принять число 16-ти—20-ти лѣтнихъ равнымъ 100, то остальныя возрастныя группы будутъ:

Возрастныя группы.	Всего населенія Австріи.	Фабричныхъ рабочихъ.
21—25 лѣтъ	93,1	88,1
26—30 „	78,4	96,8
31—35 „	72,6	72,5

Въ возрастѣ 26—30 лѣтъ, слѣдовательно, процентъ фабричныхъ рабочихъ значительно выше соотвѣтствующей возрастной группы всего населенія; въ 31—35 лѣтъ они почти равны, но съ этого момента начинается постоянное, быстро ростущее отклоненіе:

36—40 лѣтъ	68,4	63,8
41—45 „	62,9	47,3
46—50 „	52,7	39,5
51—55 „	45,6	27,5
56—60 „	39,1	18,4
61—65 „	33,5	11,8
66—70 „	22,3	5,7

Эти цифры, хотя онѣ относятся и къ молодой промышленности, все же очень ясно говорятъ, что стараго рабочаго на фабрикахъ не желаютъ.

испорчена постановленіями, касающимися платежей преміи. Законъ не удовольствовался тѣмъ, что поставилъ *размѣръ* ренты въ зависимость отъ размѣра и числа платежей, но еще внесъ постановленія, лишающія рабочихъ права на полученіе какой бы то ни было ренты, если имъ не удалось исправно платить. Это можетъ быть только въ тѣхъ случаяхъ, когда у рабочаго нѣтъ занятія, потому что пока рабочій занятъ, преміи за него обязательно вносятся его хозяиномъ изъ его заработка. Потеря же занятія можетъ произойти или потому, что рабочій заболѣлъ, или оттого, что онъ потерялъ прежнюю и не находитъ новой постоянной работы, съ которою связано состояніе застрахованности. По отношенію къ рабочимъ, потерявшимъ заработокъ вслѣдствіе продолжительной болѣзни, законъ еще милостивъ: ст. 17 закона постановляетъ, что всякая болѣзнь, болѣе 7 дней, освобождаетъ отъ платежей не только безъ потери пріобрѣтенныхъ правъ, но съ зачетомъ въ счетъ платежей, т.-е. больной рабочій не платитъ и при разсчетѣ ренты недѣли болѣзни засчитываются полностью, какъ если бы рабочій платилъ. Исключеніе сдѣлано только для болѣзней, причиненныхъ при совершеніи наказуемаго поступка, пьянствомъ и половою распущенностью. Такая же льгота, какъ больнымъ, предоставлена отбывающимъ воинскую повинность и призываемымъ во время войны или мобилизаціи.

Но если рабочій не платитъ вслѣдствіе безработицы? То онъ терпитъ, въ такомъ случаѣ, и всѣ послѣдствія,— сухо отвѣчаютъ намъ комментаторы закона. Если въ теченіе 5 лѣтъ онъ не былъ застрахованъ, по крайней мѣрѣ, 47 недѣль, права его прекращаются и, вступивъ снова въ постоянное занятіе, онъ хотя и обязанъ опять платить, но долженъ ждать 5 лѣтъ (5 × 47 недѣль), пока снова пріобрѣтетъ право на инвалидную ренту. За что же такая суровость, если рабочій не имѣлъ работы? Законъ, его мотивы отвѣчаютъ: мы ему предоставили право вносить добровольно преміи; такъ какъ онъ не имѣетъ занятій, то преміи онъ долженъ былъ платить какъ за себя, такъ и за своего—не существующаго—хозяина, на котораго прежде падала половина платежа, да еще и за государство, которое приплачиваетъ къ преміямъ рабочихъ и хозяевъ (ст. 117 и 121). Правда, это только 28 пфенниговъ въ недѣлю, но если человѣкъ сидитъ безъ хлѣба, это для него большая сумма. Законъ знаетъ только одну льготу—для сезонныхъ рабочихъ, у которыхъ ежегодно въ опредѣленное время года наступаетъ перерывъ въ работѣ. Если перерывъ продолжается не болѣе 4 мѣсяцевъ, то государство не прекращаетъ своихъ приплатъ, но подъ условіемъ, чтобы рабочій въ эти мѣсяцы платилъ взносы, падающіе и на него самого, и на хозяина. Было бы только справедливо, чтобы, по крайней мѣрѣ, эта льгота для сезонныхъ рабочихъ предоставлена была всѣмъ безработнымъ, чтобъ ихъ не заставляли платить и за государство. Мотивы къ законопроекту правительства и нѣкоторые комментаторы дѣйствующаго закона отвѣчаютъ на это: да, вѣдь, безработица уже принята во вниманіе при опредѣленіи года платежей въ 47, а не въ 52

недѣли. Статистика безработицы у наборщиковъ, на которую указываютъ мотивы правительства, подтверждаетъ, что въ среднемъ на 1 рабочаго приходится въ годъ только 4 недѣли безъ занятій.

Между тѣмъ, въ дѣйствительности безработица, вѣроятно, гораздо продолжительнѣе, если имѣть въ виду всю массу. У тѣхъ же наборщиковъ, уже послѣ изданія закона, наступилъ конфликтъ съ хозяевами, послѣдствіемъ котораго было прекращеніе работы въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Да и безъ конфликтовъ, а по условіямъ рынка, часто наступаютъ долгіе мѣсяцы безъ занятій и безъ хлѣба. Точной статистики здѣсь, къ сожалѣнію, нѣтъ, но вѣроятность говоритъ за утвержденіе рабочихъ, что на очень многихъ изъ нихъ приходится болѣе 4—5 недѣль вынужденнаго бездѣлья *).

Наконецъ, мы хотѣли бы указать еще на одинъ крупный недостатокъ закона о страхованіи на случай старости и инвалидности: на систему распредѣленія преміи. Правительство предлагало сначала единственную правильную Prämiensystem, при которой платежи хозяевъ и рабочихъ должны были взиматься въ такомъ размѣрѣ, чтобы преміи, по теоріи вѣроятности, были достаточны для образованія ренты, къ которой присоединялась бы только государственная субсидія. Въ кругахъ капиталистовъ это вызвало упорное сопротивленіе. Во-первыхъ, отвѣчали отсюда, новое страхованіе съ самаго начала ляжетъ тяжелымъ бременемъ на капиталъ, и безъ того уже обремененный страхованіемъ отъ несчастныхъ случаевъ. Нужно намъ

---

*) На точкѣ зрѣнія правительства стоитъ, впрочемъ, и Максъ Гиршъ, черпающій свои свѣдѣнія изъ статистики Gewerkvereine; точнаго отвѣта относительно размѣра безработицы и онъ, однако, не можетъ дать. „Какъ великъ контингентъ не имѣющихъ занятій, т.-е. тѣхъ, которые желаютъ получить работу и могли бы ее получить при сокращеніи рабочаго времени, съ введеніемъ максимальнаго рабочаго дня? Ни въ какомъ случаѣ не болѣе 5% всѣхъ дѣйствительныхъ рабочихъ“ (*Stenogr. Bericht über die Verhandlungen des Reichstags vom 20.* V, 1890). Гиршъ тутъ, очевидно, имѣетъ въ виду только *постоянную* безработицу, а не перерывъ въ работѣ при неблагопріятной конъюнктурѣ, стачкахъ и т. п. Почти одинаковыя условія, какъ у печатниковъ въ 80-хъ годахъ (въ началѣ 90-хъ они были хуже), констатируются у шляпочниковъ. Такъ, Unterstützungsverein Deutscher Hutmacher, къ которому изъ 10,000 шляпочниковъ принадлежатъ 2,700, въ 1892 г. имѣлъ 6,043 безработныхъ недѣль, распредѣлявшихся между 1,279 рабочими. Почти половина всѣхъ членовъ союза, слѣдовательно, 4—5 недѣль въ году были безъ работы. Что это не случайное явленіе одного неблагопріятнаго года, видно изъ того, что въ 1891 г. 1,037 членовъ имѣли 5,016 безработныхъ недѣль, въ 1890 г.—3,908 и т. д., и эти цифры приблизительно соотвѣтствуютъ числу членовъ (*Hutmacher-Korrespondenz* 1894, № 28). По даннымъ, собраннымъ самими рабочими, въ 1893—94 годахъ безработица была гораздо значительнѣе. Такъ, наприм., *Arbeitslosenstatistik* всеобщаго рабочаго союза въ Эльберфельдѣ-Барменѣ отмѣчаетъ въ зиму 1894 года (зимою условія всегда хуже) 955 безработныхъ и на каждаго безработнаго почти 18 недѣль безработицы. Къ сожалѣнію, какъ здѣсь, такъ и въ Берлинѣ и другихъ городахъ, статистика распространяется только на отдѣльные промыслы и далеко не отличается точными пріемами. Другіе примѣры у *E. Hirschberg:* „Die Massnahmen gegenüber d. Arbeitslosigkeit“. Berlin, 1894 (L. Simion).

дать освоиться съ новымъ положеніемъ и приспособиться къ условіямъ конкурренціи. Во-вторыхъ,—и этотъ мотивъ былъ не менѣе важенъ,—взимая полностью преміи для составленія всѣхъ будущихъ рентъ, страховыя учрежденія соберутъ у себя денежный капиталъ, который въ будущемъ можетъ достигнуть милліарда и болѣе марокъ. Это окажетъ сильное давленіе на денежный рынокъ и понизитъ процентъ на капиталъ.

Правительство и большинство рейхстага не пошли на предложеніе, имѣвшее въ виду такое же разложеніе фактическихъ расходовъ каждаго года (Umlageverfahren), какое практикуется при страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ. Это было бы уже слишкомъ безцеремонное переложеніе обязанностей нынѣшняго поколѣнія на плечи будущихъ. Компромиссъ, однако, былъ заключенъ съ значительными уступками интересамъ капитала. Избранная система, Kapitaldeckung, ведетъ къ тому, что по истеченіи 10 лѣтъ многіе изъ нынѣшнихъ пенсіонеровъ (инвалиды, изрѣдка и старики) будутъ еще получать пенсію, которая не покрыта нынѣшними взносами и, слѣдовательно, падаетъ на слѣдующіе періоды. Отсюда вытекаетъ, что преміи постепенно должны увеличиться.

Что касается государственной субсидіи, то для нея вполнѣ сохранился тотъ безцеремонный принципъ, который и характеризуетъ Umlageverfahren. Государство платитъ только при назначеніи ренты, а такъ какъ число рентъ ежегодно увеличивается, потому что къ старымъ рентамъ присоединяются новыя, то будущіе плательщики налоговъ должны расплачиваться за грѣхи своихъ предшественниковъ.

Изъ предъидущаго ясно, что мы отнюдь не принадлежимъ къ энтузіастамъ, провозглашавшимъ страхованіе на случай старости и неспособности къ труду «короной соціальнаго зданія»: въ той формѣ, какъ страхованіе осуществлено теперь, оно еще очень далеко отъ дѣйствительнаго обезпеченія. Даже предприниматели въ Германіи должны сознаться, что на 120—150 марокъ старикъ или инвалидъ не могутъ жить безъ помощи семьи или общественнаго призрѣнія. Мы, однако, не раздѣляемъ и той точки зрѣнія, по которой Invaliden-und Altersversicherung—только реформа призрѣнія бѣдныхъ: удачная реформа, по мнѣнію однихъ (Брентано) *), и попытка переложить налогъ съ плечъ имущихъ на плечи самихъ призрѣваемыхъ, а потому недобросовѣстная, по мнѣнію другихъ. Платтеръ, наиболѣе рѣзкій представитель послѣдней точки зрѣнія **), исходитъ изъ положенія Ротбертуса, что истинная соціальная реформа состоитъ въ мѣрахъ къ обезпеченію и поднятію заработной платы, которая должна быть такъ высока, чтобы рабочіе въ состояніи были сами, изъ собственныхъ средствъ, устроить себѣ обезпеченіе на старость и при инвалидности. Однако, Платтеръ долженъ признать, что по пути, избранному новымъ законо-

---

*) *Jahrbücher für Nationalökonomie.* Bd. 16 (1888), p. 1—46.

**) Die geplante Alters-und Invalidenversicherung im deutschen Reich. (*Archiv. für. Soc. Ges.* Bd. I, 7—42.

дательствомъ, возможны улучшенія и что даже въ нынѣшнемъ своемъ видѣ страхованіе предъ общественнымъ призрѣніемъ имѣетъ то преимущество, что щадитъ чувство чести и свободу призрѣваемаго. Противъ того размѣра ренты, который предполагался въ началѣ правительствомъ (въ *Grundzüge*) и который вызвалъ эти замѣчанія, законъ уже составляетъ шагъ впередъ. Если на западѣ или югѣ Германіи нынѣшнія ренты, въ своихъ среднихъ ступеняхъ, еще недостаточны для пропитанія, то для сельскаго рабочаго восточныхъ провинцій Пруссіи, и даже для значительной части промышленныхъ рабочихъ, 150 марокъ уже цѣнная рента. Можно сказать съ однимъ изъ критиковъ закона: эта форма страхованія больше, чѣмъ только платоническое заявленіе государства, что оно видитъ одну изъ своихъ серьезнѣйшихъ задачъ въ заботѣ о матеріальномъ благосостояніи рабочихъ классовъ. Это разрывъ съ прошлымъ, въ которомъ государство возлагало на массы только обязанности, но не давало имъ правъ *).

Г. Іоллосъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

*) *Leo Verkauf*: „Die deutsche Invaliditäts und Altersversicherungsgesetz“ (*Arch.* v. Bd. II, p. 602).

Главныя теченія русской исторической мысли XVIII и XIX столѣтій *).

II.

Переходя къ изученію того вліянія, которое оказали философскія идеи на развитіе русской исторической мысли, мы опять встрѣчаемся съ одною ошибкой исторической перспективы. Блестящая плеяда молодыхъ писателей, вышедшихъ изъ Московскаго университета въ тридцатыхъ годахъ, совершенно затмила поколѣніе своихъ предшественниковъ. Эта энтузіастическая молодежь, большею частью, провела время своего студенчества въ оживленномъ дружескомъ общеніи и изъ университета вынесла впечатлѣніе, что собственно университетскому преподаванію, т.-е. профессорскимъ лекціямъ, она весьма немногимъ обязана. Пойдя съ первыхъ же шаговъ дальше того, на чемъ остановились ея учителя, подвергнувъ идеи, отъ нихъ впервые услышанныя, самостоятельной переработкѣ, молодежь эта весьма рано почувствовала себя на своихъ ногахъ и привыкла съ самой себя начинать эру новаго просвѣщенія. Такимъ образомъ, весь подготовительный періодъ къ эпохѣ сороковыхъ годовъ самъ собою отодвинулся на задній планъ и скоро былъ позабытъ на долгое время, со всѣми представителями этого переходнаго момента въ исторіи русской мысли. «Идеалисты тридцатыхъ годовъ» являлись въ популярномъ представленіи какъ бы непосредственными преемниками поколѣнія, сошедшаго со сцены въ 1825 г.

Дѣйствительно, учителей молодого поколѣнія тридцатыхъ годовъ мы должны искать среди дѣятелей александровской эпохи; но эти учителя не имѣютъ ничего общаго съ военною молодежью, участвовавшею въ движеніи 14 декабря. Ихъ идеи не требовали жертвъ: вмѣсто политики и общественной жизни, они сосредоточили свой интересъ на философскихъ вопросахъ. Именно поэтому среди разнообразныхъ общественныхъ теченій александровскаго времени они остались почти незамѣченными; когда же и на нихъ обратили вниманіе усердные дѣятели реакціи двадцатыхъ годовъ,

* *Русская Мысль* 1894 г., кн. X.

ихъ стали преслѣдовать за мнимую связь ихъ идей съ мистическими или революціонными взглядами, отнюдь не за ихъ собственное міровоззрѣніе. Это послѣднее осталось чуждо и непонятно Магницкимъ и Руничамъ, точно также какъ оно было чуждо Пестелямъ и Рылѣевымъ.

За послѣднее время довольно многое сдѣлано, чтобы познакомить русскую публику съ этими забытыми предшественниками людей тридцатыхъ годовъ *). Филіація эстетическихъ и философскихъ идей двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ можетъ считаться въ значительной степени выясненной. Но до сихъ поръ не было сдѣлано попытки показать, что и историческія идеи тридцатыхъ годовъ находятся въ тѣсной и неразрывной связи съ тѣмъ же самымъ міровоззрѣніемъ, изъ котораго вытекли новая эстетика и новая философія.

Имя новаго міровоззрѣнія, проникшаго въ Россію въ александровскую эпоху, вошедшаго въ моду со второй половины двадцатыхъ годовъ и безраздѣльно господствовавшаго надъ умами, философски настроенными, до второй половины тридцатыхъ годовъ, есть *шеллингизмъ*. Ученіе Шеллинга было, какъ извѣстно, отраженіемъ въ философіи воззрѣній и чувствъ нѣмецкаго романтизма: и усвоеніе этого ученія у насъ было однимъ изъ частныхъ случаевъ того общаго вліянія романтизма, о которомъ говорилось въ началѣ этого отдѣла. Мы познакомимся далѣе съ содержаніемъ новаго философскаго міровоззрѣнія въ его русской обработкѣ; но предварительно необходимо остановиться на самыхъ личностяхъ проповѣдниковъ шеллингизма и отмѣтить главные моменты въ усвоеніи этого ученія русской интеллигенціей.

Начало направленія, такъ пышно разросшагося впослѣдствіи въ Москвѣ и принесшаго здѣсь такіе обильные плоды, было положено въ Петербургѣ, въ первые годы XIX столѣтія. Первымъ провозвѣстникомъ шеллингизма въ Россіи долженъ считаться профессоръ Медико-Хирургической академіи Дан. Мих. Велланскій **).

Изъ своей заграничной командировки (1802) Велланскій привезъ въ Россію натурфилософію Шеллинга и Окена, заимствованную изъ самаго источ-

---

*) Назову новое изданіе *Очерковъ гоголевскаго періода русской литературы*, печатавшихся въ *Современникѣ*, и статей А. М. Скабичевскаго, напечатанныхъ впервые въ *Отечественныхъ Запискахъ* (*Очерки умственнаго развитія нашего общества*) и теперь повторенныхъ въ дополненномъ видѣ въ его сочиненіяхъ (подъ заглавіемъ: *Сорокъ лѣтъ критики*). Кромѣ того, см. *Колюпанова*: „Біографія А. И. Кошелева", т. I. М., 1889 г. *Барсукова*: „Жизнь и труды М. П. Погодина", первые три тома. *М. М. Филиппова*: „Судьбы русской философіи", статьи въ *Русскомъ Богатствѣ*, 1894 г., кн. 1, 3, 4, 8, 9. *А. Н. Пыпина*: „Исторія русской этнографіи", т. I, и *его же*: „Характеристики литературныхъ мнѣній 1820—1850 гг.", изд. 2-е.

**) Ср. его собственное заявленіе въ извѣстномъ письмѣ къ кн. Одоевскому (*Русск. Арх.* 1864 г., стр. 994): „За двадцать лѣтъ передъ симъ (1805) я первый возвѣстилъ россійской публикѣ о новыхъ познаніяхъ естественнаго міра, основанныхъ на ѳеософическомъ понятіи, которое хотя началось у Платона, но образовалось и созрѣло въ Шеллингѣ".

ика. Вскорѣ по возвращеніи онъ выступилъ (1805) съ двумя небольшими очиненіями, въ которыхъ развивалъ основныя мысли новой системы: диссертаціей на латинскомъ языкѣ (*De reformatione theoriae medicae et physicae, auspicio philosophiae naturalis ineunte*) и русскою брошюрой (*Пролюзія къ медицинѣ, какъ основательной наукѣ*). По признанію самого автора, ба произведенія прошли почти незамѣченными. Причину этого совершенно равильно указываетъ самъ Велланскій, когда замѣчаетъ, что «наша публика (александровской эпохи) въ образованіи своемъ слѣдуетъ преимущественно французской, и весьма трудно познакомить оную съ высокимъ ломъ натуральной философіи». Эта трудность, однако, не остановила елланскаго, и въ 1812 году онъ издалъ уже цѣлый трактатъ, весьма остоятельный (454 стр.), подъ характернымъ заглавіемъ: *Біологическое изслѣдованіе природы въ творящемъ и творимомъ ея качествѣ, содержащее основныя начертанія всеобщей физіологіи*. Варварскій языкъ этой книги олженъ былъ оттолкнуть обыкновеннаго читателя; но Велланскій и не редназначалъ свое произведеніе для обширнаго круга читателей. «Оно ринадлежитъ одной ученой публикѣ, а простые люди не могутъ быть его итателями»,—заявляетъ онъ въ *Предувѣдомленіи*. За то тѣ немногіе люители, которые имѣли мужество осилить непривычную терминологію, могли айти въ *Біологическомъ изслѣдованіи* то, что вскорѣ сдѣлало шеллинизмъ популярнымъ: основы цѣльнаго философскаго міровоззрѣнія, «абсоютную теорію, посредствомъ которой возможно было бы построить всѣ вленія природы». Послѣднія слова принадлежатъ одному изъ этихъ немногихъ читателей *Біологическаго изслѣдованія*, и, навѣрное, одному изъ амыхъ компетентныхъ, кн. Одоевскому. Вліяніе этой абсолютной теоріи на молодежь кн. Одоевскій сравниваетъ съ современнымъ вліяніемъ соціальныхъ ученій. Быть можетъ, еще лучше было бы сравнить его съ вліяніемъ эволюціонной теоріи: шеллингизмъ, въ сущности, и былъ эволюціонною теоріей въ той фантастической и антинаучной редакціи, какая была возможна и тогдашнемъ состояніи естественныхъ знаній.

Послѣ выхода въ свѣтъ *Біологическаго изслѣдованія* шеллингизмъ начинаетъ привлекать нѣкоторое вниманіе, но не совсѣмъ въ тѣхъ сферахъ, которыя разсчитывалъ Велланскій. Новыми ученіями начинаетъ интересоваться учащаяся молодежь; съ другой стороны, на нихъ обращаетъ вниманіе правительство. Къ провозвѣстникамъ шеллингизма съ каѳедры присоединяется только что вернувшійся изъ-за границы (1813) Галичъ, на этъ разъ уже не натуралистъ, а философъ по спеціальности. Хорошо знакомый съ исторіей философскихъ системъ, Галичъ не былъ такимъ фанатикомъ ученія Шеллинга, какимъ былъ Велланскій; чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе онъ оказывается осторожнымъ эклектикомъ и даже человѣкомъ самостоятельно мыслящимъ. Но въ первые годы своего преподаванія въ Педагогическомъ институтѣ, преобразованномъ въ 1819 году въ Петербургскій университетъ, Галичъ считался, повидимому, шеллингистомъ. Какъ бы то было, интересъ къ шеллингизму настолько возросъ за нѣсколько лѣтъ

послѣ выхода *Біологическаго изслѣдованія*, что Галичъ, издавая въ 1819
второй томъ своей замѣчательной *Исторіи философскихъ системъ*, до-
женъ былъ, по *«требованію* *) многихъ читателей», присоединить къ в
изложеніе системы Шеллинга, хотя это вовсе не входило въ его первон
чальный планъ. Въ изложеніи Галича, простомъ и общедоступномъ, русс
читатели впервые познакомились съ системой, или, точнѣе, съ одной из
системъ, философіи Шеллинга въ полномъ объемѣ. Здѣсь же, кажется, был
названы впервые послѣдователи Шеллинга, прилагавшіе его ученіе къ об-
ясненію историческихъ явленій, Астъ и Штутцманъ. Насколько усилило
вниманіе читателей къ философскимъ теоріямъ за эти немногіе годы, вид
изъ того, что выходъ въ свѣтъ книги Галича произвелъ уже нѣкотору
сенсацію въ образованныхъ кругахъ.

Но, съ другой стороны, и правительство обратило вниманіе на нов
философское движеніе среди молодежи. Галичъ былъ лишенъ права пре-
даванія послѣ извѣстной исторіи 1821 года. Въ лекціяхъ Велланскаго, пр
всемъ стараніи, не удалось найти ничего предосудительнаго; не даромъ, п
его собственнымъ словамъ, онъ ограничивался приложеніемъ новыхъ ид
«единственно къ физическимъ предметамъ, не приноравливая оныхъ ни къ
какимъ происшествіямъ въ области духа человѣческаго». Однако, и Велла-
скій, въ виду неблагопріятныхъ обстоятельствъ, предпочелъ умолкнуть **).

Остановить движеніе этими мѣрами, однако, не удалось. Придавленное въ
Петербургскомъ университетѣ, оно продолжало развиваться въ Московском
Проповѣдниками его здѣсь явились молодые профессора, усвоившіе себѣ уче-
ніе Шеллинга независимо отъ Велланскаго и Галича. Первый изъ нихъ п
времени, если не по достоинству—И. И. Давыдовъ—не былъ даже шелли-
гистомъ, а склонялся, наоборотъ, къ эмпирическимъ воззрѣніямъ ***). Въ
философіи онъ оказался такимъ же оппортюнистомъ, какимъ былъ въ жи-
тейскихъ отношеніяхъ; и уже изъ одного того, что Давыдовъ счелъ пу-
нымъ приспособлять свои взгляды, хотя бы наружно, къ философіи Ше-
линга, мы вправѣ заключить, что шеллингизмъ входилъ въ моду. Есте-
ственно, что въ рукахъ убѣжденнаго профессора, преподававшаго тѣ ж
взгляды не только дѣльно и ясно, но горячо и красиво, новыя идеи полу-
чили неотразимую силу. Таковъ былъ М. Г. Павловъ, вернувшійся изъ-за
границы въ 1820 году и тогда же начавшій свои лекціи по различным
отдѣламъ естественной исторіи, по физикѣ и сельскому хозяйству ****). В

---

*) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

**) „До мрачныхъ обстоятельствъ для просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ,—п
шетъ Велланскій кн. Одоевскому,—я не страшился пустыхъ нареканій. Но съ т
времени, какъ обскурантизмъ началъ управлять колесницею русскаго Феба, ужасну
я отъ тучъ, окружившихъ оную, и остаюсь въ бездѣйствіи“.

***) Эмпирическая основа философскихъ воззрѣній Давыдова указана *М. М. С*
липповымъ (*Русское Богатство* 1894 г., № 8).

****) И. И. Давыдовъ началъ свое преподаваніе въ университетскомъ пансіон
1815 году, тотчасъ послѣ защиты докторской диссертаціи *О преобразованіи въ*
укахъ, произведенномъ Бакономъ. Въ университетѣ его лекціи начались въ 1817

этихъ лекціяхъ слушатели не знали, чему отдать предпочтеніе: логичности мысли или живости изложенія; то и другое приковывало вниманіе студентовъ и возбуждало въ нихъ интересъ, если не къ спеціальной наукѣ, читавшейся Павловымъ, то къ тому міровоззрѣнію, съ помощью котораго онъ умѣлъ дѣлать эту науку интересной.

Плоды преподаванія Павлова и Давыдова не замедлили сказаться и въ университетѣ, и еще болѣе въ соединенномъ съ университетомъ благородномъ пансіонѣ. По свидѣтельству Погодина, «Давыдовъ, инспекторъ пансіона, былъ проводникомъ шеллинговой философіи въ старшихъ классахъ: онъ давалъ книги воспитанникамъ, толковалъ съ ними о новой системѣ и имѣлъ сильное вліяніе на̀ это поколѣніе» *). Разъ въ двѣ недѣли Давыдовъ устраивалъ въ пансіонѣ литературныя собранія воспитанниковъ; на этихъ собраніяхъ читались ихъ произведенія въ прозѣ и стихахъ. Съ помощью пансіонскихъ учителей изъ собраній этихъ выросло въ 1823 году неоффиціальное литературное общество, извѣстное подъ именемъ Раичевскаго (по фамиліи одного изъ учителей, литератора и переводчика Раича). Въ составъ общества вошло много учениковъ Раича и воспитанниковъ пансіона **). Но наиболѣе увлеченныхъ новыми философскими идеями общество Раича не удовлетворяло. Скоро они выдѣлились и образовали особое «общество любомудрія», съ особымъ уставомъ и протоколами. Общество это просуществовало до 14 декабря 1825 года, когда оно было закрыто самими участниками, а бумаги его торжественно сожжены. Взаимная связь между членами, впрочемъ, не порвалась съ закрытіемъ общества и сохранилась на всю жизнь. Этотъ-то молодой кружокъ учениковъ Давыдова и Павлова занялся дальнѣйшею усердною пропагандой шеллингизма.

Каждую недѣлю по субботамъ пріятели собирались въ Газетномъ переулкѣ, въ квартиркѣ князя В. Ѳ. Одоевскаго, которой хозяинъ съумѣлъ придать видъ кабинета Фауста. Въ двухъ комнаткахъ, заваленныхъ фоліантами и квартантами, ретортами и колбами,—вплоть до человѣческаго скелета въ углу съ горделивою надписью: sapere aude,—велись далеко за полночь нескончаемые споры о философіи и религіи. Одоевскій предсѣдательствовалъ; главнымъ ораторомъ кружка былъ восемнадцатилѣтній Д. Веневитиновъ; А. И. Кошелевъ былъ его постояннымъ и горячимъ оппонентомъ. Оба послѣдніе не принадлежали къ числу учениковъ благороднаго пансіона. Получивъ домашнее образованіе, очень солидное, они посѣщали университетскія лекціи и сошлись съ Одоевскимъ на увлеченіи проф. Павловымъ. Окончательно сблизила ихъ совмѣстная служба въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи, къ которому въ то время прикомандировывалась родовитая московская молодежь для избѣжанія военной службы и для начала дипломатической карьеры. Вмѣсто архивныхъ занятій, «архивные юноши» раз-

---

*) *Въ память о кн. В. Ѳ. Одоевскомъ.* Засѣданіе общ. люб. русск. сл. М., 1869 г., стр. 47.

**) *Біографія А. И. Кошелева,* I, кн. II, стр. 61—72.

влекались въ служебные часы литературой, а затѣмъ перешли къ фило-
фіи. Кромѣ названныхъ, къ этому кружку присоединились братья Кирѣ-
скіе, поступившіе въ архивъ въ 1823 г., при самомъ образованіи кру-
и другъ Пушкина, Соболевскій, переѣхавшій изъ Петербурга на служб-
московскій архивъ. Въ кружкѣ онъ пользовался репутаціей и привилегі-
остряка. Далѣе въ томъ же 1823 году присоединился, повидимому,
кружку будущій декабристъ Кюхельбекеръ, лицейскій товарищъ Пушкин-
занявшій въ Москвѣ мѣсто учителя въ благородномъ пансіонѣ. Старый т-
варищъ Одоевскаго по пансіону, Шевыревъ, также съ самаго начала сч-
тался членомъ кружка московскихъ «любомудровъ», хотя никогда не бы-
въ дружескихъ отношеніяхъ съ другими членами, а скоро отдалился от-
нихъ и по направленію. Наконецъ, Одоевскій ввелъ въ свой кружокъ е-
одного поклонника Павлова и Давыдова, малоросса Максимовича, только ч-
окончившаго курсъ на физико-математическомъ факультетѣ (1823 г.). Въ св-
ихъ *Основаніяхъ зоологіи* (1824 г.) и въ поданномъ Павлову разсужде-
О системахъ растительнаго царства Максимовичъ прилагалъ къ біоло-
ческимъ наукамъ новые натурфилософскіе взгляды и этимъ пріобрѣлъ се-
право на вниманіе кружка. Черезъ нѣсколько лѣтъ и Максимовичъ устр-
ился учителемъ въ благородномъ пансіонѣ.

Особою литературною продуктивностью московскіе «любомудры» не от-
личались. Въ большинствѣ это были люди обезпеченные, не принужденн-
думать ни о литературномъ заработкѣ, ни объ ученой карьерѣ. На умствен-
ную дѣятельность они смотрѣли не какъ на тяжелый трудъ, а какъ н-
благородное развлеченіе. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ И. Кирѣевскій, мечта-
о журнальной и литературной дѣятельности, какъ о серьезномъ обществен-
номъ подвигѣ; но почти всѣ могли бы охарактеризовать свое времяпрепровож-
деніе словами того же Кирѣевскаго: «Прожектовъ много, а лѣни еще боль-
ше. Не знаю, отчего мнѣ даже некогда и читать то, что хочется; а некогда,
да, вѣроятно, отъ того, что я ничего не дѣлаю» *).

Вотъ почему, въ то время, какъ друзья только философствовали о томъ,
что журналъ долженъ быть проявленіемъ высшаго народнаго самопознанія,
что онъ долженъ взглянуть на всевозможныя явленія жизни, науки и ис-
кусства съ точки зрѣнія единой философской системы, что онъ долженъ
реформировать нравственность и вернуть уваженіе къ правдѣ, религіи и
закону,—въ это самое время настоящій общественный дѣятель по призва-
нію и чернорабочій въ литературѣ, Полевой, съ одобренія того же кружка,
началъ издавать свой знаменитый *Телеграфъ*. Первыя же журнальныя пере-
бранки оттолкнули друзей отъ Полевого. «Я и мои товарищи, — шутли-
замѣчалъ впослѣдствіи по этому поводу Одоевскій,—были въ совершенном-
заблужденіи: мы воображали себя на тонкихъ философскихъ диспутахъ пор-
тика или академіи, или, по крайней мѣрѣ, въ гостиной, въ самомъ же дѣл-
мы были въ райкѣ. Вокругъ пахнетъ саломъ и дегтемъ, говорятъ о цѣнахъ

*) *Біографія А. И. Кошелева*, I, кн. II, стр. 19.

на севрюгу, бранятся, поглаживаютъ нечистую бороду и засучиваютъ рукава, а мы выдумываемъ вѣжливыя насмѣшки, остроумныя намеки, діалектическія тонкости, ищемъ въ Гомерѣ или Виргиліи самую жестокую эпиграмму противъ враговъ, боимся расшевелить ихъ деликатность» *).

Эти слова лучше всего помогутъ намъ понять причины неудачи собственныхъ литературныхъ предпріятій московскихъ «любомудровъ». Издавать журналъ они такъ и не собрались, но въ 1824—1825 гг. Одоевскій вмѣстѣ съ Кюхельбекеромъ съ большими промедленіями издали четыре небольшихъ книжки альманаха *Мнемозина.* По заявленію самихъ издателей, «главнѣйшая цѣль изданія была—распространить нѣсколько новыхъ мыслей, блеснувшихъ изъ Германіи; обратить вниманіе русскихъ читателей на предметы, въ Россіи мало извѣстные; по крайней мѣрѣ, заставить говорить о нихъ; положить предѣлы нашему пристрастію къ французскимъ теор(ет)икамъ». Съ тѣхъ поръ, какъ Велланскій задавался тою же цѣлью, обстоятельства, какъ мы знаемъ, измѣнились въ благопріятномъ смыслѣ для успѣха новыхъ идей. *Мнемозина* могла разсчитывать на большее вниманіе публики также и потому, что выступала подъ флагомъ не исключительно философскимъ, а также и литературнымъ. Кюхельбекеръ впервые показалъ русской публикѣ въ *Мнемозинѣ*, что̀ такое настоящій романтизмъ и какъ онъ отличается отъ той поэзіи тоски и унынія, луны и тумана, которая слыла у насъ за романтизмъ съ легкой руки Жуковскаго **). Князь Одоевскій, помимо шеллингистскихъ идей, выступилъ также и какъ беллетристъ-романтикъ: правда, первыя его произведенія еще не обнаруживали въ немъ удачнаго подражателя Гофмана ***) и блестящаго автора *Русскихъ ночей.*

Но, при всѣхъ этихъ благопріятныхъ условіяхъ, тонъ былъ взятъ въ *Мнемозинѣ* слишкомъ высоко и интересы публики слишкомъ мало принимались во вниманіе. Издатели объясняли свою неудачу тѣмъ, что *Мнемозина*, «объявивъ войну почти всѣмъ русскимъ журналамъ, почти всѣмъ старымъ предразсудкамъ, необходимо должна была навлечь на себя негодованіе» и «испытать всю силу журнальнаго мщенія». Но справедливость требуетъ сказать, что *Мнемозина* пала жертвой не столько журнальной злобы, сколько равнодушія читателей. Достаточно сказать, что изданіе имѣло только 157 подписчиковъ, въ то время, какъ *Полярная Звѣзда* Рылѣева разошлась въ три недѣли въ 1,500 экземплярахъ, а *Телеграфъ* Полевого обезпечилъ себѣ прочное существованіе. Журнальная же полемика, какъ справедливо замѣтили сами издатели, была для альманаха даже своего рода литературнымъ успѣхомъ. «*Мнемозина* заставила толковать о Шеллингѣ и Окенѣ, хотя и навыворотъ,—заставила журналистовъ говорить о нѣмецкихъ мыслителяхъ такъ, что иногда подумаешь, будто бы наши

*) *Одоевскій:* „Сочиненія", II, стр. 7 (слова одного изъ героевъ Одоевскаго отнесенныя уже г. Сумцовымъ къ самому автору).

**) *Мнемозина*, II, 34—40.

***) Объ отношеніи Одоевскаго къ Гофману см. *Н. Ѳ. Сумцова:* „Кн. В. Ѳ. Одоевскій". Харьковъ, 1884 г., стр. 24—26.

критики въ самомъ дѣлѣ ихъ читали» *). Если не въ большой публикѣ, то въ тѣсныхъ кружкахъ молодежи *Мнемозина*, несомнѣнно, не только поддержала, но и продолжала распространять интересъ къ шеллингизму, возбужденный лекціями петербургскихъ и московскихъ профессоровъ.

Во всякомъ случаѣ, литературная дѣятельность кружка «любомудровъ» 1823—25 годовъ и ограничилась изданіемъ *Мнемозины*. Въ 1826 г., съ переѣздомъ Одоевскаго, Веневитинова и Кошелева въ Петербургъ, собранія кружка прекратились. На нѣсколько лѣтъ выразителемъ мнѣній кружка въ Москвѣ становится съ этихъ поръ Погодинъ.

Погодинъ былъ на нѣсколько лѣтъ старше другихъ членовъ московскаго кружка, и это обстоятельство, вмѣстѣ съ природнымъ складомъ его ума, опредѣлило его отношеніе къ новымъ идеямъ **). Раньше мы видѣли, что онъ уже не успѣлъ подвергнуться въ университетѣ вліянію критическихъ идей Каченовскаго. Точно также онъ остался внѣ вліянія университетскихъ лекцій Павлова и Давыдова. Онъ кончилъ университетъ въ 1821 году, т.-е. какъ разъ въ то время, когда возобладали тамъ оба направленія, философское и критическое; уже выпускъ слѣдующаго 1822 года кончилъ университетъ подъ двойнымъ вліяніемъ тѣхъ и другихъ воззрѣній. Во времена же Погодина всеобщая и русская исторія не производила никакого впечатлѣнія на студентовъ въ рукахъ проф. Черепанова; философіи никто не понималъ у Брянцева, мирившаго разныя метафизическія системы въ идеѣ «спасительной вѣры» и «доброй нравственности». Свѣтиломъ, хотя и заходящимъ, былъ на философскомъ факультетѣ Мерзляковъ, краснорѣчивый защитникъ отжившихъ литературныхъ теорій. Выросшій на сантиментально-патріотическихъ впечатлѣніяхъ «Марьиной рощи» и *Русскаго Вѣстника* Глинки, Погодинъ увлекался уже сердцемъ въ романтизмъ, но подчинился обаянію мерзляковскихъ лекцій. Нужно прочесть его разсказъ о томъ, какъ передъ биткомъ набитою аудиторіей Мерзляковъ критиковалъ *Шильонскаго узника* и громилъ Байрона за его прегрѣшенія противъ правилъ здраваго вкуса. «Всѣ дрожали, сердца бились, слухъ былъ напряженъ и онъ началъ:

Взгляните на меня: я сѣдъ,
Но не отъ хилости и лѣтъ и т. д.

Что это за лицо разсказываетъ о своемъ положеніи? Какихъ слушателей мы должны представлять? Что за странность разсказывать безъ всякаго вступленія и предупрежденія? Что за выраженіе: тюрьма разрушила?... Вотъ эти молодые поэты! Не спрашивайте у нихъ логики! Они пренебрегаютъ языкомъ» и т. д. Молодое поколѣніе,—прибавляетъ Погодинъ,—слушало съ почтеніемъ разборъ Мерзлякова и соглашалось съ вѣрностью

*) *Мнемозина*, IV, стр. 233. *Сушковъ*: „Одоевскій“, стр. 8.

**) Погодинъ родился въ 1800 г., Одоевскій—въ 1803 г., Максимовичъ, Надеждинъ, Хомяковъ—въ 1804 г., Д. Веневитиновъ—въ 1805 г., И. Кирѣевскій, Кошелевъ и Шевыревъ—въ 1806 г., П. Кирѣевскій—въ 1808 г.

многихъ его замѣчаній, но, все-таки, было въ восторгѣ отъ байроновой поэмы и даже начало украдкой отъ Мерзлякова восхищаться *Русланомъ и Людмилой* Пушкина *). На лекціяхъ словесности И. И. Давыдова молодежь могла найти и теоретическое оправданіе своихъ симпатій. Здѣсь классицизмъ и романтизмъ уже изображались, какъ двѣ различныя ступени развитія искусства и поэзіи,—какъ равноправныя выраженія двухъ различныхъ міровоззрѣній, античнаго и средневѣковаго, языческаго и христіанскаго. Это шлегелевское пониманіе романтизма, какъ поэзіи христіанскаго міра, и противуположеніе его классицизму, какъ поэзіи природы и чувственности, остается съ тѣхъ поръ прочнымъ пріобрѣтеніемъ въ нашей литературѣ: ученики Давыдова, вслѣдъ за нѣмецкими романтиками, видятъ въ примиреніи обоихъ міровоззрѣній задачу будущаго.

Естественно, что младшіе товарищи Погодина, какъ, наприм., Максимовичъ, тоже сперва «плѣнявшійся обаятельнымъ краснорѣчіемъ Мерзлякова», скоро перешли окончательно на сторону Давыдова. Мы видѣли, что Максимовичъ сдѣлался даже шеллингистомъ. Не избѣгъ этого вліянія и Погодинъ, несмотря на совершенно нефилософскій складъ своего ума. Съ своею архаическою закваской, данной воспитаніемъ и университетомъ, Погодинъ былъ застигнутъ врасплохъ новыми философскими идеями. Собственное философское образованіе его ограничивалось книгой Галича, которую онъ съ трудомъ одолѣлъ при помощи своего талантливаго пріятеля Кубарева. Но судьба, какъ нарочно, постоянно сталкивала его съ московскими шеллингистами. Окончивъ университетъ, онъ приглашенъ былъ Давыдовымъ въ учителя благороднаго пансіона (1821 г). Черезъ два года въ обществѣ Раича онъ еще ближе сошелся съ кружкомъ пансіонскихъ друзей, а черезъ нихъ перезнакомился и съ другими «архивными юношами». Естественно, что всѣ эти знакомства должны были повліять на общіе взгляды Погодина. Правда, онъ началъ свои отношенія къ шеллингизму съ того, что со свойственною ему грубостью чувства заподозрилъ искренность увлеченія, котораго не раздѣлялъ самъ; непонятные для него философскіе споры друзей казались ему простою аффектаціей и рисовкой. Но когда эти споры стали становиться все длиннѣе и горячѣе, когда они вытѣснили, наконецъ, всѣ другіе сюжеты разговора, то и Погодину пришлось прислушаться къ нимъ внимательнѣе. Самолюбіе его жестоко страдало, когда, по своей неподготовленности, онъ принужденъ былъ смолкать и ограничиваться ролью простого слушателя въ оживленной философской бесѣдѣ друзей («о, стыдъ... опять ни слова!» — записываетъ онъ въ дневникѣ 1824 года). И вотъ, поневолѣ Погодинъ принимается «разсуждать». Еще въ 1822 году онъ сомнѣвался, «должно ли разсуждать и стараться объ объясненіи Св. Писанія, или, подобно младенцамъ, принимать безъ объясненія; не лучше ли послѣднее?» На вопросъ, «можно ли положиться на разумъ», онъ тогда

*) *Біографическій словарь профессоровъ Московскаго университета*, II, 236. Ср. нападенія Одоевскаго на Мерзлякова въ *Мнемозинѣ*, I, 64.

отвѣчалъ безъ колебаній: «должно подчинять его вѣрѣ». Теперь, въ 1823 году, Погодинъ дѣлаетъ нѣкоторое усиліе разрѣшить философскимъ путемъ свои религіозныя сомнѣнія. «Развернулъ Филарета,—записываетъ Погодинъ въ своемъ дневникѣ,—*Богъ въ природѣ, какъ душа въ тѣлѣ*. Весьма ясное въ себѣ понятіе въ отношеніи къ настоящему моменту человѣка, но послѣ? Опять темно! Человѣкъ умираетъ: какъ же продолжить сходство? Приняться, приняться за шеллингову философію». Изученіе Шеллинга не пошло, однако же, у Погодина дальше «переворачиванія о шеллинговой философіи у Галича», и еще въ 1825 году Погодинъ долженъ былъ сознаться самому себѣ, что «чувствуетъ систему шеллингову, хотя и не понимаетъ ее». Это не мѣшало фантазіи Погодина разыгрываться по поводу Шеллинга: то онъ мечталъ «объ объятіи всей шеллинговой системы» въ эпическую поэму *Моисей* и о посвященіи этой поэмы Шеллингу, то онъ ѣхалъ за границу, просилъ Окена и Шеллинга начертать планъ воспитанія для Россіи, лично бесѣдовалъ съ Шеллингомъ и говорилъ ему: «Я добръ; люблю науку, просвѣтите меня. Возбуждается во мнѣ сильно потребность заниматься философіей». Философіей Погодинъ такъ и не занялся; но раньше другихъ русскихъ шеллингистовъ онъ попытался приложить общія начала ученія Шеллинга къ объясненію исторіи. Первый толчокъ къ въ этомъ случаѣ данъ былъ Давыдовымъ, по указанію котораго Погодинъ перевелъ *Введеніе къ исторіи* Аста, послѣдователя Шеллинга. Послѣ того Погодинъ все чаще останавливается на историческихъ примѣненіяхъ шеллингизма. «Природа есть незрѣлый разумъ,—говоритъ Шеллингъ,—всѣ творенія образуютъ цѣпь, изъ коихъ въ каждомъ слѣдующемъ повторяются всѣ предъидущія и вмѣстѣ является новая степень. Человѣкъ есть вѣнецъ всего творенія: въ немъ отразилась вся природа. *Это прекрасно можно примѣнить къ исторіи*. Событія должны составлять такую же цѣпь: въ каждомъ слѣдующемъ повторяются всѣ предъидущія. Вотъ точка, съ которой надо смотрѣть на исторію». И Погодинъ замышляетъ написать *Взглядъ на исторію человѣческаго рода* и посвятить его Шеллингу. Нѣсколько лѣтъ эта идея не покидала Погодина. Въ дневникѣ 1823—26 годовъ мы постоянно встрѣчаемся съ мыслями, навѣянными «новою философіей», и желаніемъ приложить ее къ объясненію историческихъ явленій. Ничего цѣльнаго изъ этихъ мыслей не вышло, но Погодинъ утилизировалъ ихъ и въ этомъ отрывочномъ видѣ, воспользовавшись литературною формой «афоризмовъ», введенной уже въ употребленіе кн. Одоевскимъ въ *Мнемозинѣ*. *Историческіе афоризмы* Погодина были опубликованы даже два раза: въ *Московскомъ Вѣстникѣ* и вторично въ отдѣльной книжкѣ, изданной въ 1834 году. Ниже мы познакомимся съ ихъ содержаніемъ; теперь замѣтимъ только, что всѣ существенныя идеи «афоризмовъ» уже записаны въ дневникѣ Погодина въ указанный промежутокъ 1823 — 26 годовъ, въ періодъ наибольшаго увлеченія шеллингизмомъ *).

---

*) *Барсуковъ*: „Жизнь и труды М. П. Погодина“, т. I, стр. 280, 283, 2[illegible].

Ни по характеру, ни по складу мысли Погодинъ не подходилъ къ кружку московскихъ идеалистовъ двадцатыхъ годовъ, и мы имѣемъ всѣ основанія думать, что уже въ то время личность Погодина не была загадкой для московскихъ «любомудровъ», относившихся къ нему съ оттѣнкомъ покровительства и пренебреженія. Тѣмъ не менѣе, обстоятельства сложились такъ, что пріятели выбрали Погодина въ исполнители своего плана — создать въ Москвѣ литературный органъ новаго направленія. Осенью 1826 года пріѣхалъ въ Москву на коронацію Пушкинъ и быстро сблизился съ «архивными юношами». Рѣшено было издавать журналъ, которому Пушкинъ обѣщалъ свое исключительное участіе. Успѣхъ журнала при этомъ условіи былъ обезпеченъ; оставалось найти редактора. Между тѣмъ, вліятельнѣйшіе члены кружка какъ разъ въ это время переселялись въ Петербургъ и не могли лично руководить журналомъ; къ тому же, всѣ они, по вѣрному замѣчанію Пушкина, были «слишкомъ лѣнивы» для черной журнальной работы и слишкомъ непривычны къ дѣловому веденію предпріятій. Личность Погодина какъ разъ гарантировала кружку требуемыя отъ редактора качества: трудолюбіе и практичность. Въ общемъ направленіи идей Погодинъ могъ считаться ихъ единомышленникомъ, а затѣмъ друзья предоставляли себѣ идейное руководство и полную самостоятельность въ журналѣ, также какъ и довольно высокій гонораръ, который долженъ былъ выплачивать имъ Погодинъ.

На этихъ условіяхъ Погодинъ сдѣлался редакторомъ *Московскаго Вѣстника*. Осуществленіе предпріятія, однако, далеко не соотвѣтствовало замыслу, и нельзя сказать, чтобы виноватъ былъ въ этомъ исключительно одинъ Погодинъ. Друзья относились къ журналу слишкомъ по-барски и ограничивались почти номинальнымъ участіемъ въ его изданіи. Естественнымъ послѣдствіемъ этого было то, что *Московскій Вѣстникъ* принялъ характеръ личнаго органа Погодина: въ научныхъ статьяхъ онъ отражалъ интересъ спеціалиста-историка, въ философскихъ былъ теменъ и скученъ, въ отдѣлѣ критики считался со старыми литературными связями редактора, участвовавшаго въ *Вѣстникѣ Европы* Каченовскаго и въ *Сѣверномъ Архивѣ* Булгарина. Съ такимъ арсеналомъ нельзя было выступать противъ *Телеграфа* Полевого; естественно, что очень скоро *Московскій Вѣстникъ* провалился во мнѣніи читающей публики. Дружескій кружокъ не могъ, разумѣется, не замѣтить неудачи, но вину ея сваливалъ исключительно на Погодина. Чуть ли не всѣ члены кружка поочередно читали Погодину нотаціи и предъявляли ему свои требованія. Отъ него требовали «повеселѣе чего-нибудь», «побольше разнообразія и жизни», болѣе рѣзкой и остроумной критики, меньше сухости и болѣе «одушевленія» въ серьезныхъ статьяхъ,—словомъ, всего того, чѣмъ въ такомъ изобиліи обладалъ Полевой, но чего совер-

---

298; т. II, стр. 16—17 (ср. съ письмомъ Рожалина, т. I, стр. 234). Ср. собственное заявленіе Погодина о вліяніи шеллингизма на содержаніе афоризмовъ, ibid., т. II, стр. 96.

шенно не хватало Погодину. Естественно, что и Погодинъ, съ своей стороны, былъ страшно раздраженъ. Журналъ, впрочемъ, только вызвалъ наружу все, что и раньше отдѣляло Погодина отъ другихъ членовъ дружескаго кружка. Мы уже говорили, что въ средѣ «архивныхъ юношей» Погодинъ чувствовалъ себя далеко не свободно, сознавая, что то скромное мѣсто, которое отводили ему товарищи, совсѣмъ не соотвѣтствовало его гордымъ видамъ на будущее. Въ своихъ мечтахъ онъ давно былъ великимъ писателемъ, не хуже Шиллера, а въ дѣйствительности ничто не давало ему права на признаніе его талантовъ даже со стороны ближайшихъ друзей. «Я сдѣлалъ много, много,—записываетъ онъ въ дневникѣ;—только бы кончить мнѣ изданіе журнала черезъ годъ, а тамъ примусь за дѣла важныя и покажу вамъ себя. Вы узнаете, кто съ вами кланялся и молчалъ». «Я выше васъ всѣхъ»; «я вою съ волками»; «о, если бы написать мнѣ Мароу Посадницу! Съ какимъ торжествомъ взглянулъ бы я тогда на этихъ величавыхъ героевъ, которые смотрятъ теперь на меня съ презрѣніемъ, какъ я въ уголкѣ, въ молчаніи, слушаю ихъ рѣшительныя выходки и долженъ бываю уступать имъ». Словомъ, вся обида плебея на «барскія милости», все, что накипѣло въ душѣ Погодина за долгіе годы учительства въ сіятельномъ домѣ князей Трубецкихъ, за долгіе вечера унизительнаго молчанія въ кругу пріятелей, обладавшихъ всѣми преимуществами хорошаго рожденія,—все это просилось теперь наружу при первомъ сознаніи пріобрѣтенной репутаціи и начинающейся популярности; и все это не могло не привести къ рѣшительному разрыву.

Въ январѣ 1828 года Погодинъ былъ въ Петербургѣ, и Булгаринъ угощалъ его обѣдомъ, а въ первой книжкѣ *Московскаго Вѣстника* Шевыревъ, навязанный друзьями въ соредакторы Погодину, выбранилъ Булгарина. Булгаринъ напечаталъ отвѣтъ, въ которомъ выдѣлилъ Погодина отъ его «пріятелей». Одоевскій писалъ по этому поводу Шевыреву: «Надо же когда-нибудь вывести молодца на свѣжую воду». Но Погодинъ, повидимому, оставался въ увѣренности, что это не удалось. «Написалъ очень тонкій отзывъ Булгарину,—заноситъ онъ въ свой дневникъ,—очень, очень доволенъ имъ. Шевыревъ защищенъ благородно, *я опять въ сторонѣ, безъ нарушенія приличій*» *). Однако, отвѣтъ Погодина не удовлетворилъ ни Шевырева, ни, тѣмъ болѣе, петербургскихъ членовъ кружка. Раньше, чѣмъ Шевыревъ уѣхалъ за границу (начало 1829 года), дѣло расклеилось и одинъ изъ пріятелей могъ уже въ ноябрѣ 1828 года писать Погодину: «Бывшій *Вѣстникъ* нашъ, а будущій—твой». Покинутый друзьями, Погодинъ протянулъ еще два года изданіе журнала, принесшее ему денежные барыши, но, вслѣдствіе помѣщенія критики Арцыбашева, испортившее на нѣкоторое время ученую карьеру Погодина. Въ этомъ положеніи Погодину оставалось только послѣдовать совѣту одного изъ прежнихъ друзей, Тито-

---

*) Именно, Погодинъ отвѣчалъ, что „статья была бы напечатана и при мнѣ, хотя, разумѣется, я приложилъ бы къ ней свои примѣчанія“.

ва: «Заглохни на время, *Вѣстникомъ* истопи печку. Твоя надежда должна быть собраніе матеріаловъ, приготовленіе. Здѣсь (въ Петербургѣ и академіи, куда стремился проникнуть Погодинъ) вовсе нѣтъ тебѣ надежды, какъ я вижу... Лучше трудиться про себя и выступить черезъ два года на ученое поприще съ вѣрой, надеждой на успѣхъ». Какъ мы знаемъ, Погодинъ послѣдовалъ благоразумному совѣту, оставилъ журнальное поприще, бросилъ мечты о литературной славѣ и борьбой противъ критическихъ ересей Каченовскаго и «скептической школы» нашелъ способъ загладить впечатлѣніе дерзкой попытки—затронуть лавры исторіографа. Обращеніемъ въ «историческое православіе», какъ мы видѣли, Погодинъ вполнѣ реабилитировалъ себя во мнѣніи начальства. Какъ отразилось это обращеніе на шеллингизмѣ Погодина, мы скоро узнаемъ.

Съ прекращеніемъ *Московскаго Вѣстника* начинается новый періодъ въ исторіи русскаго шеллингизма. На смѣну или на подкрѣпленіе идеалистамъ двадцатыхъ годовъ являются идеалисты слѣдующаго десятилѣтія, кончившіе университетскій курсъ въ промежутокъ 1832—36 годовъ. Вмѣстѣ съ ихъ выступленіемъ на литературную и общественную арену заканчивается подготовительный періодъ, начавшійся съ Велланскаго. Оставаясь пока въ предѣлахъ этого періода, мы должны упомянуть еще о нѣсколькихъ представителяхъ того движенія идей, исторіей котораго мы теперь заняты. Я говорю о Надеждинѣ, Полевомъ и Хомяковѣ. Всѣ трое, по обстоятельствамъ личной жизни, примкнули къ изложенному выше университетскому и кружковому движенію со стороны и опоздали принять ближайшее участіе въ выработкѣ основныхъ идей новаго міровоззрѣнія. Но въ дальнѣйшемъ развитіи этихъ идей, а также и въ ихъ широкомъ распространеніи всѣмъ имъ принадлежитъ слишкомъ видная роль, чтобы мы могли умолчать о нихъ въ нашемъ перечнѣ.

Степень вліянія Надеждина за послѣднее время обсуждалась съ прямо противуположныхъ точекъ зрѣнія. Мнѣнію, по которому Надеждинъ считался главнымъ предшественникомъ новыхъ взглядовъ, столь же рѣшительно противупоставлено было утвержденіе, сводившее роль Надеждина къ самымъ ничтожнымъ размѣрамъ *). Причины такого разногласія, также какъ и средство найти правильное рѣшеніе между двумя крайностями, заключается, какъ намъ кажется, въ только что сдѣланномъ наблюденіи. Семинаристъ и воспитанникъ духовной академіи, Надеждинъ пришелъ со стороны и былъ чужимъ въ университетскомъ мірѣ. Въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ была своя традиція философскаго преподаванія, болѣе давняя и менѣе зависимая отъ смѣны иностранныхъ вліяній, чѣмъ въ университетѣ **). Философскія идеи нѣмецкаго идеализма не были для Надеждина новинкой и не могли про-

---

*) *С. Трубачевъ:* „Н. И. Надеждинъ, предшественникъ и учитель Бѣлинскаго" въ *Историческомъ Вѣстникѣ* 1889 г., №№ 8 и 9. *М. М. Филиппов, Русское Богатство* 1894 г., № 9.

**) См. о преподаваніи философіи въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ *Колюпанова:* „Біографія А. И. Кошелева", т. I, стр. 410—435.

извести на него такого «оглушающаго впечатлѣнія», какое онѣ производили на студентовъ университета. Съ другой стороны, семинарскій классицизмъ заранѣе настроилъ Надеждина въ пользу литературнаго классицизма и противъ многочисленныхъ враговъ этого классицизма въ молодомъ поколѣніи. По словамъ самого Надеждина, эта серьезная подготовка духовной школы помѣшала ему потеряться «въ высшихъ взглядахъ, въ новыхъ романтическихъ мечтаніяхъ, которыя были à l'ordre du jour». За то она же лишила Надеждина возможности оріентироваться въ общественныхъ теченіяхъ того общества, въ которое онъ явился гостемъ въ 1824 году, выйдя изъ духовнаго званія. Прошколенный семинаристъ и академикъ принялъ сторону ученаго Каченовскаго противъ самоучки Полевого. Надеждинъ сталъ постояннымъ сотрудникомъ *Вѣстника Европы,* репутація котораго принадлежала прошлому, и громилъ здѣсь идеи, которымъ принадлежало будущее. Такимъ образомъ, Надеждинъ сдѣлался жертвой своего воспитанія, а когда его умъ и талантливость вывели его изъ лагеря, выбраннаго случайно, было уже поздно. Въ моментъ появленія Надеждина въ университетѣ (1830 г.) новыя идеи имѣли уже длинную исторію и почти не нуждались въ новомъ защитникѣ, даже такомъ, какъ Надеждинъ. Прошло еще нѣсколько лѣтъ, и учитель, опоздавшій явиться, окончательно былъ оставленъ позади молодымъ поколѣніемъ. Пока дѣйствительный генезисъ идей этого поколѣнія оставался невыясненнымъ, можно было считать Надеждина его «предшественникомъ и учителемъ»; но теперь, когда мы знаемъ настоящихъ предшественниковъ, пора признать, что идеи Надеждина уже не были новостью къ концу двадцатыхъ годовъ. Признать это можно и должно, нисколько не отрицая ни талантливости, ни ума и учености Надеждина.

Полевой представляетъ собой полную противуположность Надеждину, но, явившись тоже со стороны и тоже поздно, онъ дѣлитъ съ Надеждинымъ одинаковую участь. Надеждинъ явился въ Москву, вооруженный лучше большинства своихъ противниковъ; Полевой пріѣхалъ совершеннымъ невѣждой. Съ высоты своей школьной подготовки Надеждинъ осуждалъ новыя вѣянія, сторонился отъ нихъ и думалъ заставить общество принять свои собственные взгляды. Полевой, напротивъ, послушно отдался теченію, воспринималъ новыя идеи, гдѣ могъ и какъ могъ, все чужое превращалъ въ свое и, созданный московскимъ обществомъ, возвращалъ ему его же идеи, подхваченныя въ воздухѣ. У Каченовскаго, у Погодина, у московскихъ философовъ Полевой бралъ уроки новыхъ идей; ему покровительствовали вначалѣ, потомъ начинали остерегаться его переимчивости, потомъ съ нимъ разрывали и показывали ему презрѣніе, когда чужія идеи онъ развивалъ печатно искуснѣе, чѣмъ это могли бы сдѣлать сами авторы. Большая публика, не знавшая личной исторіи журналиста, съ лихвой воздавала ему то, въ чемъ ему отказывало интеллигентное московское общество. Вотъ почему Полевой такъ важенъ въ исторіи просвѣщенія и такъ незначителенъ въ исторіи идей, провозвѣстникомъ которыхъ онъ явился.

Мы не упоминали также Хомякова, которому принадлежитъ ка

крупная роль въ дальнѣйшемъ развитіи философскихъ идей на религіозной почвѣ. Основанія нашего умолчанія тѣ же, что относительно Надеждина и Полевого: Хомяковъ не принимаетъ непосредственнаго участія въ теоретической разработкѣ идей двадцатыхъ годовъ. Но на этотъ разъ мы имѣемъ дѣло съ причиной совершенно случайной. Почти навѣрное, у Хомякова уже въ двадцатыхъ годахъ складывалось свое особенное міровоззрѣніе. Но въ началѣ двадцатыхъ годовъ онъ служилъ въ гвардіи и бѣсилъ петербургскихъ революціонеровъ непонятнымъ для нихъ образомъ мыслей; въ серединѣ двадцатыхъ годовъ онъ путешествовалъ за границей, а въ концѣ—освобождалъ славянъ и Грецію и вернулся въ Москву прямо изъ Адріанополя (1829 г.). Какъ разъ въ это время (съ января 1830 г.) отправился изъ Москвы за границу И. Кирѣевскій и пробылъ тамъ до конца года. Такимъ образомъ, не ранѣе 1831 года могло начаться болѣе близкое знакомство двухъ главнѣйшихъ основателей славянофильства.

Наконецъ, мы не можемъ закончить этого очерка внѣшней исторіи шеллингизма, не упомянувъ еще разъ о патріархѣ новаго движенія, Д. М. Велланскомъ. Торжество любимыхъ идей вызвало Велланскаго вновь изъ вынужденнаго бѣдствія на поприще философской пропаганды. Молодежь не забыла своего духовнаго родоначальника. Его (также какъ и Галича) не разъ приглашали читать публичныя лекціи. Эти лекціи побудили Велланскаго еще разъ пересмотрѣть свою систему и ознакомить съ нею публику въ новомъ, исправленномъ видѣ. Результаты этого пересмотра были опубликованы въ двухъ обширныхъ сочиненіяхъ, дополняющихъ другъ друга: *Опытная, наблюдательная и умозрительная физика, излагающая природу въ вещественныхъ видахъ* и т. д. (Спб., 1831 г., 900 стр.) и *Основное начертаніе общей и частной физіологіи или физики органическаго міра* (Спб., 1836 г., 502 стр.). Міровоззрѣніе автора *Біологическаго изслѣдованія* является здѣсь значительно усовершенствованнымъ, хотя всѣ основныя идеи и остаются прежнія. Велланскій гораздо болѣе, чѣмъ прежде, считается съ конкретными фактами; отказывается отъ нѣкоторыхъ рискованныхъ объясненій; пытается связать свои взгляды съ научною классификаціей явленій; наконецъ, обрабатываетъ вновь обширный отдѣлъ, выпущенный имъ въ изслѣдованіи 1812 года: «антропологію» въ широкомъ смыслѣ слова.

При всемъ томъ, *Физика* и *Физіологія* Велланскаго явились на свѣтъ какъ будто нарочно для того, чтобы показать историку русскаго общества, что подготовительный періодъ въ исторіи русскаго шеллингизма окончился. Какъ ни мало было подготовлено общество въ 1812 году къ чтенію *Біологическаго изслѣдованія*, несомнѣнно, что книга Велланскаго произвела свое дѣйствіе. По свидѣтельству Колюпанова, *Біологическое изслѣдованіе* до сихъ поръ можно нерѣдко встрѣтить въ старыхъ помѣщичьихъ усадьбахъ провинціальнаго захолустья; слава этой книги еще въ началѣ сороковыхъ годовъ заставляла ломать надъ нею голову гимназистовъ старшихъ клас-

совъ *). *Физика* и *Физіологія* Велланскаго прошли, напротивъ, совершенно безслѣдно. Дѣло было сдѣлано не безъ ихъ помощи. Велланскій опоздалъ съ своею усовершенствованною системой, и не только публика позабыла о ея существованіи, но *Физіологія* Велланскаго осталась неизвѣстной даже для изслѣдователей, писавшихъ въ послѣднее время о Велланскомъ спеціально.

Познакомившись съ главными дѣятелями русскаго шеллингизма двадцатыхъ годовъ, перейдемъ теперь къ характеристикѣ его содержанія.

П. Милюковъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

*) *Колюпановъ*: „Біографія А. И. Кошелева" т. I, 1, стр. 445.

Положеніе статистики среди предметовъ агрономическаго образованія *).

Предметомъ нашихъ занятій будетъ наблюдательное количественное массовое изслѣдованіе человѣческой общественной жизни и въ особенности хозяйственной дѣятельности человѣка. Нашъ предметъ—будетъ ли онъ выдѣляемъ въ особую дисциплину, или остается разсѣяннымъ въ составѣ другихъ предметовъ—является непремѣнною частью агрономическаго образованія. Агрономія не можетъ и не должна быть собраніемъ правилъ для практической хозяйственной дѣятельности. Ремесленное сельско-хозяйственное образованіе не должно быть именуемо агрономическимъ, и названіе агрономическаго образованія прилично только системѣ дѣйствительно научныхъ дисциплинъ, изслѣдующихъ законы явленій. Французскій національный агрономическій институтъ, учрежденіе котораго въ 1876 г. было однимъ изъ признаковъ поворота къ возобновленію самостоятельныхъ агрономическихъ школъ, имѣетъ, согласно первому параграфу устава, своимъ девизомъ «изученіе и преподаваніе *наукъ* въ ихъ отношеніи къ земледѣлію». Нормальная дѣятельность такъ называемыхъ высшихъ (правильнѣе, научныхъ) учебныхъ заведеній немыслима безъ этого ежедневнаго и постоянно прогрессирующаго, тѣсно сплетеннаго изученія и преподаванія наукъ. Всякій изъ насъ слыхалъ латинскую пословицу «docendo discimus» (уча учимся), и всякій преподаватель убѣждался въ ея справедливости; но далеко не такимъ распространеніемъ пользуется обратное предложеніе «discendo docemus» (учась учимъ), между тѣмъ, оно глубоко вѣрно для отношенія преподавателей и студентовъ высшей школы, и, въ то же время, должно бы было распространиться на отношенія высшей школы, къ обществу. Главная задача научной школы—упражненіе въ пріемахъ научнаго изслѣдованія—одинаково является обязанностью для учащихъ и учащихся. Агрономическое образованіе стремится научить пониманію тѣхъ явленій, которыя происхо-

*) Вступительная лекція, прочитанная въ Ново-Александрійскомъ институтѣ сентября 1894 года

дять въ области сельскаго хозяйства, а это пониманіе не прочно безъ личнаго самостоятельнаго упражненія въ научномъ изслѣдованіи.

Разнообразныя науки, изучающія законосообразности во всѣхъ явленіяхъ, относящихся къ сельско-хозяйственной дѣятельности, какъ дѣйствительной, такъ и возможной, носятъ въ совокупности названіе агрономіи. Слово «агрономія» впервые вошло въ употребленіе во Франціи въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Хотя еще Колумела отмѣчалъ полную возможность философскаго ознакомленія съ сельскимъ хозяйствомъ *), но развитіе агрономической науки принадлежитъ почти цѣликомъ XIX вѣку.

Сельское хозяйство есть фактъ общественной жизни; вслѣдствіе этого, обществовѣдѣніе является однимъ изъ двухъ базисовъ агрономической науки. Въ настоящее время едва ли можно спорить противъ равноправности двухъ основъ, на которыя опирается агрономія,—основы физической и соціальной. Естественныя науки, долго заслонявшія собою общественно-научную сторону агрономіи, сослужили и еще сослужатъ неизмѣримо важную службу въ дѣлѣ развитія сельско-хозяйственной науки. Онѣ не только непосредственно питаютъ агрономію своими методами и богатымъ содержаніемъ, но и сами вліяютъ на общественные отдѣлы агрономіи, гдѣ столь плодотворнымъ оказывается наблюдательный методъ, поставленный и совершенствующійся именно въ естествознаніи. Но однимъ естествознаніемъ не исчерпывается содержаніе основъ агрономіи. Прежде сельско-хозяйственная наука отождествлялась съ изученіемъ физическихъ условій существованія сельско-хозяйственныхъ растеній и животныхъ; затѣмъ постепенно сталъ заявлять свои требованія человѣкъ—тотъ субъектъ, который дѣлалъ и дѣлаетъ извѣстныя группы растеній и животныхъ сельско-хозяйственными. Въ своей книгѣ *Наши степи прежде и теперь* **) проф. В. В. Докучаевъ справедливо настаиваетъ на необходимости всесторонняго изслѣдованія непремѣнно во взаимной связи всѣхъ естественныхъ факторовъ хозяйства. Добавимъ, что такое же всестороннее изслѣдованіе и то же изслѣдованіе явленій во взаимной связи должно быть примѣнено къ изученію общественныхъ условій хозяйства и затѣмъ къ изученію соотношенія естественныхъ и общественныхъ условій. Въ той же книгѣ совершенно основательно указывается, что никакая агрономія не поможетъ нашей сельской промышленности, если сами хозяева не пожелаютъ понимать свои права и обязанности по отношенію къ землѣ. Такое же пониманіе правъ и обязанностей необходимо примѣнить къ человѣку, а это примѣненіе невозможно безъ ознакомленія съ общественно-научною стороной агрономіи. Устанавливая въ принципѣ положеніе о равноправности естествовѣдѣнія и обществовѣдѣнія, какъ двухъ основъ агрономіи, мы отнюдь не скрываемъ того, что общественно-научная

---

*) „Sola res rustica, quae sine dubitatione *proxima et quasi consanguinea sapientiae* sit tam discentibus quam magistris eget", т.-е. „одно только сельское хозяйство, которое, безъ сомнѣнія, весьма близко къ философіи и какъ бы единокровно съ ней, чувствуетъ недостатокъ какъ въ учащихся, такъ и учителяхъ".

**) Спб., 1892 г., стр. 121—127.

основа, особенно въ Россіи, еще очень молода и по размѣрамъ своего развитія еще долго не сравняется съ агрономическимъ естествознаніемъ. Напомнимъ, что первая русская диссертація по общественно-научной сторонѣ агрономіи подверглась публичной защитѣ только въ февралѣ 1891 г.; она принадлежитъ перу профессора Ново-Александрійскаго института А. И. Скворцова *).

Нашъ предметъ по содержанію входитъ въ область обществовѣдѣнія, но методъ, которымъ мы будемъ пользоваться при изслѣдованіи общественной жизни человѣка, всецѣло примыкаетъ къ тѣмъ методамъ, которыя употребляются естествовѣдѣніемъ, а именно наблюдательнымъ естествовѣдѣніемъ. Недавно пользовались распространеніемъ такія опредѣленія статистики, которыя придавали бы ей еще новое соприкосновеніе съ естествовѣдѣніемъ по содержанію; въ статистику прямо включалось (А. Вагнеръ) изученіе нѣкоторыхъ сторонъ внѣшней природы; но если даже отказаться (какъ это теперь обыкновенно и дѣлается) отъ такого широкаго толкованія понятія о нашемъ предметѣ, нельзя забывать ни на минуту о тѣснѣйшей связи статистики съ естествознаніемъ. Не даромъ британская ассоціація наукъ съ самаго начала своего существованія отвела одну изъ своихъ шести секцій статистикѣ. У насъ въ Россіи статистика дождалась включенія въ составъ естественно-научныхъ съѣздовъ лишь съ IX съѣзда, происходившаго въ Москвѣ въ январѣ 1894 года. Какъ англійскіе, такъ и французскіе изслѣдователи нерѣдко относятъ статистику къ естественнымъ наукамъ. Спеціальный отдѣлъ нашего предмета, сельско-хозяйственная статистика, въ Парижскомъ національномъ агрономическомъ институтѣ является, подъ названіемъ сельско-хозяйственной географіи, одною изъ четырехъ составныхъ частей курса сравнительнаго земледѣлія; другія составныя части того же курса суть климатологія, геологія и исторія сельскаго хозяйства. Хотя естествознаніе, въ большинствѣ случаевъ, имѣетъ дѣло съ достовѣрными явленіями, а статистика изучаетъ явленія вѣроятныя, но надо помнить, что приблизительность не есть черта, принадлежащая исключительно изученію вѣроятныхъ явленій: и для достовѣрныхъ событій данныя, добытыя путемъ наблюденія, могутъ быть болѣе или менѣе приблизительными.

Прежде чѣмъ обратиться къ разсмотрѣнію той связи, которая замѣчается между статистикой, съ одной стороны, и различными отдѣлами естествознанія — съ другой, отмѣтимъ отношеніе статистики къ двумъ формальнымъ предметамъ научной школы,—предметамъ, которые сдѣлались давно достояніемъ такъ называемаго средняго образованія. Мы говоримъ о логикѣ и математикѣ. Логика, какъ ученіе объ основныхъ формахъ мышленія и познанія, не можетъ быть чужда ни одной области науки. Для статистики, какъ и для всякой другой науки, особенно важенъ тотъ отдѣлъ логики, который именуется «логикою наукъ», который разрабатывался Контомъ, Миллемъ, Джевонсомъ и другими. Въ ежедневной практикѣ обращенія со

* *Вліяніе парового транспорта на сельское хозяйство.* Варшава, 1890 г.

статистическимъ матеріаломъ не слѣдуетъ упускать изъ вида общихъ пріемовъ научной обработки матеріала, а основанія этихъ пріемовъ даются именно логикой. При всякомъ удобномъ случаѣ намъ полезно будетъ позадуматься надъ тѣмъ, что̀ такое законъ, что̀ такое причина, правильность, законосообразность явленія, какими методами изучается причинная зависимость явленій и какіе изъ этихъ методовъ приложимы при статистическомъ изученіи человѣческаго общества. Математика имѣетъ несомнѣнно важное значеніе для статистики, но значеніе это слишкомъ часто преувеличивается. Въ обыденномъ мышленіи понятіе о счисленіи, на которомъ покоится статистика, нерѣдко смѣшивается съ понятіемъ о вычисленіи, а это двѣ рѣзко различныя операціи. Счисленіе—совершенно реальная и синтетическая операція, подобная другимъ количественнымъ операціямъ измѣренія и взвѣшиванія, нашедшимъ себѣ такое обширное примѣненіе въ современномъ естествознаніи. Вычисленіе — аналитическая операція, развивающая лишь необходимыя слѣдствія изъ предположенныхъ понятій о величинахъ. Гаусгоферъ находитъ возможнымъ подчеркнуть рѣзкую противуположность статистики и математики; по мнѣнію его, статистикъ настолько же математикъ, какъ и любой кассиръ, бухгалтеръ или столяръ. Но вспомогательное значеніе математики для статистики не нуждается въ доказательствахъ: статистику ежедневно приходится заниматься подсчетомъ матеріала, и при этомъ подсчетѣ онъ, конечно, бываетъ признателенъ за всевозможныя техническія облегченія, предлагаемыя ариѳметикой. Геометрическія дисциплины представляютъ интересъ для построенія графическихъ изображеній въ статистикѣ, а эти изображенія служатъ для насъ не только пособіемъ для изложенія результатовъ, но иногда и средствомъ открытія новыхъ законосообразностей. Но особенно важную, хотя, все-таки, формальную связь имѣетъ статистика съ тѣмъ отдѣломъ математики, который носитъ названіе теоріи вѣроятностей. Только знакомство съ нѣкоторыми положеніями теоріи вѣроятностей даетъ статистику опору въ самой важной операціи—въ научной обработкѣ матеріала. Но, пользуясь неоцѣненными контрольными услугами математики по отношенію къ изученію общественныхъ явленій, статистикъ ни на минуту не долженъ забывать своеобразной физіономіи этихъ явленій: онъ не можетъ разсматривать ихъ, какъ отвлеченныя величины, и не можетъ надѣяться, чтобы ряды количественныхъ измѣненій въ общественной жизни, хотя бы ясно обнаруживающихъ причинную связь, совершенно совпадали между собою.

Изъ наблюдательныхъ наукъ существуетъ одна, обыкновенно непосредственно не входящая въ курсъ агрономическаго образованія (иногда сближающая съ нимъ при помощи геодезіи), но связанная съ образованіемъ статистическимъ. Мы говоримъ объ астрономіи. Ни въ одной дисциплинѣ такъ тщательно не разработана критика наблюденій, какъ въ астрономіи, ни одна дисциплина не сдѣлала болѣе важныхъ услугъ въ разработкѣ опредѣленія погрѣшностей наблюденія. Едва ли можно считать случайностью то обстоятельство, что одинъ изъ крупнѣйшихъ представителей статистики

Кетлэ былъ астрономомъ. Помимо громаднаго значенія для критики наблюденій астрономія связана съ ними и своею географическою стороной: чтеніе картограммъ облегчается упражненіями въ чтеніи картъ неба и самогс звѣзднаго неба въ его разнообразнѣйшихъ условныхъ комбинаціяхъ созвѣздій. Вѣтвь астрономіи, геодезія, включаемая обыкновенно въ программы агрономическихъ школъ, даетъ нашему предмету одно изъ прочнѣйшихъ основаній; безъ точнаго измѣренія поверхности невозможны никакія редукціи на единицу площади, а эти редукціи представляютъ одно изъ могущественнѣйшихъ орудій сравненія въ статистикѣ не только хозяйственной, но и въ демографической. Много недоразумѣній проистекаетъ отъ непривычки мыслить въ связи съ точнымъ пространственнымъ ограниченіемъ предметовъ нашего мышленія. «У насъ, въ нашей мѣстности, хозяйничаютъ такъ-то»,—слышимъ мы на каждомъ шагу, а попробуйте разузнать, что это такое «наша мѣстность», и вы обыкновенно встрѣтитесь съ непреодолимыми затрудненіями и, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, найдете, что говорящіе не въ состояніи локализовать свое знаніе подобно тому, какъ ребенокъ не въ состояніи локализовать свое ощущеніе боли. Статистикѣ нужны территоріальныя единицы по возможности мелкія, съ точно обозначенными границами и съ точнымъ указаніемъ величины или, по крайней мѣрѣ, съ точнымъ знаніемъ погрѣшностей въ суммарномъ опредѣленіи этой величины. Здѣсь появляется на помощь геодезія съ своими непосредственными и косвенными (планиметрическими) опредѣленіями поверхности. Геодезическое опредѣленіе площади представляетъ для насъ предѣльный идеалъ, и статистикъ не можетъ скрыть своего удовольствія, если замѣчаетъ, что съ теченіемъ времени мы приближаемся къ осуществленію этого идеала. Напримѣръ, площадь Ново-Александрійскаго уѣзда, по планиметрическому опредѣленію генерала Стрѣльбицкаго, составляетъ болѣе 155 тысячъ десятинъ; обслѣдованіе поземельной собственности въ 1877 году дало въ итогѣ только съ небольшимъ 143 тысячи, повтореніе того же обслѣдованія совмѣстно съ регистраціею угодій и культуръ въ 1887 году показало уже слишкомъ 150 тысячъ, наконецъ, регистрація территоріи и населенія, исполненная Варшавскимъ комитетомъ къ 1893 году, дала уже 151 тысячу десятинъ.

Переходя къ естественнымъ наукамъ, вспомнимъ, что не только біологическія науки, но и физика, и химія имѣютъ свои наблюдательные отдѣлы на ряду съ отдѣлами экспериментальными и отдѣлами умозрительными. Аналогія между нашимъ предметомъ и различными частями естествознанія можетъ быть проведена гораздо дальше, чѣмъ это кажется съ перваго взгляда. И въ физикѣ, и въ химіи мы встрѣчаемъ не только наблюдательное изслѣдованіе дѣйствительности вообще, но и количественное наблюденіе въ частности. Счисленіе, измѣреніе и взвѣшиваніе искони считались видными орудіями человѣческой мысли, изслѣдующей природу, какъ о томъ свидѣтельствуютъ и библейскія книги, и произведенія греческой философіи; съ тѣми же счисленіемъ, измѣреніемъ и взвѣшиваніемъ придется имѣть дѣло и намъ, и придется вспоминать о пріемахъ и условіяхъ количествен-

наго анализа въ физикѣ и химіи. Количественный химическій анализъ можетъ быть серьезною школой для количественныхъ соціологическихъ наблюденій. Хотя химическое наблюденіе однопредметно, а статистическое по необходимости множественно, но химическій анализъ пріучаетъ къ точному измѣренію погрѣшностей наблюденій, а это весьма важно въ статистикѣ, которой часто приходится имѣть дѣло съ неизбѣжными погрѣшностями. А тотъ прикладной отдѣлъ физики, который изучаетъ явленія погоды (метеорологія), не можетъ довольствоваться однопредметнымъ наблюденіемъ и подобно нашему предмету требуетъ наблюденій массовыхъ. Зависитъ это отъ того, что метеорологія, также какъ и наблюдательное обществовѣдѣніе (и въ противуположность различнымъ умозрительнымъ отдѣламъ обществовѣдѣнія) имѣетъ дѣло съ явленіями нетипическими, т.-е. съ такими, которыя зависятъ не отъ однѣхъ только постоянныхъ причинъ, но, кромѣ постоянныхъ, также и отъ перемѣнныхъ. Законъ большихъ чиселъ имѣетъ въ метеорологіи такое же значеніе, какъ и въ любомъ отдѣлѣ статистики. Метеорологическая критика наблюденій, далеко менѣе совершенная, чѣмъ астрономическая, тѣснѣе связана съ ними, такъ какъ примѣняется къ наблюденіямъ массовымъ. Помимо близкой связи по методу, метеорологія имѣетъ близкое отношеніе къ статистикѣ и по содержанію. Какъ естественныя явленія человѣческой жизни (рожденіе, смерть), такъ и явленія хозяйственной дѣятельности подчинены вліянію климата, а потому климатологія представляетъ выдающійся интересъ для статистики. Безъ помощи климатологіи намъ трудно было бы давать объясненіе многимъ количественнымъ отношеніямъ, которыя получаются, какъ результатъ регистраціи хозяйственной дѣйствительноси. Къ климатологіи, между прочимъ, придется обратиться для объясненія громадной распашки земель въ Царствѣ Польскомъ (53,2%), превышающей распашку русскаго чернозема, взятаго въ совокупности.

Почвовѣдѣніе весьма важный базисъ всякаго мѣстнаго сельско-хозяйственнаго знанія. Распредѣленіе почвъ связано съ разнообразнѣйшими явленіями хозяйственной жизни. Къ почвенной картѣ приходится намъ прибѣгать, какъ это было, напримѣръ, въ 1891 г., для объясненія причинъ пестроты урожая; изученіе распространенія отдѣльныхъ культуръ, напримѣръ, относительно высокая роль, занимаемая гречихою въ полевой культурѣ Ново-Александрійскаго уѣзда (изъ 84 уѣздовъ Царства Польскаго только два оказываются ржано-овсяно-гречишными), требуетъ знакомства съ отношеніями культурныхъ растеній къ почвамъ. Ново-Александрійскому институту посчастливилось получить первую въ Россіи отдѣльную каѳедру почвовѣдѣнія. Почвовѣдѣніе, подобно климатологіи, можетъ увеличить свое соприкосновеніе съ техническими предметами при помощи статистики. Климатъ и почва должны быть объектами агрономическаго изученія не только съ точки зрѣнія потребностей сельско-хозяйственныхъ растеній, но и съ точки зрѣнія потребностей самого хозяйствующаго человѣка. Жизнь и здоровье хозяйствующаго человѣка, доступныя въ массахъ статистическому наблюде-

ію, находятся въ зависимости отъ особенностей климата и почвы. Здѣсь агрономическія дисциплины подаютъ руку и санитарнымъ дисциплинамъ.

Метеорологія, минералогія, геологія, ботаника, зоологія, антропологія, этнографія тѣсно сплетаются съ хозяйственною статистикой своими географическими отдѣлами. Извѣстно, что въ настоящее время всѣ географическіе отдѣлы естествознанія стремятся соединиться подъ общимъ покровомъ географіи. Статистика же настолько тѣсно примыкаетъ къ географіи, что нерѣдко эти оба предмета отождествляются или же считаются относящимися другъ къ другу, какъ часть къ цѣлому; при этомъ одни считаютъ географію частью статистики, другіе,—что̀, по нашему мнѣнію, правильнѣе,—признаютъ, напротивъ, статистику частью географіи, понимаемою въ обширномъ смыслѣ слова. Гаттереръ говоритъ, что земля и народъ, отдѣльно взятые, не имѣютъ въ себѣ ничего статистическаго; они разсматриваются отдѣльно въ географіи и въ этнографіи; но вмѣстѣ взятыя отношенія мѣстности къ человѣку и народу изучаются въ статистикѣ. Этнографія и антропологія оказываютъ весьма существенную помощь тому отдѣлу статистики, который всего раньше и глубже подвергся научной обработкѣ, т.-е. демографіи (или популяціонистикѣ), ученію о населеніи. Связь наблюдательнаго обществовѣдѣнія съ антропологіей и физіологіей должна укрѣпиться еще болѣе тогда, когда вниманіе экономистовъ и статистиковъ будетъ сильнѣе направлено на измѣреніе работы не съ помощью времени, а съ помощью энергіи; уже теперь такое измѣреніе рекомендуется въ экономическихъ трактатахъ, наприм., въ диссертаціи А. И. Скворцова. Отмѣтимъ кстати, что вопросъ объ измѣреніи работы уже не человѣка, а сельско-хозяйственныхъ животныхъ занялъ вниманіе и другого представителя спеціальныхъ знаній въ здѣшнемъ институтѣ, М. И. Придорогина, напечатавшаго въ 1890 г. статью о производствѣ работы *). Это новая связь съ антропологическими дисциплинами, которыя въ настоящее время разрабатываются преимущественно медиками. Помимо того, что сама демографія въ настоящее время служитъ предметомъ занятій многихъ медиковъ, связь статистики съ научною медициной укрѣпляется общностью примѣненія опроса—того, что медики называютъ examen subjectivum. На основаніи личнаго опыта могу удостовѣрить, что для статистическаго образованія существенную пользу оказываетъ знакомство съ такимъ examen subjectivum, какой, напримѣръ, примѣнялся въ преподаваніи покойнаго С. П. Боткина.

Мы говорили до сихъ поръ лишь объ одной страницѣ счета статистики съ естествознаніемъ вообще, съ агрономическимъ естествознаніемъ въ частности, о той страницѣ, которая можетъ быть названа страницею debet'а для счета статистики. Слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, упомянуть о существованіи противуположной страницѣ credit'а, гдѣ должно исчисляться все получаемое естествознаніемъ отъ статистики. Еще недавно нѣкоторые ученые, наприм., Габальо, утверждали, что физическая географія не можетъ поль-

---

*) Журн. *Вѣстникъ Русскаго Сельскаго Хозяйства.*

зоваться данными статистики; между тѣмъ, русская литература послѣднихъ лѣтъ опровергаетъ такое представленіе. И геологи, и ботаники, и зоологи начинаютъ справляться съ результатами массоваго опроса свѣдѣній, относящихся къ почвамъ, флорѣ и фаунѣ,—свѣдѣній, давно накопившихся въ мѣстномъ знаніи, но выступающихъ въ связной формѣ лишь по примѣненіи статистической регистраціи.

Хотя, можетъ быть, правильнѣе было бы отъ естествознанія перейти къ общественно-научнымъ основаніямъ агрономіи, но такъ какъ ученіе о сельско-хозяйственной техникѣ въ его современномъ видѣ основывается почти всецѣло на естествознаніи, то мы теперь же коснемся техническихъ предметовъ агрономическаго образованія.

Статистика занимается изслѣдованіемъ дѣйствительности, и слово «дѣйствительность» сразу отдѣляетъ нашъ предметъ отъ области техническихъ знаній. Тотъ отдѣлъ нашего курса, гдѣ мы будемъ заниматься современными пріемами сельскаго хозяйства, при поверхностномъ знакомствѣ съ его содержаніемъ можетъ показаться цѣликомъ заимствованнымъ изъ предметовъ, излагающихъ основанія сельско-хозяйственной техники. Но внимательное разсужденіе покажетъ, что этому отдѣлу принадлежитъ полное право на самостоятельное существованіе и что описаніе техническихъ пріемовъ земледѣлія, практикуемыхъ въ настоящее время въ Россіи и другихъ государствахъ, можетъ принадлежать курсу сельско-хозяйственной статистики. Техническая агрономія знакомитъ съ научными основаніями наиболѣе севершенныхъ техническихъ пріемовъ. Тѣ пріемы, при помощи которыхъ достигаются наилучшіе техническіе результаты, заслуживаютъ наибольшаго вниманія со стороны технической агрономіи. Насъ же, главнымъ образомъ, будутъ занимать наичаще встрѣчающіеся техническіе пріемы (безъ отношенія къ тому, хороши они или дурны съ технической точки зрѣнія), ихъ географическое распространеніе, измѣненія во времени и тѣ ихъ стороны, которыя доступны количественному изученію. *Задачи сельско-хозяйственной статистики, какъ предмета агрономическаго образованія,—показать агроному, каковы дѣйствительныя условія сельскаго хозяйства въ странѣ, каковы наиболѣе распространенные пріемы веденія хозяйства и какіе дѣйствительные результаты достигаются при употребленіи этихъ пріемовъ.* Знакомство съ техническою агрономіей позволяетъ агроному на каждомъ шагу при изученіи статистики сопоставлять техническіе идеалы и окружающую насъ дѣйствительность. Статистика является весьма важнымъ звеномъ между техническими знаніями и нуждами хозяйственной практики. Меліораціи, полевая культура, лѣсоводство, животноводство, устройство сельско-хозяйственныхъ заводовъ, возведеніе сельскихъ построекъ нуждаются для своего примѣненія къ удовлетворенію мѣстныхъ нуждъ въ справкахъ съ матеріалами статистики. Помимо этого справочнаго значенія, многіе научные вопросы, разрѣшаемые въ технической агрономіи съ помощью умозрѣнія или эксперимента до-

пускаютъ также рѣшенія съ помощью статистическаго метода, метода массовыхъ наблюденій.

Послѣ экскурсіи въ области естествознанія и техники намъ предстоитъ хотя бы вкратцѣ отмѣтить отношеніе статистики къ другимъ предметамъ обществовѣдѣнія. Наблюдательное обществовѣдѣніе исчерпывается двумя тѣсно сплетенными предметами: статистикою и исторіей. Подобно статистикѣ, хозяйственная исторія разсѣяла свои элементы по разнообразнѣйшимъ дисциплинамъ агрономическаго образованія *). Къ сожалѣнію, въ настоящее время тѣсная связь статистики и исторіи пользуется у насъ меньшимъ признаніемъ, чѣмъ прежде. До 1863 г. статистика въ русскихъ университетахъ причислялась къ предметамъ историческимъ, какъ это и сейчасъ имѣетъ мѣсто въ нѣкоторыхъ университетахъ Германіи и до недавняго времени продолжалось въ Юрьевскомъ университетѣ. Исторія количественныхъ отношеній общественной жизни свободно можетъ входить въ составъ статистики. Безъ пособія исторіи намъ трудно будетъ объяснять многіе факты и явленія современной жизни, наприм., высокую плотность населенія въ Царствѣ Польскомъ, высокій процентъ городского населенія (вдвое больщій, чѣмъ въ 50 губерніяхъ), значительную убыль дворянскаго землевладѣнія въ послѣднее десятилѣтіе. Какъ ни далеко мы, повидимому, стоимъ въ стѣнахъ агрономической школы отъ филологическаго образованія, намъ для наблюденій надъ дѣйствительною хозяйственною жизнью пригодится и помощь языковѣдѣнія, которое должно насъ знакомить съ хозяйственною терминологіей мѣстныхъ языковъ и нарѣчій, которыхъ такъ много въ нашемъ обширномъ отечествѣ.

Правовѣдѣніе соприкасается съ статистикою многими своими частями, что и послужило, конечно, причиной преобладающаго теперь въ университетахъ отнесенія статистики къ предметамъ юридическаго факультета. И право въ тѣсномъ смыслѣ слова (т.-е. уголовное и гражданское право), и такъ называемое государствовѣдѣніе, т.-е. государственное, финансовое и полицейское право, даютъ матеріалъ для статистики и сами въ свою очередь пользуются ея услугами. Устройство практической статистики, т.-е. государственныхъ и общественныхъ учрежденій, собирающихъ статистическіе матеріалы, входитъ въ область полицейскаго права или ученія объ управленіи. Помимо связи съ общимъ правовѣдѣніемъ, въ агрономическомъ образованіи устанавливается спеціальная связь между сельскохозяйственною статистикой и сельско-хозяйственнымъ законовѣдѣніемъ.

Намъ осталось упомянуть объ отношеніяхъ статистики къ ея сестрѣ—экономіи. Статистика и политическая экономія издавна находятся между собою въ союзѣ, который по отношенію къ преподаванію является, къ сожалѣнію, нерѣдко принудительнымъ союзомъ. При соединеніи преподаванія

*) Какъ отдѣльный предметъ, исторія сельскаго хозяйства читается въ Россіи въ Ригѣ.

въ одномъ лицѣ, большею частью страдала и страдаетъ статистика, что согласуется съ ходячими воззрѣніями на соотношеніе обѣихъ дисциплинъ *).

Реформированный Ново-Александрійскій институтъ представляетъ рѣдкій примѣръ отдѣльнаго преподаванія статистики и политической экономіи. Политическая экономія нуждается въ статистикѣ, какъ въ провѣркѣ полученныхъ уже ею умозрительныхъ выводовъ и какъ въ исходномъ пунктѣ для новыхъ умозрѣній. Почти таково же и обратное отношеніе, т.-е. значеніе экономіи для статистики. Всѣ вопросы, волновавшіе экономическую мысль въ какое бы то ни было время, заслуживаютъ вниманія статистики, хотя лишь ничтожное меньшинство этихъ вопросовъ можетъ при нашихъ современныхъ средствахъ рѣшаться съ помощью статистическаго метода. Что касается собственно сельско-хозяйственной статистики, то, какъ намъ представляется, преимущественно примѣненіе наблюдательнаго метода отграничиваетъ насъ отъ нашихъ ближайшихъ сосѣдей—сельско-хозяйственной экономіи и сельско-хозяйственнаго законовѣдѣнія. Всѣ три дисциплины, собираемыя иногда подъ общимъ именемъ сельско-хозяйственной экономіи, имѣютъ общій объектъ, сельское хозяйство во всей его совокупности, но подходятъ къ нему съ разныхъ точекъ зрѣнія. Сельско-хозяйственная экономія (въ собственномъ смыслѣ слова) изыскиваетъ способы полученія возможно большаго постояннаго дохода и, исходя изъ основныхъ свойствъ человѣческой природы, строитъ тѣ формы, въ которыхъ должно организоваться хозяйство. Законовѣдѣніе, исходя изъ созданныхъ человѣкомъ нормъ, указываетъ тѣ хозяйственныя формы, которыя вызываются или только требуются правовыми отношеніями (писаннымъ и обычнымъ законодательствомъ). Наконецъ, статистика, имѣя базисомъ дѣйствительную хозяйственную жизнь въ прошломъ и настоящемъ, изучаетъ дѣйствительное положеніе сельскаго хозяйства, являющееся слѣдствіемъ совокупнаго вліянія естественныхъ и общественныхъ условій страны. Прикладные отдѣлы сельско-хозяйственной экономіи—ученіе о таксаціи и объ организаціи хозяйствъ—будутъ давать интереснѣйшіе мотивы для нашихъ практическихъ упражненій въ сельско-хозяйственной статистикѣ. Статистическое рѣшеніе этихъ таксаціонныхъ и организаціонныхъ задачъ является хорошею школой для будущаго пріурочиванія агрономической науки къ нуждамъ мѣстной сельско-хозяйственной жизни.

Мы окинули бѣглымъ взглядомъ отношеніе статистики къ различнымъ отраслямъ человѣческаго знанія, преимущественно къ тѣмъ отраслямъ, изъ которыхъ должна составляться сложная агрономическая наука. Позволительно надѣяться, что послѣдующія занятія достаточно убѣдятъ васъ въ томъ, что у статистика много своей собственной спеціальной работы,

*) Напомнимъ, что въ 30-хъ годахъ Харьковскій университетъ отклонилъ докторскую диссертацію И. И. Срезневскаго на томъ основаніи, что въ ней за статистикою признавалось больше правъ на названіе науки, чѣмъ за политическою экономіей.

которая не дѣлается другими дисциплинами и которая съ перваго взгляда можетъ показаться скучною, но, какъ и всякая научная работа, вознаграждается громадными наслажденіями. И статистика, чего мы уже нѣсколько коснулись, выигрываетъ, подчиняясь столь выгодному для научной работы правилу раздѣленія труда. Но сегодня нашею задачей было привлечь вниманіе не къ раздѣленію, а къ соединенію научнаго труда. Соединеніе труда особенно важно для такихъ молодыхъ дисциплинъ, какъ агрономія. Намъ кажется, что статистика можетъ существенно помочь цементированію многочисленныхъ элементовъ агрономіи. Смѣло идя на встрѣчу упрекамъ въ диллетантизмѣ, въ поверхностной погонѣ за недостижимымъ многознаніемъ, сторонники соединенія труда въ стѣнахъ научной школы до гроба не перестанутъ вѣрить въ существованіе единой науки, хотя и облекающейся въ разнообразныя формы, примѣненныя къ спеціальнымъ видамъ человѣческаго мышленія, и, все-таки, по существу единой и нераздѣльной.

А. Фортунатовъ

Изъ литературныхъ наблюденій.

Полемика среди людей разномыслящихъ—дѣло необходимое и для обѣихъ сторонъ полезное, но лишь въ томъ случаѣ, когда вашъ литературный противникъ не прибѣгаетъ къ недобросовѣстнымъ пріемамъ и ведетъ споръ въ предѣлахъ, въ которыхъ то и другое мнѣніе высказывается одинаково непринужденно. Противъ этого правила нѣсколько погрѣшаетъ статья г. Spectator'а въ мартовской книжкѣ *Русскаго Обозрѣнія*. Статья называется: *Что означаетъ для Россіи слово «домой» (Русскій отвѣтъ на «либеральный» вопросъ)*. Направлена она противъ *Русской Мысли*.

Отвѣчаемъ въ тѣхъ границахъ, въ которыхъ можемъ принять споръ.

Предварительное замѣчаніе: почему это *русскій* отвѣтъ противупоставляется *либеральному* вопросу? Пора бросить этотъ неумный пріемъ, по которому *русская* душа, *русскій* умъ, *русская* совѣсть являются синонимами всего того, что̀ желаютъ защищать наши литературные противники, а мы являемся космополитами, оторванными отъ народной почвы, чуть ли не измѣнниками. Останавливаться на этомъ мы не будемъ и замѣтимъ только, что въ свое время, конечно, *либералы*, а не консерваторы стремились къ освобожденію крестьянъ. Если императоръ Александръ II, Тургеневъ, И. С. Аксаковъ—не русскіе люди, то мы охотно признаемъ и себя не русскими. Пусть будутъ въ такомъ случаѣ *русскими* Аракчеевы, Салтычихи, гг. Spectator'ы.

Предметомъ спора *Русскаго Обозрѣнія* съ *Русскою Мыслью* служитъ выраженіе *домой*, о которомъ нашъ журнальный обозрѣватель отозвался такимъ образомъ: «Хорошее это словечко *домой*, только никакъ не поймешь, что̀ оно обозначаетъ».

Г. Spectator полагаетъ, что эти недоумѣнія притворны,—онъ «въ этомъ ни минуты не сомнѣвался». Дальше говорится слѣдующее: «Съ тѣхъ поръ, какъ *домой* послѣ 1 марта было впервые произнесено Иваномъ Сергѣевичемъ Аксаковымъ и до настоящаго дня оно было столько разъ такъ подробно объяснено и столь обстоятельно истолковано, что не понимать его точнаго значенія могутъ лишь тѣ, кто по упрямству *не хочетъ* или по ограниченности *не можетъ* его понять. Редакторовъ *Рус[...]* *Мысл[...]*

въ ограниченности упрекнуть нельзя, остается только упрекать ихъ въ упрямствѣ. Но это упрямство не происходитъ отъ какой-либо неуживчивости характера (?), а является лишь однимъ изъ пріемовъ либеральной полемической тактики».

Авторъ въ своей статьѣ подробно разъясняетъ, что̀ обозначаетъ *словечко,* и присовокупляетъ слѣдующее *консервативное* замѣчаніе: «Посмотримъ, сообщитъ ли *Русская Мысль* своимъ читателямъ это объясненіе: Мы заранѣе увѣрены, что она промолчитъ, а затѣмъ, черезъ нѣкоторое время, когда намъ или нашимъ друзьямъ случится произнести слово *домой, Русская Мысль,* какъ ни въ чемъ не бывало, опять скажетъ съ наивною улыбкой казанской сироты: хорошее это словечко *домой,* только никакъ не поймешь, что̀ оно обозначаетъ».

Цѣну этой «консервативной» увѣренности *Русскаго Обозрѣнія* читатель опредѣлитъ самъ.

Вернуться *домой,* по мнѣнію г. Spectator'а, значитъ вернуться къ слѣдующимъ идеаламъ: «Мы,—говоритъ авторъ,—1) желаемъ, чтобы Россія навсегда сохранила себѣ *самодержавіе* своихъ царей, 2) чтобъ она руководилась въ вопросахъ вѣры и нравственности ученіемъ *православной церкви* и 3) чтобъ она воодушевлена была искреннимъ національнымъ *патріотизмомъ».* Либералы же хотятъ водворить въ Россіи анархію, атеизмъ и космополитизмъ.

Право, не знаешь, смѣяться или сердиться, когда читаешь такія опредѣленія. Впрочемъ, мы не послѣдуемъ недоброму примѣру *Русскаго Обозрѣнія,* не станемъ заподозривать искренности г. Spectator'а и благодушно улыбнемся. Кому не извѣстно, что отъявленные консерваторы и реакціонеры бывали безбожниками, что тѣ же консерваторы, въ особенности изъ высшаго общества, зачастую являлись у насъ космополитами? Кто изъ образованныхъ людей рѣшится отождествить либерала съ безбожникомъ, когда даже читателямъ *Русскаго Обозрѣнія* извѣстна глубокая религіозность такихъ либераловъ, какъ Гладстонъ, какъ Жюль Симонъ? Есть ли какой-либо смыслъ въ утвержденіи, что либералы суть анархисты, когда Казеріо вонзилъ кинжалъ въ Карно? Ужъ не скажетъ ли глубокомысленный консерваторъ *Русскаго Обозрѣнія,* что анархизмъ — логическое развитіе либерализма, что Казеріо—прямой продолжатель Карно? Пожалуй и скажетъ...

Нѣтъ, г. Spectator, напрасно вы прикрываетесь именемъ И. С. Аксакова: его *домой* не ваше *домой,* съ нимъ мы могли и считали за честь спорить, потому что онъ, прежде всего, признавалъ свободу мысли и совѣсти, высоко ставилъ судъ присяжныхъ, былъ горячимъ защитникомъ земскаго самоуправленія...

На этихъ вопросахъ я останавливаться не могу и укажу на различіе *домой* аксаковскаго отъ *домой* спектаторскаго по другому вопросу.

Въ той же книжкѣ *Русскаго Обозрѣнія* есть письмо изъ Варшавы. Его сочинителя тоже обезпокоила *Русская Мысль.* Раньше онъ написалъ въ

томъ же журналѣ такія мудрыя, исполненныя политическаго такта слова: «Для насъ остается единственное возможное рѣшеніе такъ называемаго польскаго вопроса—полное обрусеніе поляковъ; говорятъ, что это недостижимо; пусть такъ: полное обрусеніе поляковъ—конечная цѣль, идеалъ, къ которому нужно стремиться; человѣкъ не можетъ быть совершенствомъ, тѣмъ не менѣе, это идеалъ, къ которому необходимо намъ стремиться; такъ и въ данномъ случаѣ; а, можетъ быть, совершенное обрусеніе поляковъ вовсе не такъ недостижимо, какъ многіе думаютъ».

Естественно, что *Русская Мысль* посмѣялась надъ такимъ упрощеннымъ рѣшеніемъ важнаго и сложнаго вопроса. Но корреспондентъ *Русскаго Обозрѣнія* продолжаетъ утверждать, что «государственное объединеніе того или другого племени съ Россіей немыслимо безъ *національной* ассимиляціи, безъ обрусенія». Вотъ мы и обращаемъ вниманіе г. Spectator'а на то, какая глубокая, ничѣмъ не заполнимая разница въ *домой* И. С. Аксакова и въ томъ же призывѣ въ устахъ *Русскаго Обозрѣнія*. Благородный писатель и дѣйствительный патріотъ писалъ въ своемъ *Днѣ*: «Россія не обезнародила поляковъ въ Польшѣ, благодаря высокому нравственному достоинству своего неумѣнья, своей неспособности къ тому темному государственному искусству, которымъ такъ славятся нѣмцы».

Нѣтъ, г. Spectator, не ссылаться, а издѣваться надъ Аксаковымъ вамъ подобаетъ *): вѣдь, для васъ такія рѣчи—сантиментализмъ, либерализмъ, космополитизмъ, анархизмъ.

Характерно для нашего времени, что въ свѣтской нашей печати особенно развязныя и рѣшительныя утвержденія объ основахъ русскаго духа, объ истинномъ смыслѣ православія и т. д. произносятся преимущественно инородцами, людьми, принявшими православіе, лицами, прежняя дѣятельность которыхъ протекла въ другомъ *духѣ*... Князь Трубецкой въ послѣдней книжкѣ *Вопросовъ Философіи и Психологіи*, характеризуя плодотворную научную дѣятельность протоіерея Иванцова-Платонова, говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: «Вообще онъ воздерживался отъ всякихъ смѣлыхъ и рѣшительныхъ догматическихъ теорій и приговоровъ, сознавая всю ихъ нравственную отвѣтственность. Онъ слѣдилъ съ горячимъ сочувствіемъ за развитіемъ философской и богословской мысли въ русскомъ обществѣ, онъ желалъ для нея возможно большей свободы и самобытности, но, въ то же время, сознавалъ для нея необходимость строго-научной школы, исторической подготовки воспитанія» **). Иными словами, профессоръ протоіерей Иванцовъ-Платоновъ политику обсуждалъ съ высоты христіанскаго ученія, тогда

*) Безпристрастія ради, отмѣчу, что по поводу упомянутой корреспонденціи *Московск. Вѣдом.* (№ 70) говорятъ слѣдующее: „Объ этомъ, однако, можно думать различно. Именно какъ выраженіе *русскаго* духа, наше государство достаточно широко для вмѣщенія многихъ различныхъ народностей. Это зависитъ не столько отъ Россіи, сколько отъ *нихъ*“. Странно со стороны *Моск. Вѣдом.*, но похвально

**) *Вопросы Философіи и Психологіи*, мартъ.

какъ публицисты *Русскаго Обозрѣнія* и *Московскихъ Вѣдомостей* стараются религію сдѣлать орудіемъ своихъ реакціонныхъ вожделѣній.

На основаніи всего сказаннаго мы утверждаемъ, что *домой*, провозглашаемое *Русскимъ Обозрѣніемъ*, очень мало похоже на *домой* Аксакова, что оно звучитъ въ высшей степени несимпатичною реакціей, что оно всуе прикрывается авторитетомъ православной церкви. Къ этому мы должны прибавить, что *словечко* стараніями г. Spectator'а разъяснено теперь достаточно.

Не успѣли еще наши консерваторы дописать своихъ грозныхъ филиппикъ противъ *Русской Мысли*, какъ произошло необыкновенное событіе, вновь и глубоко нарушившее ихъ душевное равновѣсіе: редакція *Русской Мысли*, въ частной квартирѣ, въ кругу ближайшихъ сотрудниковъ, праздновала пятнадцатилѣтіе существованія журнала. «Событіе» это осталось бы тайною, если бы не были отправлены присутствовавшими на этомъ вечерѣ привѣтственныя телеграммы: Генрику Сенкевичу и Элизѣ Ожешковой.

Это оказалось уже актомъ великой государственной важности. Варшавскій корреспондентъ *Московскихъ Вѣдомостей* забилъ тревогу (телеграммы и отвѣты на нихъ были напечатаны въ одной изъ польскихъ газетъ, выходящихъ въ Россіи). Все, по словамъ корреспондента, шло хорошо. «Но вотъ въ январѣ московскій журналъ *Русская* (почему русская?) *Мысль* праздновала какой-то свой юбилей и вздумала послать польскому писателю Сенкевичу и писательницѣ Ожешко сочувственныя телеграммы. Разсуждая съ торговой точки зрѣнія, такое привѣтствіе со стороны этого журнала вполнѣ понятно и свидѣтельствуетъ о благородномъ чувствѣ благодарности, ибо *Русская Мысль* наполняется весьма изобильно польскимъ товаромъ, въ видѣ переводовъ съ польскаго, особенно этихъ двухъ выдающихся представителей современной польской литературы. Подъ телеграммой г. Сенкевичу, направленною въ редакцію *Газеты Польской* (кстати сказать, получившей значительную субсидію отъ одного изъ выдающихся польско-еврейскихъ капиталистовъ, какъ здѣсь утверждаютъ), подписались: гг. Вуколъ Лавровъ, Викторъ Гольцевъ, Митрофанъ Ремезовъ, Антонъ Чеховъ, Иванъ Иванюковъ, Михаилъ Корелинъ, Климентъ Тимирязевъ, Владиміръ Немировичъ-Данченко, Александръ Чупровъ, Витольдъ Цераскій, Игнатій Потапенко, Дмитрій Маминъ, Михаилъ Саблинъ, Николай Аксаковъ и т. д. Въ телеграммѣ этой заявлялось г. Сенкевичу только «сердечное привѣтствіе» и «пожеланіе единенія въ общемъ трудѣ». Сенкевичъ живетъ гдѣ-то за границей и, получивъ извѣстіе чрезъ редакцію *Газеты Польской*, отвѣтилъ такъ: «Сердечно благодарю за свидѣтельства уваженія, которыя вы выражаете въ моемъ лицѣ польской литературѣ. Будучи увѣренъ, что подъ «единеніемъ въ трудѣ» вы понимаете дѣло цивилизаціи, здраваго прогресса и стремленіе къ отношеніямъ, основаннымъ на взаимномъ уваженіи и справедливомъ общественномъ мнѣніи (opinji), желаю вамъ сердечно всѣхъ успѣховъ на этомъ пути». Отвѣтъ г-жи Ожешко, живущей въ Гроднѣ, звучитъ скромнѣе и выражаетъ ея благодарность за память.

«Въ сущности, г. Сенкевичъ далъ урокъ тѣмъ русскимъ людямъ, которые вообразили, что они въ самомъ дѣлѣ выражаютъ русскую мысль, назвавъ такъ свой журналъ, который, во имя либерализма, наполняютъ переводами хотя бы самыхъ тенденціозныхъ польскихъ повѣстей и романовъ. И Сенкевичъ, и Ожешко, дѣйствительно, выдающіеся дѣятели современной польской литературы, но они, несомнѣнно, не назвали бы журнала *Польскою Мыслью*, если бы вздумали переводить наши русскія произведенія. Г. Сенкевичъ прямо и даетъ совѣтъ г. Вуколу Лаврову съ товарищи позаботиться о «цивилизаціи», о «здоровомъ прогрессѣ», ибо онъ, вѣроятно, понялъ, что въ нашемъ либерализмѣ не оказывается ни того, ни другого» *).

Мы привели этотъ отрывокъ изъ корреспонденціи во всей неприкосновенности, чтобы читатели имѣли достаточное понятіе о благородствѣ тона и изящномъ остроуміи варшавскаго сотрудника *Московскихъ Вѣдомостей*. Главная бѣда для истинно-русскаго дѣла на окраинахъ именно въ подобныхъ «дѣятеляхъ» и заключается: чувствуя за собою мощь государственной власти, такіе «дѣятели» и «патріоты» только компрометируютъ ее въ глазахъ населенія, отождествляя ее, въ собственной особѣ, съ грубостью и произволомъ. Преодолѣвая естественное отвращеніе, разберемъ аргументацію г. L. (зачѣмъ это онъ иностранною буквой подписывается? Не патріотично!).

Г. Сенкевичъ и Э. Ожешкова—«дѣйствительно выдающіеся дѣятели современной польской литературы». Этого мало: они принадлежатъ къ весьма небольшому числу самыхъ выдающихся современныхъ *европейскихъ* писателей. Такія произведенія, какъ *Безъ догмата*, *Хамъ*, *Подвижница* и многія другія сдѣлали бы честь англійской, французской или нѣмецкой литературѣ. Переводить такія произведенія значитъ обогащать родную литерару, а не наполнять журналъ *польскимъ товаромъ*.

Привѣтствовать двухъ знаменитыхъ славянскихъ писателей, изъ которыхъ одна постоянно, а другой часто живетъ въ Россіи, было актомъ вѣжливости и живой симпатіи, и прискорбно, что нѣкоторые «дѣятели» на окраинахъ не имѣютъ объ этихъ чувствахъ ни малѣйшаго понятія. Ихъ нравственныя отношенія къ польскому обществу исчерпываются твердымъ намѣреніемъ дать полякамъ фельдфебеля въ Вольтеры.

Быть можетъ, въ отвѣтѣ Г. Сенкевича и звучитъ грустная или скептическая нотка, не беремся рѣшать; но только сомнѣнія въ нашей цивилизаціи и здоровомъ прогрессѣ могутъ возбуждаться единственно нашими собственными прусаками и бонапартистами, которые и понятія не имѣютъ, что̀ такое человѣческое и національное достоинство.

На «событіе» сейчасъ же откликнулся и *Гражданинъ*. «Любопытно бы при этомъ знать,—говоритъ эта газета,—на какомъ языкѣ писана телеграмма московскихъ литераторовъ и на какомъ языкѣ отвѣтилъ г. Сенкевичъ?»

---

*) *Моск. Вѣдом.*, № 77.

Тутъ ужь не выдержалъ и главный всероссійскій флюгеръ. «Намъ кажется,—ехидно замѣчаетъ *Новое Время*,—что скорѣе было бы любопытно знать, платитъ ли Сенкевичу издатель московскаго журнала, или пользуется его романами даромъ, работая на пользу *общаго дѣла и единенія русской и польской литературы*».

Намъ, въ данномъ случаѣ, не трудно было бы отвѣтить на оба вопроса, но отвѣчать на глупые вопросы вообще не слѣдуетъ. Напомнимъ вертлявому *Новому Времени*, какъ оно отвѣтило на одинъ изъ подобныхъ вопросовъ *Гражданина*, когда этотъ Скалозубъ пожелалъ освѣдомиться, какимъ титуломъ былъ названъ принцъ Фердинандъ Кобургскій въ телеграммѣ къ нему редактора *Новаго Времени* *).

Четырнадцать лѣтъ тому назадъ, напечатавъ извѣстное письмо А. С. Хомякова къ А. О. Смирновой о польскомъ вопросѣ, редакція *Русской Мысли* заявила: «Спокойнымъ, честнымъ, проникнутымъ чувствомъ уваженія другъ къ другу объясненіямъ русскихъ съ поляками,—объясненіямъ, способнымъ привести къ взаимному ихъ примиренію,—открываемъ мы страницы нашего журнала» **). Въ той же книжкѣ *Русской Мысли* была помѣщена о польскомъ вопросѣ статья В. Р. К. Она заключалась такими словами: «Сколь бы отдаленною ни казалась возможность окончанія всѣхъ нашихъ старыхъ счетовъ съ поляками, мы не должны бросать дѣло, памятуя мудрое слово поэта (польскаго):

„Хотя ты и не окончишь, все-таки, работай:
Тебя, вѣдь, а не дѣло унесетъ могила".

Этой благородной и, по нашему мнѣнію, истинно-патріотической задачѣ, въ мѣру своихъ силъ, продолжаетъ служить *Русская Мысль* и до настоящаго времени. Враждебныя отношенія между русскими и поляками ослабляютъ политическое могущество Русскаго государства, на этихъ враждебныхъ отношеніяхъ строятся разсчеты всѣхъ нашихъ недруговъ. Приходится или устранить причины, мѣшающія искреннему сближенію русскаго и польскаго народа, или, какъ предлагаетъ *Русское Обозрѣніе*, истребить поляковъ. Въ качествѣ «либераловъ» мы находимъ послѣднее предложеніе нелѣпостью, а въ нравственномъ отношеніи глядимъ на него такъ же, какъ посмотрѣлъ бы покойный И. С. Аксаковъ. Остается, слѣдовательно, только первый исходъ. На какихъ началахъ должно произойти сближеніе въ формальномъ, государственномъ смыслѣ слова, — это дѣло верховной власти. Мы, какъ русскіе писатели, всею душой преданные интересамъ русскаго народа, можемъ только подготовлять почву, стараемся узнать поближе поль-

---

*) *Новое Время* писало тогда, между прочимъ, слѣдующее: „Къ сожалѣнію, для *Московскихъ Вѣдомостей* не только вѣжливость не обязательна, но не обязательна даже и тѣнь какой-либо добросовѣстности, ибо онѣ подтасовываютъ постоянно и неизбѣжно, думая тѣмъ самымъ выразить свое *патріотическое* чувство". Хорошаго мнѣнія другъ о другѣ наши „консерваторы"!

**) *Русская Мысль* 1881 г., мартъ.

скій народъ въ его литературѣ и познакомить съ нею русское общество. Государственные сплетники въ лагерѣ нашихъ консервативныхъ публицистовъ будутъ попрежнему предаваться сомнительному острословію и извращать наши мысли и намѣренія; мы попрежнему будемъ стремиться къ тому, чтобы къ русскому имени относились всѣ честные люди, иноплеменные и иновѣрные, съ уваженіемъ и сочувствіемъ, чтобы росъ и крѣпъ нравственный авторитетъ русскаго общества.

Такъ вотъ по польскому вопросу наше *домой* близко къ аксаковскому и хомяковскому и ничего общаго не имѣетъ съ *домой*, возглашаемымъ на страницахъ *Русскаго Обозрѣнія*.

Домой зовутъ теперь и нашу народную земскую школу. Но тутъ какъ же быть: до введенія земскихъ учрежденій она не существовала? Отвѣтъ выяснился изъ многихъ статей и заявленій *Гражданина* съ братіей: земскую школу надо или уничтожить, или, по крайней мѣрѣ, изуродовать. Такъ какъ либералы защищаютъ, по словамъ реакціонной печати, земскую школу потому, что желаютъ водворить на святой Руси безбожіе, космополитизмъ и анархизмъ, то я въ данномъ случаѣ сошлюсь на авторитетъ одного изъ нашихъ министровъ народнаго просвѣщенія. Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1866 годъ сказано, что отличительная черта царствованія императора Александра II «должна состоять въ образованіи народа освобожденнаго и призваннаго пользоваться благами новыхъ учрежденій, вызывающихъ потребности знанія для извлеченія изъ нихъ наибольшей пользы». Въ объяснительной запискѣ къ проекту устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній министерство народнаго просвѣщенія проводило ту мысль, что, «съ уничтоженіемъ крѣпостного состоянія и съ дарованіемъ черезъ то правъ гражданскихъ и человѣческихъ всѣмъ лицамъ безъ исключенія, оказывается болѣе, чѣмъ когда-либо, настоятельная необходимость приготовлять людей для всѣхъ поприщъ и для всякой дѣятельности. Чтобы пользоваться разумно правами человѣческими, необходимо развить въ массахъ сознаніе этихъ правъ, возбудить любовь къ труду разумному и поселить въ каждомъ уваженіе къ самому себѣ и къ человѣку вообще. Только при такихъ условіяхъ можетъ уничтожиться господствующее еще у насъ разъединеніе между сословіями и явиться разумное распредѣленіе занятій между всѣми общественными дѣятелями».

Земская школа создавалась именно въ этомъ направленіи, и можно лишь пожалѣть, что недостатокъ средствъ и другія неблагопріятныя условія до сихъ поръ не даютъ этой школѣ возможности развиваться повсемѣстно, нормально и быстро.

О. Т.

P. S. Въ апрѣльской книжкѣ *Русскаго Обозрѣнія* мы прочли слѣдующее утвержденіе г. Льва Тихомирова: голоса печати,—говоритъ онъ,— въ Петербургѣ вообще высказывались *за* стремленія *кассы* (взаимопомощи литераторовъ) къ суммамъ академіи. Въ Москвѣ—*противъ*. Особенно ар-

кая полемика шла между *Русскимъ Словомъ* и *Вѣстникомъ Европы*, а отчасти и *Русскою Мыслью, которая, конечно, была за одно съ Петербургомъ*».

Господинъ Левъ Тихомировъ солгалъ: *Русская Мысль* говорила объ отношеніи кассы къ академіи по поводу пожалованныхъ Государемъ Императоромъ суммъ въ февралѣ (во *Внутреннемъ обозрѣніи*) и въ мартѣ (въ *Литературныхъ наблюденіяхъ*) и высказалась вполнѣ опредѣленно *противъ* соединенія кассы взаимопомощи съ академическою коммиссіей.

Принимая во вниманіе, что приходится имѣть дѣло съ такимъ противникомъ, мы считаемъ нужнымъ повторить дословно то, что̀ по этому предмету сказано было въ мартовской статьѣ:

«Странны и нелѣпы также,—если только они добросовѣстны,—и толки о томъ, будто «либералы» очень бы хотѣли «пристроиться» къ академіи наукъ для распредѣленія суммъ, пожалованныхъ Государемъ Императоромъ. Ничего подобнаго мы, конечно, и не слыхали. Академія приступила къ дѣлу разумно и осмотрительно, она затребовала свѣдѣнія о положеніи и размѣрахъ гонорара сотрудниковъ провинціальныхъ изданій и т. д. Мы искренно привѣтствуемъ такую дѣятельность академіи и не имѣемъ никакого основанія сомнѣваться въ ея безпристрастіи. Со многихъ точекъ зрѣнія нельзя не сочувствовать тому, что распоряженіе правительственными деньгами не отдано литературному фонду. Параллельная дѣятельность академической коммиссіи и частнаго общества всего лучше удовлетворятъ нуждамъ литературы и писателей». *Ред.*

Очерки провинціальной жизни.

Приближается лѣто, а съ тѣмъ вмѣстѣ близится и сезонъ массоваго шатанія народа на югъ за поисками заработка. И вотъ газеты снова начнутъ печатать повторяющіяся изъ года въ годъ извѣстія о десяткахъ тысячахъ народа, двигающихся на заработки безъ опредѣленныхъ свѣдѣній о положеніи рабочаго рынка; извѣстія о томъ, что рабочія партіи пришли туда, гдѣ въ трудѣ нѣтъ надобности, затратили свои послѣдніе гроши, вынуждены обращаться за милостыней, чтобы только добраться до дому, а въ то же время въ другихъ мѣстахъ слышатся жалобы на недостатокъ рабочихъ рукъ; извѣстія о томъ, что напрасныя скитанія трудового люда вредно отзываются не только на самихъ скитающихся, но они отзываются вредно и на томъ населеніи, среди котораго проходятъ тысячныя партіи рабочихъ. Истощенные въ тщетныхъ поискахъ работы, истративъ послѣднія деньги, рабочіе питаются кое-какъ, живутъ въ крайне антисанитарныхъ условіяхъ, отчего начинается среди нихъ сильная заболѣваемость, развиваются заразныя болѣзни, распространяющіяся и на тѣ мѣстности, черезъ которыя проходятъ партіи рабочихъ. Въ докладѣ врачей херсонскому губернскому земскому собранію значится, что 10 — 11% всѣхъ рабочихъ, какъ это показали санитарныя наблюденія, идутъ уже больными. Въ отдѣльныхъ случаяхъ этотъ процентъ значительно выше. Такъ, въ Херсонѣ, во время Троицкой ярмарки, было осмотрѣно врачами 814 рабочихъ, изъ которыхъ больныхъ оказалось 321, т.-е. около 40 процентовъ.

Печать и земство неустанно указываютъ на безпорядочность этого движенія и на необходимость государству придти къ нему на помощь. Южныя земства, съѣзды сельскихъ хозяевъ, внимательно обсуждавшіе это дѣло, пришли къ выводу, что регулированіе сельской рабочей силы на огромномъ пространствѣ юга, куда идутъ преимущественно рабочіе изъ средней полосы Россіи, не подъ силу единичнымъ земствамъ. Тутъ требуется централизація, а потому регулировать это дѣло можетъ только государство въ соединеніи съ земствомъ.

Огромная важность даннаго вопроса для сельскаго хозяйства нашего юга заставляетъ земства возвращаться къ нему ежегодно. Послѣднему одес-

скому земскому собранію былъ представленъ управою обширный докладъ по этому предмету. Сущность доклада, по сообщенію *Новороссійскаго Телеграфа*, заключается въ слѣдующемъ. Вопросъ о сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, говорится въ докладѣ, не новъ въ Херсонской губерніи. На немъ останавливалось уже не разъ и одесское земское собраніе, изыскивая средства къ устраненію условій, разорительныхъ для рабочаго и невыгодныхъ для хозяина-земледѣльца. Обыкновенно въ урожайные годы дороговизна уборки хлѣба уменьшаетъ до минимума доходы хозяевъ даже при хорошемъ урожаѣ. Такъ, наприм., обильный урожай 1893 г. принесъ хозяевамъ одни только убытки. Ненормальная организація отхожаго земледѣльческаго промысла крайне разорительна для рабочихъ. Теперешнія скитанія пришлыхъ рабочихъ въ поискахъ за работой ведутъ къ безцѣльной потери времени и къ огромнымъ убыткамъ для сотенъ тысячъ рабочихъ. Прельщенные слухами объ обильномъ урожаѣ въ той или другой мѣстности, рабочіе идутъ туда наобумъ и въ погонѣ за высокою задѣльною платой стремятся въ одну губернію и скучиваются огромными массами нерѣдко именно тамъ, гдѣ нѣтъ урожая, а стало быть нѣтъ и спроса на рабочую силу. Вслѣдствіе этого получается крайне неравномѣрное и непропорціональное распредѣленіе пришлыхъ рабочихъ. Въ однихъ уѣздахъ рабочихъ много, но имъ дѣлать нечего; въ другихъ мало и они крайне дороги. По исчисленію статистиковъ, ежегодно приходитъ въ Херсонскую губ. до 130 тыс. рабочихъ изъ губерній: Полтавской, Кіевской, Черниговской и др. Какимъ же путемъ долженъ быть разрѣшенъ наболѣвшій вопросъ о рабочихъ? Какъ урегулировать стихійныя передвиженія съ сѣвера на югъ этой полумилліонной массы рабочаго люда? Для земства одного уѣзда или одной губерніи не по силамъ разрѣшеніе такой многосложной задачи. Здѣсь необходима коллективная работа представителей земства и администраціи. Устранить дороговизну сельско-хозяйственнаго рабочаго возможно лишь, устранивъ коренную причину этой дороговизны, которая заключается въ малолюдности Херсонской губерніи. Увеличеніе земледѣльческаго населенія, правильная колонизація казенныхъ земель, облегченіе пріобрѣтенія земель крестьянами при помощи крестьянскаго банка и другихъ кредитныхъ учрежденій,— все это сразу окажетъ замѣтное воздѣйствіе на удешевленіе обработки земли и, вмѣстѣ съ тѣмъ, избавитъ хозяевъ отъ разорительной зависимости отъ пришлаго рабочаго элемента. Для всесторонней разработки мѣръ, могущихъ урегулировать безпорядочное нынѣ массовое движеніе народа на югъ за заработками, необходимо организовать совѣщаніе свѣдущихъ людей, какъ изъ губерній, нуждающихся въ пришлыхъ рабочихъ, такъ и губерній, высылающихъ на заработки свое населеніе. Поэтому необходимо ходатайствовать черезъ губернское собраніе о разрѣшеніи совѣщанія представителей земствъ и администраціи губерній, заинтересованныхъ въ вопросѣ о рабочихъ, а именно: Бессарабской, Херсонской, Екатеринославской, Таврической и областей Донской, Терской и Кубанской, а съ другой стороны, губерній: Курской, Харьковской, Полтавской, Черниговской, Кіевской и По-

дольской для совмѣстной разработки вопроса о сельско-хозяйственныхъ рабочихъ. Докладъ управы единогласно принятъ собраніемъ.

Намъ извѣстно, что въ Петербургѣ образована коммиссія изъ административнаго персонала для обсужденія вопроса объ упорядоченіи лѣтняго массоваго движенія народа на югъ. Очевидно, работы этой коммиссіи значительно облегчились и были бы совершеннѣе, если бы состоялось разрѣшеніе ходатайства земства объ организаціи совѣщанія свѣдущихъ людей какъ изъ губерній, куда идутъ рабочіе, такъ равно и изъ губерній, откуда идутъ они. Но съ разрѣшеніемъ этого ходатайства надо поторопиться, иначе движеніе рабочихъ и въ настоящемъ году явится тѣмъ же безпорядочнымъ и убыточнымъ для страны скитальчествомъ, какъ и въ прежніе годы.

Если единичныя земства не въ силахъ регулировать массовое лѣтнее движеніе рабочихъ, то они, путемъ устройства врачебно-продовольственныхъ пунктовъ, могутъ оказать не мало пользы какъ передвигающимся партіямъ рабочихъ, такъ и мѣстному населенію. Такіе пункты, какъ извѣстно, уже устроены херсонскимъ земствомъ въ мѣстахъ сбора пришлыхъ рабочихъ. Давая возможность рабочимъ за недорогую и вполнѣ доступную имъ плату пользоваться доброкачественную горячею пищей, защищая отъ зноя, холода и дождя, врачебно-продовольственные пункты способствуютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, обнаруженію среди пришлыхъ рабочихъ заразныхъ больныхъ, что даетъ возможность вд-время принятыми мѣрами до извѣстной степени охранить и мѣстное коренное населеніе отъ заболѣваній. Врачебно-продовольственные пункты для рабочихъ устроены херсонскимъ земствомъ въ 18 селеніяхъ, расположенныхъ въ уѣздахъ Ананьевскомъ, Херсонскомъ, Одесскомъ, Тираспольскомъ и Елисаветградскомъ. Устроены они было временно, при возникновеніи холеры, но въ виду пользы, принесенной ими, возникъ вопросъ о превращеніи ихъ въ постоянныя учрежденія. Вслѣдствіе недостаточнаго числа устроенныхъ до сихъ поръ пунктовъ, изъ 100 рабочихъ, которые осѣдаютъ, по самому скромному разсчету, въ Херсонской губ., не говоря о десяткахъ тысячъ, проходящихъ черезъ нее далѣе на югъ, помощью названныхъ пунктовъ воспользовались въ прошломъ году только 33,375 чел. Но и эта цифра не маленькая. Расходы по содержанію пунктовъ почти окупились. Эта возможность поставить врачебно-продовольственные пункты такъ, чтобы они сами себя окупали, при небольшой доплатѣ, навела губернскую управу на мысль, сочувственно принятую всѣми уѣздными управами, сдѣлать временные пункты постояннымъ учрежденіемъ. Въ виду этого, губернская управа внесла въ смѣту на 1895 г. 1,500 р. на врачебно-продовольственные пункты и просила признанія ихъ со стороны губернскаго собранія постояннымъ учрежденіемъ съ характеромъ рабочихъ биржъ, что можетъ быть достигнуто публикаціей въ этихъ пунктахъ свѣдѣній о видахъ на урожай, количествѣ пришлыхъ рабочихъ и цѣнахъ на рабочія руки въ разныхъ мѣстахъ губерніи.

Мы видѣли, что херсонское земство для сокращенія размѣровъ періодическаго шатанія рабочаго люда предлагаетъ увеличеніе земледѣльческаго

населенія въ малонаселенныхъ южныхъ губерніяхъ. Средствами для этого могутъ послужить колонизація казенныхъ земель и облегченіе пріобрѣтенія земли крестьянами при помощи крестьянскаго банка. Слѣдующею важною мѣрой для той же цѣли было бы уменьшеніе числа безхозяйныхъ и безлошадныхъ крестьянскихъ дворовъ. Дѣло въ томъ, что число населенія, двигающагося каждое лѣто на югъ за поисками работы, обыкновенно превышаетъ спросъ на него, почему та или другая часть рабочей арміи должна непремѣнно остаться безъ работы. Съ уменьшеніемъ же числа безлошадныхъ и безхозяйныхъ дворовъ сократится число населенія, покидающаго лѣтомъ свой домъ, и тѣмъ самымъ меньшая часть ушедшихъ на поиски работы вернется домой съ пустыми руками. Остановить прогрессирующій ростъ безхозяйныхъ и безлошадныхъ дворовъ—вотъ одна изъ важнѣйшихъ задачъ государственной экономической политики. Несмотря на послѣдніе два урожайные годы, число безхозяйныхъ и безлошадныхъ дворовъ не уменьшилось. Да иначе и быть не могло, такъ какъ не измѣнились тѣ общія причины, которыя вотъ уже въ теченіе четверти вѣка порождаютъ ростъ безлошадныхъ и безхозяйныхъ крестьянскихъ дворовъ. Отовсюду идутъ извѣстія о крайней задолженности крестьянскаго населенія, о невозможности для него, при данныхъ условіяхъ, упрочить собственными средствами свою хозяйственную самостоятельность. Эти обстоятельства начинаютъ свидѣтельствовать и земскіе начальники. Экстренному собранію тетюшскаго земства былъ представленъ управою докладъ по поводу министерскаго запроса о мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ нуждахъ. Въ докладѣ этомъ находятся, между прочимъ, указанія, принадлежащія земскимъ начальникамъ, къ которымъ управа въ числѣ другихъ лицъ обращалась за необходимыми свѣдѣніями. По отзыву земскаго начальника 2-го участка, упадокъ земледѣлія обусловливается крупною задолженностью населенія по казеннымъ и земскимъ платежамъ. Чтобъ уплатить хотя бы четвертую часть, большинству крестьянъ необходимо продать весь свой хлѣбъ, вслѣдствіе чего у земледѣльцевъ не остается средствъ на пріобрѣтеніе достаточнаго количества домашняго скота и крестьяне лишаются вообще возможности слѣдить за правильною обработкой земли, которая, за отсутствіемъ удобренія, окончательно истощилась. Въ виду этого, г. земскій начальникъ 2-го участка приходитъ къ заключенію, что единственною мѣрой къ удовлетворенію нуждъ мѣстнаго земледѣлія будетъ уменьшеніе податей, которыя являются въ настоящее время несоразмѣрно великими сравнительно съ производительностью земли.

Земскій начальникъ 6-го участка приходитъ къ заключенію, что главная причина разстройства крестьянскихъ хозяйствъ — малоземелье, при почти полной выпаханности почвы, отсутствіе лѣса и луговъ, отсутствіе кустарныхъ промысловъ и другихъ подсобныхъ къ земледѣлію средствъ. Переходя къ мѣрамъ воспособленія земледѣльческому населенію, земскій начальникъ 6-го участка указываетъ, прежде всего, на необходимость ходатайствовать передъ правительствомъ объ отсрочкѣ и разсрочкѣ недоимокъ

по всѣмъ казеннымъ сборамъ, чтобы снять съ населенія главную лежащую на немъ тягость. Затѣмъ, въ цѣляхъ помощи безлошаднымъ крестьянамъ, предлагается учредить ссудо-сберегательную земледѣльческую кассу, образовавши капиталъ для нея изъ 20-ти копѣечнаго сбора съ каждаго душевого земельнаго надѣла. До пополненія же кассы такимъ капиталомъ необходимо сдѣлать, при содѣйствіи министерства земледѣлія, позаимствованія на необходимые обороты.

Намъ неоднократно приходилось приводить цифры, относящіяся къ различнымъ районамъ нашего отечества, которыя выяснили, въ какихъ значительныхъ размѣрахъ происходитъ уменьшеніе скота у крестьянскаго населенія. Есть губерніи, какъ, напримѣръ, Саратовская, Воронежская, Херсонская, Вятская, Пермская, гдѣ убыль скота за послѣдніе три года достигаетъ 25 и 30 процентовъ, и контингентъ безлошадныхъ дворовъ образуетъ треть крестьянскаго населенія. А кто же не знаетъ, что потеря рабочаго скота есть начало разоренія и разрушенія самостоятельнаго крестьянскаго хозяйства. Рядомъ съ ростомъ безлошадныхъ и безхозяйныхъ увеличивается и задолженность сельскаго населенія. До какихъ огромныхъ цифръ она достигаетъ, объ этомъ даютъ понятіе только земско-статистическія изслѣдованія. Такъ, напримѣръ, самарская земская коммиссія, изслѣдуя экономическое положеніе губерніи, высчитала, что, не касаясь недоимокъ выкупныхъ платежей, которыхъ числится 16.000,000 рублей., задолженность населенія Самарской губерніи достигла 34.602,005 рублей. Долгъ населенія продовольственному капиталу простирается до 7.000,000 рублей. Слѣдовательно, всѣхъ долговъ состоитъ за самарскими крестьянами 57.602,005 рублей.

Удивительно скоро забываемъ мы вчерашнее, даже когда оно явилось грозною Немезидой. Разразившійся надъ нашимъ отечествомъ страшный голодъ, ошеломившій общество, заставилъ обратить серьезное вниманіе на дѣла деревни. Тогда и для большой публики выяснилось, что разстройство земледѣльческаго промысла не есть явленіе временное, а вошло оно уже въ стадію хроническую, что безъ коренного измѣненія условій сельскаго быта экономическое положеніе народной массы не улучшится. Большой публикѣ всегда было извѣстно, что русскій народъ бѣденъ, что онъ плохо питается, имѣетъ дурныя жилища; но она могла думать, что эти неблагопріятныя условія постепенно ослабляются. А тутъ она узнала, что за послѣднія двадцать лѣтъ не только не происходило улучшенія экономическихъ условій народа, а совершилось ухудшеніе ихъ. Почва истощалась, урожаи понижались, число безлошадныхъ, безземельныхъ и нищихъ увеличивалось, питаніе ухудшалось, заболѣваемость, эпидеміи и смертность усиливались. Все это было уже ранѣе изслѣдовано и установлено земскими статистическими данными. Но томы статистическихъ изслѣдованій были просматриваемы немногими, и только страшный голодъ, разразившійся надъ нашимъ отечествомъ, имѣлъ, между прочимъ, послѣдствіемъ, что результаты статистическихъ изслѣдованій стали извѣстны и большой публикѣ. О томъ же [illegible]о-

ническомъ ухудшеніи условій земледѣльческаго промысла говорило и такое авторитетное учрежденіе, какъ областной съѣздъ сельскихъ хозяевъ, происходившій въ сентябрѣ 1893 г. въ Саратовѣ. Для обсужденія сельско-хозяйственныхъ нуждъ юго-восточнаго края на съѣздъ прибыло до ста человѣкъ опытныхъ людей изъ губерній: Самарской, Симбирской, Пензенской, Тамбовской, Воронежской, Саратовской, Астраханской, Уфимской, Оренбургской и областей Донской и Уральской. На съѣздѣ говорилось о крайней необходимости сельско-хозяйственныхъ улучшеній, такъ какъ населеніе ростетъ, а земледѣльческая культура пребываетъ въ полномъ застоѣ, и, въ то же время, утверждалось, что крестьянская масса рѣшительно не имѣетъ средствъ для введенія земледѣльческихъ улучшеній, а потому «никакія знанія не помогутъ крестьянству встать на ноги, если не будетъ измѣнено его экономическое положеніе». Въ виду этого, съѣздомъ и были приняты *единогласно* слѣдующія постановленія:

«Признавая, что малоземелье является одною изъ главныхъ причинъ экономическаго упадка крестьянскаго населенія, съѣздъ высказывается за скорѣйшее урегулированіе переселенія и разселенія крестьянъ на свободныя и удобныя земли.

«Съѣздъ признаетъ необходимымъ уменьшеніе платежей, обременяющихъ землю, въ виду несоотвѣтствія ихъ съ ея доходностью.

«Съѣздъ признаетъ необходимою организацію дешеваго земледѣльческаго кредита вообще и въ частности меліоративнаго кредита».

Со времени голоднаго года не произошло никакихъ коренныхъ измѣненій въ условіяхъ экономическаго быта крестьянства. Два послѣдніе урожая улучшили только питаніе народа сравнительно съ голоднымъ годомъ. Можетъ быть, это улучшеніе приводитъ въ умиленіе нашихъ оптимистовъ? Но тогда, значитъ, масштабомъ для сравненія имъ служитъ такой ужасный годъ голода, какимъ былъ 1892 годъ.

Разрушеніе самостоятельныхъ крестьянскихъ хозяйствъ, ростъ безлошадныхъ и безхозяйныхъ, ищущихъ работы на сторонѣ и не находящихъ ея, имѣютъ своимъ естественнымъ слѣдствіемъ возростаніе числа нищихъ. Чрезвычайное усиленіе нищенства какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ обратило уже на себя вниманіе правительства, земства, городскихъ управленій и общества. Въ Петербургѣ, какъ извѣстно, учреждена подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Грота коммиссія для выработки законодательства объ общественномъ призрѣніи. Коммиссія уже составила проектъ и, приложивъ къ нему вопросные пункты, а также поступившія на проектъ замѣчанія, разослала его всѣмъ земскимъ и городскимъ управамъ съ просьбой изложить свое мнѣніе относительно организаціи общественнаго призрѣнія въ городахъ и уѣздахъ. На помощь въ этомъ дѣлѣ правительству, земству и городамъ начинаетъ приходить и само общество, устраивая учрежденія для призрѣнія бѣдныхъ. Наиболѣе цѣнными изъ этихъ учрежденій являются «дома трудолюбія». Они имѣютъ своею задачей сокращеніе нищенства чрезъ доставленіе нуждающимся лицамъ заработка, обезпе-

чивающаго ихъ въ первыхъ потребностяхъ жизни. Дома трудолюбія начали возникать у насъ съ конца восьмидесятыхъ годовъ. Они открыты и успѣшно дѣйствуютъ въ Петербургѣ, Кронштадтѣ, Москвѣ, Псковѣ, Смоленскѣ, Тамбовѣ, Орлѣ, Харьковѣ, Саратовѣ, Твери, Калугѣ, Вильнѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Рязани и въ городѣ Слободскомъ (Вятской губ.). О значеніи и дѣятельности этихъ домовъ трудолюбія мы имѣли уже случай говорить *). Недавно открытъ новый домъ трудолюбія въ Кіевѣ. Онъ сооруженъ,—какъ сообщаетъ *Кіевлянинъ*,—въ отведенной городомъ усадьбѣ на средства, пожертвованныя членомъ кіевскаго попечительнаго общества З. П. Мировичемъ. Зданіе трехъ-этажное. Первый этажъ предназначается для мужского отдѣленія, второй—для женскаго, третій—для дневного дѣтскаго пріюта. Въ усадьбѣ при домѣ трудолюбія, заключающей въ себѣ 1,000 кв. саж., предположено развести садъ и огородъ. Кліенты дома трудолюбія жить въ немъ не будутъ, а будутъ только приходить сюда на работы. За работы они будутъ получать опредѣленную плату. Съ теченіемъ времени общество предполагаетъ, кромѣ платы за работы, выдавать также пищу. Предполагается также устраивать въ домѣ трудолюбія народныя чтенія съ туманными картинами, примѣнивъ для этой цѣли одну изъ залъ. Кіевское попечительное общество домовъ трудолюбія ставитъ своею цѣлью дать возможность людямъ, временно потерявшимъ службу и не владѣющимъ никакимъ спеціальнымъ ремесломъ (домашняя прислуга, мелкіе чиновники, служащіе въ частныхъ учрежденіяхъ и т. д.), честнымъ путемъ зарабатывать дневное пропитаніе впредь до прінсканія новой постоянной службы; ему тяжело видѣть въ статистикѣ самоубійствъ Кіева людей, рѣшающихся наложить на себя руки подъ вліяніемъ безысходной матеріальной нужды. Въ этихъ видахъ, общество признало необходимымъ развить въ домѣ трудолюбія занятія такими ремеслами, которыя доступны каждому, какъ клейка бумажныхъ кульковъ, плетеніе сѣтей и простыхъ корзинъ, ткацкое производство и проч. Число членовъ общества въ настоящее время простирается до 300 съ лишнимъ. Средства общества выражаются въ суммѣ 7,000 р., пожертвованныхъ разными лицами. По окончаніи освященія перваго въ Кіевѣ дома трудолюбія было заявлено о новомъ крупномъ пожертвованіи обществу, но говорить объ этомъ пожертвованіи газета считаетъ пока преждевременнымъ.

Открылся также домъ трудолюбія въ Ярославлѣ. Капиталъ, составившійся изъ добровольныхъ пожертвованій, достигъ цифры 65 тыс. руб., сверхъ недвижимаго имѣнія, цѣнностью до 25 т. р., заключающагося въ домѣ, пожертвованномъ для той же цѣли В. И. Горяиновымъ. Кромѣ дома трудолюбія, въ Ярославлѣ успѣшно дѣйствуетъ комитетъ для призрѣнія неимущихъ. Дѣятельность комитета выражается: въ выдачѣ ежемѣсячныхъ денежныхъ пособій вдовамъ, сиротамъ, престарѣлымъ и увѣчнымъ; въ содѣйствіи къ помѣщенію ихъ въ богадѣльни, пріюты и другія благотвори-

---

*) *Русская Мысль* 1894 г., кн. X.

тельныя учрежденія; въ выдачѣ нуждающимся единовременныхъ денежныхъ пособій, пособій съѣстными припасами, въ изысканіи для бѣдныхъ работы; въ выдачѣ единовременныхъ пособій бѣднымъ дѣвицамъ при выходѣ ихъ въ замужство, на погребеніе умершихъ членовъ бѣдныхъ семействъ, на пособіе для отправки нуждающихся на родину, на покупку одежды, обуви и дровъ для отопленія квартиръ и на другія надобности. Сверхъ того въ городѣ имѣются дешевыя столовыя. Изъ дешевыхъ столовыхъ въ теченіе минувшаго года за пяти-копѣечную плату отпущено обѣдовъ изъ двухъ блюдъ при ломтѣ хлѣба 29,697 неимущимъ.

Въ сентябрѣ 1893 года открыло свою дѣятельность въ г. Чистополѣ общество попеченія о бѣдныхъ. Предъидущіе годы,—говоритъ корреспондентъ *Волжскаго Вѣстника,*—оставили послѣ себя тяжелое наслѣдство; и много лѣтъ пройдетъ, пока населеніе залечитъ раны, нанесенныя этими годами. Какъ только члены общества ознакомились съ городскою бѣднотой, сейчасъ же стало очевидно, что, кромѣ помощи взрослымъ беднякамъ, необходимо также учрежденіе дома для призрѣнія бѣдныхъ дѣтей. При разсмотрѣніи доклада комитета, общество постановило уполномочить комитетъ открыть на имѣющіяся средства убѣжище для дѣтей сиротъ, независимо отъ того, поможетъ ли этому дѣлу городское управленіе. Дума не отказала въ помощи; она дала помѣщеніе и отопленіе. Помогло и земство; и такимъ образомъ существованіе убѣжища теперь вполнѣ обезпечено. Убѣжище поставило себѣ задачей давать дѣтямъ сиротамъ необходимый имъ пріютъ, пищу и одежду, а также религіозно-нравственное и умственное воспитаніе, чтобъ образовать изъ нихъ людей честныхъ, здоровыхъ, трудолюбивыхъ и способныхъ пріобрѣтать себѣ впослѣдствіи честнымъ трудомъ средства къ жизни. Въ убѣжище принимаются, по освидѣтельствованіи врачомъ, круглыя сироты и полусироты обоего пола, не моложе 6 и не старше 12 лѣтъ. Для сиротъ моложе 6 лѣтъ устраивается при убѣжищѣ особое отдѣленіе. Въ отношеніи учебно-воспитательномъ убѣжище подчиняется дѣйствіямъ правилъ о школахъ грамоты, а для дальнѣйшаго образованія посылаетъ призрѣваемыхъ въ городскія учебныя заведенія. При убѣжищѣ устраиваются мастерскія. Дѣти въ убѣжищѣ получаютъ: элементарное образованіе, практически-ремесленное обученіе и занимаются огородничествомъ, садоводствомъ и т. п.

Въ то время, какъ въ городахъ,—читаемъ въ *Орловскомъ Вѣстникѣ,*—интеллигентный и зажиточный классы общества начинаютъ заботиться о своихъ меньшихъ братьяхъ, о слабыхъ, больныхъ и голодныхъ, о бездомныхъ и сиротахъ, устраивая пріюты, больницы, дома трудолюбія, богадѣльни и прочія благотворительныя учрежденія, въ деревнѣ, гдѣ процентъ нуждающихся въ помощи нисколько не меньше городского, этотъ несчастный, безпріютный, оборванный людъ остается совершенно безъ призора. И вотъ, благодаря этой безпомощности деревенской бѣдноты, нерѣдки случаи замерзанія старухъ и дѣтей въ зимнюю стужу, нерѣдки случаи воровства со стороны юной безотцовщины, нерѣдки случаи безчеловѣчной ка-

балы малолѣтнихъ сиротъ... да и мало ли что еще не рѣдко. Общественное сознаніе мужика еще не доросло до необходимости коллективной помощи своимъ неимущимъ собратьямъ, къ тому же еще и вѣчная нужда его самого. Въ виду этого, газета съ особеннымъ удовольствіемъ спѣшитъ отмѣтить благой починъ помощи безпріютнымъ, сдѣланный на-дняхъ однимъ земскимъ начальникомъ Мценскаго уѣзда, г. Римскимъ-Корсаковымъ. Съ 1 по 5 февраля въ его участкѣ были собираемы волостные сходы для обсужденія волостныхъ нуждъ, и вотъ на этихъ-то сходахъ, которые опредѣляютъ размѣръ волостныхъ сборовъ, имъ было предложено крестьянамъ нѣкоторыхъ волостей открыть при волостныхъ правленіяхъ пріюты для крестьянскихъ сиротъ. Крестьяне охотно откликнулись на доброе дѣло. Слѣдствіемъ этого отклика было то, что въ Троицкой, Покровской и друг. волостяхъ внесена въ раскладку особая статья на постройку въ настоящемъ 1895 году пріютовъ для крестьянскихъ сиротъ при домахъ волостныхъ правленій. На первый разъ назначена каждою волостью сумма въ четыреста рублей, несомнѣнно достаточная для постройки большой, просторной, наприм., 10×12 арш. избы, особенно если эта постройка будетъ выполнена такъ называемымъ хозяйственнымъ способомъ. Въ будущіе годы, если крестьяне будутъ давать ежегодно по четыреста рублей, то нарождающіеся пріюты могутъ считаться обезпеченными, но первое время по открытіи они оказываются совершенно безъ средствъ. Дѣло въ томъ, что каждая волость, давши по четыреста рублей, больше этого уже помочь не можетъ, это было бы слишкомъ обременительно для крестьянъ. Поэтому г. Римскій-Корсаковъ, чтобы дѣло его не угасло въ самомъ началѣ, намѣренъ прибѣгнуть за помощью къ нѣкоторымъ благотворительнымъ обществамъ и къ частнымъ лицамъ, по премуществу владѣльцамъ Мценскаго уѣзда. Выражая доброму почину искреннее пожеланіе полнаго успѣха, газета, предавая его гласности, надѣется, что кто-либо хотя бы изъ тѣхъ лицъ, на кого разсчитываетъ самъ г. Римскій-Корсаковъ, прочтетъ эти строки и не откажется принести такому святому дѣлу посильную помощь.

Бываютъ такія волости, находящіяся въ исключительно благопріятныхъ экономическихъ условіяхъ, которыя въ состояніи на собственныя средства выстроить больницу и пригласить въ нее врача, устроить пріютъ для сиротъ, организовать постоянное призрѣніе бѣдныхъ, престарѣлыхъ и убогихъ. Примѣры этому нѣсколько разъ приводились въ нашихъ очеркахъ. Теперь о таковомъ же постановленіи крестьянъ сообщаютъ изъ Ливенскаго уѣзда. Инщіатива дѣла вышла изъ села Готище. Здѣсь на волостномъ сходѣ, въ составѣ 117 хозяевъ, было принято рѣшеніе жертвовать, въ память почившаго Монарха Александра III, на устройство школы-пріюта для дѣтей бѣдныхъ крестьянъ ежегодно двѣсти рублей съ тѣмъ, чтобы деньги эти платились изъ числа двухкопѣечнаго % сбора, остающагося въ пользу волости отъ оборота ссудо-сберегательной кассы. Иниціатива Готищевской волости была поддержана другими волостями того же уѣзда, собравшими на устройство и содержаніе пріюта до 3,000 рублей. Выработанъ уже про-

ектъ устава, главныя основанія котораго слѣдующія. Пріютъ имѣетъ цѣлью призрѣвать, воспитывать и обучать не имѣющихъ пристанища и беднѣйшихъ дѣтей крестьянъ (сюда могутъ быть приняты и дѣти мѣщанъ города Ливенъ, если общество или городъ пожелаютъ принять денежное участіе въ устройствѣ пріюта). Въ число питомцевъ пріюта принимаются дѣти не моложе 7 лѣтъ по приговорамъ волостныхъ сходовъ. Число воспитанниковъ отъ каждой волости опредѣляется пропорціонально дѣлаемыхъ взносовъ на содержаніе учрежденія. Пріютъ раздѣляется на два отдѣленія: мужское, гдѣ дѣти остаются до 16-ти лѣтняго возраста, и женское — до 14 лѣтъ. Въ немъ, рядомъ съ начальнымъ образованіемъ, дѣти обучаются также ремесламъ. Завѣдываніе хозяйственною частью поручается особому правленію, подъ почетнымъ предсѣдательствомъ г. орловскаго губернатора. На обязанности правленія лежитъ, между прочимъ, изысканіе средствъ на расширеніе пріюта, доставленіе заказовъ на издѣлія воспитанниковъ и устройство мѣстъ сбыта этихъ издѣлій.

Къ сожалѣнію, не много еще на Руси такихъ волостей, которыя на собственныя средства могутъ призрѣвать бѣдныхъ, престарѣлыхъ, убогихъ и сиротъ. Тяжелое, крайне неустроенное экономическое положеніе крестьянской массы характеризуется многими яркими признаками и въ числѣ ихъ видное мѣсто занимаютъ существующія для нея условія кредита. Нужда крестьянъ въ кредитѣ велика; между тѣмъ, для удовлетворенія этой нужды сдѣлано такъ мало, что можно сказать, ничего не сдѣлано. Поэтому крестьяне вынуждены обращаться къ частному кредиту, который въ огромномъ большинствѣ случаевъ бываетъ для нихъ кредитомъ ростовщическимъ. Съ этимъ зломъ попробовало бороться законодательство. Года два назадъ былъ изданъ законъ противъ ростовщичества. Но законъ этотъ, какъ и слѣдовало предвидѣть, не достигъ своей цѣли. Ростовщичество продолжаетъ, попрежнему, разъѣдать нашу деревню. Мы приводили уже не мало фактовъ, показывающихъ, на какія невѣроятныя, повидимому, условія бываютъ вынуждены соглашаться крестьяне, особенно во время недорода хлѣба, и какъ беззастѣнчиво и открыто эксплуатируются они мѣстными кулаками. Уличить ростовщика въ беззаконныхъ дѣйствіяхъ не легко. Онъ ссужаетъ мужика хлѣбомъ или деньгами и беретъ по 5, 10, а то и больше копѣекъ на рубль въ мѣсяцъ; въ роспискахъ же обыкновенно говорится, что заемъ сдѣланъ по 12 процентовъ годовыхъ. Но и помимо трудности уличить кулака, должники платятъ безпрекословно и потому еще, что опасаются получить отказъ въ денежной или натуральной помощи въ другое, трудное для крестьянина, время. Изрѣдка только доходитъ дѣло до суда, и тутъ раскрываются тѣ поистинѣ ужасныя условія, на которыхъ кредитуется народъ. Въ сентябрьской хроникѣ за прошлый годъ мы сообщали, наприм., разбиравшееся въ самарскомъ окружномъ судѣ дѣло, по которому мѣстный кулакъ взыскивалъ съ сельскаго общества 6,540 рублей за проданную имъ обществу въ кредитъ рожь количествомъ 87 мѣшковъ, цѣною въ 587 рублей. Вотъ каковы были размѣры назначенной кулакомъ неустойки! И что

же, товарищъ прокурора далъ заключеніе, въ которомъ полагалъ удовлетворить искъ кулака, какъ основанный на безспорныхъ документахъ. Но окружный судъ не согласился со взглядомъ прокурора и постановилъ взыскать лишь капитальный долгъ съ законными процентами.

Полна провинціальная печать сообщеніями о дѣяніяхъ ростовщичества. Вотъ образчикъ подобныхъ сообщеній: «Прошлые годы нанесли непоправимый ударъ благосостоянію деревни,—пишутъ изъ Чистопольскаго уѣзда въ *Волжскій Вѣстникъ*,—нужда въ деньгахъ огромная, а у разоряющагося крестьянина въ особенности. Надо платить долги государству, земству, частнымъ лицамъ, а земля, главный источникъ дохода, приноситъ крестьянину слишкомъ мало. Въ силу необходимости онъ распродаетъ скотъ, одежду, самую «кормилицу» землю сдаетъ въ арендное содержаніе «благодѣтелю» за безцѣнокъ, ему же закабаляетъ свой трудъ. Что современная деревня, какъ никогда, нуждается въ посторонней помощи, въ деньгахъ, это фактъ, но для нея не существуетъ ни сельскихъ банковъ, ни ссудо-сберегательныхъ товариществъ. Крестьянинъ, гонимый безвыходною нуждой, идетъ за выручкой къ «благодѣтелю». Послѣдній своимъ «чухомъ» угадалъ современное состояніе деревни и сообразилъ, что гораздо выгоднѣе держать деньги дома, чѣмъ отдавать ихъ въ «банку», ибо въ банкѣ онъ получаетъ $3^1/_2$%, а «дома» получитъ отъ 25 до 300%. Въ одномъ многолюдномъ селеніи Чистопольскаго уѣзда кулакъ даетъ рубль взаймы на недѣлю съ тѣмъ, чтобъ онъ привелъ къ нему за собой пять копѣекъ. Иначе, онъ даетъ въ ростъ деньги изъ 260% годовыхъ. Въ другомъ, почти такомъ же многолюдномъ селеніи, того же уѣзда, въ 1894 году кулаки выдали: 1) Ивану 150 руб. изъ 20% годовыхъ; 2) Семену 100 руб. изъ 25%; Данилѣ 25 р. изъ 96%; 4) Сидору 20 р. изъ 120%; 5) Макару 3 руб. изъ 4000% и т. д. Чѣмъ меньше ссуда, тѣмъ больше процентъ. Изъ этой таблицы видно, что кулакъ съ одними обывателями нисколько не церемонится, а къ другимъ какъ будто бы и стыдъ питаетъ. Но, изучая дѣйствительность, какъ она есть, приходится сознаться, что у кулака стыда мало. Если онъ, повидимому, къ нѣкоторымъ и милостивъ, такъ не безъ цѣли: зажиточные крестьяне (тѣмъ не менѣе, нуждающіеся въ кредитѣ) имѣютъ въ обществѣ вѣсъ. Чтобы подкупить ихъ совѣсть на сходахъ, «благодѣтель» и ссужаетъ ихъ деньгами на болѣе льготныхъ сравнительно съ голытьбой условіяхъ. И уже потомъ за всѣ послабленія къ кредитующимся съ вѣсомъ онъ дополучитъ съ общественнаго имущества. Описываемыя картинки совершаются на глазахъ закона о ростовщичествѣ. Законъ этотъ менѣе всего можетъ покарать кулака. Въ роспискахъ и заемныхъ письмахъ кулакъ не употребляетъ слово процентъ, а устраиваетъ такъ: беретъ у него какой-нибудь Макаръ 20 рублей, а въ роспискѣ пишетъ 44, каковые и обязуется уплатить къ такому-то сроку. Въ случаѣ неуплаты воленъ онъ, благодѣтель, раздѣтъ Макара, какъ липку, и только. Если бы должникъ, паче чаянія, вздумалъ донести на благодѣтеля куда слѣдуетъ, то самъ же и больше всѣхъ пострадаетъ: благодѣтель разоритъ его, да и

на будущее время лишить всякой поддержки. А ну, какъ хлѣба не хватитъ, куда онъ пойдетъ? Жметъ нашъ крестьянинъ горе на своемъ сердцѣ и молчитъ».

«Если есть что свѣтлое въ нашей жизни за послѣднее время, то это все большее распространеніе грамотности среди народа, хотя оно еще и составляетъ каплю въ морѣ»,—такъ говоритъ одна провинціальная газета, печатая воспоминанія нѣкоего г. Дубовенка о воскресныхъ чтеніяхъ, устроенныхъ въ сельской школѣ, гдѣ онъ былъ учителемъ. Другая провинціальная газета слѣдующими словами начинаетъ описаніе торжества освященія школы въ бѣдной слободѣ Новоселовкѣ, Донской области, устроенной кружкомъ мѣстной интеллигенціи: «Съ чувствомъ высокой радости прочитываетъ всякій, слѣдящій за движеніемъ русской общественной жизни, газетныя сообщенія о дѣятельности земства, частныхъ обществъ и отдѣльныхъ лицъ, направленной къ просвѣщенію простого люда». И дѣйствительно, въ области просвѣщенія народа происходитъ энергичная общественная работа. Изъ двухъ великихъ задачъ государственной жизни: поднять матеріальное благосостояніе народа и распространить въ немъ просвѣщеніе,—послѣдняя задача болѣе по силамъ какъ земству, такъ и обществамъ и отдѣльнымъ лицамъ. Вотъ почему въ сферѣ просвѣщенія народа мы воочію видимъ значительные результаты; вотъ почему въ эту сферу дѣятельности направлены по преимуществу усилія людей, чувствующихъ потребность поработать на благо народа. Слишкомъ долго держали мы нашъ даровитый народъ въ совершенной темнотѣ, не допускали къ нему даже простой грамоты. Въ Западной Европѣ дѣло уже идетъ о томъ, чтобы приблизить университеты къ народу, популяризировать въ массахъ университетскую науку, а у насъ до сихъ поръ еще только 8% грамотныхъ. Очевидно, съ обученіемъ народа надо торопиться. Истинное патріотическое чувство указываетъ неотложную надобность ввести у насъ возможно скорѣе *всеобщее начальное обученіе*. Въ этомъ смыслѣ высказались послѣднія земскія собранія, эту же цѣль преслѣдуютъ наши большіе города. Изъ всѣхъ большихъ городовъ всего ближе къ цѣли подвинулась Одесса. На очередномъ засѣданіи одесской думы, 23 ноября прошлаго года, городской голова Г. Г. Маразли внесъ слѣдующее предложеніе. Городской голова указалъ на то, что хотя одесское городское управленіе относилось всегда съ большою отзывчивостью къ дѣлу народнаго образованія и устроило довольно значительное число народныхъ школъ, тѣмъ не менѣе, Одесса не достигла еще того положенія, когда она могла бы съ гордостью заявить, что она не закрываетъ дверей народной школы ни передъ однимъ ребенкомъ, желающимъ войти въ нее. Изъ недавно собранныхъ цифръ видно, что число дѣтей, которымъ приходится отказывать въ пріемѣ въ народныя школы вслѣдствіе недостатка свободныхъ мѣстъ, составляетъ около 1,000 въ годъ. Поэтому слѣдовало бы теперь увеличить число народныхъ школъ настолько, насколько это необходимо для удовлетворенія потребности въ

образованія всего населенія одесскаго градоначальства. Такое постановленіе городского управленія,— закончилъ г. Маразли, — будетъ имѣть тѣмъ большее значеніе, что оно сдѣлаетъ Одессу подготовленною къ благопріятному разрѣшенію все болѣе и болѣе назрѣвающаго высокой важности вопроса о всеобщемъ начальномъ обученіи. Городская управа указала, что осуществленіе мысли городского головы требуетъ учрежденія 25 новыхъ классовъ, считая по 40 учениковъ на классъ, а такъ какъ уже имѣется постановленіе объ открытіи въ будущемъ году 10 новыхъ классовъ, то необходимо будетъ открыть еще 15 классовъ, на что потребуется около 20,000 руб. въ годъ независимо отъ расходовъ на первоначальное обзаведеніе этихъ классовъ. Одинъ изъ гласныхъ предложилъ было сначала передать это заявленіе городского головы на разсмотрѣніе коммиссіи, но другіе гласные нашли, что предложеніе это уже достаточно разработано, и оно было принято единогласно.

Говоря о дѣлахъ Одессы, нельзя не высказать сожалѣнія, что такой почтенный общественный дѣятель, какъ Г. Г. Маразли, вынужденъ былъ, по разстроенному здоровью, оставить постъ городского головы. Много лѣтъ своей жизни честно и энергично поработалъ г. Маразли для Одессы. Какимъ необычайнымъ уваженіямъ и симпатіями пользовался бывшій одесскій городской голова, это хорошо выражено г. Дорошевичемъ въ *Одесскомъ Листкѣ*. Г. Г. Маразли,—говорится въ статьѣ г. Дорошевича,— былъ однимъ изъ самыхъ крупныхъ и заслуженныхъ «городскихъ головъ» во всей Россіи. Онъ пользовался неограниченнымъ нравственнымъ кредитомъ. Почти нѣтъ ни одного благороднаго и благого городского дѣла, въ которомъ не принялъ бы дѣятельнаго участія г. Маразли. Одесса вправѣ гордиться такимъ гражданиномъ. Онъ отдалъ на пользу общества свои способности, свою энергію, свой трудъ. И когда почувствовалъ, что по состоянію здоровья не въ силахъ больше сполна расплачиваться за оказываемое ему обществомъ довѣріе, онъ сказалъ это и сложилъ съ себя званіе городского головы. Онъ думалъ только о городѣ и посвящая ему столько лѣтъ своей жизни, и отказываясь отъ того почетнаго званія, съ которымъ сжился, какъ со своимъ вторымъ «я». Дай Богъ каждому городу имѣть такихъ дѣятелей. И дай Богъ каждому дѣятелю имѣть столько благородства, чтобъ поставить интересы дѣла выше всѣхъ прочихъ соображеній. Есть масса дѣятелей, которые смотрятъ на свои мѣста, какъ на «почетную пенсію», ими заслуженную, имъ слѣдующую отъ общества. Рѣшеніе Г. Г. Маразли уйти полно того же безукоризненно-корректнаго отношенія къ обществу, какъ и его дѣятельность.

Кромѣ городскаго управленія, много сдѣлало для народнаго просвѣщенія въ Одессѣ и ея окрестностяхъ общество Кирилла и Меѳодія. Общество это существуетъ уже болѣе десяти лѣтъ. Имъ организованы въ обширныхъ размѣрахъ народныя чтенія, народныя читальни и устроена во многихъ мѣстахъ продажа для народа дешевыхъ книгъ. За послѣднія шесть лѣтъ общество пустило въ народъ болѣе полмилліона книгъ.

Замѣтно развилась за послѣднее время и дѣятельность орловскаго комитета народныхъ чтеній. Изъ изданнаго имъ недавно отчета видимъ, что, кромѣ народныхъ чтеній, комитетъ организовалъ еще общедоступные литературные вечера, праздники для бѣдныхъ дѣтей, книжные склады, раздавалъ безплатно книги и учредилъ безплатную Тургеневскую читальню. Чтенія комитета пользуются большою популярностью среди населенія, доказательствомъ чему можетъ служить то обстоятельство, что за отчетный годъ въ одной только аудиторіи перебывало не менѣе 3,000 чел., и были дни, когда слушателей собиралось до 400 человѣкъ. Безплатная читальня имени Тургенева также привлекаетъ массу публики. За отчетный, напримѣръ, годъ сдѣлано было 3,230 посѣщеній.

На-дняхъ полученъ нами отчетъ по народнымъ чтеніямъ въ гор. Самарѣ за 1894 годъ. И здѣсь, какъ и всюду, впрочемъ, чтенія полны народомъ. Въ среднемъ пришлось 775 чел. на чтеніе.

Съ возростаніемъ просвѣщенія въ народѣ развивается въ немъ пониманіе своихъ правъ, а за пониманіемъ правъ явится и умѣнье защищать ихъ. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ болѣе приходится слышать и читать сообщенія о народной безпомощности, чѣмъ объ умѣньѣ народомъ отстаивать свое право. Но начинаютъ появляться факты, въ которыхъ хотя и робко, а, все-таки, выступаетъ сознаніе народомъ своего права. Такъ, въ *Самарскую Газету* сообщаютъ изъ Буинска слѣдующій случай. Въ концѣ прошлаго года истекалъ срокъ службы старостуденецкаго волостного старшины Мяньдѣева, въ виду чего въ ноябрѣ мѣсяцѣ былъ собранъ въ волостномъ правленіи сходъ для производства выборовъ на новое трехлѣтіе. На сходѣ крестьянамъ было предложено начальствомъ выбрать на новый срокъ прежняго старшину, такъ какъ онъ-де человѣкъ хорошій и за полезную дѣятельность въ истекшіе три года, вмѣстѣ съ писаремъ, представленъ къ награжденію медалью. Крестьяне заявили, что хотя Мяньдѣевъ и представленъ къ наградѣ, но выбирать его въ старшины они не желаютъ, такъ какъ Мяньдѣевъ человѣкъ «нехорошій»—пьяница и взяточникъ; нѣкоторые указывали на случаи лихоимства Мяньдѣева, заявляли о записи имъ въ расходъ волостныхъ денегъ, вовсе не израсходованныхъ или въ большемъ противъ дѣйствительнаго расхода размѣрѣ, заявляли также, что Мяньдѣевъ подкупалъ ихъ передъ выборами, и представляли полученныя съ него деньги. Но все это было оставлено безъ вниманія. Между тѣмъ, крестьяне стояли на своемъ и ни доводы, ни убѣжденія и, наконецъ, приказанія не помогли, — отъ избранія Мяньдѣева они рѣшительно отказались. Сходъ былъ распущенъ и крестьянамъ было предложено «подумать». Дня черезъ три послѣ распущенія схода отдѣльныхъ выборщиковъ каждой деревни стали вызывать. Въ результатѣ каждый изъ нихъ познакомился съ кутузкой. Тѣмъ не менѣе, на вторичныхъ выборахъ Мяньдѣевъ получилъ изъ 175 шаровъ избирательныхъ только 50.

А вотъ другая, весьма характерная бытовая картинка, разсказанная въ *Саратовскомъ Дневникѣ*.

Деревня готовится къ сельскому сходу. Земскій начальникъ велѣлъ безпремѣнно приговоръ составить, чтобы, значитъ, Герасима изъ общества удалить... Грозится... Коли, говоритъ, не составите, самъ пріѣду, распоряжусь какъ слѣдуетъ... Дѣло въ томъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ Герасимъ, ходившій на заработки, судился за нанесеніе кому-то въ пьяномъ видѣ раны. По отбытіи наказанія въ арестантскихъ ротахъ, Герасимъ былъ отданъ подъ надзоръ общества. Съ той поры Герасимъ проживаетъ въ селѣ, и хотя нерѣдко выпиваетъ, однако, обидъ и вреда никому не дѣлаетъ. Напротивъ, односельцы охотно приглашаютъ его на работу, какъ усерднаго и добросовѣстнаго работника. Герасимъ безмятежно существовалъ бы и далѣе, если бы не слѣдующій случай. На одномъ «игрищѣ», т.-е. вечеринкѣ по случаю свадьбы, Герасимъ поссорился со старшиной и урядникомъ изъ-за какой-то гармоники. Въ виду того, что обѣ стороны были «въ градусѣ», возникла полемика, въ результатѣ которой Герасимъ очутился въ холодной и, какъ говорятъ, былъ избитъ старшиной и урядникомъ. По выходѣ изъ холодной Герасимъ запилъ, все время вспоминалъ о нанесенныхъ ему побояхъ и, наконецъ, заявилъ пріѣхавшему по какому-то дѣлу исправнику, что онъ жить въ с. Николаевскомъ не можетъ, и проситъ сослать его въ Сибирь, ибо старшина и урядникъ такъ его преслѣдуютъ, что онъ не вытерпитъ истязаній и причинитъ истязателямъ большой вредъ, за который все равно придется идти въ Сибирь. Тотчасъ было сдѣлано распоряженіе о созывѣ сельскаго схода по вопросу объ удаленіи Герасима изъ общества. Общество не нашло, однако, возможнымъ на основаніи заявленія самого Герасима постановить приговоръ объ его удаленіи. На слѣдующій день старшина велѣлъ взять Герасима и заковать въ желѣзо. Когда на Герасима были надѣты цѣпи, то старшина ударилъ его и разбилъ ему лицо до крови. Все это произвело такое впечатлѣніе на николаевцевъ, что они, собравшись на сходъ, постановили ходатайствовать объ устраненіи старшины отъ должности. Старшина немедленно укатилъ къ земскому начальнику. По возвращеніи онъ выпустилъ Герасима изъ заключенія, вручивъ ему повѣстку явиться къ судебному слѣдователю по обвиненію въ произнесеніи угрозъ. Судебный слѣдователь отпустилъ его тотчасъ же; земскій же начальникъ прислалъ обществу предписаніе составить приговоръ объ удаленіи Герасима.

Собрался сходъ. Въ переднемъ углу, подъ образами, вокругъ стола сидѣли волостной старшина, староста и сельскій писарь. Члены схода, «старики», отчасти сидѣли, отчасти стояли. Сосѣдняя горница была точно также заполнена стариками. Нужно замѣтить, однако, что эти «старики» таковы только по названію. Въ большинствѣ это люди отъ 25 до 35 лѣтъ и много до 40 лѣтъ. По лицамъ присутствовавшихъ было видно, что всѣ ожидаютъ большой для себя непріятности. Сельскія власти чувствовали себя тоже не совсѣмъ ловко. «Ну, что-жь, открывайте сходъ,—сказалъ писарь,—законное число собралось».

Старшина надѣлъ мѣдную цѣпочку со знакомъ. Писарь читаетъ бумагу,

въ которой предписывается маріинскому волостному правленію немедленно предложить обществу крестьянъ с. Николаевскаго составить приговоръ объ удаленіи изъ ихъ среды крестьянина Герасима Андреева въ виду его заявленія объ ономъ и порочномъ его поведеніи и въ видахъ предохраненія общественнаго порядка и безопасности.

— Такъ-съ,—говоритъ Герасимъ, выслушавши предписаніе земскаго начальника.—Какъ же это выходитъ? Вѣдь, судебный слѣдователь меня освободилъ изъ оковъ, въ которыхъ я сидѣлъ по приказанію старшины и урядника. Если я не сдѣлалъ вины, то пусть меня старшина не трогаетъ, пусть не ведетъ меня въ жигулевку, пусть не накладываетъ на меня желѣза. Въ жигулевку я не пойду. Пусть старшина смирится. И насчетъ приговора: если старшина смирится—подписывайте, а то такъ и не надо. Я обществу вреда не дѣлаю.

Въ избѣ воцаряется молчаніе.

— Герасимъ!— спрашиваетъ, наконецъ, одинъ изъ стариковъ.—Ты, вѣдь, земскому начальнику самъ заявилъ, что желаешь, чтобы тебя сослали. Говорилъ ты это или нѣтъ?

— Если старшина смирится своимъ характеромъ, я останусь, уходить мнѣ отъ васъ нечего, а не смирится—лучше ужь я уйду. Все равно мнѣ пропадать.

— Кого же это я обидѣлъ?—замѣчаетъ старшина.

— А кого же ты не обидѣлъ? Я такъ и исправнику сказалъ. Я, говорю, претерпѣлъ мученья...—и Герасимъ начинаетъ говорить что-то долго и непонятно. Фразы безъ сказуемыхъ и подлежащихъ вылетаютъ одна за другой. Фигура Герасима показываетъ полное его душевное угнетеніе. Присутствующимъ становится жутко.

— Герасимъ!—прерываетъ его, наконецъ, крестьянинъ, который и прежде задавалъ ему вопросы.—А, Герасимъ! Скажи ты намъ понятно, вонъ земскій начальникъ указываетъ, что ты ему будто заявилъ, что желаешь уйти въ Сибирь; говорилъ ты ему это или нѣтъ?

— Пусть старшина не будетъ толкалой. А если будетъ, лучше мнѣ въ Сибирь идти. Это, вѣдь, не одно нападеніе; это уже третье. Такъ гдѣ же мнѣ перенести?

— Герасимъ!—продолжаетъ спрашивать тотъ же крестьянинъ.—Намъ, вѣдь, нужно знать, хочешь ты въ Сибирь или нѣтъ. Намъ ты худого не сдѣлалъ ничего, зла мы отъ тебя не видали. Безъ твоего желанія мы тебя удалять не будемъ.

— Я не могу этого знать. Глядите сами, пусть на ваше мнѣніе будетъ. Глядите... А теперь мнѣ скажите, за что же въ жигулевку-то?

— Ты на это можешь жаловаться,—говоритъ староста,—а теперь ступай въ арестантскую. Полицейскіе, отведите его!

Герасимъ уходитъ за полицейскимъ. Вслѣдъ за нимъ порываются удаляться и многіе изъ членовъ схода.

— Нѣтъ, господа, не расходитесь,—говоритъ старшина.—Десятникъ,

никого не пускай со схода! Земскій начальникъ приказалъ обязательно составить приговоръ и тотчасъ дать ему телеграмму.

— Господа!—обращается къ сходу сельскій писарь,—мы получили два года тому назадъ бумагу, а въ бумагѣ этой говорится, что крестьянинъ Герасимъ Андреевъ, судившійся за нанесеніе раны и отбывшій срокъ наказанія въ арестантскихъ ротахъ, съ согласія общества отдается подъ его надзоръ, причемъ общество обязано извѣщать кого слѣдуетъ, въ случаѣ, если Герасимъ будетъ замѣченъ въ чемъ-либо предосудительномъ. Вотъ видите, господа, это было два года назадъ, срокъ надзора четырехлѣтній, такъ что Герасимъ на вашей отвѣтственности будетъ считаться еще два года. Подумайте, какая отвѣтственность! Вотъ что говорится по этому поводу,—писарь опускаетъ глаза въ бумагу и, дѣлая видъ, что читаетъ, произноситъ скороговоркой:—если курица пропадетъ по винѣ Герасима, то за курицу несетъ вину общество, а если по винѣ Герасима произойдетъ разстройство въ чьемъ-либо семействѣ, то общество обязано семейство это обезпечить.

Хитрость писаря не остается, однако, незамѣченной.

— Ты намъ не подставляй свои слова-то. Ты намъ покажи законъ!—слышатся голоса.

— Это все въ законахъ есть. Законъ именно такъ и опредѣляетъ.

— Ну, найди его, мы сами прочтемъ.

Староста приходитъ на помощь переусердствовавшему писарю.

— Законы-то у насъ не всѣ,— говоритъ онъ,— а которые есть, такъ устарѣли.

— То-то вотъ не всѣ. А коли не всѣ, такъ нечего и пугать ими.

Неудача не обезкураживаетъ писаря и онъ продолжаетъ:

— Вамъ придется подписать слѣдующій приговоръ; прошу выслушать.

Въ приговорѣ говорится, что такіе-то крестьяне однообщественники, бывъ сего числа собраны на сходъ, между прочимъ, обсуждали заявленіе волостного старшины Маріинской волости объ угрозахъ лишить его жизни, произносимыхъ крестьяниномъ Герасимомъ Андреевымъ. Имѣя въ виду такое заявленіе и усматривая, что Андреевъ, состоящій подъ надзоромъ общества, вмѣсто того, чтобъ исправиться, предается буйству и пьянству, всячески нарушаетъ тишину и угрожаетъ безопасности окружающихъ, общество постановляетъ просить кого слѣдуетъ объ удаленіи Андреева изъ его среды.

— Слыхали приговоръ? Вотъ этотъ самый и подписывайте. Согласны или нѣтъ?

— А кто не согласенъ,—замѣчаетъ старшина,—тѣхъ нужно переписать. Земскій начальникъ приказалъ списки ему представить.

— Мнѣ можно сказать?—проситъ голоса одинъ молодой крестьянинъ.

— Говори,—разрѣшаетъ старшина.

— Вамъ, господа старики, извѣстно, — начинаетъ молодой крестьянинъ,—что вопросъ объ удаленіи Герасима изъ нашей среды мы обсу-

даемъ уже второй разъ. Недѣли двѣ тому назадъ мы обсуждали какъ разъ тотъ самый приговоръ, который намъ предложили сейчасъ подписать. Мы не нашли возможнымъ подписать его тогда, потому что признали, что по совѣсти мы не можемъ сказать, что Герасимъ человѣкъ нетерпимый въ нашей средѣ. Съ той поры ничего новаго не произошло, а потому мы и сейчасъ не можемъ отвѣтить, что признаемъ Герасима вреднымъ въ нашемъ обществѣ. Слѣдовательно, основанія приговора нынѣшняго схода должны быть иныя. Если мы согласимся на удаленіе Герасима, то мы сдѣлаемъ это только потому, что намъ приказалъ это земскій начальникъ, а не потому, что мы сами пришли къ убѣжденію о необходимости удалить Герасима. Такъ и въ приговорѣ должно быть написано: слушали предписаніе земскаго начальника объ удаленіи такого-то и постановили такого-то, въ виду приказанія земскаго начальника, удалить. Это будетъ вполнѣ правильно, потому что земскій начальникъ не только прислалъ намъ бумагу, но и лично черезъ нашихъ уполномоченныхъ, бывшихъ у него вчера въ городѣ, приказалъ, подъ угрозами непріятныхъ послѣдствій, составить этотъ приговоръ.

Рѣчь была выслушана сходомъ съ очевиднымъ сочувствіемъ, и только сельскія власти затуманились.

— О предписаніи земскаго начальника въ приговорѣ упоминать нельзя,— возразилъ сельскій писарь, — оффиціальные документы помѣщать въ приговорѣ нельзя. Это запрещается закономъ.

— Да покажи ты, сдѣлай милость, хоть одинъ твой законъ,—закричали на писаря нѣсколько голосовъ.

— Сейчасъ найду, — смѣло отвѣтилъ писарь и принялся перелистывать сборникъ законовъ для крестьянъ.

Однако, поиски законовъ и на этотъ разъ не увѣнчались для писаря успѣхомъ. Напротивъ, нашлась статья, въ которой говорится, что въ приговорѣ объ удаленіи порочныхъ членовъ общества непремѣнно должно упоминаться, по чьему предложенію приговоръ составляется.

— Вотъ видишь,— указали писарю,— значитъ, непремѣнно въ приговорѣ должно быть обозначено, что онъ составленъ по предписанію земскаго начальника.

— Не могу я только найти этого закона, а я его много разъ читалъ и прошу повѣрить. Кромѣ того, и рѣшенія сената точно также запрещаютъ вносить оффиціальныя бумаги въ приговоръ.

Дальнѣйшія объясненія писаря по этому поводу были покрыты общимъ смѣхомъ.

— Ну, коли такъ,—поднялся старшина,—надо запрягать лошадей, да ѣхать къ земскому начальнику. Вижу, что ничего не сдѣлаешь.

— Нѣтъ, ты постой, мы отберемъ сначала голоса, нужно составить списокъ отказавшихся для представленія земскому начальнику,—посовѣтывалъ писарь.

Начинается перекличка. Старшина и писарь дѣлали все, чтобы заста-

вить подписаться подъ приговоромъ. Тутъ были и намеки на то, что дѣло дошло до губернатора съ прокуроромъ, а потому удалить Герасима необходимо; разсказывался случай, что одно общество точно также не хотѣло удалить одного крестьянина, а онъ возьми, да сожги все село. Особенно пугали записью каждаго подавшаго голосъ противъ приговора въ особый списокъ. Тѣмъ не менѣе, изъ 45 присутствовавшихъ противъ удаленія Герасима высказалось 37 голосовъ. Всѣ отказывавшіеся подписать приговоръ заявляли, что Герасимъ никому дурного не дѣлалъ вплоть до своего столкновенія со старшиной.

— Ну, видно самъ земскій начальникъ пріѣдетъ, — закончилъ старшина.—Сейчасъ ему телеграмму подамъ. Онъ разберетъ.

Черезъ два дня въ село пріѣхалъ земскій начальникъ и приказалъ пересмотрѣть вопросъ объ удаленіи изъ общества Герасима Андреева уже въ своемъ присутствіи. Сельскій сходъ въ третій разъ высказался противъ удаленія Герасима, несмотря на гнѣвъ земскаго начальника. Такимъ образомъ, приговоръ и на этотъ разъ не состоялся, и Герасимъ остается жить въ Николаевскомъ; но за то всѣ наиболѣе выдающіеся изъ крестьянъ, говорившихъ противъ удаленія Герасима, получили отъ земскаго начальника приказаніе сѣсть на три дня подъ арестъ за неисполненіе его «законныхъ» распоряженій.

«Мужичьи дѣла», — подъ такимъ заглавіемъ недавно вышелъ новый, третій томъ очень популярнаго сборника *Отчетъ судьи* извѣстнаго цивилиста А. Л. Боровиковскаго, бывшаго члена одесской судебной палаты, а теперь служащаго въ государственной канцеляріи въ должности помощника статсъ-секретаря государственнаго совѣта. Прекрасная оцѣнка этого труда сдѣлана въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* г. Джаншіевымъ. Разносторонне образованный юристъ и гуманный судья,—человѣкъ, по-человѣчески относящійся къ нуждамъ ближняго, — говоритъ г. Джаншіевъ, — г. Боровиковскій не считаетъ судейскія обязанности исполненными до конца, если только безстрастно выслушалъ состязаніе сторонъ и написалъ въ срокъ рѣшеніе въ окончательной формѣ. Онъ старается угадать истинную подкладку, внутренній смыслъ разыгрывающейся передъ судейскимъ столомъ житейской драмы, оградить въ предѣлахъ закона,—а предѣлы эти, какъ оказывается, несравненно шире, чѣмъ полагаютъ иные черствые формалисты, — слабую, обиженную сторону, малоопытнаго тяжущагося. Такой характеръ судебной дѣятельности г. Боровиковскаго съ особенною силой проявляется при разсмотрѣніи имъ «мужичьихъ дѣлъ», въ которыхъ тяжущимися являются крестьяне. Г. Боровиковскій особенно озабоченъ, когда видитъ передъ собою въ «мужичьихъ дѣлахъ» безпомощность ихъ участниковъ, по бѣдности и юридической неразвитости своей не могущихъ должнымъ образомъ отстаивать свои законные права и интересы. Въ его книгѣ имѣется масса указаній о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя встрѣчаютъ «мужичьи дѣла» еще на порогѣ суда.

Прежде всего, тяжелымъ, непосильнымъ бременемъ ложится на эти

«мелкія» по суммѣ, но буквально жизненныя для крестьянъ дѣла огромная гербовая пошлина, возросшая за послѣдніе годы на 400% (съ 20 коп. на 80 коп.). «Свѣтлая, безразличная къ богатому и бѣдному, — пишетъ г. Боровиковскій,—знающая только листы бумаги, а не то, что на бумагѣ написано,—она истинный бичъ въ дѣлахъ мужичьихъ; она тормазитъ самый доступъ. До суда и дотронуться нельзя безъ гербовой марки. Для мужика 80 к. не «мелочь», а добрая цѣна рабочаго дня, если не больше. А, вѣдь, одна марка не ходитъ, нужна ихъ по меньшей мѣрѣ пара — на подлинникъ и на копію для противника. Каждый документъ—опять копіи да марки; копія съ разрѣшенія — уже нѣсколько марокъ сразу и т. д., и т. д.». По разсчету, произведенному г. Боровиковскимъ, мужичье дѣло вбираетъ въ себя среднимъ числомъ 30 марокъ (т.-е. 24 руб.). Указывая на вопіющую неуравнительность этого налога, онъ отмѣчаетъ, что для дѣла въ 10,000 р. это $\frac{1}{4}$%, а для дѣла въ 100 р., каковы большинство мужичьихъ дѣлъ, это цѣлые 24%.

Недоступность адвокатскихъ услугъ служитъ также важнымъ препятствіемъ для правильнаго направленія «мужичьихъ дѣлъ». Правда, законъ установилъ пользованіе адвокатскою помощью по «праву бѣдности», но г. Боровиковскій справедливо указываетъ на призрачность этого права для «средняго» мужика. «Представьте, — говоритъ онъ, — такое удостовѣреніе начальства: такой-то здоровый работникъ имѣетъ усадьбу, полевой надѣлъ, пару лошадей и корову; въ работѣ помогаютъ ему жена и двое старшихъ дѣтей-подростковъ. Признаетъ ли судъ за такимъ лицомъ право бѣдности? Вѣдь, судьи улыбнутся. И въ самомъ дѣлѣ, на подобныя свидѣтельства имѣютъ право милліоны крестьянъ. А развѣ это не святая истина, что на гербовыя марки, на прогоны судьямъ и тому подобные расходы средства этого крестьянина недостаточны? И такъ, нѣтъ спасенія мужику и въ правѣ бѣдности».

Нельзя по этому поводу не вспомнить, — замѣчаетъ г. Джаншіевъ, — объ одной мысли, которая была намѣчена при составленіи судебныхъ уставовъ, но на дѣлѣ не осуществлялась. Въ то время предполагалось, что земства и другія общества могли бы приглашать общаго повѣреннаго. Если бы земства обезпечили бѣдному крестьянскому населенію способы веденія ихъ дѣлъ наймомъ земскихъ адвокатовъ, какъ нанимаются земскіе врачи, то оказали бы ему существенную услугу. Но въ настоящее время крестьянамъ приходится довольствоваться наличными силами незавидной современной «сельской адвокатуры».

Вопросъ объ юридической помощи крестьянамъ есть одинъ изъ существеннѣйшихъ вопросовъ сельской жизни. Не разъ въ печати сообщались извѣстія о томъ, что предполагается для крестьянъ создать особую адвокатуру для защиты ихъ интересовъ на судѣ и въ административныхъ установленіяхъ, но до сихъ поръ никакого законопроекта по этому предмету не выработано. Крестьяне, поэтому, либо вовсе не имѣютъ для защиты своихъ интересовъ юристовъ, либо пользуются услугами кабачныхъ

или вообще какихъ - нибудь полуграмотныхъ деревенскихъ адвокатовъ. По справедливому замѣчанію одной провинціальной газеты, о воцареніи истиннаго правосудія въ странѣ не можетъ быть и рѣчи до тѣхъ поръ, пока юридическіе интересы милліоновъ людей, т.-е. милліонной крестьянской массы, не будутъ какъ слѣдуетъ представлены и защищены. Съ организаціей защиты юридическихъ интересовъ крестьянства сдѣлается невозможнымъ нижеслѣдующій случай, разсказанный недавно въ *Судебной Газетѣ*: «Въ пригородной слободѣ одного губернскаго города, въ которомъ есть всѣ внѣшнія принадлежности европейской цивилизаціи: желѣзная дорога, телефонъ, театръ съ электрическимъ освѣщеніемъ, асфальтовыя мостовыя и пр., засѣдаетъ волостной судъ, занятый разборомъ дѣлъ. По одному гражданскому дѣлу одна изъ тяжущихся сторонъ не явилась и судъ рѣшилъ дѣло въ ея отсутствіе. Вслѣдъ за этимъ отсутствовавшая сторона является въ засѣданіе волостного суда и заявляетъ требованіе, чтобы рѣшенное дѣло еще разъ было разобрано Предсѣдатель волостного суда, крестьянинъ Г—нъ, объясняетъ ей, что вторичный разборъ рѣшеннаго дѣла возможенъ лишь въ уѣздномъ съѣздѣ, куда она можетъ принести жалобу въ установленный срокъ. Недовольная этимъ разъясненіемъ, тяжущаяся сторона жалуется мѣстному земскому начальнику, который случайно находился тутъ же, въ слободѣ. Спустя немного времени является въ засѣданіе волостного суда мѣстный волостной старшина съ бумагою отъ земскаго начальника, заключающею въ себѣ распоряженіе о немедленномъ заарестованіи предсѣдателя волостнаго суда на семь дней при одной полицейской части въ городѣ за то, что не уважена означенная просьба о вторичномъ разбирательствѣ дѣла. Распоряженіе это тутъ же исполняется, и предсѣдатель волостного суда изъ засѣданія отводится подъ арестъ. Каково положеніе судебнаго мѣста,— спрашиваетъ газета, — предсѣдатель коего, безъ всякаго разбора и разслѣдованія, можетъ быть взятъ изъ предсѣдательскаго кресла за шиворотъ и отведенъ въ кутузку?»

Когда заходитъ рѣчь о «мужичьихъ дѣлахъ», то никогда не обходится безъ рѣчи и о тѣлесныхъ наказаніяхъ. Грустная ассоціація представленій, которая, надо надѣяться, скоро будетъ разорвана. Цѣлый рядъ земскихъ собраній ходатайствуютъ передъ правительствомъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. И когда читаешь мотивы ходатайствъ объ уничтоженіи этого позорнаго наказанія, то только удивляешься, какъ могло оно такъ долго просуществовать въ по-реформенной Россіи. Вотъ, напримѣръ, какъ мотивируетъ такое свое ходатайство только что закончившееся экстренное чистопольское земское собраніе. Предложеніе ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія сдѣлано, — какъ сообщаетъ *Волжскій Вѣстникъ*, — гласнымъ А. И. Бургеромъ (онъ же городской голова). Гласный заявляетъ, что тѣлесное наказаніе безчеститъ человѣка. Какимъ образомъ,—спрашиваетъ онъ,— согласовать существованіе этого позорнаго наказанія, роняющаго человѣческое достоинство, съ заботами о воспитаніи народа, путемъ увеличенія народныхъ школъ, учрежденія библіотекъ, устройства на-

одныхъ чтеній и проч., имѣющими одну великую цѣль—вывести крестьянина изъ невѣжества, поднять въ немъ чувство человѣческаго достоинства, сдѣлать изъ него человѣка? Невозможно согласовать этого противорѣчія. Гл. А. Н. Островскій, присоединяясь къ мнѣнію гл. Бургера, касается того вліянія, какое оказываетъ практикуемое въ деревнѣ тѣлесное наказаніе на семью. Какое можетъ быть уваженіе къ отцу, когда онъ въ глазахъ своихъ дѣтей подвергается поркѣ? Да, наконецъ, мыслима ли вообще въ семьѣ какая-нибудь даже хоть тѣнь взаимнаго уваженія ея членовъ, когда честь ея главы публично поругана? Г. предсѣдатель собранія, І. И. Якубовичъ, касаясь высказаннаго гл. А. Н. Островскимъ мнѣнія, тоже обращаетъ вниманіе собранія на то разлагающее вліяніе, какое оказываетъ тѣлесное наказаніе на семью, эту основу общественнаго порядка; по мнѣнію г. предсѣдателя, наказаніе розгами расшатываетъ устои крестьянской семьи, дѣйствуя на нее развращающимъ образомъ. Весьма характерно было заявленіе крестьянина Васянина, изложившаго собранію свои впечатлѣнія и наблюденія, которыя онъ вынесъ изъ службы въ качествѣ волостного судьи. По словамъ гласнаго, тѣлесное наказаніе, вообще говоря, примѣняется въ деревнѣ совершенно зря и, къ сожалѣнію, нерѣдко противъ лицъ безусловно порядочныхъ. Въ практикѣ волостныхъ судовъ установилось, въ большинствѣ случаевъ, такое положеніе дѣлъ, что старшина и волостной писарь всѣмъ руководятъ и проводятъ такія рѣшенія, какія имъ угодны. Будучи полными хозяевами и воротилами въ судахъ, они съумѣютъ отомстить тѣмъ, кто ихъ такъ или иначе задѣлъ и приходится имъ не по душѣ. Въ качествѣ волостного судьи, гласному приходилось наблюдать и такія явленія, когда наказаніе розгами у сельскихъ воротилъ являлось средствомъ не допускать на общественныя должности чѣмъ-либо неугодныхъ и непріятныхъ имъ лицъ. Въ самый разгаръ выборовъ, когда какой сельскій воротила начиналъ чувствовать, что выборы будутъ для него неблагопріятны и власть ускользнетъ изъ рукъ и перейдетъ къ его противнику, прилагались всяческія усилія, не брезгали никакими средствами, чтобъ избавиться отъ него, и бывало,—закончилъ гласный,—что тѣлесное наказаніе, благодаря разнымъ подвохамъ и интригамъ, примѣненное къ непріятному для сельскихъ воротилъ лицу, избавляло ихъ отъ такого кандидата на должность, и избавляло уже навсегда, такъ какъ тѣлесное наказаніе преграждало ему доступъ къ службѣ по выборамъ. Собраніемъ было принято слѣдующее постановленіе. Въ виду того, что тѣлесное наказаніе не соотвѣтствуетъ личному человѣческому достоинству, въ виду того, что оно не достигало и не достигаетъ своей непосредственной цѣли исправлять и устрашать наказуемаго, что оно дѣйствуетъ разлагающимъ на семью образомъ и портитъ характеръ человѣка, понижая уровень его нравственности, въ виду того, что тѣлесное наказаніе нерѣдко порождаетъ, особенно у впечатлительныхъ натуръ, душевныя разстройства, доводя иныхъ до самоубійства, а также въ виду того, что оно нерѣдко является для разнаго темнаго, орудующаго въ деревнѣ люда средствомъ избавиться отъ

законнаго и честнаго противодѣйствія ихъ эгоистическимъ и противообщественнымъ стремленіямъ со стороны лучшихъ и благомысленнѣйшихъ людей деревни, земское собраніе постановило возбудить передъ правительствомъ ходатайство объ исключеніи 4 п. 33 ст. и 36 ст. прав. о волостн. суд., отмѣнивъ тѣлесное наказаніе, согласно этимъ статьямъ правилъ практикуемое теперь всюду надъ крестьянами.

О томъ же деморализирующемъ вліяніи тѣлеснаго наказанія говоритъ г. Сашутинъ въ статьѣ *Къ вопросу о тѣлесномъ наказаніи въ волостныхъ судахъ,* напечатанной въ *Орловскомъ Вѣстникѣ.* Авторъ приводитъ здѣсь, между прочимъ, нѣсколько хорошо извѣстныхъ ему случаевъ. «Жилъ, напримѣръ, въ Ливенскомъ уѣздѣ мужичокъ С—новъ. Человѣкъ онъ былъ зажиточный, не пьющій, хорошій работникъ и добрый семьянинъ. Подъ горячую руку онъ какъ-то подрался съ сосѣдомъ, который подалъ на него волостному суду жалобу. Волостной писарь, давнымъ-давно точившій зубы на крестьянина, получивъ эту жалобу, даже потеръ отъ удовольствія руки. Назначили дѣло, судили-рядили и приговорили мужика къ 19 ударамъ розогъ. До и послѣ суда С—новъ молилъ сосѣда простить ему, помириться и предлагалъ даже уплатить сто рублей, но тотъ изъ боязни волостного писаря, который запретилъ ему мириться, остался непреклоненъ и С—нова высѣкли... Что же съ нимъ сдѣлалось послѣ? Получилась полная метаморфоза: мужикъ погибъ нравственно и физически: сдѣлался горчайшимъ пьяницей, растратилъ все свое имущество, сталъ въ высшей степени дерзкимъ, неуживчивымъ, нахальнымъ и постоянно производилъ дебоширства, въ конецъ разстроилъ свое здоровье и совершенно теперь болѣнъ. Другой случай: мужика, тоже богатаго, присудили къ розгамъ. Онъ добился того, что розогъ откушать ему не пришлось, но только состояніе его убавилось на половину. У меня есть знакомый молодой крестьянинъ, окончившій образцовое училище, которое, однако, отъ розогъ его не избавило. Какъ-то мы съ нимъ разговорились о розгахъ, и онъ мнѣ заявилъ, что если его накажутъ розгами, то онъ лишитъ себя жизни, во всякомъ случаѣ, готовъ лучше отсидѣть въ тюрьмѣ пять лѣтъ, чѣмъ испытать это позорное наказаніе. А, вѣдь, такихъ людей теперь сплошь и рядомъ найдете въ деревнѣ. Не рѣдкость, что молодыя, любящія жены отворачиваются отъ своихъ высѣченныхъ супруговъ и начинаютъ отъ нихъ «гулять». А, вѣдь, цѣль этого наказанія—нравственное исправленіе. Гдѣ же она, — спрашиваетъ авторъ,—эта цѣль, гдѣ польза его?»

И. Иванюковъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Вопросъ о рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ.— Сокращеніе рабочаго дня въ писчебумажной промышленности. — Проектъ измѣненій въ законахъ о ремесленникахъ.— Объ условіяхъ, при которыхъ возможно насадить въ Сибири помѣщичье землевладѣніе.—Проектъ правилъ объ общественныхъ запашкахъ.—Срочные рентные займы въ системѣ русскаго государственнаго кредита.— По поводу двухъ ходатайствъ.— Черниговское губернское земство въ своихъ заботахъ о народномъ образованіи.—О санитарномъ состояніи учащихся въ городскихъ начальныхъ школахъ.—† Н. П. Ланинъ.

Читатели газетъ очень часто встрѣчаютъ жалобы на сельскихъ рабочихъ. Еще недавно въ одной изъ петербургскихъ газетъ былъ напечатанъ цѣлый рядъ статей о крайней убыточности сельскаго хозяйства вслѣдствіе того, что рабочіе не исполняютъ своихъ обязанностей. Эта «недобросовѣстность въ состояніи хоть бы кого привести въ отчаяніе, и только русское наше долготерпѣніе позволяетъ, кряхтя, ежегодно вновь приниматься за ту же возню съ рабочими». По словамъ автора статьи, отношенія сельскаго хозяина къ рабочимъ представляются очень простыми. Первому нуженъ осмысленный физическій трудъ, точнѣе—исполненіе приказаній хозяина, а второму нужны тѣ деньги, которыя хозяинъ платитъ за условленную работу. Эти отношенія установляются свободно, непринужденно. Разъ они сложились, то каждая сторона имѣетъ право настаивать на исполненіи договореннаго, и исполненіе должно быть обезпечено не только въ теоріи, но и на дѣлѣ. Однако, въ дѣйствительности выходитъ совсѣмъ иначе. Рабочій, зная, что хозяину необходимо вспахать землю, требуетъ платы за работу впередъ. Когда наступаетъ время пахать, то онъ опаздываетъ на работу, а явившись на работу, пашетъ отвратительно и тѣмъ создаетъ одно важное условіе для плохого урожая. Въ жнитво получаются еще болѣе прискорбные результаты. Рожь или пшеница стоитъ, начинаетъ высыпаться, и когда сильнымъ вѣтромъ выбьетъ изъ колосьевъ половину зерна, жнецы приходятъ и нерѣдко, вслѣдствіе ненастья, не успѣваютъ сжать даже то, что уцѣлѣло въ полѣ. Не меньше убытковъ причиняютъ хозяевамъ и годовые работники. Они живутъ осень, зиму и часть весны, забираютъ жалованье впередъ, а въ самую горячую пору убѣгаютъ за 100—300 верстъ и легко находятъ работу въ другомъ мѣстѣ, благо никто не

спрашиваетъ паспорта. И вотъ хозяинъ остается безпомощнымъ съ своими трехлемешными плугами, боронами Рандаля, косилками, жнейками. Тяжесть положенія сельскаго хозяина усугубляется еще тѣмъ, что крестьяне, проѣзжающіе мимо, острятъ по поводу того, что сложныя и дорогія орудія остаются безъ употребленія. «Пора взглянуть дѣйствительности прямо въ глаза; пора, наконецъ, уразумѣть, что закрывать глаза на развивающееся въ народѣ зло, которое въ конецъ его же погубитъ,— значитъ совершать страшное преступленіе». Весь строй жизни въ деревнѣ позволяетъ теперь вести предпріятіе только тому, кто не чувствуетъ угрызеній совѣсти, опутываетъ окружающихъ людей, словно паутиной, ставитъ ихъ въ такія отношенія къ себѣ, что нѣтъ выхода. Словомъ, кулакъ можетъ вести хозяйство. Въ существованіи кулаковъ виноваты, прежде всего, мы сами, интеллигенты, такъ какъ стараемся увѣрить и себя, и другихъ, что нашъ «забитый мужикъ» во всѣхъ отношеніяхъ хорошъ, что въ немъ нѣтъ ничего дурного. Обманывая себя такимъ образомъ, мы не принимаемъ мѣръ, чтобы исправить мужика, даемъ ему опуститься еще больше и дѣлаемъ его легкою добычей кулаковъ. Подобныя же жалобы мы часто встрѣчаемъ въ одной московской газетѣ. Такъ, напримѣръ, мы часто читаемъ въ ней, какъ натерпѣлись въ прошломъ году южно-русскіе хозяева отъ дороговизны и своеволія рабочихъ. Урожай хлѣбовъ выпалъ обильный, рабочихъ рукъ было мало и мѣстные крестьяне пожелали воспользоваться своимъ счастливымъ положеніемъ. Они постоянно образовывали стачки и требовали то повышенія платы, то улучшенія харчей, то сокращенія рабочаго дня, то угощенія водкой, то оркестровъ музыки. Боясь, что крестьяне разбѣгутся и поля останутся неубранными, землевладѣльцы исполняли всѣ требованія. Они возвысили поденную плату до $1^1/_2$—2 рублей, покупали для рабочихъ цѣлыя бочки водки и нанимали музыкантовъ, которые разыгрывали на поляхъ съ утра до вечера разныя пьесы. Вслѣдствіе этого, нѣкоторые землевладѣльцы вошли въ большіе долги, а другіе, не имѣя возможности нанять дорогихъ рабочихъ, отдали сосѣднимъ помѣщикамъ неубранныя поля за безцѣнокъ; иные впустили на поля скотъ... Противъ всѣхъ этихъ невзгодъ рекомендуется одно коренное средство: *облечь властью* лицо, которое занимаетъ первенствующее мѣсто въ хозяйствѣ: хозяина или управляющаго. Въ настоящее время хозяинъ не имѣетъ власти, онъ — нуль въ глазахъ служащихъ. Онъ имѣетъ право жаловаться на неповиновеніе рабочихъ, но самъ лишенъ возможности устранить это неповиновеніе. Авторъ указанной нами статьи въ петербургской газетѣ уподобляетъ хозяйство кораблю (авторъ любитъ говорить высокимъ слогомъ), «стремящемуся доплыть до гавани при помощи естественныхъ силъ природы... Разумная воля командира корабля, при помощи физической работы подчиненной ему команды, приводитъ двигательныя средства корабля въ такое соотношеніе съ силами природы, при которомъ корабль благополучно двигается впередъ». Успѣшное плаваніе корабля въ значительной степени обезпечено тѣмъ, что капитанъ имѣетъ большую власть надъ командой. А по-

тому нужно дать такую власть и сельскому хозяину, ибо сельско-хозяйственное предпріятіе вполнѣ подобно кораблю, находящемуся въ открытомъ морѣ.

Часто встрѣчая жалобы на сельскихъ рабочихъ, мы охотно соглашаемся съ тѣмъ, что непріятно терпѣть подобные убытки, но, въ то же время, спрашиваемъ себя, неужели сельскіе хозяева, по скольку указанные факты не являются только рѣдкими единичными исключеніями, не служатъ вовсе причиною подобныхъ явленій? Мы убѣждены, что большая часть землевладѣльцевъ предъявляютъ крестьянамъ слишкомъ большія, несообразныя требованія. Такъ какъ большая часть имѣній заложена, то помѣщики обыкновенно стѣснены въ деньгахъ, а потому расплата производится очень туго. Сплошь и рядомъ бываетъ такъ, что помѣщикъ остается долженъ сосѣднимъ крестьянамъ за годичный трудъ по 5, 8, 10 рублей на душу. А потому къ такимъ людямъ идутъ работать только въ крайнемъ случаѣ, когда вовсе не находится другихъ занятій. Нерѣдко бываетъ и такъ, что сельскій хозяинъ донимаетъ крестьянъ штрафами и вычетами изъ условленной платы; на эти пріемы многіе смотрятъ, какъ на мѣры, облегчающія веденіе разстроеннаго хозяйства. Конечно, крестьяне неохотно работаютъ и у этихъ хозяевъ. Наконецъ, есть и третій типъ хозяевъ. Они имѣютъ достаточный оборотный капиталъ, ихъ имѣнія свободны отъ долговъ и они точно исполняютъ обязательства относительно рабочихъ. Но, усиленно заботясь объ уменьшеніи расходовъ, они заподряжаютъ рабочихъ на лѣто еще предъидущею осенью. Обыкновенно находясь въ стѣсненномъ положеніи и нуждаясь въ кредитѣ, крестьяне запродаютъ съ осени свой трудъ на 30—40% дешевле, чѣмъ при весенней наемкѣ. Вынужденные, при осенней наемкѣ, уступить значительную часть своей и безъ того низкой заработной платы, крестьяне не могутъ освободиться отъ чувства горечи, которое вызывается такими ненормальными условіями, а потому и оказываются нерѣдко неисправными, неисполнительными рабочими. Если принять въ разсчетъ всѣ эти обстоятельства, то нельзя удивляться, что многіе хозяева имѣютъ рабочихъ, которые во многихъ отношеніяхъ неудовлетворительны. Если съ такою окраской выступаетъ передъ нами сельскій наемный трудъ, доставляемый мѣстными крестьянами, то трудъ пришлыхъ рабочихъ часто бываетъ ненормальнымъ въ силу общей ненормальности того явленія, что крестьяне идутъ искать работы за много сотенъ и тысячъ верстъ отъ мѣста своей осѣдлости. Всѣмъ извѣстно, что именно въ этой сферѣ отношеніе между спросомъ на рабочія руки и ихъ предложеніемъ отличается крайнею неопредѣленностью: выпалъ обильный урожай—и пришлые рабочіе получаютъ высокую плату; наступилъ неурожай—и большинство пришедшихъ не находятъ занятія и возвращается домой, питаясь подаяніемъ. Такія колебанія наблюдаются уже десятки лѣтъ; напомнимъ, чтобы не ходить за примѣрами слишкомъ далеко, тотъ контрастъ, который представляютъ въ этомъ отношеніи 1891 и 92 годы, съ одной стороны, и 1893 и 94 годы—съ другой. Если мы станемъ на точку зрѣнія крестьянъ, которые, отправ-

лялись для земледѣльческихъ работъ за тридевять земель, неоднократно испытывали невзгоды, причиняемыя невозможностью отыскать работу въ южныхъ губерніяхъ, разорительностью этого для крестьянскаго хозяйства,— многимъ только эти заработки на сторонѣ и позволяютъ кое - какъ охранять храмину отъ окончательнаго крушенія,—впечатлѣніемъ, которое производитъ и надолго оставляетъ радостное чувство южно-русскаго помѣщика, покупающаго трудъ за безцѣнокъ въ годы наплыва рабочихъ, то мы скажемъ, что эти люди должны быть требовательны въ годы обильнаго урожая, когда спросъ на рабочихъ превышаетъ предложеніе. Это представляется естественною, необходимою реакціей, которая обнаруживается въ годы урожая тѣмъ болѣе рѣзко, чѣмъ болѣе тяжело было положеніе этихъ людей въ предъидущій неурожай или недородъ. Жалобы южно-русскихъ сельскихъ хозяевъ на рабочихъ были особенно громки и многочисленны въ 1893 и 94 годахъ, и именно потому, что за два предъидущіе неурожайные года рабочіе особенно натерпѣлись, вѣроятно, болѣе, чѣмъ въ неурожаи 70-хъ и 80-хъ годовъ. Лишенія были въ 1891 и 92 годахъ такъ тяжелы, что немудрено, если обильныя жатвы 1893 и 94 годовъ произвели реакцію, сдѣлали рабочихъ требовательными и не только облекли эту требовательность въ понятныя и разумныя формы (требованіе болѣе высокой заработной платы, сокращенія рабочаго дня, улучшенія харчей), но въ отдѣльныхъ случаяхъ и въ формы совершенно нелѣпыя, каковою является, наприм., требованіе, чтобы хозяинъ нанималъ музыкантовъ.

Но если всѣ невыгоды, на которыя обыкновенно жалуются сельскіе хозяева, когда заходитъ рѣчь о рабочихъ, объясняются, главнымъ образомъ, или общею постановкой рабочаго вопроса въ Россіи, или такими бѣдствіями со стороны хозяевъ, которыя, нанося нанимающимся ущербъ, естественно вызываютъ съ ихъ стороны реакцію, то дѣйствительно хорошіе хозяева не жалуются и не имѣютъ основанія жаловаться на рабочихъ. На сторонѣ хорошаго хозяина есть все то, что поддерживаетъ мирныя отношенія между нанимателемъ и наемниками и побуждаетъ послѣднихъ точно исполнять принятыя на себя обязательства. Готовность дать высокую плату, какая встрѣчается въ данной мѣстности, нежеланіе пользоваться нуждой крестьянъ для пониженія платы посредствомъ дешевой наемки зимой, точный разсчетъ, хорошее продовольствіе, отсутствіе штрафовъ, трудолюбіе самого хозяина и близкое знакомство его со всѣми работами—вотъ что встрѣчаетъ нанимающійся крестьянинъ въ благоустроенныхъ помѣщичьихъ хозяйствахъ и вотъ что дѣлаютъ стороны, въ общемъ, довольныя другъ другомъ.

Какъ бы ни было много недовольныхъ среди хозяевъ, мы убѣждены, что облеченіе ихъ властью вовсе не улучшитъ положеніе дѣлъ. Вѣдь, и въ настоящее время сельскій хозяинъ обладаетъ весьма широкими правами относительно рабочаго. Статьи 35 — 39 закона 12 іюня 1886 года о наймѣ на сельскія работы вмѣняютъ рабочему въ обязанность повиноваться нанимателю, безпрекословно и усердно исполнять его требованія

охранять хозяина и домашнихъ его отъ опасности, угрожающей кому-либо изъ нихъ, вести себя благопристойно, трезво и почтительно по отношенію къ хозяину, его домашнимъ и лицамъ, которыя приставлены наблюдать за работами; наемникъ не имѣетъ права отлучаться безъ дозволенія хозяина; онъ обязанъ бережно обращаться съ хозяйскимъ скотомъ, орудіями и проч. Отмѣтимъ, наконецъ, запрещеніе закона нанимать рабочихъ, которые не имѣютъ паспортовъ. Введеніе института земскихъ начальниковъ еще болѣе обезпечиваетъ хозяевъ, нежели то было ранѣе. Помимо того, что земскій начальникъ можетъ присудить хозяину съ рабочаго за нанесенный ущербъ, онъ прибѣгаетъ и къ разнымъ мѣрамъ внушенія, стѣсняемый въ этой области гораздо менѣе, нежели мировой судья, котораго онъ смѣнилъ. Словомъ, нѣтъ основанія жаловаться на недостаточно строгое отношеніе закона къ сельскому рабочему. И если строгость не помогаетъ, то нужно искать причинъ, лежащихъ за предѣлами личныхъ качествъ работника, какъ мы то указали выше. Облеченіе властью самого сельскаго хозяина должно быть понимаемо не иначе, какъ предоставленіе ему права лишать свободы или подвергать тѣлесному наказанію рабочаго, который вызвалъ неудовольствіе своего господина. Это вожделѣніе, уже не говоря о его несообразности, ибо это есть частичное возстановленіе крѣпостного права, навѣрное, поставило бы большинство сельскихъ хозяевъ въ очень тягостное положеніе: оно принудило бы ихъ обременить имѣніе еще большими долгами, чтобъ устроить надежныя мѣста заключенія для провинившихся рабочихъ и содержать вѣрную стражу, которая исполняла бы повелѣнія господина.

Разумные и просвѣщенные хозяева, какъ въ земледѣліи, такъ и въ обрабатывающей промышленности, понимаютъ, что только гуманныя мѣры относительно рабочихъ доставляютъ нанимателямъ выгоды и смягчаютъ рабочій вопросъ. Такимъ примѣромъ служитъ Добрушская писчебумажная фабрика князя Паскевича (Гомельскаго уѣзда, Могилевской губерніи). Въ большинствѣ отдѣленій писчебумажныхъ фабрикъ работы производятся непрерывно, днемъ и ночью, безъ остановки машинъ. Въ нѣкоторыхъ же отдѣленіяхъ работы идутъ только днемъ. Для непрерывныхъ работъ всегда имѣются двѣ смѣны, работающія по 12 часовъ каждая; въ отдѣленіяхъ, гдѣ работаютъ только днемъ, рабочіе остаются $10^1/_2$—11 часовъ въ сутки. Въ отдѣленіяхъ первой группы для работы каждой смѣны приходится половина воскресныхъ дней въ году и общее число праздниковъ не превышаетъ 27—30. «Люди эти,—заявляетъ администрація Добрушской фабрики,— оставаясь безвыходно по 12 часовъ въ сутки въ стѣнахъ фабрики, работая, потому, половину года въ ночное время и зачастую въ несовсѣмъ благопріятныхъ гигіеническихъ условіяхъ, обусловливаемыхъ самимъ родомъ производства, не могутъ отличаться крѣпкимъ тѣлосложеніемъ и претендовать на долговѣчность... При такихъ условіяхъ трудно требовать отъ этихъ рабочихъ постояннаго напряженнаго вниманія при

работѣ и интензивнаго труда и поневолѣ приходится держать болѣе или менѣе усиленный штатъ мастеровъ и рабочихъ въ смѣнахъ для достиженія правильнаго хода производства. Наконецъ, такой рабочій, возвращаясь въ 6 часовъ утра или въ 6 часовъ вечера домой, не способенъ уже къ домашнему труду... Улучшить бытъ такого труженика, дать ему болѣе сносныя условія жизни и труда, не уменьшая, вмѣстѣ съ тѣмъ, дневного заработка,—вотъ благодарная задача, которую мы взялись рѣшить». Такъ какъ администрація фабрики хотѣла сдѣлать это не на почвѣ филантропіи, а чисто-экономическимъ путемъ, то явилась надобность поступать такъ, чтобы сумма рабочей силы въ двухъ смѣнахъ, работавшихъ до сихъ поръ по 12 часовъ въ сутки, должна исполнить ту же работу въ трехъ смѣнахъ, работая въ сутки только по восьми часовъ каждая. Въ этихъ видахъ работа каждаго отдѣленія была тщательно взвѣшена, на нѣкоторыхъ пунктахъ упрощена, и смѣнные рабочіе были раздѣлены на три равныя группы примѣнительно къ ихъ тѣлесной силѣ, ловкости и смѣтливости. Для скомплектованія трехъ смѣнъ пришлось прибавить къ прежнему составу еще 8% общаго числа смѣнныхъ рабочихъ въ двухъ смѣнахъ, т.-е. вмѣсто прежнихъ 178 человѣкъ, поставить 193 въ трехъ смѣнахъ. При новой комбинаціи, три смѣны будничныхъ дней дали 6,308 дней, вмѣсто 6,188 дней, т.-е. на 120 дней больше, а три смѣны праздничныхъ дней дали 650 дней, вмѣсто 670, т.-е. на 20 дней меньше. Расходъ фабрики на заработную плату увеличился только въ размѣрѣ 100 руб. 80 коп. Заработокъ рабочихъ уменьшился на ту плату, которая выдавалась имъ за воскресную и праздничную работу, приблизительно по $1\frac{1}{4}$ рубля въ мѣсяцъ на каждаго. При такой потерѣ на жалованьѣ, введенный порядокъ далъ слѣдующіе благопріятные результаты: 1) Смѣнные рабочіе, вмѣсто прежнихъ 12 часовъ, работаютъ теперь только 8 часовъ въ сутки. 2) Вмѣсто половины, они имѣютъ теперь только $\frac{1}{3}$ ночной работы, и то восьмичасовой. 3) При переходѣ изъ одной смѣны въ другую, они работаютъ одинъ разъ въ недѣлю 12 часовъ въ сутки, вмѣсто прежнихъ 18 часовъ, и 4) Каждое третье воскресенье всякій изъ смѣнныхъ рабочихъ имѣетъ 24 часа полнаго отдыха, т.-е. вмѣсто прежнихъ 27 до 30 праздничныхъ дней, онъ имѣетъ теперь отъ 45 до 48. Работы начинаются теперь попрежнему въ 6 часовъ утра и съ получасовымъ перерывомъ продолжаются до 12 часовъ дня. На обѣдъ дается $1\frac{1}{2}$ часа, вмѣсто 1 часа, дабы всѣ рабочіе могли обѣдать дома. Вотъ какъ оцѣниваетъ управляющій фабрики результаты, полученные въ теченіе 5 мѣсяцевъ: «Рабочіе въ высшей степени добросовѣстно исполняютъ принятыя на себя обязательства взамѣнъ уменьшеннаго рабочаго дня. Въ техническомъ отношеніи работы, какъ качественно, такъ и количественно, идутъ если не лучше, то, во всякомъ случаѣ, ничуть не хуже прежняго. Фабрикѣ, слѣдовательно, реформа эта стоитъ едва около одного процента выплачиваемаго жалованья, на рабочихъ же оказала, несмотря на такой сравнительно короткій промежутокъ времени, самое благотворное вліяніе. Рабочій нашъ выглядитъ теперь много свѣже...»

Однако, эта реформа, при всей ея важности въ санитарномъ отношеніи, уменьшила заработокъ на 15 рублей въ годъ, что составляетъ очень крупную цифру въ скромномъ доходѣ работника. Администрація фабрики высказываетъ мысль, что и экономическое положеніе рабочихъ улучшится, такъ какъ у нихъ останется досугъ, чтобъ обработывать ихъ участки земли и извлекать изъ нихъ доходъ, могущій покрыть недочетъ въ заработной платѣ. Если это предсказаніе исполнится, то нужно будетъ признать большимъ шагомъ впередъ сокращеніе рабочаго дня на Добрушской фабрикѣ.

Общество для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ выработало и представило правительству проектъ положеній, вносящихъ существенныя перемѣны въ условія быта ремесленниковъ. Матеріаломъ для этой работы послужили характерныя данныя о положеніи ремесленниковъ въ Петербургѣ, собранныя V отдѣленіемъ общества. Такъ какъ въ дѣйствующихъ законахъ о ремесленникахъ много противорѣчій, которыя затрудняютъ выясненіе права временно-цеховыхъ на участіе въ ремесленномъ самоуправленіи, то въ Петербургѣ уже нѣсколько десятковъ лѣтъ поддерживаются распри между вѣчно-цеховыми и временно-цеховыми ремесленниками. По свѣдѣніямъ за послѣдніе годы, въ Петербургѣ было 24,741 вѣчно-цеховыхъ ремесленниковъ и 26,190 временно-цеховыхъ. Однако, въ ряды первыхъ занесены не только лица, дѣйствительно занимающіяся ремесломъ, но и всѣ члены семействъ какъ нынѣшнихъ, такъ и умершихъ ремесленниковъ. Выдѣленіе же мастеровъ и подмастерій даютъ намъ для ремесленниковъ обоихъ разрядовъ такія цифры: вѣчно-цеховыхъ мастеровъ 1,429, а подмастерій 4,582; временно-цеховыхъ мастеровъ 7,756, а подмастерій 18,434. Итого, общее число вторыхъ въ 4½ раза превышаетъ общее число первыхъ, т.-е. первые представляютъ только 18% всего петербургскаго ремесла, а вторые—82%. Такое же отношеніе находимъ мы и между суммами платежей, которыя вносятся обѣими группами: вѣчно-цеховые уплачиваютъ нѣсколько болѣе 12,000 рублей въ годъ, а временно-цеховые—слишкомъ 58,000. Казалось бы, что это отношеніе должно выразиться и въ правахъ, принадлежащихъ тѣмъ и другимъ. Однако, только вѣчно-цеховые считаютъ себя дѣйствительными членами сословія и почти не допускаютъ временно-цеховыхъ къ участію въ самоуправленіи. За послѣднее время вѣчно-цеховые занимали должности: старшины, 3 членовъ ремесленной управы, 138 выборныхъ, 8 цеховыхъ старостъ, 8 сборщиковъ податей, 1 маклера и 3 помощниковъ старосты, а временно-цеховымъ были предоставлены должности только 2 засѣдателей управы и 5 помощниковъ старосты. Такое же привилегированное положеніе занимаютъ вѣчно-цеховые и относительно матеріальныхъ пособій, которыя выдаются престарѣлымъ, больнымъ, вдовамъ: временно-цеховые почти не получаютъ этихъ пособій. Право пользованія пріютомъ для сиротъ принадлежитъ почти исключительно первымъ. Словомъ, здѣсь передъ

нами развертывается картина борьбы между группами цеховыхъ, которая отличала жизнь средневѣковой Европы. Изслѣдованіе быта петербургскихъ ремесленниковъ обнаружило крайній вредъ, приносимый всему ремесленному самоуправленію институтомъ присяжныхъ маклеровъ. Они возникли въ то время, когда ремесленники были почти поголовно безграмотны. Признанные должностными лицами и обязанные помогать ремесленникамъ въ уясненіи закона и согласованіи съ нимъ всѣхъ порядковъ въ бытѣ ремесленниковъ, маклера скоро обратились въ дѣйствительныхъ хозяевъ управы, въ руководителей членовъ и даже старшины. Ставъ какъ бы узаконенными юрисконсультами, маклера сдѣлали постепенно обычными самыя разнообразныя нарушенія закона. Изслѣдованіе быта петербургскихъ ремесленниковъ обнаружило также многочисленныя трудности, съ которыми связано открытіе мастерскихъ. Разрѣшенія на открытіе мастерскихъ выдаютъ очень медленно, главнымъ образомъ, потому, что помѣщенія мастерскихъ осматриваются полицейскою коммиссіей, которая состоитъ изъ разныхъ лицъ, не связанныхъ въ одно цѣлое. Къ тому же, коммиссія руководствуется въ своей дѣятельности правилами и инструкціями, которыя неизвѣстны ни ремесленникамъ, ни домовладѣльцамъ. Нерѣдки случаи, что ремесленники, желая открыть самую малую мастерскую, вынуждены хлопотать нѣсколько мѣсяцевъ, чтобы получить разрѣшеніе на вывѣску. Изученіе условій, на которыхъ петербургскіе ремесленники пользуются кредитомъ, показало, что кредитъ необыкновенно дорогъ: займы заключаются преимущественно у частныхъ лицъ, въ лучшихъ случаяхъ при 12% годовыхъ, а нерѣдко при 25, 30, 36%. Въ концѣ 60-хъ годовъ была открыта ссудо-сберегательная касса петербургскихъ ремесленниковъ. Основанная на капиталъ, который ея члены внесли въ видѣ паевъ, касса выдавала ссуды по свидѣтельствамъ цеховыхъ старостъ о кредитоспособности ремесленниковъ и дѣлала ежегодный оборотъ на 50—60,000 рублей. Но не довольно разборчивый пріемъ въ члены кассы и недостатокъ контроля были причиной того, что касса существовала только 4 года. Общество для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ, принимая въ разсчетъ всѣ эти условія, выработало такой проектъ измѣненій въ законахъ о ремесленникахъ: 1) Преобразовать ремесленное сословіе посредствомъ слиянія ремесленниковъ вѣчно- и временно-цеховыхъ. 2) Открыть доступъ въ составъ ремесленнаго общества всѣмъ лицамъ, дѣйствительно занимающимся ремесломъ, къ какому бы состоянію они ни принадлежали. 3) Сохранить за ремесленниками ихъ общественное самоуправленіе, связанное съ ихъ хозяйственными и бытовыми интересами. 4) Сохранить за преобразованнымъ ремесленнымъ обществомъ право собственности на нынѣ принадлежащее сословію движимое и недвижимое имущество и предоставить вѣдѣнію общества существующія педагогическія и благотворительныя учрежденія. 5) Возложить на ремесленныя управы завѣдываніе административными, хозяйственными и бытовыми интересами ремесленниковъ. 6) Предоставить право участія въ ремесленномъ самоуправленіи только лицамъ, выда-кав-

шимъ испытаніе на званіе мастера или подмастерья и состоявшимъ въ теченіе опредѣленнаго времени въ спискахъ ремесленнаго общества того города, въ которомъ они производятъ ремесло, и платившимъ въ теченіе этого времени всѣ общественныя повинности. 7) Слить въ одну общую управу управы русскихъ и иностранныхъ ремесленниковъ. 8) Уничтожить должность присяжныхъ маклеровъ. 9) Предоставить ремесленникамъ однородныхъ занятій право образовать цехи и сохранить цеховое управленіе. 10) Предоставить право держать учениковъ только тѣмъ ремесленникамъ, которые сдали испытаніе на мастера. 11) Вдовѣ и сиротамъ мастера, хотя бы они не выдержали испытанія, требуемаго п. 6-мъ, дозволяется продолжать ремесло и держать учениковъ, подъ условіемъ держать подмастерье, который выдержалъ испытаніе на мастера. 12) Разрѣшить лицамъ, не выдержавшимъ установленнаго испытанія, заниматься ремесломъ, вмѣстѣ съ ихъ семействомъ, для собственнаго пропитанія, не предоставляя имъ права участія въ ремесленномъ самоуправленіи и права держать учениковъ. Къ этимъ положеніямъ былъ присоединенъ рядъ пунктовъ, касающихся порядка открытія ремесленныхъ заведеній: 1) Предоставить открытіе ремесленныхъ заведеній, кромѣ поименованныхъ въ особомъ, составляемомъ и измѣняемомъ въ законодательномъ порядкѣ спискѣ (т.-е. могущихъ причинять вредъ или безпокойство окрестнымъ жителямъ), безъ испрошенія особаго на то разрѣшенія, съ обязанностью, при самомъ открытіи, заявить о томъ мѣстной полицейской власти. 2) Для лицъ, затрудняющихся явочнымъ порядкомъ, сохранить существующій разрѣшительный порядокъ, но въ значительно упрощенномъ видѣ. 3) Ограничить однимъ мѣсяцемъ, со дня заявленія объ открытіи ремесленнаго заведенія, срокъ, въ теченіе котораго административная власть имѣетъ право пріостановить производство ремесла за несоблюденіе мастерскою установленныхъ въ законѣ требованій. Къ этимъ положеніямъ присоединено также ходатайство общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ о томъ, чтобы государственный банкъ облегчилъ ремесленникамъ доступъ къ кредиту.

Если эти положенія будутъ приняты (общество ходатайствуетъ о первоначальномъ введеніи ихъ только для петербургскихъ ремесленниковъ, съ тѣмъ, что если опытъ будетъ удаченъ, можно будетъ распространить ихъ черезъ нѣсколько лѣтъ и на другіе города), то бытъ ремесленниковъ будетъ существенно преобразованъ по выходѣ большинства представителей этого сословія. Открыть въ это сословіе доступъ всѣмъ, кто дѣйствительно занимается ремесломъ, уничтожить раздѣленіе всей этой общественной группы на привилегированныхъ, имѣющихъ значительныя права и пользующихся значительными выгодами, хотя бы они не занимались ремесломъ, а только были связаны родственными узами (даже отдаленными) съ ремесленниками, и паріевъ, которыхъ усердно стригутъ первые и почти оставляютъ безправными. Въ средѣ ремесленнаго сословія раздаются голоса, что новый порядокъ можетъ неблагопріятно дѣйствовать на высоту ремесленнаго искусства, такъ какъ будутъ уравнены въ правахъ и лица, из-

давна принадлежащія къ этому сословію, и тѣ, которыя только недавно стали заниматься ремеслами. Однако, эти опасенія представляются неосновательными: въ проектѣ положеній предусмотрѣна сдача испытанія на мастера, какъ условіе, которое даетъ лицу права ремесленника въ полномъ объемѣ. Однако, есть условія, при которыхъ это требованіе не можетъ быть исполнено: таково положеніе вдовы ремесленника и его малолѣтнихъ сиротъ. Проектъ имѣетъ это въ виду и даетъ имъ право вести мастерскую при содѣйствіи подмастерья, который сдалъ необходимое испытаніе. Наконецъ, есть группа ремесленниковъ, которые, въ силу какихъ бы то ни было условій, достигли зрѣлаго возраста и не успѣли сдать требуемое испытаніе. Проектъ понимаетъ, что было бы жестоко лишить этихъ людей права заниматься ремесломъ, т.-е. права на трудъ или на существованіе, тѣмъ болѣе, что причиной этого нерѣдко можетъ быть малая способность лица, и вотъ всѣмъ такимъ лицамъ предоставляется заниматься ремесломъ для собственнаго пропитанія, хотя не дается права держать учениковъ и принимать участіе въ ремесленномъ самоуправленіи. Предлагая уничтоженіе должности присяжныхъ маклеровъ и слитіе воедино управленія ремесленниковъ русскихъ и иностранныхъ цеховъ, проектъ создаетъ условія, при которыхъ члены этого сословія могутъ получить наиболѣе благопріятную школу для самоуправленія: съ одной стороны, будутъ ослаблены формализмъ и традиціонныя дурныя привычки, которыя поддерживаются присяжными маклерами, а съ другой — ремесленники русскихъ цеховъ, слившись съ ремесленниками такъ называемыхъ иностранныхъ цеховъ (предки ихъ были иноземнаго происхожденія), будутъ поставлены лицомъ къ лицу съ гораздо лучшею школой самоуправленія, такъ какъ въ управахъ иностранныхъ цеховъ всегда наблюдался гораздо большій порядокъ, нежели въ русскихъ. Проектъ дѣлаетъ еще важный шагъ къ тому, чтобы облегчить развитіе самодѣятельности среди ремесленниковъ: онъ не удовлетворяется ремесленными управами современнаго типа, вѣдающими только паспортныя дѣла, взимающими съ ремесленниковъ сборы и относящимися совершенно формально къ наиболѣе важнымъ интересамъ всего сословія. Управы должны быть центрами, которые всесторонне объединяютъ всѣхъ членовъ ремесленнаго сословія. Техническія школы, ссудныя, сберегательныя и вспомогательныя кассы, библіотеки, читальни, клубы, третейскіе суды по всѣмъ недоразумѣніямъ, которыя возникаютъ между мастерами и подмастерьями, попечительство надъ учениками—вотъ рядъ интересовъ, которые могутъ найти для себя болѣе полное удовлетвореніе, если ремесленныя управы будутъ состоять изъ людей энергическихъ, чуткихъ къ потребностямъ своего класса, и если законъ расширитъ функціи управъ. Проектъ не забываетъ создать и начальную школу, въ которой ремесленники могутъ воспитывать себя для самоуправленія: таковою является цехъ. Въ настоящее время большая часть цеховъ существуетъ номинально, а многія группы ремесленниковъ и вовсе не соединяются въ цехи. Такъ какъ эта первичная организація отвѣчаетъ на многіе запросы ремесленниковъ и

подготовляетъ ихъ къ самоуправленію въ болѣе широкой области, то проектъ съ удареніемъ говоритъ о правѣ ремесленниковъ одного занятія образовывать цехи. Послѣдніе пункты, облегчая открытіе промышленныхъ заведеній, имѣютъ также очень важное значеніе для всѣхъ ремесленниковъ, особенно для самыхъ мелкихъ мастеровъ. При полномъ невѣдѣніи законоположеній, которыя опредѣляютъ порядокъ открытія мастерскихъ, эти ремесленники часто дѣлаютъ какую-нибудь незначительную ошибку, напримѣръ, нанимаютъ для жилья и промысла квартиру, вмѣщающую меньше кубическихъ футовъ воздуха, нежели то требуется закономъ, и запрещеніе производить промыселъ не заставляетъ себя ждать, а потеря даже немногихъ рублей причиняетъ уже крупный убытокъ при скудныхъ средствахъ этихъ мастерковъ. Ограниченіе однимъ мѣсяцемъ срока, въ теченіе котораго административная власть можетъ закрыть мастерскую, гдѣ не соблюдены необходимыя условія, и закрытіе, по истеченіи этого срока, только приговоромъ суда сдѣлаетъ органы полиціи болѣе внимательными къ этому дѣлу и устранитъ ту медленность, на которую теперь часто, и, притомъ, съ полнымъ правомъ, жалуются ремесленники.

Общество содѣйствія русской промышленности и торговлѣ, закончивъ работы относительно этихъ сторонъ быта ремесленниковъ, будетъ продолжать изслѣдованіе для возможнаго улучшенія другихъ условій ихъ жизни. На очереди стоитъ теперь уясненіе отношеній между мастерами, подмастерьями и учениками. Надъ вопросомъ объ ученичествѣ уже не мало поработало техническое общество.

Отъ времени до времени высказывается мысль о возможности и желательности созданія въ Сибири дворянскаго землевладѣнія. Все чаще ссылаются на то, что, съ проведеніемъ великой сибирской дороги, Сибирь перестаетъ быть мѣстомъ водворенія преступниковъ и пріобрѣтаетъ условія, которыя позволятъ сдѣлать этотъ край вполнѣ благоустроеннымъ и внести въ него элементы, необходимые для рѣшенія задачъ государственнаго управленія. Въ этихъ видахъ есть предположеніе выработать основаніе для пріобрѣтенія дворянами земельной собственности на льготныхъ условіяхъ. Отдѣльное владѣніе не должно превышать размѣръ средняго помѣщичьяго хозяйства. Дабы новые владѣльцы не дѣлали этихъ льготъ источникомъ эксплуатаціи окрестнаго населенія, предположено ограничить право перепродажи этихъ земель и сдачи ихъ въ аренду. По всей вѣроятности, главными сибирскими помѣщиками будутъ мѣстные чиновники изъ дворянъ, которые прослужили опредѣленное число лѣтъ.

Если будетъ сдѣланъ такой опытъ, то онъ отнюдь не будетъ представлять что-либо новое, еще неизвѣданное. Правительство еще въ началѣ 40 годовъ поставило вопросъ объ улучшеніи судебъ бѣдныхъ дворянъ Смоленской, Могилевской, Витебской и нѣкоторыхъ другихъ губерній посредствомъ поселенія ихъ въ Западной Сибири съ предоставленіемъ имъ участковъ земли въ долгосрочную аренду, или же для выкупа на льготныхъ

условіяхъ. Съ этою цѣлью въ Курганскомъ округѣ Тобольской губерніи было образовано до 500 особыхъ участковъ, въ среднемъ, по 100 десятинъ каждый. Участки были нарѣзаны съ большою осмотрительностью: находясь въ небольшомъ разстояніи отъ города Кургана, они были расположены по берегамъ рѣкъ и озеръ и имѣли въ своемъ составѣ всѣ угодья, которыя необходимы для успѣшнаго веденія хозяйства. Но желающихъ не оказалось. Въ 50-хъ годахъ сибирская администрація выработала подобный же проектъ первоначально для Восточной Сибири, а позднѣе для Западной. Сибирская администрація руководилась, при составленіи этого проекта, тѣмъ соображеніемъ, что въ Сибири земли много, людей мало, промышленности вовсе нѣтъ и что водвореніе тамъ помѣщиковъ постепенно привлечетъ промышленниковъ и торговцевъ и приведетъ къ образованію фабрикъ и заводовъ. Признавая полезность этихъ проектовъ, правительство намѣтило въ первой очереди Курганскій округъ, какъ мѣстность, съ которой слѣдовало начать эту продажу. Было рѣшено предоставить это право не только дворянамъ, но и чиновникамъ. Помѣстное сословіе должно было быть создаваемо не только продажей земельныхъ участковъ, но и пожалованіемъ въ награду чиновникамъ, прослужившимъ въ Сибири не менѣе 20 лѣтъ. Въ началѣ 60-хъ годовъ было продано около 38,000 десятинъ удобной земли, съ небольшимъ по 4 рубля за десятину. Хотя принимались мѣры для привлеченія дворянъ къ этимъ покупкамъ, въ виду чего дѣлались публикаціи чрезъ многія газеты Европейской Россіи, однако, дворяне не откликались на призывъ, и пріобрѣтателями земли явились чиновники, мѣстные купцы и состоятельные крестьяне. Признавая вырученную цѣну выгодною, казна рѣшилась распространить этотъ опытъ на другіе округи Тобольской губерніи и на Томскую губернію. Предлагая къ продажѣ площадь земель, которая далеко превосходила запросъ частныхъ лицъ, и въ 60-хъ годахъ запроданныя земли въ Ишимскомъ, Омскомъ, Тюкалинскомъ округахъ выручали по 70 — 90 коп. за дес. И по такой дешевой цѣнѣ было продано больше 100,000 дес. Въ 70-хъ годахъ казна имѣла уже несомнѣнныя доказательства невыгодности этой операціи. Когда начертывались проекты насажденія въ Сибири помѣстнаго элемента, то имѣлось въ виду, что будутъ распроданы земли, ненужныя для казны. Однако, были отчуждены лучшія земли, и по качеству почвы, и по орошенію, и по близости къ городамъ. Эти земли всегда могли понадобиться для надѣленія мѣстныхъ крестьянъ и для водворенія переселенцевъ изъ Европейской Россіи. Въ 1881 г. всѣхъ земель частнаго владѣнія, распроданныхъ и высочайше пожалованныхъ, въ Тобольской губерніи насчитывалось около 400,000 десятинъ. Цѣль правительства вовсе не была достигнута. Крупные и средніе землевладѣльцы изъ людей просвѣщенныхъ, предпріимчивыхъ и способныхъ оживить край вовсе привлечены не были. Кто купилъ землю, тоже не намѣревался вести хозяйство и тѣмъ болѣе не думалъ о какой-либо усовершенствованной культурѣ: онъ хотѣлъ немедленно продать участокъ съ барышомъ, или же сдать сосѣднимъ крестьянамъ въ аренду за высокую [illegible]у.

Низкая цѣна земледѣльческихъ продуктовъ, отсутствіе сбыта и недостатокъ дешевыхъ рабочихъ рукъ были причинами того, что покупатели не находили выгоднымъ для себя личное веденіе сельскаго хозяйства. Вотъ что читаемъ мы въ сибирской газетѣ (*Степной Край* 1895 г., № 6), откуда извлечены сообщенныя нами свѣдѣнія: «Опытъ этотъ является глубоко поучительнымъ, но насколько онъ послужитъ урокомъ, покажетъ будущее. Замѣтимъ только, что съ 1881 года и до послѣдняго времени положеніе дѣла нисколько не измѣнилось. Въ настоящее время во всей Западной Сибири, за исключеніемъ той части Томской губерніи, которая входитъ въ Алтайскій горный округъ, имѣется всего какихъ-нибудь 3—4 крупныхъ частновладѣльческихъ хозяйствъ и развѣ не многимъ больше незначительныхъ хозяйствъ, которыя ведутся на своихъ земляхъ бѣдными дворянами-помѣщиками изъ отставныхъ чиновниковъ и козачьихъ офицеровъ, еще не успѣвшими продать своихъ участковъ, тогда какъ большинство ихъ за это время распродано купцамъ и торгующимъ крестьянамъ, или же, въ лучшемъ случаѣ, обратно приняты въ казну (изъ участковъ, высочайше пожалованныхъ) съ выдачею владѣльцамъ таковыхъ соотвѣтствующихъ денежныхъ суммъ».

Все это можетъ вызвать возраженія, что проведеніе желѣзной дороги сдѣлаетъ Сибирь гораздо болѣе заманчивою для дворянъ и облегчитъ имъ веденіе сельскаго хозяйства. Мы считаемъ всѣ такія возраженія неосновательными. Одно проведеніе желѣзной дороги еще не дастъ Сибири довольно густого населенія, многочисленныхъ рынковъ сбыта и климатическихъ условій Европейской Россіи, которыя дѣлаютъ сельское хозяйство по сю сторону Урала менѣе подверженнымъ колебаніямъ, чѣмъ за Ураломъ, а потому помѣстные дворяне вовсе не будутъ соблазняться возможностью вести хозяйство въ Сибири. Раздача земель въ Сибири даромъ или продажа ихъ дворянамъ по дешевой цѣнѣ приведетъ къ одному изъ двухъ послѣдствій: или покупатели распродадутъ свои земли съ барышомъ, благо можно будетъ найти охотниковъ, частью изъ малоземельныхъ крестьянъ, частью изъ переселенцевъ, которые получатъ недостаточный надѣлъ, или же, дабы обезпечить новымъ землевладѣльцамъ дешевыя рабочія руки, нужно будетъ держаться самой узкой переселенческой политики. Затрудняя переселенія, отводя переселенцамъ ежегодно только небольшое число земельныхъ участковъ, государство поставитъ владѣльческія хозяйства Сибири въ такое положеніе, что они будутъ служить для многихъ тысячъ переселенцевъ необходимыми станціями. Въ настоящее время многіе крестьяне, не получая разрѣшенія переселиться, идутъ самовольно въ Сибирь и тамъ работаютъ по 2—3 года въ зажиточныхъ крестьянскихъ хозяйствахъ. Скопивъ изъ заработка нѣкоторыя сбереженія, они входятъ въ составъ сторожильскихъ сельскихъ обществъ и тѣмъ пріобрѣтаютъ прочную осѣдлость. Держа переселенія изъ Европейской Россіи въ нынѣшнихъ размѣрахъ, государство (уже вслѣдствіе того, что приростъ населенія въ Европейской Россіи обгоняетъ успѣхи земледѣльческой техники) будетъ увеличивать ежегодно число само-

вольныхъ переселенцевъ. Часть изъ нихъ будетъ работать въ сибирскихъ помѣщичьихъ хозяйствахъ до пріисканія себѣ осѣдлости. Стѣсненіе переселеній сдѣлаетъ и по другимъ причинамъ возможнымъ веденіе въ Сибири средняго и крупнаго хозяйства. Отходъ на сельскія работы, охватывая теперь крестьянство десятковъ губерній, будетъ распространяться на районъ все болѣе обширный. Не далеко время, когда нѣкоторые уѣзды Уфимской губерніи будутъ каждую весну давать малонаселеннымъ мѣстностямъ много тысячъ рабочихъ рукъ, а проведеніе сибирской дороги и пониженіе тарифа для поѣздовъ съ рабочими позволятъ этому люду добираться для лѣтнихъ работъ въ Тобольскую и Томскую губерніи. Такимъ образомъ, затрудняя переселенія, государство будетъ содѣйствовать снабженію сибирскихъ помѣщичьихъ хозяйствъ рабочими руками—годовыми изъ самовольныхъ переселенцевъ, которые должны работать по найму нѣсколько лѣтъ, прежде чѣмъ получить возможность устроиться, и поденными—изъ тѣхъ, которые будутъ отправляться изъ восточныхъ губерній Европейской Россіи только для лѣтнихъ работъ.

Мы не считаемъ возможнымъ какого-либо иного исхода, не похожаго на то, что указано выше. Напрасно говорить, въ какой мѣрѣ и первый исходъ, и второй противорѣчатъ требованіямъ справедливости и истиннымъ интересамъ народнаго хозяйства. Продавать дворянамъ сибирскія земли дешево для того только, чтобъ они искали случая сбыть ихъ съ рукъ съ барышомъ, значитъ положить начало земельной спекуляціи, которая должна быть признана однимъ изъ худшихъ видовъ ростовщичества. Было бы прискорбно думать, что такая спекуляція получаетъ отъ государства главное условіе для своего развитія. Создать обстановку, благопріятную для успѣховъ помѣщичьяго хозяйства въ Сибири посредствомъ затрудненія переселеній, это значитъ пожертвовать насущными интересами многихъ милліоновъ для искусственнаго упроченія въ Сибири такихъ условій жизни, которыя исторически выработаны въ Европейской Россіи и которыя признаются ненормальными со стороны всѣхъ, кто не на словахъ только, но и на дѣлѣ принимаетъ близко къ сердцу интересы родины.

Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ выработанъ проектъ правилъ объ общественныхъ запашкахъ. По проекту, общественная запашка учреждается сельскимъ обществомъ, если приговоръ о томъ постановленъ большинствомъ голосовъ, не менѣе $^2/_3$ законнаго состава схода. Запашка можетъ быть введена какъ на собственной землѣ, такъ и на арендной. При подворно-наслѣдственномъ владѣніи, устройство общественной запашки на отдѣльной землѣ, которая состоитъ въ подворномъ пользованіи, допускается только по единогласному приговору общества. Сельское общество, учредившее общественную запашку, получаетъ слѣдующія льготы: а) долгъ, числящійся на немъ по ссудамъ изъ общественныхъ продовольственныхъ средствъ, можетъ быть разсроченъ, смотря по суммѣ долга, на срокъ отъ 6 до 9 лѣтъ; б) оно освобождается отъ сборовъ, взимаемыхъ инымъ порядкомъ на обра-

зованіе общественныхъ продовольственныхъ запасовъ и капитала на время, въ теченіе котораго будетъ существовать запашка; в) если запашка устраивается на арендной землѣ, то обществу, по его ходатайству, послѣ заключенія арендпаго договора, можетъ быть выдано изъ губернскаго продовольственнаго капитала безпроцентная ссуда въ размѣрѣ 50% условленной годовой арендной платы. Запашка, учрежденная обществомъ, не можетъ быть прекращена до тѣхъ поръ, пока не будутъ пополнены до установленнаго размѣра общественные хлѣбные запасы или продовольственные капиталы. Ни казенныя, ни частныя взысканія не могутъ быть обращаемы на хлѣбъ, снятый съ общественной запашки, ни на вырученныя отъ него деньги до тѣхъ поръ, пока не будутъ погашены обязательства общества по продовольственной части. Подъ общественную запашку пространство земли должно быть отводимо съ такимъ разсчетомъ, чтобы, за вычетомъ всѣхъ расходовъ, сборъ зерна, при среднемъ урожаѣ въ теченіе времени, на которое обществу разсрочены продовольственные долги, могъ покрыть всѣ долги общества по ссудамъ изъ общественныхъ запасовъ или общественнаго капитала. Общественная запашка обрабатывается всѣмъ міромъ; однако, общество имѣетъ право сдавать ее надежнымъ лицамъ въ аренду или въ содержаніе одному. Если работы по общественной запашкѣ производятся самимъ обществомъ, то признаются обязательною натуральною повинностью членовъ общества и отбываются за круговою ихъ порукой. Если членъ общества находится въ отлучкѣ, то обязанъ оставить въ обществѣ замѣстителя изъ членовъ своей семьи или стороннихъ лицъ; въ послѣднемъ случаѣ онъ указываетъ источникъ вознагражденія замѣстителя или вноситъ впередъ условленную плату. Отъ работы на общественной запашкѣ освобождаются тѣ изъ выкупившихъ свои надѣлы, которые не изъявили согласія на отводъ запашки изъ этихъ надѣловъ. Эти крестьяне отбываютъ продовольственную повинность взносомъ опредѣленнаго хлѣбнаго или денежнаго сбора. Лица, завѣдующія крестьянскими дѣлами, отвѣчаютъ за своевременное исполненіе мірского приговора объ отводѣ земли подъ общественную запашку. Если члены общества, учредившаго запашку, будутъ уклоняться отъ работы или работать дурно, то, кромѣ привлеченія ихъ къ отвѣтственности, работы могутъ быть исполнены наемными рабочими и необходимыя для этого деньги взысканы съ общества на ряду съ казенными сборами. Изъ урожая, собраннаго съ общественной запашки, покрываются расходы, связанные съ ея устройствомъ, а все остальное поступаетъ въ хлѣбный запасный магазинъ; если же натуральные запасы замѣнены денежными капиталами, то зерно продается и деньги поступаютъ въ капиталъ. Когда хлѣбный запасъ или денежный капиталъ пополненъ, то остальныя деньги поступаютъ въ мірскія средства. Для завѣдыванія работами по запашкѣ общество избираетъ особаго смотрителя, которому и даетъ вознагражденіе, не больше, впрочемъ, % валового дохода съ запашки.

Сами по себѣ, общественныя запашки заслуживаютъ полнаго сочувствія. Замѣна единоличнаго труда общинниковъ коллективнымъ трудомъ поведетъ

къ упроченію земельной общины. Крайне невыгодное для хозяйства раздробленіе силъ исчезнетъ и мелкое производство уступитъ крупному, вооруженному машинами. Еслибъ общественныя запашки примѣнялись предварительно только къ тѣмъ участкамъ, которые предназначены для пополненія продовольственныхъ запасовъ или образованія денежныхъ продовольственныхъ капиталовъ, то они, разъ ихъ выгодность была сознана, стали бы вскорѣ примѣняться и къ другимъ участкамъ общинной земли. И въ проектѣ правилъ министерства внутреннихъ дѣлъ мы не находимъ пунктовъ, которые рѣзко противорѣчили бы условіямъ, при которыхъ теперь вводятся общественныя запашки. А льготы, предоставляемыя сельскимъ обществамъ, которыя введутъ ихъ, могутъ побудить многія сельскія общества держаться этого способа—образовать продовольственные запасы. Однако, законъ—одно, а административная практика—другое. Если законъ цѣлесообразенъ, то свободное, извнѣ невынуждаемое слѣдованіе ему можетъ дать добрые результаты. Предписаніе же администраціи, чтобы населеніе вводило общественныя запашки, можетъ только испортить все дѣло. Нѣсколько сотъ случаевъ общественныхъ запашекъ, наблюденныхъ земскими статистиками въ разныхъ губерніяхъ, даютъ право заключить, что запашки устраиваются правильно и поддерживаются охотно всегда, когда сами крестьяне являются ихъ иниціаторами. Въ подобныхъ случаяхъ запашки учреждаются для пополненія хлѣбныхъ магазиновъ, для постройки или содержанія училища, церквей и проч. Но какъ скоро общественная запашка или какая-нибудь другая общественная работа вводится подъ вліяніемъ сильнаго давленія извнѣ, то крестьяне исполняютъ ее неумѣло, небрежно и, при первой возможности, стараются отдѣлаться отъ нея. Такъ, наприм., въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ Острогожскаго уѣзда общественныя запашки стали вводиться въ 1833 г. Онѣ были введены соотвѣтствующимъ начальствомъ и поддерживались насильственными средствами, а потому населеніе не взлюбило эту форму и въ 60-хъ годахъ, когда введено было новое положеніе о крестьянахъ, общественныя запашки стали быстро уничтожаться. Мы припоминаемъ по этому поводу нелюбовь крестьянъ и къ другимъ остаткамъ старины. Во время военныхъ поселеній бывшіе военные поселяне Александрійскаго уѣзда, Херсонской губерніи, насадили у себя сады, рощи и питомники по принужденію и подъ вліяніемъ строгихъ наказаній, съ которыми было сопряжено исполненіе этихъ работъ. Когда эти насажденія достались имъ въ надѣлъ, то они были немедленно вырублены и выкорчеваны. А потому, если проектъ правилъ станетъ закономъ, то весьма желательно, чтобъ устройство общественныхъ запашекъ было предоставлено усмотрѣнію самихъ крестьянъ, что, конечно, не дѣлаетъ излишними совѣтовъ и указаній администраціи, которые могутъ иногда разъяснить тѣ или другія частности дѣла.

Именнымъ высочайшимъ указомъ 3 марта положено начало объединенію всѣхъ 4% внутреннихъ займовъ посредствомъ разрѣшенія доброволь-

но обмѣнивать облигаціи 4% срочныхъ займовъ всѣхъ выпусковъ на свидѣтельства 4% государственной ренты. При самомъ ея выпускѣ было предположено, что она постепенно замѣнитъ всѣ другія формы займовъ. Такъ какъ курсъ ренты поднялся на уровень курса 4% облигацій срочныхъ внутреннихъ займовъ, то исчезло внѣшнее препятствіе для объединенія. На первый разъ изъ общей суммы 4% внутреннихъ займовъ въ 554 милліона разрѣшено обмѣнять на ренту 250 милліоновъ. Эта финансовая операція представляетъ внѣшнія удобства, въ виду одинаковости срока купоновъ. Очень вѣроятно также, что большая сумма рентнаго займа (въ совокупности на 1,430 милліоновъ рублей), давъ ему возможность размѣститься по многочисленнымъ частнымъ хозяйствамъ, сдѣлаетъ его менѣе доступнымъ спекуляціи: когда общая сумма какой-либо цѣнной бумаги не велика, то довольно сферамъ, близкимъ къ биржѣ, сосредоточить въ своихъ рукахъ на нѣсколько милліоновъ данной бумаги, чтобы получить возможность колебать ея курсъ и причинять тѣ потрясенія, съ которыми обыкновенно связана биржевая игра. Эта выгода можетъ имѣть серьезное значеніе, если большая часть биржевыхъ оборотовъ производится съ фондами и акціи, котируемыя на биржѣ, занимаютъ второстепенное мѣсто. Но какъ скоро частныя промышленныя и торговыя предпріятія настолько умножились, какъ мы за послѣдніе два года наблюдаемъ въ Россіи, такъ фонды уже перестаютъ быть излюбленнымъ предметомъ спекуляціи и служатъ формою прочнаго помѣщенія капиталовъ. А потому замѣна срочныхъ займовъ рентами не имѣетъ въ этомъ отношеніи большой важности. Для погашенія срочныхъ займовъ каждый годъ отчисляется извѣстная сумма, большая или меньшая, въ зависимости отъ суммы долга; для погашенія же рентнаго займа въ бюджетъ не вносится никакихъ суммъ, и самый заемъ погашается въ неопредѣленные сроки, когда казна считаетъ то для себя выгоднымъ. Западная Европа, особенно Англія и Франція, окончательно перешла къ рентнымъ займамъ. Финансовое управленіе имѣетъ иногда соблазнъ заключать новые займы, хотя бы цѣль, ради которой они заключаются, и не оправдывала пользованія государственнымъ кредитомъ. Большая часть долговъ европейскихъ государствъ возникла для веденія войны. Слѣдуетъ замѣтить, что, подобно тому, какъ на отдѣльномъ лицѣ лежитъ нравственная обязанность не обременять своихъ наслѣдниковъ займомъ, заключеннымъ для непроизводительныхъ затратъ, и на государствѣ или единицахъ самоуправленія лежитъ обязанность не возлагать такихъ долговъ на потомство. Вотъ соображенія, которыя заставляютъ насъ пожелать, чтобы въ системѣ русскихъ государственныхъ долговъ сохранились и срочные займы.

Одна московская газета (*Московскія Вѣдомости* 1895 г., № 51), усердно враждующая съ земствомъ, какъ скоро оно заявляетъ о себѣ энергическою и плодотворною дѣятельностью, обрушилась недавно на предсѣдателя нижегородской уѣздной земской управы А. А. Савельева за за-

писку, внесенную имъ въ губернское земское собраніе. Эта записка имѣла цѣлью возбудить въ собраніи «вопросъ о народномъ образованіи и привлечь губернское земство къ болѣе активному участію въ немъ». Вотъ выдержка изъ записки г. Савельева: «Распространеніе народнаго образованія, безъ сомнѣнія, должно развить въ народѣ не одно только болѣе правильное пониманіе своихъ экономическихъ интересовъ, но и сознаніе своего человѣческаго достоинства. Съ этимъ будутъ уже несовмѣстимы такіе пріемы относительно дисциплины народа, которые, какъ, напримѣръ, употребленіе розогъ, унижаютъ человѣческую личность». Руководствуясь этими соображеніями, г. Савельевъ предложилъ земскому собранію ходатайствовать о полной отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. Однородное ходатайство исходитъ и съ другой стороны. Двадцать четыре учителя одной изъ черноземныхъ губерній обратились въ петербургскій комитетъ грамотности съ просьбою ходатайствовать объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для крестьянъ, кончившихъ курсъ въ сельскихъ народныхъ школахъ. Комитетъ разсмотрѣлъ это заявленіе учителей и, раздѣляя ихъ мнѣніе, что тѣлесное наказаніе глубоко унижаетъ не только бывшихъ учениковъ народныхъ школъ, но и весь русскій народъ, что тѣлесныя наказанія вредны для педагогическихъ задачъ и позорны для крестьянской жизни вообще, постановилъ передать этотъ вопросъ на обсужденіе вольнаго экономическаго общества.

Нѣкоторыя газеты глубоко возмущаются этими фактами. Они негодуютъ и на то, что земскій гласный вноситъ въ собраніе вопросъ, который выходитъ за предѣлы заботъ земства о хозяйственныхъ нуждахъ мѣстности, и на то, что съ подобными ходатайствами выступаютъ народные учителя, которые должны бы исключительно обучать грамотѣ, и на то, наконецъ, что подобный вопросъ разсматривается комитетомъ грамотности и передается на обсужденіе вольнаго экономическаго общества. Этимъ лицамъ и учрежденіямъ вовсе не должно быть дѣла до того, подвергаются ли крестьяне тѣлеснымъ наказаніямъ, или же прекратилось употребленіе розогъ. Конечно, крайне неблагодарная задача доказывать вредность сѣченія розгами тому, кто испыталъ ихъ неоднократно на себѣ и кто привыкъ считать ихъ главною причиной своего благополучія: ни апріорныя доказательства, ни ссылки на крупные авторитеты въ педагогіи не всегда могутъ сбить съ позиціи такихъ восторженныхъ поклонниковъ розогъ. Не такъ трудно спорить съ тѣми, кто не испыталъ на себѣ ихъ полезности, а стоитъ за нихъ только потому, что онѣ издавна примѣняются и усвоилась привычка считать ихъ неустранимымъ наказаніемъ для низшихъ классовъ народа. Всѣмъ, кто традиціонно стоитъ за розги, можно сослаться на большое значеніе, какъ довода противъ нихъ, на то, что ходатайствуютъ объ ихъ отмѣнѣ люди, подобные нижегородскому земскому дѣятелю г. Савельеву и 24 народнымъ учителямъ. Это—не кабинетные ученые, которые, вырабатывая наиболѣе совершенную систему воспитанія, вносятъ въ нее иногда такія частности, которыя не примѣнимы въ данное время или данномъ мѣстѣ. Это—практическіе дѣятели, которые всегда жи-

вуть съ народомъ и знають его. Они имѣютъ случай изо дня въ день наблюдать, какъ тѣлесное наказаніе унижаетъ въ крестьянинѣ чувство личнаго достоинства и поддерживаетъ грубость нравовъ, которая затрудняетъ облагораживающее дѣйствіе культуры. Они видятъ, они живо чувствуютъ, что эта грубость нравовъ уменьшаетъ вліяніе на населеніе различныхъ мѣропріятій земства, какъ чисто-хозяйственныхъ, такъ и просвѣтительныхъ. А потому они и выступаютъ съ такимъ ходатайствомъ. И это ходатайство, какъ яркое выраженіе того, чего требуетъ сама жизнь, представляется потому особенно вѣскимъ, что исходитъ отъ людей, которымъ, уже въ силу ихъ общественнаго положенія, вовсе не грозятъ розги. Такую оцѣнку вызываютъ эти факты, если разсматриваете ихъ по существу. Ограничиваясь формальнымъ отношеніемъ къ дѣлу, можно высказать неудовольствіе, что хлопочутъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія люди, которые имѣютъ свои спеціальныя обязанности, весьма далекія отъ ходатайствъ о свободѣ окончившихъ курсъ въ народной школѣ отъ наказанія розгами. Кто опираетъ свои возраженія на этой почвѣ, тотъ не даетъ себѣ отчета въ общихъ обязанностяхъ людей, какъ гражданъ. А эти обязанности и сводятся, прежде всего, къ тому, чтобы прямо или косвенно освѣщать предъ органами государственной власти тѣ условія жизни, которыя препятствуютъ прогрессивному развитію государства. Именно тѣ (какъ въ данномъ случаѣ г. Савельевъ и 24 народныхъ учителя) всего лучше исполняютъ свои спеціальныя обязанности, которые чутко относятся къ своему общегражданскому долгу.

Черниговское земство, занимающее одно изъ первыхъ мѣстъ по энергическимъ заботамъ о пользахъ и нуждахъ населенія, выполнило еще одну крупную работу: утвердило докладъ управы о содѣйствіи земства начальному народному образованію; предложенія управы приняты. Въ нынѣшнемъ году постановлено устроить въ Черниговѣ педагогическіе курсы для учителей пяти уѣздовъ. По сравненію съ прошлогодними, курсы будутъ поставлены въ нынѣшнемъ году гораздо шире: на нихъ приглашается 120 слушателей, вмѣсто 60. Дабы ознаменовать бракосочетаніе Государя Императора, земство ассигновало 60,000 рублей на устройство сельскихъ библіотекъ. Эта сумма будетъ распредѣлена между 600 школъ, при которыхъ и будутъ учреждены библіотеки, по 100 рублей на каждую. Ассигнована особая сумма для составленія учительскихъ библіотекъ при нѣкоторыхъ уѣздныхъ управахъ. Земство поставило при этомъ ассигнованіи на видъ, что учителя должны пользоваться книгами безплатно и что большая часть книгъ, пріобрѣтаемыхъ этими библіотеками, должна относиться къ педагогіи. Земское собраніе постановило также ходатайствовать о томъ, чтобы въ эти библіотеки были допущены всѣ книги, которыя дозволены цензурой. Губернское земство ассигновало также 1,105 рублей, дабы оплатить повторительныя занятія при нѣкоторыхъ школахъ. Озабочиваясь тѣмъ, чтобъ уѣздныя земства могли дешево пріобрѣтать книги и

чтобы среди населенія распространялись полезныя книги, земство рѣшило учредить свой книжный складъ. Для этого отведенъ въ Черниговѣ особый домъ, принадлежащій земству. На его устройство и на обороты съ книгами отпущено 4,000 рублей. Особенно пріятно отмѣтить всѣ эти факты, такъ какъ они доказываютъ не только значительные размѣры дѣятельности губернскаго земства по развитію народнаго образованія (ассигнованіе 60,000 рублей на сельскія библіотеки является, несомнѣнно, очень крупнымъ фактомъ), но и образуютъ цѣлую систему: библіотеки для учащихся и учителей, книжный складъ, педагогическіе курсы, повторительныя занятія—вотъ разные и очень важные пункты въ области народнаго просвѣщенія, привлекшіе къ себѣ заботы черниговскаго губернскаго земства. И если всѣ русскія земства будутъ неослабно выполнять такую работу, то черезъ 25 лѣтъ русская жизнь будетъ обладать гораздо болѣе благопріятными условіями для прогрессивнаго развитія, нежели въ настоящее время.

Въ отчетѣ петербургской городской исполнительной санитарной коммиссіи за 1893 годъ есть особая глава о здоровьи учащихся въ городскихъ начальныхъ училищахъ. Число учащихся достигало 15,374, и школьный врачъ еженедѣльно посѣщалъ каждую школу своего участка (на участокъ приходится до 30 школъ), опредѣлялъ ростъ, вѣсъ, объемъ грудной клѣтки, остроту зрѣнія, физическіе недостатки. Общій осмотръ дѣтей привелъ къ неудовлетворительнымъ результатамъ. Оказалось, что 22% общаго числа дѣтей слабаго тѣлосложенія, 42%—посредственнаго, только 35% крѣпкаго. Съ хорошимъ питаніемъ оказались только 30% дѣтей. Слабое тѣлосложеніе, совмѣстно съ плохимъ питаніемъ, является причиной большой болѣзненности петербургскихъ дѣтей: 34% золотушны или малокровны; почти нѣтъ дѣтей, у которыхъ не было бы гнилыхъ зубовъ. Кромѣ того, насчитали 2,2% учащихся съ пороками зрѣнія и 1,6% съ искривленными позвоночниками. Заболѣваемость учащихся въ начальныхъ школахъ за 1893 годъ была очень значительна: было 30,576 заболѣваній; многіе учащіеся заболѣвали въ теченіе года нѣсколько разъ разными болѣзнями, среди которыхъ преобладали болѣзни желудка и легкихъ. «Высокая заболѣваемость,—читаемъ мы въ отчетѣ,—подтвердила и въ настоящемъ году дурное физическое развитіе петербургскихъ дѣтей и слабость ихъ организмовъ, не противустоящихъ внѣшнимъ вліяніямъ тяжелой столичной жизни и снабженныхъ обыкновенно цѣлымъ рядомъ типичныхъ признаковъ вырожденія» (стр. 71). Заболѣваемость была особенно велика въ школахъ тѣхъ частей города, которыя имѣютъ наименѣе обезпеченное населеніе: въ Адмиралтейской, гдѣ матеріальное благосостояніе особенно благопріятно, на 100 учащихся было 214 заболѣваній, а въ Рождественской—433, въ Нарвской—[illegible]23 и Александроневской—668. Состояніе здоровья учащихся въ школахъ Александроневской части производитъ просто потрясающее впечатлѣніе: около $^1/_3$ всѣхъ поступившихъ учениковъ были малокровны и золотушны, около $^3/_4$ имѣли болѣе или менѣе рѣзко выраженные признаки англійской бо-

лѣзни; затѣмъ было много дѣтей хромыхъ, съ гноетеченіемъ изъ ушей, косноязычныхъ, заикъ, съ ослабленнымъ слухомъ. Женщина-врачъ г-жа Праксина пишетъ, что изъ 576 дѣтей, осмотрѣнныхъ ею, 297 были слабаго тѣлосложенія, преимущественно съ куриною грудью. Многіе отъ самаго ранняго дѣтства страдаютъ постоянными головными болями, дурнымъ сномъ, отсутствіемъ аппетита.

Мы останавливаемся только на этихъ фактахъ, не приводимъ другихъ, сгрупированныхъ въ отчетѣ, и воздерживаемся отъ всякихъ комментарій, которые совершенно излишни. Эти факты, во всей своей наготѣ, должны быть почаще напоминаемы тѣмъ непростительнымъ оптимистамъ, которые громко говорятъ о томъ, что въ Россіи нѣтъ пролетаріата и что матеріальное благосостояніе нашего отечества возростаетъ очень быстро. Нѣтъ, ни одинъ большой городъ Западной Европы не даетъ картины такого печальнаго состоянія учащихся, какъ Петербургъ!

---

2 апрѣля, на 65 году жизни, скончался бывшій редакторъ-издатель газеты *Русскій Курьеръ* Николай Петровичъ Ланинъ. Въ теченіе многихъ лѣтъ покойный состоялъ гласнымъ московской городской думы. Онъ былъ оригинальною и во многихъ отношеніяхъ симпатичною фигурой и въ думѣ, и въ журналистикѣ. Газета *Русскій Курьеръ*, въ особенности въ первые годы ея существованія, занимала видное мѣсто въ нашей публицистикѣ и мѣсто это, послѣ прекращенія *Русскаго Курьера*, такъ и остается незанятымъ въ московской журналистикѣ. На изданіе газеты Н. П. Ланинъ не жалѣлъ средствъ, будучи убѣжденнымъ сторонникомъ простора печатнаго слова. Имя этого человѣка будетъ связано съ именемъ честной, живой и дѣльной газеты.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1 апрѣля н. с. бывшему канцлеру Германской имперіи князю Бисмарку исполнилось восемьдесятъ лѣтъ. День этотъ былъ отпразднованъ съ особенною торжественностью. Депутацій, подарковъ, телеграммъ было множество. Императоръ Вильгельмъ II подарилъ удаленному имъ отъ дѣлъ канцлеру золотой палашъ съ гербами Эльзаса и Лотарингіи и самъ пріѣзжалъ привѣтствовать Бисмарка. Какъ этотъ символическій подарокъ, такъ и воинственная рѣчь, произнесенная въ Фридрихсруэ императоромъ, усилили взбудораженный германскій шовинизмъ.

Но далеко не весь германскій народъ чествовалъ на этотъ разъ главнаго создателя германскаго единства. Участникомъ въ національной манифестаціи хотѣли сдѣлать и парламентъ. Но партіи центра, свободомыслящихъ и соціалистовъ рѣшительно возстали противъ этого. Большинствомъ 163 голосовъ противъ 145 рейхстагъ отклонилъ предложеніе поднести отъ его имени поздравленіе князю Бисмарку.

Постановленіе парламента вызвало взрывъ негодованія въ партіяхъ меньшинства. Императоръ Вильгельмъ немедленно отправилъ Бисмарку телеграмму, въ которой выражаетъ глубочайшее негодованіе по поводу постановленія рейхстага, и говоритъ, что оно находится въ полнѣйшемъ противорѣчіи съ чувствами всѣхъ нѣмецкихъ государей и ихъ народовъ.

Едва ли правъ императоръ Вильгельмъ II: нельзя, разумѣется, утверждать, что депутаты названныхъ партій большинства, образовавшагося по случаю дня рожденія князя Бисмарка, выразили чувства всѣхъ своихъ избирателей; но громадное большинство этихъ избирателей чувствуетъ себя солидарнымъ съ постановленіемъ рейхстага. Газеты націоналъ-либеральной и консервативныхъ партій заранѣе считались съ возможностью такого постановленія и запальчиво нападали на противниковъ чествованія князя Бисмарка. *National-Zeitung* еще 17 марта въ статьѣ *Deutscher Jammer* не находитъ достаточно рѣзкихъ и грубыхъ словъ, чтобъ осудить противодѣйствіе центра и свободомыслящихъ. Газета говоритъ, что князь Бисмаркъ уже пять лѣтъ въ невольной отставкѣ, что льстецы и приспѣшники ничего отъ него получить не могутъ, что враги имперскаго канцлера имѣли основаніе не чествовать его, когда онъ былъ въ силѣ, теперь же должны были почтить въ немъ великаго государственнаго человѣка, сог-

теля Германской имперіи. Борьба князя Бисмарка,—продолжаетъ газета,—съ партіей прогрессистовъ и его *культурная борьба* съ нѣмецкими католиками принадлежатъ исторіи. Дѣло Бисмарка завершено. Онъ—объединитель Германіи, вернувшій ей Шлезвигъ-Голштейнъ и Эльзасъ-Лотарингію. *National-Zeitung* полагаетъ, что англичане, французы, итальянцы не поймутъ этой ослѣпленной злобы. Въ Италіи,—замѣчаетъ газета,—республиканцы чествовали объединителя страны, Кавура, а сторонники Савойскаго дома высоко чтутъ память Мадзини.

Послѣднее сравненіе неудачно: никогда Кавура не отдѣляла отъ Мадзини та пропасть, какая существовала между Бисмаркомъ и вождями центра (Виндгорстъ) и прогрессистовъ (Рихтеръ). Но обратимся къ представителямъ этихъ партій, чтобы разъяснить тѣ мотивы, по которымъ они отказались отъ чествованія государственнаго человѣка, заслуги котораго во многихъ отношеніяхъ они ставятъ очень высоко.

Freisinnige Zeitung (16 марта) такъ объясняла рѣшеніе народной свободомыслящей партіи. При настоящихъ условіяхъ дѣло шло не о простой вѣжливости, не о поздравленіи только престарѣлаго государственнаго человѣка. Князь Бисмаркъ воплощаетъ въ себѣ вполнѣ опредѣленную политическую систему. Нельзя въ его могучей личности раздѣлять государственнаго человѣка, послужившаго объединенію Германіи, отъ носителя извѣстныхъ принциповъ внутренней политики. Въ этой политикѣ князь Бисмаркъ всегда являлся непримиримымъ врагомъ либерализма, всегда выставлялъ свободомыслящихъ партіею, вредною для народа и имперіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, князь Бисмаркъ вовсе не считаетъ свою политическую дѣятельность оконченною. Онъ при каждомъ удобномъ случаѣ выступаетъ съ заявленіями, указаніями и совѣтами, имѣющими цѣлью поддержать его авторитетъ и послужить тѣмъ же враждебнымъ либерализму цѣлямъ, которымъ служилъ князь Бисмаркъ, когда былъ имперскимъ канцлеромъ. Празднованіе получило поэтому характеръ партійной демонстраціи, въ которую хотѣли втянуть весь парламентъ. Чествовать хотѣли не сошедшаго со сцены объединителя Германіи, а представителя политической системы, противъ которой приходится со всею энергіей бороться либеральнымъ партіямъ въ Германской имперіи.

Въ другомъ номерѣ *Freisinnige Zeitung* (№ 72) не безъ язвительности указываетъ, какъ относились консерваторы къ князю Бисмарку пять лѣтъ тому назадъ, когда онъ неожиданно получилъ отставку отъ императора Вильгельма II, и какъ относятся они къ нему въ настоящее время. Въ палатѣ депутатовъ (прусской) оффиціальное извѣщеніе объ отставкѣ князя Бисмарка было встрѣчено полнымъ молчаніемъ на скамьяхъ консерваторовъ и національ-либераловъ. Не было сдѣлано никакой попытки оцѣнить значеніе этого событія, ни одинъ голосъ не раздался тогда въ похвалу павшаго канцлера. Консерваторы даже праздновали въ 1890 г. отставку князя Бисмарка, а, вѣдь, онъ и тогда былъ уже объединителемъ Германіи. По[illegible]тельны и другія напоминанія *Freisinnige Zeitung* (такъ, напримѣръ,

въ 1892 году, во время поѣздки князя Бисмарка въ Вѣну, графъ Каприви, по приказанію императора, предписывалъ германскому послу держаться подальше отъ опальнаго объединителя Германіи; стараніями германской дипломатіи австрійскій императоръ не принялъ Бисмарка и т. д.).

Для иностранцевъ, намъ кажется, вся эта исторія представляетъ большое симптоматическое значеніе. Она свидѣтельствуетъ о глубокомъ кризисѣ, который переживаетъ Германская имперія. Объединенная желѣзомъ и кровью, она не пріобрѣла еще вполнѣ правильныхъ устоевъ государственной жизни и живетъ единовременно въ двухъ противуположныхъ политическихъ системахъ. Вслѣдствіе отклоненія рейхстагомъ участія въ чествованіи князя Бисмарка, президентъ Левецовъ (консерваторъ) и второй вице-президентъ (національ-либералъ) вышли въ отставку. По новымъ выборамъ постъ президента выпалъ члену партіи центра, вторымъ вице - президентомъ избранъ свободомыслящій (первымъ остался также членъ партіи центра). Соціалъ-демократы отказались отъ принадлежавшаго имъ права имѣть вице-президентомъ своего представителя.

Союзъ центра, свободомыслящихъ и соціалъ-демократовъ, конечно, и непроченъ, и страненъ; но странны, слѣдовательно, и тѣ общія условія политической жизни Германіи, которыя вызываютъ такую коалицію. Нужно замѣтить, впрочемъ, что названныя партіи, при всемъ глубокомъ различіи въ ихъ программахъ, организаціи и образѣ дѣйствія, являются партіями демократическими. Демократическое движеніе усиливается въ Германіи вообще, въ особенности въ южной, какъ это нѣсколько разъ приходилось намъ отмѣчать. Нѣмецкія газеты принесли подробныя свѣдѣнія о предстоящемъ пересмотрѣ конституціи въ Виртембергѣ. Мы сообщили уже, что правительство выразило согласіе на этотъ пересмотръ. Въ настоящее время вторая виртембергская палата состоитъ изъ 70 выборныхъ депутатовъ и изъ 23 такъ называемыхъ привилегированныхъ: тринадцать рыцарей, 6 евангелическихъ прелатовъ, 3 духовныхъ лицъ католическаго вѣроисповѣданія и канцлера университета. Уступая давленію общественнаго мнѣнія, правительство признаетъ возможнымъ совершенное устраненіе «привилегированныхъ», но твердо стоитъ за сохраненіе второй палаты (исключительно выборной). Министръ-президентъ Митнахтъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, высказался за введеніе пропорціональнаго представительства.

Freisinnige Zeitung считаетъ нелѣпостью систему двухъ палатъ въ отдѣльныхъ государствахъ Германіи, когда для всей имперіи существуетъ только одна палата (рейхстагъ). Но газета выставляетъ на видъ громадныя преимущества будущей виртембергской второй палаты, исходящей изъ всеобщаго голосованія, передъ прусскою палатой депутатовъ, основанною на узкой трехклассной системѣ выборовъ. *Freisinnige Zeitung* предлагаетъ ввести пропорціональное представительство и на выборахъ въ имперскій парламентъ *).

---

*) Въ іюнѣ прошлаго года вторая баденская палата всѣми голосами [illegible]

Проекты измѣненія мѣстнаго самоуправленія и избирательной реформы продолжають занимать общественное мнѣніе и во Франціи. Коммиссія децентрализаціи, о которой мы упоминали въ одномъ изъ прежнихъ обозрѣній, довольно энергично приступила къ своимъ занятіямъ. Докладчикъ Жоржъ Пико формулируетъ задачи коммиссіи слѣдующимъ образомъ: ускорить ходъ административныхъ дѣлъ, сократить формальности, дать больше простора и свободы органамъ мѣстнаго управленія и такимъ образомъ освободить центральную власть отъ массы бумагъ и заботъ.

«Правая» парламента также изготовляетъ, какъ сообщаетъ *Journal des Débats*, проектъ упрощенія администраціи. Здѣсь имѣется въ виду сокращеніе (вчетверо) числа департаментовъ и округовъ, расширеніе компетенціи областныхъ собраній и т. д.

Въ палату депутатовъ внесенъ недавно проектъ, имѣющій цѣлью серьезное улучшеніе въ составленіи избирательныхъ списковъ при выборахъ въ парламентъ. Потребность въ такомъ улучшеніи была недавно доказана крупными неправильностями и даже систематическими подлогами при выборахъ въ Тулузѣ. Въ подробности этого проекта, составленнаго Луи Пасси, мы входить, разумѣется, въ иностранномъ обозрѣніи не можемъ и только укажемъ, что въ общемъ къ нему относятся сочувственно многія газеты, въ томъ числѣ *Journal des Débats* *).

На общихъ выборахъ въ датскій фолькетингъ, которые происходили въ концѣ марта, правительство потерпѣло пораженіе. Какъ припомнятъ читатели, годъ тому назадъ умѣренная часть оппозиціи вступила въ соглашеніе съ правительственною партіею и узаконила непрерывно нарушавшую конституцію министерство Эструпа. Тогда предполагалось, что этимъ соглашеніемъ кризисъ устраненъ навсегда, что датскому Бисмарку удалось сломить оппозицію. Эти предположенія не оправдались, страна осудила образъ дѣйствія партіи умѣренныхъ и въ новомъ фолькетингѣ большинство принадлежитъ либеральной оппозиціи. «Избирательная компанія,—пишетъ копенгагенскій корреспондентъ *Новостей* **),—велась на этотъ разъ съ чрезвычайнымъ напряженіемъ; въ 114 избирательныхъ округахъ соперничали 233 кандидата. Оппозиціонныя партіи поддерживали 121, правительственныя—111 кандидатовъ.

«Въ столицѣ оппозиція одержала блестящую побѣду: изъ числа четырнадцати копенгагенскихъ округовъ лишь два остались въ рукахъ сторонниковъ правительства. Весьма знаменательно пораженіе бывшаго военнаго министра, генерала Бансона, на которомъ тяготѣетъ значительная доля отвѣтственности за превращеніе столицы въ плацдармъ, вопреки волѣ національнаго собранія».

восьми приняла предложеніе демократической свободомыслящей партіи о желательности введенія пропорціональнаго представительства.

*) *Journal des Débats*, 25 mars (утреннее изданіе).

**) *Новости* 1 апрѣля.

Усилилась и соціалистическая партія: прежде она имѣла во второй палатѣ двухъ представителей, а теперь восьмерыхъ.

Въ первыхъ числахъ апрѣля новый фолькетингъ собрался для избранія бюро. Президентомъ и обоими вице-президентами выбраны противники соглашенія съ правительствомъ. Затѣмъ фолькетингъ закрылся до наступленія законодательной сессіи. Можно ожидать, слѣдовательно, возобновленія въ Даніи упорной парламентской борьбы.

Еще болѣе опасная борьба разгорается между Швеціей и Норвегіей. Несмотря на то, что норвежскіе выборы въ парламентѣ дали большинство либераламъ и радикаламъ, король Оскаръ не счелъ возможнымъ принять отставку консервативнаго кабинета Штанга. Любопытныя свѣдѣнія сообщаетъ по этому поводу корреспондентъ *Новостей* изъ Христіаніи: «Въ разговорѣ,—пишетъ онъ,—продолжавшемся часъ, передъ отбытіемъ изъ дворца на вокзалъ, король Оскаръ категорически обѣщалъ своимъ норвежскимъ министрамъ не долго удержать ихъ на служебномъ посту,—во всякомъ случаѣ, не дольше чѣмъ до перваго мая.

«Заявленіе это весьма знаменательно, такъ какъ оно показываетъ, что король, который лучше, чѣмъ кто-либо другой, можетъ судить о нынѣшнихъ отношеніяхъ Швеціи и Норвегіи, твердо убѣжденъ, что кризисъ близится къ концу. Трудно только рѣшить, какую именно развязку предвидитъ король,—примиреніе союзныхъ странъ или разрывъ между ними».

Когда пишутся эти строки, въ Христіаніи кончаются пасхальныя вакаціи и должны начаться засѣданія стортинга. Вожди партій готовятся къ борьбѣ. Бывшій министръ Аструпъ произнесъ уже большую програмную рѣчь, въ которой нѣтъ и тѣни какихъ-либо уступокъ Швеціи. Ораторъ заявилъ, что Норвегія въ области внѣшней политики теперь совершенно подавлена Швеціей, она не оказываетъ ни малѣйшаго вліянія на внѣшнія дѣла Скандинавскаго полуострова. Такой порядокъ вещей, по мнѣнію Аструпа, весьма опасенъ и не можетъ быть сохраненъ на будущее время. Норвегія рискуетъ оказаться вовлеченной въ войну; она должна приложить всѣ усилія къ развитію своихъ оборонительныхъ силъ. Швеція за послѣднія десять лѣтъ принесла чрезвычайныя жертвы, чтобъ усилить свою армію. Посредствомъ значительнаго повышенія ввозныхъ пошлинъ, шведское правительство увеличило доходы государства и почти весь приростъ ихъ предоставило въ распоряженіе военнаго и морского министровъ, хотя король заявилъ въ 1888 г., что доходъ отъ новыхъ сильно повышенныхъ таможенныхъ тарифовъ пойдетъ всецѣло на пособія инвалидамъ тру[illegible] и на сокращеніе нѣкоторыхъ налоговъ, весьма обременительныхъ для общ[illegible]ъ. Военный бюджетъ Швеціи все повышается и уже превысилъ сорокъ [illegible]центовъ всего бюджета королевства. Напротивъ, норвежская армія и фл[illegible]ъ остаются въ пренебреженіи; ораторъ увѣренъ, что Норвегія въ дан[illegible]й моментъ не въ силахъ отразить нападеніе непріятеля. Аструпъ полага[illegible]ъ, что нельзя терять ни минуты. Норвегія должна приготовиться ко в[illegible]мъ случайностямъ.

Ораторъ закончилъ свою рѣчь требованіемъ, чтобы чрезвычайный бюджетъ военнаго вѣдомства, давно уже обсуждаемый въ коммиссіи стортинга, былъ безотлагательно представленъ на разсмотрѣніе палаты.

Въ газетахъ появился слухъ, что король Оскаръ желаетъ отречься отъ престола, наслѣдникъ же трона не склоненъ, говорятъ, идти на какія-либо уступки норвежскимъ требованіямъ. Можно предвидѣть поэтому военное разрѣшеніе спора между Норвегіей и Даніей. Военные авторитеты признаютъ побѣду шведовъ несомнѣнною. Но эта побѣда потребуетъ продолжительнаго занятія шведскими войсками норвежской территоріи, она поведетъ къ упорной борьбѣ норвежскаго народа со шведскимъ правительствомъ и, правдоподобнѣе всего, кончится полнымъ отдѣленіемъ Норвегіи отъ Швеціи *).

Дѣла на Балканскомъ полуостровѣ представляютъ не много утѣшительнаго. Ни въ Болгаріи, ни въ Сербіи не установилась еще правильная государственная жизнь. Послѣ переворота, совершеннаго королемъ Александромъ подъ вліяніемъ своего отца, во внутреннихъ отношеніяхъ сербскихъ партій наступилъ хаосъ. Такое положеніе вещей можетъ быть выгодно для расширенія въ Сербіи и Болгаріи австрійскаго вліянія, для *ассимиляціи* Босніи и Герцеговины, но не для насущныхъ интересовъ славянскихъ народовъ. Австрійскіе нѣмцы и мадьяры, попрежнему, упорно стремятся сохранить за собою господствующее надъ другими національностями положеніе. До сихъ поръ терпятъ полную неудачу попытки улучшить избирательную систему, привести народное представительство въ парламентѣ въ болѣе или менѣе справедливое соотношеніе съ численностью населенія и съ его національными интересами. Кабинетъ Виндишгреца-Пленера обѣщалъ представить проектъ избирательной реформы для Цислейтаніи, но наталкивается на разнообразныя затрудненія, вызываемыя странною коалиціей нѣмецкихъ либераловъ-централистовъ, консерваторовъ и поляковъ. Предлагаются условія, подходящія для консерваторовъ,—ихъ отвергаютъ нѣмцы-централисты, число представителей которыхъ должно уменьшиться; вырабатываются новыя предложенія,—ихъ не принимаютъ поляки, желающіе сохранить за собою привилегированное положеніе въ Галиціи, и т. д.

Телеграфъ сообщаетъ объ условіяхъ мира, принятыхъ Китаемъ. Они заключаютъ въ себѣ военное вознагражденіе въ 200 милліоновъ таэлей, большія таможенныя и торговыя уступки японцамъ и значительныя территоріальныя уступки. Китай признаетъ независимость Кореи, отдаетъ Японіи островъ Формозу, Пескадорскіе острова и область на материкѣ между устьями рѣкъ Ліао и Ялу.

Въ разныхъ источникахъ сообщаются и разныя подробности этихъ

*) И симпатіи русскаго общества, и наши государственные интересы побуждаютъ желать мирнаго разрѣшенія этого кризиса, и во всякомъ случаѣ разрѣшенія его въ пользу Норвегіи.

условій японско-китайскаго мира, но въ общемъ и главномъ всѣ эти извѣстія сходятся. Важнѣйшими пунктами договора слѣдуетъ считать, съ русской точки зрѣнія, признаніе независимости Кореи и территоріальныя уступки на материкѣ. Принадлежитъ ли Формоза китайцамъ или японцамъ,—для насъ это безразлично; но появленіе новаго и сильнаго сосѣда для нашего Пріамурья — это вопросъ важный. Громадный, но слабый Китай не представлялъ для насъ опасности; тотъ же Китай, который можетъ пробудиться отъ своей самобытности подъ вліяніемъ тяжкихъ пораженій, въ соединеніи съ Японіей составляетъ уже большую опасность. Великая сибирская желѣзная дорога, конечно, усилитъ наше положеніе на Востокѣ, оживитъ Сибирь, притянетъ переселенцевъ; но громадность разстоянія, все-таки, останется невыгодною и въ военномъ, и въ политическомъ, и въ культурномъ отношеніи.

Признаніе независимости Кореи нашимъ интересамъ могло бы и не противорѣчить, еслибъ это признаніе не повело фактически къ рѣшительному преобладанію въ Кореѣ японскаго вліянія. Сомнительно, чтобы японцы не вытребовали себѣ значительныхъ уступокъ и со стороны корейцевъ. Для насъ въ такомъ случаѣ исчезла бы надежда пріобрѣсти незамерзающій портъ на Великомъ океанѣ.

По газетнымъ извѣстіямъ, условіями японско-китайскаго мира сильно заинтересованы и отчасти встревожены общественное мнѣніе и правительства въ Англіи, Франціи и Германіи. Предвидится возможность вмѣшательства европейскихъ державъ для опредѣленія такихъ условій мира, какія сочтены будутъ ненарушающими интересовъ названныхъ государствъ и, разумѣется, нашего отечества. Если такое вмѣшательство произойдетъ, а оно весьма вѣроятно и желательно, то дѣла на дальнемъ Востокѣ вступятъ въ новую фазу развитія. Въ случаѣ уступокъ со стороны Японіи европейскимъ требованіямъ, для этой страны и для Китая наступитъ эпоха мирнаго и быстраго промышленнаго развитія. Въ противуположномъ случаѣ неизбѣжно военное столкновеніе съ Японіей, исходомъ котораго при дружномъ дѣйствіи европейцевъ будетъ неизбѣжное пораженіе Японіи.

Какъ бы ни сложились обстоятельства, роль нашего отечества въ Азіи теперь въ значительной степени осложнилась. Намъ необходимы самыя энергическія усилія для того, чтобы поднять наше политическое могущество, то-есть создать благопріятнѣйшія условія для просвѣщенія и благосостоянія, для личной энергіи и общественной самодѣятельности. До сихъ поръ нашею главною соперницей въ Азіи была Великобританія; теперь въ этой роли можетъ выступить Японія. Если Китай пробудится отъ своей спячки, если въ немъ начнутъ прививаться европейскія учрежденія и идеи, то потребуется значительное напряженіе силъ русскаго народа для того, чтобы сохранить за нами теперешнее положеніе въ Азіи. Одни военныя усилія въ этомъ отношеніи совершенно недостаточны.

В.

СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО.

Симфоническія собранія. — Концерты филармоническаго общества. — Симфоническіе концерты подъ управленіемъ г. Колонна.—Духовные концерты.

Четвертое симфоническое собраніе русскаго музыкальнаго общества представляло большой интересъ, благодаря участію новаго дирижора, Артура Никиша, директора королевской оперы въ Будапештѣ. Несмотря на участіе въ этомъ же концертѣ молодой пѣвицы г-жи Сушковой, кончившей курсъ въ петербургской консерваторіи и прекрасно исполнявшей произведенія Моцарта, Чайковскаго и Рубинштейна, вниманіе всей публики было сосредоточено, главнымъ образомъ, на новомъ дирижорѣ и на исполняемыхъ подъ его управленіемъ оркестровыхъ произведеніяхъ. Послѣднее обстоятельство показываетъ, что находись только симфоническія собранія подъ управленіемъ настоящаго дирижора, они попрежнему могли бы представлять глубокій интересъ для публики, даже безъ участія солистовъ. Г. Никишъ блестяще это доказалъ, несмотря на то, что программа вечера не отличалась особенною новизной. Главная суть его дирижированія, по нашему мнѣнію, заключается въ умѣньѣ располагать оркестровыми силами безъ принудительныхъ мѣръ. Для него оркестръ есть собраніе артистовъ, играющихъ на различныхъ инструментахъ, и, разумѣется, понимающихъ то, что они исполняютъ. Такимъ образомъ, дирижоръ является не плантаторомъ, направляющимъ своею палкой толпу на ту или другую работу, а только артистомъ другой спеціальности. Преобладаетъ не личность съ ея мнѣніями, а идея, вложенная въ произведеніе. Это качество дирижора дѣлаетъ то, что исполнители чувствуютъ свое непосредственное участіе въ исполняемомъ произведеніи и вслѣдствіе этого глубоко заинтересовываются имъ. Для публики же такое исполненіе производитъ впечатлѣніе необыкновенной жизненности оркестра, какъ выразителя художественной идеи. Г. Никишъ дирижируетъ удивительно спокойно, едва замѣтными движеніями передъ собою и только въ мѣстахъ, требующихъ общаго поднятія духа, въ фортиссимахъ, взмахи палочки становятся рѣзче. Ему нѣтъ нужды прибѣгать къ угрожающимъ мѣрамъ, ни къ молніеноснымъ взглядамъ, ни къ грознымъ размахиваніямъ руки,—онъ привыкъ имѣть дѣло съ равными себѣ артистами. Къ сожалѣнію, мы долж-

ны сознаться, что нашъ оркестръ не всегда оправдывалъ его довѣрія. Иногда онъ казался слишкомъ грубымъ для такого дирижора, въ особенности при вступленіяхъ духовыхъ инструментовъ. Что касается самого исполненія: увертюры *Тангейзера* Вагнера, симфонической поэмы *Le rouet d'Omphale* Сенъ-Санса, увертюры *Сакунтала* Гольдмарка и симфоніи c-moll Бетховена, то всѣ эти произведенія, въ смыслѣ выразительности и образности, сыграны были очень хорошо, въ особенности *Тангейзеръ* и *Сакунтала.* Въ исполненіи симфоніи мы находимъ нѣсколько сильно подчеркнутымъ первый мотивъ первой части и слишкомъ большое его замедленіе на ферматѣ. Если въ симфоніяхъ Бетховена, помимо глубокаго чисто-музыкальнаго содержанія, есть еще содержаніе поэтическое, доступное словеснымъ объясненіямъ, то этотъ знаменитый мотивъ имѣетъ смыслъ предупреждающаго значенія, это memento mori для человѣка слишкомъ увлекающагося жизнью. Онъ такъ характеренъ самъ по себѣ и такъ рельефно выступаетъ на общемъ фонѣ первой части, что въ излишней подчеркнутости не нуждается. Напротивъ, если исполнять его спокойно, безстрастно, то онъ произвелъ бы большее впечатлѣніе. Произведеніе Сенъ-Санса, не глубокое по содержанію, но изящно написанное, было исполнено хорошо, но, все-таки, въ этомъ исполненіи чего-то недоставало,—должно быть, французскаго легкомыслія.

Что бы, въ самомъ дѣлѣ, русскому музыкальному обществу пригласить г. Никиша, или кого-нибудь въ этомъ же родѣ, дирижировать симфоническими собраніями — всѣми, а не однимъ. Это, во-первыхъ, подняло бы ихъ значеніе какъ художественно-воспитательныхъ учрежденій, а затѣмъ они, въ то же время, могли бы служить и школою для начинающихъ дирижоровъ-учениковъ той же консерваторіи. Публика вела себя въ этотъ вечеръ такъ же, какъ въ приснопамятные вечера при дирижированіи Н. Г. Рубинштейна. Она слѣдила съ глубокимъ интересомъ за исполняемымъ и, видимо, ощущала большое наслажденіе. Вотъ, оказывается, и старыя погудки можно пѣть на новый ладъ. Скромное поведеніе дирижора, который при аплодированіяхъ всегда обращался къ оркестру, указывая тѣмъ, что онъ не одинъ виновникъ хорошаго исполненія, тоже производило на публику пріятное впечатлѣніе, а оркестровыхъ музыкантовъ такое непривычное деликатное обращеніе побуждало къ хорошему исполненію.

Въ пятомъ симфоническомъ собраніи исполнялись: увертюра *Манфредъ* Шумана, симфоническая картина *Море* г. Глазунова, сюита *Поэтическія сцены* Годара и увертюра *Фрейшютцъ* Вебера. Г. Шейдемантель (баритонъ) пѣлъ: *An die Hoffnung* Бетховена и арію изъ оперы *Hans Heiling* Маршнера. Великій романтикъ Робертъ Шуманъ, написавшій много прекрасныхъ и глубокихъ произведеній для ф.-п. и камерной музыки, не обладалъ достаточнымъ талантомъ для инструментированія своихъ оркестровыхъ произведеній. Обѣ его симфоніи B-dur и D-moll, говорятъ, даже многимъ обязаны въ оркестровкѣ Мендельсону. Какъ бы то ни было, но оркестровка Шумана не отличается непремѣнною ея принадлежностью — ко-

ритностью и въ общемъ носитъ характеръ тяжеловатости и неуклюжести. Чувствуется, что картина по идеѣ и разработкѣ деталей прекрасна, но нарисована однообразными тонами. Шуманъ, какъ и Шопенъ, будучи оба высоко-талантливыми музыкантами по идеямъ и образамъ, ими созданнымъ, ограничивались способомъ ихъ выражать во всемъ величіи только на рояли. И дѣйствительно, въ своихъ ф.-п. произведеніяхъ они недосягаемо велики. При жизни они оба не пользовались особенною славой піанистовъ-исполнителей, какъ, напримѣръ, Листъ и А. Рубинштейнъ, но за то создали такія произведенія ф.-п. литературы, безъ которыхъ теперь немыслимо никакое артистическое ф.-п. образованіе. Ихъ генію рояль многимъ обязана своею популярностью, они своими произведеніями, такъ сказать, облагородили этотъ инструментъ, какъ Тальбергъ, Листъ и Рубинштейнъ своими исполненіями придали ему мужественную зрѣлость. Увертюра *Манфредъ* именно принадлежитъ къ такимъ оркестровымъ произведеніямъ Шумана, въ которомъ мысль и разработка ея гораздо лучше красокъ, которыми они выражены. Въ виду исключительнаго положенія этой увертюры, какъ оркестроваго произведенія, и исполненіе ея требуетъ особенной гибкости дирижорскаго таланта. Подъ управленіемъ г. Сафонова она прошла удовлетворительно. Въ произведеніи молодого петербургскаго композитора г. Глазунова *Море*—много воды, мало соли, а присутствующая въ немъ горечь является только результатомъ реальнаго направленія автора. Наши реалисты-музыканты, изображающіе различныя явленія природы, должны изображать эти явленія только условно, а всякая условность въ художественномъ произведеніи непремѣнно имѣетъ подъ собою надпись: «се левъ, а не собака». Исходными точками при изображеніи картины моря для автора, конечно, послужили шумъ морскихъ волнъ и движеніе ихъ прилива и отлива. Такимъ образомъ, два основныхъ элемента музыки готовы: мелодія—шумъ, движеніе—ритмъ. Но тутъ-то и возникаетъ вопросъ: каковы должны быть эти мелодія и ритмъ, для того, чтобы иллюзія *Моря* была совершенна для слушателя? Субъективное настроеніе автора, изобразившаго море, ни для кого не обязательно. Остается объясненіе словомъ, но тутъ уже является обширное поле для личныхъ мнѣній, весьма часто не подходящихъ къ объяснительной программѣ автора. Мы слышали въ этомъ произведеніи очень много шуму, гаму и грохоту (произведеніе написано для усиленнаго оркестра), но ясно очерченной мелодіи, дающей хоть малую иллюзію стихійности моря, мы не слыхали. И напиши авторъ въ программѣ, что произведеніе изображаетъ пожаръ въ степи или нашествіе иноплеменныхъ, мы повѣрили бы ему на слово. Исполненіемъ это произведеніе достойно поддерживалось и, по всей вѣроятности, отъ неимовѣрнаго шума его у многихъ поразстроились нервы. *Поэтическія сцены* Годара, французскаго композитора, умершаго въ прошломъ году, въ декабрѣ, представляютъ изъ себя рядъ небольшихъ пьесъ, очень мило написанныхъ во французскомъ жанрѣ. Легкость стиля и, такъ сказать, доступность содержанія сдѣлали то, что онѣ очень по-

нравились публикѣ и по требованію двѣ изъ нихъ повторены, да и сыграны они въ общемъ хорошо.

Вотъ относительно исполненія увертюры *Фрейшютца* мы не можемъ сказать того же. Вся интродукція съ знаменитымъ соло волторнъ была въ исполненіи чрезвычайно растянута, дирижировать ее слѣдовало бы поскорѣе, несмотря на обозначеніе tempo adagio; allegro же было сыграно через-чуръ разгонисто, въ особенности подъ конецъ, слишкомъ быстро. Г. Шейдемантель—очень хорошій пѣвецъ, а его выборъ для исполненія *An die Hoffnung* Бетховена показываетъ развитой музыкальный вкусъ. Произведеніе это по тексту имѣетъ философское содержаніе и очень трудно для ясной и выразительной передачи словъ, а музыка, подкрѣпляющая значеніе текста, еще болѣе увеличиваетъ трудность исполненія, но г. Шейдемантель вышелъ изъ всѣхъ этихъ затрудненій побѣдителемъ, да еще повторилъ на бисъ это произведеніе.

Нѣмецкій композиторъ Генрихъ Маршнеръ по свойству творчества принадлежитъ къ циклу композиторовъ народной нѣмецкой оперы, во главѣ которыхъ стоитъ Карлъ-Марія Веберъ. Изъ многихъ написанныхъ Маршнеромъ оперъ: *Der Vampyr*, *Templer und Jüden* и *Hans Heiling* до сихъ поръ еще иногда исполняются въ Германіи. Спѣтая г. Шейдемантелемъ арія, идеально-любовнаго содержанія, еще разъ подтвердила, что онъ выдающійся пѣвецъ. Вечеръ этотъ былъ посвященъ памяти геніальнаго основателя симфоническихъ вечеровъ и консерваторіи Н. Г. Рубинштейну.

Мнѣніе о девятой симфоніи (d-moll) Бетховена, какъ о послѣднемъ словѣ генія, превосходящемъ все написанное раньше, у большинства музыкантовъ и публики сложилось давно и твердо держится до сихъ поръ. Высказать противуположное мнѣніе меньшинства, къ которому примыкаемъ и мы, слишкомъ трудно: нужно это произведеніе подвергнуть подробному анализу, которому здѣсь не мѣсто. Во всякомъ случаѣ, сравнивая девятую симфонію съ третьей, пятой и седьмой, мы находимъ, что въ ней нарушена цѣлостность впечатлѣнія, свойственная этому роду творчества, введеніемъ человѣческаго голоса, какъ равнаго элемента. Симфонія для оркестра представляетъ высшую форму въ музыкѣ,—форму, въ которой можетъ выразиться всякая идея, доступная человѣческому генію, во всей полнотѣ ея развитія. Вводя въ симфонію элементъ, ограниченный словомъ и не могущій конкуррировать въ полнотѣ развитія мысли съ инструментами, Бетховенъ нарушилъ правило, которое воспрещаетъ вводить элементъ, не усиливающій общее развитіе произведенія, а, напротивъ, разслабляющій его. Точно также и во внутреннемъ содержаніи симфоніи мы находимъ много недостатковъ, не свойственныхъ лучшимъ произведеніямъ Бетховена. Укажемъ, напримѣръ, хотя бы на знаменитое Adagio molto, въ которомъ вторая тема (Andante moderato, D-dur и потомъ G-dur) появляется въ трехдольномъ тактѣ; по нашему мнѣнію, это тактовое измѣненіе ничѣмъ не вызвано. Оно далеко не играетъ той роли, которую имѣетъ въ a-moll'номъ квартетѣ, Adagio

molto, in modo lidico и затѣмъ Andante. Тамъ оно рѣзко поставлено, какъ противупоставленіе религіи жизни, а въ симфоніи оно производитъ впечатлѣніе произвольной вставки. Замѣтимъ здѣсь, что вообще тактовыя измѣненія скорѣе свойственны вокальнымъ произведеніямъ, гдѣ они находятъ основаніе въ текстѣ словъ, въ инструментальной же музыкѣ они должны оправдываться какою-нибудь сильною особенностью содержанія произведенія, а начало Adagio ничего подобнаго не представляетъ. Molto vivace, съ знаменитымъ первымъ мотивомъ, благодаря повтореніямъ частей, тоже кажется длиннымъ, а четырехчетвертная русская тема (Presto), составляющая содержаніе новой части, вродѣ тріо,—тоже какъ бы не вяжется съ предъидущимъ Molto vivace. Первыми тремя частями: Allegro, Vivace и Adagio, въ сущности, и ограничивается настоящая оркестровая симфонія; идущее затѣмъ Presto служитъ только связью съ послѣдующими частями, въ которыхъ участвуютъ солисты и хоръ. Относительно этого Presto, съ его инструментальнымъ речитативомъ басовъ, осмѣлимся сказать, что его бы можно было, пожалуй, и совсѣмъ выпустить и начать продолженіе симфоніи съ слѣдующаго Presto, тѣмъ болѣе, что и по началу оба Presto одинаковы. Въ относительной слабости остальныхъ частей,—Allegro, Andante и т. д.,—несмотря на нѣкоторыя техническія совершенства (наприм., канонъ въ Allegro energico), убѣждены, кажется, и всѣ музыканты, и публика. Точно также и трудность голосовыхъ партій признается окончательно всѣми и даже мотивируется нежеланіемъ Бетховена быть снисходительнымъ къ средствамъ пѣвцовъ. Какъ бы то ни было, партіи написаны очень трудно, неудобно и требуютъ выдающихся исполнителей. Слагалось мнѣніе о девятой симфоніи, какъ послѣднемъ словѣ генія, по нашимъ соображеніямъ, вслѣдствіе того, что девять симфоній Бетховена (есть еще десятая, *Веллингтоновы побѣды,* не оконченная въ эскизѣ) наглядно представляютъ прогрессивный ходъ его геніальнаго творчества. Только шестая, пасторальная, дѣлаетъ какъ бы шагъ назадъ, да и то только потому, что она програмна и нѣсколько слабовата въ деталяхъ развитія темъ. Слѣдующія двѣ опять имѣютъ свои послѣдовательныя достоинства, а тутъ и явилась девятая симфонія, написанная для большого оркестра, соло голосовъ и хора.

Въ исполненіи девятой симфоніи участвовали г-жи Салина, Збруева и гг. Барцалъ и Трезвинскій, а также хоръ русской оперы подъ управленіемъ г. Авранека. Исполнена симфонія неудовлетворительно.

Увертюра *Леонора* № 3, Бетховена,— одна изъ трехъ увертюръ, написанныхъ къ оперѣ того же названія. Если сама опера и не удовлетворяетъ опернымъ вкусамъ большинства, то увертюра, во всякомъ случаѣ, представляетъ шедёвръ подобнаго рода произведеній.

Въ этомъ же вечерѣ игралъ скрипачъ г. Колаковскій, исполнявшій концертъ Бетховена. Г. Колаковскій очень трудолюбивый и дѣятельный скрипачъ. Несмотря на службу въ театрѣ, онъ, все-таки, видимо, много занимается и довольно часто выступаетъ, какъ солистъ, передъ публикою. Это

очень похвально, если принять къ свѣдѣнію, что въ томъ же театрѣ есть скрипачи болѣе талантливые, но публикѣ извѣстные только по фамиліямъ. Сыгралъ г. Колаковскій концертъ очень старательно, довольно чисто, большаго отъ него требовать мы не можемъ; желаемъ ему и впредь поступать такъ же, т.-е. добросовѣстно работать; успѣхъ онъ имѣлъ достаточный. Въ общемъ, вечеръ могъ бы имѣть выдающійся интересъ, еслибъ исполненіе программы хоть немного выходило изъ границъ посредственности.

Восьмымъ филармоническимъ концертомъ дирижировалъ, приглашенный изъ Петербурга, г. Ивановъ,— композиторъ и музыкальный критикъ. Его музыкальныя и литературныя произведенія, конечно, имѣютъ свои достоинства и недостатки, но дирижорство его представляетъ одинъ сплошной недостатокъ. Онъ не только не умѣетъ руководить оркестромъ въ смыслѣ правильной передачи идеи сочиненія, но даже просто не умѣетъ давать самостоятельно тактовыя измѣренія дирижорскою палочкой, а только рабски слѣдуетъ за тѣмъ, что играетъ оркестръ. Выходитъ, что оркестръ управляетъ дирижоромъ, а онъ стоитъ себѣ на возвышенномъ мѣстѣ у пюпитра, да старается подладить взмахи своей палочки подъ общій тактъ оркестра. Къ чему было браться за дѣло, котораго совершенно не умѣешь дѣлать? И въ особенности это странно отъ человѣка, который самъ является цѣнителемъ музыкальной дѣятельности другихъ дирижоровъ. Вечеръ былъ посвященъ, главнымъ образомъ, исполненію произведеній итальянскаго композитора Жана Сгамбати. Произведенія эти: симфонія D-dur, симфоническая поэма *Cola di Rienzi, Gavotta, Te Deum laudamus* — мало извѣстны не только публикѣ, но даже и музыкантамъ. Судить объ ихъ достоинствахъ въ исполненіи подъ дирижорствомъ г. Иванова было положительно невозможно. Это было даже не проигрыванье пьесъ опытными музыкантами, а просто чтеніе нотъ съ листа, только съ непремѣннымъ условіемъ не остановиться. Впрочемъ, и въ этомъ невинномъ занятіи былъ моментъ, когда оркестръ могъ бы разойтись. Это—начало Presto-scherzo: г. Ивановъ началъ было свои манипуляціи, нѣкоторая часть музыкантовъ, плохо понявшая его движенія, послѣдовала было за нимъ, но другая часть оркестра была въ недоумѣніи, какъ начать. Только нашъ оркестръ, наполненный хорошими, опытными музыкантами, и могъ играть подъ управленіемъ г. Иванова, такъ какъ за его тактовыми измѣреніями слѣдить трудно и полагаться можно только на свою опытность. Вышеназванныхъ произведеній Сгамбати въ музыкальныхъ магазинахъ не оказалось; по исполненію же въ концертѣ судить о нихъ отказываемся и поэтому отзывъ отлагаемъ до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ. Въ этомъ же концертѣ участвовала примадонна итальянской оперы г-жа Савиль — пѣвица очень хорошая.

Пѣла она извѣстную арію изъ *Лучіи* Доницетти, которая въ концѣ каденсируется съ флейтою, затѣмъ молитву Елизаветы изъ *Тангейзера* Вагнера и мелодію *La Finacée* Шаминеда,—всѣ эти пьесы г-жа Савиль исполо-

няла съ толкомъ и музыкальностью. Пѣвица много повторяла на бисъ и въ общемъ имѣла большой успѣхъ. Вторая сюита Грига, написанная на стихотвореніе *Пэръ Гинтъ* Ибсена и исполнявшаяся въ девятомъ концертѣ,— произведеніе въ общемъ слабое. Подразумѣваемый въ ней драматическій сюжетъ въ музыкѣ недостаточно рельефно выступаетъ, вслѣдствіе чего части сюиты хотя и носятъ различныя названія, вродѣ *Похищенія невѣсты, Возвращенія на родину* и т. д., но музыка мало объясняетъ ихъ. Темы и инструментовка тоже мало характерны. Лучшая часть, по нашему мнѣнію, пѣсня Сальвеи, а самая слабая—арабскій танецъ. Исполненіе этого произведенія, а также и увертюры *Ромео и Джульета* П. И. Чайковскаго, свидѣтельствовало объ упрямствѣ г. Шостаковскаго быть во что бы то ни стало дирижоромъ... Придворный пѣвецъ императора германскаго и короля саксонскаго Пауль Бульсъ смущалъ насъ своимъ высокимъ званіемъ «придворнаго», мало гармонирующаго съ его умѣньемъ пѣть. Его небольшой по силѣ звука голосъ (баритонъ) отличается жесткостью тембра, а фразировка—какою-то свирѣпостью. Спѣтая имъ на итальянскомъ языкѣ арія изъ *Баль-маскарада* Верди производила впечатлѣніе чего-то страшнаго, но не въ эстетическомъ смыслѣ. Къ тому же еще итальянскія слова онъ произносилъ съ нѣмецкимъ акцентомъ: такъ, наприм., слово «speranza» онъ выговариваетъ «шперанца» и т. д. Прологъ изъ *Паяцевъ* Леонковало тоже спѣтъ грубо и не выразительно. Лучше онъ исполнилъ *Der Wegweiser* Шуберта и *Frühlingzeit* Беккера. Въ общемъ успѣхъ онъ имѣлъ подозрительнаго свойства. Скрипачъ Симонетти, игравшій концертъ Мендельсона,—артистъ весьма и весьма заурядный, ни по тону, ни по техникѣ ничего выдающагося не представляющій. Больше по исполненію намъ понравилась піанистка Элла Панчера. У нея хорошій тонъ и техника, хотя исполненный ею концертъ E-moll Шопена и оставляетъ желать отъ исполнительницы еще многаго относительно фразировки и цѣльности впечатлѣнія. Піанистка и скрипачъ успѣхъ, все-таки, имѣли и на бисъ сыграли нѣсколько пьесъ. Въ десятомъ, послѣднемъ, концертѣ мы не были.

Два симфоническихъ концерта подъ управленіемъ г. Колонна представляли выдающійся интересъ, потому, что ими управлялъ г. Колоннъ—дирижоръ симфоническихъ концертовъ въ Парижѣ, гдѣ онъ пользуется почетною славой; онъ извѣстенъ и московской публикѣ какъ большой мастеръ своего дѣла.

Въ первые два пріѣзда г. Колонна составъ дирижируемаго имъ оркестра былъ плохой, хотя, все-таки, онъ произвелъ большое впечатлѣніе. Въ этомъ году оркестръ былъ болѣе удовлетворительный, но слишкомъ утомленный и репетиціи ему приходилось дѣлать по двѣ въ день, въ полдень и вечеромъ, такъ какъ утро было занято другою репетиціей. И вотъ усталымъ артистамъ нужно было объяснять тѣ же правила, которыя они

утромъ слышали отъ другого дирижора, только на новый ладъ. Нужно удивляться терпѣнію г. Колонна, но нельзя не сказать добраго слова и о труженикахъ, оркестровыхъ артистахъ. Вотъ при такихъ-то обстоятельствахъ состоялись по частному почину два концерта подъ управленіемъ г. Колонна. Въ первомъ концертѣ изъ оркестровыхъ произведеній были исполнены: героическая, третья симфонія Бетховена, *Le Rouet d'Omphale* Сенъ-Санса, увертюра *Patrie* Бизе, *Dernier printemps* Грига, *Полетъ Валкирій* Вагнера. Симфонія Бетховена, по нашему мнѣнію, исполнена была далеко не удовлетворительно, въ этомъ исполненіи не было эпической простоты, необходимой для даннаго произведенія, такъ какъ оно говоритъ само за себя и субъективныя толкованія тутъ не причемъ. Случилось это, по всей вѣроятности, потому, что г. Колоннъ, въ сущности, дирижоръ-жанристъ; при его страстной и подвижной натурѣ, классическое спокойствіе объекта и его ясность мало вяжутся съ его увлеченіемъ сюжетомъ произведенія. Напримѣръ, Allegro con brio первой части сыграно было слишкомъ быстро, чуть не presto, а пожалуй еще и agitato. Такой юношескій пылъ въ исполненіи мало гармонировалъ съ мужественною зрѣлостью бетховенскаго произведенія, написаннаго въ 1804 г., когда автору было уже за тридцать лѣтъ. Еще менѣе понравилось намъ исполненіе знаменитаго *Marcia Funebre*. Къ чему такая чувствительность? Бетховенъ хоронилъ въ немъ великую идею освобожденія народовъ изъ-подъ гнета деспотизма, а не близкаго родственника, оставившаго ему хорошее наслѣдство. Scherzo исполнено въ общемъ удовлетворительно, если бы только побольше ритмической ровности въ оркестрѣ, которая, конечно, зависѣла скорѣе отъ всего ансамбля, чѣмъ отъ дирижора.

Послѣдняя часть Allegro molto, съ своими чудными имитаціями, полными жизненности и правды, по исполненію совершенно намъ не понравилась. Это былъ какой-то бурный натискъ дирижора на оркестръ, и, естественно, нашъ скромный оркестръ не ожидалъ такого пассажа со стороны г. Колонна. Послѣдствіемъ всего этого получилось, что оркестръ чуть ли не во всемъ расходился съ мнѣніями дирижора. Произведеніе французскаго композитора и замѣчательнаго піаниста Шарля Сенъ-Санса *Прялка Омфалы*, имѣющая сюжетомъ: «обольстительную власть женщины, всепобѣждающую борьбу слабости противъ силы» (должно быть, мужчинъ, этого въ объяснительной программѣ не сказано),—представляетъ изъ себя очень изящное, прекрасно инструментованное, но въ музыкальномъ отношеніи мало содержательное произведеніе, и исполнять его послѣ геніальнаго произведенія Бетховена не слѣдовало бы. Сыграно же произведеніе превосходно, гораздо лучше всего до сихъ поръ слышаннаго нами подъ управленіемъ другихъ выдающихся дирижеровъ. Патріотическое произведеніе Жоржа Бизе, съ начальнымъ мотивомъ марша *Ракоцци*, съ хоральною темой въ тромбонахъ и утомительно скучною темой, долженствующею изображать угнетенный образъ мыслей разбитой Франціи 1870 г., далеко не представляетъ

изъ себя ничего «могучаго» и «вдохновеннаго». Скорѣе оно производитъ впечатлѣніе подражанія всѣму понемногу. Будь мы французы, мы готовы были бы выслушать исполненіе ея стоя, но намъ это произведеніе показалось слабымъ по музыкальнымъ образамъ и бѣднымъ по развитію темъ. Сыграна же увертюра очень хорошо, съ настоящимъ французскимъ воодушевленіемъ. Милыя, поэтическія произведенія Грига *Душевныя муки* и *Весна*—для струннаго оркестра—нашли въ лицѣ г. Колонна достойнаго исполнителя. Но чего бы никогда не слѣдовало исполнять на концертной эстрадѣ, такъ это *Полета валкирій* Вагнера. Это произведеніе предпазначено для сцены и въ театрѣ при извѣстной обстановкѣ оно должно производить большое впечатлѣніе. Въ концертной же залѣ эти «дьявольски» сильные звуки только разстраиваютъ нервы и надолго оставляютъ шумъ въ ушахъ. Къ тому же, всякій дирижоръ, въ томъ числѣ и г. Колоннъ, стараются еще болѣе выжать силъ изъ ни въ чемъ неповиннаго оркестра. Сильныхъ звуковъ въ этомъ произведеніи и такъ много, только музыки настоящей маловато. Изъ оркестровыхъ произведеній во второмъ концертѣ исполняемы были: *Episode de la vie d'un artiste*, фантастическая симфонія Гектора Берліоза (1803—1869 г.), и изъ его музыкально-драматической легенды *Гибель Фауста*, *Вальсъ сильфидъ* и *Венгерскій маршъ*. Сюжетъ симфоніи заключается въ томъ, что влюбленный артистъ постоянно слышитъ одну и ту же мелодію, которой сопровождаются его мечтанія и воспоминанія о любимой женщинѣ, будь онъ на балу или въ полѣ. Впослѣдствіи онъ отравляется (по всей вѣроятности, отъ недостатка взаимности), но не смертельно, и видитъ во снѣ страшныя видѣнія. Отдѣльныхъ частей въ симфоніи пять, въ которыхъ и появляется при удобныхъ случаяхъ главная мелодія первой части. Названіе этихъ частей такое: *Мечты и страсти*, *Балъ*, *Сельская сцена*, *Шествіе на казнь*, *Сонъ въ ночь шабаша*. Все вмѣстѣ взятое, сюжетъ и музыка, производятъ впечатлѣніе наивное; теперь этимъ никого не удивишь, но если вспомнить, что это одно изъ первыхъ произведеній Берліоза, то невольно забываешь его недостатки и даже удивляешься энергіи, съ которой проведена идея сочиненія. При жизни творецъ *Requiem*'а и симфоніи *Romeo et Juliette* не пользовался большимъ престижемъ композиста, да и послѣ смерти только въ послѣднее время онъ, наконецъ, былъ возведенъ на высоту, подобающую его таланту. Кажется, Москва первая оцѣнила его по достоинству, когда онъ пріѣзжалъ дирижировать къ намъ своимъ знаменитымъ реквіемомъ и имѣлъ громадный успѣхъ. Какъ композистъ, характеристично изображающій звуками то, что написано словами, какъ творецъ типичной инструментовки, рисующей намъ не только общія настроенія, но даже какую-нибудь мѣстность, Берліозъ можетъ быть причисленъ къ высокоталантливымъ музыкантамъ, двигающимъ свое искусство по пути прогресса.

Въ бытность свою въ Москвѣ онъ посѣтилъ московскую консерваторію и написалъ мѣломъ на классной доскѣ одну изъ темъ своего реквіе-

ма. Согбенный подъ тяжестью невзгодъ артистической жизни, съ умнымъ и добрымъ лицомъ, съ тихимъ голосомъ и съ геніальнымъ блескомъ глазъ, онъ производилъ тогда впечатлѣніе чего-то необыкновенно выдающагося. Другой разъ онъ дирижировалъ своими сочиненіями въ собраніи и мы помнимъ ту бурю восторговъ, которые онъ возбудилъ въ публикѣ. Въ своемъ отечествѣ онъ долго не пользовался именемъ выдающагося композитора, и только недавно удостоился постановки памятника. Объ исполненіи симфоніи г. Колонна и говорить нечего,—оно было поразительно хорошо. Вальсъ же сильфъ и венгерскій маршъ послѣ бурныхъ рукоплесканій были повторены. Въ обоихъ концертахъ принимали участіе піанистка г-жа Мазурина и віолончелистъ г. Брандуковъ. Г-жа Мазурина—талантливая піанистка, имѣющая хорошій тонъ и технику, но очень рѣдко выступающая передъ публикою, что замѣтно отражалось на исполненіи концерта A-moll Шумана и фантазіи *Африка* для ф.-п. съ акомпаниментомъ оркестра Сенъ-Санса. Концертъ Шумана она сыграла хорошо, но не выдающимся образомъ—видимо, робость артистки передъ публикой мѣшала ей проявить свою игру во всемъ блескѣ. Произведеніе Сенъ-Санса, основанное, по всей вѣроятности, на мотивахъ какого-нибудь африканскаго народа, блестящая виртуозная пьеса, въ которой ф.-п. ограничивается ролью оркестроваго инструмента, исполняющаго большое соло, поэтому и вступленія его въ общій оркестровой ансамбль представляютъ большія трудности и требуютъ отъ исполнителя большой опытности играть съ оркестромъ. Сыграна пьеса въ общемъ недурно. Въ обоихъ концертахъ г-жа Мазурина имѣла выдающійся успѣхъ. Желательно было бы, чтобъ артистка, имѣющая такія данныя, почаще выступала передъ публикою. Віолончелистъ г. Брандуковъ, извѣстный не только у насъ, но и за границей, въ первомъ концертѣ исполнилъ сюиту Поппера *Въ лѣсу* для віолончели, а во второмъ—*Col Nidrei* Макса Бруха и *Jour les tilleuls* Массенэ. Г. Брандуковъ имѣетъ задушевный тонъ, солидную технику и поэтическое настроеніе въ исполняемыхъ имъ пьесахъ. Всѣ вышеназванныя пьесы сыграны г. Брандуковымъ очень хорошо. Несогласны мы только съ выборомъ исполненныхъ имъ пьесъ.

Всѣ они имѣютъ одностороннее направленіе—показать пѣвучесть тона и внутреннюю музыкальную развитость, чисто же техническимъ совершенствомъ, виртуознымъ блескомъ г. Брандуковъ какъ бы неглижируетъ. Такъ и кажется, что артистъ забросилъ технику. Г. Брандуковъ не часто появляется передъ публикой и при выборѣ большихъ пьесъ, вродѣ сюиты Поппера, не представляющей техническаго блеска, долженъ былъ бы сыграть еще такое произведеніе, въ которомъ публика могла бы услышать его исполненіе во всемъ артистическомъ совершенствѣ. Въ обоихъ концертахъ артистъ имѣлъ большой успѣхъ, биссировалъ и, между прочимъ, сыгралъ арію Баха, которую онъ исполняетъ какъ никто. Въ заключеніе скажемъ, что оба концерта подъ управленіемъ г. Колонна, видимо, возбудили

большой интересъ въ Москвѣ и залы были переполнены публикой, артистовъ же принимали весьма сочувственно. Желаемъ имъ и на будущее время еще большаго успѣха, такъ какъ знаемъ, что устраивать большія симфоническія вечера по частной инціативѣ очень трудно.

Мы были въ трехъ духовныхъ концертахъ, въ которыхъ тремя лучшими хорами исполнялись церковныя пѣснопѣнія. Весьма грустное впечатлѣніе вынесли мы съ этихъ концертовъ, какъ будто попали въ заколдованный кругъ рутины и диллетантизма, въ который не проникалъ живительный лучъ истиннаго музыкальнаго творчества и религіозное вдохновеніе ограничивалось соблюденіемъ внѣшней стороны церковнаго обряда. Даже имена такихъ музыкантовъ, какъ Глинка, Чайковскій и Римскій-Корсаковъ, намъ нисколько не помѣшаютъ сказать, что для церковнаго пѣнія они ничего не сдѣлали, не говоря уже о другихъ композиторахъ. Литургія и всенощная Чайковскаго — это опытъ высокоталантливаго музыканта, но не указаніе пути, по которому могли бы слѣдовать другіе композиторы. Главный недостатокъ ихъ сочиненій—отсутствіе величавой простоты стиля и истинно-религіознаго настроенія. Видно, что текстѣ далеко не возбуждалъ въ нихъ того вдохновенія, которое мы видимъ въ ихъ свѣтскихъ сочиненіяхъ, талантливость же и ученость ихъ только давала имъ возможность выйти изъ затрудненій, представляемыхъ текстомъ. Что же касается произведеній Сарти, Бортнянскаго, Эсаулова, Турчанинова и прочей братіи, то музыка въ нихъ незначительна въ сравненіи со словами, къ которымъ она написана. Объ исполненіи намъ много говорить не приходится: оно зависѣло отъ лица, которое управляло хоромъ. Такъ, наприм., театральный хоръ находился подъ управленіемъ г. Авранека, второго капельмейстера русской оперы, слѣдовательно, человѣка много слышавшаго всякой музыки, да еще дирижировавшаго оркестромъ, хоръ же у него состоитъ изъ людей взрослыхъ, привычныхъ къ опернымъ трудностямъ, слѣдовательно, и исполненіе его было болѣе музыкальнымъ. Синодальный хоръ находился подъ управленіемъ г. Орлова, регента съ высшимъ музыкальнымъ образованіемъ. Несмотря на стараніе г. Орлова, который чуть не разстилался передъ хоромъ, показывая ему вступленія и оттѣнки, хоръ мало внималъ увѣщаніямъ регента. Голоса въ хорѣ не поставлены, въ особенности у мальчиковъ, басы кричатъ, тенора сладкогласятъ, въ общемъ получается впечатлѣніе обыкновеннаго хора, а отъ него слѣдовало бы ожидать гораздо большаго. Чудовскимъ хоромъ управлялъ г. Сахаровъ. Мы не знаемъ, кто такой г. Сахаровъ по своему артистическому положенію, но хоръ подъ его управленіемъ пѣлъ ничуть не хуже синодальныхъ пѣвчихъ. Та же рутинная церковная фразировка въ пѣніи и то же отсутствіе постановки голоса у мальчиковъ и взрослыхъ, развѣ только чудовской хоръ казался нѣсколько болѣе утомленнымъ отъ службъ въ церкви. Въ общемъ отъ исполненія въ этихъ трехъ концертахъ мы вынесли то впечатлѣніе, что дисциплина въ

хорахъ есть, пѣвцы отлично слушаются своего начальства, но это не свободные пѣвцы, глубоко интересующіеся своимъ искусствомъ, а простые ремесленники. Ожидать и отъ заправилъ хоровъ тоже нечего,—они усердно исполняютъ свою службу, но развивать искусство церковнаго пѣнія они не могутъ. Наши древнія церковныя мелодіи многочисленны и разнообразны, но онѣ одноголосны. Попытки гармонизировать и контрапунктировать ихъ до сихъ поръ не дали солидныхъ результатовъ, несмотря на участіе въ этомъ дѣлѣ выдающихся музыкантовъ. Если же мелодіи признать прекрасно выражающими текстъ и религіозное настроеніе, то нужно оградить исполненіе ихъ отъ произвола регентовъ, давши этимъ мелодіямъ опредѣленную и законченную форму какъ въ отношеніи ритма, такъ и въ отношеніи скорости движенія, т.-е. tempo. Происхожденіе этихъ мелодій покрыто мракомъ неизвѣстности и, несмотря на свое многовѣковое существованіе, онѣ остались одноголосными. Русская народная пѣснь, тоже много вѣковъ существующая, сложилась гармонически и контрапунктически, т.-е. многоголосно. Разсчитывать на то, что у насъ появятся свои Палестрина и Орландо Лассо, трудно: не такимъ историческимъ путемъ развивается у насъ церковное пѣніе и не таково религіозное настроеніе современнаго общества. Принимая все это во вниманіе, отчего бы не оставить наши древнія мелодіи одноголосными, хотя для пѣнія ихъ таковыми въ церквахъ? Для концертнаго исполненія, не въ церкви, такъ сказать, для свѣтскаго употребленія, онѣ могли быть многоголосны, но въ этой области онѣ должны быть допустимы для совершенно свободной обработки,—разумѣется, сообразно съ духомъ содержанія ихъ текста. Стройное исполненіе нѣсколькими однородными голосами въ церкви, по-нашему, должно производить впечатлѣніе нѣкоторой суровой монотонности, но это, во всякомъ случаѣ, больше подходитъ къ мѣсту исполненія, чѣмъ гармоническія и контрапунктическія хитросплетенія, болѣе разсѣивающія слушателя, чѣмъ сосредоточивающія его. Къ тому же, посѣщающіе церковь прекрасно усвоили бы себѣ древній напѣвъ молитвъ, а отъ совмѣстнаго пѣнія хора и молящихся могла бы образоваться и своеобразная гармонія, которая, благодаря настроенію пѣвцовъ, скорѣе, навѣрное, подходила бы подъ древній напѣвъ.

Духовный концертъ, въ которомъ исполнялась *Missa solemnis* Бетховена, подъ управленіемъ г. Буллеріана, представлялъ изъ себя очень мало духовнаго. Missa solemnis (торжественная обѣдня)—такое произведеніе Бетховена, въ которомъ онъ является не искренно вѣрующимъ, но имѣющимъ свои философскія убѣжденія относительно религіи. Это, разумѣется, и отразилось на мессѣ; она плохо настраиваетъ человѣка на религіозный ладъ, а благодаря ея контрапунктическимъ трудностямъ, слушателю трудно понять ее сразу. Самъ Бетховенъ причислялъ мессу къ своимъ лучшимъ произведеніямъ, но мы полагаемъ, что духъ сочиненія, его основа непремѣнно должны гармонировать съ формою: месса не естьораторія или духовная

опера. Философскія же убѣжденія автора для слушателя не обязательны. Несмотря на это, *Missa solemnis*, все-таки, произведеніе выдающееся какъ по выдержанности вообще, такъ и по настроенію свободно мыслящаго Бетховена. И при хорошемъ исполненіи оно представило бы большой интересъ и имѣло бы выдающійся успѣхъ. О г. Буллеріанѣ, дирижировавшемъ мессою, мы должны измѣнить свое раньше высказанное мнѣніе о немъ; прежде мы признавали его недостаточно музыкально-образованнымъ, теперь же считаемъ его совершенно невѣжественнымъ; если онъ дирижируетъ на память, то это происходитъ отъ того, что въ партитурѣ онъ все равно ничего не пойметъ. Остальные исполнители достойно поддерживали г. Буллеріана.

А. Б.

Письмо въ редакцію.

Покорнѣйше прошу редакцію напечатать нижеслѣдующее мое заявленіе.

Сестра моя Марья Васильевна, какъ до выхода замужъ за В. Г. Бѣлинскаго, такъ и послѣ замужства, получала отъ него множество писемъ, имѣющихъ значеніе для характеристики свѣтлой личности его. Письма эти, сколько мнѣ извѣстно, хранились сначала у В. П. Боткина, потомъ у Н. Х. Кетчера, а затѣмъ дальнѣйшій ихъ слѣдъ пропалъ.

Желая, въ виду приближающагося пятидесятилѣтія со дня смерти Бѣлинскаго, воздать посильную дань уваженія памяти его, священной для меня, я предполагаю издать съ благотворительною цѣлью сборникъ неизданныхъ писемъ В. Г., писанныхъ какъ къ моей сестрѣ, такъ и къ другимъ лицамъ.

Въ виду изложеннаго, убѣдительнѣйше прошу лицъ, владѣющихъ письмами Бѣлинскаго, прислать съ нихъ копіи или подлинникъ для снятія копіи. Письма прошу посылать по адресу Г. А. Джаншіева (Москва, Зубовскій бульваръ, 6), согласившагося редактировать предположенное изданіе.

Прошу покорно и другія газеты и журналы перепечатать настоящее заявленіе.

Аграфена Орлова.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ".

Апрѣль 1895 года.

Содержаніе. I. **Книги**: Беллетристика.—Философія и философія исторіи.—Исторія, біографіи и исторія литературы.—Искусство.—Политическая экономія.—Юридическія книги.—Сельское хозяйство.—Учебники.—Изданія для народа.—Справочныя книги. II. **Періодическія изданія**: «Вѣстникъ Европы», *мартъ*.—«Русскій Вѣстникъ», *мартъ*.—«Русское Богатство», *февраль*.—«Русскій Архивъ», *январь — февраль*. III. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль" съ 1 марта по 1 апрѣля 1895 года.**

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Сочиненія" *гр. Л. Н. Толстого*.—„Старый домъ". *Вл. И. Немировича-Данченко*.—„Якутскіе разсказы". *В. Сѣрошевскаго*.—„Der Revisor", *von N. W. Gogol*.

Сочиненія графа Л. Н. Толстого. Часть четырнадцатая. М., 1895 г. Ц. 50 к. Наибольшій интересъ въ этой книжкѣ возбуждаетъ разсказъ *Хозяинъ и работникъ*, совершенно новое произведеніе графа Толстого. Разсказъ этотъ перепечатываютъ отдѣльными изданіями, переводятъ на иностранные языки, раскупаютъ и читаютъ нарасхватъ, какъ всякую новинку, выходящую изъ-подъ пера знаменитаго писателя. Но никакихъ толковъ это произведеніе не вызвало въ обществѣ, такъ какъ ничего новаго въ немъ не находятъ читатели. „Суета суетъ и все суета",—таковъ смыслъ разсказа. Хлопоталъ и наживался „хозяинъ", пустился въ путь зимою, несмотря на метель, чтобы нажить еще денегъ, изъ боязни пропустить выгодное дѣло, не послушался добраго совѣта переночевать въ деревнѣ и сбился съ дороги. Ѣхалъ „хозяинъ" вдвоемъ съ „работникомъ". Когда наступаетъ опасность замерзнуть въ полѣ, оказывается, что богатый „хозяинъ" боится смерти больше, чѣмъ бѣднякъ „работникъ". И работникъ Никита правильно разсуждаетъ: „Отъ такого житья помирать не хочется. Не то, что нашъ братъ!" „Никита,—объясняетъ авторъ,—какъ всѣ люди, живущіе съ природой и знающіе нужду, былъ терпѣливъ и могъ спокойно ждать часы, дни даже, не испытывая ни безпокойства, ни раздраженія"... „Мысль о томъ, что онъ умретъ въ нынѣшнюю ночь, показалась ему ни особенно непріятной, ни особенно страшной. Не особенно непріятна показалась ему эта мысль потому, что вся его жизнь не была постояннымъ праздникомъ, а, напротивъ, была не перестающею службой, отъ которой онъ начиналъ уставать. Не особенно же страшна была потому, что, кромѣ тѣхъ хозяевъ, какъ Василій Андреевичъ, которымъ онъ служилъ здѣсь, онъ чувствовалъ себя въ зависимости отъ главнаго хозяина, Того, который послалъ его въ эту жизнь, и зналъ, что, уми-

рая, онъ останется во власти этого хозяина, и что хозяинъ этотъ не обидитъ". „Грѣхи?—раздумывалъ Никита.—Да что же, развѣ я самъ ихъ на себя напустилъ? Ну, и грѣхи. Куда же дѣнешься?" Никита великолѣпенъ въ своей мужицкой простотѣ. Ему такъ на свѣтѣ живется, что—что съ нимъ ни дѣлай—хуже не будетъ, да и вправду: „куда же дѣнешься?" Замерзать, такъ замерзать, да и у саней-то, пожалуй, и отсидѣться можно до утра. Богатый „хозяинъ"—такой же мужикъ, только разжирѣвшій и разъѣвшійся кулакъ, которому на этомъ свѣтѣ такъ хорошо, что, естественно, умирать нѣтъ охоты. Онъ и засуетился, струсилъ, пустился на-утекъ и, въ концѣ-концовъ, замерзъ, тогда какъ Никита остался живъ, по милости хозяина, впрочемъ, который выбился изъ силъ, отыскивая дорогу, вернулся къ санямъ и завалился на Никиту, пригрѣлъ его своимъ тѣломъ. Когда „хозяинъ" отогрѣвалъ Никиту, то и въ немъ произошло „просвѣтленіе", сознаніе, что всю жизнь онъ занимался не тѣмъ, чѣмъ слѣдовало заниматься. „Что-жь, вѣдь, онъ не зналъ, въ чемъ дѣло",—думалъ онъ самъ про себя.—„Не зналъ, такъ теперь знаю. Теперь уже безъ ошибки. *Теперь знаю*".

Повѣсть *Ходите въ свѣтѣ, пока есть свѣтъ*, изображаетъ погибельное житье язычниковъ, пребывающихъ во власти всяческихъ пороковъ и потому несчастныхъ, при наличности „мірскихъ благъ": богатства, почета, роскоши и удовольствій, и, въ противуположность тому, идиллическое счастье христіанъ, презирающихъ богатства, науки, искусства, отрицающихъ личную собственность, держащихся правила „непротивленія" насилію, и потому „ходящихъ въ свѣтѣ" и счастливыхъ. Дѣйствіе отнесено къ I вѣку христіанства и представляетъ собою поученіе, утверждающее, что счастье возможно только для людей, устраивающихъ свою жизнь на подобіе первобытной христіанской общины, о которой повѣствуется въ *Дѣяніяхъ Апостольскихъ* (гл. IV, стр. 32—35, ссылка автора),—такой общины, гдѣ „не было никого нуждающагося, ибо всѣ, которые владѣли землями или домами, продавали ихъ, приносили цѣну проданнаго къ ногамъ апостоловъ и каждому давалось, кто въ чемъ имѣлъ нужду".

О помѣщенной въ той же книжкѣ графа Толстого статьѣ *Религія и нравственность* мы разсчитываемъ побесѣдовать съ читателемъ въ другой разъ, а теперь упомянемъ только о переводахъ графа Толстого, составляющихъ вторую половину книжки. Тутъ, кромѣ *Письма Мадзини о безсмертіи*, имѣются разсказы: *Суратская кофейня*, „по Бернарденъ-де-С.-Пьеру", какъ значится въ подзаголовкѣ, *Карма*, „буддійская сказочка", переведенная съ англійскаго, и *Франсуаза*, „по Мопассану". Мы очень высоко цѣнимъ художественную часть произведеній графа Толстого и неизмѣнно остаемся при своемъ прежнемъ, не разъ уже высказанномъ нами, мнѣніи о его „книгахъ учительныхъ", возбуждающихъ большое любопытство публики потому, что пишутся онѣ уже прославившимся писателемъ. Всѣ его „ученія" являются послѣдствіями смѣняющихся временныхъ настроеній большого художника, который самъ поддается силѣ своего творчества, направленнаго къ изысканію лучшихъ „основъ жизни" и увлекающаго автора красотою представляющихся ему образовъ, часто между собою весьма различныхъ и даже другъ другу противуположныхъ. Очень недавно гр. Толстой усиленно призывалъ всѣхъ къ труду,—правда, не совсѣмъ къ настоящему труду, а такъ, къ „работѣ для работы", къ здоровому препровожденію времени за сохой, косой и лопатой. Ученіе о си-

тельности физическаго труда, какъ-то совсѣмъ нежданно, смѣнилось ученіемъ о еще большой спасительности „недѣланія“, о необходимости всѣмъ перестать работать, сложить руки и „думать“. Прославленіе „недѣланія“ удержалось, впрочемъ, недолго, и въ повѣсти *Ходите въ свѣтѣ* авторъ становится опять на сторону труда. Ученіе о „непротивленіи“ путемъ дополненій и разъясненій дошло до такой неопредѣленности, что становится очень похожимъ на призывы къ „противленію“. Завѣты „не жениться“ (въ *Послѣсловіи* къ *Крейцеровой сонатѣ*) теряютъ всякое значеніе послѣ увлекательнаго изображенія христіанскаго брака въ повѣсти *Ходите въ свѣтѣ*, идиллическаго брака, отъ котораго рождаются здоровыя и бодрыя дѣти, помогающія работать своимъ родителямъ. „Учительство“ славнаго художника оказывало вліяніе на молодыхъ людей, которые прельщались новизною красиво изображенныхъ формъ жизни, пускались на осуществленіе ихъ въ дѣйствительности и, въ большинствѣ случаевъ, вмѣсто ожидаемыхъ „благъ“, получали одни разочарованія. И не столько сами по себѣ ученія гр. Толстого ихъ плѣняли, сколько личная неудовлетворенность жизнью побуждала ихъ искать лучшихъ условій существованія, въ смыслѣ нравственномъ, разумѣется. Но годъ отъ года число увлекающихся его ученіями и его послѣдователей замѣтно уменьшается, такъ какъ для огромнаго большинства его читателей изъ народа и изъ такъ называемой интиллегенціи все это „барскія измышленія“, неосуществимыя для тѣхъ, кто упорнымъ и непрерывнымъ трудомъ вынужденъ добывать себѣ и своимъ пропитаніе, чтобы не впасть въ нищенство, чтобы не умереть съ голоду.

Старый домъ (Мертвая ткань). Романъ Влад. И. Немировича-Данченка. Москва, 1895 г. Цѣна 1 руб. „Кто былъ на водахъ въ Л., тотъ, навѣрное, помнитъ домъ Ставроковскихъ...— такъ начинался романъ Максима Николаевича Горкина-Степняка“. Такъ начинается романъ Влад. И. Немировича-Данченка, озаглавленный *Старый домъ или Мертвая ткань*. Писатель, герой романа г. Немировича-Данченка, „послѣ двухъ большихъ успѣховъ въ литературѣ вдругъ пересталъ писать, все собираясь выступить съ крупнымъ произведеніемъ, которое бы окончательно укрѣпило его славу“. Чтобы сочинить крупное произведеніе, онъ на лѣто поселился въ городѣ Л., извѣстномъ своими минеральными водами. Здѣсь онъ познакомился съ двумя сестрами-дѣвушками, Надеждой Яковлевной и Лизаветой Яковлевной Ставроковскими, дочерьми когда-то очень богатаго помѣщика, разорившагося и покончившаго самоубійствомъ. Старшей сестрѣ, Надеждѣ, 26 лѣтъ, младшей, Лизѣ, 20. Никакихъ средствъ у нихъ не осталось, живутъ онѣ въ своемъ „старомъ“, разрушающемся домѣ, непроданномъ лишь по милости богатаго кредитора-купца, который, кромѣ того, выдаетъ барышнямъ довольно большую сумму денегъ на прожитокъ, помня какія-то одолженія застрѣлившагося Ставроковскаго. Надежда Яковлевна— дѣвица красивая и очень бойкая, даже слишкомъ смѣлая. Во время водяныхъ сезоновъ она многократно затѣвала романы съ тайными свиданіями и страстными поцѣлуями, но дальше поцѣлуевъ не заходила, разсчитывая выйти замужъ, чего сдѣлать ей, однако, не удалось. Она довольно близка къ типу, изображенному французскимъ писателемъ Марселемъ Прево въ его романѣ *Demi-vierges*. Своимъ обычнымъ „курзовымъ“ способомъ она заигрываетъ съ романистомъ Горкинымъ-Степнякомъ, завлекаетъ его и сама увлекается, но „дальше поцѣлуевъ не заходитъ“ и на этотъ разъ, обнадеживая своего *demi*-любовника, что

лишь тогда, когда онъ кончитъ долженствующее прославить его произведеніе, она... выйдетъ за сочинителя замужъ. Но, увы, сочинительство не идетъ дальше первыхъ главъ, не двигается впередъ въ теченіе двухъ лѣтъ, если не больше... Почему такъ случилось—намъ не совсѣмъ ясно, какъ не достаточно ясенъ и самый характеръ сочинителя. А, между тѣмъ, именно, его-то фигура и представляется наиболѣе интересною въ романѣ, и, къ сожалѣнію, она осталась недодѣланною авторомъ, который все свое вниманіе отдалъ, повидимому, героинѣ, если не совсѣмъ заурядной, то и не особенно оригинальной. Г. Немировичъ-Данченко даетъ понять, что его сочинитель „исписался", что этого писателя,—какъ и многихъ другихъ,—„хватило" только на одно крупное произведеніе и на нѣсколько мелочей. Да, это бываетъ, но, когда извѣстный фактъ полагается въ основу романа, дѣло уже не въ томъ, что бываетъ, а въ томъ, отъ чего это произошло и чѣмъ отразилось на данномъ лицѣ. Легко это сказать — „исписался", „хватило" на одинъ романъ... Если авторъ говоритъ такъ, то главная задача его состоитъ въ томъ, чтобы читатель уразумѣлъ доподлинно всѣ причины прискорбной утраты творчества, исчезновенія таланта. Тогда читателю понятно, для чего и самый романъ написанъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, беллетристъ долженъ поставить читателя въ извѣстныя отношенія къ дѣйствующимъ лицамъ, выведеннымъ въ романѣ, вызвать симпатіи къ однимъ, нерасположеніе къ другимъ, чувство жалости къ третьимъ и т. д. Только при соблюденіи этого условія читатель можетъ живо заинтересоваться судьбою дѣйствующихъ лицъ, сочувствовать ихъ радостямъ и страданіямъ, испытывать нѣкоторыя волненія въ ожиданіи развязки. И чѣмъ фигуры ярче, опредѣленнѣе и правдивѣе написаны, тѣмъ сильнѣе бываютъ ощущенія читателя. И, наоборотъ, если сами герои и героини романа не производятъ достаточно сильнаго и яснаго впечатлѣнія, тѣмъ равнодушнѣе къ нимъ читатель и тѣмъ безучастнѣе относится онъ къ фабулѣ повѣсти. Въ романѣ г. Немировича-Данченка герой писатель Горкинъ и героиня Надежда Ставроковская кончаютъ одновременнымъ самоубійстномъ, не достаточно мотивированнымъ, на нашъ взглядъ. Трагизмъ совсѣмъ не въ томъ, что такой-то или такая-то, или оба вмѣстѣ убили себя, а въ томъ трагизмъ, что̀ ихъ довело до этого, и въ особенности въ томъ, что, по нашему разсужденію, имъ не оставалось никакого иного исхода. Въ данномъ случаѣ такого убѣжденія авторъ намъ не даетъ. Его „полу-дѣвица" и ея „полу-любовникъ" могли свободно оставить городъ Л., уѣхать въ Петербургъ, какъ то предлагалъ Горкинъ и какъ то готова была сдѣлать барышня, потерявшая послѣднюю надежду на законный бракъ... Повторяемъ, очень жаль, что авторъ не дорисовалъ очень любопытныя и современныя фигуры, далъ только ихъ эскизы, такъ сказать,—тѣмъ болѣе жаль, что многія сцены написаны превосходно, замѣчательно живо, съ большимъ увлеченіемъ.

Якутскіе разсказы. Вацлава Сѣрошевскаго (Сирко). Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. Спб., 1895 г. Цѣна 75 коп. „Земля наша ве[illegible]ка и обильна"... Относительно порядка въ ней можно сказать только од[illegible]но: порядки въ ней разные. „Обиліе", впрочемъ, тоже не вездѣ [illegible]динаковое. Вообще, переѣзжая изъ одной мѣстности нашего обшир[illegible]аго отечества въ другую, не рѣдко испытываешь такое впечатлѣніе, б[illegible]дто очутился совсѣмъ въ чужой странѣ, среди чужихъ народовъ, и[illegible]гда пугающихся даже при появленіи „русскаго" и отнюдь не признаю[illegible]ихъ насъ своими соотечественниками. Жизнь чужихъ народовъ и стр[illegible]нъ представляется въ высшей степени любопытною во всѣхъ ея [illegible]ра-

женіяхъ, въ видѣ путешествій, этнографическихъ очерковъ и беллетристическихъ разсказовъ. Наибольшій же интересъ должны возбуждать описанія такихъ странъ и народовъ, которые вошли въ составъ „нашей земли“ и, тѣмъ не менѣе, остаются до сихъ поръ для насъ чужими. Такихъ разсказовъ, особливо же написанныхъ живо и талантливо, очень немного, и нѣтъ, кажется, государства въ цивилизованномъ мірѣ, гдѣ бы образованнѣйшіе классы общества имѣли столь скудныя свѣдѣнія о своемъ отечествѣ, какъ мы то видимъ въ Россіи. Вотъ почему мы считаемъ своимъ долгомъ обратить вниманіе читателей на книжку г. Сѣрошевскаго, давшаго въ ней прекрасные очерки изъ жизни якутовъ, живущихъ гдѣ-то на краю свѣта, куда не легко будетъ добраться даже послѣ проведенія великой сибирской желѣзной дороги. Изъ разсказовъ г. Сѣрашевскаго наиболѣе характеренъ озаглавленный *Въ жертву богамъ*,—крупная, ярко написанная картина якутскаго народнаго собранія, сошедшагося для отправленія своихъ стародавнихъ языческихъ обычаевъ, внѣ всякаго русскаго вліянія. Разсказъ *Хайлакъ* (острожникъ) передаетъ несчастное положеніе смирнаго якута, оказывающагося совершенно безпомощнымъ передъ ссыльнымъ-русскимъ, бѣглымъ каторжникомъ, водвореннымъ, по распоряженію начальства, на жительство въ одиноко стоящую юрту наивнаго полу-дикаря. Разыгрывающаяся тутъ тяжелая драма раскрываетъ одну изъ мрачныхъ сторонъ жизни якутовъ и производитъ сильное впечатлѣніе. Очень живъ разсказъ *Украденный парень* и полны интереса три мѣстныхъ легенды, записанныя авторомъ. Всѣмъ разсказамъ придаетъ особенную характерность та простота, — можно сказать, непосредственность,—съ которою они написаны и которая сообщаетъ имъ своеобразный, чисто - якутскій колоритъ. Глубоко - гуманное отношеніе автора къ этимъ простымъ людямъ вызываетъ къ нимъ симпатіи читателей и навѣваетъ то настроеніе тихой, сочувственной грусти, подъ вліяніемъ которой сложились его повѣствованія. Книжка издана очень хорошо.

Bibliothek der Gesammtliteratur. Der Revisor, Komödie von N. W. Gogol. Deutsch von Friedr. Fiedler. Galle. Не разъ уже указывали мы въ нашемъ журналѣ на прекраснѣйшіе, по языку, поэтичности, общему духу и точности, переводы лучшихъ нашихъ поэтовъ даровитѣйшаго переводчика, получившаго образованіе въ Россіи, Ѳ. Ѳ. Фидлера (Кольцовъ, *Русская Мысль* 1885 г.; *Борисъ Годуновъ*, 1886; *Недоросль*, 1888; *Der Russische Parnass*, 1889; драмы Пушкина, 1891; Лермонтовъ, 1893). Съ величайшимъ удовольствіемъ привѣтствуемъ и этотъ новый трудъ, сдѣланный точно по послѣдней редакціи Н. С. Тихонравова. Этотъ переводъ, съ небольшою, но дѣльною статьей о жизни поэта и значеніи *Ревизора*, а также хорошимъ портретомъ Гоголя, кажется, единственный хорошій нѣмецкій переводъ въ смыслѣ передачи подлинника, съ которымъ нѣмцы могутъ теперь познакомиться болѣе основательно; а что наша знаменитая комедія ихъ интересуетъ, можно видѣть уже изъ того, что она включена въ такое извѣстное изданіе для знакомства съ лучшими произведеніями мировой литературы. Насколько новый переводъ г. Фидлера превосходитъ старый г. Ланге, напечатанный въ *Universal-Bibliothek* № 837, позволимъ себѣ привести нѣсколько сравненій русскаго текста съ переводомъ послѣдняго.

Оригиналъ.	Переводъ г. Ланге.
1) Добчинскій и Бобчинскій „оба низенькіе“.	1) „Beide unterwürdig“ (т.-е. нравственно низкіе).

2) „Самъ собою дошелъ, собственнымъ умомъ".

2) Was soll man machen? Jeder hat seine Ansichten (т.-е. что подѣлаешь? У всякаго свое мнѣніе).

3) „Это все французъ гадитъ".

3) „Die Franzosen werden vor Aerger platzen" (т.-е. французы лопнутъ съ досады).

4) „Ты кумишься".

4) „Du spielst den Schaskapf" (т.-е. ты притворяешься барономъ).

5) „Онъ всѣмъ ставитъ фонари подъ глазами".

5) „Er soll allen seine Laterne unter die Nase halten" (смыслъ тотъ, что Держиморда обязанъ всѣмъ свѣтить фонаремъ).

6) „Офицерша забредетъ".

6) „Eine Offiziersfrau fängt an Unsinn zu mach" (т.-е. офицерша начинаетъ дѣлать глупости. Очевидно смѣшанъ глаголъ „брести" съ глаголомъ „бредить").

7) „Галантерейное, чортъ возьми, обращеніе".

7) Hol der Teufel die verliebte Scharwenzelei (т.-е. къ чорту всѣ эти влюбленные шуры-муры!)

8) „Невѣжливаго слова никогда не услышишь: всякій тебѣ говоритъ вы".

8) Nie haben sie ein zärtliches Wörtchen für einen; immer per Sie" (т.-е. никогда они не скажутъ нѣжнаго словечка: всегда на вы).

9) „Кажись, такъ бы теперь весь свѣтъ съѣлъ!"

9) Ich wette die ganze Welt hat jetzt schon gespeist" (т.-е. держу пари, что весь свѣтъ уже отобѣдалъ).

10) „Ты проворный парень".

10) „Du bist ein geriebenes Bürchchen" (переводчикъ усмотрѣлъ въ словѣ проворный только звукъ воръ).

11) „Меня самъ государственный совѣтъ боится".

11) „Selbst der Staatsrat" (т.-е. статскій совѣтникъ) fürchtet mich.

12) „Вы и о столпотвореніи".

12) „Sie wissen auch ein Festessen zu arrangiren" (т.-е. вы умѣете также устроить парадный обѣденный столъ. Въ словѣ „столпотвореніе" переводчикъ понялъ только „столъ" (Tisch) и „твореніе" (Arrangement).

Нельзя не пожелать, чтобы, для большаго ознакомленія съ нашею литературой среди культурнаго нѣмецкаго народа, г. Фидлеръ этими переводами не ограничился, а продолжалъ такъ же прекрасно переводить и другихъ русскихъ лучшихъ авторовъ, тѣмъ болѣе, что, искусно владѣя прозой, переводчикъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и отличный версификиторъ, съ несомнѣннымъ поэтическимъ талантомъ. Мы слышали, что въ настоящее время г. Фидлеръ занятъ переводомъ нашихъ былинъ, которыхъ уже и переведено имъ до 14,000 стиховъ. Надо надѣяться, что нѣмецкія издательскія фирмы, до сихъ поръ печатавшія его переводы отдѣльныхъ писателей, найдутъ небезъинтереснымъ познакомить своихъ соотечественниковъ и съ нашимъ своеобразнымъ творчествомъ народнымъ.

ФИЛОСОФІЯ И ФИЛОСОФІЯ ИСТОРІИ.

„Вопросы Философіи и Психологіи". — „Историко-философскіе и соціологическіе этюды". *Н. И. Карѣева.*

Вопросы Философіи и Психологіи, мартъ 1895 г. Въ этой книгѣ философскаго журнала двѣ статьи (князя С. Н. Трубецкого и М. С. Корелина) посвящены оцѣнкѣ научной дѣятельности протоіерея А. М. Иванцова-Платонова. На этихъ весьма интересныхъ статьяхъ мы останавливаться не будемъ, потому что обзору трудовъ и характерис[illegible]кѣ

покойнаго Александра Михайловича была уже отведена статья въ январской книгѣ *Русской Мысли*.

Статья профессора Н. Я. Грота *Устои нравственной жизни и дѣятельности* (рѣчь на годичномъ засѣданіи психологическаго общества) по изложенію доступна обширному кругу читателей. Вопросы личной морали, ея отношеніе къ морали общественной, значеніе личнаго самоусовершенствованія и общественныхъ идеаловъ,—все это вопросы, полные глубокой важности и привлекающіе къ себѣ вниманіе образованныхъ людей. Статья г. Грота прочтется съ интересомъ и пользою какъ сторонниками, такъ и противниками его взглядовъ. Для автора *неумолимая дилемма*: долгъ или счастье—разрѣшается въ пользу долга. *Психологически* Н. Я. Гротъ признаетъ, что „главнымъ устоемъ нравственной жизни и дѣятельности является въ насъ *міровая воля къ жизни духовной*, міровой инстинктъ самосохраненія жизни духовной, психической, высшей“. Съ нашей точки зрѣнія, эта метафизическая постановка вопроса не можетъ способствовать его правильному разрѣшенію, но мы должны признать высоту нравственныхъ требованій, предъявляемыхъ профессоромъ Гротомъ. Кончаетъ онъ свою рѣчь такими благородными словами: „Можно выразить желаніе, чтобы въ наше тяжкое и грустное въ нравственномъ отношеніи время побольше людей находило въ себѣ задатки высшей міровой воли и нравственнаго призванія и шло по пути долга и самопожертвованія, отбросивъ всякіе помыслы о личномъ счастіи и объ удовлетвореніи своего ненасытнаго *я*“.

На нравственную борьбу зоветъ насъ и г. Каленовъ (*Жизнь, какъ нравственная борьба*, рефератъ, читанный въ психологическомъ обществѣ). Цѣль статьи заключается, по опредѣленію самого автора, въ выясненіи идеи космоса, какъ мотива нравственной борьбы. Это будетъ похитрѣе и побезполезнѣе міровой воли Н. Я. Грота. „Идея космоса,—говоритъ г. Каленовъ,—макрокосмъ микрокосмовъ,—представляетъ идеальную форму, лишенную, однако, реальнаго содержанія, а потому не удовлетворяющую потребности знанія“. Г. Каленовъ желаетъ напомнить эту пустую форму реальнымъ содержаніемъ опытнаго происхожденія. Онъ осуждаетъ людей, которые не имѣютъ терпѣнія одолѣть черной научной работы, „обращаются къ мистицизму, надѣясь найти въ немъ болѣе легкое удовлетвореніе эстетико-познавательной потребности. А опытныя науки все идутъ впередъ медленнымъ, но вѣрнымъ путемъ къ своему идеалу, наполняя, такъ сказать, плотью и кровью схему космоса; и изъ-за живыхъ образовъ микрокосмовъ все яснѣй и яснѣй вырисовываются таинственныя очертанія макрокосма“. Красиво и довольно правдоподобно.

Безкорыстно служить общему макрокосмосу всегда было нравственнымъ требованіемъ. Прогрессъ нравственности состоялъ „въ постепенномъ расширеніи идеи того цѣлаго, служебнымъ органамъ котораго считала себя отдѣльная личность, и въ выясненіи того, что̀ именно должно считать общимъ благомъ“. Въ основѣ нашего нравственнаго сознанія, полагаетъ г. Каленовъ, лежатъ двѣ идеи: милосердія (состраданіе и благожелательство къ каждому, какъ къ самому себѣ) и высшая идея справедливости, регулирующая первую. Самъ авторъ признаетъ свои идеи (напримѣръ, свободу воли) ирраціональными, съ чѣмъ нельзя не согласиться.

Общій интересъ имѣютъ статьи гг. Марина (*Вліяніе чувствованій на теченіе времени*) и Буцке (*Анализъ основныхъ условій при ассоціа-*

ціяхъ идей). Разнообразны и интересны, какъ и всегда, критика и библіографія. Много любопытнаго читатель найдетъ въ отчетахъ о преніяхъ въ психологическомъ обществѣ (по рефератамъ гг. Бунге и Боборыкина). Въ приложеніи продолжается печатаніе *Философскаго Ежегодника* г. Колубовскаго.

Историко-философскіе и соціологическіе этюды. Н. И. Карѣева. Новая книга проф. Карѣева состоитъ изъ нѣсколькихъ статей, печатавшихся ранѣе въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Всѣмъ извѣстна продуктивная дѣятельность ея автора: ни одно явленіе въ области философіи исторіи не оставляется имъ безъ вниманія; съ живымъ интересомъ слѣдя за литературой своего предмета, онъ старается дать оцѣнку каждой новой въ этой области теоріи. Понятно, что накопляющійся такимъ образомъ матеріалъ не можетъ быть цѣликомъ вторично представленъ публикѣ: статьи, печатавшіяся въ спеціальныхъ изданіяхъ, и рефераты, читанные въ научныхъ обществахъ, могутъ далеко не всегда интересовать заурядную публику. И дѣйствительно, Н. И. Карѣевъ выбралъ для своей новой книги „тѣ именно статьи (какъ онъ самъ заявляетъ въ предисловіи), которыя могутъ представлять особенный интересъ для болѣе или менѣе широкой публики“. Такъ, мы находимъ здѣсь двѣ его вступительныя лекціи въ общій курсъ исторіи, трактующія значеніе историческаго образованія. Двѣ статьи посвящены выясненію (или, вѣрнѣе, постановкѣ) нѣкоторыхъ вопросовъ по философіи исторіи. Далѣе находимъ рефераты: о свободѣ воли, о субъективизмѣ въ соціологіи и объ органической теоріи общества. Самая большая статья посвящена модному теперь, благодаря трудамъ гг. Струве и Бельтова, вопросу объ *Экономическомъ матеріализмѣ* и скомпанована изъ цѣлаго ряда отдѣльныхъ работъ г. Карѣева. Наконецъ, въ заключеніе дана публичная лекція, набрасывающая историческій очеркъ развитія идеи прогресса. Въ краткой журнальной рецензіи мы не имѣемъ, конечно, возможности изложить богатое и разнообразное содержаніе разсматриваемой книги. Поэтому ограничимся только нѣкоторыми замѣчаніями, касающимися выполненія намѣреній автора. Всѣ работы проф. Карѣева, какъ извѣстно, отличаются полнотою и обстоятельностью: громадная эрудиція автора даетъ ему возможность разсмотрѣть трактуемый имъ предметъ со всѣхъ сторонъ, прослѣдить историческое развитіе оцѣниваемаго имъ понятія, ознакомить публику не только съ существеннѣйшими возраженіями, сдѣланными уже тому или другому новатору, но и съ историческимъ развитіемъ противуположнаго взгляда. Въ этой обстоятельности — сила проф. Карѣева, но въ ней же лежитъ, на нашъ взглядъ, и слабая его сторона. За множествомъ чужихъ мнѣній теряется подчасъ оригинальный взглядъ автора; изъ сопоставленія идей возникаетъ самъ собою нѣкоторый эклектизмъ, старающійся примирить вещи часто не примиримыя; философствованіе выигрываетъ въ объективности, теряя въ силѣ и яркости. Кромѣ того, раздробляя и расчленяя каждую теорію, каждое понятіе, каждую идею, анализируя ихъ со всевозможныхъ точекъ зрѣнія, проф. Карѣевъ дѣлаетъ ихъ мало уловимыми для публики. Струя фонтана раздробляется на множество брызгъ и мы отказываемся, слѣдя за каждою изъ нихъ, наблюдать, въ то же время, все явленіе въ совокупности. Чтобы не утверждать этого го[ло]словно, привидемъ примѣръ. Передъ нами слово „исторія“, обознач[а]ющее нѣкоторое понятіе, не всегда и не для всѣхъ вполнѣ опредѣлен[н]ое и ясное. Но мы въ общемъ представляемъ себѣ, что это—наука, з[а]нимающаяся изслѣдованіемъ прошлыхъ судебъ человѣчества. Когд[а] мы

слышимъ о „философіи исторіи“, то, въ большинствѣ случаевъ, по аналогіи съ другими науками, понимаемъ подъ нею общую часть исторіи. Проф. Карѣевъ ставитъ себѣ задачей разъяснить эти понятія и вотъ какъ онъ это дѣлаетъ. Уже въ первомъ большомъ своемъ сочиненіи онъ разграничиваетъ исторію, какъ положительную (такъ сказать, „матеріальную“) науку, и историку, какъ ея методологію. Далѣе, подъ философіей исторіи понимаетъ онъ абстрактное изложеніе конкретнаго хода всемірной исторіи съ точки зрѣнія одного обобщающаго принципа. Если мы такое изложеніе лишимъ философскаго принципа, то получилъ собственно исторію. Общая часть послѣдней, то-есть изложеніе законовъ, по которымъ развивается жизнь человѣства, совсѣмъ выдѣляется изъ сферы этой науки и относится къ задачамъ соціологіи и психологіи (между исторіей и психологіей индивидуальной указывается новое звено—психологія коллективная). Исторія, какъ наука феноменологическая, разсматривающая міръ явленій въ ихъ неповторяющихся особенностяхъ, строго отдѣляется отъ двухъ только что названныхъ номологическихъ наукъ, изслѣдующихъ то общее, что въ этихъ явленіяхъ заключается. Но для того, чтобы создать философію исторіи, мы должны знать, *какъ* примѣнить свое философское и научное міросозерцаніе къ изложенію хода всемірной исторіи, какой принципъ въ этомъ изложеніи, съ какой точки зрѣнія должно разсматривать судьбы человѣчества, — словомъ, необходимо создать теорію философіи исторіи или „исторіософію“, которую проф. Карѣевъ опредѣляетъ, какъ „философскую теорію историческаго знанія и историческаго процесса, отвлеченно взятаго. Это методологія философіи исторіи, синтезъ теорій, которыми долженъ руководиться философъ исторіи“ (*Основн. вопр. фил. ист.*, изд. 2, т. I, стр. 15). Но этого мало. На 48 стр. разсматриваемой нами книги проф. Карѣевъ выражаетъ сожалѣніе, что въ такомъ видѣ „теорія историческаго процесса играетъ роль подчиненную, служебную“, вырабатывая лишь общій философскій взглядъ на историческія судьбы человѣчества. Между тѣмъ, „міръ явленій“, къ которому принадлежитъ и исторія, представляетъ изъ себя совокупность весьма разнообразныхъ процессовъ, изъ коихъ каждый, отличаясь отъ другихъ особенными, ему только свойственными чертами, долженъ имѣть свою теорію“ (стр. 42). Теорія эта „должна заниматься тѣмъ, что бываетъ всегда и вездѣ, гдѣ только совершается историческая жизнь“ (стр. 44); „это-то содержаніе, повторяющееся во всякой исторіи, и должно сдѣлаться предметомъ теоріи историческаго процесса“ (стр. 46). Словомъ сказать, теорія эта, не будучи уже методологіей философіи исторіи, должна прямо заняться разсмотрѣніемъ сущности историческаго процесса. Такую теорію историческаго процесса можно назвать „исторіологіей“ или соціальною динамикой (стр. 50). Мы не будемъ касаться здѣсь вопроса о томъ, насколько удобно исторіи, если она дѣйствительно *только* феноменологическая наука, представлять задачи науки номологической, не будемъ потому, что мы вообще не собирались разбирать здѣсь взгляды проф. Карѣева. Обратимъ только наше вниманіе на то постепенное раздробленіе первоначальнаго понятія, за которымъ становится, наконецъ, трудно слѣдить заурядному читателю. Мы знали исторію и философію исторіи. Теперь мы видимъ исторію, историку, философію исторіи, соціологію (статическую и динамическую), психологію (индивидуальную и коллективную), исторіософію и, наконецъ, исторіологію. И чѣмъ больше усиливаемся мы слѣдить за отдѣльными брызгами, тѣмъ общая картина фонтана все больше и

больше уходитъ у насъ изъ поля зрѣнія. Между тѣмъ, *Этюды* проф. Карѣева предназначены не для спеціалистовъ только, освоившихся со всѣми этими понятіями, но для „болѣе или менѣе широкой публики". Отмѣтимъ еще одно обстоятельство. Вся дѣятельность проф. Карѣева доказываетъ какъ нельзя лучше, что онъ не довольствуется тѣмъ узкимъ пониманіемъ исторіи, на которое Бокль не безъ основанія жаловался, окидывая взглядомъ труды современныхъ ему *спеціалистовъ-историковъ*. И въ самомъ дѣлѣ, до тѣхъ поръ, пока соціологія и коллективная психологія находятся еще въ эмбріональномъ состояніи, пока мы, такъ сказать, не убѣдимся воочію въ существованіи соціальной динамики, каждаго мыслящаго историка будетъ неотразимо привлекать философская, теоретическая сторона разсмотрѣнія судебъ человѣческихъ въ прошедшемъ. И что̀ бы ни говорилъ намъ проф. Карѣевъ о феноменологичности исторической науки, мы будемъ постоянно тянуться къ запрещенному для историка плоду—къ номологіи историческаго процесса. Поступая такимъ образомъ, мы предъявимъ историку цѣлый рядъ вопросовъ, безъ разрѣшенія которыхъ ему трудно будетъ продолжать свою работу. Мы поставимъ ему, напримѣръ, вопросъ о свободѣ воли. И въ такомъ случаѣ насъ едва ли удовлетворитъ то рѣшеніе его, которое даетъ проф. Карѣевъ въ рефератѣ, прочитанномъ въ психологическомъ обществѣ и вошедшемъ въ разсматриваемую книгу. Сущность отвѣта нашего автора (если мы его правильно поняли) сводится къ слѣдующему. Воля несвободна; она, какъ и все въ природѣ, подчинена закону причинности. Поступки человѣческіе зависятъ отъ двухъ рядовъ причинъ—отъ воздѣйствія другихъ людей и отъ почвы, на которую воздѣйствіе это падаетъ; почва эта есть характеръ, то-есть совокупность всего, что представляетъ къ моменту воздѣйствія личность. Соціологіи, естественнымъ наукамъ, психологіи индивидуальной, а, главное, психологіи коллективной надлежитъ разсматривать связь и зависимость поступковъ человѣка отъ всевозможныхъ факторовъ. Для историка же важно самое дѣйствіе человѣка, и, такимъ образомъ, личность въ исторіи является какъ бы свободной, а историку-прагматисту развязываются руки для описанія ея дѣятельности. Но если соціологіи и коллективной психологіи еще не существуетъ, если психологія индивидуальная и естествознаніе не въ силахъ рѣшить этой проблемы, то насъ невольно тянетъ изслѣдовать воздѣйствіе на волю различныхъ факторовъ—эмпирически, въ сферѣ науки, занимающейся изображеніемъ именно волевыхъ актовъ людей. Разъ исторія только феноменологія, проф. Карѣевъ вполнѣ правъ, сваливая на чужія плечи рѣшеніе этого вопроса. Если же номологическая сторона исторіи, пока что, все-таки, не даетъ намъ покоя, мы не можемъ удовольствоваться условною свободой героевъ, творящихъ исторію. Какъ бы то ни было, а появленіе новой книги Н. И. Карѣева, снова поднимая цѣлый рядъ вопросовъ, заставляетъ работать голову читателя и даетъ, какъ всегда у этого автора, объективное, спокойное и обстоятельное разсмотрѣніе наиболѣе интересныхъ вопросовъ въ области историко-философскаго мышленія.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІИ И ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

„Жизнь и труды М. П. Погодина“. *Н. П. Барсукова.* — „Матеріалы для біографіи Гоголя“. *В. И. Шенрока.* — „Французская литература XIX вѣка“. *Ж. Пелисье.* — „Жизнь замѣчательныхъ людей“. *Изд. Ф. Павленкова.*

Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Пл. Барсукова. Книга восьмая. Спб., 1894 г. — Его же, книга девятая. Спб., 1895 г. Цѣна 2 руб. 50 коп. за книгу. Братья Барсуковы, какъ біографы-панегиристы,—прелюбопытное явленіе въ нашей литературѣ; особенно же любопытны двое старшихъ *) братьевъ: г. Александръ Барсуковъ, пишущій по заказу гр. С. Д. Шереметева обширную исторію *Рода Шереметевыхъ* (съ 1881 г. вышло шесть томовъ), и г. Николай Барсуковъ, издавшій въ 1878 г. *Жизнь и труды М. П. Строева*, а съ 1888 г. издающій *Жизнь и труды М. П. Погодина*,—работа, которой вышло девять большихъ томовъ и которой конца не видно, такъ какъ два послѣднихъ тома обнимаютъ только 1845 — 48 годы, а герой нашего панегириста умеръ въ 1875 году. *Родъ Шереметевыхъ*, несмотря на роскошную внѣшность изданія, едва ли знакомъ читающей публикѣ даже по наслышкѣ; *Жизнь и труды Погодина* принадлежатъ до нѣкоторой степени къ числу читаемыхъ большою публикой книгъ, хотя и отличаются своею громоздкостью, неуклюжестью и однообразностью формы, рабьимъ духомъ и смиреніемъ предъ сильными міра сего. Дурной тонъ работы Н. П. Барсукова, который страшно вредитъ ея распространенности, не разъ уже указывался въ литературѣ и всего лучше, если не ошибаемся, осмѣянъ въ извѣстномъ *Критико-біографическомъ словарѣ русскихъ писателей и ученыхъ* С. А. Венгерова (т. II, стр. 190 и слѣд.). Всего хуже, что этотъ „рабій духъ“ труда нашего автора не отличается первобытною простотой и искренностью: онъ писалъ прежде гораздо свѣжѣе и, какъ справедливо замѣчаетъ г. Венгеровъ (стр. 192), „просто плыветъ по теченію“; фальшивость этого духа ясна для всякаго непредубѣжденнаго читателя, а поистинѣ курьезная форма его выраженія лучше всякихъ критическихъ нападокъ дискредитировали въ глазахъ публики и духъ, и форму. Хорошо, однако, посмѣяться надъ послѣдними разъ или два, но когда приходится считаться съ ними при чтеніи каждаго тома, то это становится скучнымъ и свидѣтельствуетъ только о невозможномъ упорствѣ г. Барсукова, граничащемъ, выражаясь деликатно, съ достаточною умственною ограниченностью... Начинаютъ тяготить и самые пріемы работы г. Барсукова. Его, по всей справедливости, можно уподобить древнему составителю лѣтописнаго свода, который изъ многихъ разложенныхъ передъ нимъ лѣтописей составлялъ одну сводную лѣтопись; но положеніе этого лѣтописца тѣмъ въ литературѣ удобнѣе, что у него можно наслѣдить опредѣленное и строго выдержанное міросозерцаніе, чего недостаетъ новѣйшему бытописателю. Г. Барсуковъ, положивъ въ основаніе погодинскій архивъ, обложился массою книгъ, брошюръ, газетныхъ листовъ, журнальныхъ книжекъ, щедрою рукой черпаетъ изъ всѣхъ этихъ источниковъ все, что только обратило на

*) Младшимъ, г. Иваномъ Барсуковымъ, изданы пространная біографія *Иннокентія митрополита московскаго и коломенскаго* (М., 1883 г.), и при существенномъ содѣйствіи князя М. С. Волконскаго біографическій сборникъ *Графъ Николай Николаевичъ Муравьевъ-Амурскій* (М., 1891 г.).

себя его благосклонное вниманіе: каждый томъ его труда состоитъ, такимъ образомъ, изъ буквальныхъ выписокъ изъ источниковъ, пересыпанныхъ немногими архаическими и малозначущими восклицаніями, которыя и служатъ спайками одной выписки съ другой, другой съ третьей и т. д. Слѣдуетъ замѣтить, что эти выписки во многихъ случаяхъ не имѣютъ никакого отношенія къ Погодину, въ ихъ подборѣ нѣтъ никакой системы, кромѣ хронологической, но очень многія изъ нихъ сами по себѣ представляютъ выдающійся интересъ и заимствованы изъ изданій, которыя не всегда случатся подъ рукой даже спеціалиста. Получается, такимъ образомъ, сборникъ отрывковъ, относящихся либо къ Погодину, либо къ тѣмъ лицамъ, которыя почему-либо приходили съ нимъ въ соприкосновеніе, либо вообще къ представителямъ интеллигенціи того времени, въ которое имѣлъ случайность жить Погодинъ. Несмотря на интересъ или занимательность отрывковъ, вниманіе читателя страшно утомляется отъ быстрой ихъ смѣны безъ всякой послѣдовательности, безъ всякой внутренней связи и попытки со стороны автора внести хоть какое-нибудь руководящее начало въ свое изложеніе. Начинаешь читать томъ, такъ сказать, съ лихорадочною поспѣшностью и къ концу ослабѣваешь отъ головокруженія, утомленный яркостью быстро мелькающихъ стеклышекъ калейдоскопа г. Барсукова. Дочитавъ до девятаго тома, можно, кажется, помимо этого упрека, подойти еще съ однимъ: авторъ охотнѣе приводитъ отрывки болѣе любезные для „рабьяго духа“ его книги. Этотъ упрекъ, на которомъ не приходится особенно настаивать, становится лучше всего понятнымъ при чтеніи тѣхъ страницъ сборника г. Барсукова, которыя относятся къ 1848 году. Роковое значеніе этого года для развитія русской мысли и русскаго слова далеко не выпукло оттѣняется выписками изъ источниковъ. Словомъ, сочиненіе г. Барсукова не носитъ на себѣ ни малѣйшихъ слѣдовъ ученой, изслѣдовательской работы: это—сборникъ отрывковъ изъ чужихъ книгъ, брошюръ, журналовъ, газетъ, погодинскаго архива... etc.,—отрывковъ чрезвычайно интересныхъ и важныхъ, потому что они представляютъ собою матеріалъ для исторіи русской интеллигенціи; они, повторяемъ, такъ интересны и важны, что создали извѣстность трудолюбивому ихъ собирателю, не претендующему ни на изслѣдовательскій талантъ, ни на научную выправку.

Восьмая книга (стр. VIII + 629) сборника г. Барсукова обнимаетъ 1845, 1846 и частью 1847 годы въ жизни Погодина и современной ему русской интеллигенціи; девятая книга (стр. VII + 490), посвященная памяти графовъ С. С. и А. С. Уваровыхъ,—1847 и 1848 годы. Какъ и въ предшествующихъ книгахъ, интересъ новизны представляютъ отрывки изъ дневника Погодина и его переписки, причемъ нельзя не предположить, судя по нѣкоторымъ признакамъ, что г. Барсуковъ пользуется погодинскимъ архивомъ не всегда достаточно. Въ одномъ случаѣ встрѣчаемъ отрывокъ изъ личнаго воспоминанія г. Барсукова о Погодинѣ (VIII, стр. 57 и слѣд.). Что за прелесть тонъ этого в[illegible]минанія! Надо отдать справедливость нашему автору: отъ него [illegible]къ и вѣетъ добрымъ старымъ временемъ съ его слѣпымъ, абсолют[illegible]мъ поклоненіемъ авторитету, какъ чему-то въ высокой степени завѣтн[illegible]у. Г. Барсуковъ посѣтилъ Погодина вмѣстѣ съ г. Бартеневымъ 31 а[illegible]густа 1869 г. Они ѣхали по Пречистенкѣ и предавались историчес[illegible]мъ воспоминаніямъ: вспомнили Давыдова, Ермолова. Они застали Пого[illegible]на на балконѣ въ халатѣ и пуховой шляпѣ: знаменитый историкъ, [illegible]блицистъ, антикварій etc. etc. пилъ чай, упиваясь рѣчами [illegible]на-

зова. „Что за чудная обстановка,— восклицаетъ авторъ, припоминая складки погодинскаго халата,—тѣнистый садъ, поле, древній монастырь, Воробьевы горы! А, между тѣмъ, до насъ долетаютъ звуки русской пѣсни, звуки любезной гармоники и проникаютъ въ душу. Настроеніе самое поэтическое. И мнѣ стали понятны тѣ высокія поэтическія созерцанія Погодина, которыми проникнуты его сочиненія,—созерцанія, которыя связывали его душевно съ нашими первоклассными писателями (?!) и которыя теперь въ лѣта суровой его старости животворятъ духъ его... Поучительно бывать у него". Авторъ правъ: очень многія писанія Погодина отдаютъ несуразными звуками „любезной гармоники" и халатнымъ стилемъ. Нѣтъ, какъ глубоко проникъ авторъ въ созерцанія Погодина, слѣпо преклонился предъ авторитетомъ, что не можетъ понять такой простой вещи: изъ его же, г. Барсукова, сборника можно привести не одну цитату, что даже друзья Погодина порою смѣялись прямо ему въ глаза надъ его созерцаніями и любовью къ „халатнымъ и ночнымъ подробностямъ" (см. превосходное на этотъ счетъ мѣсто въ IX книгѣ, въ XVII главѣ, стр. 138—140, гдѣ разсказано нападеніе за это на Погодина со стороны врага С. М. Соловьева и друга С. П. Шевырева). Стали бесѣдовать: Бартеневъ похвалилъ книгу Станкевича о Грановскомъ, Погодинъ заподозрилъ безпристрастіе Станкевича и въ назиданіе своимъ посѣтителямъ прочелъ статью свою *За русскую старину*, за четверть вѣка до посѣщенія гг. Бартенева и Барсукова напечатанную въ *Москвитянинѣ*. Мы не знаемъ, какое впечатлѣніе произвело это неожиданное чтеніе на г. Бартенева, но г. Барсукову оно „запало въ душу", хотя изъ воспоминанія и не совсѣмъ ясно, что̀ именно запало: жаръ, съ которымъ она была прочитана, или „огонь" (срв. приведенныя тутъ же слова Кирѣевскаго) ея содержанія. Вытерпѣвъ чтеніе, посѣтители поспѣшили прощаться. Шутка ли! Погодинъ написалъ до 1869 г. не мало огневыхъ статей. Не ровенъ часъ, пришлось бы выслушать и другую... Чаша эта миновала, и ветеранъ, величественно указывая г. Бартеневу на г. Барсукова, сказалъ: „*Вотъ молодой дѣятель!—Какой я дѣятель*,—смиренно возразилъ г. Барсуковъ,—*я простой исполнитель чужихъ приказаній*! (sic!).—*Подите*!"—сказалъ на это Погодинъ и, потрепавъ по плечу, тутъ же далъ порученіе разыскать въ Петербургѣ его новую шубу, которую у него обмѣнили заѣзжіе въ Москву археологи. Не правда ли, какая умилительная картина патріархальныхъ нравовъ сѣдой старины! Она живо напомнила намъ другой разсказанный г. Барсуковымъ изъ жизни того же Погодина (I, стр. 57, 97) эпизодъ о томъ, какъ Погодинъ въ первое посѣщеніе дома князей Трубецкихъ не осмѣлился сѣсть передъ княжной и какъ ему Трубецкіе подарили „свѣжій огурецъ" и „сукна на фракъ". Но то было въ 20-хъ годахъ, а въ 60-хъ Погодинъ уже самъ давалъ порученія начинающимъ писателямъ разыскивать его шубы; въ 90-хъ гг. „простой исполнитель чужихъ приказаній" съ умиленіемъ вспоминаетъ о такомъ порученіи разыскать шубу.

Не будемъ, конечно, останавливаться подробно на содержаніи разбираемыхъ двухъ томовъ: въ нихъ, какъ и во всемъ сборникѣ г. Барсукова, въ сущности, нѣтъ содержанія; по матеріалу, въ нихъ заключенному, можно составить рядъ характеристикъ, что уже выходитъ за предѣлы простой рецензіи. Г. Барсуковъ поставилъ своего читателя въ затруднительное положеніе; онъ самъ долженъ, если въ силахъ, продѣлать ту творческую работу, которая лежала на обязанности автора и имъ не выполнена. Много страницъ посвящено исторіи изданія

несчастнаго погодинскаго журнала *Москвитянинъ*, то и дѣло обновлявшагося и, все-таки, не бывшаго въ состояніи войти въ сроки. Какъ Погодинъ издавалъ свой журналъ, какъ относился къ своимъ сотрудникамъ, публикѣ и тогдашнимъ журналамъ противнаго направленія—превосходный матеріалъ для характеристики какъ личности самого издателя, такъ и отношеній къ нему литературныхъ дѣятелей конца сороковыхъ годовъ. Всего интереснѣе отношенія къ Погодину славянофиловъ и С. П. Шевырева, который много бранилъ своего друга, много сдѣлалъ для его журнала, а этотъ другъ не хотѣлъ заплатить 12 р. ассигнаціями за обѣдъ, данный Шевыреву по окончаніи публичныхъ лекцій въ 1847 г. (IX, стр. 81 и сл.). Письма В. И. Даля о сотрудничествѣ въ *Москвитянинѣ* не менѣе рельефно рисуютъ жадность Погодина, который хотѣлъ сотрудникамъ не платить гонорара, свѣжихъ статей не помѣщать, самому ничего не дѣлать и получать большіе барыши. Тщетно рисовали ему порядокъ веденія дѣлъ въ имѣвшихъ тогда большой успѣхъ петербургскихъ журналахъ *Отечественныя Записки* и *Современникъ*. Погодинъ слушалъ только самого себя. Благонамѣренность Погодина не создала ему ни особливаго расположенія Уварова, ни благосклонности Строганова и не спасла отъ цензурныхъ ужасовъ. Въ 1848 г. цензурное вѣдомство дошло до геркулесовыхъ столбовъ безсмыслицы и возмутило не только свободомыслящихъ, но и благонамѣренныхъ. Погодинъ, самъ Погодинъ писалъ въ своемъ дневникѣ за это время: „Петербургъ не имѣетъ ни смысла, ни ума, испугался и потерялся и даже опасается Москвы“ (IX, стр. 282). Въ Петербургѣ не пропускали въ печать свѣдѣній о болѣзни картофеля и объявленія о книгѣ Куторги *Исторія Аѳинской республики:* такія сообщенія казались слишкомъ революціонными. Благодаря цензурнымъ непріятностямъ, Погодинъ чуть не пошатнулся въ православіи (сравн. стр. 285), а цензура и была призвана къ защитѣ православія, самодержавія и народности—формулы, созданной С. С. Уваровымъ, который, по словамъ одного современника, говорилъ о русской народности, не прочитавъ ни одной русской книги,—о православіи, понимая его очень плохо,—и о самодержавіи при очевидной своей внутренней склонности къ конституціоннымъ началамъ („будучи либераломъ“). Большой интересъ представляютъ главы, касающіяся дѣятельности профессоровъ Московскаго университета, полемики между славянофилами и западниками, отношеній Погодина къ Соловьеву и Строганову; изъ области курьезовъ и раритетовъ любопытенъ разсказъ о комическихъ мечтаніяхъ Погодина сдѣлаться дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, а то помощникомъ попечителя московскаго учебнаго округа или вновь женатымъ человѣкомъ (см., наприм., высокаго комизма выдержки изъ дневника на 284—285 стр. VIII кн.). Замѣтимъ въ заключеніе, что въ VIII кн. есть разсказъ объ открытіи въ Симбирскѣ памятника Карамзину, на которомъ Погодинъ прочиталъ *Историческое похвальное слово Карамзину*. По поводу этого слова И. В. Кирѣевскій написалъ Погодину *замѣчательное*, по словамъ г. Барсукова, письмо (стр. 2[illegible]1). Письмо это довольно пустоватое, но въ немъ интересно теперь одно мѣсто, въ которомъ корреспондентъ упрекаетъ Погодина за неисторическое отношеніе къ знаменитому Н. И. Новикову. Нужно было,— говоритъ И. В. Кирѣевскій (стр. 222—223),—представить въ настоящемъ свѣтѣ вліяніе Новикова на Карамзина. „Конечно, собственный геній и внутренній голосъ были руководителями Карамзина; но кто [illegible]скрылъ въ немъ этотъ геній? Кто освободилъ этотъ голосъ отъ [illegible]ма

мелкой жизни? Кто вдохнулъ живительную мысль и далъ средства къ высокому направленію жизни? Хорошо бы было представить общество незамѣтныхъ дѣлателей, трудящихся въ тишинѣ и безъ славы, безъ выгодъ, на пользу человѣчества и отечества. Карамзинъ могъ сблизить языкъ съ естественностью и съ дѣйствительною жизнью потому, что жизнь дѣйствительная уже получила то высокое значеніе, которое было ею утрачено и безъ котораго она не могла имѣть образованнаго слова. Карамзинъ разрѣшилъ вопросъ потому, что вопросъ уже былъ предложенъ и данныя къ рѣшенію готовы". Эту выдержку изъ письма И. В. Кирѣевскаго важно сопоставить съ словами В. Г. Бѣлинскаго о вліяніи Новикова на Карамзина (они приведены въ рѣчи В. Н. Сторожева *Памяти Николая Ивановича Новикова*, отпечатанной въ V томѣ *Сборника правовѣдѣнія и общественныхъ знаній,* изд. московскимъ юридическимъ обществомъ).

Высказываясь по многимъ пунктамъ противъ сборника г. Барсукова, мы, все-таки, считаемъ его весьма полезною хрестоматіей для интересующихся исторіей русской интеллигенціи вообще и московской въ частности.

Матеріалы для біографіи Гоголя. В. И. Шенрока. Томъ III. М., 1895 г. Ц. 3 р. Интересная и обстоятельная работа г. Шенрока значительно подвинулась впередъ. Третій томъ *Матеріаловъ* охватываетъ время отъ 1836 до 1842 года. Первый изъ отмѣченныхъ годовъ имѣлъ, по мнѣнію автора, роковое значеніе для Гоголя: „Съ этого времени начинается его многолѣтняя скитальческая жизнь за границей, имѣвшая огромное вліяніе на дальнѣйшую судьбу нашего писателя".

Г. Шенрокъ относится къ своей высокой задачѣ съ любовью и подобающимъ вниманіемъ, неутомимо собираетъ матеріалы, безпристрастно оцѣниваетъ ихъ, сопоставляетъ мнѣнія и отзывы современниковъ и критиковъ великаго писателя.

Въ предисловіи авторъ возражаетъ противъ „оригинальнаго" мнѣнія г. Боборыкина (его статья напечатана въ сборникѣ общества любителей россійской словесности *Починъ*). Нашъ мастистый беллетристъ отрицаетъ въ этой статьѣ вліяніе Гоголя на развитіе нашей литературы, съ чѣмъ г. Шенрокъ, да и никакой серьезный историкъ литературы согласиться не можетъ.

Слѣдуетъ отмѣтить, что г. Шенрокъ тщательно слѣдитъ за рецензіями на его въ высшей степени почтенный трудъ и не въ первый уже разъ опровергаетъ недоброкачественныя замѣтки, противъ него направленныя. Въ третьемъ томѣ *Матеріаловъ* напечатана, напримѣръ, рѣзкая, но справедливая отповѣдь рецензенту *Русскаго Вѣстника*, который изобличается прямо во лжи.

Французская литература XIX в. Ж. Пелисье. Перев. подъ ред. Н. Мировичъ. Москва, 1895 г. Цѣна 1 руб. Среди представителей современной французской критики Ж. Пелисье принадлежитъ довольно видное мѣсто. Статьи его, правда, не блещутъ особеннымъ остроуміемъ, въ его литературныхъ характеристикахъ нѣтъ той пластичности, которой такъ подкупаетъ насъ Тэнъ, но у него есть вѣрные взгляды, какъ историка литературы, онъ серьезно изучаетъ всякій литературный фактъ, а его здравое направленіе въ критикѣ идей современныхъ французскихъ писателей особенно располагаетъ въ его пользу. Настоящая книга по содержанію своему, впрочемъ, далеко не соотвѣтствуетъ заглавію и содержитъ лишь нѣсколько очерковъ изъ французской литературы XIX в. Здѣсь на первомъ мѣстѣ помѣщенъ очеркъ исторіи

шекспировской сцены во Франціи, далѣе — нѣсколько литературныхъ характеристикъ (О. Фелье, Золя, П. Бурже и Марсель Прево) и, наконецъ, довольно обширная статья о пессимизмѣ въ современной французской литературѣ. Первая статья представляетъ значительный интересъ, какъ живой историческій очеркъ, который заканчивается при этомъ мѣткою характеристикой національной особенности французскаго генія; благодаря этой особенности, „отвлеченность и идеализмъ“ господствуютъ въ современномъ французскомъ театрѣ; хотя Шекспиръ и привился на французской сценѣ, но онъ „всегда будетъ во Франціи лишь натурализованнымъ чужестранцемъ“.

Изъ литературныхъ характеристикъ наибольшій интересъ, по новизнѣ предмета, представляетъ статья о М. Прево, особенно о женскихъ характерахъ въ его произведеніяхъ. Слѣдуетъ еще отмѣтить во всѣхъ характеристикахъ рѣзкое отношеніе Пелисье къ современной натуралистической школѣ, явившейся проводникомъ пессимизма. Въ одномъ мѣстѣ, говоря о направленіи Золя, критикъ замѣчаетъ: „Паролемъ романтизма было возвращеніе къ истинѣ. Если допустить, что натурализмъ представляетъ собой нѣчто новое, это новое состоитъ не въ приложеніи искусства къ описанію дѣйствительности, но въ признаваніи дѣйствительнымъ только зла и въ отрицаніи дѣйствительности добра“. То же повторяетъ и послѣдняя, самая большая статья книги, гдѣ трактуется о пессимизмѣ въ литературѣ. Нельзя сказать, чтобы автору вполнѣ удалась попытка открыть источники современнаго пессимизма,—въ ней нѣтъ ширины взгляда, хотя нѣтъ недостатка въ отдѣльныхъ вѣрныхъ мысляхъ; за то авторъ превосходно охарактеризовалъ разные оттѣнки пессимизма у новыхъ писателей, какъ-то: Золя, Мопассана, Бурже, Пьера Лоти и др. Осуждая пессимистическое направленіе современной литературы, Пелисье въ концѣ статьи замѣчаетъ, что въ современной литературѣ реализмъ или натурализмъ — форма, въ которой проявляется пессимизмъ; вѣдь, имѣемъ же мы въ современной литературѣ такихъ реалистовъ, какъ Элліотъ или Альфонсъ Додэ, которымъ чуждъ пессимизмъ. „Большинство нашихъ романистовъ, — заключаетъ онъ, — закрываетъ наше сердце ко всякому чувству гуманности подъ вліяніемъ не реализма, а пессимизма“.

Переводъ книги, къ сожалѣнію, нельзя назвать удачнымъ: сплошь и рядомъ обороты рѣчи очень неуклюжи.

Жизнь замѣчательныхъ людей. Біограф. библіотека Ф. Павленкова. Н. А. Добролюбовъ. Біографическій очеркъ А. М. Скабичевскаго. Въ лицѣ Добролюбова русская публика имѣетъ одного изъ тѣхъ писателей, личная жизнь которыхъ, какъ и литературная дѣятельность, отмѣчены одинаковою печатью благородства. Эти великіе подвижники литературы, слившіе въ ней свою личную жизнь, принесшіе въ жертву ей всѣ лучшія свои силы, дороги для насъ не только мощнымъ творчествомъ своего таланта, но и своею личною жизнью, вызывающею наши глубокія симпатіи. Такова именно жизнь Добролюбова,—жизнь, не богатая внѣшними событіями, но полная внутреннимъ содержаніемъ. Авторъ очерка съумѣлъ въ живыхъ краскахъ изобразить исторію этой непродолжительной жизни, оставляющей цѣльное и яркое впечатлѣніе въ умѣ читателя. Характеристика литературной дѣятельности Добролюбова довольно сжата. Главныя черты, отмѣченныя въ ней, заключаются, во-первыхъ, въ томъ, что „Добролюбовъ является полнѣ выразителемъ той всеобщей тяги къ народу, которая составляла главную сущность его эпохи“; во-вторыхъ, что Добролюбовъ въ своей

литературной дѣятельности занималъ, такъ сказать, срединное положеніе, являясь продолжателемъ идей сороковыхъ годовъ, съ одной стороны, и предвозвѣстникомъ шестидесятыхъ годовъ—съ другой. Остается только пожалѣть, что талантливый авторъ очерка не далъ въ немъ болѣе полной характеристики той эпохи, въ какую дѣйствовалъ Добролюбовъ.

ИСКУССТВО.

„Типы изъ поэмы Н. В. Гоголя *Мертвыя души*". *П. М. Боклевскаго.* — „О народномъ театрѣ". *И. Щеглова.*

Типы изъ поэмы Н. В. Гоголя „Мертвыя души", рисованные художникомъ Петромъ Михайловичемъ Боклевскимъ. Предисловіе А. Бѣльскаго. Фототипіи О. Ренаръ. Изданіе В. Г. Готье. Москва, 1895 г. Типы изъ *Мертвыхъ душъ* высокоталантливаго художника П. М. Боклевскаго появляются не въ первый разъ въ отдѣльномъ изданіи. Ихъ воспроизведеніе, вышедшее въ свѣтъ въ 1882 г., нельзя признать вполнѣ удовлетворительнымъ потому, что исполнено оно было гравированіемъ на деревѣ, причемъ естественно передавались только приблизительно и въ довольно грубомъ видѣ образы, созданные художникомъ подъ впечатлѣніемъ великаго произведенія Гоголя. По такимъ гравюрамъ нельзя составить себѣ понятія о всей тонкости и художественной законченности оригинальныхъ рисунковъ, мастерски сдѣланныхъ карандашомъ. Извѣстный московскій книгопродавецъ В. Т. Готье, издавшій уже альбомъ къ *Евгенію Онѣгину* въ рисункахъ академика Павла Петровича Соколова, воспроизведенныхъ фототипіей, въ такихъ же превосходныхъ и точныхъ факсимильныхъ снимкахъ даетъ намъ теперь альбомъ къ поэмѣ Гоголя. Боклевскій былъ современникъ Гоголя и въ сороковыхъ годахъ могъ видѣть и, навѣрное, видѣлъ множество такихъ лицъ, изъ которыхъ созданы Гоголемъ его дивные типы. До одной высоты съ великимъ поэтомъ художникъ не въ силахъ былъ подняться и противъ типовъ, изображенныхъ Боклевскимъ, найдется не мало возраженій, изъ которыхъ самое важное состоитъ въ томъ, что нѣкоторыя фигуры переходятъ въ каррикатуры въ большей или меньшей мѣрѣ. Но мы думаемъ, что этимъ отнюдь не умаляется значеніе *Типовъ* Боклевскаго, во-первыхъ, потому, что далеко не всѣ они каррикатурны, и потому, во-вторыхъ, что талантливая, художественная каррикатура есть ничто иное, какъ воспроизведеніе той же дѣйствительности въ нѣсколько усиленномъ, подчеркнутомъ видѣ. Мы знаемъ, что въ свое время и Гоголю ставили въ упрекъ, что онъ писалъ каррикатуры, и знаемъ настоящую цѣну такимъ упрекамъ людей, желающихъ во что бы ни стало „на зеркало пенять"... Въ рисунки Боклевскаго надо всматриваться очень внимательно, и всматриваться нестолько въ каждый изъ нихъ въ отдѣльности, сколько въ совокупность ихъ, и тогда тѣ или иныя преувеличенія начинаютъ сглаживаться передъ общимъ впечатлѣніемъ, а общее впечатлѣніе складывается и укрѣпляется такимъ, произвести какое имѣлъ въ виду Гоголь. Изъ-за всѣхъ этихъ лицъ, портретныхъ и каррикатурныхъ, безобразныхъ и красивыхъ, выступаетъ нѣчто очень характерное, очень важное для уразумѣнія того времени и тѣхъ типовъ, которые увѣковѣчены *Мертвыми душами*. „Пересмотрите предлагаемые рисунки,—говоритъ авторъ предисловія,—вообразите, что васъ окружаютъ изображенныя на нихъ

лица, и вы придете въ ужасъ. Плутовство, хищничество, обжорство, пьянство, шулерство, скряжничество, лѣность, чванство и повсюду невѣжество, глупость и тупость — вотъ что написано на этихъ лицахъ. Ни одного свѣтлаго, честнаго, благороднаго лица. И здѣсь, какъ въ *Ревизорѣ*, честное лицо — смѣхъ, который вырывается невольно при взглядѣ на это зеркало „добраго стараго времени", можетъ быть, впрочемъ, далеко еще не исчезнувшаго безслѣдно"... Альбомъ изданъ превосходно, и пожалѣть можно лишь объ одномъ, что изданъ онъ въ очень ограниченномъ числѣ экземпляровъ.

О народномъ театрѣ, Ивана Щеглова. Москва, 1895 г. Цѣна 1 руб. Вопросъ о томъ, нуженъ ли и полезенъ ли народный театръ, рѣшенъ и, кажется, окончательно въ положительномъ смыслѣ, но до сихъ поръ люди, очень искренно сочувствующіе этому дѣлу, не могутъ сговориться въ томъ, что̀ такое „народный" театръ и какія пьесы пригодны для „народнаго" театра. Г. Щегловъ—горячій сторонникъ народнаго театра и иныхъ развлеченій для народа, ничѣмъ не отличающихся отъ обычныхъ гуляній и спектаклей, какими пользуются зажиточные люди, кромѣ продажи въ буфетахъ спиртныхъ напитковъ, да еще болѣе осмотрительнымъ выборомъ предлагаемыхъ публикѣ зрѣлищъ. Авторъ даетъ довольно живую картину народныхъ увеселеній на Варгунинскомъ гуляньѣ и въ Васильеостровскомъ театрѣ для рабочихъ въ Петербургѣ и театра „Скоморохъ" въ Москвѣ. Давались пьесы Островскаго и переводныя мелодрамы, *Ревизоръ* Гоголя и пьесы изъ народнаго быта. Зрители одно одобряли, другое—нѣтъ, но относились ко всему очень чутко и вполнѣ сознательно, разумно. Судя по наблюденіямъ г. Щеглова, всего менѣе нравятся публикѣ народнаго театра драмы изъ „народнаго" быта. И это понятно и естественно: свою, „народную", жизнь рабочій знаетъ лучше всякаго драматурга, и въ видѣ развлеченій преподносить ему въ праздникъ его собственную повседневность, да еще съ самой мрачной ея стороны, просто глупо. Какую ни пристегивай къ этому мораль, изъ этого ничего не выйдетъ, какъ изъ старой, прискучившей прописи. Наоборотъ, примѣры геройства, смѣлой и самоотверженной борьбы со зломъ, дѣйствуютъ на простыхъ людей въ высшей степени благотворно, отражаются на всей публикѣ энергичнѣйшимъ подъемомъ духа и являются, именно, такимъ поученіемъ, какого только можно желать въ театрѣ. Г. Щегловъ настаиваетъ на томъ, что Шекспиръ, Мольеръ и Викторъ Гюго должны непремѣнно занимать подобающее имъ мѣсто въ репертуарѣ народнаго театра, и г. Щегловъ правъ безусловно, говоря, что не бѣда, если произведенія ихъ будутъ разыграны не первоклассными артистами. Достаточно, чтобы не были они изуродованы и загублены отсутствіемъ ансамбля. Въ знаніи ролей и въ ансамблѣ главная суть дѣла и залогъ успѣха передъ зрителями, не набалованными виртуозностью. Очень серьезныя и длинныя замѣчанія дѣлаетъ авторъ антрепренерамъ театровъ относительно постановки пьесъ въ декоративномъ отношеніи и, вообще, съ внѣшней ихъ стороны. „Русскій народъ,— говоритъ авторъ, — менѣе, чѣмъ какой-либо, требователенъ насчетъ обстановки, и развращать его блескомъ и пестротою декорацій — не значитъ ли подрывать дѣло народнаго театра въ самой его сущности?" Извѣстный французскій критикъ Фр. Сарсэ держится того же мнѣнія и крѣпко стоитъ за сценическую простоту стариннаго театра. Авторъ приводитъ, какъ примѣръ, достойный подражанія, упрощенную постановку произведеній Шекспира на мюнхенской сценѣ. Сущность пьесъ

отъ такой простоты ничего не теряетъ, а скорѣе выигрываетъ, и уже во всякомъ случаѣ выигрываютъ зрители тѣмъ, что избавляются отъ длинныхъ антрактовъ. Выигрываютъ антрепренеры, такъ какъ, при дешевизнѣ постановки, могутъ давать большее число новыхъ пьесъ, отъ чего опять-таки въ выигрышѣ останется публика. Нужны ли какія-либо особливыя пьесы для народнаго театра? Г. Щегловъ въ концѣ книжки говоритъ, что для народнаго театра надо разыскивать старыя, забытыя пьесы, сложенныя самимъ народомъ (вродѣ *Кедрилъ-Обжора*, *Царь Максимиліанъ и непокорный сынъ его Адольфъ* и т. под.), которыя сохранились гдѣ-то въ спискахъ и могутъ быть заново передѣланы для сцены. Авторъ находитъ, что эти пьесы, хотя и грубы, но веселы и подходятъ подъ вкусы „народа". Ничего нельзя возразить противъ возобновленія такихъ пьесъ съ тѣмъ, однако, чтобы веселое изъ нихъ было заимствовано, а грубое откинуто. Мы думаемъ, что не слѣдуетъ тѣшить народъ „грубостями". Во всякомъ же случаѣ изъ существующихъ пьесъ, изъ старыхъ, заброшенныхъ большими сценами водевилей и комедій можно составить очень хорошій репертуаръ для народнаго театра, и такихъ пьесъ хватитъ на нѣсколько лѣтъ. Вся задача въ томъ, чтобы распорядители театровъ относились къ дѣлу съ любовью и разумно, не превращали бы народный театръ въ кафе-шантанъ и въ оперетку, не развращали-бы народъ дрянными куплетами, гадкими анекдотцами, неподходящими стихотвореніями и не удручали бы нытьемъ изъ „народнаго быта". Люди, интересующіеся народнымъ театромъ, найдутъ въ книжкѣ г. Щеглова не мало дѣльныхъ и полезныхъ замѣчаній.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

„Tableau oeconomique", *by François Quesnay.*

Tableau œconomique, by François Quesnay. First printed in 1758 and new reproduced in facsimile for the British Economie Association. London and New-York, 1894. Конецъ прошлаго года будетъ отмѣченъ въ исторіи политической экономіи, какъ исключительно счастливое время: въ ноябрѣ вышелъ 3-й томъ *Капитала,* въ декабрѣ британская экономическая ассоціація издала до сего времени затерянную *Экономическую таблицу* Кенэ, эту fons et origo всей физіократической доктрины, а чрезъ нее и всей новѣйшей политической экономіи. Еще въ 1888 году Августъ Онкенъ выразилъ мнѣніе, что нѣтъ уже никакой надежды отыскать ту *Tableau économique, Analyse* которой составляетъ самое важное сочиненіе Кенэ. Въ отвѣтъ на это Alfred Stern, профессоръ исторіи въ Цюрихѣ, высказалъ предположеніе о возможности найти ее въ бумагахъ Мирабо-отца въ Національномъ архивѣ въ Парижѣ. Въ прошломъ году вѣнскому экономисту, члену британской экономической ассоціаціи Стефану Бауэру, посчастливилось дѣйствительно найти тамъ подлинную *Экономическую таблицу* въ изданіи 1758 г. (изданіе это было всего въ 3-хъ экземплярахъ, для личнаго употребленія Кенэ и его знакомыхъ, въ томъ числѣ Мирабо). Facsimile найденнаго экземпляра, съ корректурными помѣтками самого Кенэ, и воспроизведено теперь британскою экономическою ассоціаціей, такъ что это изданіе представляетъ не только научный, но и библіографическій интересъ.

Обычно начинаютъ исторію политической экономіи, въ современ-

номъ смыслѣ этого слова, съ А. Смита или же отодвигаютъ ея начало гораздо далѣе, наприм., къ sir William Petty. Однако, если мы, дѣйствительно, находимъ у Petty и даже болѣе раннихъ экономистовъ зародыши ученій, ставшихъ впослѣдствіи прочнымъ пріобрѣтеніемъ экономической науки, то мы не находимъ у нихъ самаго существеннаго ея признака: общественной точки зрѣнія на все народное хозяйство, стремленія установить закономѣрную связь между производствомъ, обмѣномъ и потребленіемъ. Такая точка зрѣнія впервые проявляется у Франсуа Кенэ и другихъ физіократовъ. Насколько глубоко проникли физіократы въ сущность основныхъ проблеммъ науки о народномъ хозяйствѣ, показываетъ уже то внѣшнее обстоятельство, что весь 2-й томъ *Капитала* (особенно вторая его половина), а также и нѣкоторые отдѣлы перваго, посвящены вопросамъ, поставленнымъ впервые физіократами. Извѣстно также вліяніе, оказанное ими на А. Смита, а чрезъ него и на всю современную экономическую науку. Все это заставляетъ насъ считать именно физіократовъ ея дѣйствительными родоначальниками. Но не только какъ теоретики, физіократы заслуживаютъ изученія и какъ смѣлые новаторы, выступившіе съ совершенно новою и для своего времени радикальною программой практическихъ мѣропріятій. Въ эпоху всепроникающей регламентаціи они провозгласили принципъ: *pas trop gouverner* и *laissez faire, laissez passer*, въ эпоху меркантилистическихъ заблужденій и усиленнаго покровительства промышленному классу они выступили съ положеніемъ: *pauvres paysans, pauvres royaume; pauvre royaume, pouvre roi,* неизмѣннымъ мотто Кенэ; въ эпоху протекціонизма они требовали полной свободы торговли. Поэтому понятенъ тотъ интересъ, который и по сіе время возбуждаетъ въ наукѣ это ученіе и главный его представитель, докторъ Кенэ, сочиненія котораго для остальныхъ физіократовъ представляли своего рода ratio scripta. Извѣстно, что Мирабо значеніе *Экономической таблицы* сопоставлялъ лишь съ значеніемъ изобрѣтенія письма и монеты. Эта *Таблица* только теперь, въ 200-лѣтнюю годовщину со дня рожденія Кенэ, сдѣлалась достояніемъ науки.

Tableau économique, небольшая по объему (всего 18 страницъ), не вноситъ новыхъ дополненій въ физіократическую доктрину, но служитъ цѣннымъ пособіемъ для пониманія *Analyse du T. E.* (впрочемъ, въ Онкеновскомъ изданіи трудности эти были въ значительной степени устранены). Въ основѣ ея лежитъ произвольное и ошибочное предположеніе, что только въ земледѣліи создается чистый доходъ (produit net), на который существуютъ непроизводительный классъ (cl. stérile) и классъ собственниковъ и десятинниковъ (propriétaires et décimateurs), также король и его дворъ. *Таблица* показываетъ, какъ распредѣляется produit net между этими классами, при условіи равновѣсія между производствомъ и потребленіемъ. Если это равновѣсіе нарушается, такъ что dépenses stériles возростаютъ на счетъ dépenses productives, народное богатство приходитъ въ упадокъ, ибо при этомъ не будутъ возстановляться avances, безъ сохраненія которыхъ немыслимо правильное воспроизводство; наоборотъ, если d. productives выше d. stériles, происходитъ накопленіе и расширенное воспроизводство. *Tableau économique* даетъ полную и ясную, хотя совершенно фантастическую картину народнаго производства и потребленія. Отсюда понятны восторгъ и увлеченіе, съ которыми *Tableau économique* была встрѣчена современниками. Если же откинуть произвольное предположеніе, лежащее въ ея основѣ, *Таблица* превращается въ рядъ болѣе или менѣе остроумныхъ мате-

матическихъ выкладокъ. На основаніи столь же проблематическихъ вычисленій въ ней опредѣляется дальше возможное число населенія при цвѣтущемъ состояніи земледѣлія (при этомъ проявляется обычное пристрастіе Кенэ къ крупному фермерству) и сумма народнаго богатства въ рукахъ производительныхъ и непроизводительныхъ классовъ. Въ общемъ получается увлекательная по своей простотѣ и ясности картина. Къ сожалѣнію, мы не можемъ представить эту картину, не приведя подлинной *Таблицы* и цѣлой колонны цифръ, что не позволяетъ намъ размѣръ настоящей замѣтки. Вторая часть брошюры, *Extraits des œconomies royale de Sully,* содержитъ въ себѣ обычныя физіократическіе максимы, не представляющіе интереса по сравненію съ прежними изданіями сочиненій Кенэ: здѣсь изложены воззрѣнія Кенэ на внѣшнюю торговлю, на деньги, на налоги (impôt unique), на народное богатство (telle est valeur, telle est richesse) и т. д.

Въ заключеніе мы должны усиленно рекомендовать вновь открытое сочиненіе Кенэ интересующимся ученіемъ физіократовъ. Хотя *Tableau économique* и не освобождаетъ это ученіе отъ свойственной ему доли нѣсколько мистической темноты, тѣмъ не менѣе, она выясняетъ нѣкоторыя, до сихъ поръ неясныя стороны физіократической доктрины.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Учебникъ науки полицейскаго права". *Проф. И. Т. Тарасова.* — „Наемъ услугъ". *А. М. Гуляева.*—„Договоръ товарищества по римскому гражданскому праву. *П. Е. Соколовскаго.*

Учебникъ науки полицейскаго права. Профессора И. Т. Тарасова. Вып. III. 1895 г. Въ этомъ выпускѣ первая часть посвящена полиціи народнаго образованія, а вторая средствамъ путей сообщенія (почта, телеграфъ, пути сообщенія). Наиболѣе интересными представляются взгляды автора на мѣры, которыми государство должно распространять и поддерживать развитіе умственнаго уровня гражданъ.

Въ настоящее время считается безспорнымъ, что забота о народномъ образованіи составляетъ одну изъ важнѣйшихъ функцій государства, ибо прочность, сила, культурное значеніе и вообще благосостояніе народовъ находятся въ зависимости не отъ одного только накопленія матеріальныхъ благъ, но и богатства духовнаго. Вотъ почему государство съ раннихъ поръ начало вмѣшиваться въ дѣло народнаго образованія, проводить ту или другую систему воспитанія. Однако, авторъ, признавая право государства на такое вмѣшательство, отводитъ значительное мѣсто и дѣятельному участію семьи и общества въ дѣлѣ народнаго образованія. Правительство, по мнѣнію автора, не должно присвоивать себѣ монополіи обученія ни въ высшихъ, ни въ низшихъ школахъ, оно не должно употреблять свое вліяніе на то, чтобы люди учились преимущественно въ его школахъ передъ другими. Исключительность государственнаго вмѣшательства посягаетъ на право родителей въ отношеніи воспитанія, причемъ послѣднее сводится только къ тому, чтобы „содѣйствовать видамъ правительства". Само собою разумѣется, что если число государственныхъ школъ будетъ вполнѣ достаточно для удовлетворенія народныхъ нуждъ и система образованія будетъ подходящей къ современнымъ условіямъ жизни, то вмѣшательство частное исчезнетъ само собой. Въ противномъ случаѣ естественна и понятна общественная самодѣятельность, которой одной спаслась грамотность

допетровской Руси, создавшей массу мелкихъ училищъ, общихъ для всѣхъ сословій, въ то время, какъ государственное вмѣшательство XVIII в. замкнуло дворянство и духовенство въ спеціальныя школы, а народъ оставило безъ какихъ бы то ни было училищъ. Обращаясь къ Западу, мы видимъ, что исключительное вмѣшательство Пруссіи въ дѣло народнаго образованія въ формѣ закона о принудительности его потомъ свелось къ созданію тѣхъ условій, при которыхъ эта обязательность нашла бы дѣйствительное осуществленіе. И, тѣмъ не менѣе, безграмотность въ Пруссіи нерѣдка. Сѣверная Америка, наоборотъ, начала съ созданія тѣхъ условій, при которыхъ обязательность является совершенно излишней, т.-е. созданія образцовыхъ школъ, и нигдѣ грамотность не развита такъ, какъ въ Штатахъ.

Нельзя не сочувствовать и взгляду автора на народную школу, какъ связующее звено между жизнью народа съ ея обыденными житейскими задачами и культурными стремленіями и идеалами этого народа. Но непонятно дальнѣйшее требованіе, чтобы школа была непремѣнно національной и чтобы положительные элементы, обезпечивающіе культурное развитіе народа, входили въ народную школу въ такомъ сочетаніи, которое бы соотвѣтствовало условіямъ жизни народа, его бытовымъ особенностямъ и историческому прошлому. По нашему мнѣнію, любая земская школа удовлетворяетъ этимъ условіямъ въ большей мѣрѣ, нежели всякая другая. Вѣдь, нельзя же брать за образецъ программы школъ XVI — XVIII вѣка, когда сама жизнь была не такъ развита и когда шлола удовлетворяла тогдашнимъ несложнымъ потребностямъ, учили только читать и понимать церковныя книги. Такъ или иначе, но мы ушли далеко отъ идеаловъ тогдашняго времени и современная жизнь предъявляетъ новыя требованія. Съ этимъ, впрочемъ, согласенъ и составитель учебника: церковное образованіе,—говоритъ онъ,—отличается односторонностью и ведетъ къ религіозной нетерпимости, а свѣтское никоимъ образомъ не заслуживаетъ упрека въ распространеніи индифферентизма къ вѣрѣ. Разбивая доводъ противниковъ свѣтскаго образованія, требующихъ въ качествѣ руководителей начальныхъ школъ духовныхъ лицъ, какъ обладающихъ болѣе высокимъ образовательнымъ и умственнымъ уровнемъ, авторъ предлагаетъ дать народу свѣтскихъ учителей, но только болѣе образованныхъ. А вслѣдъ затѣмъ онъ рѣшается, совершенно ошибочно, „безошибочно утверждать, что въ Россіи типъ церковноприходской школы наиболѣе соотвѣтствуетъ общимъ условіямъ жизни русскаго народа“. Еще нѣсколько далѣе авторъ признаетъ, что несоотвѣтственно усиленныя заботы о высшемъ и среднемъ образованіи при сравнительнно слабомъ попеченіи о низшихъ школахъ существенно извращаютъ цѣль и значеніе народнаго образованія, устанавливая неправильное соотвѣтствіе между спросомъ и предложеніемъ умственныхъ силъ, усиливаютъ классовую разницу и обостряютъ соціальную рознь.

Повидимому, отсюда прямой выводъ къ возможно широкому развитію образованности въ народныхъ массахъ, разрушенію преградъ между низшимъ и высшимъ образованіемъ и выработкѣ послѣдняго въ духѣ національномъ, соотвѣтствующемъ культурнымъ задачамъ жизни русскаго народа и его бытовымъ особенностямъ. Но это только повидимому. Проф. Тарасовъ остается защитникомъ классическаго образованія, „въ виду испытаннаго и доказаннаго глубоко-воспитательнаго и образовательнаго значенія классицизма“. Центръ этой системы лежитъ въ изученіи исторіи древней Греціи и Рима, „ибо въ исторіи

классическихъ народовъ все безконечно близко, доступно пониманію подростковъ, все безконечно поучительно". Есть и еще одинъ доводъ, въ силу котораго авторъ не хотѣлъ бы ломки современной системы классицизма. „Совершенно вѣрно,—говоритъ онъ,—что при частыхъ переходахъ отъ одной системы къ другой *становятся безплодными не только денежныя затраты, но всѣ усилія и время*, необходимое для приготовленія учителей; кромѣ того, при перемѣнахъ подобнаго рода является *пора переходная*, пора неустройствъ, *отзывающаяся* впослѣдствіи *самымъ гибельнымъ образомъ* на судьбѣ цѣлыхъ поколѣній". Все это такъ, но какъ связать съ этимъ общественное участіе въ дѣлѣ народнаго образованія, національзацію школъ и послѣдовательность перехода отъ низшаго образованія къ высшему?

Наемъ услугъ. Изслѣдованіе А. М. Гуляева. Юрьевъ, 1893 г.— Договоръ товарищества по римскому гражданскому праву. П. Е. Соколовскаго. Кіевъ, 1893 г. Названныя книжки принадлежатъ горячимъ защитникамъ рецепціи римскаго права для будущаго русскаго гражданскаго уложенія и имѣютъ цѣлью на изученіи отдѣльныхъ договоровъ показать значеніе римскаго права для регулированія современной жизни. Такого рода труды нельзя бы вообще не привѣтствовать, такъ какъ они переносятъ очень важный въ практическомъ отношеніи споръ о роли римскаго права въ современной жизни на конкретную почву, на которой легко оцѣнить пригодность или непригодность римскихъ нормъ, а равно и правильность или неправильность римскихъ теорій, опредѣляющихъ взгляды романистовъ на характеръ самого римскаго права. Работы же нашихъ авторовъ тѣмъ интереснѣе, что они держатся противуположныхъ взглядовъ на этотъ характеръ. Г. Гуляевъ является представителемъ очень стараго, временъ перваго разцвѣта исторической школы права, воззрѣнія на римское право, — воззрѣнія, для котораго трудно уже указать и въ Германіи хотя бы одного представителя. Римское право для него все еще *ratio scripta*, способная вылиться въ строгую и послѣдовательную догму, „implicité, заключающуюся въ рѣшеніяхъ римскихъ юристовъ". Подведеніе современнаго права подъ общіе принципы, заключающіеся въ этихъ рѣшеніяхъ, и составляетъ, по мнѣнію г. Гуляева, задачу современнаго юриста. „Только такимъ путемъ,—говоритъ г. Гуляевъ,—будетъ достигнуто осуществленіе идеала научной кодификаціи, которая будетъ имѣть своимъ девизомъ: „durch das Römische Recht über das Romische Recht" (стр. 246). Огромное большинство современныхъ нѣмецкихъ романистовъ держатся нѣсколько иного, болѣе прогрессивнаго взгляда. Они различаютъ въ римскомъ правѣ два элемента: національный и общій. Отказываясь отъ рецепціи нормъ перваго, они стремятся разрабатывать второй; съ ихъ точки зрѣнія невозможно, поэтому, отыскать цѣльную догму римскаго права. Возможно лишь извлечь изъ него общіе принципы, *общую теорію* гражданскаго права, построеннаго на началахъ, аналогичныхъ римскимъ. Конструируя *общія* юридическія понятія, они думаютъ охватить ими и римское, и современное право и, такимъ образомъ, выйти изъ-подъ непосредственнаго господства чистаго римскаго права, національный элементъ котораго можетъ только тормазить современную жизнь. Нѣ ецкая фраза въ цитатѣ изъ сочиненія г. Гуляева въ устахъ творца этого новаго направленія, Іеринга, имѣла именно указываемый сейчасъ смыслъ и утилизируется г. Гуляевымъ совершенно неправильно для своихъ цѣлей, такъ какъ нельзя выйти изъ римскаго права, подводя подъ его нормы современное право. Г. Соколовскій идетъ еще дальше этого

господствующаго направленія въ Германіи, примыкая, въ сущности, къ рѣшительнымъ противникамъ какого-либо значенія римскаго права для современности по отношенію къ *содержанію* его нормъ. По его мнѣнію, у римскихъ юристовъ, по самому свойству ихъ дѣятельности, нельзя искать общей теоріи; эта дѣятельность „эклектическая“, направленная на компромиссъ, примиреніе стараго права, jus civile, съ новыми преторскими принципами. Отличительную черту творчества римскихъ юристовъ, дѣлающаго его „неподражаемымъ“, составляетъ особая чуткость къ запросамъ современной жизни, ея потребностямъ, независимо отъ всякихъ теорій. Искать у нихъ общихъ теорій или послѣдовательной догмы, съ его точки зрѣнія, значитъ поэтому „прогуливаться по пустому лѣсу съ шестомъ въ зубахъ“ (стр. 248). Тѣмъ не менѣе, и онъ думаетъ, что въ римскомъ правѣ содержатся вѣчно-юная культурная сила, свѣжія и плодотворныя идеи, которыя и въ будущемъ будутъ черпать изъ него законодатели, и что отрицать это могутъ лишь люди односторонніе и незнакомые съ источниками (стр. VII—VIII).

Обратившись къ практическимъ выводамъ нашихъ авторовъ за рѣшеніемъ вопроса, кто же правъ изъ нихъ, и какія свѣжія идеи можно почерпнуть изъ римскаго права для двухъ вѣрнѣйшихъ договоровъ найма и товарищества, читатель, однако, какъ намъ кажется, останется въ большомъ недоумѣніи. Г. Гуляевъ въ видѣ обязательныхъ и для современнаго права нормъ rationis scriptae подноситъ читателямъ ни больше, ни меньше, какъ *рабскую организацію договора личнаго найма*. Основная идея, которую онъ старается доказать въ своей книгѣ, та, что римскіе юристы знали лишь единую конструкцію найма безъ различія ихъ формъ, т.-е. rei (найма имущества), operarum (услугъ) и operis (подряда, предпріятія). Договоръ найма характеризуется у римлянъ, по его словамъ, тремя признаками: консенсуальностью, возмездностью и пользованіемъ, какъ объектомъ договора. Иными словами, договоръ заключается соглашеніемъ и обязываетъ лишь къ тому, на что согласились стороны (консенсуальность); на нанимателя онъ налагаетъ лишь обязанность уплаты денегъ (возмездность), а отнюдь не обязываетъ дифференцировать свое отношеніе къ объекту найма, смотря потому, будетъ ли идти рѣчь о квартирѣ, скотѣ, рабѣ или свободномъ человѣкѣ. „Нанялся—продался“—вотъ послѣднее слово rationis scriptae г. Гуляева. Авторъ совершенно сознательно даетъ такой выводъ: въ историческомъ очеркѣ онъ старается показать, что устанавливаемая имъ „единая конструкція“ произошла какъ разъ отъ того, что объектомъ личнаго найма у римлянъ на первыхъ порахъ были лишь подвластныя лица, personae alieni juris, прежде всего, рабы, не отличавшіеся юридически отъ вещи. И, тѣмъ не менѣе, онъ съ яснымъ взглядомъ защищаетъ эту конструкцію и для современнаго права. Онъ, повидимому, знаетъ также, что исторія стремится къ дифференцированію найма по объектамъ, что въ концѣ римскаго юридическаго развитія находитъ сильное распространіе наемъ благородныхъ услугъ,— услугъ людей не только свободныхъ, но и образованныхъ, которыхъ нельзя уже было уравнивать съ рабами-наемщиками, и что римляне долго не хотѣли распространять на этотъ видъ найма нормъ этого договора и разсматривали наемъ этихъ лицъ, какъ договоръ порученія. Онъ знаетъ и то, что договоръ порученія въ современномъ правѣ слился съ договоромъ личнаго найма. Г. Гуляевъ думаетъ только, что точка зрѣнія римскихъ юристовъ отличается излишнею „аристократичностью“; въ ней онъ также упрекаетъ и составителей „самой выдержанной (въ

римскомъ смыслѣ и потому безусловно идеальной для г. Гуляева) системы современнаго гражданскаго права", — свода мѣстныхъ узаконенiй остзейскихъ, сохранившаго это „аристократическое" дѣленiе найма по объектамъ. Соединенiе договоровъ личнаго найма и порученiя, по мнѣнiю г. Гуляева, не продуктъ возвышенiя *личности* современнаго рабочаго, неразличимаго юридически отъ врача, адвоката, учителя и т. д., а продуктъ приниженiя послѣднихъ до степени римскаго раба-работника, — приниженiя, совершенно для г. Гуляева естественнаго, такъ какъ, съ его точки зрѣнiя, рабская формула найма вѣчна, она дана ratione scripta, римскимъ правомъ, и не только не должна сообразоваться съ ростомъ личности, а, наоборотъ, подчинять послѣднюю себѣ. „По нѣкоторымъ вопросамъ,— говоритъ онъ,— современныя законодательства дѣлаютъ сознательныя отступленiя отъ римскаго права, руководствуясь соображенiями соцiально-политическими, обусловливаемыми особенностями современнаго экономическаго быта; но римское право и въ этихъ случаяхъ, какъ ratio scripta, сохраняетъ свое значенiе, *оставаясь неизмѣннымъ масштабомъ для всѣхъ возможныхъ отступленiй*",—слова тѣмъ болѣе сильныя, что стоятъ на заключительной страницѣ книги. Г. Гуляевъ не желаетъ даже имѣть дѣло съ какими-либо логическими опроверженiями своихъ доводовъ. На всѣ такого рода соображенiя онъ отвѣчаетъ фразой: „Оставивъ шаткую почву „природа вещей", обратимся къ непосредственнымъ показанiямъ источниковъ" (стр. 105).

Если бы читатель ограничился одною книгой г. Гуляева, то онъ, можетъ быть, и былъ бы сраженъ послѣднимъ аргументомъ. Но у г. Соколовскаго онъ найдетъ также построенiя, дѣланныя на твердой, по мнѣнiю г. Гуляева, почвѣ источниковъ, однако, совсѣмъ не согласныя съ воззрѣнiями послѣдняго. Вѣрный своему основному взгляду на характеръ творческой дѣятельности римскихъ юристовъ, авторъ нигдѣ не ищетъ догмы, „implicité, заключающейся въ ихъ рѣшенiяхъ", по мнѣнiю г. Гуляева, а, наоборотъ, постоянно отмѣчаетъ *борьбу мнѣнiй* юристовъ какъ разныхъ эпохъ, такъ и современниковъ, указывая болѣе или менѣе прогрессивныя теченiя въ этихъ мнѣнiяхъ, отыскивая жизненныя или психологическiя ихъ основы. Какими бы недостатками ни отличался анализъ г. Соколовскаго (они обстоятельно отмѣчены г. Гусаковымъ въ *Журн. Мин. Народн. Просв.* 1894 г., № 6), изъ него во всякомъ случаѣ съ несомнѣнностью выступаетъ самый фактъ борьбы и существованiе разнообразныхъ теченiй, препятствующихъ установленiю догмы. А благодаря этому подвергаются сомнѣнiю и всѣ положенiя г. Гуляева, у котораго, къ тому же, недостатковъ анализа отнюдь не меньше (что также показано въ очень солидной рецензiи г. Гримма въ *Журн. Мин. Народн. Просв.* за iюль 1894 г.). Г. Соколовскiй и самъ, отмѣчая эту борьбу, рѣшительно отказывается догматизировать для современнаго права многiя отжившiя нормы римскаго права. Показавъ зависимость взглядовъ на взаимную отвѣтственность товарищей отъ стараго современнаго римскаго права, г. Соколовскiй спрашиваетъ: „могутъ ли воззрѣнiя римскихъ юристовъ на такую отвѣтственность служить руководящимъ принципомъ и для современныхъ юристовъ?" И отвѣчаетъ энергично: „ни подъ какимъ видомъ" (стр. 250). И такъ, не все въ ratio scripta годно для современной жизни, и читатель волей-неволей долженъ усомниться въ правильности выводовъ г. Гуляева относительно „единой конструкцiи" личнаго найма, какъ бы авторитетно и безъапелляцiонно ни высказывалъ онъ ихъ. Слѣдя, однако, дальше

за выводами и самого г. Соколовскаго, читатель опять и у него не получитъ должнаго разъясненія того, какія же нормы римскаго договора товарищества годны для современнаго права, — въ какихъ изъ нихъ вѣчно-юная культурная сила, свѣжія идеи. Мы тщательно искали въ книгѣ такихъ идей, но нашли только исключительно указанія г. Соколовскаго на то, что римскіе юристы или не дошли до нормъ современнаго права, или „дошли бы“ до нихъ, если бы жили въ наше время. Одинъ примѣръ непригодности римскаго права, указанный самимъ г. Соколовскимъ, былъ уже сейчасъ приведенъ нами. Другой относится къ вопросу объ обособленіи оборотнаго капитала торговаго товарищества отъ имущества самихъ товарищей, котораго не допускали римскіе юристы и которое очень послѣдовательно установлено дѣйствующимъ германскимъ торговымъ уложеніемъ. По отношенію къ этому вопросу г. Соколовскій, не приводя доказательствъ за исключеніемъ одного „намека“, увѣряетъ читателей, что „не подлежитъ сомнѣнію, что римское право въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи дошло бы до такихъ положеній, такъ какъ постановленія германскаго уложенія вполнѣ соотвѣтствуютъ обширному коммерческому обороту“ (стр. 214). Отчего же оно не дошло, однако, спроситъ читатель, и почему то, до чего не дошло римское право, *римская* вѣчно-юная идея? Въ остальныхъ случаяхъ отмѣчаемой г. Соколовскимъ примѣнимости или непримѣнимости нормъ римскаго права къ современной жизни онъ также не указываетъ свѣжести его идей, а, наоборотъ, подчеркиваетъ ихъ негодность для современнаго гражданскаго быта. Такъ, и онъ упрекаетъ „самую выдержанную систему гражданскаго права“, остзейскій сводъ, за излишнюю романизацію въ случаѣ недопущенія зачета при отвѣтственности нанесенныхъ товарищами убытковъ и доставленныхъ ими выгодъ (стр. 259), а также и за установленіе правила, „вызваннаго лишь слѣпымъ подражаніемъ древнѣйшимъ римскимъ ученіямъ“ и требующаго обязательнаго прекращенія товарищества въ случаѣ смерти одного изъ участниковъ. Новѣйшихъ ученій римскихъ юристовъ, гдѣ бы этого требованія не было, г. Соколовскій, однако, не приводитъ и ссылается только на современныя законодательства, отступаетъ отъ этого правила (стр. 289—290). Читатель снова въ недоумѣніи, дошло бы или нѣтъ римское право до современныхъ нормъ, и слѣдуетъ ли и здѣсь видѣть вѣчно-юную римскую идею? Наконецъ, еще по одному спеціальному вопросу, въ которомъ можетъ идти рѣчь о приложимости нормъ римскаго права, г. Соколовскій также высказывается въ томъ смыслѣ, что проведеніе аналогіи между современнымъ и римскимъ ученіемъ и въ немъ „не основательно“ (стр. 182). Другихъ примѣровъ связи современнаго и римскаго права мы у него не нашли.

И такъ, съ точки зрѣнія г. Гуляева, мы слишкомъ ушли впередъ отъ ratio scripta. Поэтому онъ зоветъ „über das Römische Recht“, но не „hinaus“, какъ думалъ Іерингъ (послѣднее слово и вычеркнуто предусмотрительно г. Гуляевымъ изъ его цитаты), а zurück — чуть не въ римское сакрально-цивильное право. А г. Соколовскій находитъ, что само римское право „не дошло“ и ищетъ его свѣжихъ идей въ новыхъ законодательствахъ, до постановленій которыхъ, по его мнѣнію, дошли бы и римскіе юристы.

Признаемся, мы въ первый разъ встрѣчаемъ такую странную апологію римскаго права, хотя знаемъ и не менѣе горячія. Мы не можемъ также догадаться и объ ея источникѣ, такъ какъ и въ Германіи, какъ мы упомянули, съ одной стороны, никто не держится

уже мнѣнія о такомъ безусловномъ господствѣ римскаго права, какого держится г. Гуляевъ, а съ другой—никто, раздѣляющій взгляды г. Соколовскаго на характеръ творчества римскихъ юристовъ *), не ищетъ у нихъ уже и вѣчно-юныхъ идей, а лишь рекомендуетъ вниманію современныхъ юристовъ ихъ жизненную чуткость и методъ ихъ „казуальнаго творчества". Если эта отсталость г. Гуляева и непослѣдовательность г. Соколовскаго—ихъ оригинальность, то по отношенію къ г. Гуляеву эта оригинальность дѣйствительно такова, что можетъ быть уподоблена „прогулкѣ по густому лѣсу съ шестомъ въ зубахъ", но и для г. Соколовскаго можно пріискать сравненіе: намъ кажется, что онъ ѣдетъ на конѣ по лѣстницѣ, рискуя сломать шею и себѣ, и коню, когда хочетъ достигнуть отъ невысказаннаго римскими юристами того, до чего они только „дошли бы". Во всякомъ случаѣ мы должны отмѣтить, что въ русской литературѣ работы по римскому праву съ такою послѣдовательностью мысли являются новостью. До сихъ поръ мы имѣли хорошія и плохія, но обычныя по пріемамъ и разныя лишь по талантамъ авторовъ работы (гг. Дювернуа, Дорна, Азаревича и др.), или очень оригинальныя, но послѣдовательныя по мысли (гг. Муромцева, Боголѣпова и др.). Гг. Соколовскій и Гуляевъ пытаются открыть, повидимому, новую эру, результатовъ которой придется ждать отъ слѣдующихъ трудовъ этихъ авторовъ, а пока эти результаты таковы, какими мы ихъ отмѣтили.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

„Сельско-хозяйственная экономія". *А. Н. Шишкина.* — „Отчетъ по лѣсному управленію за 1893 г.".— „Воронежская губернія въ сельско-хозяйственномъ отношеніи". *В. А. Бекетова.*—„Курская губернія въ сельско-хозяйственномъ отношеніи". *Н. А. Чуйкова.*

Сельско-хозяйственная экономія. А. Н. Шишкина, бывшаго профессора Петровской академіи. Введеніе и часть I-я, общая. Спб., 1894 г. Изд. Девріена. Цѣна 1 р. 25 к. Петровская академія еще долго будетъ реализовать въ русской литературѣ свое духовное наслѣдство: къ случаямъ такой реализаціи относится первый выпускъ учебника, написаннаго первымъ (по времени окончанія курса) кандидатомъ академіи, впослѣдствіи ея профессоромъ А. Н. Шишкинымъ.

Введеніе заключаетъ въ себѣ сжатый очеркъ основъ политической экономіи (ученія о производствѣ, обмѣнѣ, распредѣленіи и потребленіи). Въ первой части собственно *сельско-хозяйственной экономіи* разсматриваются условія сельско-хозяйственнаго производства: земля, капиталъ, трудъ и продуктъ. Отнесеніе продукта, являющагося результатомъ производства, къ „условіямъ" слѣдовало бы снабдить нѣкоторымъ разъясненіемъ, изъ котораго можно было бы видѣть (это, впрочемъ, видно и изъ содержанія отдѣла), что авторъ разумѣетъ подъ четвертымъ условіемъ не самый продуктъ, а сбытъ продуктовъ **). Заслуживаетъ вниманія отдѣльное разсмотрѣніе земельныхъ условій, игнорируемое многими нѣмецки-

---

*) Такіе взгляды на римское право въ русской литературѣ съ огромнымъ талантомъ и послѣдовательностью развиты С. А. Муромцевымъ въ его *Гражданскомъ правѣ древняго Рима.*

**) Краффтъ въ своемъ учебникѣ дѣлитъ условія хозяйственнаго предпріятія на двѣ крупныя группы: средства производства и условія сбыта.

ми учебниками, которые, не стѣсняясь, причисляютъ землю къ составнымъ частямъ сельско-хозяйственнаго капитала.

Подобно извѣстнымъ курсамъ Рошера, учебникъ профессора Шишкина изложенъ въ видѣ сжатыхъ догматическихъ параграфовъ, снабженныхъ обширными примѣчаніями; интересное содержаніе этихъ примѣчаній въ значительной мѣрѣ заимствовано изъ русской хозяйственной жизни, и уже вслѣдствіе этого учебникъ вполнѣ заслуживаетъ названія *русскаго* учебника, къ чему стремился и авторъ, какъ видно изъ предисловія.

Можно не соглашаться съ нѣкоторыми экономическими воззрѣніями автора, но нельзя отказать ему въ послѣдовательности и ясности изложенія; хотя авторъ ждетъ читателей, „усвоившихъ значеніе сельско-хозяйственной техники", но книга написана настолько общедоступно, что эти предварительныя знанія могутъ ограничиваться минимальными размѣрами. Въ слѣдующей части обѣщается изложеніе *организаціи хозяйства въ имѣніяхъ*; слово „имѣніе" заставляетъ опасаться, какъ бы авторъ не ограничился только организаціей частновладѣльческихъ хозяйствъ; такое ограниченіе могло бы повредить учебнику, который желаетъ быть „русскимъ",

Изъ опечатокъ позволимъ себѣ упомянуть многократно повторяемое слово „мелліораціи" (стр. 184—186). По цѣнѣ своей книга (вмѣщающая около 25 печатныхъ листовъ) должна быть названа очень дешевою; этимъ обстоятествомъ еще болѣе укрѣпляется увѣренность въ широкомъ распространеніи учебника, составленнаго А. Н. Шишкинымъ по порученію департамента земледѣлія.

Отчетъ по лѣсному управленію за 1893 г. Спб., 1894 г. Одиннадцать процентовъ территоріи Россійской имперіи заняты лѣсами, состоящими въ вѣдѣніи казеннаго лѣсного управленія, а для 60 губерній Европейской Россіи (съ 10 польскими) процентъ этотъ доходитъ до 25. Конечно, для оцѣнки успѣховъ народнаго хозяйства не можетъ не представлять интереса справка, относящаяся къ цѣлой четверти общей площади 60 губерній. Такую справку въ весьма обстоятельной формѣ даетъ новый отчетъ лѣсного департамента, составленный, подобно своимъ предшественникамъ, изъ весьма разнообразнаго содержанія. Общія рубрики отчета: составъ лѣсныхъ имуществъ, организація управленія, хозяйственное устройство дачъ, охраненіе лѣсовъ и размежеваніе дачъ, эксплуатація имуществъ, доходы и расходы. Кромѣ 20 погубернскихъ вѣдомостей, въ приложеніи помѣщены нѣкоторыя данныя о лѣсохранительномъ управленіи и о надзорѣ за дачами, заложенными въ дворянскомъ банкѣ.

Слѣдуетъ пожелать, чтобы главное управленіе удѣловъ послѣдовало, наконецъ, примѣру лѣсного департамента въ публикаціи отчетовъ или, по крайней мѣрѣ, хотя доставляло бы департаменту свѣдѣнія о хорошо устроенныхъ удѣльныхъ лѣсахъ.

Воронежская губернія въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Отчетъ В. А. Бекетова.—Курская губернія въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Отчетъ Н. А. Чуйкова. М., 1894 г. Изд. москов. общ. сельск. хоз. Лѣтомъ 1893 года Императорское московское общество сельскаго хозяйства командировало двухъ агрономовъ для изслѣдованія пріемовъ хозяйства въ частныхъ имѣніяхъ по двумъ губерніямъ, Воронежской и Курской. Отчеты о командировкѣ, представленные этими лицами, получили почему-то совершенно неподходящее заглавіе, претендующее на полную характеристику губерніи въ сель-

ско-хозяйственномъ отношеніи, между тѣмъ какъ нарочно для изслѣдованія выбраны были двѣ среднерусскія губерніи, обладающія наибольшими процентами крестьянской надѣльной земли (Воронежская губ. 68%, Курская 63%). Изслѣдователи отнеслись къ своей работѣ весьма добросовѣстно, хорошо понимая разницу между обязательными для нихъ выборочными наблюденіями и непосильнымъ для средствъ московскаго общества массовымъ наблюденіемъ.

В. А. Бекетовъ описалъ хозяйства изъ шести уѣздовъ Воронежской губерніи, Н. А. Чуйковъ—изъ пяти уѣздовъ Курской губерніи. Въ массѣ хозяйствъ Воронежской губерніи настоящими руководителями оказываются не владѣльцы, а прикащики; по этому поводу составитель отчета (стр. 123) напоминаетъ, не умаляя значенія опытности для веденія сельскаго хозяйства, что главная задача этихъ руководителей—удачно справляться съ условіями купли-продажи, найма-разсчета—имѣетъ мало общаго съ умѣньемъ оріентироваться въ техническихъ условіяхъ хозяйства.

Землевладѣлецъ Курской губерніи, „живя настоящимъ, нисколько не смотрѣлъ впередъ и, стремясь къ извлеченію большихъ доходовъ, въ концѣ-концовъ, уменьшилъ доходность земли" (стр. 99). Впрочемъ, въ техникѣ хозяйства Курской губерніи за 10 лѣтъ произошли замѣтныя измѣненія, выражающіяся особенно въ распространеніи удобренія.

Оба отчета изобилуютъ цѣнными матеріалами, полученными въ имѣніяхъ, и являются важнымъ пособіемъ для ознакомленія съ современнымъ положеніемъ частнаго хозяйства въ средней Россіи.

ТЕХНИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Краткое руководство кузнечнаго дѣла, составленное для лицъ, начинающихъ работать, а также воспитанниковъ техническихъ и ремесленныхъ училищъ". *М. А. Нетыкса.* — „Краткое руководство слесарнаго дѣла, составленное для лицъ, начинающихъ работать". *Его же.* — „Нѣмецко-русскій техническій словарь". *А. И. Коренблита.*—„Амбаръ и рига". *К. Никитина.*

Краткое руководство кузнечнаго дѣла, составленое для лицъ, начинающихъ работать, а также воспитанниковъ техническихъ и ремесленныхъ школъ. М. А. Нетыкса. Съ 233 политип. въ текстѣ. 1894 г. Ц. 1 р. 75 к. Прекрасно изданная книжка г. Нетыкса по кузнечному дѣлу въ сжатомъ и ясномъ изложеніи заключаетъ въ себѣ почти всѣ необходимыя свѣдѣнія. Подобнаго руководства на русскомъ языкѣ у насъ до сихъ поръ не было, а потому это полезное изданіе восполняетъ одинъ изъ весьма существенныхъ пробѣловъ въ нашей учебно-технической литературѣ. Книжка г. Нетыкса составитъ хорошее пособіе для техническихъ и ремесленныхъ училищъ. Къ недостаткамъ этого труда нужно отнести почти полное отсутствіе теоретическихъ свѣдѣній о желѣзѣ, о рудахъ, о топливѣ и пр. Говоря о желѣзныхъ рудахъ, надлежало бы указать ихъ химическій составъ, что въ значительной степени уяснило бы ихъ различіе. На стр. 68 читаемъ, что „древесная зола содержитъ небольшое количество *кислорода* (тоже газъ безцвѣтный и безъ запаха), но этотъ газъ не горючъ и потому на него можно не обращать вниманія". Какъ надо понимать эти строки — мы недоумѣваемъ. О какомъ кислородѣ идетъ рѣчь — о связанномъ или свободномъ? И въ томъ, и въ другомъ случаѣ выходитъ не совсѣмъ ясно. Не совсѣмъ точны также приведенныя на стр. 69 цифры теплового эффекта углерода и водорода.

Краткое руководство слесарнаго дѣла, составленное для лицъ, начинающихъ работать. М. А. Нетыкса. Съ 255 политипажами въ текстѣ. 1894 г. Цѣна 1 р. 60 к. Въ послѣднее время много говорятъ о воспитательномъ значенiи ручного труда. Требованiе на книги, въ которыхъ общедоступно излагались бы прiемы того или другого ремесла, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе возростаетъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, все сильнѣе и сильнѣе ощущается недостакъ подходящихъ руководствъ.

Авторъ задался цѣлью восполнить этотъ пробѣлъ изданiемъ цѣлой серiи руководствъ по ремесламъ и уже успѣлъ напечатать нѣсколько такихъ книжекъ. Въ эту серiю вошло и слесарное дѣло. Изложено оно популярно и довольно толково, хотя слѣдуетъ замѣтить, что авторъ напрасно уклоняется отъ научныхъ объясненiй. Говоря, напримѣръ, о металлахъ, употребляемыхъ въ слесарномъ дѣлѣ, онъ не даетъ о нихъ правильнаго понятiя, а ограничивается ихъ названiемъ и бѣглымъ обзоромъ ихъ свойства. Популярное изложенiе заключается не въ томъ, чтобы обходить научныя понятiя, а въ томъ, чтобы передавать ихъ въ легкой, удобоусвояемой формѣ. Практическая часть составлена очень хорошо. Книжка издана изящно и снабжена прекрасно исполненными рисунками. Въ изложенiи встрѣчаются мѣстами неудачные обороты и стилистическiя шероховатости. Объ этомъ приходится пожалѣть въ виду многочисленныхъ юныхъ читателей, на которыхъ могутъ разсчитывать подобнаго рода популярныя руководства.

Нѣмецко-русскiй техническiй словарь. Составилъ инженеръ-технологъ А. И. Коренблитъ. Изданiе К. К. Банза. Москва, 1894 г. Словарь выходитъ выпусками въ 4 печатныхъ листа ежемѣсячно, цѣною 40 коп. (съ пересылкою 50 коп.). Всѣхъ выпусковъ предполагается 40 (8 томовъ). *Словарь* доведенъ уже до XIX выпуска, оканчивающагося словомъ Luft. Изданiе ведется аккуратно и, вѣроятно, въ недалекомъ будущемъ будетъ закончено. По поводу послѣднихъ выпусковъ можно сдѣлать составителю тотъ же упрекъ, какой былъ ему сдѣланъ относительно первыхъ выпусковъ. Онъ увеличиваетъ объемъ словаря и затягиваетъ самое изданiе излишнею пунктуальностью въ переводѣ само собою понятныхъ сложныхъ производныхъ словъ. Если, наприм., встрѣтилось слово Kupfer, то начинаются безконечные варiанты по производству различныхъ солей, причемъ къ слову Kupferoxid, наприм., прибавляются названiя соотвѣтствующихъ кислотъ. То же съ словомъ Kobalt. Длинный перечень значенiй и производныхъ словъ отъ Kolbe, Kolben. Все это слѣдовало бы сократить, сжать. Нужно, все-таки, замѣтить, что лишнихъ словъ въ словарѣ г. Коренблита теперь значительно меньше, чѣмъ было прежде. Кромѣ того, замѣтна болѣе внимательная редакцiя перевода. Вообще изданiе улучшается и можно, кажется, надѣяться, что составитель успѣшно выполнитъ принятую на себя задачу.

Амбаръ и рига. Замѣтки изъ сельско-хозяйственной строительной практики. К Никитина. Съ 2 таблицами чертежей. С.-Петербургъ. Ц. 50 к. Цѣль автора—подѣлиться съ сельскими хозяевами нѣкоторыми наблюденiями и своимъ личнымъ опытомъ по вопросу о сельско-хозяйственныхъ постройкахъ. Описанiе возведенныхъ имъ у себя въ имѣнiи зданiй было напечатано еще въ 1885 г. въ журналѣ *Сельскаго Хозяйства и Лѣсоводства*, а теперь нѣсколько дополненное выходитъ отдѣльнымъ изданiемъ.

Въ имѣющихся на русскомъ языкѣ руководствахъ по сельско хо-

зяйственной архитектурѣ, въ большинствѣ случаевъ, приводятся образцы построекъ, принятыхъ въ западно-европейскихъ хозяйствахъ. Но образцы эти у насъ, благодаря своеобразнымъ мѣстнымъ условiямъ, мало примѣнимы.

Предлагая русскимъ сельскимъ хозяевамъ практическiя, удобоисполнимыя указанiя по сооруженiю сельско-хозяйственныхъ построекъ, авторъ, въ то же время, дѣлаетъ критическую оцѣнку способовъ и предостерегаетъ, такимъ образомъ, отъ возможныхъ ошибокъ. Это не руководство, не монографiя, это только замѣтки изъ практики русскаго помѣщика, но замѣтки весьма дѣльныя, написанныя толково и съ знанiемъ дѣла. Наши сельскiе хозяева прочтутъ ихъ съ интересомъ и съ пользою, тѣмъ болѣе, что русская литература по этому вопросу очень бѣдна.

УЧЕБНИКИ.

„Практическiе курсы русскаго правописанiя". *И. М. Сирота.* — „Курсъ русскаго правописанiя для начальныхъ народныхъ училищъ и школъ". *В. Ислентьева.*—„Сборникъ образцовъ систематическихъ диктовокъ по *Курсу русскаго правописанiя* и примѣрныя письменныя упражненiя въ пересказѣ статей". *Его же.*

Практическiе курсы русскаго правописанiя. Концентрическiй сборникъ образцовъ для систематическаго диктанта, состоящiй изъ трехъ частей. Составилъ И. М. Сиротъ. Часть первая. Курсъ приготовительный (первый и второй годъ обученiя). Одесса, 1894 г. Цѣна 40 к. Г. Сиротъ начинаетъ свое предисловiе съ указанiя на общеизвѣстность того факта, что какъ изъ элементарной, такъ и общеобразовательной школы знанiя по правописанiю родного языка выносятся крайне неудовлетворительныя. Главную причину этого факта онъ видитъ въ отсутствiи всякаго руководящаго плана и опредѣленной системы при обученiи правописанiю и, чтобы поправить дѣло, предлагаетъ свои мѣры. Ему кажется неправильною такая постановка обученiя правописанiю, при которой это послѣднее совмѣщается съ прохожденiемъ грамматики, т.-е. начинается съ третьяго года. До этого времени, какъ думаетъ онъ, дѣтей нельзя оставлять, безъ вреда для правописанiя, въ незнанiи первоначальныхъ его правилъ, тѣмъ болѣе, что дѣтская память, на которой и основано, по мнѣнiю г. Сирота, большинство этихъ правилъ, въ первые годы обученiя, не будучи загромождена еще множествомъ учебнаго матерiала, находится въ наибольшей свѣжести, и такимъ условiемъ необходимо воспользоваться. Г. Сиротъ сознаетъ, что безъ грамматики обходиться трудно, какъ трудно не помѣщать въ дающихся примѣрахъ такихъ словъ, правописанiе которыхъ еще не было пройдено, и, все-таки, очень настаиваетъ на разнообразныхъ ороографическихъ упражненiяхъ до грамматики. Но вотъ два года прошли, наступаетъ пора прохожденiя грамматики, въ это время правописанiе должно идти рука объ руку съ грамматикой, но и то и другое должно изучаться не иначе, какъ концентрически и съ крайнею осторожностью и послѣдовательностью. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнiя г. Сирота, школа наша нуждается въ сборникѣ ороографическихъ упражненiй, построенномъ строго концентрически и систематически, и онъ самъ составляетъ образецъ такого сборника, причемъ этотъ послѣднiй распадается у него на три части, изъ которыхъ пока передъ нами часть первая или курсъ приготовительный.

Нельзя не замѣтить, что намѣреніе у г. Сирота вполнѣ доброе. Посмотримъ же, соотвѣтствуетъ ли намѣренію его выполненіе. Въ приготовительномъ курсѣ *Концентрическаго сборника* мы находимъ диктанты на фонетическій и этимологическій составъ словъ. Концентрація здѣсь соблюдена, соблюденъ и переходъ отъ легкаго къ болѣе трудному, фразы, въ большинствѣ случаевъ, составлены со смысломъ, и грамматика въ общераспространенномъ значеніи слова, а стало быть и всякая отвлеченность, отсутствуетъ. Все это хорошо, но нехорошо то, что правила г. Сирота, замѣняющія собою грамматическія, временами или страдаютъ искусственностью, или невѣрно выражены, и при помощи ихъ мудрено добиться поставленной цѣли. Просто ли, напримѣръ, слѣдующее правило: „на ъ послѣ шипящихъ оканчиваются слова, при которыхъ можно поставить вопросъ: какихъ?" (стр. 41). Съ другой стороны, какъ учащійся будетъ писать слова „шкафъ", „верфь" и друг., когда прочтетъ, что въ концѣ слова „*в* произносится, какъ *ф*"? (стр. 62). Непонятнымъ намъ кажется и то, что г. Сиротъ къ своимъ правиламъ прилагаетъ диктанты, а не другія какія-нибудь упражненія, которыя имѣли бы въ виду зрѣніе; въ этомъ случаѣ невольно вспоминается одно мѣсто его „пояснительной записки", гдѣ, говоря о необходимости выработки въ учащихся навыковъ зрѣнія и слуха, зрѣніе онъ называетъ раньше (стр. 13).

Совершенно отдѣльно нужно отмѣтить слѣдующія двѣ особенности взглядовъ г. Сирота. Какъ это ни неожиданно, поэзію онъ противуполагаетъ, повидимому, описанію и повѣствованію, такъ какъ дѣлитъ свою „небольшую ороографическую хрестоматію", дополняющую приготовительный курсъ *Концентрическаго учебника*, на части *повѣствовательную*, *описательную* и *поэтическую*, а „наиболѣе необходимыми" знаками препинанія для приготовительнаго курса считаетъ всѣ, кромѣ скобокъ и ковычекъ (стр. 19). Странно, неужели г. Сиротъ не знаетъ поэтическихъ повѣствованій и описаній, и неужели, по его мнѣнію, для учащихся приготовительнаго курса знаніе многоточія и тире такъ же важно, какъ умѣнье разставлять запятыя?

Курсъ русскаго правописанія для начальныхъ народныхъ училищъ и школъ. Составилъ Владиславъ Ислентьевъ. Сборникъ образцовъ систематическихъ диктовокъ къ „Курсу русскаго правописанія для начальныхъ народныхъ училищъ и школъ" и примѣрныя письменныя упражненія въ пересказѣ статей по вопросамъ и планамъ, помѣщеннымъ въ той же книгѣ. Составилъ Владиславъ Ислентьевъ. Изданіе I-й книги третье и II-й первое. Казань, 1893 и 1894 гг. Цѣна 50 коп. + 35 коп.

Обѣ книжки, заглавія которыхъ только что выписаны, заслуживаютъ полнаго вниманія народныхъ училищъ и школъ. Правда, разныя части этихъ книжекъ отличаются разными достоинствами, но въ *Курсѣ русскаго правописанія* много хорошаго матеріала „для самостоятельныхъ ученическихъ упражненій по русскому языку и ороографіи", а *Сборникъ образцовъ систематическихъ диктовокъ* представляетъ собою довольно полезное пособіе для народныхъ учителей и учительницъ. По нашему мнѣнію, болѣе всего г. Ислентьеву удался новый иллюстрированный отдѣлъ, впервые присоединенный къ 3-му изданію его *Курса* и заключающій въ себѣ „первоначальныя письменныя упражненія". Мало того, что упражненія эти составлены очень разнообразно и интересно, въ нихъ соблюдена строгая послѣдовательность и постепенность, и если даже группы словъ, на которыя подраз-

ляется названный отдѣлъ, „напоминаютъ собой,—что сознаетъ и самъ г. Ислентьевъ,—классификацiи предметовъ, помѣщенныя въ *Родномъ Словѣ* Ушинскаго, *Нашемъ другѣ* бар. Корфа и въ другихъ книгахъ для класснаго чтенiя, то, во всякомъ случаѣ, такая группировка предметовъ для прiученiя дѣтей къ осмысленному списыванiю встрѣчается въ *Курсѣ русскаго правописанiя* чуть ли не въ первый разъ. Что касается 2-й части 1-й книжки г. Ислентьева или „задачъ по правописанiю", то нѣкоторыя изъ нихъ нельзя назвать цѣлесообразными. Такова, напримѣръ, задача, въ которой предлагается учащимся переписать правильно слова, напечатанныя неправильно (стр. 36); таковы же письменныя склоненiя хотя бы именъ существительныхъ (стр. 51), которыя производятся обыкновенно совершенно механично; точно также не совсѣмъ понятно, зачѣмъ понадобилось г. Ислентьеву помѣщать „рукописныя буквы русской азбуки" въ самомъ концѣ его *Курса*. Относительно „стилистическихъ упражненiй", которыя ведутся въ *Курсѣ русскаго правописанiя* параллельно съ исполненiемъ орѳографическихъ и грамматическихъ задачъ, слѣдуетъ отозваться не иначе, какъ съ одобренiемъ. Они начинаются съ писанiя отдѣльныхъ отвѣтовъ на послѣдовательно предложенные ряды вопросовъ по поводу прочитанныхъ и объясненныхъ въ классѣ статей, текстъ которыхъ находится передъ глазами учащихся: самые вопросы составлены такъ, что ученику остается, воспользовавшись словами, входящими въ вопросъ, выбрать изъ статьи или прибавить отъ себя всего два-три слова; но постепенно, шагъ за шагомъ, упражненiя въ изложенiи прочитаннаго усложняются, въ составъ ихъ вводится перестановка частей или иная ихъ группировка, для руководства учащимся даются вопросы и планы уже безъ текста статей и проч. Всѣ подобныя упражненiя, конечно, приведутъ къ цѣли, и дѣти выработаютъ въ себѣ умѣнье толково и послѣдовательно излагать не только прочитанное и услышанное, но и собственныя мысли.

Къ сказанному относительно книжекъ г. Ислентьева остается прибавить, что взглядъ его на „всякiя теоретическiя объясненiя и опредѣленiя", какъ на нѣчто такое, что непонятно для дѣтей и „можетъ повести къ сбивчивости" (стр. 26 *Сборника*), представляется намъ совершенно правильнымъ.

ИЗДАНIЯ ДЛЯ НАРОДА.

Изданiя московскаго комитета грамотности.

Избранныя стихотворенiя И. С. Никитина. Ц. 10 к. Избранныя стихотворенiя А. В. Кольцова. Ц. 6 к. Избранныя стихотворенiя Вас. И. Немировича-Данченка. Ц. 3 к. Избранныя стихотворенiя А. Н. Плещеева. Ц. 7 к. Шевченка: Работница. Ц. 3 к. И. Козловъ: Наталья Долгорукая. Поэма. Ц. 4 к. Н. Виноградовъ: Что такое заразная болѣзнь и какъ себя отъ нея предохранить. Ц. 2 к. П. Мамаевъ: Полезныя и вредныя для человѣка животныя. I. Хомякъ, ласка, ежъ и кротъ. Ц. 6 к. „Ежегодникъ". Обзоръ книгъ для народнаго чтенiя за 1893 г. Ц. 50 к. За послѣднiе два-три года издательская дѣятельность московскаго комитета грамотности замѣтно оживилась. Еще недавно о таковой его дѣятельности не было даже и слышно,—такъ она шла вяло и неопредѣленно. Въ послѣднее же время появился цѣлый рядъ изданiй московскаго комитета, несо-

мнѣнно привлекающихъ къ себѣ вниманіе всѣхъ тѣхъ, кто интересуется успѣхами народной литературы. Правда, издательская дѣятельность этого комитета значительно уступаетъ и въ энергіи, и въ опредѣленности таковой же дѣятельности комитета петербургскаго, тѣмъ не менѣе, вполнѣ очевидно, что комитетъ въ данномъ отношеніи стоитъ на вѣрномъ пути и, если не помѣшаютъ ему никакія искусственныя обстоятельства, пойдетъ и впредь по этому пути въ томъ же направленіи и съ возростающею энергіей. Изданія московскаго комитета грамотности, недавно появившіяся, относятся къ двумъ отдѣламъ — беллетристическому и научно-популярному; въ этомъ отношеніи московскій комитетъ имѣетъ преимущество предъ петербургскимъ, который за последнее время, послѣ 1893 г., не издалъ ни одной научно-популярной книжки. Преобладаютъ, впрочемъ, и здѣсь изданія беллетристическія, выбирая которыя, московскій комитетъ слѣдуетъ традиціямъ петербургскаго. Онъ не создаетъ „особой беллетристики для народа", а избираетъ нѣкоторыя произведенія различныхъ русскихъ авторовъ, выдающихся въ томъ или иномъ отношеніи, и издаетъ ихъ по доступной для народа цѣнѣ. Такимъ образомъ, за послѣдніе два года московскимъ комитетомъ изданъ цѣлый рядъ книжекъ, заключающихъ избранныя стихотворенія Лермонтова, Кольцова, Плещеева, Вас. И. Немировича-Данченка, Никитина, поэму Козлова (*Наталья Долгорукая*) и поэму Шевченка (*Работница*), послѣднюю въ переводѣ А. Н. Плещеева. Horribile dictu, стихотворенія Никитина въ такомъ дешевомъ изданіи появляются для народа въ первый разъ. То же можно сказать и о стихотвореніяхъ Вас. Немировича-Данченка, умѣющаго писать иной разъ весьма сильные и красиво-выразительные стихи, которые извѣстны гораздо меньше его разсказовъ и романовъ. Что касается того, насколько умѣло сдѣланъ выборъ стихотвореній этихъ авторовъ для дешевыхъ изданій комитета, то въ этомъ отношеніи нельзя не пожелать кое-чего большаго. Нѣкоторые стихи выбраны положительно неудачно и, несмотря на всю свою музыкальность и поэтическое чувство, врядъ ли не будутъ звучать въ ушахъ читателей изъ народа чѣмъ-то такимъ, что не совсѣмъ соотвѣтствуетъ окружающей его дѣйствительности. Совершенно неумѣстны, по нашему мнѣнію, въ народной книжкѣ и слащаво-патріотическіе возгласы автора противъ татаръ, литвы, „темной тучи съ Запада" и пр. Эти возгласы, умѣстные, быть можетъ, въ эпоху севастопольской войны, совершенно неумѣстны теперь, когда патріотическое чувство народа должно находить поддержку не въ воинственныхъ воспоминаніяхъ о минувшихъ кровопролитіяхъ, а въ единодушномъ стремленіи внести возможно больше истины и справедливости въ межчеловѣческія отношенія народовъ разныхъ странъ и въ отношенія различныхъ общественныхъ группъ своего родного народа. Нельзя не пожалѣть еще, что составитель комитетскаго изданія слишкомъ много отвелъ мѣста въ книжкѣ такимъ стихотвореніямъ, которыя посвящены описанію русской природы, въ ущербъ тѣмъ, которыя посвящены описанію русскихъ людей, русской жизни. Если бы составитель обратилъ побольше вниманія на эту сторону дѣла, то онъ лишь послѣдовалъ бы своему собственному мнѣнію, вполнѣ справедливому, что больше всего берутъ за душу тѣ стихи, въ которыхъ говорится про горе и бѣдность людскую и отчего это горе и бѣдность происходитъ. Такъ сказано въ краткой біографіи поэта, приложенной къ книжкѣ и составленной очень недурно. Гораздо удачнѣе сдѣланъ выборъ изъ произведеній Вас. И. Немировича-Данченка. Въ маленькую книжечку его стихотвореній вошли такія прекрасныя ве-

щицы, какъ, наприм., *Ушкуйники*, *Старъ* (разсказъ старика-лапландца о привольной жизни встарину), *Тина* и нѣкоторыя другія. Что касается *Избранныхъ стихотвореній* А. Кольцова, то, думается намъ, московскій комитетъ предпринялъ его совершенно непроизводительно. Задача издательской дѣятельности такихъ учрежденій, какъ комитетъ грамотности, заключается, прежде всего, въ томъ, чтобы, такъ сказать, указывать новые пути, вносить въ область народной литературы возможно больше новаго, свѣжаго, а не воспроизводить съ тѣми или иными видоизмѣненіями, иногда очень незначительными, то, что уже давнымъ-давно есть и ни въ какихъ исправленіяхъ и поправкахъ, въ сущности, не нуждается. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ *полное* собраніе сочиненій А. Кольцова появилось чуть ли не *въ двадцати* различныхъ изданіяхъ, иныя стоимостью въ 7 и 10 коп., и получили весьма широкое распространеніе. Какой же raison d'être имѣетъ шестикопѣечное изданіе стихотвореній „избранныхъ" и кто такіе читатели этой книжки, которые должны читать произведенія избранныя, а не должны читать полное собраніе ихъ? Издательская коммиссія, думается намъ, лучше бы сдѣлала, употребивъ свои средства на изданіе какой-либо другой книжки, еще не существующей въ дешевомъ изданіи. Сборникъ изъ избранныхъ стихотвореній А. Плещеева составленъ очень недурно. Въ него вошелъ цѣлый рядъ стихотвореній, положительно желательныхъ въ народномъ изданіи и затрогивающихъ не только чувство, но и мысль читателя. Таковы, наприм., стихотворенія *Послѣ чтенія газетъ*, извѣстное стихотвореніе *Впередъ*, *Дѣтство*, *Двѣ дороги*, *Всѣ люди — братья* и т. д. Этотъ сборникъ положительно долженъ быть отнесенъ къ лучшимъ изданіямъ московскаго комитета. Что касается поэмы Шевченка (*Работница*), появляющейся безъ фамиліи автора, съ одною фамиліей переводчика (А. Плещеева), то она настолько извѣстна, что говорить о ней не приходится. Эта поэма — желательная гостья въ области народной литературы, хотя она здѣсь появляется и не впервые: нѣсколько лѣтъ тому назадъ В. И. ввела ее въ одинъ изъ своихъ сборниковъ. Не станемъ мы говорить и о поэмѣ Козлова *Наталья Долгорукая*. Замѣтимъ только, что историческій образъ Долгорукой для читателя изъ народа въ поэмѣ Козлова совершенно неясенъ, а издатели приложили очень мало старанія, чтобы разъяснить его въ предисловіи къ поэмѣ *). Исторія Натальи Долгорукой интересна не только сама по себѣ, но для характеристики русскаго строя XVIII вѣка. Къ сожалѣнію, издатели не позаботились сказать объ этомъ послѣднемъ и двухъ словъ...

Таковы вновь появившіяся изданія московскаго комитета грамотности изъ отдѣла беллетристики. Изъ предъидущаго видно, что если выборъ ихъ, вообще говоря, удаченъ, то нельзя сказать того же о подборѣ стихотвореній въ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Объясняется это тѣмъ, что издательская коммиссія московскаго комитета грамотности еще недостаточно выяснила передъ собою, какого рода требованія должно предъявлять къ народной книжкѣ. Прежде всего отъ этой книжки нужно требовать, чтобъ она никоимъ образомъ не содѣйствовала укрѣпленію тѣхъ ассоціацій идей, которыя и безъ того оставили тяжелый и съ трудомъ изгладимый слѣдъ во всемъ ходѣ русской исторіи. Таковы требованія, выраженныя отрицательно. Что касается тре-

*) Существуетъ недурная книжка В. П. Острогорскаго (изд. Ледерле), гдѣ исторія Н. Долгорукой разсказана гораздо подробнѣе.

бованій положительныхъ, то о народной книгѣ можно и должно сказать то же, что и о всякой другой. Книга должна быть силою активной, должна быть орудіемъ, сознательно направленнымъ для борьбы съ тѣми сторонами непривлядной дѣйствительности, которыя на благосостояніи массъ отражаются особенно тяжело. Пониманіе этихъ сторонъ и должно служить критеріемъ при выборѣ матеріала для народныхъ изданій.

Что касается научно-популярныхъ изданій московскаго комитета, то пока ихъ очень немного. Изъ вновь вышедшихъ книжекъ лучшая составлена докторомъ Н. Виноградовымъ. Въ ней рѣчь идетъ о томъ, что такое заразная болѣзнь и какъ себя отъ нея предохранить,—о заразѣ вообще, о дефтиритѣ и скарлатинѣ. Книжка написана очень хорошимъ и простымъ языкомъ, иллюстрирована примѣрами и читается съ интересомъ. Можно лишь пожалѣть о ея чрезвычайной краткости (15 страницъ). Во многомъ уступаетъ ей книжка г. П. Мамаева. Въ авторѣ ея видѣнъ человѣкъ еще неопытный въ литературномъ дѣлѣ и не съумѣвшій еще приспособиться къ своему читателю. Его слогъ не чуждъ неточностей, мѣстами сухой и вообще невыразительный. Вмѣсто того, чтобы рисовать интересующихъ его животныхъ образами, примѣрами изъ ихъ жизни, фактами, воздѣйствующими не только на представленіе, но и на эмоціональную сторону своихъ читателей, г. Мамаевъ просто-на-просто описываетъ, правда, вообще говоря, хорошимъ языкомъ, что у такого-то звѣря такіе-то зубы, такое-то туловище и проч. Попадаются и неточности. Наприм., на стр. 1 онъ говоритъ „о животныхъ мохнатыхъ или (?) млекопитающихъ", на стр. 15, что „ласку можно видѣть вездѣ" (?). Впрочемъ, указывая всѣ эти недостатки книжки г. Мамаева, мы этимъ не хотимъ сказать, что эта книжка плоха, а мы высказываемъ лишь пожеланіе, чтобы научно-популярныя книжки составлялись лучше, чтобъ онѣ могли заинтересовать, увлечь. Судя по манерѣ писать, изъ г. Мамаева можетъ выработаться очень недурной популяризаторъ.

Въ особенную заслугу московскому комитету грамотности слѣдуетъ поставить изданіе *Ежегодниковъ* или ежегодныхъ обзоровъ книгъ для народнаго чтенія и (съ 1893 г.) народныхъ картинъ. Изданіе это было предпринято комитетомъ три года тому назадъ, причемъ имѣлась въ виду двоякая цѣль: съ одной стороны, изученіе народной литературы, обозрѣніе всего, что сдѣлано въ области въ теченіе года, съ другой—практическая помощь при составленіи народныхъ библіотекъ, книжныхъ складовъ и проч. Первая цѣль, поставленная *Ежегодникомъ*, вполнѣ достигается, вторая лишь отчасти, такъ какъ выходъ *Ежегодниковъ* нѣсколько запаздываетъ, а поэтому о текущихъ новостяхъ свѣдѣній онъ не даетъ. Надъ составленіемъ *Ежегодниковъ* работаетъ особая коммиссія, состоящая изъ 74 лицъ, раздѣляющаяся по спеціальностямъ на 8 группъ; каждая народная книжка обсуждается въ соотвѣтствующей группѣ, отзывъ о ней является результатомъ такого обсужденія сообща. Затѣмъ всѣ рецензіи поступаютъ на редакцію одного лица, С. Г. Смирнова. Каждый, кто знакомъ съ условіями книжнаго рынка народныхъ изданій, знаетъ, сколько труда нужно положить, чтобы собирать книги для рецензій, чтобы составлять списки вновь выходящихъ книгъ, добывать эти послѣднія и проч. Достаточно сказать, что списки, печатающіеся въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*, болѣе или менѣе не полны, что о книгахъ, вошедшихъ въ эти списки, сплошь и рядомъ торговцы ничего не знаютъ,

даже откуда ихъ выписывать. Изъ 859 книгъ для народнаго чтенія, вышедшихъ въ 1893 г., вошло въ *Ежегодникъ* 682. Кромѣ того, въ него введено 76 книгъ изъ общей литературы. Составители *Ежегодника* совершенно правильно начали съ того, что опредѣлили, кого собственно они подразумѣваютъ подъ читателемъ изъ народа. Таковымъ называютъ „хорошаго грамотнаго, то-есть прошедшаго курсъ начальной школы крестьянина". Указывая на доступность той или иной книжки для народа, составители различали, кромѣ того, слѣдующія группы: a) дѣтей, b) взрослыхъ, естественно раздѣляющихся на 3 категоріи: малограмотныхъ, хорошо грамотныхъ и начитанныхъ. Въ рецензіяхъ отмѣчается, какой группѣ читателей соотвѣтствуетъ данная книжка. Къ *Ежегоднику* приложена статья г. С. Смирнова *Состояніе народной литературы въ 1893 г.* и статья Н. Тулупова *Народная литература и періодическая печать въ 1893 г.* Первая статья представляетъ статистическое введеніе къ *Ежегоднику* и весьма богата крайне интересными цифрами. Небольшая и добросовѣстно составленная статья г. Н. Тулупова даетъ краткій отчетъ о книгахъ и статьяхъ, появившихся въ періодической печати и касающихся области народной литературы. Составителю можно поставить лишь въ упрекъ, что онъ мало обратилъ вниманія на книжку г. Ан—скаго (*Очерки народной литературы*), несомнѣнно заслуживающую болѣе внимательнаго отношенія къ ней. Что касается качества самыхъ рецензій *Ежегодника*, то нельзя не признать ихъ весьма добросовѣстными. Въ нѣкоторыхъ рецензіяхъ на народныя книжки мы замѣтили пріятную новинку: въ отзывахъ о старинныхъ, пользующихся широкой извѣстностью книгахъ, составители *Ежегодника* нашли нужнымъ сдѣлать кое-какія историко-литературныя указанія, воспользовавшись указаніями гг. Пыпина, Ровинскаго и друг.

Въ приложеніи къ *Ежегоднику* помѣщены списки книгъ, одобренныхъ въ 1893 г министерствомъ народнаго просвѣщенія. Изъ 589 вышедшихъ книжекъ для низшихъ училищъ одобрено *тридцать четыре*, въ томъ числѣ нѣсколько вышедшихъ въ 1892 г. Остальныя сотни книгъ въ народную школьную библіотеку такъ и не имѣютъ никакого доступа.

Съ 1893 г составители *Ежегодника* начали вводить въ него краткое обозрѣніе картинъ, продававшихся въ Москвѣ въ 1893 г. Это нововведеніе дѣлаетъ *Ежегодникъ* еще болѣе цѣннымъ. Вообще этому изданію московскаго комитета грамотности нельзя не пожелать широкаго распространенія.

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

„Домъ и хозяйство". *Маріи Ределинъ.* — „Практическій путеводитель по Крыму". *Г. Москвича.*

Домъ и хозяйство. Руководство къ раціональному веденію домашняго хозяйства въ городѣ и деревнѣ. Маріи Ределинъ, редактора „Рижской газеты для хозяекъ". Два тома, съ 161 рис. Изд А. Ф. Маркса. Спб. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к. Издатель говоритъ въ предисловіи: „До послѣдняго времени не было у насъ ни одного такого руководства (къ веденію домашняго хозяйства), которое, хотя бы въ извѣстной мѣрѣ, соотвѣтствовало своему назначенію"... „Восполнить этотъ существенный пробѣлъ въ нашей весьма небогатой литературѣ по домохозяйству

и домоводству имѣетъ цѣлью настоящая книга г-жи Марiи Ределинъ"... Мы вполнѣ согласны съ мнѣнiемъ издателя, что по этой части нѣтъ у насъ ни одной удовлетворительной книги, и мы съ понятнымъ недовѣрiемъ отнеслись къ попыткѣ г. Маркса „восполнить" такой пробѣлъ книгой г-жи Ределинъ. Внимательно просмотрѣвши книгу, мы съ удовольствiемъ заявляемъ, что пробѣлъ въ очень значительной мѣрѣ „восполненъ": г-жа Марiя Ределинъ составила отличную хозяйственную книгу, въ которой пропусковъ не много. Мы находимъ, что почтенная составительница книги не обратила достаточнаго вниманiя на удаленiе сора и нечистотъ изъ дома и со двора, на пользованiе таковыми въ видѣ удобренiя, на приготовленiе изъ нихъ компостовъ, на устройство помойныхъ и мусорныхъ ямъ и проч. Весьма полезно будетъ, если при второмъ изданiи,—а мы не сомнѣваемся въ томъ, что таковое скоро потребуется,—г-жа Ределинъ дастъ и относительно этой важной части хозяйства такiе же солидные совѣты, какими полна составленная ею книга. Въ книгѣ говорится о дренажѣ для сада, но не указано, что такое „дренажъ" и какъ устроить его экономнѣйшимъ образомъ. Правда, по части сада и огорода составительницей указана, очень основательно, литература, относящаяся къ предмету, гдѣ можно найти недостающiя въ книгѣ г-жи Ределинъ свѣдѣнiя, но мы полагаемъ, что лучше было бы отвести имъ нѣсколько страницъ въ самой книгѣ, которую г. Марксъ называетъ „настоящею энциклопедiей домохозяйства". Чѣмъ полнѣе будетъ энциклопедiя, тѣмъ она будетъ лучше. Въ книгѣ говорится о ремонтантныхъ розанахъ и, по нашему мнѣнiю, не въ достаточной мѣрѣ даны указанiя, какъ сохранять ихъ въ теченiе зимы, не вынимая съ мѣста, гдѣ они посажены. Вообще вся статья о розанахъ представляется намъ не вполнѣ удовлетворительною, не точно обозначены ихъ сорта, сказано, что нѣкоторые сорта „нуждаются зимой въ защитѣ", причемъ рядомъ поставлены: *Gloire de Dijon*, *Maréchal Niel*, *Niphetas* и *La France*. Сколько намъ извѣстно, въ грунту зимуютъ съ хорошею покрышкой только первый и послѣднiй, а остальные два—чайные—перезимовываютъ только въ оранжереѣ или въ простѣнкѣ. Розамъ отведено 12 страницъ. Такое мѣсто вполнѣ достаточно для того, чтобъ о культурѣ розъ дать болѣе обстоятельныя свѣдѣнiя, что легко сдѣлать составительницѣ, живущей въ Ригѣ, гдѣ имѣется первоклассное садоводство Вагнера. Отдѣлъ цвѣточной культуры самый слабый въ книгѣ. За то въ высокой степени поучительно и дѣльно (даже въ нравственномъ отношенiи) все, что касается устройства дома, различныхъ въ немъ помѣщенiй и разнаго ухода за каждымъ изъ нихъ, сообразно съ значенiемъ ихъ въ интимной жизни семьи. Такъ же основательны наставленiя г-жи Ределинъ, относящiяся къ закупкѣ и храненiю домашнихъ припасовъ, къ экономiи въ хозяйствѣ, и превосходно составленъ второй томъ, спецiально посвященный кухнѣ и приготовленiю кушанiй и напитковъ. Это лучшая изъ поваренныхъ книгъ, имѣющихся у насъ въ обращенiи. Книга издана красиво, отпечатана четкимъ шрифтомъ на хорошей бумагѣ, со многими пояснительными рисунками. При каждомъ томѣ, кромѣ оглавленiя, имѣется алфавитный указатель, дающiй возможность быстро найти желательное и дѣлающiй книгу, на самомъ дѣлѣ, похожею на „энциклопедiю". Въ двухъ томахъ—56 листовъ довольно большого формата и очень убористой печати. Во второмъ томѣ собрано 1190 разнообразныхъ рецептовъ. Въ *прибавленiи* ко второму тому указаны „самыя выдающiяся въ Петербургѣ фирмы, отъ которыхъ желающiе могутъ получать" различныя хозяйственныя

принадлежности. Изъ московскихъ фирмъ поименованы очень немногія. Руководствоваться такими рекомендаціями можно только съ большою осторожностью, особливо людямъ, желающимъ относительно экономіи въ хозяйствѣ слѣдовать добрымъ совѣтамъ г-жи Ределинъ.

Практическій путеводитель по Крыму ялтинскаго книгопродавца Г. Москвича. Изданіе четвертое. Одесса, 1895 г. Цѣна 1 руб. Составитель правильно назвалъ свой *Путеводитель* „практическимъ": ѣдущіе въ Крымъ здоровье поправлять, отдохнуть или, въ качествѣ туристовъ, побродить по любопытнымъ и живописнымъ мѣстамъ найдутъ въ этой книгѣ очень дѣльныя и добрыя указанія, изложенныя просто и ясно. Авторъ отлично знаетъ Крымъ, тщательно отмѣтилъ наиболѣе замѣчательныя мѣста, могущія заинтересовать путешественника своею живописностью, необычайностью (пещеры и пещерные города), историческимъ значеніемъ, пригодностью для леченія и т. д. Всюду указаны пути, стоимость проѣзда, мѣста, гдѣ можно остановиться, гостиницы и частныя квартиры, цѣны помѣщеній и содержанія, экскурсіи, которыя можно предпринять изъ той или иной мѣстности. Всѣмъ, кому предстоитъ поѣздка въ Крымъ, мы смѣло рекомендуемъ книжку г. Москвича, умѣющаго не только указать—куда, какъ и зачѣмъ ѣхать, но и заинтересовать, живымъ разсказомъ, тѣми мѣстами, на которыя онъ обращаетъ вниманіе путешественника. *Путеводителемъ* г. Москвича всего лучше запастись заранѣе, ознакомиться съ нимъ до поѣздки или же дорогой и воспользоваться его указаніями съ самаго пріѣзда въ Крымъ. Въ предисловіи авторъ говоритъ: „Погрѣшности и ошибки, указанныя благосклонными, а также и не благосклонными, критиками въ предъидущихъ изданіяхъ, исправлены въ тѣхъ, разумѣется, случаяхъ, когда сами критики не грѣшили противъ истины. Впрочемъ, и теперь всякое указаніе принято будетъ съ благодарностью во вниманіе". На этомъ основаніи считаемъ себя вправѣ выразить желаніе, чтобы къ будущему пятому изданію г. Москвичъ приложилъ болѣе подробную карту Крыма, на которой обозначены были бы всѣ мѣста и мѣстечки, про которыя говорится въ *Путеводителѣ*, дороги и тропинки, ведущія къ нимъ и указанныя авторомъ въ текстѣ. Это въ значительной мѣрѣ облегчитъ пользованіе *Путеводителемъ*, на картѣ котораго нѣтъ такихъ интересныхъ мѣстъ, какъ Чуфутъ-Кале, Тепе-Кермень, монастыри и проч. На картѣ г. Москвича изображена только южная половина полуострова. Мы полагаемъ, что лучше было бы датъ карту, хотя бы меньшихъ размѣровъ (какъ въ *Путеводителѣ* Сосногоровой и Караулова), но болѣе подробную, не исключая изъ нея Евпаторіи, Керчи, Еникале и Таманскаго полуострова. Въ описаніи Херсонеса мы считаемъ не достаточно осторожнымъ утвержденіе автора, что находящіяся въ храмѣ св. Владиміра „двѣ смежныя цистерны—это *та самая* купель, въ которой принялъ св. таинство крещенія князь Владиміръ". Мы думаемъ, что для туристовъ полезнѣе было бы упоминаніе о несомнѣнномъ „баптистеріи" (крещальнѣ) съ хорошо сохранившеюся купелью, открытомъ въ развалинахъ Херсонеса и представляющемъ собою единственный, кажется, памятникъ этого рода на Русской землѣ. Признавая очень полезными указанія г. Москвичемъ именъ тѣхъ лицъ, къ которымъ слѣдуетъ обратиться въ Керчи интересующимся археологіей и остатками древностей (гг. Думбергъ, Новиковъ, Цѣхановскій и Запорожскій), мы думаемъ, что надлежало бы назвать и лицо, завѣдующее раскопками и небольшимъ музеемъ въ Херсонесѣ, неутомимо работающаго

тамъ уже нѣсколько лѣтъ К. К. Косцюшко-Валюжинича, большого знатока древностей и въ высшей степени обязательнаго хозяина любопытнѣйшихъ развалинъ, въ 1894 г. еще трудившагося на пользу науки.

ПЕРІОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Вѣстникъ Европы", *мартъ.* — „Русскій Вѣстникъ", *мартъ.* — „Русское Богатство", *февраль.*—„Русскій Архивъ", *январь—февраль.*

Большинство журнальныхъ и газетныхъ рецензентовъ отмѣтили сходство въ фабулѣ первой части романа г. Боборыкина *Ходокъ* съ фабулой безсмертной комедіи Грибоѣдова. Графъ Таманцевъ—современный Чацкій; въ его лицѣ авторъ изобразилъ и, вѣроятно, хотѣлъ изобразить, возмущеніе и протестъ совѣсти честнаго человѣка противъ современныхъ Фамусовыхъ и Скалозубовъ. Даже въ подробностяхъ, въ отдѣльныхъ личностяхъ, можно прослѣдить это сходство. Княгиня—отчасти Фамусовъ въ юбкѣ, а отчасти та самая княгиня Марья Алексѣевна, которой такъ боится Фамусовъ; генералъ Дергуновъ—это современный Скалозубъ, Овчининъ—современный Молчалинъ, Кэтъ—Софья и т. д. И, однако, сходство остается только внѣшнимъ,—между настоящимъ Чацкимъ и Чацкимъ-Таманцевымъ глубокая и принципіальная разница, и эту разницу намѣренно или случайно отмѣчаетъ и самъ г. Боборыкинъ. Настоящій Чацкій — личность глубоко трагическая, а Таманцевъ, несмотря на все свое возмущеніе, несмотря на всѣ свои филиппики противъ бездущія и безпринципности петербургской камарильи и петербургскихъ мандариновъ, безъ зазрѣнія совѣсти провозглашающихъ Россію не Европой, а Азіей,—остается, все-таки, фигурой вполнѣ комической, какъ бы ни хотѣлъ авторъ поставить его въ героическую позу. Трагизмъ положенія Чацкаго заключался именно въ томъ, что съ своимъ возмущеніемъ, съ своимъ протестомъ въ его время ему некуда было пойти, что ему только и оставалось бросать этотъ протестъ въ лицо распутному и подлому обществу, только и оставалось, что метать бисеръ предъ Фамусовыми. И это потому, что тогда больше ничего и никого, кромѣ Фамусовыхъ, Скалозубовъ и Молчалиныхъ, и не было. Подъ ними стояла задавленная, молчаливая масса крѣпостного народа, съ которымъ Чацкому и говорить было не о чемъ, да и нельзя говорить. Правда, было нѣкоторое средостѣніе между этими двумя громадными классами правящихъ и управляемыхъ, были разночинцы. Но пока разночинцы выдвигали въ общество, на свѣтъ Божій, только однихъ Молчалиныхъ. Все же другое, честное, страдавшее и сознательное, было еще незамѣтно; оно, задавленное, робкое и униженное, хранило молчаніе. Много лѣтъ должно было пройти прежде, чѣмъ это разночинство, соединившись съ потомками Чацкихъ и съ раскаявшимися дѣтьми Фамусовыхъ и Софій, могло проявить свои общественно-нравственныя стремленія. Въ эту ужасную эпоху для оскорбленнаго чувства Чацкихъ въ Россіи не было уголка; Чацкому приходилось ѣхать умирать въ Европу, какъ умеръ его наслѣдникъ по духу, Рудинъ, или уйти въ кружокъ, очень незначительный по своей численности, такихъ же, какъ и онъ, мечтателей. Совсѣмъ въ иномъ положеніи находится Чацкій-Таманцевъ; для его оскорбленнаго чувства въ Россіи имѣется достаточное количество уголковъ, и онъ самъ это прекрасно знаетъ. Потому-то, когда онъ сыплетъ своими проклятіями бездушному обществу, вы невольно спрашиваете: „зачѣмъ онъ

пошелъ на эту проклятую галеру?“ Правда, у него есть Кэтъ, также какъ и у настоящаго Чацкаго была Софья, и онъ попалъ на эту галеру для одной Кэтъ, также какъ Чацкій пріѣхалъ въ Москву для одной Софьи. Вѣдь, и Чацкій восклицалъ: „Что новаго покажетъ мнѣ Москва?“ Но и тутъ разница большая и, опять-таки, принципіальная: Чацкій находился во власти иллюзіи, что среда Фамусовыхъ можетъ породить что-нибудь мягкое, нѣжное и совѣстливое; онъ могъ разсчитывать на то, что выросло молодое поколѣніе, не похожее на своихъ родителей; не даромъ же онъ даже съ Молчалинымъ сначала говоритъ серьезно, надѣясь открыть подъ его скромнымъ вицмундиромъ хоть какое-нибудь подобіе искры Божіей. И мы теперь знаемъ, что Чацкій ошибся только нѣсколькими десятилѣтіями, что въ этой средѣ холопства и подлости, дѣйствительно, позже появились стыдъ и совѣсть, и раскаяніе, и героическіе, даже великіе подвиги. У Таманцева такимъ иллюзій быть не можетъ; да, вѣдь, не одной только Кэтъ онъ и добивается. И, все-таки, онъ пошелъ на эту галеру. Зачѣмъ? Авторъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ прямо въ концѣ первой части своего романа и косвенно всѣмъ содержаніемъ начала второй. „Главное горе,—разсуждаетъ Таманцевъ послѣ своего краха въ обществѣ современныхъ Фамусовыхъ,—котораго не избыть ничѣмъ, то, что онъ русскій баринъ, родной по крови и духу всѣмъ вотъ такимъ господамъ, какъ Баранцевъ, какъ Лушковъ, какъ товарищъ его дѣтства Митька Карай... Чѣмъ онъ выше ихъ? Умомъ? Талантомъ? Или серьезностью? Откуда она взялась и съ какого времени? Безъ году недѣля,—сказалъ бы его пріятель, докторъ Домашневъ,—какъ онъ впервые распозналъ, что̀ такое жизнь милліоновъ народа, у котораго нѣтъ буквально ничего, кромѣ своей собственной спины и сохи. А раньше онъ былъ только „фантастъ“, пустѣйшій говорунъ съ замашками „краснаго“, какихъ развелось теперь вездѣ, въ какомъ угодно слоѣ русскаго общества... Не обиду, не злость, не сознаніе своей правоты, не протестъ гражданина или честнаго бойца чувствовалъ онъ, а тоску *безсилія,* колоссальнаго *вздора,* унаслѣдованнаго имъ съ сотнями и тысячами ему подобныхъ...“ Настоящій Чацкій такъ разсуждать не можетъ. Онъ никогда не признаетъ, что въ немъ сидитъ *колоссальный вздоръ;* онъ считаетъ, и основательно считаетъ, свое возмущеніе, свой протестъ не только правильными и правдивыми, но прямо-таки святыми, и ни за какіе пряники отъ нихъ не откажется; онъ сознаетъ, что общество, состоящее изъ Фамусовыхъ и Скалозубовъ, не родное ему, а совсѣмъ чужое; съ нимъ у него нѣтъ ничего общаго, хотя, можетъ быть, на самомъ-то дѣлѣ въ немъ и много родственнаго если не съ Фамусовыми, то съ Репетиловыми, но, вѣдь, тутъ дѣло не въ фактѣ, а въ сознаніи; а его сознаніе говоритъ ему именно о полной чуждости отъ всего этого общества. Наконецъ, Чацкій ничего не прощаетъ и простить не можетъ, не считаетъ себя вправѣ; онъ не добръ, а золъ; онъ полонъ той честной злобы противъ общественнаго зла и подлости, той поистинѣ святой и необходимой ненависти, которая часто направляетъ судьбы народовъ къ славѣ и добру гораздо лучше, чѣмъ холодное благожелательство, чѣмъ безстрастная любовь. Про него ужь никакъ нельзя сказать, что онъ ни горячъ, ни холоденъ, а только тепловатъ и потому возбуждаетъ тошноту. А Таманцевъ именно таковъ, именно возбуждаетъ тошноту. Нѣтъ, Таманцевъ—не Чацкій; его сходство съ героемъ безсмертной комедіи чисто-внѣшнее. Онъ просто одинъ изъ тѣхъ безчисленныхъ „лишнихъ людей“, „Гамлетиковъ Щигровскаго уѣзда“, „самогрызу-

новъ", какими наполнила русскую землю крѣпостная эпоха. Мы не утверждаемъ, конечно, что это типъ окончательно вымершій вмѣстѣ съ породившею его эпохой. Далеко нѣтъ! Еще на нашъ съ вами, читатель, вѣкъ хватитъ всякихъ осадковъ холопства и крѣпостничества, и „самогрызуны" еще долго будутъ фигурировать среди насъ, иногда, пожалуй, и въ видѣ героевъ. Впрочемъ, только иногда. Вообще же теперь ужь очень большая ошибка въ исторической перспективѣ дѣлать изъ нихъ героевъ, ставить ихъ въ величественную позу протестантовъ и отрицателей. Никого этимъ не обманешь, никому глаза не отведешь грозными филиппиками противъ мандариновъ, съ которыми эти горе-богатыри сознаютъ себя родственниками. Они, въ большинствѣ случаевъ, будутъ представлять изъ себя не героевъ, а комическія фигуры. Г. Боборыкинъ слишкомъ опытный и умный беллетристъ, чтобы не понять этого. И онъ, очевидно, понимаетъ и, хотя по старой памяти, а отчасти, можетъ быть, и по нѣкоторой склонности къ перепѣвамъ, къ пережевыванію стараго, и чувствуетъ къ своему комическому герою нѣкоторую слабость, хотя онъ и пытается иногда поставить его въ геройскую позицію, но во всемъ дальнѣйшемъ ходѣ романа онъ даетъ характеру Таманцева развитіе именно въ указанномъ нами направленіи. Самогрызуны и Гамлетики отличаются, прежде всего, не только чрезмѣрнымъ безсиліемъ воли, слабостью характера, но и замѣчательною несамостоятельностью мышленія, которое они часто склонны принимать за особую, весьма похвальную широту взглядовъ, и не менѣе замѣчательною неустойчивостью своей аффективной жизни. Собственно говоря, въ ихъ владѣніи находятся три-четыре совершенно общихъ, абстрактныхъ положенія, которыми они и опирируютъ. И, благодаря чрезмѣрной абстрактности этихъ положеній, а также и вышеупомянутой неустойчивости аффектныхъ настроеній, они оперируютъ ими вполнѣ случайно, часто въ радикально-противуположныхъ направленіяхъ. А такъ какъ они хвастаются широтой взглядовъ, то они ужасно боятся такъ называемыхъ „шаблоновъ", т.-е., въ сущности говоря, какихъ-либо твердыхъ и точно опредѣленныхъ общественныхъ убѣжденій. Они всегда готовы воспѣть Франческо, воспѣть и Гарибальди. Эта послѣдняя черта особенно ясно выдается у самогрызуновъ нашего времени, столь переполненнаго всяческими умственными и нравственными реакціями. У нихъ не только на душу сверху ложится все, что имъ книга послѣдняя скажетъ, хотя бы эта книга и была полна мистицизма, символизма, вообще духа конца вѣка,—или, лучше сказать, тѣмъ сильнѣе на душу ляжетъ, чѣмъ эта книга болѣе полна всѣми такими прелестями,— а и въ самой-то ихъ самоугрызающей душѣ имѣются струны, готовыя звучать въ похвалу Франческо и въ похвалу Гарибальди, и даже въ похвалу Франческо не въ примѣръ звучнѣе. Достаточно самаго легкаго прикосновенія, дуновенія вѣтерка, чтобъ эти струны зазвучали и произвели ужаснѣйшую какофонію. Деревенскій міръ гонитъ бабу, заподозрѣнную въ убійствѣ мужа и оправданную присяжными, считаетъ ее колдуньей и вообще сыплетъ на ея бѣдную головушку всяческія кары, на которыя такъ щедры человѣческое звѣрство и человѣческое невѣжество. Дѣло тутъ, кажется бы, совсѣмъ простое: предстоитъ борьба не съ міромъ, а съ его невѣжествомъ и звѣрствомъ, а у Гамлетика не то выходитъ. „Нигдѣ въ городѣ,— разсуждаетъ наивный Гамлетикъ,— не стали бы вымещать на ней подозрѣнія въ томъ, что она *убивица,* нигдѣ не стали бы до полусмерти бить" и т. д. А потомъ Гамлетикъ сейчасъ же приходи[illegible]

чувство и кается: однако, если такъ разсуждать, дойдешь, пожалуй, до того, что станешь оплакивать вотчинное право! Вотъ въ томъ-то и дѣло, что Гамлетику не пойдетъ въ голову задать себѣ вопросъ: да полно, такъ ли это? не ошибаюсь ли я? не то же ли невѣжество и въ городѣ, у культурныхъ-то людей, хотя и въ другихъ формахъ (до полусмерти, дѣйствительно, не бьютъ, а просто изморомъ берутъ),—не даромъ же противъ оправдательныхъ приговоровъ присяжныхъ такой гвалтъ культурное общество подымаетъ. Ну, а ужь насчетъ всякихъ подозрѣній, кажется, культурному-то обществу съ деревенскимъ міромъ считаться не приходится. Но по отношенію къ нему даже Гамлетику не придетъ въ голову о вотчинномъ правѣ сожалѣть. Вопросъ разрѣшается проще. Со всѣмъ и со всѣми соглашается Гамлетикъ и самогрызунъ, на все откликаются сложныя струны его сложной души. Представители новыхъ общественныхъ наслоеній, новая грядущая сила, *чумазые,* образованный купчикъ Кувшинниковъ и ѣздящій на четверкѣ волостной старшина Сусловъ, измываются надъ нимъ,—правду сказать, довольно основательно: „удалились скоропостижно по пустякамъ и ходатайство за нашу волость бросили въ самую нужную минуту“,—по просту говоря, охальничаютъ, а онъ отдѣлывается замѣчаніемъ, что они *имѣютъ резонъ,* какъ новая грядущая сила. Старый радикалъ, народникъ Домашневъ, дѣлающій, какъ разночинецъ и докторъ, настоящее народное дѣло, читаетъ Таманцеву нотацію, довольно суровую. „Въ томъ-то и бѣда для людей вашего сословія, что нѣтъ у нихъ настоящей жизни. Высшій классъ вездѣ точно замаливаетъ свои грѣхи разными затѣями въ пользу меньшей братіи. Явное признаніе своего нравственнаго банкротства! Вы сами, какъ человѣкъ, сѣвшій на землю, должны самому себѣ создать кровное дѣло. И такое, чтобы безъ него ни деревнѣ, ни уѣзду нельзя было жить“. Гамлетикъ съ этимъ вполнѣ соглашается, но уныло замѣчаетъ, что онъ, пожалуй, не ко двору въ уѣздѣ. Значитъ, опять „пойду искать по свѣту, гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ“? Но уже безъ всякаго права на такія слова. Почему не ко двору? Да просто потому, что всякое коренное дѣло, какъ бы мало оно ни было, требуетъ рѣшительной борьбы, требуетъ и опредѣленности во взглядахъ, въ общественныхъ убѣжденіяхъ. А у Гамлетика для борьбы не имѣется пороха, ни умственнаго, ни моральнаго; нѣтъ яснаго убѣжденія о томъ, что нужно для коренного дѣла, и нужно не вообще, не въ абстрактѣ, а именно теперь, въ эту настоящую минуту... Соглашаясь съ Домашневымъ, Гамлетикъ соглашается и съ земскимъ начальникомъ Сурепинымъ, составлявшимъ яркій контрастъ съ Домашневымъ. Этотъ благомыслящій сословный человѣкъ и ненавистникъ „радикальныхъ шаблоновъ“ поучаетъ Таманцева словами Чаадаева: „Мы существуемъ какъ бы внѣ времени и всемірное образованіе человѣчества не коснулось насъ. Мы всѣ какъ будто странники. Нѣтъ ни у кого сферы опредѣленнаго существованія. Мы явились въ міръ, какъ незаконнорожденныя дѣти, безъ наслѣдства. У нашего общества нѣтъ за душой никакого духовнаго наслѣдства“. И Гамлетикъ съ умиленіемъ и сокрушеніемъ духа восклицаетъ: „глубоко вѣрно!“ Онъ вообще всегда и всему поучается. Это, конечно, похвально. Но не похвально то, что онъ не знаетъ, чему слѣдуетъ поучаться и чему не слѣдуетъ; не похвально и то, что своихъ идей у него не имѣется, а его настроеніе неустойчиво; не похвально то, что онъ воспѣваетъ Франческо, только что воспѣвъ Гарибальди, что вчера онъ кормилъ народъ и, пожалуй, даже „обсахаривалъ“ его (выраженіе г. Боборы-

кина), умиляясь предъ величіемъ его духа въ страданіяхъ, а сегодня онъ на томъ же народѣ не прочь, какъ говорится, собакъ вѣшать и о вотчинномъ правѣ съ воздыханіемъ вспоминать. Ну, да, Чаадаевъ былъ умный и даже геніальный человѣкъ и онъ, конечно, имѣлъ право на свое отчаяніе,—въ такое время ужасное жилъ. А вы-то, господа непомнящіе, тутъ причемъ? Гдѣ ваши права на отчаяніе? „У вашего общества нѣтъ за душой никакого духовнаго наслѣдства"?! Шутка сказать!... А Домашневы? У нихъ тоже нѣтъ? Или они въ счетъ нейдутъ? Или они не выстрадали обществу наслѣдства-то?

Если графъ Таманцевъ до значительной степени представляетъ старую погудку на новый ладъ, если онъ—довольно-таки понадоѣвшій типъ лишняго человѣка, только въ новой, современной формѣ, съ современными разговорами на тему о народѣ и народничествѣ, то безспорно, что земскій начальникъ Сурепинъ нѣчто совсѣмъ новенькое. Это—настоящій продуктъ общественнаго недомыслія и потому человѣкъ вполнѣ современный. Г. Боборыкинъ уже не въ первый разъ пытается изобразить типъ такого совсѣмъ новаго человѣка, принципіальнаго консерватора съ сословнымъ закаломъ, но безъ сословныхъ замашекъ, якобы глубокаго и вдумчиваго и якобы самостоятельнаго по своему оригинальному мышленію и по независимости настроенія отъ всякихъ „шаблоновъ", какъ либеральныхъ, такъ и иныхъ. Такимъ былъ у него предводитель „на постномъ маслѣ" Боярцевъ въ *Перевалѣ*, таковъ же и Сурепинъ. Правду сказать, ни тотъ, ни другой совершенно не удались автору: его замыселъ, замѣчательно глубокій и вполнѣ жизненный, остался неосуществленнымъ. Предъ читателемъ, вмѣсто опредѣленныхъ, яркихъ личностей, характеризующихъ извѣстное, довольно сильное общественное теченіе, просто какія-то туманныя пятна. Это, конечно, зависитъ отъ самыхъ свойствъ писательской манеры. Природа, щедро одѣливъ г. Боборыкина вдумчивостью, шириной взглядовъ, отзывчивостью, умѣньемъ наблюдать, — однимъ словомъ, многими изъ свойствъ художественнаго таланта, не дала ему достаточной силы изобразительности, способности создавать художественные образы. Въ большей части его романовъ дѣйствующія лица не изображаются, а только описываются; они не дѣйствуютъ и ихъ душевное состояніе не анализируется; процессъ ихъ появленія и эволюціи, ихъ духовный міръ остаются для читателя скрытыми; они только излагаютъ извѣстныя общественныя, эстетическія или моральныя теоріи, отчасти свои собственныя, а иногда, къ сожалѣнію, просто навязанныя имъ авторомъ. Въ случаѣ Боярцева и Сурепина излагаемыя ими теоріи несомнѣнно ихъ собственныя и вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ значительно распространенныя и потому въ нѣкоторомъ родѣ составляютъ общественное достояніе. И что за странную амальгаму самыхъ противорѣчивыхъ положеній, настроеній и позывовъ составляютъ эти теоріи. Именно потому онѣ такъ и любопытны. То гибридное существо, появившееся почти въ самое послѣднее время и называемое *новымъ, практическимъ* консерваторомъ, такъ сказать, всосало въ себя чуть не все, самые различные по составу и содержанію, продукты нашей общественной эволюціи, многое забывъ, о многомъ имѣя совершенно превратныя представленія и почти все перепутавъ. И, притомъ, все это искренно, безъ злобы и ненависти къ чему-либо и къ какому-либо, съ искреннимъ, часто горячимъ даже стремленіемъ къ истинѣ и къ правдѣ, забывая, путая и перевирая просто по незнанію и недоумѣнію. Понятно, что должно было получиться нѣчто весьма

отличное отъ обычнаго типа нашихъ литературныхъ консерваторовъ, болѣе или менѣе знающихъ, чего имъ хочется, и болѣе или менѣе принадлежащихъ по своему настроенію къ типу людей, прозванныхъ нашимъ безсмертнымъ сатирикомъ „человѣконенавистниками". У этихъ же житейскихъ, а не литературныхъ, консерваторовъ любви, хотя и дурно помѣщенной и еще хуже регулированной, пожалуй, больше, чѣмъ ненависти. Вообще прелюбопытный это типъ и его настоящее художественное изображеніе освѣтило бы многое изъ исторіи нашего общественнаго развитія. Но на нѣтъ, какъ говорится, и суда нѣтъ. Воспользуемся тѣмъ, что есть.

Что̀ такое Сурепинъ въ описаніи г. Боборыкина? Отъ него „отшибаетъ нынѣшнимъ сословнымъ душкомъ, но сословнаго задора и чванства въ немъ нѣтъ". Онъ безспорно порядочный человѣкъ, но складъ его мнѣній и оцѣнокъ отзывается чѣмъ-то чуждымъ, хотя и не прямо враждебнымъ, всему честному и порядочному; онъ сословный человѣкъ, но „на роль дворянства, на школу, на церковь, на *ходячій радикализмъ* смотритъ по-своему"; онъ земскій начальникъ, но стоитъ за общину, причемъ главная его забота поднимать чистоту нравовъ, не допускать дѣлежей и т. д.,—все это, конечно, пользуясь властью земскаго начальника. Очевидно, что для него община есть только исключительно форма экономическаго строя, а не то, что̀ она есть въ дѣйствительности и въ представленіяхъ народа: форма, прежде всего, юридически-общественная, живое тѣло, самоуправляющееся и охватывающее своими отправленіями всю индивидуальную жизнь. Вотъ какъ Сурепинъ самъ разсказываетъ о своемъ развитіи: „Меня воспитала вѣрующая мать... замѣтили, что я люблю ходить въ церковь: ханжа, идіотъ, Тартюфъ, гасильникъ! Сталъ я читать хваленыхъ критиковъ писаревскаго типа и нашелъ, что они ничего хорошенько не знаютъ. Въ университетѣ продолжалось то же; тонъ давали краснобаи, брехуны или тупицы, повторяющіе, какъ попугаи, то, что считалось самымъ зажигательнымъ и архирадикальнымъ. Меня возмущала и глубоко печалила стадность умовъ и натуръ, полное отсутствіе своего критерія, пошлое франтовство кличками и выдохшимися жалкими словами. И на каѳедрахъ тоже поддѣлываніе къ аудиторіи, та же игра въ дешевый либерализмъ". Тутъ, какъ видите, привходитъ и значительная доза злобы, какъ плодъ извѣстнаго умонастроенія, не позволяющаго новымъ консерваторамъ,—за нѣкоторыми, дѣйствительно неприглядными, но неизбѣжными при борьбѣ со старымъ, осужденнымъ на смерть, но не желающимъ умирать и борящимся за существованіе строемъ, явленіями,— распознать самую сущность новыхъ явленій и настроеній и потому приводящее къ странной боязни какихъ-то „шаблоновъ". Но главное и существенное въ Сурепинѣ,—и по его собственному мнѣнію, и по мнѣнію Таманцева,—то, что онъ близокъ къ народу, ибо онъ не только христіанинъ, а и православный. „Общность вѣры,—говоритъ онъ,—и есть тотъ грунтъ, безъ котораго не было бы никакой связи съ крестьянствомъ". Все это прекрасно, и кто въ самомъ дѣлѣ отказался бы— кто не отдалъ бы многаго для пріобрѣтенія того драгоцѣннаго свойства, которое дало бы ему общность, духовную и нравственную, съ народомъ?... Но тутъ-то и лежитъ скорпіонъ. „Вѣра крестьянства,— продолжаетъ Сурепинъ,—до сихъ поръ двоевѣріе. Здѣсь водятся духоборцы; они отпали отъ вселенской церкви, но они выработали себѣ твердый кодексъ нравовъ—и нравовъ христіанскихъ, рядомъ, разумѣется, съ общими догматическими заблужденіями. А мужикъ во многомъ

коренной язычникъ". Къ чему же тогда приводится общность и связь съ крестьянствомъ? И съ кѣмъ онѣ существуютъ? Съ православнымъ ли крестьянствомъ, т.-е. съ язычниками, или съ духоборцами, отпавшими отъ вселенской церкви? Какую путаницу въ головѣ надо имѣть, чтобы не замѣчать этого противорѣчія,—мало того, чтобы строить на немъ общественно-политическія теоріи!

Вотъ и весь матеріалъ, даваемый г. Боборыкинымъ для опредѣленія типа „новаго" консерватора. Онъ достаточенъ для того, чтобы дать понять, что мы имѣемъ дѣло, дѣйствительно, съ новымъ и любопытнымъ явленіемъ, но очень скуденъ для того, чтобы понять его сущность и его эволюцію. Попытаемся найти другой источникъ, при помощи котораго типъ новаго консерватора выяснится передъ нами нѣсколько ярче и рельефнѣе. Такимъ источникомъ можетъ послужить статья г. Яроша: *Интеллигентный человѣкъ конца вѣка (Русск. Вѣст.)*. Эта статья очень любопытна и въ томъ отношеніи, что ее, кажется, можно считать въ нѣкоторомъ родѣ profession de foi консервативнаго журнала. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно полагать на основаніи сопоставленія содержанія статьи г. Яроша съ содержаніемъ и направленіемъ журнала. Нѣкто г. N., журналистъ, встрѣчаетъ замѣтку, въ которой его называютъ „доктринеромъ регресса". Онъ задумывается надъ этимъ названіемъ и пытается уяснить себѣ, что именно могло дать поводъ къ нему. Мысленно онъ просматриваетъ все свое умственное развитіе, всю свою дѣятельность въ качествѣ работника слова. Дѣтство не оставило въ его памяти отчетливыхъ слѣдовъ, потому что жизненныя условія, окружавшія его тогда, лишены были ясныхъ, опредѣленныхъ чертъ. Въ нихъ отсутствовали отчетливыя рамки и колеи. Все было какъ бы стронуто съ мѣста. Это было время реформъ. Дѣтской душѣ приходились прозябать въ смутной атмосферѣ, состоявшей изъ смѣси пестрыхъ инстинктовъ и страстей, добрыхъ эмоцій и злыхъ раздраженій (крѣпостничества?), ласки и самодурства, религіозныхъ элементовъ пополамъ съ предразсудками и безъ связи съ нравственными принципами. Въ памяти N. сохранились только голый запретъ и самодурство старшихъ. Въ сущности, это составляетъ нѣчто весьма обыкновенное и неизбѣжное (?) въ человѣческомъ быту. Это была власть и сила старшихъ (какъ будто власть старшихъ только и выражаться можетъ въ одномъ голомъ запретѣ!). Это были выработавшіяся условія существованія, представляемыя властью людей, раньше насъ вступившихъ въ жизнь и охраняющихъ ея формулу. Естественно, что появился духъ оппозиціи и отрицанія и онъ разрѣшился борьбой съ авторитетомъ старшихъ, который казался мертвящимъ деспотизмомъ, и съ людьми практическаго здраваго смысла. Но на „интеллигентнаго человѣка конца вѣка" эта борьба произвела особое впечатлѣніе; она заставила его бояться „шаблоновъ" и деспотизма кружковъ. Онъ начинаетъ учиться и думать самостоятельно. Обладая, очевидно, довольно дюжинными способностями и отрицая до извѣстной степени всякое руководительство, всякія традиціи (не забудьте, что онъ, какъ и Сурепинъ, боится „шаблоновъ"), онъ, какъ говорится, не спросясь броду, лѣзетъ въ воду. Онъ погружается въ бездонныя бездны нѣмецкой метафизики и, разумѣется, запутался въ ея дебряхъ. Эти несчастные недоноски, эти рыцари печальнаго образа, эти продукты общественнаго недомыслія всегда и во всемъ запутываются именно потому, что они продукты недомыслія... Убоявшись бездны метафизической премудрости, N. пережилъ потомъ увлеченіе позитивизмомъ, который скоро,

однако, перестал҃ъ удовлетворять его этическимъ запросамъ, который будто бы связывалъ его внутреннюю, духовную свободу и вносилъ въ его душу холодъ смерти. Тогда онъ обратился къ этическимъ ученіямъ и къ патріотизму. Утверждаясь въ такихъ воззрѣніяхъ, онъ оглянулся на окружавшую современность и она произвела на него грустное впечатлѣніе. Русская интеллигенція по свойствамъ своихъ историческихъ судебъ (замѣтьте, что по свойствамъ историческихъ судебъ, а не по злому умыслу, какъ говорятъ „старые“ консерваторы) замкнулась въ космополитической обособленности. Она воспиталась въ вѣрѣ въ общечеловѣческіе идеалы западной философіи (будто ужъ это такъ плохо?). Пустые сосуды этихъ отвлеченностей у себя дома наполнялись своимъ мѣстнымъ содержаніемъ, культурными, экономическими и политическими интересами данной страны и эпохи. Общечеловѣческіе идеалы были на Западѣ метафорическими девизами, подъ которыми происходили споры и битвы между конкретными задачами живой дѣйствительности... Вотъ, вѣдь, какую Америку открываетъ „новый“ консерваторъ; онъ и не догадывается, что эта Америка давно уже открыта европейскою наукой и давно уже изслѣдуется ненавистными ему „шаблонными“ либералами. Вотъ почему, говоря о героѣ романа г. Боборыкина, мы и сказали, что эти продукты нашего общественнаго недомыслія всосали въ себя всѣ результаты нашей умственной эволюціи, все перепутавъ и ничего хорошенько не понявъ. Какъ разъ тѣ положенія, которыя приводятъ къ настоящему, широкому космополитизму, настоящимъ образомъ понимаемому, они думаютъ эксплуатировать въ пользу самаго узкаго націонализма, и думаютъ такъ вполнѣ искренно. Предаваясь такимъ воспоминаніямъ, N. сознавалъ, что это, т.-е. западничество, не только тѣни минувшаго, но и живые элементы текущей современности. Духъ унынія и скуки продолжаетъ носиться надъ нами. Мы *задыхаемся въ пустынѣ настоящей минуты и съ тоской ожидаемъ пустыню завтрашняго дня.* Лучшіе умы скорбятъ надъ нашимъ душевнымъ состояніемъ: вы ничего не любите,— говорятъ они намъ,—вы ни во что не вѣрите искренно, у васъ нѣтъ дорогихъ цѣлей, васъ не манятъ къ себѣ никакіе идеалы... Но бѣда не смертельна и изъ нея существуетъ выходъ. Интеллигенція несчастна потому, что обособилась и замѣнила истинные жизненные двигатели чисто-теоретическими, формальными принципами. Ей необходимо, стало быть, слиться съ народомъ. Въ колоссальномъ тѣлѣ русскаго народа живетъ своеобразный внутренній смыслъ, *скрытый* идеалъ, стремящійся реализоваться мало-по-малу. *Внѣшняя организація, наша русская организація* (avis гг. Spectator'у и Тихомирову) *не есть единственная скрѣпа.* Намъ можно понять этотъ скрытый жизненный смыслъ и слиться съ нимъ. Эти мысли у N. не были возрожденіемъ старыхъ славянофильскихъ ученій. Не сливаясь съ славянофильскимъ мистицизмомъ, N. отстранялся и отъ народничества. Девизъ N. былъ: не на колѣни *передъ* народомъ, а *вмѣстѣ* съ народомъ.

Онъ мечталъ написать книгу, нѣчто вродѣ исторіи цивилизаціи Россіи, изъ біографіи русскаго народа, гдѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ *національный духъ*... Все это не только хорошо, но даже, можно сказать, превосходно и, конечно, дай Богъ нашему теляти волка поймати, но... Въ томъ-то и дѣло, что тутъ имѣется очень большое *НО*. Что такое именно этотъ національный духъ, въ чемъ именно онъ заключается, изъ какихъ составныхъ элементовъ, изъ какихъ ингредіентовъ состоитъ онъ? Мы уже говорили, что, наприм.,

христіанство Сурепина не можетъ составлять его связи съ двоевѣріемъ мужика. Теперь намъ говорятъ, что внѣшняя организація тоже не составляетъ единственной скрѣпы. Входятъ ли въ національный духъ господа Сусловы, образованные *купчишки* Кувшинниковы, кулаки и кровопійцы? Входятъ ли въ него тотъ голый запретъ, о которомъ говорилъ г. Ярошъ, невѣжество, грубость, самодурство, самопроизвольное и принудительное разрушеніе общины, сословность, признаніе большинства населенія малолѣтними, подлежащими опекѣ и особымъ правиламъ, и проч. и проч.? Все это, вѣдь, жизненные вопросы и для народа, и для его *духа*, и для интеллигенціи. Съ чѣмъ именно должна слиться послѣдняя? Можетъ быть,—продолжаетъ анализировать себя N.,—въ моихъ общественныхъ политическихъ воззрѣніяхъ заключается поводъ называть меня доктринеромъ регресса? И онъ излагаетъ эти воззрѣнія. Окружающая жизнь представляетъ нѣчто вродѣ естественнаго состоянія. Нѣтъ въ ней законности. Конечно, у насъ были законы, были абстрактныя юридическія грани, но жизнь не укладывалась въ эти формы и практика обнаруживаетъ безсознательную тенденцію обходиться безъ законодательной теоріи. Отсутствіе у гражданъ чувства законности пропитываетъ собой всю экономическую жизнь, расшатываетъ кредитъ и торговлю, порождаетъ обманъ и хищенія. Оно вноситъ въ общественную организацію апатію, искажаетъ правосудіе. Оно способно испортить стражей общественнаго благочинія, усыпивъ ихъ безнаказанностью превышеній власти. Естественное состояніе есть царство *насилія*, обидъ и отмщеній. Оно есть истинный *анархическій* угаръ, въ которомъ *хорошо живется лишь наглецамъ и нахаламъ* и очень плохо людямъ скромнымъ, несущимъ всю тяготу общественнаго преуспѣянія. Такими началами и руководился N. въ своей дѣятельности. Онъ не былъ врагомъ эпохи реформъ, не выступалъ сторонникомъ утѣсненій, былъ противникомъ пристрастныхъ, сословныхъ мѣропріятій. Его единственнымъ врагомъ было *беззаконіе*, въ какихъ бы формахъ вторженія чиновничества въ жизнь оно ни проявлялось. Для утвержденія чувства законности, по его мнѣнію, прежде всего необходима сильная государственность; но онъ понималъ, что этотъ девизъ: „сила власти“—можно истолковать весьма превратно, что въ его формулу можно вставить самые дикіе тезисы, самыя ужасныя идеи. Подъ понятіемъ охраны престижа власти можно понимать закупориваніе общежитія въ тѣсный ящикъ, душную атмосферу рабскаго молчанія (опять avis гг. старымъ консерваторамъ). Но, понимая все это, N. не хочетъ новаторства именно потому, что „интеллигентный человѣкъ конца вѣка“ извѣрился въ „шаблоны“ и не знаетъ, куда ему идти. Для интеллигенціи наступило время остановиться и подождать главныя силы, т.-е. народъ. Эти главныя силы, совершая свое медленное шествіе, окрѣпнутъ экономически (а что, если, пока интеллигенція *юдить* будетъ, у главныхъ-то силъ роса глаза выѣстъ?), дисциплинируются нравственно (въ естественномъ-то состояніи?), разовьются умственно и двинутся по своей дорогѣ... И эта дорога будетъ ярко освѣщена собственными родными идеалами... Но воздержаніе,—говоритъ въ заключеніе г. Ярошъ,—не есть, однако, пассивность. Интеллигенціи милостиво разрѣшается „черпать изъ тысячелѣтнихъ опытовъ Западной Европы“. *Заимствованія техники жизни* не обусловливаютъ національнаго отступничества. Мы можемъ выписать изъ-за границы музыкальный инструментъ, но это не обязываетъ насъ играть на немъ непремѣнно заграничныя мелодіи. Profession de foi „новаго“ консерватизма не отличается особою ясностью и опредѣленностью: оно

носитъ на себѣ отпечатокъ своего происхожденія въ смутное время нашей общественной жизни; но во всякомъ случаѣ его нельзя не привѣтствовать, какъ признакъ наступающихъ лучшихъ временъ. Это уже не нелѣпый призывъ куда-то „домой", не дикіе взвизги человѣконенавистничества и смраднаго мракобѣсія.

Насчетъ „заимствованія техники", насчетъ „привоза изъ-за границы музыкальнаго инструмента, на которомъ мы можемъ разыгрывать не заграничныя мелодіи", происходитъ нѣчто совсѣмъ странное. Какъ извѣстно, г. Струве желаетъ произвести такое „заимствованіе техники", выписать заграничный инструментъ, капитализмъ, и разыгрывать на немъ заграничныя мелодіи. И что же? Тѣ самые „новые консерваторы", которые такъ боятся „шаблоновъ" въ лицѣ сотрудника *Русскаго Вѣстника* г. Головина, радостно привѣтствуютъ такое заимствованіе техники и находятъ, что, оставляя въ сторонѣ отдаленные идеалы современныхъ экономическихъ матеріалистовъ, въ настоящее время можно идти съ ними рука въ руку. Они, эти „интеллигентные люди конца вѣка", оказываются въ компаніи со старыми западниками, г. Скворцовымъ, прислуживающимся капиталу, и съ бывшимъ фабричнымъ инспекторомъ, а нынѣ профессоромъ и академикомъ г. Янжуломъ, расшаркивающимся предъ г. Струве и желающимъ насадить предпринимательскіе синдикаты. А тѣ самые „шаблонные" либералы, которые такъ слѣпо заимствуютъ, по мнѣнію новыхъ консерваторовъ, не только технику, но и самый духъ цивилизаціи Западной Европы, энергично борятся противъ подобныхъ заимствованій техники и, вывозя изъ-за границы инструментъ, европейскую науку, разыгрываютъ, или пытаются, по крайней мѣрѣ, разыгрывать, на немъ совсѣмъ не заграничныя мелодіи. Такъ вотъ въ наше смутное время какой оборотъ вышелъ— все перемѣшалось и перепуталось подъ вліяніемъ не абстрактныхъ идей и сантиментально-мечтательныхъ возгласовъ, за которыми, однако, скрывается нѣчто весьма простое и низменное, а подъ вліяніемъ подлинныхъ, реальныхъ житейскихъ интересовъ.

Русское Богатство продолжаетъ вести борьбу съ нашими нео-марксистами. Въ разбираемой книгѣ противъ главнаго представителя этого направленія, г. Струве, почтенный журналъ выдвинулъ, такъ сказать, свою тяжелую артиллерію въ лицѣ г. Николая-она (*Апологія власти денегъ, какъ признакъ времени*). Въ короткихъ журнальныхъ замѣткахъ мы не можемъ, конечно, слѣдить за послѣдовательно развивающеюся аргументаціей г. Николая-она, но, тѣмъ не менѣе, не можемъ отказать себѣ и читателю въ удовольствіи сдѣлать изъ его статьи нѣкоторыя выписки. „Мы съ особенною силой,—говоритъ почтенный авторъ,— настаиваемъ на томъ фактѣ, что уменьшеніе потребленія хлѣбныхъ продуктовъ относится ко всей странѣ. Какъ бы значительно ни увеличивалась потребность въ одеждѣ и друг. продуктахъ у остальной, кромѣ крестьянства, части населенія, но въ результатѣ должно было оказаться то, что дѣйствительно оказалось: съ уменьшеніемъ потребленія хлѣба должно было уменьшиться и производство продуктовъ обрабатывающей промышленности"... Причина не въ „переселеніи, а въ томъ, что, по мѣрѣ дальнѣйшаго раздѣленія общественнаго труда, у земледѣльческаго населенія освобождается неимовѣрно большое количество свободныхъ рабочихъ, для которыхъ нѣтъ занятій, что ему приходится искать средства въ земледѣльческомъ трудѣ, который при данныхъ условіяхъ даетъ все меньше и меньше потребительныхъ стоимостей, каждая единица которыхъ постоянно,

притомъ, понижается, какъ стоимость мѣновая... Освобожденіе рабочихъ силъ и рабочаго времени и населенія—не утопія, а самая подлинная дѣйствительность. Если что и заслуживаетъ названія „утопіи", такъ это мысль, что развитіе капиталистической промышленности представляетъ „формулу экономическаго развитія Россіи".

Говоря далѣе о роли рынковъ въ капиталистическомъ производствѣ, г. Николай-онъ продолжаетъ: тотъ же процессъ, который наблюдается на всемірномъ рынкѣ, наблюдается и въ каждой странѣ, вступившей на путь развитія въ капиталистической формѣ производства. Но разница та, что въ такой странѣ внѣшнихъ рынковъ нѣтъ и потому сокращается производство мѣстное, не капиталистическое, и, въ концѣ-концовъ, происходитъ то же, что и вездѣ: капиталистическое производство, дойдя до извѣстной степени развитія, встрѣчаетъ препятствіе въ томъ, что̀ само же и породило,—въ невозможности для населенія при помощи труда, продолжающагося половину года, существовать круглый годъ. Потому-то число фабричныхъ рабочихъ у насъ уже начинаетъ уменьшаться. Стало быть, этотъ „заколдованный народническій кругъ", по выраженію г. Струве, есть только частный случай заколдованнаго круга капиталистическаго всемірнаго хозяйства и всеобъясняющее „перенаселеніе" г-на Струве ничего не объясняетъ; это пресловутое „перенаселеніе" есть просто результатъ осуществленія той формулы, которую г. Струве считаетъ „формулой экономическаго развитія Россіи", т.-е. результатъ насажденія капиталистической промышленности. „Никакой приказъ г-на Струве,—замѣчаетъ авторъ,—въ какой бы строгой формѣ онъ данъ ни былъ (Россія *должна* стать богатою капиталистическою страной), не можетъ сдѣлать того, что совершиться не можетъ"... Господа Струве полагаютъ, что экономическое развитіе каждой страны должно совершаться по одному шаблону, а по какому именно, о томъ смотри въ книжкахъ. Они забываютъ, что эволюція предполагаетъ борьбу; а гдѣ борьба, тамъ есть и побѣдители, и побѣжденные... И не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ международной экономической борьбѣ наше оружіе—продукты земледѣлія—не соотвѣтствуетъ оружію нашихъ противниковъ, да и способъ борьбы не позволяетъ намъ улучшать наше оружіе. На всемірномъ рынкѣ мы являемся съ продуктомъ менѣе интензивнаго труда, между тѣмъ какъ быстро ростущее, хищническое капиталистическое сельское хозяйство все болѣе расширяетъ пропасть между производительностью нашего народнаго рабочаго дня и рабочаго дня иностраннаго рабочаго... И все это благодаря тому, что наши усилія направлены не на развитіе такой формы производства, которая удовлетворяла бы народныя потребности, а на развитіе такой, которая гонится за призракомъ развитія національнаго богатства, обездоливая главный источникъ народнаго богатства—рабочія силы. Путь, по которому приглашаютъ насъ идти, уже испытанъ нами; формула экономическаго развитія Россіи: „дальнѣйшее общественное раздѣленіе труда" есть формула обездоливанія населенія; она выражаетъ собой, въ предлагаемой формѣ, отнятіе у населенія внѣземледѣльческихъ промысловъ, необходимость существовать трудомъ только земледѣльческимъ, что значитъ существовать трудомъ меньшей части года. А это означаетъ обѣднѣніе населенія, сокращеніе внутренняго рынка для обрабатывающей промышленности, что и отразилось уже на относительномъ уменьшеніи числа рабочихъ, занятыхъ на фабрикахъ. Нѣтъ, не въ капитализмѣ надо искать спасенія...

„Совершенно правы тѣ, — заключаетъ свою статью г. Николай-онъ, — которые для нашего отечества ищутъ матеріальнаго основанія для созданія иного пути хозяйственнаго развитія, а не того, которымъ шла и идетъ Западная Европа. Во всякомъ случаѣ, для рѣшенія этого вопроса есть только одинъ путь, указанный намъ естественными науками, идя по которому, послѣднія все болѣе и болѣе даютъ возможность человѣку изъ раба природы въ значительной мѣрѣ стать ея властелиномъ; а достиженіе такого результата имѣетъ неизмѣримо большее значеніе въ области явленій общественныхъ. Но, вступивъ на этотъ путь, надо разъ навсегда отказаться отъ доктринерскихъ толкованій и признать, что истину можно открыть только изучая самыя явленія, сопоставляя ихъ, находя между ними связь, наблюдая вліяніе развитія каждаго изъ нихъ на остальныя, а это можетъ дать, между прочимъ, статистика, которая открываетъ экономической наукѣ такія широкія перспективы, какія и не снились доктринерамъ, подобнымъ г. Струве“.

Изъ беллетристическихъ произведеній разбираемой книги *Русскаго Богатства* особаго вниманія заслуживаютъ очерки г-жи Лухмановой: *Въ глухихъ мѣстахъ*. Можетъ быть, нѣкоторыя изъ сценъ рискованны и могутъ показаться подражательными: таковы, напримѣръ, сцены покаянія Фелицаты въ монастырѣ, сцены ея мистическо-любовнаго бреда во время замерзанія и вся сцена этого замерзанія. Все это какъ будто немного напоминаетъ Катерину въ *Грозѣ* или, лучше сказать, ея истолкованіе Добролюбовымъ. Кажется, какъ будто авторъ *намѣренно* хотѣлъ въ личности Фелицаты изобразить „лучъ свѣта въ темномъ царствѣ“, на каковое званіе Фелицата отнюдь не имѣетъ какихъ-либо правъ, по крайней мѣрѣ, въ ея обрисовкѣ авторомъ въ началѣ „очерковъ“... За то вполнѣ самостоятельны и реальны сцены мольбы и кутежа купцовъ въ старовѣрческомъ женскомъ скиту. Фигуры Савки-дьякона, Ивана Артамоновича и скитницъ Секлетеюшки и Паранюшки совсѣмъ живыя, а фигура старухи Овечихи, властной и духовно-сильной женщины, рѣшившейся заморить себя въ молельнѣ голодомъ, если ея бурный и возмутившійся сынъ, пораженный смертью Фелицаты, милой ему грѣшницы, не покается и не подчинится,—особенно хороша.

Русскій Архивъ, *январь—февраль*. Нашей исторической журналистикѣ, также какъ и литературно-политической, приходится переживать очень трудный моментъ, ставить на первый планъ не насущныя потребности современной исторической науки и держаться не опредѣленно выработанной программы, а жить изо дня въ день, довольствуясь случайно залетѣвшимъ въ редакцію хламомъ или извлекая изъ забытыхъ портфелей, давно посѣдѣвшихъ отъ пыли, матеріалъ, который бы не особенно противорѣчилъ тяжелому духу переживаемыхъ минутъ, а то и пѣлъ ему въ унисонъ. Въ качествѣ такого случайнаго хлама гг. со-
с авители *Русскаго Архива*, какъ величаютъ себя П. И. и Юр. П. Бар-
т невы, не стѣсняются помѣщать *Историко-критическія замѣтки* Д.
И Иловайскаго (№ 2, стр. 249 и сл.), въ которыхъ неудачный авторъ
1 *ксоланской теоріи происхожденія Русскаго государства* (sic) жалуется
н двухъ представителей русской науки—В. Г. Васильевскаго и В. И.
С эгѣевича, что они въ своихъ новыхъ работахъ не обращаютъ ни
м гѣйшаго вниманія на эту „роксоланскую“ теорію, возбудившую улыб-
к сожалѣнія еще двадцать пять лѣтъ тому назадъ и въ теченіе столь
д игаго времени тщетно ожидавшую смѣльчака, который бы рискнулъ

серьезно выступить ея сторонникомъ. Не могутъ представлять интереса для такого журнала, какъ *Русскій Архивъ*, и тексты надгробныхъ надписей въ московскихъ церквахъ, собранные А. А. Мартыновымъ (ibid., стр. 279 и сл.): безчисленныя перечисленія, что тогда-то „преставися рабъ Божій“ такой-то или раба Божія такая-то, по скукѣ, какую они нагоняютъ, смѣло могутъ соперничать съ брюзжаньемъ непризнаннаго роксоланскаго теоретика. Мало интереса представляютъ *Желѣзно-дорожныя впечатлѣнія. Изъ воспоминаній* В. А. Роткирха (№ 1, стр. 56 и сл.), которымъ умѣстнѣе было бы явиться, напримѣръ, въ *Историческомъ Вѣстникѣ*. Это—рядъ житейскихъ анекдотовъ, пересыпанныхъ жалобами на недостатокъ у насъ субординаціи и разсужденіями по вопросу о такъ называемомъ предопредѣленіи. *Историческаго* въ нихъ нѣтъ ничего, кромѣ рѣзко подчеркнутаго факта обилія злоупотребленій на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ,—злоупотребленій, постоянно приводившихъ къ очень печальнымъ *исторіямъ*. Желѣзно-дорожные агенты совсѣмъ убѣждены, что публика существуетъ для дороги, а кровь людская—вода (стр. 79). Авторъ особенно негодуетъ на желѣзно-дорожную „тлю“, какъ онъ выражается, т.-е. на оберъ-кондукторовъ, контролеровъ движенія, начальниковъ станцій. „Это,—говоритъ Роткирхъ,—мелкіе деспоты, тираны, на которыхъ трудно найти управу. Если вы не заплатили оберъ-кондуктору, то не получите мѣста для спокойнаго ночлега. Ежели вамъ, по приказанію какого-нибудь желѣзно-дорожнаго начальника, отведутъ особое купэ, то оберъ-кондукторъ на слѣдующихъ станціяхъ постарается биткомъ набить ваше купэ пассажирами. Но если бы не случилось этого, то случается еще чаще, что контролеръ или другой служащій самъ пожелаетъ занять ваше купэ и потому приказываетъ оберъ-кондуктору „очистить купэ“, а если вы вздумаете сопротивляться, то васъ выведутъ силою. Жалуйтесь потомъ на него: онъ будетъ всегда правъ, скажетъ, что вы занимами „дамское“ купэ, буйствовали, скандальничали и не хотѣли уступать мѣста дамамъ. Противъ васъ свидѣтелей будетъ много, а за васъ ни одного“ (стр. 78—79). Въ мемуарѣ *Изъ записной книжки дипломата* (№ 1, стр. 105 и сл.) любопытны развѣ только двѣ отмѣтки, какъ императоръ Николай велѣлъ разбить одно изъ лучшихъ украшеній Эрмитажа—мраморную статую Вольтера работы ваятеля Houdon (1782), спасенную благодаря находчивости Ѳ. А. Бруни, и назвалъ дуракомъ командира артиллеріи Пенхержевскаго (на маневрахъ въ Красномъ Селѣ въ 1836 г.), остальное печатано ради наполненія чѣмъ-нибудь страницъ *Русскаго Архива*.

Вниманіе публики могутъ привлечь лишь три вещи: 1) *Записка А. В. Никитенка о направленіи журнала „Русское Слово“* (№ 2, стр. 225 и сл.); 2) *Наброски изъ воспоминаній князя Д. Д. Оболенскаго* (№№ 1 и 2) и 3) *Повстанье въ Гроднѣ въ 1863—1864 году* И. А. Митропольскаго (№ 1, стр. 129). Имя Никитенка, какъ автора дневника, печатавшагося въ *Русской Старинѣ* и затѣмъ изданнаго отдѣ-но съ порядочными цензурными урѣзками, за послѣднее время не ра- поминалось въ журналахъ и въ публикѣ въ ореолѣ либеральнаго цѣ- зора мрачной дореформенной поры. Безпощадный отрицатель ея вопі- щихъ нелѣпостей, Никитенко, какъ это легко усматриваютъ изъ е- дневника внимательные его читатели, не былъ и не могъ быть цен- ромъ „либеральнымъ“. Насколько это такъ, съ успѣхомъ можно вид- изъ записки Никитенка о *Русскомъ Словѣ* отъ 11 ноября 1861 г., ко- въ самый разгаръ освободительнаго движенія нашъ мемуаристъ вы-

паетъ съ проповѣдью примѣненія принципа ежовыхъ рукавицъ къ печати, выступаетъ съ предложеніемъ прикрыть *Современникъ* и *Русское Слово*, сдѣлать выговоръ цензору послѣдняго за якобы „либеральное" цензурованіе. Документъ, напечатанный въ *Русскомъ Архивѣ*, представляетъ поэтому большой интересъ, и было бы очень поучительно, еслибъ напечатаны были и другія канцелярскія произведенія Никитенка, чтобъ яснѣе представить себѣ его роль въ тѣхъ репрессіяхъ, которыя постигли нашу печать въ пылу реформы. Далекій отъ исповѣдыванія великаго принципа свободы печати, Никитенко считалъ нужнымъ опекать, и опекать очень строго, русскую читающую публику въ литературномъ отношеніи: эта публика такъ де „мало развита и образована", что „не въ состояніи противиться обаянію печатнаго слова", и какъ нарочно со страстью накидывается на *Современникъ* и *Русское Слово*, которые какъ нарочно проповѣдуютъ соціализмъ и матеріализмъ. Желая двумя этими грозными словами сломить жизнь названныхъ двухъ журналовъ, Никитенко приводитъ изъ нихъ нѣсколько выписокъ, пишетъ: „Всѣ заключающіяся въ сдѣланныхъ мною выпискахъ мысли до того нелѣпы, ребячливы, противны всѣмъ условіямъ человѣческой логики, опыта, многочисленнымъ свидѣтельствамъ исторіи и науки, до того отличаются надутымъ суесловіемъ, вздорнымъ тономъ, ухватками, забіячливостью, умничаньемъ и всезнаніемъ недоучившагося школьника, что онѣ скорѣе достойны смѣха, чѣмъ серьезнаго вниманія и преслѣдованія". Записка оканчивается, однако, предложеніемъ распечь, накричать, закрыть.

Отрывочные наброски изъ воспоминаній князя Д. Д. Оболенскаго представляютъ цѣну, какъ матеріалъ для характеристики реформенныхъ лѣтъ самихъ по себѣ и по сравненію съ предшествующимъ временемъ. Кн. Оболенскій самъ называетъ себя „человѣкомъ свободнаго направленія 60-хъ годовъ" (№ 2, стр. 237), съ отвращеніемъ относится къ дореформеннымъ порядкамъ, открыто заявляя, что только люди не знавшіе ихъ или *намѣренно* забывающіе могутъ утверждать, что „дореформенное время было золотымъ вѣкомъ Россіи" (№ 1, стр. 62), умѣетъ честно относиться къ людямъ, на которыхъ валятся огульныя и безчисленныя обвиненія, характеризуя такихъ желѣзно-дорожныхъ еврейскихъ концессіонеровъ, какъ А. М. Варшавскій и А. Г. Горвицъ, въ высокой степени деликатными (№ 2, стр. 242) и принимая горячее участіе въ судьбѣ Дм. Ив. Писарева (ibid., стр. 236). Всякій, кто просматриваетъ *Русскій Архивъ*, наброски кн. Оболенскаго прочтетъ сплошь и съ удовольствіемъ, такъ что нѣтъ особенной нужды слишкомъ подробно останавливаться на ихъ содержаніи. Достаточно отмѣтить, напримѣръ, характеристику ретрограднаго тульскаго губернатора М. Р. Шидловскаго (№ 1, стр. 62 и сл.), который „развелъ страшно бумажное производство и переписку до безконечности" и не терпѣлъ по возможности никакого проявленія независимости въ губерніи; онъ былъ первымъ, который разсудку вопреки, а также и положенію 19 февраля 1861 г., сталъ принимать жалобы на рѣшенія мировыхъ съѣздовъ по рѣшенію волостныхъ судовъ. Но Шидловскій, консервативный по натурѣ, былъ порядочнымъ человѣкомъ... и, не выдержавъ поста товарища министра внутреннихъ дѣлъ, отъ нервнаго разстройства умеръ въ Парижѣ, куда отправили его лечить. „Когда за границей государственный дѣятель,—печально и вѣрно замѣчаетъ кн. Оболенскій (стр. 5),—исключительно занятъ своимъ только дѣломъ, русскому дѣятелю приходится. если можно такъ выразиться, мѣняться на мелкую монету.

Онъ менѣе всего занятъ своимъ дѣломъ. Не говоря уже про формалистику, которая беретъ половину его времени, масса мелкихъ посторонпихъ интересовъ и препятствій отвлекаютъ его, почему рѣдко - рѣдко способный и работящій министръ долго можетъ удержаться на своемъ посту". Авторъ наблюдалъ „многихъ заработавшихся государственныхъ дѣятелей, для которыхъ борьба съ ежедневными противодѣйствіями, затрудненіями и людскою злобой становилась не подъ силу". Такъ, въ борьбѣ съ тупыми нападками реакціонной партіи погибъ Николай Милютинъ, да и не одинъ онъ.

И. А. Митропольскаго, автора воспоминанія *Повстанье въ Гроднѣ въ 1863—1864 г.,* никакъ нельзя упрекнуть въ полонофильствѣ или непочтительномъ отношеніи къ такому представителю администраціи, какъ М. Н. Муравьевъ, или патріотизмѣ, такъ какъ онъ и на поляковъ сердится, и Муравьева хвалитъ. Это обстоятельство не помѣшало г. Митропольскому привести нѣсколько весьма любопытныхъ фактовъ, пожаловаться на „глупости или неспособности" (стр. 132) представителей русской власти въ городѣ и на поведеніе русскаго военнаго элемента въ Гродно во время муравьевскаго управленія: военный элементъ не только ругалъ поляковъ и евреевъ отборными выраженіями, но и билъ въ свое удовольствіе, и лупилъ нагайками (стр. 140, 141), не помѣшало оно и поразсказать кое о какихъ злоупотребленіяхъ по медицинской части въ госпиталѣ, и характеризовать русскую колонію въ городѣ, какъ „что-то выцвѣтшее и изъѣденное молью, вызывавшее чувство брезгливости при соприкосновеніи съ ней". Одобряя Муравьева, г. Митропольскій довольно презрительно говоритъ о Катковѣ и той роли, которую онъ на себя взялъ послѣ неожиданнаго для него самого успѣха статей по польскому вопросу. Катковъ,—говоритъ г. Митропольскій,—совсѣмъ „не понялъ своего значенія" и вообразилъ себя тѣмъ, чѣмъ никогда не былъ. Никитенко въ своемъ дневникѣ, какъ извѣстно, еще рѣшительнѣе и рѣзче осудилъ Каткова, какъ публициста.

Слѣдуетъ въ разбираемыхъ книжкахъ *Русскаго Архива* обратить вниманіе еще на *Письмо барона В. И. Штейнгеля къ императору Николаю* отъ 11 января 1826 г. (П. Бартеневъ въ предисловіи замѣчаетъ, что дѣло о декабристахъ разрѣшено распечатать и воспользоваться имъ одному изъ нашихъ историковъ). Письмо бар. Штейнгеля производитъ сильное впечатлѣніе. Это—грозный обвинительный актъ всей политикѣ александровскаго царствованія (не во всѣхъ, правда, частяхъ одинаково справедливый). Авторъ заявляетъ, что слова высочайшаго манифеста о вступленіи на престолъ Николая I, будто его царствованіе будетъ продолженіемъ предъидущаго, навели ужасъ на всѣхъ (стр. 162): хотя правительство Александра I и обнаружило въ началѣ „явное намѣреніе готовить государство къ воспріятію конституціонныхъ началъ" (стр. 163), однако, на дѣлѣ вышло то, что „правленіе было во многихъ отношеніяхъ для Россіи пагубно, подъ конецъ же тягостно для всѣхъ состояній даже до послѣдняго изнеможенія"; дѣйствія министерства финансовъ за послѣднія 10 лѣтъ стали просто „ужасны (стр. 164) и торговля дошла „до паралитическаго состоянія"; въ чи зolъ авторъ перечисляетъ несовершенства дѣйствующихъ „Табел рангахъ" и „Городового положенія". Авторъ въ ужасѣ отъ „соблаз тельнаго торжества извѣстнаго Фотія" (стр. 172) и въ одномъ мѣ своей записки весьма тепло говоритъ о знаменитомъ Н. И. Новик Этому теплому упоминанію о Новиковѣ мы склонны придавать зна ніе. „Дѣятельное просвѣщеніе въ Россіи,—говоритъ Штейнгель,—в

лось при Екатеринѣ. Одинъ частный человѣкъ, Новиковъ, съ обществомъ своимъ старавшійся о распространеніи чтенія полезныхъ книгъ и для сего имѣвшій свою типографію, сдѣлалъ едва ли не болѣе, нежели всѣ училища. Молодые люди съ талантами посылались на счетъ сего общества вояжировать, и дѣйствительно, многіе обязаны стали ему послѣдующею своею извѣстностью... изъ сего разсадника люди первые явились на сцену, когда при началѣ царствованія Александра I открылось вожделѣнное намѣреніе его просвѣтить Россію и уничтожить въ ней рабское состояніе“ (стр. 169). Отмѣтимъ въ названномъ письмѣ открытое заявленіе, что русская интеллигенція принадлежитъ къ желателямъ политической свободы и свободы печатнаго слова (стр. 174). Впослѣдствіи баронъ Штейнгель занималъ довольно важный административный постъ. Письмо Штейнгеля сообщено *Русскому Архиву* К. П. Побѣдоносцевымъ.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 марта по 1 апрѣля 1895 г.

Шмидтъ, Н. Я., врачъ. Къ гигіенѣ рыбнаго промысла въ устьѣ р. Волги. (Санитарно-статистическое изслѣдованіе). I. Санитарныя условія жизни рабочихъ. М., 1895 г.

Свѣтловъ, В. Кавказскія преданія и легенды. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Врангель, К. Г. Книга о лошади. Изд. Ф. В. Щепанскаго. Спб., 1895 г.

Огородниковъ, П. Н. Земская медицина. Рождаемость, заболѣваемость и смертность населенія Тираспольскаго уѣзда, Херс. губ., въ 1893 г. Изд. уѣзднаго земства. Одесса, 1894 г.

Тезяковъ, Н., санит. врачъ. Земскія школы Елисаветградскаго уѣзда въ санитарномъ отношеніи. Елисаветградъ, 1895 г.

Берентсъ, Э. О шведско-норвежской уніи. Историко-политическій этюдъ. Ярославль, 1895 г.

Ученыя записки Императорскаго Юрьевскаго университета. Годъ 3-й, № 1-й. Юрьевъ, 1895 г.

Реклю, Элизе. Земля. Описаніе жизни земного шара. Выпускъ III. Подземныя силы. Пер. А. В. Мезіеръ. Вып. IV. Океанъ. Пер. Д. Д. Струнина. Изд. О. Н. Поповой. Спб., 1895 г. Ц. каждаго вып. 1 р. 10 к.

Шредеръ, В., др. мед. Женскій врачъ. Общедоступное изложеніе женскихъ болѣзней, ихъ сущность, причины, предохраненіе и леченіе. Изданіе М. Блехманъ. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Де-Турвиль, Анри. Соціальная наука представляетъ ли науку? Пер. съ франц. гр. Н. С. Ланского, со статьей переводчика „Ле-Плэ и его школа“. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Демолэнсъ, Эдмонъ. Какъ воспитывать и устраивать нашихъ дѣтей. Пер. съ франц. Гр. Н. С. Ланской. Спб., 1895 г. Ц. 25 к.

Докладъ коммиссіи 3-го кіевскаго областного съѣзда сельскихъ хозяевъ о системахъ хозяйства и мѣрахъ къ улучшенію организаціи хозяйствъ. Кіевъ, 1895 г.

Меншиковъ, Николай. Система сельско-хозяйственнаго упрощеннаго счетоводства. М., 1895 г.

Труды 4-го съѣзда агрономовъ вятскаго губернскаго земства, съ приложеніями. Изданіе вятскаго губернскаго змства. Вятка, 1894 г.

Bibliographie méthodique des livres de médecine. Paris, 1895 г.

Обзоръ десятилѣтней дѣятельности амбулаторной лечебницы для туземныхъ женщинъ и дѣтей въ г. Ташкентѣ (1883—1894 гг.). Составленъ женщ.-врачами: А. Пославской и Е. Мандельштамъ. Изданіе сыръ-дарьинскаго областного статистич. комитета. Ташкентъ, 1894 г.

Сборникъ матеріаловъ для статистики Сыръ-дарьинской области. Изд. сыръ-дарьинскаго областного статистич. комитета. Томъ III. Ташкентъ, 1894 г.

Сенкевичъ, Генрикъ. Семейство Поланецкихъ. Ром. въ двухъ част. Пер. съ польскаго М. Кривошеева. Съ портретомъ Генрика Сенкевича. Изд. журнала „Сѣверный Вѣстникъ“. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.

Венгеровъ, С. А. Критико-біографическій словарь русскихъ писат[illegible]ей и ученыхъ (отъ начала русской обр[illegible]ованности до нашихъ дней). Т. IV. [illegible]тд. I. Боборыкинъ-Богоявленскій. Отд. [illegible] — Вавиловъ-Введенскій. Спб., 1895 г[illegible]

Ежегодникъ Императорскихъ театр[illegible]ъ. Сезонъ 1893—1894 гг. Книга 3-я.

Автобіографія Гервинуса. Пер. Эду[illegible]да Циммермана. Изданіе К. Т. Сол[illegible]никова. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 [illegible]

Никольскій, Вл. О благотворныхъ явленіяхъ природы въ организмѣ человѣка при физіологическихъ и патологическихъ измѣненіяхъ. Варшава, 1895 г.

Вернеръ, Карлъ, д-ръ. Массажъ, его техника, примѣненіе и дѣйствіе. Изданіе „Медико-хирургич. книжнаго магазина“ Н. П. Петрова. Спб., 1895 г. Ц. 75 к.

Отчетъ правленія общества взаимнаго вспомоществованія прикащиковъ-евреевъ г. Одессы за 1894 г. Одесса, 1895 г.

Воспоминанія суворовскаго солдата. Съ портретомъ автора воспоминаній. Спб., 1895 г. Ц. 30 к.

Penzoldt, F., Dr., и Stintzing, Dr. Руководство къ частной терапіи внутреннихъ болѣзней. Выпускъ I. Пер. подъ редакціей д-ра Г. Л. Шапиро. Изд. Риккера. Спб., 1895 г.

Шперкъ, Өедоръ: Философія индивидуальности. Varia. Спб., 1895 г. Ц. 30 к.

Нестеровъ, Н. С. Сахарный кленъ и клено-сахарное производство въ Сѣверной Америкѣ. Спб., 1895 г.

Мануиловъ, А. Аренда земли въ Ирландіи. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. М., 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.

Муратовъ, Н. А. Грамматика современнаго церковно-славянскаго языка. М., 1895 г. Ц. 45 к.

Карлетти, Т. Современная Россія. Очерки. Перев. съ итальянскаго Анны Волховской. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Дементьева, Н. М. Іоанна д'Аркъ. Историческая хроника. М., 1895 г.

Pachalery, A. Dictionnaire phraséologique de la langue française. A l'usage des Russes. Odessa, 1895 г.

Зелинскій, В. Критическіе комментаріи къ сочиненіямъ А. Н. Островскаго. Т. II. Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Стульгинскій. Восьми и девяти-часовой трудъ на Добрушской писчебумажной фабрикѣ князя Паскевича. Спб., 1895 г.

Воскресенскій, Е. Темы и вопросы для письменныхъ упражненій по русскому языку и литературныхъ бесѣдъ. Изд. К. И. Тихомирова. М., 1895 г. Ц. 30 к.

Архангельскій, С. М. О русскихъ гражданскихъ законахъ. Изд. К. И. Тихомирова. М., 1895 г. Ц. 20 к.

Риттеръ, фонъ, А. А. Отзвуки минувшаго. Воспоминанія стараго помѣщика. Изд. 2-е. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Житецкій, П. Теорія сочиненія съ христоматіей. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р.

Вагилевскій, М. Рабби Меиръ, его жизнь и дѣятельность. „Наша старина“. Изд. книжнаго магазина Я. Х. Шермана Одесса, 1895 г. Ц. 15 к.

Ждановъ, Ив. Русскій былевой эпосъ. Изслѣдованія и матеріалы. I — V. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб., 1895 г. Ц. 5 р.

Мюллеръ, А. Исторія ислама съ основанія до новѣйшихъ временъ. 2 тома. Пер. съ нѣмецкаго подъ ред. привать-доцента Н. А. Мѣдникова. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб., 1895 г. Ц. за два тома 5 р.

Свирскій, А. И. По тюрьмамъ и вертепамъ. Очерки. Изд. Д. А. Александрова. Москва, 1895 г. Ц. 1 р.

Шереметевскій, А. На юбилеѣ И. В. Гржимали. Москва, 1895 г.

Никоновъ, Сергѣй. Поручительство въ его историческомъ развитіи по русскому праву. Изслѣдованіе. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.

Труды экономическаго совѣта при нижегородской земской управѣ. Выпускъ II. Нижній-Новгородъ, 1895 г.

Глинскій, Б. Николай Михайловичъ Ядринцевъ. Біографическій очеркъ съ предисловіемъ В. Острогорскаго и приложеніемъ воспоминаній Г. Потанина. Изд. Д. И. Тихомирова. Москва, 1895 г. Ц. 50 к.

Отчетъ о дѣятельности харьковскаго общества распространенія въ народѣ грамотности за 1893 г. Харьковъ, 1894 г.

Кривенко, С. Н. На распутьи. Культурные скиты и культурные одиночки. Изд. О. Н. Поповой. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Діонео. На крайнемъ сѣверо-востокѣ Сибири. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Зисманъ, Л. Къ вопросу о психологіи слѣпыхъ. Наблюденія надъ прозрѣвшею слѣпою дѣвочкой. Иркутскъ, 1894 г.

Фельдшерскій вопросъ. Изданіе газеты „Фельдшеръ“. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.

Толстая, В. С. Дочь каторжника или изъ кузницы въ богатство. Романъ въ трехъ частяхъ. Составлено по Диккенсу. Изд. „Посредника“. Москва, 1895 г. Ц. 25 к.

Маръ, Н. Стихотворенія. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Кардо-Сысоева, Н. Е. Не въ деньгахъ счастье. Повѣсть для дѣтей. Москва, 1894 г. Ц. 50 к., въ переплетѣ 85 к.

Liszt, Franz. Задачи уголовной политики. Въ изложеніи Бориса Гурвича, кандидата на должности по судебному вѣдомству. Съ приложеніемъ письма автора. Спб., 1895 г.

Кауфманъ, Р., фонъ. Государственные и мѣстные расходы главнѣйшихъ европейскихъ странъ по ихъ назначеніямъ. Пер. съ третьяго нѣмецкаго изданія А. Гурьева. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Tillaux, P. Руководство къ топографической анатоміи въ примѣненіи къ хирургіи. Пер. подъ редакціей д-ра А. С. Таубера. Русское второе изданіе

К. Л. Риккера. Вып. III. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к. Подписная цѣна за все сочиненіе (6 выпусковъ) 9 р.

Письма А. С. Стурдзы къ Иннокентію, архіепископу херсонскому и таврическому. Одесса, 1894 г.

Козминъ, К. В. Къ вопросу о петербургско - пермской желѣзной дорогѣ. Спб., 1895 г.

Смитъ, Адамъ. Изслѣдованія о богатствѣ народовъ. Пер. М. Щепкина. Изд. К. Т. Солдатенкова, Москва, 1895 г. Ц. 1 р.

Мартенсъ, Ф. Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами. Составлено по порученію министерства иностранныхъ дѣлъ. Т. XI. Трактаты съ Англіею. 1801—1831 гг. Спб., 1895 г.

Гебель, В. Краткій курсъ алгебры и собраніе алгебраическихъ задачъ. Ч. I. Теорія. Изд. автора. Москва, 1895 г. Ц. 30 к.

Rappoport, Ch., dr. Die Sociale Frage und die Ethik. Bern, 1895 г.

Измаильскій, А. А. Влажность почвы и грунтовая вода. Результаты изслѣдованій влажности почвы въ Полтавскомъ уѣздѣ. Полтава, 1894 г.

Чернышевъ, Н. Е. Лѣсъ въ степи. Маріуполь, 1894 г.

Филипповъ, Александръ. Исторія сената въ правленіе верховнаго тайнаго совѣта и кабинета. Изслѣдованіе. Ч. I. Сенатъ въ правленіе верховнаго тайнаго совѣта. Юрьевъ, 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.

Москвичъ, Григорій. Практическій путеводитель по Крыму. Изданіе четвертое ялтинскаго книгопродавца Г. Москвича. Одесса, 1895 г. Ц. 1 р.

Землепользованіе и хозяйственный бытъ населенія Енисейской губерніи. Т. II, III и IV, 6 выпусковъ. Иркутскъ, 1894 г.

Каталогъ книжнаго склада М. М. Ледерле и К°. Спб., 1895 г., февраль.

Шахназаровъ, А. И. Отчетъ [illegible]карской сельско - хозяйственной школы перваго разряда за 1894 г. Кишиневъ, 1895 г.

Кудрявцевъ, П. Ф. Земская медицина и заболѣваемость населенія въ Херсонскомъ уѣздѣ за 1893 годъ. Херсонъ, 1894 г.

Земскій сборникъ Черниговской губерніи. 1894 г., №№ 9—10. Изд. черниговской губернской земской управы. Черниговъ, 1895 г.

Постниковъ, А. П. Основанія электротехники (въ элементарномъ изложеніи). Ч. I. Теорія электричества и магнетизма. Электрометрія. Изд. [illegible] Ц. 1 р. 25 к.

ОГЛАВЛЕНІЕ

„Библіографическаго отдѣла“.

I. Книги.

II. Періодическія изданія.

III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 марта по 1 апрѣля 1895 г.

ПОДВИЖНОЙ КАТАЛОГЪ

книжнаго магазина журнала „Русская Мысль“ В. М. Лаврова,

коммиссіонера общества любителей россійской словесности

(Москва, уголъ Леонтьевскаго пер. и Большой Никитской, д. № 22—4).

Книжный магазинъ принимаетъ на коммиссію постороннія изданія, подписку на всѣ издающіеся въ Россіи журналы и газеты и высылаетъ всѣ существующія въ продажѣ книги. За пересылку книгъ берется по ея дѣйствительной стоимости. Книги могутъ быть высылаемы и наложеннымъ платежомъ.

Главный складъ изданій Московскаго комитета грамотности.

Изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

Сенкевичъ, Генрикъ. Повѣсти и разсказы. Перев. В. М. Лаврова, съ предисловіемъ В. А. Гольцева. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 руб. 80 коп.
— Безъ догмата. Романъ. Перев. В. М. Лаврова. (Второе изданіе). Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 80 к.
— Путевые очерки. Перев. В. М. Лаврова. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р.80 к.
— Потопъ. Переводъ В. М. Лаврова. Цѣна 3 руб. съ пересылк.
— Семья Поланецкихъ. Перев. В. М. Лаврова. Цѣна 3 руб., съ перес. 3 р. 50 к.
Ожешкова, Элиза. Повѣсти и разсказы. Пер. В. М. Лаврова. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
Мицкевичъ, Адамъ. Крымскіе сонеты. Переводъ съ польскаго Л. Медвѣдева. М. 1895 г. Ц. 30 к.
Додэ, Альфонсъ. Портъ-Тарасконъ. (Послѣднія приключенія знаменитаго Тартарена). Перев. М. Н. Ремезова. Цѣна 1 руб. съ пересылкою.
— Маленькій приходъ. Перев. М. Н. Ремизова. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.
Юнóша, Клеменсъ. Сизифъ. Картинки деревенской жизни. Перев. съ польскаго В. М. Лаврова. Цѣна 50 к., съ пересылкою 65 к.
Де-Мопассанъ, Гюи. Наше сердце. Романъ. Пер. М. Н. Ремезова. Цѣна 1 р.
Эртель, А. И. Гарденины, ихъ дворня, приверженцы и враги. Романъ. Цѣна 2 руб.
Въ пользу воскресныхъ школъ. Сборникъ. Цѣна 1 р.
Послѣ Пушкина. Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ, составленный и изданный редакціею журнала „Русская Мысль“. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.
Михайловскій, Н. К. Щедринъ. (Критическій опытъ). Цѣна 1 руб.
Короленко, Владиміръ. Очерки и разсказы. (Шестое изданіе). Цѣна 1 руб. 50 коп. съ пересылкою.
— Очерки и разсказы. Книга вторая. (Второе изданіе). Цѣна 1 руб. 50 коп. съ пересылкою.
— Слѣпой музыкантъ. Этюдъ. (Третье изданіе). Цѣна 75 коп. съ пересылкою.
Д-ръ Алексѣевъ, П. С. О пьянствѣ. Съ предисловіемъ графа Л. Н. Толстого: „Для чего люди одурманиваются?“ Цѣна 1 руб.
Анютинъ, М. (М. Н. Ремезовъ). Нашихъ полей ягоды. Романъ. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к.
Корелинъ, М. С., проф. Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи. Выпускъ I: Египетскіе боги. Выпускъ II: Средневѣковая церковная готика. Одобрено ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія для ученическихъ старшаго возраста библіотекъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ. Цѣна 1-го вып. 50 коп., II-го вып. 30 коп.
Мачтетъ, Григорій. Силуэты. Томъ второй. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.
Богословскій, В. С., проф. Пятигорскія и съ ними смежныя минеральныя воды. Цѣна безъ пересылки 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.
Гольцевъ, В. А. Вопросы дня и жизни. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к.
— Объ искусствѣ. Критическія замѣтки. Цѣна 1 руб. съ пересылкою.
— Литературные очерки. Цѣна 1 руб. Пересылка за 1 фунтъ по разстоянію.
Чеховъ, Мих. Закромъ. Словарь для сельскихъ хозяевъ. Цѣна 1 руб.

Подписчики „Русской Мысли“ на всѣ изданія редакціи, кромѣ народныхъ, пользуются уступкой 10%.

Народныя изданія редакціи журнала „Русская Мысль".

Что такое подати и для чего ихъ собираютъ? (3-е изданіе). Цѣна 1 коп.
Сенкевичъ, Генрикъ. Янко музыкантъ. Цѣна 1 коп.
— Пойдемъ за нимъ! Переводъ В. Лаврова. М., 1895 г. Ц. 4 коп.
Разсказъ про смутное время на Руси. Цѣна $1^1/_2$ коп.
Немировичъ-Данченко, Вас. И. Счастье Ивана Непомнящаго. Цѣна 5 к.
Короленко, В. Г. Убивецъ. Цѣна $1^1/_2$ коп.

Абламскій, Д. Всенощное бдѣніе, вечерня и утреня, и Божественная литургія св. Іоанна Златоустаго, св. Василія Великаго и Преждеосвященныхъ Даровъ св. Григорія Двоеслова. Первый выпускъ круга обычнаго православнаго церковнаго пѣнія, положеннаго на ноты на 3 голоса партитурою для хора, фисгармоніи и фортепіано. Кіевъ, 1888 Ц. 1 руб. 75 коп.
Агаповъ, Д. В. Новая тригонометрія. Оренбургъ, 1894 г. Ц. 85 к.
— Подробное рѣшеніе и объясненіе типическихъ задачъ по ариѳметикѣ. Ц. 50 к.
— Искусственные способы рѣшенія уравненій второй степени со многими неизвѣстными. Ц. 60 к.
— Рѣшеніе нѣкоторыхъ геометрическихъ задачъ помощію теоремы Агапова. Ц. 35 к.
Аданъ, Юлія. Дурнушка. Романъ. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.
Алексѣевъ, А. А. Воспоминанія актера. М., 1894 г. Ц. 1 р.
Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ, его жизнь и сочиненія. Чтеніе для юношества. М., 1877 г. Ц. 75 к.
Альбомъ. Русскіе типы, М. ф. ц. 50 к.; сред. ф. ц. 60 к.; больш. ф. ц. 75 к.
Альбомъ. Русскіе народы, съ текстомъ. 3 в. М. Ц. по 60 к.
Альбомъ копій съ картинъ русскихъ художниковъ. 2 вып. М. Ц. по 2 р.
Альгренъ. Деньги. Романъ. Пер. со шведскаго. Москва, 1893 г. Ц. 60 к.
Альмедингенъ. Химія. Спб., 1885 г. Ц. 2 р.
— Домашній опредѣлитель поддѣлокъ питательныхъ и др. веществъ. Спб., 1891 г. Ц. 60 к.
— На всякій случай. Научно-популярные совѣты. 2 ч. Спб., 1892 г. Ц. 50 к.
Амфитеатровъ. Психопатъ. Правда и вымыселъ. М., 1893 г. Ц. 1 р.
Анго, А. Физика. М. 1894 г. Ц. 2 р. 50 коп.
Андерсенъ, Гансъ. Повѣсти и сказки. Новый полный пер. съ датскаго подлинника. 7 в. М., 1894 г. Ц. по 25 к.
Андерсенъ, И. Иллюстрированныя сказки въ 6 томахъ. Спб., 1894 г. Ц. 60 к. за томъ.
Анне, Ж. П. Практическое руководство къ устройству электрич. освѣщенія. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
Анурьевъ, Іоаннъ. Столяръ-самоучка, опытъ, наставленія грамотныхъ поселянъ въ столярномъ ремеслѣ. Ц. 15 к.
— Какъ дѣлаютъ простую мебель. Цѣна 45 к.
— Домашній переплетчикъ. Ц. 10 к.
— Вспомогательная книга при возведеніи каменныхъ и деревянныхъ зданій. Вологда, 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
Ардовъ, Е. И. Эскизы. М., 1893 г. Ц. 1 р.
Арендтсъ и Брандтъ. Атласъ естественной исторіи. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
Арнгеймъ. Математическая географія. Изд. 5-е. Спб., 1893 г. Ц. 50 коп.
Арсеньевъ. Изъ жизни и исторіи. Сборникъ разсказовъ для дѣтей. Спб., 1883 г. Ц. 1 р. 50 к. въ переплетѣ.
Бажина. Блуждающіе огоньки. Сборникъ дѣтскихъ разсказовъ, съ 44 картинками. Спб., 1891 г. Ц. 1 р.
Баранцевичъ, К. С. Родныя картинки. М., 1895 г. Ц. 1 р.
— Картинки жизни. 39 разсказовъ Сармата. М., 1895 г. Ц. 1 р.
Баратынскій, Е. А. Полное собр. соч. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
Безобразовъ, П. В. Историческія статьи (вып. I). М. 1893 г. Ц. 1 р. 80 к.
— Женихъ двухъ невѣстъ. Историческій романъ. М. 1894 г. Ц. 40 к.
— О правахъ женщины. М. 1895 г. Ц. 50 к.
— Публичныя лекціи о современномъ положеніи женщины (3-е изд.). М. 1893 г. Ц. 20 к.
— О назначеніи женщины (2-е изд.). Ц. 20 к.
— Сборникъ государственныхъ знаній, 8 томовъ. Спб., 1880 г. Ц. 24 р.
Безэ, д-ръ. Построеніе деревянныхъ лѣстницъ. 1890 г. Ц. 1 р.
Бендціулъ, Альбертъ. Къ вопросу о школьныхъ скамьяхъ. Оффиц. докладъ, съ 22 рис. Пер. А. Ѳедорова. Москва, 1893 г. Ц. 25 к.
Беръ, Альфредъ. Гигіена сифилиса. Общедоступное изложеніе, какъ предохранить и лечить себя отъ сифилиса. Кіевъ, 1893 г. Ц. 50 к.
Бергергофъ, Г. Руководство [illegible] пировщиковъ, обойщиковъ и декораторовъ. М., 1891 г. Ц. 2 р.
Бернетъ, Френсисъ. Ист[illegible] маленькаго лорда. Повѣсть [illegible]

ства. Спб., 1892 г. Цѣна въ переплетѣ 1 р. 50 к.

Бергеръ, Поль. Спутникъ малокровныхъ. Одесса, 1895 г. Ц. 30 к.

Вернксенъ, А. Краткій учебникъ химіи (органической). Спб., 1892 г. Ц. 3 р.

Вессонъ, А. Г. О нефтяномъ отопленіи паровыхъ котловъ. Спб., 1888 г. Ц. 1 р. 20 к.

Бибиковъ, П. А. О литературной дѣятельности Н. А. Добролюбова. Спб., 1862 г. Ц. 50 к.

Библіотека ремесленниковъ и кустарей. Окрашиваніе металловъ. М., 1892 г. Ц. 40 к.

— Золоченіе и серебреніе деревян. издѣлій. М., 1890 г. Ц. 1 р. 80 к.

Библіотека экономистовъ. Адамъ Смитъ. Изслѣдованіе о богатствѣ народовъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Библіотека-крошка. Миніатюрное изданіе, роскошно-отпечатанное, содержащее въ себѣ отдѣльныя произведенія лучшихъ русскихъ писателей: Пушкина, Лермонтова, Грибоѣдова, фонъ-Визина, Кольцова, Карамзина, Богдановича и мн. др. Кіевъ. Изданіе Ф. А. Іогансона. Цѣна 5, 10, 15 и 20 к. за книжку.

Благовѣщенскій. Винкельманъ и позднія эпохи греческой скульптуры. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Блекслей, Т. Т. Перемѣнные электрическіе токи (Руководство для студентовъ и техниковъ). Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.

Блекки. Самовоспитаніе. Изд. 3-е. Спб., 1891 г. Ц. 75 к.

Блекловъ. За фактами и цифрами. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Блокъ, Морисъ. Матери великихъ людей. Пер. съ франц. Н. М. Дементьевой, съ 33 рис. Москва, 1893 г. Ц. 60 к.

Блокъ, Ю. Велосипедъ, его значеніе для здоровья, практическое примѣненіе, уходъ за машиною и пр. Изд. 2-ое. М., 1893 г. Ц. въ переплетѣ 2 р.

Боборыкинъ, П. Д. Трупъ. Разсказъ. Москва, 1893 г. Ц. 20 коп.

Богдановъ, И. Счетоводство и денежная отчетность земскихъ начальниковъ, городскихъ и мировыхъ судей. М., 1895 г. Ц. 70 к.

Бокль. Исторія цивилизаціи въ Англіи. Переводъ Буйницкаго (въ 2-хъ томахъ). Спб., 1895 г. Ц. 2 р.

Бо динъ, И. Весна, русская жизнь и рирода. Сборникъ для дѣтскаго чтен М., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

— аткій учебникъ ботаники. (изд. 3-е). С ., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Бо вичъ, Л. А. Практическое рук одство къ построенію динамо-машинъ с постояннымъ токомъ (Изд. 2-е). С , 1894 г. Ц. 3 р.

Бо онъ. Электрическіе звонки. Практическое руководство для любителей. Спб., 1890 г. Ц. 1 р.

Брайсъ, Джемсъ. Американская республика. Пер. Невѣдомскаго. Часть I. Ц. 3 р. 50 к. М. 89; часть II. Ц. 3 р. 50 к. М. 90 г.; часть III. Ц. 3 р. 50 к. М. 90 г.

Браунъ, М., проф. Какъ заражается человѣкъ паразитами. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.

Брикнеръ. Потемкинъ. Спб., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.

Бриксъ. Гидравлика. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.

Брюкке, Эрнестъ. Красота и недостатки человѣческихъ формъ. Кіевъ, 1894 г. Ц 1 р.

Брэмъ, А. Жизнь животныхъ. 130 выпусковъ. Одесса, 1893 г. Ц. 25 к. за выпускъ.

— Жизнь на сѣверѣ и югѣ (Дополненіе къ соч. „Жизнь животн.). Спб., 1891 года. Ц. 2 р.

Брэмъ. Комнатныя пѣвчія птицы. М., 1876 г. Ц. 75 к.

Буасье, Гастонъ. Римская религія отъ Августа до Антониновъ. Перев. М. Корсакъ. Ц. 5 р. М., 1878 г.

— Цицеронъ и его друзья. Пер. М. Корсакъ. Ц. 2 р. М., 1880 г.

— Паденіе язычества. Пер. подъ ред. и съ предисл. М. С. Корелина. Ц. 4 р. М., 1892 г.

Бугаевъ, Н. Задачникъ къ ариѳметикѣ цѣлыхъ чиселъ. М., 1876 г. Ц. 25 коп.

— Задачникъ къ ариѳметикѣ дробныхъ чиселъ. М., 1877 г. Ц. 30 к.

— Руководство къ ариѳметикѣ. Цѣлыя числа. М., 1895 г. Ц. 40 к.

— Ариѳметика дробныхъ чиселъ. Ц. 50 к.

Бутовскій, В. И. Русское искусство и мнѣнія о немъ Е. Віоле-ле-Дюка и Ѳ. И. Буслаева. М., 1879 г. Ц. 1 р.

Бутсъ, Вильямъ. Въ трущобахъ Англіи. Спб., 1891 г. Ц. 1 р.

Бьернстьерне-Бьернсонъ. Новыя вѣянія. Въ 2-хъ ч. Кіевъ, 1893 г. Ц. каждой части 35 к.

— Леонарда (драма). Новая система (драма). Кіевъ, 1894 г. Ц 35 к.

— Новобрачные (комедія). 1865 г. Сигурдъ крестоносецъ (драма). 1872 г. Банкротство (драма). 1874 г. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.

— Повѣсти и разсказы. Кіевъ, 1893 г. Ц. 35 к.

— По Божьему пути. Романъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.

Бэръ, Адольфъ. Исторія всемірной торговли. Пер. Э. Циммермана. М., 1876 г., 3 части, цѣна за нихъ 7 руб. 50 к.

Бэръ, Поль. Первыя понятія о зоологіи. (3-е изданіе). Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

В. В. Артель въ кустарномъ промыслѣ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

— Очерки теоретической экономіи. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.

— Наши направленія. Спб., 1893 года. Ц. 1 р. 50 к.

— Прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Спб., 1892 г. Цѣна 1 р. 35 к.

— Итоги экономическаго изслѣдованія Россіи по даннымъ земской статистики. Т. I Крестьянская община. М., 1892 г. Ц. 3 р. 50 к.

Вагнеръ. Химическая технологія. Спб., 1892 г. Ц. 8 р.

— Какъ пріобрѣтаются болѣзни желудка. Спб., 1893 г. Ц. 40 к.

Вальтеръ-Скоттъ. Иллюстр. романы: 1) Замокъ Кенильвортъ; 2) Легенда о Монтрозѣ; 3) Аббатъ; 4) Антикварій; 5) Астрологъ; 6) Пресвитеріане; 7) Монастырь; 8) Ламермурская невѣста; 9) Черный карликъ; 10) Певериль Пикъ; 11) Пиратъ; 12) Обрученные: 13) Веверлей; 14) Карлъ Смѣлый; 15) Квентинъ Дорвардъ; 16) Перская красавица; 17) Робъ-Рой; 18) Ричардъ Львиное Сердце; 19) Вудстокъ. Спб. 1892 г. Ц. каж. кн. 40 к.

— Квентинъ Дорвардтъ. Романъ. М. 1885 г. Ц. 2 р.

Ванковъ. Полный карманный техникъ. Спб., 1893 г. Ц. 2 р. 50 к.

— Турбины. Практическое руководство для техниковъ, сельскихъ хозяевъ (съ 46 рис.). Спб., 1895 г. Ц. 2 р.

Варіо, Ж. Дѣтскій докторъ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Вармингъ, д-ръ. Систематика растеній. М., 1893 г. Ц. 5 р.

Вахтеровъ, В. П. Всеобщее начальное обученіе. М., 1894 г. Ц. 15 к.

Веберъ, Георгъ. Всеобщая исторія. Т. 1. Переводъ Андреева. Ц. 4 р. М. 90 г. Т. 2. Перев. Андреева. Ц. 5 р. 50 к. М. 91. Т. 3. Перев. Андреева. Ц. 5 р. 50 к. М. 92 г. Т. 4. Пер. Андреева. Ц. 5 р. М. 92. Т. 5. Пер. Андреева. Ц. 4 р. 50 к. М. 93. Т. 6. Пер. Андреева. Ц. 4 р. 50 к. М. 93. Т. 7. Пер. Андреева. Ц. 5 р. М. 94. Т. 9. Пер. Андреева. Ц. 4 р. 50 коп. М. 1888. Т. 10. Пер. Андреева. Ц. 4 руб. М. 1888 г. Т. 11. Пер. Андреева. Ц. 5 руб. 50 коп. М. 1889 г. Т. 12. Пер. Андреева и Невѣдомскаго. Ц. 4 р. 50 к. М. 90. Т. 13. Пер. Циммермана. Ц. 5 р. 50 к. М. 91. Т. 14. Пер. Невѣдомскаго. Ц. 6 р. М. 92 г. Т. 15. Часть 1-я. Пер. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М. 92 г. Т. 15. Часть 2-я. Пер. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М. 93 г., съ портретомъ автора.

Веберъ, К. К. Практическое руководство по производству кирпича, черепицы и проч. лицевого товара съ атласомъ. Спб., 1893 г. Ц. 5 р.

— Двигатели и приводы. Практ. руководство къ постройкѣ вѣтрен. и водян. двигателей съ атласомъ. Спб., 1894 г. Ц. 5 р.

Вегеле, Францъ. Дантъ Алигьери, его жизнь и сочиненія. Пер. А. Веселовскаго. Ц. 3 р. М., 1881 г.

Вегетаріанская кухня. Наставленіе къ приготовленію болѣе 800 блюдъ, хлѣбовъ и напитковъ для безубойнаго питанія, съ вступительною статьей о значеніи вегетаріанства. Изд. 2-е. Москва, 1894 г. Ц. 70 к.

Вейсъ, Германъ. Внѣшній бытъ народовъ съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ (съ 1945-ю рис. въ текстѣ). Пер. В. Чаева и И. Васильева. Т. I, часть 1-я. Москва, 1873 г.; часть 2-я, Москва, 1874 г. Т. II, ч. 2-я. Москва, 1876 г. Т. III, ч. 1-я и часть 2-я. Москва, 1879 г. По 4 р. за каждую часть.

Верещагинъ, В. В. Литераторъ. М., 1894 г. Ц. 1 р.

— Дѣтство и отрочество. Т. I. М. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Веселовскій, Ал. Этюды и характеристики. М., 1894 г. Ц. 2 р. 75 коп.

Викторовъ, П. Ученіе о личности, какъ нервно-психическомъ организмѣ. Вып. I. Ц. 1 р. М. 1887 г.

Виноградовъ. Extemporalia съ рус. яз. на латинскій. Кіевъ, 1892 г. Ц. 60 к.

Виноградовъ, Н. Федонъ. Діалогъ объ идеѣ „безсмертіе" философа классической древности Платона. М., 1892 г. Ц. 60 к.

Виноградовъ, Павелъ. Учебникъ всеобщей исторіи. Часть II. Средніе вѣка. Изд. 2-ое. М., 1894 г. Ц. 90 к.

Виргилій, Маронъ. Энеида, книги 2, 4, 5, 6, 7, 8, 9. Кіевъ, 1887 г. Ц. 40 к.

— Книга 3-я. Кіевъ, 1892 г. Ц. 35 к.

— Книги 10, 11 и 12. Кіевъ, 1883 г. Ц. 1 р. 25 к.

Вирховъ. О питательныхъ веществахъ. Спб., 1891 Ц. 50 к.

Водовозовъ, В. И. Книга для первоначальнаго чтенія. Ч. I Ц. 45 к. Ч. II. Ц. 80 к.

— Книга для учителей. Ц. 60 к.

— Русская азбука для дѣтей. Ц. 30 к.

— Руководство къ русской азбукѣ. Ц. 20 коп.

— Дѣтскіе разсказы и стихотворенія съ картинками. Ц. 75 коп.

— Разказы изъ русской исторіи Вып. I. Ц. 40 к. Вып. II. Ц. 60 к.

— Предметы обученія въ народной школѣ (для учителей). Ц. 70 к.

— Словесность въ образцахъ и разборахъ. Ц. 1 р. 25 к.

— Новая русская литература. Ц. 1 р. [illegible]5 к.

— Очерки изъ рус. исторіи XVIII [illegible] Ц. 1 р. 50 к.

— Русскія сказки въ стихахъ съ к[illegible]тинками въ переплетѣ. Ц. 1 р. 50 к.

— Переводы въ стихахъ и оригина[illegible]ныя стихотворенія. Ц. 1 р. 50 к.

Водовозова, Е. Н. Жизнь евр[illegible]пейскихъ народовъ. Ч. I. Жители [illegible] (съ

26 рисунк.). Изд. 4-е. Ц. 3 р. 75 к., въ переплетѣ 4 р. 55 к. Ч. II. Жители сѣвера. (съ 24 рис.). Изд. 3-е. Ц. та же. Ч. III. Жители средней Европы. Спб.
— На отдыхъ. Иллюстрирован. разсказы для мал. дѣтей. (40 рис.). Ц. 1 р.; въ папкѣ 1 р. 35 к. Спб.
— Изъ русской жизни и природы. Разсказы для дѣтей (изд. 6-е). Ц. 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р. Спб.
— Умственное и нравственное развитіе дѣтей отъ перваго проявленія сознанія до школьнаго возраста (Изд. 4-е совершенно переработаное). Спб. Ц. 2 р.
— Одноголосныя дѣтскія пѣсни. (Музыка Рубца). Изд. 5-е. Спб., Ц. 1 р.
— Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Англичане. Ц. 40 к.
— Турки. Спб., Ц. 40 к.
Войнаровскій, П. Устройство въ домахъ электрическаго освѣщенія, телефоновъ, электрическихъ звонковъ и другія примѣненія электричества въ домашнемъ быту. М., 1892 г. Ц. 1 р. 35 к.
Войславъ, С. Развѣдки пластовыхъ мѣсторожденій полезныхъ ископаемыхъ посредствомъ шурфованія. Спб., 1886 г. Ц. 2 р. 40 к.
— Разсчетъ и построеніе частей машинъ и передаточныхъ механизмовъ. Текстъ съ атласомъ въ 76 таблицъ. Спб., 1885 г. Ц. 4 р.
— Уходъ за паровыми котлами. Спб., 1893 г. Ц. 1 р.
Волкенштейнъ, П. Е. Садовый словарь. Спб., 1889 г. Ц. 4 р.
Ворисгоферъ, С. Сказочная страна. Пер. съ нѣмецк. Ц. 2 р. 75 к. въ роскошн. переплетѣ.
— Образовательное путешествіе (изд. 2-е). Спб., 1892 г., съ рисунками въ текстѣ. Ц. 2 р. 25 к.
— Черезъ дебри и пустыни. Скитанья молодого бѣглеца. Спб., 1894 г. (2-ое изд.). Ц. 1 р. 50 к.
— Приключеніе контрабандиста. Спб., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.
Вундтъ, Вильгельмъ. Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ (Пер. со 2-го нѣмец. изд.). Спб., 1894 г. Ц. 5 р.
— Душа и мозгъ. Одесса. 1895 г. Ц. 20 коп.
Гаварре, Ж. Теорія Гаусса, примѣненная къ сферическимъ зеркаламъ и стекламъ. М., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
Гаймъ, Р. Гердеръ, его жизнь и сочиненія. Перев. В. Н. Невѣдомскаго. Т. I. ц. 5 р. и Т. II ц. 5 р. М., 1888 г.
— Романтическая школа въ Германіи. Пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М., 1891 г.
Гамбурцевъ, В. Архитекторская команда. Очеркъ московскихъ учрежденій по строительному дѣлу. Москва, 1894 г. Ц. 40 коп.
Гано, А Полный курсъ физики (въ 2 ч.). Спб., 1892 г. Ц. 4 р.
— Магнетизмъ и электричество. Спб., 1885 г. Ц. 1 р. 50 к.
Гарейсъ, Карлъ. Германское торговое право. Краткій учебникъ дѣйствующаго въ Германіи торговаго, вексельнаго и морского права. Съ четвертаго, вновь переработаннаго и значительно измѣненнаго нѣмецкаго изданія 1892 г., перев. Н. И. Ржондковскій, товар. предсѣд. московскаго коммерческаго суда, подъ редакціей проф. Московскаго университета Н. О. Нерсесова. Вып. первый. М., 1893 г. Ц. 2 р.
Гаринъ, Н. Дѣтство Тёмы. Москва, 1894 г. Ц. 60 к.
Гартманъ, Эдуардъ. Сущность мірового процесса или философія безсознательнаго. Пер. А. А. Козлова. Вып. 2-й. Ц. 2 р. 50 к. М., 1875 г.
Гартвигъ. Воздухъ и его жизнь. М., 1875 г. 2 р. 50 к.
Гегаръ-Альфредъ. Половое влеченіе. Одесса, 1895 г. Ц. 75 к.
Гервинусъ. Автобіографія (съ 4 портретами) Москва, 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
Герценштейнъ, М. Кредитъ для земствъ и городовъ. М., 1892 г. Ц. 75 к.
Герценъ, А. Общая физіологія души (2 изд.). 1894 г. Ц. 75 г.
Гердеръ. Нѣмецко-русскій словарь важнѣйшихъ техническихъ терминовъ употребляемыхъ при описаніи и опредѣленіи растеній. Спб., 1881 г. Ц. 50 к.
Гертвигъ, Оскаръ. Клѣтка и ткани. Основы общей анатоміи и физіологіи (168 рис. въ текстѣ). Спб., 1894 г. Ц. 3 р.
Геттнеръ, Г. Исторія всеобщей литературы XVIII в. Т. III, кн. 1. Пер. А. Пыпина и А. Плещеева. Ц. 2 р. М., 1872 г.
Гефдингъ, Г. Очерки психологіи. М., 1892 г. Ц. 2 р. 50 к.
Гиббонъ, Эдуардъ. Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи (съ портретомъ автора). Пер. Невѣдомскаго. Часть I. Ц. 4 р. М. 83 г.; часть II. Ц. 4 р. М. 83 г.; часть III. Ц. 4 р М. 84 г.; часть IV. Ц. 3 р. 50 к. М. 84 г.; часть V. Ц. 3 р. 50 к. М. 85 г.; часть VI. Ц. 3 р. 50 к. М. 85 г.; часть VII. Ц. 3 р. 50 к. М. 86 г.
Гизо. Исторія цивилизаціи во Франціи. Т. III и IV. Пер. М. Корсакъ. Ц. 4 р. М., 1881 г.
Гильти, К. Счастье. Популярные очерки по нравственной философіи. Изд. 2-е Спб., 1894 г. Ц. 50 к.
Гинтервальднеръ. Руководство къ составленію естественно-научныхъ коллекцій. Спб., 1892 г. Ц. 3 р.
Глинскій, Б. Біографическій очеркъ о Николаѣ Мих. Ядринцевѣ. М., 1895 г. Ц. 50 к.
Гнейстъ, Рудольфъ. Исторія го-

сударствен. учрежд. въ Англіи. Перев. подъ редак. С. А. Венгерова. Ц. 4 р. 50 к. М., 1885 г.

Говсѣева, А. А. Симуляція душевныхъ болѣзней и патологическое притворство. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.

Гоголь, Н. В. Сочиненія въ 5-ти том. Изд. двѣнадцатое. Спб., 1894 г. Ц. 6 руб. Въ переплетѣ. Ц. 8 р. 50 к.

Головачевъ. Десять лѣтъ реформъ. Спб., 1872 г. Ц. 3 р.

— Исторія желѣзно-дорожнаго дѣла. Спб., 1881 г. Ц. 2 р. 50 к.

— Вопросы государственнаго хозяйства. Спб.. 1873 г. Ц. 1 р.

Гольдсмитъ, Оливеръ. Векфильдскій священникъ. М., 1890 г. Ц. 1 р.

Головъ, Д. Двигатели малой силы для промышленности и сельскаго хозяйства (съ 95 рис. въ текстѣ). Спб., 1894 г. Ц. 2 р.

Горацій Сатиры. Перевод. съ подстрочн. словаремъ. 2-е изд. Кіевъ, 1891 г. Ц. 60 к.

— Оды. Переводъ I-й и II-й книги. Изд. 2-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.

— III и IV книги. Изд. 2-е, сост. Сахаровъ. Кіевъ, 1893 г. Ц. 60 к.

Горбуновъ. Программы мужскихъ гимназій и прогимназій. Изд. 2-е. М., 1893 г. Ц. 55 к.

— Программы городскихъ училищъ. Изд. 4-е. М., 1893 г. Ц. 35 к.

— Программы реальныхъ училищъ. Изд. 2-е. М., 1894 г. Ц. 35 к.

Горкевичъ, Л. Руководство къ переводамъ съ русскаго языка на латинскій. Гай Саллюстій Криспъ. Югуртинская война. Борисоглѣбскъ, 1893 г. Ц. 45 к.

Горнъ, Винкель. Исторія скандинавской литературы. Пер. К. Бальмонта. Ц. 2 р. 50 к. М., 1894 г.

Госпиталье, Э. Электричество въ домашнемъ быту (со многими рисунками). Спб., 1886 г. Ц. 2 р.

— Главнѣйшія приложенія электричества (2 изд.). Спб., 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.

Гравинкель. Справочная книга для электротехниковъ. Спб., 1893 г. Ц. 4 р. 80 к.

Гранатъ, А., и К°. Настольный энциклопедическій словарь, 8 т. или 108—115 вып. М., 1894 г. Ц. вып. на обыкновенной бумагѣ ц. 30 к., на лучшей бумагѣ ц. 40 к. Тому въ изящ. колен. пер., ц. 5 рублей, безъ переплета п. 4 р. 50 к., на лучшей бумагѣ безъ переплета ц. 5 р. 60 к., въ изящн. колен. пер. 6 р.

Грегуаръ, Л. Исторія Франціи въ XIX вѣкѣ. Пер. подъ редакціей Лучицкаго. Т. I. Ц. 4 р. М., 1893 г. Т. II. Ц. 4 р. М., 1894 г.

Григоровичъ, И. И. Очерки новѣйшей исторіи (6-е изданіе). Спб., 1892 года. Ц. 2 р.

Гриммъ. Книжки I и II въ переплетѣ. М., 1893 г. Ц. 50 к.

— Книжки III и IV въ переплетѣ. М., 1893 г. Ц. 50 к.

— Книжка I млад. возр., безъ пер. М. 1893 г. Ц. 20 к.

— Книжка II млад. в., б. пер. М., 1893 г. Ц. 20 к.

— Книжка III, IV и V-я сред. воз. М., 1893 г. Ц. по 20 к.

Гриммъ, братья. Сказки. 13 вып. М., 1894 г. Ц. по 20 к. вып.

Гриммъ, Д. Очерки по ученію объ обогащеніи. Спб., 1893 г.

Гринъ, Джонъ. Исторія англійскаго народа. Пер. Н. Николаева. Т. I. Ц. 3 р. М., 91 г. Т. II. Ц. 2 р. 50 к. М., 92 г. Т. III. Ц. 2 р. 50 к. М., 92. Т. IV. Ц. 2 р. 50 к. М. 1892 г.

Громека М. С. О Л. Н. Толстомъ. Изд. 5-е. М., 1894 г. Ц. 80 к.

Гротъ, Н. Я. Основные моменты въ развитіи новой философіи. Москва, 1894 г. Ц. 60 коп.

Грэхэмъ. Ж. Ж. Русо. Его жизнь, произведенія и окружающая среда. М., 1890 г. Ц. 1 р.

Губеръ. Механика. Изд. 2-е. Спб.,

Гулишамбаровъ. Нефтяное отопленіе пароходовъ, паровозовъ, котловъ и проч. (3-е исправлен. и дополнен изд. съ 150 рис.). Спб., 1894 г. Ц. 3 р. 1891 г. Ц. 3 р.

Гурляндъ. Римскій юристъ Гай и его сочиненія. Ярославль, 1894 г.

Густафсонъ, Р. Сказки. Переводъ съ нѣмецк. изданія. Спб., 1885 г. Ц. 1 р. 25 к., въ роск. переп—1 р. 75 к.

Гюббаръ, Гюставъ. Исторія современной литературы въ Испаніи. Переводъ Ю. В. Допельмайеръ. М., 1892 г. Ц. 2 р.

Гюго. Викторъ. Сочиненія въ двухъ томахъ. Спб., 1895 г. Ц. 2 р. 50 к. за оба тома.

Данилевскій, Г. П. Сочиненія въ 9-ти томахъ. (Изд. 7-е). Спб., 1892 г. Ц. 15 руб.

Данилевскій, Александръ. Основное вещество протоплазмы и его видоизмѣненія жизнью. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.

Дебо, Эмиль. Чудесное въ наукѣ. (Популярная физика). М., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Декандолль, Альфонсъ. Мѣстопроисхожденіе воздѣлываемыхъ ра[illegible]ній. Спб., 1885 г. Ц. 3 р. 60 к.

Демосѳенъ. Олинѳскія рѣчи. Пе[illegible] рѣчь противъ Филиппа. Изд. 3-е. Кі[illegible], 1893 г. Ц. 65 к

— Рѣчи противъ Филип. (2, 3 и 4). Кі[illegible], 1889 г. Цѣна 60 к.

Дефоэ. Робинзонъ Крузо, 1 и 2 ч. [illegible], 1888 г. Ц. за обѣ ч. 4 р.

Джеромъ, К. Праздныя мысли лѣ[illegible]. Кіевъ, 1893 г. Ц. 50 к.

Диккенсъ, Чарльзъ. Пол. соб. соч. 6 т. Спб., 1894 г. Ц. каждаго тома 1 р. 50 к.

Длусскій. Стенографія. Спб., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.

Доброе дѣло. Сборникъ повѣстей и разсказовъ К. Баранцевича, А. Барыковой, Н. Гарина, П. Засодимскаго, В. Короленка, Н. Лѣскова, Д. Мамина-Сибиряка, Н. Минскаго, И. Потапенка, Н. Рубакина. А. Стернъ, С. Филиппова. Москва, 1894 г. Ц. 90 к.

Добротворскій, П. Разсказы, очерки и наброски. Спб., 1888 г. Ц. 1 р.

Дройзенъ, И. Г. Исторія эллинизма. Пер. М. Шелгунова. Т. I, ц. 3 р. 50 коп. М., 1891 г.; т. II, ц. 3 руб. М., 1893 г.; т. III, перев. Э. Циммермана. Ц. 4 р. 50 к. М., 1893 г.

Дрэперъ, Д. В. Исторія умственнаго развитія Европы. Въ 2-хъ том. Спб., 1885 г. Ц. 4 р.

Дѣтское Чтеніе. XXV. Юбилейный номеръ. 1869—1894. Редакторъ П. В. Гоняховскій. Спб., 1894 г.

Дювернуа, А. Словарь болгарскаго языка въ 9 т. М., 1889 г. Ц. 18 р.

— Объ историческомъ наслоеніи въ славянскомъ словообразованіи. М., 1867 г. Ц. 2 р.

— Станиславъ Зноемскій и Янъ Гусъ. М., 1871 г. Ц. 1 р. 60 к.

— Блаженный Меѳодій, первоучитель славянскій. Рѣчь, произнесенная въ университетѣ на празднествѣ тысячелѣтія дня кончины бл. Меѳодія. М., 1894 г. Ц. 40 к.

— Матеріалы для словар. древне-русскаго языка. М., 1894 г. Ц. 3 р.

Евневичъ. Гидравлика. Изд. 2-е. Спб., за два тома 6 р.

Европейская библіотека. Генрихъ Ибсенъ. Счастливецъ. Спб. 1894 г. Ц. 40 к.

— Избранныя мысли Сафира. Спб., 1894 г. Ц. 30 .

— Коппе, Франсуа: „Генріетта". Спб., 1894 г. Ц. 25 к.

— Тэнъ, Ипполитъ: „Бальзакъ". Спб., 1894 г. Ц. 30 к.

— Золя, Эмиль: „Завѣтъ матери". Спб., 1894 г. Ц. 40 к.

Ежегодникъ. Обзоръ книгъ для народнаго чтенія и народныхъ картинъ 1893 г. М., 1895 г. Ц. 50 к.

Елпатьевскій, С. Я. Очерки Сибири. М., 1893 г. Ц. 1 р.

Ечинацъ, А. Методика новыхъ языковъ и американскій разговорный методъ. Для учителей, родителей и учениковъ. Спб., 1892 г. Ц. 45 к.

Жакье, Ѳ. Сборникъ физическихъ задачъ. М., 1893 г. Ц. 2 р.

Женэ, Рудольфъ. Шекспиръ, его жизнь, сочиненія. Переводъ А. Н. Веселовскаго, съ примѣчан. Н. Стороженка. М. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к.

Жоржъ-Зандъ. Замокъ Вильпрэ. М., 1892 г. Ц. 1 р. 75 к.

Жуковъ, Николай. Электрометаллургія и обработка металловъ электрическимъ токомъ. Москва, 1895 г. Ц. 3 руб.

Жюль Вернъ. Гекторъ СерваДакъ, путешествіе въ солнечномъ мірѣ. Пер. Самойловичъ. Москва, 1887 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Жэ. Задачи по физикѣ. М., 1892 г. Ц. 2 руб.

Заблудовскій и Таненбаумъ. Другъ кочегара. Спб., 1892 г. Ц. 2 р. 25 к.

Забѣлинъ, И. Кунцево и древній Сѣтунскій станъ. М., 1873 г. Ц. 2 р.

Замысловатый квадратъ. (Головоломка). Изд. Вл. А. Попова. Цѣна 25 к., пересылка за 1 ф. по разстоянію.

Записки желудка. Переводъ съ 10-го англійскаго изданія. Спб., 1891 г. Ц. 50 к.

Засодимскій, П. В. Задушевные разсказы въ 2-хъ томахъ (изд. 2-е). Спб., 1894 г. Ц. 1 т. 1 р. 50 к., II т. 2 р. въ роскошномъ перепл.

Затруднительное путешествіе. (Игра-задача для дѣтей). Изд. Вл. А. Попова. Спб., 1894 г. Цѣна 15 коп., съ пересылкой 25 коп.

Законы о векселяхъ и упрощенный порядокъ судопроизводства. (Изданіе неоффиц.). М., 1894 г. Ц. 30 коп.

Зелинскій, В. Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. Изд. 2-е. М., 1895 г. Ц. 2 р.

— Справочникъ по русскомъ правописанію. Вып. I, изд. 7-е. М., 1893 г. Ц. 50 к.

— Справочникъ по русскому правописанію. Вып. II. М., 1892 г. Ц. 50 к.

— Грамматическій задачникъ для письменныхъ и устныхъ упражненій. Изд. 3-е. М., Ц. 25 к.

— Зрительный диктантъ. Ч. I, изд. 5-е. М., 1893 г. Ц. 50 к.

— Зрительный диктантъ. Ч. II, изд. 3-е. М., 1894 г. Ц. 40 к.

— Справочный словарь буквы Ѣ. Изд. 3-е. М., 1892 г. Ц. 25 к.

— Корнесловъ русскаго языка. М., 1891 г. Ц. 50 к.

— Хрестоматія для объяснительнаго чтенія. М., 1892 г. Ц. 25 к.

— Методическія указанія и образцовые уроки по преподаванію русской элементарной грамматики. М., 1891 г. Ц. 1 р.

— Методическія указанія и примѣрные уроки по объяснительному чтенію. М., 1891 г. Ц. 1 р.

— Обученіе грамотѣ по звуковому способу. М., 1893 г. Ц. 1 р.

— Критическій комментарій къ сочиненію Ѳ. М. Достоевскаго, три части. М., 1894 г. Цѣна по 1 руб.

— Сборникъ критическихъ статей о Н. А. Некрасовѣ, три части. М., 1887 г. Цѣна по 1 руб.
— Русская критическая литература о произведеніяхъ С. Пушкина, три части. М., 1888 г. по 1 руб.
— Русская критическая литература о произведеніяхъ Л. Н. Толстого, три части. М., 1888 г. по 1 руб.
— Русская критическая литература о произведеніяхъ Н. В. Гоголя, двѣ части. М., 1889 г. Ц. по 1 руб.
— Критическіе разборы романа Тургенева „Отцы и дѣти". М., 1894 г. Ц. 35 к.
— Критическіе разборы романа Достоевскаго „Братья Карамазовы". М., 1894 г. Ц. 50 к.
— Критическіе комментаріи къ соч. А. Н. Островскаго. Ч. I. М., 1894 г. Ц. 1 р.
Землеръ, Генрихъ. Чай, разведеніе его въ Китаѣ, Индіи, Японіи и на Кавказѣ. М., 1890 г. Ц. 75 к.
Зиберъ, Н. И. Очерки первобытно-экономической культуры. Ц. 4 р. 50 к. М., 1883 г.
Златовратскій. Новые разсказы. М., 1895 г. Ц. 1 р.
Зонтагъ. Болѣзни желудка и кишекъ. Одесса, 1895 г. Ц. 30 к.
Зудерманъ, Г. Честь. Комедія въ 4-хъ д. М., 1891 г. Ц. 50 к.
— Родина. Драма въ 4-хъ д. М., 1893 г. Ц. 50 к.
— Свадьба Іоланты и др. разсказы. М., 1895 г. Ц. 40 коп.
Зутнеръ, Берта. Долой оружіе. Спб., 1893 г. Ц. 80 к.
Ибсенъ, Генрикъ. Привѣдѣнія (Драма въ 3 актахъ), переводъ Бальмонта. М., 1894 г. Ц. 50 к.
Ивановъ, Ив. Политическая роль французскаго театра въ связи съ философіей XVIII-го вѣка. М. 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.
Иванюковъ, И. Паденіе крѣпостного права въ Россіи. Спб., 1882 г. Ц. 3 руб.
— Политическая экономія. Изд. 3-е. М., 1891 г. Ц. 3 р.
— Основныя положенія теоріи экономической политики съ Адама Смита до настоящаго времени. Изд. 3-е. М., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.
Игерингъ, Рудольфъ. Борьба за право. Пер. Волкова. М., 1874 г. Ц. 75 к.
Изъ дневника Амієля. Пер. съ фр. М. Л. Толстой. Спб., 1894 г. Ц. 35 к.
Иллюстрированная сказочная библіотека. 30 сказокъ Андерсена, въ переводѣ Порозовской, со множествомъ рисунковъ. Цѣна каждой книжки отъ 5 до 20 коп. 6 сказокъ Гауфа. Ц. та же. Спб., 1894/5 года.
Иллюстрированная пушкинская библіотека (Изд. Павленкова), состоящая изъ 40 книжекъ со многими иллюстрац., цѣною отъ 2 к. и дороже (изд. 2). Спб., 1891 г.
Иллюстрированная Лермонтовская библіотека (изд. Павленкова), состоящая изъ 30 книжекъ, цѣною отъ 2 коп. и дороже. Спб., 1891 г.
Ингремъ, Джонъ. Исторія политической экономіи. Пер. подъ редакціей Янжула. Ц. 1 р. 50 к. М., 1891 г.
Кадіа. Электричество. Изд. 3-е. Спб., 1894 г. Ц. 5 р.
Казотъ. Влюбленный дьяволъ. М., 1894 г. Ц. 80 к.
Канониковъ. Руководство къ химическимъ изслѣдованіямъ питательныхъ и вкусовыхъ веществъ. Спб., 1891 г. Ц. 3 р.
Кантъ, Иммануилъ. Пролегомены ко всякой будущей метафизикѣ. Изд. 2-е. М., 1893 г. Ц. 1 р. 20 к.
Кандезъ, Э. Приключеніе сверчка. Спб., 1889 г. Цѣна въ роскошн. переплетѣ 2 р. 50 к.
Карасевъ, А. Музыкальная хрестоматія. Ч. I. Дѣтскій возрастъ. М. Ц. 40 к. Тоже часть II. Ц. 60 к.
Каронинъ (Петропавловскій). Разсказы. 3 т. М., 1890 г. Ц. каждаго тома 1 р. 50 к.
Каро, Э. Пессимизмъ въ XIX в. Изд. 2-ое. М. 1893 г. Ц. 1 р.,
— Современная критика и причины ея упадка. М. 1883 г. Ц. 30 к.
Карьеръ, Морицъ. Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеаловъ человѣка. Пер. Е. Корша. Т. I, ц. 3 р. Москва, 1870 г. Т. II, ц. 3 р. 50 к. Москва, 1871 г. Т. III, ц. 5 р. 50 к. Москва, 1874 г. Т. IV, ц. 4 р. Москва, 1874 г.
Каццолино, Пр. Гигіена уха. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.
Квикъ. Реформаторы воспитанія. Перев. и передѣлка З. Перцовой. Москва, 1893 г. Ц. 2 р.
Квитка-Основьяненко. Панъ Халявскій. Миніатюрное изданіе Ф. А. Іогансона. Кіевъ. 1893 г. Ч. 1-я и 2-я. Ц. 50 к.
— Драм. соч. Кіевъ, 1893 г. Ц. 35 к.
— Малороссійскія повѣсти, разсказанныя Грыцкомъ Основьяненкомъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.
Кенигсбергъ, М. М., д-ръ медиц. Главныя основы анатоміи, физіологіи и гигіены въ научно-популярныхъ бесѣдахъ. Съ предисловіемъ профессора Эрисмана и 38 рисунками въ текстѣ. Оренбургъ, 1893 г. Ц. 2 р.
Кенанъ, Джорджъ. Степная жизнь [illegible] Сибири. Спб. 1871 г. Ц. 1 р. 25 к.
Кесслеръ. Синтаксисъ латинскаго яз[illegible]ка для гимназій. Изд. 6-е. 1888 г. [illegible] 1 р. 25 к.
Киландъ, Александръ. Изд. Фо[illegible]туна (два романа). М., 1895 г. Ц. 1 [illegible]
Кингсфордъ, Анна, докт. ме[illegible] Научныя основанія вегетаріанства. П[illegible] съ англ. М., 1893 г. Ц. 30 коп.

Кистяковскій, А. Ѳ. Элементарный учебникъ общаго уголовнаго права. Третье изданіе. Кіевъ, 1891 г. Часть общая. Цѣна 4 р.
Кнейппъ, Севастьянъ. Мое водолеченіе. Изд. 3-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.
Кобеко. Цесаревичъ Павелъ Петровичъ. Изд. 3-е. Спб., 1887 г. Ц. 3 р.
Кобеллъ. Таблицы. Изд. 2-е. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.
Ковалевская, Софія, и Леффлеръ, А. Борьба за счастье. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р.
Коломбо, маркиза. Красавица. Разсказъ. Перев. съ итальян. М., 1894 г. Ц. 35 коп.
Коломбъ, Ж. Дѣдушкина внучка. Съ французскаго. Спб., 1894 г. Ц. 2 руб. въ роскошн. переплетѣ.
Кольбе. Введеніе къ ученію объ электричествѣ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 20 к.
Корелинъ, М. С. Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія. Вып. 1 и 2. М., 1892 г. Ц. за оба выпуска 6 р.
Корнетъ, Г. Какъ уберечь себя отъ чахотки. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.
Коропчевскій, Д. А. Люди. Этнографическіе очерки. Съ картой Африки. М., 1886 г. Ц. 65 к.
Короленко. Голодный годъ. Изд. 2-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
— Въ дурномъ обществѣ. Москва, 1894 г. Ц. 85 к.
Корсакъ, Марія. Первоначальные уроки русской грамматики. Ц. 60 коп. М., 1878 г.
Коршъ. Всеобщая исторія литературы. Томъ III. Спб., 1888 г. Ц. 5 р.
— Томъ IV. Спб., 1888 г. Ц. 6 р. 50 к.
Коренблитъ. А. И. Нѣмецко-русскій техническій словарь 5 вып. (1 т.). Ц. каждаго вып. 40 к. М., 1892—1895 года (всего будетъ 35—40 выпусковъ).
Корнигъ. Нервный вѣкъ и нервное поколѣніе. Одесса, 1894 г. Ц. 40 к.
— Гигіена цѣломудрія. Одесса, 1894 г. Ц. 50 к.
Корфъ, Н. А. Нашъ другъ, книга для чтенія въ школѣ и дома (16 изд.). Спб., 1894 г. Ц. 75 к.
Костычевъ, П. Общедоступное руководство къ земледѣлію (Изд. 2). Спб., 1894 г. Ц. 75 к.
— Обработка и удобреніе чернозема. Сбп., 1892 г. Ц. 2 р.
— Ученіе объ удобреніи почвъ. (Изд. 2). Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
Котельниковъ, М. Г. Справочная книжка по винокуренію для лицъ акцизнаго надзора. М., 1894 г. Ц. 1 р.
Котельниковъ. Начальныя свѣдѣнія по скотоводству (Изд. 3). Спб., 1893 г. Ц. 40 к.
— Бесѣды по земледѣлію. Вып. I. О почвѣ. 1893 г. Вып. II. Объ удобреніи почвы. 1894 г. Вып. III. Травосѣяніе 1894 г. Вып. IV. О сѣменахъ и посѣвѣ, 1895 г. Вып. V. О воздѣлываніи хлѣбовъ. 1894 г. Вып. VI. Широколиствен. мучнистыя растенія. 1892 г. Вып. VII. О воздѣл. картофеля и корнеплодовъ. 1894 г. Спб. Цѣна кажд. вып. 30 к.
Краффтъ-Эбингъ. О здоровыхъ и больныхъ нервахъ. М., 1885 г. Ц. 75 к.
— Судебная психопатологія (Перевелъ Ал. Черемшанскій). Спб., 1895 г. Ц. 5 руб.
Крестовскій, В. (псевдонимъ). Альбомъ, группы и портреты. Спб., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
Кривенко, Н. Бесѣды о рогатомъ скотѣ. М. 1892 г. Ц. 70 к.
Криста, М. Конецъ крейцеровой сонаты Льва Толстого. Спб., Ц. 30 к.
Криницкій, Маркъ. Въ туманѣ. Москва, 1895 г. Ц. 40 к.
Кругловъ, А. В. Свои-чужіе. Романъ. Кіевъ, 1893 г. Цѣна 1 р.
— Подъ колесомъ жизни. Повѣсти и разсказы. Кіевъ, 1894 г. Цѣна 1 р.
— Незабудки. Разсказы и стихотворенія для дѣтей. Спб. 1885 г. Ц 1 р. 50 к., въ роскошн. перепл.—2 р.
— Вечерніе досуги. Сборникъ дѣтск. разсказ. и стихотвореній, съ 45 рисунк. въ текстѣ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
Крыловъ, И. А. Избранныя басни для школъ и народа. М., 1895 г. Ц. 8 к.
Ксенофонтъ. Анабазисъ. Подстрочн. пер. Кремера. Книга I-я, изд. 3-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 40 к.
— Книга II-я, изд. 3-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 40 к.
— Книги III-я, и IV-я, изд. 2-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 60 к.
— Книги V-я, VI и VII. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р.
Куглеръ, Францъ. Руководство къ исторіи искусства, обработан. Любке. Пер. Е. Корша. Ч. I, съ 320 рисунк. въ текстѣ, ц. 5 р. М. 1869 г.; т. II, ц. 5 р. съ 167 рис. М. 1870 г.
— Руководство къ исторіи живописи со временъ Константина Великаго. Перев. И. К. Васильева, съ портрет. автора. Ц. 7 р. М., 1872 г.
Кузьминскій, К. Н. Устройство сцены для любительскихъ спектаклей. М., 1893 г. Ц. 50 к.
Кулагинъ Н. Насѣкомыя, вредныя для сада и огорода въ средней и сѣверной Россіи (Изд. 2-е). Спб., 1894 г. Ц. 50 к.
Кулешовъ, П. Свиноводство. М. 1893 г. Ц. 1 р.
— Коневодство. М., 1892 г. Ц. 1 р. 30 к.
— Научныя и практическія основанія подбора племенныхъ животныхъ въ овцеводствѣ. М 1890 г. Ц. 2 р.
Куно - Фишеръ. Лессингъ, какъ преобразователь нѣмецкой литературы. Пер. И. П. Разсадина. Ц. 1 руб. 25 к. М., 1882 г.

— Артуръ Шопенгауеръ. М., 1894 г. Ц. 1 р.
Курбскій, А. С. Русскій рабочій у сѣверо-американскаго плантатора. Спб., 1875 г. Ц. 2 р.
Курціусъ, Эрнстъ. Т. II, пер. А. Веселовскаго. Ц. 5 р. М., 1883 г. Т. III, пер. М. Корсакъ. Ц. 4 р. М., 1880 г.
Лабрюйеръ, Жанъ. Характеры или нравы этого вѣка (съ предисловіемъ Прево-Парадоля и Сентъ-Бёва). Спб., 1890 г. Ц. 2 р.
Лабулэ, Эдуардъ. Голубыя сказки. Въ роскошномъ переплетѣ съ 150 рисунк. Спб., 1894 г. Ц. 3 р.
Лавелэ, Эмиль. Балканскій полуостровъ. Пер. Н. Е. Васильева. Ц. 6 р. М., 1889 г.
Лависъ, Э. Общій очеркъ политической исторіи Европы. М., 1891 г. Ц. 50 к.
Лампрехтъ, Карлъ. Исторія германскаго народа. Пер. П. Николаева. Т. I (части 1 и 2). Ц. 4 р. М., 1894 г.
Леббокъ, Дж. Красота природы и чудеса міра. Пер. подъ ред. А. М. Павлова, съ 36 полит. Ц. 1 р. 50 к. М., 1893 г.
Лёвенфельдъ. Л. Половая нейрастенія. Одесса, 1892 г. Ц. 1 р.
Левицкій, В. Н. Временныя правила о волостномъ судѣ, преобразованномъ по закону 12 іюля 1889 года. М., 1894 г. Ц. 1 р.
Левитовъ. Собраніе сочиненій, съ портретомъ автора и статьей о его жизни Ф. Д. Нефедова. Т. I. Ц. 1 р. 50 к. Т. II. Ц. 1 р. 50 к. М., 84.
Лейбницъ, Г. В. Избранныя философскія сочиненія. Съ портретомъ. М., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.
Леонтьевъ, Н. I. Указатель пьесъ для любительскихъ спектаклей. М., 1893 г. Ц. 50 к.
Лермонтовъ, М. Ю. Пол. собр. сочиненій. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.
Лессингъ, Г. Мина фонъ-Барнгельмъ. Пер. Гомберга. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
— Эмилія Галотти. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.
— Натанъ Мудрый. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
— Молодой ученый. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
— Гамбургская драматургія. Пер. И. П. Разсадина. Ц. 3 р. М., 1883 г.
— Драматич. соч.: Минна фонъ Барнгельмъ, Эмилія Галлотти, Натанъ Мудрый. Спб. 1886 г. Ц. 2 р.
Лесгафтъ, Ф. Хлѣбопекарное производство (по Бирнбауму) и описаніе производства сухарей и проч. на русскихъ заводахъ. Спб., 1880 г. Ч. I. Ц. 3 р.
Ливій, Титъ. Подстрочный переводъ 30-й книги сдѣл. Румянцевъ и Подгурскій. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.
— Исторія Рима отъ основанія города. Книги I и II. Кіевъ, 1892 г. Ц. по 75 к.
— Римская исторія Кн. XXI, XXII. Изд. 2-е. Кіевъ, 1892 г. Цѣна 60 к.
Липпертъ, Ю. Исторія культуры. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.
Ли, Іонасъ. Осужденный на вѣкъ. Разсказъ, съ норвежск. М., 1894 г. Ц. 40 к.
Лихіе наѣздники. (Шутка - задача для дѣтей). Изд. Вл. А. Попова. Цѣна 10 к.
Лотце, Германъ. Микрокозмъ (мысли о естественной и бытовой исторіи человѣка, опытъ антропологіи). Пер. Е. Корша. Часть I. Ц. 2 р. М., 64 г. Часть II. Ц. 2 р. М. 66 г. Часть III. Ц. 2 р. 50 к. М., 67 г.
Луговой, А. Добей его! (Pollice verso). Параллели. Москва, 1893 г. Ц 50 к.
— Соч. Т. I. Спб., 1894 г. Ц. 2 р.
— Сочиненія. Т. II-ой. Спб., 1894 г. Ц. 2 р.
Лункевичъ, В. Наука о жизни. Общедоступная физіологія человѣка. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
Льюисъ, Георгъ Генри. На берегу моря (зоологическіе этюды). М., 1876 г. Ц. 1 р. 50 к.
Лѣтневъ, П. Невидимый бичъ. Ром. Вмѣсто хлѣба, камень. Ром. Кіевъ, 1894 г. Цѣна въ одномъ томѣ 1 р. 50 к.
— Бархатные когти. Ром. въ 2-хъ ч. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.
— На волоскѣ. Ром. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.
— Современный недугъ. Ром. въ 3-хъ ч. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.
— Поперекъ дороги. Повѣсть. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.
— На смѣну прошлаго. Ром. Безъ воли. Повѣсть. Кіевъ, 1894 г. Цѣна въ одномъ томѣ 1 р.
Любке, Вильгельмъ. Исторія пластики съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ. Перев. В. Чаева, съ 231 рис. въ текстѣ. Ц. 6 р. М., 1870 г.
Магаффи, Дж. Исторія классическаго періода греческой литературы. Пер. А. Веселовской. Т. I (поэзія). Ц. 3 р. М., 1882 г. Т. II (проза). Ц. 3 р. М., 1883 г.
Магнусъ Блаубергъ. Русское виноградное вино и хересъ. М., 1894 г. Ц. 2 р.
Майеръ, Викторъ. Задачи химіи нашего времени. Спб., 1890 г. Ц. 50 к.
Мазуринъ, К., и Высоцкій, В. Формулы по ариѳметикѣ, алгебрѣ, геометріи, тригонометріи, высшей алгебрѣ, дифференціальному и интегральному исчисленіямъ для рѣшенія задачъ по чистс математикѣ. М., 1887 г. Ц. 50 к.
Макарова, С. Отголоски старины Историческіе разсказы для дѣтей. М 1894 г. Ц. въ папкѣ 1 р., въ коленк ровомъ переплетѣ 1 р. 30 к.
Македонскій. Права и обязатнос подсудимаго предъ военнымъ судоз М., 1886 г. Ц. 1 р.
Маклеодъ, Д. Г. Основанія поли

ческой экономіи. Спб., 1865 г. Ц. 2 р. 50 к.

Максимъ Ковалевскій. Происхожденіе современной демократіи. Т. I. М., 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.

Максимовъ, С. В. Годъ на сѣверѣ. М. 1890 г. Изд. 4-е. Ц. 3 р.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Дѣтскія тѣни. М., 1894 г. Ц. 80 к.

— Разсказы и сказки для дѣтей младшаго возраста. М., 1895 г. Ц. 60 к., въ папкѣ 75 к.

Мартыновъ. Anciens monuments des environs de Moscou. M.. 1889 г. Ц. 10 р.

Мартъ, Констанъ. Философы и поэты-моралисты во времена Римской имперіи. Переводъ М. Корсакъ. Ц. 2 р. М., 1879 г.

Матеріалы для біографіи Добролюбова, собран. въ 1861—1862 гг. Т I. Ц. 2 р. М., 1890 г.

Маракуевъ, Н. Н. Элементарная алгебра въ 2-хъ ч. М., 1887 г. Ц. 4 р.

— Галилей, его жизнь и ученые труды. М., 1888 г. Ц. 35 к.

Масперо, Ж. Древняя исторія народовъ Востока. Москва, 1895 г. Ц. 3 р.

Массе. Исторія кусочка хлѣба. Спб., 1877 г. Ц. 1 р. 50 к.

Масловичъ, Н. Татьянинъ день 12 января. Харьковъ, 1895 г. Ц. 20 к.

Маурeръ, Людвигъ. Введеніе въ исторію общиннаго, подворнаго, сельскаго и городского устройства и общественной власти. Пер. В. Корша. Ц. 2 руб. 75 к. М., 1880 г.

Мачтетъ, Григорій. Баба и другіе разсказы. (Силуэты. Т. I.). Изд. 2-ое. М., 1895 г. Ц. 1 р.

— Блудный сынъ. Повѣсть. (Силуэты. Т. I). Изд. 2-ое. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Между прочимъ. Сбор. разсказовъ. Изд. 2-е. М., 1894 г. Ц. 80 к.

Международная библіотека. № 1. Ферд. Брюнетьеръ. Источники пессимизма, 2-е изд. Ц. 15 к. № 2. Кеттлеръ. Что такое женская эмансипація. 2-е изд. Ц. 15 к. № 3. Вундтъ. Связь философіи съ жизнью за послѣднія 100 л. 2-е издан. Ц. 15 к. № 4. Леметръ. Этюды о русскихъ писателяхъ: Достоевскій, Островскій. 2-е изд. Ц. 15 к. № 5. Шенбахъ. Государственный строй С.-Амер. Соедин. Штатовъ. 2-е изд. Ц, 15 к. № 6. Брюнетьеръ. Отличительный характеръ французской литературы. Ц. 15 к. № 7. Шарль Рише. Геніальность и помѣшательство. Ц. 15 к. № 8. фонъ-Шеля. Самоубійство и современная цивилизація. Ц. 15 к. № 9. И. Тэнъ. Шекспиръ. Ц. 15 к. № 10. Рене Думикъ. Литература и вырожденіе. Ц. 15 к. № 11. Луйо Брентано. Причины экономическаго разстройства въ Европѣ. Ц. 15 коп. № 12. Брандесъ. Звѣрь въ человѣкѣ. Ц. 15 к. № 13. Лесли Стефенъ. Этика и борьба за существов. Ц. 15 к. № 14. Отто-Генне-амъ-Ринъ. Законы культуры. Ц. 15 к. № 15. Ф. Штрайслеръ. Происхожденіе семьи. Ц. 15 к. № 16—17. А. Фулье. Психологія мужчины и женщины и ея физіологическія основанія. Ц. 25 к. № 18. А. Шопенгауэръ о возростахъ человѣка. Ц. 15 к. № 19. По Лабанду. Государственный строй германской имперіи. Ц. 15 к. № 20. Густавъ Шенбергъ. Новая политическая экономія. Ц. 15 к. № 21. Альфредъ Бинэ. Механизмъ мышленія. Ц. 15 к. № 22. Ф. Паульсенъ. Гамлетъ, какъ трагедія пессимизма. Ц. 15 к.

— Рюмелинъ. Что такое соціальный законъ № 23. Ц. 15 к. Фердинандъ Лагранжъ. Реформа физическаго воспитанія № 24. Цѣна 20 к. Миттермайеръ. Судъ присяжныхъ и его значеніе № 26. Ц. 15 к. Шарля Ферре. Наслѣдственность болѣзненнаго предрасположенія № 25. Ц. 15 к.

Мейеръ. Основанія теоретической химіи. Спб., 1894 г. Ц 2 р.

Мекензи, Уоллэсъ. Россія. Т. I и II. Спб., 1880. Ц. 5 р.

Мессеръ. Звѣздный атласъ. Изд. 2-е. Спб., 1891 г. Ц. 5 р.

Милюковъ, П. Н. Государственное хозяйство въ Россіи и реформа Петра Великаго. Спб., 1892 г. Ц. 3 руб. 50 коп.

— Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Мензбиръ, М. Дарвинизмъ въ біологіи и близкихъ къ ней наукахъ. М., 1886 г. Ц. 75 к.

Михайловскій, Н. К. Литература и жизнь. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.

— Критическіе опыты. Иванъ Грозный въ русской литературѣ. Герой безвременья. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

Михеевъ, В. М. Художники. Очерки и разсказы. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Мольеръ, Собр. соч. въ 3-хъ т. Спб., 1884 г. Ц. 7 р. 50 к.

Молло, М. Правила адвокатской профессіи во Франціи. М., 1894 г. Ц. 80 к.

Момсенъ, Ѳ. Римская исторія. Перев. Невѣдомскаго. Т. I, ц. 6 р. М., 1887 г. Т. II и III, ц. 7 р. М., 1887 г. Т. V, ц. 3 р. 50 к. М., 1885 г.

Мопассанъ, Гюи. Монтъ-Оріоль. Москва, 1894 г. Ц. 70 коп.

— Сочиненія, избранныя Л. Н. Толстымъ. 1 т. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Т. 2-й. М., 1894 г. Ц. 1 р.

— На водѣ, сборникъ разсказовъ. Пер. съ фр. Никифорова, съ предисловіемъ Л. Толстого. М., 1894 г. Ц. 60 к.

Морлей, Джонъ. Вольтеръ. Переводъ съ 4-го англ. изд. М., 1889 г. Ц. 2 р.

— Руссо. Перев. съ англ. В. Н. Невѣдомскаго. Ц. 2 р. 50 к. М., 1881 г.

— Дидро и энциклопедисты. Пер. В. Н. Невѣдомскаго. Ц. 2 р. 50 коп. М., 1882 г.

Моръ. Краткая этимологія греческаго языка. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

— Книга упражненій по греческому языку. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Москвичъ. Путеводитель по Крыму (4 изд.). 1895 г. Ц. въ коленк. пер. 1 р.

Мостовскій М. Этнографическіе очерки Россіи. М., 1874 г. Ц. 1 р.

Мотлей, Д. Л. Исторія Нидерландской революціи. 3 т. Спб., 1865 г. Ц. 7 р. 50 к.

Мусселіусъ, В. Русско-латинскій словарь. Спб., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.

Мудреный кругъ. (Головоломка). Изд. Вл. А. Попова. Цѣна 25 коп., пересылка за 1 ф. по разстоянію.

Мятлевъ, И. П. Полное собр. сочиненій. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.

Мясницкій, Ив. Замоскворѣцкія свахи. Юмористич. разсказы. М., 1895 г. Ц. 1 р.

„**На добрую память**“ изъ русскихъ писателей. Книга для семейнаго чтенія. М., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к., составл. Никифоровымъ.

Надсонъ, С. Я. Литературные очерки (1883—1886 гг.). Спб., 1887 г. Изд. 2-е Ц. 1 р.

Наединѣ. Сборникъ переводныхъ повѣстей, разсказовъ и стихотвореній Матильды Серао, Альфонса Додэ, Бьёрнсонъ-Бьернстерна, Генри Лонгфелло, Гюи де-Мопассана, Уйда, Поля Маргеритъ, Франсуа Коппэ, Пьера Лоти, Жана Ришпена, Поля Бурже. М., 1894 г. Ц. 70 коп.

Народныя русскія сказки и загадки. Собраны сельскими учителями Тульск. губ. въ 1862 и 1863 годахъ. Редакція А. А. Эрленвейна. Изд. 2-е. М., 1892 г. Ц. въ папкѣ 1 р.

Неверъ, Эмилія. Искусство быть красивой. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Немировичъ-Данченко. В. И. Гроза. Ром. въ 2хъ ч. Изд. седьмое. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Бѣломорье и Соловки. Изд. 4-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Өедька-рудокопъ. Повѣсть для дѣтей старшаго возраста. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.

— Контрабандисты. Романъ. Кіевъ, 1892 г. Ц. 2 р.

— На краю свѣта. Другъ за друга. Изъ жизни на крайнемъ сѣверѣ. Повѣсть для дѣтей. Въ трехъ частяхъ. Москва, 1893 г. Ц. 1 р., въ переплетѣ 1 р. 30 к.

— Большое сердце. Повѣсть. Москва, 1894 г. Ц. 20 коп.

Немировичъ-Данченко, Влад. Ив. Старый домъ (Мертвая ткань). М., 1895 г. Ц. 1 р.

Нетыкса, М. А. Краткое руководство кузнечнаго дѣла. М., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.

— Крат. руков. слесарнаго дѣла. М., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.

Нефедовъ, Ф. Д. Сочиненія. Т. I. Ц. 1 р. 50 к. М., 1894 г.

— Томъ II. М., 1805 г. Ц. 1 р. 50 к.

Нивеллирный планъ города Москвы, съ указаніемъ раздѣленія города на судебно-мировые участки и съ описаніемъ ихъ. М., 1894 г. Ц. 75 к.

Никитинъ, В. Н. Обломки разбитаго корабля. Сцены у мировыхъ судей шестидесятыхъ годовъ. Спб., 1891 г. Ц. 1 р.

Николаевъ, П. Активный прогрессъ и экономическій матеріализмъ. Соціологическій этюдъ. Ц. 1 р. 50 коп. М., 1892 г.

Николаевъ, Н. Стихотворенія. М., 1894 г. Ц. 40 к.

Нордау, Максъ. Вырожденіе. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Въ поискахъ за истиной (парадоксы) изд. 3-е. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Нурокъ. Ключъ къ русскимъ упражн. грам. англійскаго языка. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.

Ньюкомбъ и Энгельманъ. Астрономія въ общепонятномъ изложеніи. Спб., 1894 г. Ц. I-му выпуску 1 р. 40 к., подписная цѣна за все соч. (4 вып.) 5 р. 60 к.

Нюренбергъ, А. М. Городовое положеніе (изд. 2-е). Москва, 1893 г. Ц. 80 к.

— Правила о раздробительной торговлѣ крѣпкими напитками (изд. 2). М., 1894 г. Ц. 1 р.

Общедоступный лечебникъ домашнихъ животныхъ при участи Э. К. Брандта составленъ Я. Н. Шмулевичемъ (Изд. 2-е). Спб., 1891 г. Ц. 3 р.

Овидій, Назонъ. Избранныя басни изъ „Метаморфозъ“. Изд. 2-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к. Пер. 8-й, 11-й, 12-й и 15-й книги „Метоморфозъ“.

— Переводъ 1-й и 2-й книги съ прилож. біографіи автора. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.

— Пер. 6-й, 7-й и 13-й книги. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

— Переводъ 3-й, 10-й, 14-й книги. Кіевъ, 1894 г. Ц. 40 к.

Огородниковъ, П. Въ странѣ свободы. Библіотека современныхъ писателей. Въ 2-хъ т. Спб., 1882 г. Ц. 2 р. 50 к.

Ольденбергъ, Германъ. Будда, его жизнь, ученіе и община. Перев. Г. Николаева. Ц. 2 р. М., 1891 г.

Оржешко, Элиза. Дикарка. Повѣсть. Пер. съ польскаго. М., 1894 г. Ц. 75 [illegible]

О свободѣ воли. Рефераты и статьи членовъ психологическаго общества. М., 1889 г. Ц. 2 р.

Острогорскій, Викторъ. Письма объ эстетическомъ воспитаніи. 1894 [illegible] Ц. 40 к.

— Выразительное чтеніе. Пособіе для учащихъ и учащихся. Изд. 3-е. М., 1894 г. Ц. 50 к.
— Изъ міра великихъ преданій. Разсказы для юношества. Изд. 5-е. Москва, 1894 г. Ц. 1 р.
— Этюды о русскихъ писателяхъ. IV. Художникъ русской пѣсни А. В. Кольцовъ. Москва, 1893 г. Ц. 50 к.
— Родные поэты. Для чтенія въ классѣ и дома. Изд. 2-е. Москва, 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
— Хорошіе люди. Сборникъ разскав. съ 45 рисунк. (изд. 2-е). Спб., 1891 г. Ц. 1 р., въ роскошн. перепл.—1 р. 60 к.
П., Г. Стихотворенія. М., 1894 г. Ц. 35 к.
Павленковъ, Ф. „Жизнь замѣчательныхъ людей" (Біографическая библіотека). Аввакумъ, Андерсенъ, Аристотель, Бальзакъ, Бахъ, Байронъ, Бентамъ, и Беккаріа, Берне, Бэконъ, Бѣлинскій, Карлъ Бэръ, Беранже, Бетховенъ, Богданъ Хмѣльницкій, Боккачіо, Бомарше, Боткинъ, Джіордано Бруно, Рихардъ Вагнеръ, Леонардо-да-Винчи, Волковъ, Вольтеръ, Воронцовы, Галилей, Гарвей, Гарибальди, Гаррикъ, Гегель, Гейне, Гёте, Гладстонъ, Глинка, Говардъ, Гоголь, Гракхи, Грибоѣдовъ, Григорій VII, А. Гумбольдъ, Гусъ, Гутенбергъ, Гюго, Дагерръ и Ніэпсъ, Даламберъ, Дантъ, Дарвинъ, Даргомыжскій, Дашкова, Демидовы, Державинъ, Дефо, Дженнеръ, Диккенсъ, Добролюбовъ, Достоевскій, Жоржъ-Зандъ, Жуковскій, Ивановъ (художн.), Іоаннъ Грозный, Кальвинъ, Канкринъ, Кантъ, Кантемиръ, Каразинъ, Карамзинъ, Карлейль, Кеплеръ, Кетле, Ковалевская, Колумбъ, Кольцовъ, Конфуцій, Кондорсе, Контъ, Коперникъ, баронъ Корфъ, Крамской, Кромвель, Крыловъ, Кювье, Лавуазье, Лапласъ, Лейбницъ, Лермонтовъ, Лессепсъ, Лессингъ, Ливингстонъ, Линкольнъ, Линней, Лобачевскій, Лойола, Локкъ, Ломоносовъ, Ляейелль, Маколей, Мейерберъ, Микель-Анджело, Милль, Мильтонъ, Мирабо, Мицкевичъ, Мольеръ, Монтескьё, Томасъ Моръ, Моцартъ, Никитинъ, Никонъ, Новиковъ, Ньютонъ, Робертъ Оуэнъ, Паскаль, Песталоцци, Перовъ, Пироговъ, Писемскій, Потемкинъ, Пржевальскій, Прудонъ, Пушкинъ, Рабле, Рафаэль, Рембрандтъ, Ришелье, Ротшильды, Руссо, Сакіа-Муни, Салтыковъ, Савонарола, Свифтъ, Сенковскій, Сервантесъ, Скобелевъ, Вальтеръ-Скоттъ, Адамъ Смитъ, С. Соловьевъ, Сперанскій, Стефенсонъ и Фультонъ, Струве, Стэнли, Сѣровъ, Теккерей, Толстой, Торквемада, Тургеневъ, Уаттъ, Ушинскій, Фарадей, Фонвизинъ, Франклинъ, Цвингли, Шевченко, Шиллеръ, Шопенгауэръ, Шопенъ, Шуманъ, Щепкина, Эдисонъ и Морзе, Джоржъ Эліотъ, Юмъ, Ѳедотовъ.
Пальчикова. Двѣ сказки для дѣтей. Спб., 1893 г. Ц. 50 коп.
Парксъ, Генрихъ. 50 лѣтъ общественной дѣятельности въ Австраліи, въ 2 ч., съ 2 портр. автора, пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 3 р. М., 1894 г.
Паульсенъ, Фр. Введеніе въ философію. Пер. Н. Титовскаго, подъ ред. В. Преображенскаго. Изд. редакціи журнала „Вопросы Философіи и Психологіи". М., 1894 г. Ц. 3 р.
Паульсонъ. Стенографія. Спб., 1892 г. Ц. за 2 части 1 р.
— Руководство для лицъ, ухаживающихъ за больными. Спб., 1893 г. Ц. 60 к.
Пель. Фальсификаціи и мѣры борьбы съ ними. Спб., 1889 г. Ц. 60 к.
Пашкевичъ, В. Культура лѣкарствен. растеній. Спб., 1894 г. Ц. 80 к.
Пелисье, Ж. Французская литература XIX вѣка. М., 1895 г. Ц. 1 р.
Пергаментъ, О. Краткій историческій очеркъ развитія ученія объ электричествѣ. Кіевъ, 1890 г. Ц. 60 к.
Персональный. Учебникъ зоологіи. М., 1893 г. Ц. 85 к.
Петровъ, А. Н. Русская военная сила. Т. I и II. Изд. 2-е. М. 1892 г. Ц. за оба тома 6 р.
Петунниковъ, А. Иллюстрированное руководство къ опредѣленію растеній. М., 1890 г. Ц. 2 р. 50 к.
Пешель, Оскаръ. Исторія эпохи открытій. Пер. Э. Циммермана. Ц. 3 р. М., 1885 г.
Писаревъ, Д. И. Пол. собр. соч., въ 6 т. Спб., 1894 г. Ц. 6 р.
Платонъ. Апологія Сократа. Подстрочн. пер. Изд. 3-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
— Критонъ. Изд. 2-е. Кіевъ, 1890 г. Ц. 35 коп.
Плутархъ. Александръ Великій. М., 1893 г. Ц. 30 к.
— Юлій Цезарь. М., 1890 г. Ц. 25 к.
— Жизнь и дѣла знаменитыхъ людей древности. Въ 4-хъ т. М., 1893 г. Ц. за всѣ тома 3 р. 50 коп.
Покровскій. К. Путеводитель по небу. М., 1894 г. Ц. 2 р.
Покровскій, Е. А. Дѣтскія игры и гимнастика въ отношеніи воспитанія и здоровья. Ц. 20 к.
— Площадки для дѣтскихъ игръ и физическихъ упражненій. М., 1894 г. Ц. 20 к.
— Русскія дѣтскія подвижныя игры. М. 1892 г. Ц. 75 к.
— Первоначальное физическое воспитаніе дѣтей (Популярное руководство для матерей). М., 1895 г. Ц. 1 руб. 50 коп. (изд. 2-е).
Покорни, д-ръ. Общее землевѣдѣніе. Ч. 3-я (послѣдняя). М. 1891 г. Ц. 2 р.
Политикосъ. Европейскіе монархи. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.
Полонскій, Я. П. На закатѣ. Стихотворенія. М., 1881 г. Ц. 1 р. 25 к.

Поповъ. Курсъ общаго скотоводства. Казань. 1894 г. Ц. 2 р.
Порошинъ, Ив. Разсказы. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
Потапенко, И. Н. Повѣсти. 8 т. Спб., 1893 г. Ц. каждаго т. 1 р.
Прейеръ, В. О сохраненіи здоровья и продленіе жизни. Одесса, 1895 г. Ц. 50 коп.
Прессъ. Руководство въ борьбѣ съ огнемъ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 75 к.
— Защита жизни и здоровья рабочихъ. Вып. I и II. Спб., 1891 г. Ц. по 2 р.
Програмы домашняго чтенія на 1894—1895 г. Комиссія по организаціи домашняго чтенія. М., 1894 г. Ц. 25 к.
Прудонъ, П. Искусство, его основанія и общественное назначеніе. Спб., 1866 г. Ц. 1 р. 25 к.
Птицынъ, Владиміръ. Древніе адвокаты и наши присяжные цицероны. Спб., 1894 г. Ц. 50 к.
— Адвокатъ за адвокатуру. Спб., 1895 г. Ц. 30 коп.
Путешествія В. В. Юнкера по Африкѣ. Изложен. Петри, съ 114 рисунками. Спб., 1893 г. 3. р. 50 к.
Пушкинъ, А. С. Пол. собр. сочиненій. Спб., 2 изд. Ц. 1 р. 50 к.
Раевскій, М. Н. Плодовая школа и плодовой садъ. (Изд. 4-е). Спб., 1892 г. Ц. 1 р.
Розенбергъ-Липинскій. Практическое земледѣліе (Изд. 5). Спб. 1893 г. Ц. 3 р.
Райтъ, Л. Практическое птицеводство. М., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Жизнь первобытныхъ народовъ. Эскимосы и алеуты. М., 1888 г. Ц. 15 к.
Регель. Содержаніе и воспитаніе растеній въ комнатахъ. Изд. 2-е. Спб., 1890 г. Ц. 5 р. 50 к.
— Однолѣтнія и двухлѣтнія цвѣтущія растенія. Изд. 3-е. Спб., 1885 г. Ц. 3 р. 50 к.
Рейхъ. Оптическая гигіена глазъ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р.
Рекламъ, Карлъ. Ключъ къ здоровью. Популярная гигіена. Кіевъ, 1893 г. Ц. 60 к.
Реклю, Э. Современные политическіе дѣятели. Спб., 1876 г. Ц. 2 р.
Рембольдтъ, д-ръ. Школьная гигіена. Пер. съ нѣмецкаго д-ра И. М. Рахманинова. М., 1890 г. Ц. 1 р. 25 к.
Ренанъ, Эрнестъ. Разореніе Іерусалима. М., 1886 г. Ц. 50 к.
Рибо, Т. Современная англійская психологія. Подъ ред. П. Д. Боборыкина. М., 1881 г. Ц. 2 р.
Риль, А. Теорія науки и метафизика съ точки зрѣнія философскаго критицизма. Пер. Е. Корша. Ц. 2 руб. М., 1888 г.
Ричардсонъ, Чарльзъ. О выборѣ книгъ. М., 1889 г. Ц. 50 к.
Розенбахъ. Современный мистицизмъ. Спб., 1891 г. Ц. 60 к.
Романовъ, С. И. Словарь ружейной охоты. М., 1877 г. Ц. 3 р. 50 к.
Рони, Ж. До потопа. Спб., 1892 г. Ц. 50 к.
Рохау, А. Л. Исторія Франціи. Ч. I и II. Спб., 1866 г. Ц. 3 р. 50 к.
Рудзкій, Ал. Лѣсная таксація. Пособіе для лѣсничихъ и лѣсопромышленниковъ. (Изд. 2). Спб., 1890 г. Ц. 3 р.
Руководство для метеорологическихъ наблюденій. Изд. харьковскаго календаря. Харьковъ, 1894 г. Ц. 30 к.
Руссо, Жанъ-Жакъ. Юлія или Новая Элоиза. М., 1892 г. Ц. 2 р.
Русскій сельскій календарь. Годъ II. М., 1895 г. Ц. 20 к.
Ручныя тѣни. (Любимая дѣтская забава). Изд. Вл. А. Попова. Спб., 1894 г. Ц. 15 к., съ перес. 25 к.
Рѣшетниковъ, Ѳ. М. Собраніе сочиненій, въ 2-хъ т. Спб., 1890 г. Ц. за 2 т. 2 р. 50 к.
Рябининъ. Элеваторы и наше увлеченіе ими. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.
Саади-Ширази. Гюлистанъ, „Цвѣтникъ розъ". Пер. съ персидск. подлин. И. Холмогорова. Ц. 1 р. М., 1882 г.
Салтыковъ (Щедринъ). Полное соб. соч. 12 т. (Изд. 3-е). Ц. 18 р. Спб., 1894 г.
Саловъ, И. Уютный уголокъ. М., 1894 г. Ц. 80 к.
— Суета мірская. М., 1894 г. Ц. 1 р.
— Съ натуры. Очерки и разсказы. М., Ц. 1 р.
Саллюстій Криспъ. Пособіе къ изученію и чтенію „Заговора Катилины". Состав. Логвиновъ. Кіевъ, 1886 г. Ц. 60 коп.
Сборникъ рисунковъ токарныхъ издѣлій. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
Сборникъ рисунковъ мебели и столярныхъ издѣлій. М. Ц. 2 р.
Свифтъ, Джонатанъ. Путешествія Лемюэля Гулливера. Ч. I и II. М., 1889 г. Ц. за обѣ части 4 р. 40 к.
Святловскій, В. В. Фабричная гигіена (153 рис.) Спб., 1891 г. Ц. 4 р.
Северъ, Риббингъ. Половая гигіена и ея нравственныя послѣдствія. Одесса, 1893 г. Ц. 1 р.
— Бракъ. Совѣты и предостереженія врача. Одесса, 1894 г. Ц. 30 к.
Семеновъ, С. Т. Крестьянскіе разсказы, съ предисловіемъ Л. Н. Толстого. М., 1894 г. Ц. 60 к.
Серао, Матильда. Прощай, любовь! Романъ. М., 1895 г. Ц. 60 к.
Сервантесъ. Славный рыцарь Донъ-Кихотъ Ламанчскій. Т. I. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
Сигеле. Преступная толпа (опытъ коллективной психологіи). Спб., 1893 [illegible] Ц. 30 к.
Сикорскій. Заиканіе. Спб., 18[illegible] г. Ц. 3 р.

Симсонъ, Э. О невыдачѣ собственныхъ подданныхъ. Спб., 1892 г. Ц. 4 р.

Сиповскій, В. Д. Сократъ и его время. Историческій очеркъ. II. Короленко, В. Г. Тѣни. (Фантазія). М., 1894 г. Ц. 35 коп.

Скабичевскій, А. М. Исторія новѣйшей русской литературы. 1848—1892 гг. 2-е изд. Спб., 1893 г. Ц. 2 р.

— Очерки исторіи русской цензуры (1700—1863 г.). Спб., 1892 г. Ц. 2 р.

— Сочиненія: критическіе этюды, публицистическіе очерки, литературныя характеристики (въ 2-хъ томахъ). Спб. 1895 г. Ц. 3 р. Изданіе 2-ое.

Скворцовъ. Гигіена. Спб., 1881 г.

Сковронская, Марія. Изъ жизни и фантазіи. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Скоровъ, А. Сборникъ узаконеній и распоряженій правительства о крестьянахъ. Т. I (изд. 3-е). Уфа, 1891 г. Ц. 5 р. Т II. М., 1893 г. (изд. 2-е). Ц. 4 руб.

— Уставъ горный. Т. I (изд. 3-е). М., 1895 г. Ц. 4 р. Т. II. Уставъ о частной золотопромышленности. М., 1893 г. Ц. 3 р. 50 к.

— Уставъ лечебныхъ заведеній вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ. М., 1894 г. Ц. 70 к.

Скоровъ. Русскіе судебные ораторы въ извѣстныхъ уголовныхъ процессахъ. М., 1895 г. Ц. 1 р. 75 к.

Скоровъ, А., и Богдановъ. Руководство для волостныхъ старшинъ, сельскихъ старостъ и сборщиковъ податей. М., 1895 г. Ц 60 к.

— Формы приговоровъ сельскихъ и волостныхъ сходовъ. М., 1895 г. Ц. 1 р. 60 коп.

Скоровъ и Полянскій. Сводъ уставовъ о службѣ гражданской. Т. I. Уставъ о службѣ по опредѣленію отъ правительства. М., 1895 г. Ц. 2 р. Т. II. Уставы о пенсіяхъ. М., 1895 г. Ц. 2 руб.

Сказки русскихъ писателей для дѣтей. Изд. 3-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.

Сказки русскаго народа. 7 в. М., 1894 г. Ц. кажд. выпуска 25 к.

Сказка про лису да про волка. М., 1892 г. Ц. 25 к.

Складныя картинки, служащія иллюстраціями къ произведеніямъ русскихъ авторовъ, съ приложеніемъ портретовъ писателей, краткихъ ихъ біографій и самихъ произведеній: 1) „Цыгане" Пушкина; 2) „Мазай и зайцы" Некрасова и 3) „Дѣдушка" Никитина. Изд. В. А. Попова. Цѣна каждой картинкѣ, заключенной въ изящную коробку, 45 коп.; пересылка за 1 ф. по разстоянію.

Слезскинскій, А. Бунтъ военныхъ поселянъ въ холеру 1831 г. Новг., 1894 г. Ц. 1 р.

Словарь юридической терминологіи къ источникамъ римскаго права. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.

Смирновъ. А. Живыя картинки сборникъ разсказовъ съ 50 рис. Спб., 1885 года. Ц. 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р.

— Москва-Самаркандъ. (Путевыя впечатлѣнія. М., 1895 г. Ц. 40 к.

Соболевскій, А. И. Фонетика церковно-славянскаго языка. М., 1891 г. Ц. 1 р.

— Лекціи по исторіи русскаго языка. Спб., 1891 г. Изд. 2-е. Ц. 2 р.

Соболевскій, Н. И. Собраніе алгебраическихъ задачъ. М., 1892 г. Ц. 40 к.

Соважо, Давидъ. Реализмъ и натурализмъ въ литературѣ и искусствѣ. Пер. А. Серебряковой. Ц. 2 руб. М., 1891 г.

Совѣтовъ. Итальянско-русскій словарь. М., 1894 г. Ц. 2 р.

Соколовъ, В. Д. Прошлое и настоящее земли. М., 1890 г. Ц. 50 к.

Соннэ. Геометрія теоретическая и практическая. М., 1878 г. Ц. 4 р.

Софоклъ. Эдипъ въ Колонѣ. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.

— Эдипъ-царь. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.

— Филоктетъ. Кіевъ, 1888 г. Ц. 60 к.

— Электра. Кіевъ, 1888 г. Ц. 40 к.

Спенсеръ, Гербертъ. Начала соціологіи (обрядовыя учрежденія). Кіевъ, 1880 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Основныя начала. Пер. Алексѣева. Кіевъ, 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.

Спиноза, Бенедиктъ. Этика, съ приложеніемъ портрета. М., 1892 г. Ц. 2 р.

— Трактатъ объ усовершенствованіи разума. Одесса, 1893 г. Ц. 75 к.

Справочная книга для ремесленниковъ. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Ставровскій, Л. Жизнь и солнце. Х., 1892 г. Ц. 1 р.

Станюковичъ. Безшабашный. (Изъ современныхъ нравовъ). Разсказъ. Москва, 1894 г. Ц. 20 к.

Степовичъ, А. Очерки изъ исторіи славянскихъ литературъ. Кіевъ, 1893 г. Ц. 75 к.

Стенинъ, П. А. Востокъ. Историко-географическое и этнографическое обозрѣніе левантскаго міра. Спб., 1892 г. Ц. въ роскошномъ переплетѣ 6 р., съ 200 рисунками.

Стэнли, Г. Какъ я отыскалъ Ливингстона. Спб., 1874 г. Ц. 3 р.

Стернъ, А. В. Бракъ по любви. Повѣсть. Москва, 1893 г. Ц. 50 коп.

— Очнулась. (Изъ дневника Натальи Сергѣевны). Повѣсть. Москва, 1893 г. Ц. 30 коп.

Столповская, Анна. Очеркъ исторіи культуры китайскаго народа. Ц. 3 р. М., 1891 г.

Страбонъ. Географія (въ 17 кн. въ 1 томѣ). Пер. съ греч. Ѳ. Г. Мищенко. Ц. 10 р. М., 1874 г.

Строковскій, В. Токарное и слесарное ремесла. М., 1893 г. Ц. 1 руб. 30 коп.

Струве, П. Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Судебныя драмы. Жанъ Делалдонжъ. Ц. 80 к.

— Грекъ Кетоло. Поэтическое сумашествіе. Ц. 30 к.

— Убійство Маріи Аниза и ея дѣтей. Ц. 20 коп.

— Убійство Бефани. Ц. 40 к.

— Шайка Лемэра. Ц. 30 к.

— Сборникъ процессовъ всѣхъ странъ. Ц. 30 к.

— Дуэль Пушкина. Ц. 40 к.

Сундквистъ, Оскаръ, и Марія Лазарева. Учебникъ новой практической и первой научной методы кройки дамскаго, дѣтскаго и верхняго платья всѣхъ фасоновъ. М., 1892 г. Ц. съ атласомъ 3 р.

Суриковъ, И. З. Стихотворенія. М., 1884 г. Ц. 2 р.

Сюзевъ, А. Луженіе, цинкованіе и освинцованіе. М., 1894 г. Ц. 60 к.

Тайный порокъ. Выпускъ I и II. М., 1895 г. Ц. 20 к. и 15 коп.

Талдыкинъ, М. Объяснительный текстъ къ атласу чертежей слесарно-токарныхъ работъ, составленному примѣнительно къ программамъ ремесленныхъ училищъ. М., 1892 г. Ц. атласа съ текстомъ 6 р.

Тардъ, Ж. Законы подражанія. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Терешкевичъ. Дядя Чернышъ. М., 1891 г. Ц. 60 к.

Тикноръ. Исторія испанской литературы. Пер. Н. И. Стороженко. Т. I. Ц. 3 р. М. 83 г.. Т. II. Ц. 3 р.М.,1886 г. Т. III. Ц. 3 р. 50 к. М., 1891 г.

Тимирязевъ, К. Чарльзъ Дарвинъ и его ученіе. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Земледѣліе и физіологія растеній. Ч. I. Борьба растенія съ засухой. М., 1893 г. Ц. 50 к. Ч. II. Происхожденіе азота растеній. М., 1893 г. Ц. 50 к.

Тиндаль, Джонъ. Теплота, разсматриваемая какъ родъ движенія. Изд. 2-е. М., 1888 г. Ц. 3 р. 75 к.

Тихомировъ, Д. И. Опытъ плана и конспекта элементарныхъ занятій. Методическое пособіе для преподавателя элементарной школы. Изд. 8-е. М., 1889 г. Ц. 55 к.

— Азбука правописанія. Ч. I. Сборникъ для диктовки примѣровъ и статей на главнѣйшіе случаи употребленія буквъ, съ приложеніемъ краткаго орѳографическаго указателя. Семнадцатое изданіе. Ц. 40 к. Ч. II. Сборникъ для диктовки примѣровъ и статей на главнѣйшіе случаи употребленія знаковъ препинанія. Девятое изданіе. Ц. 40 к. М., 1892 г.

— Книга для церковно-славянскаго чтенія. Руководство для преподавателей начальныхъ училищъ. Изд. 3-е. М., 1892 г. Ц. 1 р.

— Азбука церковно-славянская для первоначальныхъ упражненій въ церковно-славянскомъ чтеніи. Изд. 6-е. М., 1892 г. Ц. 6 к.

— Какъ жить по слову Божію? Русскій сборникъ статей и изреченій, содержащихъ въ себѣ нравственное ученіе изъ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта. М., 1892 г. Ц. 5 к.

— Школа грамотности. Книга для первоначальнаго обученія русскому и церковно-славянскому чтенію, письму и ариѳметикѣ. Изд. 2-е. Москва, 1893 г. Ц. 30 к.

— Какъ учить читать, писать и считать на первой ступени обученія. Общедоступное руководство для учащихъ по букварю. Изд. 12-е. М., 1893 г. Ц. 40 к.

— Изъ исторіи родной земли. Очерки и разсказы для школъ и народа. Ч. I. Древняя Россія. Ц. 50 к. Ч. II. Новая Россія. Ц. 40 к. М., 1893 г.

— Чему и какъ учить на урокахъ родного языка въ начальной школѣ. Методика обученія грамотѣ, объяснительному чтенію, толковому изложенію мыслей, грамматикѣ, правописанію и церковно-славянскому чтенію. Руководство для учителей подготовительной и народной школы. Изд. 3-е. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Книга для церковно-славянскаго чтенія. Ч. I. Руководство для учениковъ начальныхъ училищъ. Изд. 8-е. Ц. 30 к. Ч. II. Руководство для учениковъ двухклассныхъ и городскихъ училищъ. Изд. 3-е. Ц. 20 к. М., 1894 г.

— Элементарный курсъ грамматики для городскихъ и двухклассныхъ училищъ. Изд. 45-е. М., 1894 г. Ц. 20 к.

— Начатки грамматики. Руководство для начальныхъ сельскихъ училищъ и другихъ элементарныхъ школъ. Изд. 8-е. М., 1894 г. Ц. 15 к.

Тихомировъ, Д., и Зенгбушъ, И. Начатки географіи. Руководство для народныхъ училищъ и другихъ элементарныхъ школъ. Изд. 5-е. М., 1894 г. Ц. 30 к.

Тихомировъ, Д., и Тихомирова, Е. Букварь для совмѣстнаго обученія письму, русскому и церковно-славянскому чтенію и счету. Для народныхъ школъ. Изд. 60-е. М., 1894 г. Ц. 20 к.

Тодгентеръ, И. Алгебра (съ обширнымъ собраніемъ примѣровъ). Спб., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.

Токвиль, Алексисъ. Воспоминанія. Пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 2 руб. М. 1893 г.

Толстой, Л. Н. Плоды просвѣщенія. Комедія въ 4-хъ д. Кіевъ, 1892 г. Ц. [illegible] к.

— Смерть Ивана Ильича. Кіевъ, 1891 г. Ц. 10 к.

Траутшольдъ, Г. Основы геологіи. Часть II. Палеонтологія. М., 1875 г. Ц. 2 р. 75 к.

— Часть III. Стратиграфія. М., 1877 г.

— Хозяинъ и работникъ. М., 1895 г. Ц. 20 к.

Трачевскій. Древняя исторія. Изд. 2-е. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.

— Новая исторія. Спб., 1889 г. Ц. 2 р. 50 к.

Тренделенбургъ, Адольфъ. Логическія изслѣдованія. Пер. Е. Корша. Ч. I, ц. 2 р.; ч. II, ц. 2 руб. М., 1868 г.

Трефолевъ, Л. Н. Стихотворенія (64—93 г.). М., 1894 г. Ц. 2 р.

Трояновскій. Первая помощь у себя дома и на полѣ битвы въ отсутствіи врача. Изд. 2-е. Спб.,1893 г. Ц. 1 р. 30 к.

Трубецкой, Евгеній. Религіозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ V-мъ вѣкѣ. М., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Тумскій, К. И. Алюминій и сплавы съ нимъ. М., 1894 г. Ц. 2 р.

— Противузаразныя средства и дезинфекція. М., 1893 г. Ц. 50 к.

Тургеневъ. Стихотворенія. Изд. 2-е. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Турскій, М. Лѣсоводство. М., 1892 г. Ц. 2 р. 30 к.

— Лѣсоводственные орудія и инструменты. М., 1893 г. Ц. 60 к.

— Сборникъ статей по лѣсоразведенію. М., 1894 г. Ц. 70 к.

Турскій, М., и Яшновъ, Л. Опредѣленіе древесины, вѣтвей и сѣмянъ главнѣйшихъ древесныхъ и кустарныхъ породъ по таблицамъ. 2-е изд. М., 1893 г. Ц. 75 к.

Тьюкъ, Хэкъ. Духъ и тѣло, дѣйствіе психики и воображенія на физическую природу человѣка. Пер. П. Викторова. М., 1888 г. Ц. 2 р. 50 к.

Тѣневые портреты русскихъ писателей. (Для вырѣзыванія и отраженія на стѣнѣ). Пушкинъ.—Лермонтовъ.—Гоголь.—Грибоѣдовъ.—Кольцовъ.—Крыловъ.—Тургеневъ.—Некрасовъ.—Гр. Л. Толстой. Изд. В. А. Попова. Цѣна 40 к.

Тэнъ, Г. Титъ Ливій, критическое изслѣдованіе. Пер. А. Иванова и Е. Щепкина. Ц. 1 р. 50 к. М., 1885 г.

Тэнъ. Критическіе опыты. Спб., 1869 г. Ц. 1 р. 75 к.

Уерингъ, Рудольфъ. Объ основаніи защиты владѣнія. М., 1883 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Гражданско-правовые казусы безъ рѣшеній (перев. съ 4-го нѣмецкаго изд.). М., 1883 г. Ц. 1 р. 50 к.

Уильямсъ, Х. Этика пищи или нравственные основы безубойнаго питанія. Перев. съ англійск. Со статьей Л. Н. Толстого „Первая ступень". М. 1893 г. Ц. 2 руб.

Урусовъ. Полицейскій урядникъ. М., 1894 г. Ц. 60 к.

Усовъ, С. А. Сочиненія. Томъ I. Статьи зоологическія. М. 1888 г. Ц. 3 р. 50 к.

Успѣнскій, П. П. содержаніе растеній въ комнатахъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. (изд. 3-е).

Уставъ акціонерныхъ земельныхъ банковъ съ разъясненіемъ вопросовъ, возникшихъ на практикѣ при его примѣненіи. Изд. 4-е. Спб. 1894 г. Ц. 2 р.

Файфъ, Ч. А. Исторія Европы 19 в. Т. III, пер. подъ ред. Лучицкаго. Ц. 2 р. 50 к. М., 1890 г.

Файнштейнъ, С. Что такое мнемоника. Искусство укрѣпленія памяти (четвертое изданіе). Одесса, 1894 г. Ц. 25 к.

Фарраръ, Ф. В. Жизнь Іисуса Христа. Пер. съ англійскаго Ѳ. М. Матвѣева. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Въ 2-хъ частяхъ. М., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пересылкою 2 р.

Федоровъ. Зубы и ихъ сохраненіе. Спб., 1889 г. Ц. 60 к.

Федоровичъ, Флоріанъ. Сельскохозяйственная архитектура. Спб., 1893 г. Ц. съ атласомъ 5 р.

Фельзбергъ, Матильда. Химическая чистка платья и стирка бѣлья. М., 1894 г. Ц. 50 к.

Ферьеръ, Э. Дарвинизмъ (общедоступное изложеніе теоріи Дарвина), изд 2 е. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.

Филипповъ, Сергѣй. Подъ лѣтнимъ небомъ. М., Ц. 1 р.

Финлей, Георгъ. Греція подъ римскимъ владычествомъ. Пер. Софьи Никитенко. Ц. 4 р. М., 1877 г.

Фиске, Джонъ. Открытіе Америки, съ краткимъ очеркомъ древней Америки и испанскаго завоеванія. Пер. Николаева. Т. I. Ц. 2 р. М., 1892 г. Т. II. Ц. 2 р. М., 1893 г.

Фламмаріонъ, К. По волнамъ безконечности. Спб., 1893 г. Ц. 80 к.

— Въ небесахъ. 2 изд. Спб., 1892 г. Ц. 75 к.

— Разсказы о небѣ. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.

— Конецъ міра. 1895 г. Ц. 60 к.

— Общедоступная астрономія. Спб., 1894 года. Ц. 80 к.

Флеровъ, А. Грамматика древняго церковно-славянскаго языка сравнительно съ русскимъ. Одесса, 1894 г. Ц. 60 к.

— Грамматика древн. церковнаго язык. Одесса 1894 г. Ц. 50 к.

Фойгтъ, Георгъ. Возрожденіе классической древности или первый вѣкъ гуманизма. Переводъ И. П. Расадина. Т. I. Ц. 3 р. 50 к. М., 1884 г. Т. II. Ц. 3 р. М., 1885 г.

Фонвизинъ, С. Конецъ дневника. Разсказъ. 1894 г. Ц. 30 к.

Фортунатовъ, А. Сельско-хозяйственная статистика Европейской Россіи. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Урожаи ржи въ Европейской Россіи. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.

Французы и русскіе въ Крыму. Письмо франц. офицера къ своей семьѣ во время восточной войны. Пер. съ фр. Халютина. Минскъ, 1894 г. Ц. 1 р.

Фрикенъ. Римскіе катакомбы и памятники первоначальнаго христіанскаго искусства. Часть I. Ц. 1 р. М. 72 г. Часть II. Ц. 1 р. 50 к. М. 77 г. Часть III. Ц. 1 р. 50 к. М. 80 г. Часть IV. Ц. 2 р. 50 к. М. 85 г.

Фрикенъ, А. Итальянское искусство въ эпоху возрожденія, ч. I. Ц. 2 руб. М., 1891 г. Итальянское искусство въ эпоху возрожденія, ч. 2-я. М., 1895 г. Ц. 2 р.

Фриманъ, Эдуардъ. Историческая географія Европы. Пер. подъ редакц. профес. И. К. Лучицкаго. Т. I. (текстъ). Т. II (карты). Цѣна 6 р. за оба тома. М., 1892 г.

— Методы изученія исторіи. Пер. П. Николаева. Ц. 2 р. М., 1893 г.

Фуллье, Альфонсъ. Исторія философіи. Пер. П. Николаева. М., 1894 г. Ц. 3 р.

Фулье Альфредъ. Декартъ. Пер. подъ редакціей профес. Грота. М., 1894 г. Ц. 80 коп.

— Отрывки изъ сочиненій великихъ философовъ. М., 1895 г. Ц. 3 р.

Фурнье, Альфредъ. Леченіе сифилиса. Переводъ Говсѣева. (изд. 2-е). Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.

Хвольсонъ, О. Докторъ физики. Популярныя лекціи объ электричествѣ и магнетизмѣ (2-е изд.). Спб., 1886 г.

Хиггинсонъ, Т. Здравый смыслъ и женскій вопросъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Христіановичъ, П. Опытъ устройства общеобразовательной школы съ цѣлью большей подготовки учащихся къ жизни. М., 1894 г. Ц. 40 к.

Художественная Россія. Т. I-й Спб. 1885 г. Изд. П. И. Полевого. Ц. вмѣсто 5 р.— 2 руб.

Цвѣтковъ, А. А. Новѣйшіе русскіе писатели (для старшихъ классовъ гимназій и домашняго чтенія), съ 27 портретами. Спб., 1883 г. Ц. 3 р.

— Электрическое освѣщеніе въ примѣненіяхъ къ жизни и военном искусству, (151 рис.). Спб., 1885 г. Ц. 2 р. 50 к.

— Курсъ государственной науки, ч. I. М., 1894 г. Ц. 3 р.

Цвѣтковъ, Н. Практическій курсъ русскаго правописаніе (согласованъ съ „Руководствомъ Я. Грота“). Ч. I и II. Ц. по 50 коп. Тула, 1895 г.

Цигенъ, Т. Физіологическая психологія. Спб., 1893 г. Ц. 75 к.

Цицеронъ. Рѣчь за царя Дейотара. Кіевъ, 1892 г. Ц. 40 к.

— Рѣчь противъ Верреса (о казняхъ). Ц. 60 к.

— Рѣчь за Архія. поэта 1891 г. Ц. 30 к.

— Рѣчь къ судьямъ за Т. Аннія Милона. 1892 г. Ц. 60 к.

— Первая филиппика противъ Марка-Антонія. Ц. 80 к.

— Вторая филиппика противъ Марка Антонія. Ц. 50 к.

— Рѣчь въ защиту Секста Росція Америйскаго. Ц. 60 к.

— Рѣчи противъ Катилины. Ц. 50 к. Рѣчь за Луція Мурену. Ц. 40 к. Рѣчь за Квинта Лигарія. Ц. 30 к.

— Рѣчь о назначеніи Гнея Помпея полководцемъ. Ц. 50 к.

— Тускуланскія бесѣды. Книга I. О презрѣніи къ смерти. Кіевъ, 1888 г. Ц. 60 к.

— Книги 2 и 3-я. О перенесеніи боли и объ утѣшеніи печали. 1889 г. Ц. 75 к.

— Книга 4-я. Объ остальныхъ душевныхъ волненіяхъ. Книга 5-я. О добродѣтели. 1889 г. Ц. за обѣ книги 75 к.

Частный починъ въ дѣлѣ народнаго образованія. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Чеховъ, Ант. П. Жена. Разсказъ. М., 1894 г. Ц. 25 к.

— Именины. Разсказъ. М., 1893 г. Ц. 20 коп.

— Палата № 6. Разсказъ. М., 1893 г. Ц. 35 коп.

— Въ сумеркахъ. Изд. 7-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

— Разсказы. Изд. 8-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

— Палата № 6. Изд. 3-е. Спб., 1893 г. Ц. 1 р.

— Каштанка. Изд. 3-е. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.

— Дуэль. Изд. 4-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.

Чиколевъ, Д. Руководство къ приготовленію и сжиганію фейерверковъ съ описаніемъ устройства электрическаго освѣщенія. М., 1884 г. Ц. 2 р.

Чичеринъ, Б. Н. Положительная философія и единство науки. М., 1892 г. Ц. 3 р.

— Основанія логики и метафизики. М., 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.

Чмыревъ, Н. Кобзарь Т. Г. Шевченка. М., 1874 г. Ц. 1 р.

Чукмасовъ, К. А. Практическое руководство по мыловаренію. М. 1893 г. Ц. 40 к.

Шараповъ. По русскимъ хозяйствамъ. М., 1893 г. Ц. 2 р.

Шаховъ, А. Очерки литературнаго движенія въ первую половину XIX вѣка. Лекціи по исторіи французской литературы, читанныя на высшихъ женскихъ курсахъ въ Москвѣ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Швейеръ-Лерхенфельдъ, А. Ф. Женщина. Ея жизнь, нравы и обществен. положеніе у всѣхъ народовъ земного шара. Переводъ съ нѣмец. Спб., 1892 г. Ц. въ роскошномъ переплетѣ съ 200 рисунк. 3 р. 75 к.
Шекспиръ. Драматическія сочиненія, въ пер. Кетчера, въ 9 част. Ц. первыхъ 8 част. по 1 р.; ц. 9 ч. 2 р. М., 1862 г.
Шелгуновъ, Н. В. Собраніе сочиненій въ двухъ т. Спб., 1891 г. Ц. за 2 т. 3 р.
Шелли. Сочиненія. Вып. I и II. Спб., 1894 г. (изд. 3-е). Цѣна кажд. вып. 50 коп.
Шенрокъ, В. И. Матеріалы для біографіи Гоголя. М., 1895 г. т. I ц. 2 р., т. II ц. 2 р., т. III ц. 3.
Шерръ, Іоганнъ. Шиллеръ и его время. М., 1875 г. Ц. 2 р. 50 к.
— Всеобщая исторія литературы. Т. I и II. Спб., 1879 г. Ц. 4 р.
Шервинскій, М. Образцы архитектурныхъ деталей (15 листовъ образцовъ). Спб., 1891 г. Цѣна 1 р. и атласъ 6 рублей.
Шиллеръ, Ф. Вильгельмъ Телль. Пер. Гомберга. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
— Заговоръ Фіеско въ Генуѣ. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.
— Орлеанская дѣва. Пер. Шереметевскій. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.
— Коварство и любовь. Пер. Гомберга. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.
— Разбойники. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
— Племянникъ-дядя. Пер. Гомберга. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.
Шильдбахъ. Дѣтская гимнастика. Изд. 2-е. Спб., 1887 г. Ц. 75 к.
Шимко. Патріаршій казенный приказъ. М., 1894 г. Ц. 1 р.
Шишкинъ, А. Н. Сельско-хозяйственная экономія. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
Шлоссеръ, Ф. К. Исторія XVIII столѣтія и XIX-го до паденія Французской имперіи. 8 томовъ. Спб., 1868 г. Ц. 10 р.
Шмейдлеръ. Желѣзно-дорожное дѣло. Спб., 1880 г. Ц. 1 р. 50 к.
Шмидтъ, Карлъ. Исторія педагогики, изложенная во всемірно-историческомъ развитіи и въ органической связи съ культурною жизнью народовъ. Пер. Э. Циммермана. Т. I, ц. 5 руб. М., 1890 г.; т. III, ц. 5 р. 50 к. М., 1880 г.; т. IV, двѣ части, цѣна имъ 7 р. М., 1881 г.
Шольцъ, Фридрихъ. Ненормальности дѣтскихъ характеровъ. Пер. съ нѣмецкаго Л. Л. Сченсновича. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
Шредеръ, Р. И. Хмѣль и его разведеніе въ Россіи и заграницей (изд. 4-е). Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
Штаркенбургъ. Горе отъ любви. Одесса, 1894 г. Ц. 50 к.
Шопенгауэръ, Артуръ. Лучи свѣта его философіи. Извлечено изъ его соч. Юліусомъ Фрауэнштедтомъ. М., 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.
Шперкъ, Ѳ. Система Спинозы. Спб., 1893 г.
Шредеръ, Р. И. Русскій огородъ, питомникъ и плодовой садъ. Спб., 1893 г. Ц. 2 руб. 50 к. (Изданіе 5-е).
Штолль, Г. В. Великіе греческіе писатели. Спб. 1880 г. Ц. 2 р.
— Миѳы классической древности. М., 1880 г. Ц. 2 р. 50 к.
— Герои Греціи въ войнѣ и мирѣ. Спб., 1879 г. Ц. 2 р.
— Великіе римскіе писатели. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.
— Герои Рима въ войнѣ и мирѣ. Спб. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к.
Шулинъ, Фридрихъ. Учебникъ исторіи римскаго права. Въ 2-хъ вып. М., 1893 г. Ц. 3 р. 50 к.
Шутце, Фр. Училищевѣдѣніе. Практическое ученіе о воспитаніи и обученіи для семинарій и учителей народныхъ школъ. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
Щ., Л. Неизбѣжное зло. Разсказъ. М., 1894 г. Ц. 20 к.
Щепкина, А. В. Родныя мѣста. Чтеніе для дѣтей. Изд. 2-е. М., 1882 г. Ц. 1 р.
Эйдамъ, Сохраненіе здоровья. (Общая гигіэна въ примѣненіи къ обыденной жизни). Спб., 1891 г. Ц. 40 к.
Элерсъ, Отто. Популярная политическая экономія. Одесса, 1895 г. Ц. 50 к.
Энгельгардтъ, А. Н. Фосфориты и сидерація. Спб., 1891 г. Ц. 2 р.
Энцлеръ, К. Уходъ за больными въ семьѣ. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.
Эртель, А. И. Двѣ пары. Повѣсть. М., 1894 г. Ц. 60 к.
— Записки степняка. Очерки и разсказы. I и II. Спб., 1883 г. Ц. 3 руб.
Эсмархъ. Первая помощь. Спб., 1890 г. Ц. 80 к.
Эспинасъ, А. Соціальная жизнь животныхъ. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к.
Южаковъ., С. Н. Афганистанъ и сопредѣльныя страны. Политико-историческій очеркъ. Спб., 1885 г. Ц. 1 р. 50 к.
Якимовъ, Н. М. Бѣдный Тунгатай. Разсказъ изъ жизни киргизскихъ дѣтей, для дѣтей младшаго возраста. Тифлисъ. 1894 г. Ц. 15 к.
Яковлевъ, Е. Французско-русскій карманный словарь. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
Янъ. Термохимія. Спб., 1893 г. Ц. 2 р.
Ѳедоровъ. Стихотворенія. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Cornelii Nepotis. Vitae excellentium imperatorum cum vita Catonis et Attici. Переводъ. Кіевъ, 1889 г. Ц. 75 к.
C. Julii. Caesaris commentarium de bel-

lo Gallico. Liber quintus. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
— Записки о Гальской войнѣ. Книга 1-я Кіевъ, 1890 г. Ц. 85 к.
— Книги 2, 3, 4, 5, 6 и 7 по 50 к.
Donjean, A. Офортъ. Руководство травленія крѣпкой водкой на мѣди, цинкѣ и стали. М., 1893 г. Ц. 75 к.
Häusser. Исторія реформаціи. М., 1882 г. Ц. 5 р.
Herodoti historiarum. Книга первая Кіевъ, 1893 г. Ц. 75 к.
— Книги 4, и 9. Ц. по 50 к.
— Книги 5, 6, 7 и 8. Ц. по 60 к.
Iordan, Dr. W. Руководство высшей геодезіи. М., 1881 г. Ц. 8 р.
Jul Parreidt. Зубы и уходъ за ними. Популярная гигіена зубовъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
Kercoff A. G. Cours gradué de langue française. Parties I, II. M., 1880 г. Ц. 1 р. 25 к. III и IV parties. M. 1892 г. Ц. 1 р. 25 коп.
Lehner, S. Клей и замазки. М., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
Lenhartz. H., проф. Микроскопическія и химическія изслѣдованія у постели больного. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
Moscou et ses environs, rues et monuments. Nouveau guide du voyageur. М., 1891 г. Ц. 40 к.
Mörius, Paul, Dr. Гигіена нервныхъ людей. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
Paul Julius Mocbius. Общая діагностика нервныхъ болѣзней. Пер. съ нѣмец. подъ ред. Минора. М., 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.
Tedeschi, V. Пища маленькихъ дѣтей. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
Sell, д-ръ. Спиртъ и его добываніе, свойства и примѣси. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.
Schamaus, Hans. Основы патологической анатоміи. М., 1895 г. Ц. 6 р. (199 рис. въ текстѣ).

Иностранныя книги, доставленныя книжнымъ магазиномъ Гросманъ и Кнебель въ Москвѣ.

Французскія дѣтскія книги.

Французскія азбуки:

L'Abc des **tout petits.** Couveture en couleurs. Av. 6 grav. col. *Цѣна 8 коп.*
L'Abc du **premier âge.** Couvert. en coul. Av. 24 grav. col. *Цѣна 30 коп.*
L'Alphabet **usuel.** Av. 24 grav par Adrien-Marie. *Цѣна 65 коп.*
L'Album **Alphabet.** Av. 27 illust. eu coul. et de nombreuses grav. en noir. *Цѣна 1 р. 25 к.*

—

Французскія книжки съ раскрашенными карт. для маленькихъ дѣтей.

Первая серія.

Цѣна по 5-ти коп.

6 gravures en couleurs et 8 pages de texte. Couverture en couleurs.
La Fête de **Jeanne,** ill. par Bouisset.
Le Mariage **de Toto,** ill. par Bouisset.
La Première **Poupée,** ill. par Bouisset.
Le Voyage **de Lucie,** ill. Godefray
Le Jardin **de Juliette,** ill. par Godefray.
La Semaine **de Noël,** ill. par Bouisset.
Le Bain de **Minet,** ill. par Godefray.
La petite **fermière,** ill. par Bouisset.
La petite **Ménagère** ill. par Bouisset.

—

Вторая серія.

Цѣна по 8-ми коп.

6 gravures en couleurs et 8 pages de texte. Couverture en couleurs.
Monsieur **Dumolet,** ill. par Vogel.
Mon père **m'a donné un mari,** ill par Bouisset.
Saint-Nicolas et Guilleri, ill. par Vogel.
Gribouille, ill. par Steinlen.

Il était une bergère, ill. par Bouisset.
Le Chevalier du Roi, ill. par Vogel.
M. de la Palisse, ill. par Chovin.
Malb'raugh, ill. par Clérice.
Cadet Rousselle, ill. par Faria.
La Mère Michel, ill. par Faria.
Le Roi Dagobert, ill. Chovin.
Abc des tous petits, ill. par Bouisset.
Le Renard et le Corbeau, ill. par Gélibest.
Sur le pont du nord, ill. par Bouisset

—

Третья серія.

Цѣна по 13-ти коп.

6 gravures en couleurs et 8 pages de texte. Couverture en couleurs.
Cendrillon, ill. par Grivaz.
Tome Pouce, ill. par Vogel.
Folle journée, ill. par Steinlen.
Barbe bleue, ill. par Vogel.
Pierrot, ill. par Jozet.
L'assaut du moulin, ill. par Tofani.
Le Chat botté, ill. par Myrbach.
Le prince Saphir, ill. par Gumery.
Riquet à la houppe, ill. par Vogel.

—

Четвертая серія.

Цѣна по 20 коп.

6 gravuresen couleurs et 8 pages de texte. Couvrture en couleurs.
Jean le Chanceux, ill. par Chovin.
La Semaine de Julie, ill. par Mar[illegible].
Guignol, ill. par Job.
Jean L'ours, ill. par Massé.
Paul dans la lune, ill. par Job.
oiseau bleu, d'apres M-me d'Aulnoy.
L'ili. par Clérice.

Sept d'un coup! D'après Grimm, ill. par Poirson.
Le Baron de Krack, ill. par. Chovin.

—

Пятая серія.
Цѣна по 40 коп.

16 pages mprimées en gros caractères sur papier fort. 8 gravures en couleurs. Couverture en carton souple avec or et couleurs.
Frère et soeur, ill. par Vogel.
Gargantua, ill. par Myrbach.
Petite Poucette, ill. par Job.
Don Quichotte, ill. par Myrbach.
Robinson Crusoé, ill. par Myrbach.

—

Шестая серія.
Цѣна по 65 коп.

16 pages imprimées en gros caractères sur papier fort. 8 gravures très fort. 7 gravures en couleurs. Couverture en carton souple avec or et couleurs.
Le dormeur éveillé, ill. par Chovin.
Les animaux domestiques, ill. par. Gambard.
Ali-Baba ou les 40 voleurs, ill. par. Myrbach.
Au Pays des fleurs, ill. par. Gambard.

—

Седьмая серія.
Цѣна по 1 руб.

Contenant vers 30 ill. en couleurs, cartonnage en couleurs.
Le voyage de M-lle Rosalie, ill. par T. Marie.
Bambins et bambines, ill. par Harding.

—

Восьмая серія.
Цѣна по 1 руб. 75 коп.

Les jardins de Paris. 32 ill. de Grigny Texte par Bonhomme.
La journée de Bébé. 32 illustrat. de Bouisset. Texte par Arnaud.
Album des enfants sages. Illust. par Harding.
Heureux âge, ill. par Harding.

—

Книги для чтенія для дѣтей отъ 5—8 лѣтъ.
Напечатанныя крупнымъ шрифтомъ съ многочисленными иллюстраціями въ текстѣ.
Цѣна каждаго тома безъ перепл. 40 коп. въ перепл. 65 коп.

Les histoires de tante Rose, par M-me de Bosguérard.
Mémoires de Cigarette, par Théo-Sritt.
Contes aux tout petits, par. P. Andriv au.
Bél ės en vacances, par M-me Gameau.
La chatte de M-lle Ilda, par M-me de I aloff.
Pet its amis, par M-me de Bosguérard.
Les Bonspoints de Bébé, par M-me de Sobol.
Mi onnettes, par M-me Noémi Balleyq r.

Scènes enfantines, par M-me de Bosguérard.
Le petit monde, par M-me A. de Wailly.
Moi et mes poupées, par M-me de Bosguérard.
L'histoire d'une troupe de marionnettes, par M A. de Bréville.
Aimé pour son bon coeur, par M-lle Eva Gatouil.
Les plage de Wimeraux, par Noéme Balleyguier.
Les enfants de cigarette, par Theodor Cahu.

—

Книги для дѣтей отъ 9—12 лѣтъ.
Bibliothèque blanche illustrée.
Каждый томъ въ переплетъ 1 руб.

Bertin, M. Les deux côtés du mur
Bignon. Un singulier petit omme.
Chewille, de. Histoire d'un trop bon chien.
Dickens Ch. L'Embranchement de Mugbiy.
Dumas, A. La Bouillie de la comtesse Berthe.
Durand, H. Histoire d'une bonne aiguille.
Feuillet (Octave). La vie de Polichinelle.
Lackroy, S. Les Fées de la famille.
Mayne-Reid. Les Exploits des jeunes Boërs.
Muller, Eugéne. Récits enfantins.
Musset, P. de. M. le Vent et M-me la Pluie.
Ourliac, E. Le Prince Coqueluche.
Perrault. Les Lunettes de Grand'Maman.
Sand, George. Gribouille.
Stahl. P.—J. Les Aventures de Tom Pouce.
" " Contes de la tante Judith.
Verne, Jules. Un Hivernage dans les glaces.

—

Книги для дѣтей отъ 10—13 лѣтъ.
Bibliothèque de l'éducation maternelle illustrée.
Каждый томъ безъ перепл. 1 р. 15 к., въ перепл. 1 р. 75 к.

Anfosti. Le secret de sir William.
" Jacques l'abandonné.
Balleygièr. Aux garennes.
" Les Rogimbot.
" M-lle Trimbalmouche.
Bellaigue. La vengeance d'un haut coeur.
Bonhomme. Récis de l'oncle Paul.
Boret. Histoire d'un garçon.
Carnoy. La nuit de Noël.
" Hans Mertens.
Dumont. Fables pour les petits.
Le Conte. Ce bon Loff.
Jane. Le 28 jours de Suzanne.
Le Roy. Le fils de l'amiral.
Mesureur. Voyage à la mer.
" Histoire d'un enfant de Paris.
Mirzel. Notre ami Polly.
Monceau. Mon petit frère.
" L'enfant des Vosges.
Paloff. Echos des vacances.
Quantin. Histoire de Germaine.
Sobol. Bouton d'or.

Verne. Aventures d'enfants.
Witt. L'hiver à la campagne.
» Les héros modestes.

—

Книги для дѣтей отъ 12—14 лѣтъ.

Bibliothèque de la famille. In 8⁰. illustrée.

Каждый томъ въ переплетъ 3 руб.

Carnoy. Les légendes de France, ill. par Zier.
Graffigny. Contes d'un vieux savant. Ill. par Nac.
Rochemont, Au pays des fées, ill. par. Mès
Cooper. Bas de cuir, arr. par Dubois, ill. en couleurs.
Mille et une nuits de la jeunesse Arr. par Dubois, ill. en couleurs.

Нѣмецкія дѣтскія книги.

Крупная печать, хорошая бумага, изящныя иллюстраціи.

Новая изящная коллекція съ раскрашенными картинками по англійскому способу.

отъ 25 коп. до 90 коп.

1. Serie à Band 25 kop.

Glückliche Reise. — Tromm, Tromm, Dremm.—Puck—Mein Miezi.—Nach Helgoland.— Mutter Glaus und ihre Lieblinge—Frau Mieze — Eichhörnchen. — Müller Klaus—Fürs Herzblättchen—Das Haus das Haus, baute—Der Kinderomnibus—Im Freien.

2. Serie à Band 30 kop.

Des Lieblings Bilderbuch — Kasperltheater.—Kätzchen zu Hause—Die En ten familie.—Tick-Tack für kleine Leute.

3. Serie à Band 45 kop.

Am Strande—Noahs Arche — Durch Flur und Hain—Ringel, Ringel, Rosenkranz—Puppen-Gesellschaft — Die wunderliche Kutsche.

4. Serie à Band 60 kop.

Feierstündchen — Von Nah und Fern.— Kleine und grosse Freunde – Allerlei Gesellschaft.

5. Serie à Band 90 kop.

Gute Bekannte—Laterna Magica—Lustiger Reigen—Lieblings Kurzweil—Comitshe clowns—Unsere Lieblingsthiere.

—

Нѣмецкія дѣтскія книги по удешевленнымъ цѣнамъ.

Sturm, J. Neues Fabelbuch. Mit. Jll. nach Originalzeichnungen von F. Flinzer cartonnirt statt 1 R. 20 K., nur 75 K.
Hey, Fabeln für Kinder. In Bildern gezeichnet von Otto Speckter (Original-Ausgabe des weltbekannten, klassischen Kinderbuches) 2 Bände („50 Fabeln" und „Noch 50 Fabeln") cartonirt zusammen statt 3 R. 60 K., nur 1 R. 50 K.
Scharz, 101 neue Fabeln. Mit Beiträgen von Bodenstedt. Lohmeyer. Sturm etc. Zahlreiche Illustrationen v. Flinzer. eleg. gebunden, statt 2 R. 50 K., nur 1 R. 50 K.
Biller, Im Reich der Heinzelmännchen oder Reiseabenteuer einer Puppe und eines Nussknackers. Mit vielen bunten Bildern, statt 3 R. 50 K, nur 1 R. 50 K.
Deutsche Jugend. Gediegenste, Auswal, von Bildern, Märchen, Reisegeschichten, Gedichten, Fabeln. statt 3 R. 50 K., nur 2 R.
Die Kinderlaube, Erzählungen, Märchen Schilderungen, Lebensbeschreibungen Gedichte etc. bearb. von. Th. Schäfer, (Dresden). Mit zahlreichen bunten Vollbidern und Textillustrationen. Jeder Band in 4⁰ (über 380 Seiten). In elegantem Leinenband. Bd 27, 28, 29. Jeder Band statt 3 R. 60 K., nur 2 R. 50 K.
Biller, E. Lieschens kluge Einfälle Häschens Reise durch die Stube. Mariele und die sieben Puppen. Wie es Fritzchen auf seiner Schwester Hochzeit ging. Mit vielen farbigen Illustrationen v. Kleinmichel. 4 kurze Geschichten in einem Bande gebunden, statt 2 R., nur 85 K.
Frey, A. Schweizersagen. Mit Holzchnitten nach Original-zeichnunden deutscher Künstler, cartonnirt. statt 1 R. 80 K., nur 1 R.
Lottka, Kinderträume. Mit zahlreichen prächtigen Illustrationen von Claudius, eleg. geb, statt 3 R., nur 1 R. 50 K.
Krüger, Märchen aus Heimat und Fremde. Mit 50 Original-Illustrationen, darunten 4 Buntdruckbilder, 246 Seiten) in eleganten Einband, statt 1 R. 50 K., nur 85 K.
Bern, M., Anthologie für die Kinderstube. Eine Auswahl der besten Ammenscherze, Spielverse, Puppengedichte, Räthsel, Fabeln, Neckmärchen Kindergebete altberkömmlichen Reime, sowie fier neusten Kinderlieder. Mit zahlreichen Illustrationen von Flinzer. Pletsch, Richter, Thumann und A. eleg. gebunden, statt 2 R. 50 K., nur 1 R. 50 K.
Kletke, Hermann. Die Kinderwelt. In Märchen und Liedern. Mit zahlreichen Holzschnitten nach Original zeichnungen deutscher Künstler Eleg. gebunden, statt 1 R. 80 K. nur R.
Strässle, Franz, Kleine illustrierte Naturgeschichte für die Jugend. sechste vermehrte und vielfach verbesserte Auflage Mit 179 Holzschnitten und 15 Tafeln Abbildungen in Farbendruck. Elegant gebunden, statt 3 R., nur 1 R. [illegible]0 K.

Нѣмецкія азбуки.

Eisenbahn A. B. mit vièlen [illegible] Aildern. 25 K.

Bilder A. B. C., oder der fleissige Leseschüler (mit bunten Bildern) cartonnirt. 25 K.
Das goldene A. B. C., für kleine fleissige A. B. C. Schützen (mit vielen bunten Bildern) cartonnirt. 30 K.
Haestors, A. Fibel oder der Schreib-Lese-Unterricht. 35 K.
Gureke, J. Schreib—und Lese Fibel. Mit Holzschnitten von Q. Speckter cartonnirt. 45 K.
Dietlen, R. Des Kindes erstes Lesebuch. Illustrirte Fibel mit farbigen Bildern. Auf Grundlage des mit dem Anschauungs unterrichte verbundenen ersten Sprech., Schreib, u. Lese-Unterrichtes bearb. für Schule und Haus, cartonnirt. 60 K.

Списокъ періодическихъ изданій, на которыя принимается подписка въ книжномъ магазинѣ журнала „Русская Мысль" В. М. Лаврова.

Русскія.

Афиши театральныя. Ц. съ достав. 5 р., на лучшей бумагѣ 10 р.
Биржевыя Вѣдомости. Газета биржи, финансовъ, торговли, политики и обществ. жизни. Ц. съ доставк. и перес. на 1-е изд. 15 р., на 1/2 г. 9 р., на 2-е изд. 4 р. въ годъ.
Будильникъ. Журналъ сатирическій съ каррикатурами. Москва. Еженедѣльно. Ц. съ пер. и дост. 10 р.; на 1/2 г. 6 р.
Варшавскій Дневникъ. Еженедѣльная газета. Ц. съ пер. и дост. 12 р., на 1/2 г. 6 р.
Вокругъ Свѣта. Еженед. иллюстр. журналъ 4 р. съ пер.
Волгарь. Ежеднев. газ. Н.-Новгородъ. Ц. 8 р.
Волжскій Вѣстникъ. Еженедѣльный журн. съ прилож. сборника научно-беллетристическаго содерж. Казань. Ц. съ пер. 7 р.
Волынь. Газета; 3 раза въ недѣлю. Житоміръ. Ц. съ дост. и пер. 5 р.
Воскресенье. Иллюстрированный еженедѣльный журналъ для народа. Ц. съ дост. и пер. 3 р.
Восточное Обозрѣніе. Литературно-политическая газета. Иркутскъ. Ц. съ пер. 6 р.
Восходъ. Ежемѣсячный журналъ съ приложеніемъ „Еженедѣльной хроники" Ц. съ дост. и пер. 10 р.; на 1/2 г. 6 р.
Всемірная Иллюстрація. Большой иллюстрированный журналъ. Выходитъ еженедѣльно съ ежемѣс. л.—н. прилож. „Трудъ". Ц. съ дост. 17 р. съ пер. 18 р.
Вѣдомости Спб. Градоначальства. Ц. съ дост. 5 р.; съ пер. 7 р.
Вѣстникъ Европы. Журналъ исторіи, политики и литературы. 12 нумер. въ годъ. Ц. 15 р. 50 к., съ дост. 16 р., съ пер. 17 р.
Вѣстникъ иностранной литературы. Ежемѣсячный журналъ. Ц. 4 р.
Вѣстникъ Кавказа. Газета ежедневная. Тифлисъ. Ц. съ пер. 10 р.
Гражданинъ. Ежедневная газета. Ц. 12 р. съ ежемѣс. прилож., съ дост. и пер. 15 р.
Донская Пчела. Газета; два раза въ недѣлю. Ростовъ-на-Дону. Ц. съ пер. и дост. 7 р.
Досугъ и Дѣло. Журналъ для солдатъ и народа. 6 выпуск. въ годъ. Ц. съ дост. и пер. 4 р.
Екатеринбургская Недѣля. Еженедѣльная газета. Екатеринбургъ. Ц. съ перес. 6 р.
Живописное Обозрѣніе. Иллюстрированный беллетристическій журналъ. Еженедѣльно, съ ежемѣсяч. литер. прилож. Ц. съ дост. и пер. 8 р., на велен. бум. 15 р.
Journal de St.-Pétersbourg. Ежедневная газета. Ц. съ дост. 18 р., съ пер. 22 р., 1/2 года: 10 р., съ пер. 12 р. 25 коп.
Journal d'Odessa. Ежедневная газета. Одесса. Ц. съ дост. и пер. 14 р.
Зодчій. Художественно - техническій журналъ ежемѣсячный. Ц. съ дост. 12 р., съ пер. 14 р.
Историческій Вѣстникъ. Ежемѣсячн. журн. Ц. съ дост. и пер. 10 р.
Кавказъ. Газета политич. и литерат. Ежедневно. Тифлисъ. Ц. съ дост. и пер. 13 р.
Кіевлянинъ. Газета юго-западнаго края. Ежедневно, выходитъ въ Кіевѣ. Ц. съ достав. и пер. 12 р., 1/2 г. 7 р.
Книговѣдѣніе. Цѣна съ дост. и перес. 6 руб.
Край („Kraj"). Ежемѣсячная политическая и общественная газета на польскомъ языкѣ. Ц. съ дост. 10 р., 1/2 г. 5 р., съ пер. 12 р., 1/2 г. 6 р.
Кронштадтскій Вѣстникъ. Морская газета. Ц. съ доставк. и перес. 8 руб.
Лучъ. Газета. Три раза въ недѣлю. Ц. съ дост. и пер. 6 р., съ приложеніемъ еженедѣльнаго журнала „Иллюстрированный Міръ". Безъ прилож. 3 р.

Московскія Вѣдомости. Газета политическая и литературная. Ц. съ дост. и пер. 17 р., $^1/_2$ г. 10 р. 50 к.

Moscauer deutsche Zeitung. 6 разъ въ недѣлю. Ц. съ дост. и перес. 10 р.

Московскій Листокъ. Ежедневная газета. Ц. съ дост. и пер. 10 р.

Наблюдатель. Литературно-политич. журналъ. Ц. съ дост. 13 р., съ перес. 14 р.

Недѣля. Еженедѣльная газета съ приложеніемъ ежемѣсячнаго „Журнала романовъ и повѣстей". Ц. съ пер. и дост. 9 р.

Нива. Иллюстрир. журналъ для семейнаго чтенія. 52 №№ въ годъ, съ ежем. литер. прилож. Ц. безъ дост. 5 р., съ дост. 6 р. 50 к., съ перес. 7 р.

Новое Время. Газета политическая и литературная. Ежедневно. Ц. съ дост. 16 р., съ перес. 17 р.; $^1/_2$ г. съ дост. 9 р., съ перес. 10 р.

Новороссійскій Телеграфъ. Газета политич., литер. и эконом. Ежедневно. Одесса. Ц. съ перес. и дост. 14 р.; $^1/_2$ г. 8 р.

Новости. Ежедневн. политич. и литератури. газета. I-е изд.: съ дост. 16 р., $^1/_2$ г. 9 р.; съ перес. 17 р., $^1/_2$ г. 10 р.— II-е изд.: съ дост. 9 р., $^1/_2$ г. 6 р.; съ перес. 10 р., $^1/_2$ г. 6 р.

Новости Дня. Ежедневная газета. М. Ц. съ перес. 10 р., $^1/_2$ г. 5 р. 50 к.

Новь. Иллюстрированный двухнедѣльн. вѣстникъ. Годовая подписная цѣна 14 р.

Нувеллистъ. Музыкальный журналъ, съ музыкально-литературнымъ прибавл. 12 книгъ въ годъ. Ц. съ дост. и перес. 6 р.

Осколки. Еженедѣльн. иллюстр. журн. Ц. съ дост. и перес. 9 р.

Петербургская Газета. Газета общественн. жизни и литерат. Ц. съ дост. 9 р., $^1/_2$ г. 5 р.; съ перес. 10 р., $^1/_2$ г. 6 р.

Петербургская Жизнь. Иллюстр. еженедѣльн. журналъ. Ц. 6 р. съ дост. и перес.

Петербургскій Листокъ. Газета общественной жизни и литерат.; ежедн. Ц. съ дост. 9 р., $^1/_2$ г. 5 р. 50 к.; съ перес. 10 р., $^1/_2$ г. 6 р.

Природа и люди. Журналъ путешествій. Еженедѣльно. Ц. 5 р.

Правительственн. Вѣстникъ. Ежедневная газета. Ц. съ дост. и пер. 12 р., $^1/_2$ г. 8 р.

Развѣдчикъ. Журналъ библіографическій и научно-литературный, отъ 20 до 40 №№ въ годъ. Ц. съ дост. и пер. 6 руб.

Развлеченіе. Журналъ литературн. и юмористич., съ политипажами. Выходитъ еженедѣльно. Ц. съ пер. и дост. 6 р.

Ребусъ. Еженедѣльно. Ц. съ дост. пер. 5 р.

Родина. Еженедѣльный иллюстрированный журналъ съ приложеніемъ романовъ. Ц. съ пер. 5 р. 60 к.

Русское Богатство. Ежемѣсячный журналъ. Ц. съ дост. и пер. 9 р.

Русскій Вѣстникъ. Журналъ литературный и политическій. 12 кн. въ годъ. Ц. съ дост. 16 руб., съ пер. 17 р.

Русскій Инвалидъ. Газета военная, ежедневная. Ц. съ дост. и пер. 9 р., вмѣстѣ съ „Военнымъ Сборникомъ" 13 р.

Русское Обозрѣніе. Ежемѣсячный литературно-политич. журналъ. М. Ц. съ пер. 15 р. 50 к.

Русскія Вѣдомости. Газета политическая. Ц. съ дост. и пер. 11 р., $^1/_2$ г. 6 р.

Русь. Газета политич. и литерат. Ежедневно. Ц. съ дост. и пер. 3 р., съ еженедѣльными и ежемѣсячными приложеніями; ц. 8 р.

С.-Петербургскія Вѣдомости. Газета политическая и литературная; выходитъ ежедневно. Ц. съ дост. 17 р., съ пер. 18 р.

St.-Petersb. Herold. Ежедневно. Политическая и литературная газета. Ц. съ дост. 13 р., съ пер. 14 р.; за 6 м. 7 р. 50 к. съ дост. и пер.

St.-Petersburg.Zeitung. Газета политическая, ежедневная. Ц. съ дост. 13 р., съ пер. 14 р.

Свѣтъ. Газета политическая и литературная. Ежедневно. Ц. съ дост. и пер. 4 р., съ приложеніемъ романовъ и повѣстей 8 р.

Сельскій Вѣстникъ. Еженедѣльная народная газета. Ц. съ дост. 2 р., съ пер. 2 р. 60 к.

Сенатскія Вѣдомости съ собраніемъ указовъ. Ц. съ дост. и пер. 9 р. 55 к.

Стрекоза. Художественно-юмористич. журналъ. Еженедѣльно. Ц. съ дост. 9 р., съ пер. 10 р.; $^1/_2$ г. 6 р.

Судебная Газета. Еженедѣльная газета. Ц. въ годъ 7 р.

Сѣверный Вѣстникъ. Литературно-научный и политическій журналъ. 12 №№ въ годъ. Ц. съ дост. 12 р. 50 к., съ пер. 13 р. 50 к.

Сѣверъ. Литературный иллюстрированный журналъ. 52 №№ въ год[illegible] Ц. съ дост. и пер. 7 р.

Сынъ Отечества. Газета полит[illegible]ч., ученая и литерат. Выходитъ ежедн[illegible]ю. Ц. съ дост. и пер. 8 р.

— Второе изданіе безъ приложен. 4 [illegible]

Тифлисскій Листокъ. Ежедн[illegible]ая газета. Ц. съ дост. и пер. 6 р.

Чтеніе для солдатъ. 6 кн[illegible] въ годъ. Ц. съ дост. и пер. 4 р.

Шахматы. Выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ Ц. 5 р.
Шутъ. Художественно-юмористическій журналъ каррикатуръ. Еженедѣльно. Ц. съ дост. и перес. 7 р., съ преміею 7 р. 65 к.

Польскія.

Atheneum. Pismo naukowe i literackie. Rocznie 12 zeszytów, rs. 12.
Biblioteka najcelniejszych utworow literatury europejskiej. 12 zeszytòw, rs. 6.
— romansów i powiesci. 52 numera, rs. 6 kop. 80.
— Warszawska. 12 zeszytów, rs. 10.
Biesiada literaska. Pismo literackie illustrowane. 52 num, rs. 6 z dodatkiem powieści, rs. 8.
Bluszez. Pismo tygodniowe illustr. dla kobiet. 52 num., rs. 10. Z dodatkicm mód kolorowanych i krojów. Wydanie II rs. 13; wydanie III rs. 16.
Czasopismo Techniczne, miesięczne Kraków. Rs. 6 kop. 80.
Echo Muzyczne i Teatralne. Tygodnik literasko-artystyczny, zawiera utwory zagranieznych i krajowych kompozytorów. Z bezpłatnym dwutygodniowym dodatkiem not, rs. 10.
Gazeta Handlowa, codziennie, rs. 11.
Gazeta Lekarska. 52 numera. rs. 6.
Gazeta Polska, dziennik polityczny, rs. 12.
Gazeta przemyslowo - rzemieslnicza, pismo tygodniewe, rs. 5 k. 20.
Gazeta Rolnicza, rs. 9. Z Kurjerem rolniczym, rs. 13.
Gazeta Sadowa Warszawska. 52 numera, rs. 8.
Gazeta Swiateczna. 52 numera, rs. 3.
Gazeta Warszawska codziennie, rs. 12.
Izraelita. Organ poświęcony sprawom religii i oświaty. 22 numera. rs. 8.
Kolce. Tygodnik humorystyczny, rs. 8.
Kosmos. Czasopismo polskiego Towarzystwaprzyrodnikówimienia„Kopernika". Lwów, 21 reszytów, rs. 6.
Kraj, tygodnikpolityczno-społeczny w Petersburgu, rs. 12.
Kronika Lekarska. Dwutygodnik naukowy, poświęcony przeglądowi postępów nauk lekarskich, rs. 6.
Kronika Rodzinna. 52 numera, rs. 5.
Kurjer Codzienny, dziennik.
Kurjer Poranny. Wychodzi rs. 8.
Kurjer Bolniczy. 52 numera, rs. 5
Kurjer Swiateczny. Wychodzi co niedziela i święta, rs. 4.
Kurjer Warszawski, dziennik, rs. 12.
Kwartalnik Historyczny. 4 numera, rs. 6.
Medycyna, Tygodnik lekarski, pod redakcya d-ra Benni, rs. 6.
Mucha. Tygodnik humorystyczny illustrowany, rs. 4.
Niwa. Dwutygodnik naukowy, literacki i artystyczny, rs. 9.
Ogrodnik Polski. Dwutygodnik illustrowany, rs. 8.
Prawda. Tygodnik polityczny, społeczny i literacki. Pod redakcyą Aleksandra Swiętochowsckiego. 6. rs. 10.
Przegląd tugodniowy życia społecznego, literatury i sztuk pięknych, rs. 10; z dodatkiem rs. 12.
Przyjaciel dzieci. Pismo tygodniowe, rs. 5.
Przyjaciel zwierząt domowych i pożytecznych. Miesięcznik, rs. 3.
Rola. Tygodnik poświęcony sprawom społecznym, ekonomicznym i literackim, rs. 8.
Rolnik. Czasopismo dla gospodarzy wiejskich (Lwów). Rocznie 24 numerów, rs 6.
Romans i Powiesc. 52 numera, rs. 4.
Słowo. Gazeta codzienna, rs. 12.
Sylwan piśmo poświęcone leśnictwu, rs. 5.
Tygodnik illustrowany, pośw. literaturze, nauce i sztukom pięknym, z tygodniowym dodatkiem powieści, rs. 12.
Tygodnik mód i powiesci. Z dodatkiem illustrowanych ubrań i robót kobiecych, rs. 5.
Tygodnik powiesci. Poznań, rs. 4.
Tygodnik Romansów i Powieści, rs. 4.
Wędrowiec. Pismo illustr., obejmujące podróże, rs. 8.
Wiadomosci farmaceutyczne (tylko rocznie), rs. 5.
Wieczory rodzinne. Czasopismo tygodniowe illustrowane dla dzieci, rs. 5.
Wiek, dziennik polityczny i społeczny. rs. 12.
Wszechswiat. Tygodnik popularny, poświęcony naukom przyrodniczym. Pod. redakcyą B. Znatowicza, rs. 10.
Zdrowie, miesięcznik poświęcony hygjenie, rs. 5.
Zorza. Pismo dla miast i wiosek. Rocznie 52 Nr., rs. 4.

Въ книжномъ магазинѣ журнала *Русская Мысль* В. М. ЛАВРОВА (Москва, уголъ Б. Никитской и Леонтьевскаго пер., д. № 2—24)

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ СОЧИНЕНІЯ

А. ЛУГОВОГО.

Томъ 1-й—572 стран. въ 8-ю долю листа. **Повѣсти и разсказы:** „Не судимъ Богъ!"—„Однимъ часомъ". — „На куриномъ насѣстѣ".—„За грозой — вёдро".—„Не отъ міра сего".—„Ольга Ярославна". — „Швейцаръ". **Драматическія произведенія:** „За золотымъ руномъ!" Сцены изъ похода современныхъ аргонавтовъ, въ 4-хъ дѣйствіяхъ.—„Озимь". Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. **Стихотворенія:** „Крымскіе пейзажи".—„Опять на Волгѣ!"—„Боръ".—„Русь".—„Въ майскую ночь".—„Жалко Гуса!" и друг.

Томъ 2-й. 526 стран. **Грани жизни.** Романъ въ 5-ти частяхъ.

Томъ 3-й—616 стран. **Повѣсти и разсказы:** „Pollice verso".—„Нѣсколько поцѣлуевъ".—„Тепломъ повѣяло".—„Счастливецъ".—„Исполнили".—„Простая случайность".—„Изъ поѣздки къ голодающимъ".—„Nocturne".—„Нервная ночь".—„Музыкантъ въ своемъ родѣ".—„Между двухъ смутныхъ идеаловъ".—„Альміроръ". **Стихотворенія:** „Сумасшедшее проклятіе".—„Taedium vitae".—„Credo... quia absurdum"—и друг.

ЦѢНА ПО 2 р. за каждый томъ отдѣльно. Пересылка по разстоянію.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ типографіи. М. М. Стасюлевича, С.-Петербургъ, Василевскій Островъ, 5-я линія, д. 28.

ВЫШЕЛЪ ВЪ СВѢТЪ IV ТОМЪ

КРИТИКО-БІОГРАФИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ

РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ И УЧЕНЫХЪ

(отъ начала русской образованности до нашихъ дней).

С. А. Венгерова.

Словарь состоитъ изъ краткихъ замѣтокъ о писателяхъ, отмѣчаемыхъ лишь ради полноты, или (если они наши современники) недостаточно еще опредѣлившихся, и изъ пространныхъ этюдовъ и монографій о писателяхъ, имѣющихъ литературное или ученое значеніе.

Кромѣ **А. С. Венгерова**, которому принадлежатъ статьи критическаго и историко-литературнаго характера, въ Словарѣ принимаютъ участіе спеціалисты по разнымъ отраслямъ знанія. Въ вышедшихъ 4 томахъ приняли участіе слѣдующія лица: проф. В. Н. Александренко, проф. П. П. Алексѣевъ, проф. Д. И. Багалѣй, ген.-лейт. П. О. Бобровскій, прив.-доц. В. В. Бобынинъ, проф. А. И Бодуэнъ-де-Куртенэ, А. К. Бороздинъ, В. Ѳ. Боцяновскій, Л. М. Брамсонъ, проф. Э. К. Брандтъ, А. И. Браудо, прив.-доц. С. К. Буличъ, Н. Ф. Бунаковъ, проф. Н. П. Вагнеръ, прив.-доц. Э. А. Вальтеръ, акад. В. Г. Васильевскій, акад. В. П. Васильевъ, В. В. Зинаида Венгерова, проф. Н. И. Веселовскій, П. П. фонъ-Винклеръ, В. В. Витковскій, проф. П. В. Владиміровъ, прив.-доц. Г. М. Герценштейнъ, проф. Н. Х. Гоби, прив.-доц. М. Ю. Гольдштейнъ, В. А. Гольцевъ, Л. О. Гордонъ, М. И. Городецкій, проф. И. М. Догель, проф. В. С. Иконниковъ, В. С. Карцовъ, проф. Н. И. Карѣевъ, проф. А. И. Кирпичниковъ, Максимъ Ковалевскій, проф. Н. О. Ковалевскій, Я. П. Колубковскій, проф. Д. А. Корсаковъ, проф. П. Ф. Лесгафтъ, проф. И. В. Лучицкій, А. І. Лященко, М. Н. Мазаевъ, М. М. Марголинъ, проф. М. А. Мензбиръ, М. О. Меньшиковъ, проф. Н. А. Меншуткинъ, проф. Ѳ. Г. Мищенко, проф. В. И. Модестовъ, С. А. Муромцевъ, проф. И. В. Мушкетовъ, прив.-доц. С. Ѳ. Ольденбургъ, проф. В. В. Пашутинъ, А. Н. Петровъ, проф. К. Н. Поссе, Э. Л. Радловъ, прив.-доц. П. Я. Розенбахъ, В. Е. Рудаковъ, Л. З. Слонимскій, Владиміръ Соловьевъ, В. Н. Сторожевъ, А. А. Титовъ, Н. М. Тупиковъ, А. М. Уманскій, проф. С И. Чирьевъ, проф. А. Штукенбергъ, проф. В. А. Яковлевъ, А. Е. Яновскій, А. В. Экземплярскій.

Словарь прежде выходилъ выпусками въ 3 печат. листа (48 страницъ). Теперь же выходитъ томами въ 30 печатныхъ листовъ (480 страницъ). Ц. 2 руб. 50 к. и 3 руб. съ пересылкою,

Цѣна вышедшихъ 4 томовъ 12 р. 50 к., съ пер. 14 р. Цѣна отдѣльныхъ томовъ: I т. (вып. 1—21) 5 р. 25 к., съ пер. 6 р. 30 к. II т. 2 р. 25 к., съ пер. 2 р. 70 к.; III т. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р. IV т. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Желающіе выписать „Критико-біографическій словарь" благоволятъ обращаться съ требованіями по адресу: *Семену Аѳанасьевичу Венгерову, С.-Петербургъ, Серпуховская, д. № 2.* Книги высылаются съ наложеніемъ платежа.